3 1761 08106698 7

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

НОЯБРЬ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892.

LIBRARY
DEC 10 1973
UNIVERSITY OF TORONTO

AP
50
R86
9.3
Nov.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЦВѢТОКЪ.

(Окончаніе.)

XI.

Карлъ Ивановичъ не могъ теперь нахвалиться Таней. Никогда еще она не была такъ послушна отцу, а съ барономъ держала себя почти даже привѣтливо. И Габлеръ сталъ повторять свои посѣщенія чаще прежняго. „Видно, за умъ взялась наконецъ",— мысленно повторялъ Карлъ Ивановичъ, самодовольно потирая себѣ руки. Конечно, онъ не отдавалъ себѣ отчета въ истинномъ настроеніи дочери. На самомъ дѣлѣ перемѣна въ ней происходила отъ того, что жизнь ей опостылѣла совсѣмъ, и на все она смотрѣла теперь съ тупымъ отчаяніемъ. Мысль о самоубійствѣ, никогда прежде не приходившая ей въ голову, сдѣлалась теперь ея любимымъ, ея послѣднимъ утѣшеніемъ. Ей было все равно, что бы съ ней не случилось. Съ Евгеніемъ вѣдь все было кончено, кончено навсегда. Таня не позволяла себѣ даже вспоминать о прошломъ. Это прошлое въ ея глазахъ было невозвратно погибшимъ. Еслибы Струйскій хоть сколько-нибудь ее любилъ, онъ бы нашелъ случай у нея вымолить прощеніе, постарался бы стереть память объ ихъ послѣднемъ свиданіи. Онъ бы не могъ, положимъ, вернуть прежнее ея довѣріе къ себѣ, но что-то подсказывало Танѣ, что ей стало бы легче, еслибъ онъ попытался это сдѣлать. У нея и теперь не было противъ него горькаго, озлобленнаго чувства, было одно только—полная, безнадежная пустота и полный мракъ впереди. Если его любовь, которой

она такъ слѣпо вѣрила, была въ сущности такою же, какъ отвратительная любовь Габлера, развѣ въ ея жизни еще оставалось что-нибудь чистое и нетронутое? Правда, два раза она получала отъ него письма полныя раскаянія, нѣжно и робко просившія ее дать ему случай оправдаться, встрѣтиться съ нимъ въ условленномъ мѣстѣ; но тонъ этихъ писемъ, въ которыхъ онъ старался умалить свою вину, явное непониманіе того, какъ глубоко, непоправимо она была оскорблена, не позволилъ ей на нихъ отвѣтить. Она долго и мучительно колебалась, но чувство собственнаго достоинства побороло въ ней другое затаенное чувство, готовое простить. Уничтожить его письма Таня однако не могла рѣшиться. Она часто принималась ихъ перечитывать, жадно отыскивая въ нихъ такой же правдивой, искренней любви, какою была и ея любовь къ нему, и всякій разъ она откладывала ихъ въ сторону съ новымъ разочарованіемъ на сердцѣ. И все-таки, хоть она и не пошла на свиданіе, котораго онъ просилъ, потомъ, въ слѣдующіе дни она бывала на знакомомъ мѣстѣ ихъ прежнихъ встрѣчъ въ смутномъ ожиданіи, что они случайно встрѣтятся опять и онъ подойдетъ къ ней смущенный и кающійся. Что̀ скажетъ она ему тогда, она хорошенько не знала; она чувствовала только, что гнѣвныхъ, непримиримыхъ словъ въ ея отвѣтѣ не будетъ. Но ей не довелось отвѣтить на его мольбы прощеніемъ. Прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ, а Струйскій ей не показывался на глаза; къ его прежней обидѣ присоединялась другая, худшая—доказательство его полнаго равнодушія.

Май уже наступилъ со своими прозрачными, тревожными ночами. Хмурый Петербургъ повеселѣлъ въ одеждѣ молодой зелени, хилой и болѣзненной, какъ сѣверная природа, но оттого, быть-можетъ, еще болѣе очаровательной, какъ молодость, подернутая дымкой грусти отъ ранней увѣренности въ близкомъ увяданіи. Но весна на этотъ разъ ничего не говорила Танѣ; на ясномъ майскомъ солнцѣ ей стало какъ-то еще тяжелѣе, еще глубже запало ей на сердце равнодушіе. И вотъ разъ отецъ объявилъ Танѣ, что на слѣдующій день баронъ хочетъ повезти ихъ за городъ въ своей коляскѣ, а потомъ, вернувшись, они отобѣдаютъ у него втроемъ. Таня выслушала это разсѣянно и не отвѣтила ничего. У нея прошла даже охота возмущаться и протестовать. Она не боялась барона, а негодовать перестала. И когда на другой день экипажъ Габлера, запряженный великолѣпною парой вороныхъ, подкатилъ къ воротамъ ихъ дома, она спокойно дала

себя усадить въ коляску и на привѣтствіе барона отвѣтила молчаливою, блѣдною улыбкой. Правда, немного удовольствія, должно-быть, принесло ея общество богатому Еврею, расточавшему ей преувеличенныя любезности и все время дѣлавшему усилія, чтобы казаться остроумнымъ. Въ отвѣтъ онъ получалъ лишь немногія, быстро оброненныя слова, но и этого было съ него довольно; онъ не сомнѣвался, должно-быть, въ своей будущей побѣдѣ, коль скоро эта строптивая дѣвушка согласилась усѣсться съ нимъ рядомъ и стать предметомъ скоромныхъ догадокъ встрѣчавшихся имъ людей. Ея уступка его долгимъ стараніямъ не была сдѣлана особенно привѣтливымъ образомъ, но кто знаетъ, думалъ онъ, эта упорная неподатливость, быть-можетъ, придастъ конечной развязкѣ тѣмъ бо́льшую прелесть.

А Таня не задумывалась надъ своимъ положеніемъ. Ее не встревожила бы даже встрѣча съ Евгеніемъ. Теперь, когда все было порвано, когда она узнала цѣну его любви, пусть думаетъ онъ объ ней, что̀ хочетъ; ей нечего беречь свое никому не нужное честное имя, а себя—это она знала вѣдь твердо—она не отдастъ никому и уйти отъ позора она сумѣетъ всегда вѣрною безповоротною дорогой.

Въ шестомъ часу коляска подкатила ихъ къ крыльцу большаго дома на Малой Морской. Таня знала, что это не былъ домъ барона, но ей и въ голову не пришло спросить, отчего онъ вздумалъ переѣхать на наемную квартиру. Не все ли ей было равно? Эта поѣздка и ожидавшій ее роскошный обѣдъ были для нея только длиннымъ рядомъ скучныхъ часовъ, и подчинилась она этому навязанному ей мнимому развлеченію оттого только, что для нея оставался лишь выборъ между впечатлѣніями одинаково тягостными.

Выйдя изъ коляски, она равнодушно послѣдовала за барономъ, поднимавшимся во второй этажъ. Квартира оказалась небольшою, но убранною роскошно, хотя и безъ вкуса. Ее не удивило и то, что богатый Еврей довольствуется этимъ тѣснымъ помѣщеніемъ, и все съ тѣмъ же безучастіемъ она прошлась съ нимъ по комнатамъ, разсѣянно слушая, какъ онъ хвастался стараніями разубрать ихъ. Яркіе цвѣта шелковой обивки мебели, тяжелыя золоченыя рамы зеркалъ, мягкіе ковры на полахъ—все это било въ глаза, стоило очень дорого и носило отпечатокъ какой-то тяжелой неуклюжести. Но баронъ не обидѣлся на ея равнодушіе, онъ не допускалъ и мысли, чтобы бѣдная дѣвушка, вилавшая

до сихъ поръ одну нищету отцовскаго жилья, да размалеванныя кулисы театра, могла не одобрить его щедрыхъ затѣй. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что поразилъ ее своимъ великолѣпіемъ, что у нея глаза разбѣгаются отъ восхищенія. И когда былъ поданъ обѣдъ и безукоризненно приличный слуга сталъ разносить дорогія кушанья и вина, самодовольный взглядъ барона не разъ останавливался на личикѣ Тани. Предъ ея приборомъ стоялъ небольшой букетъ изъ ландышей, обхваченный золотымъ обручемъ съ тремя жемчужинами.

„Видите, какъ все у меня на широкую ногу", казалось говорили выпученные глаза Еврея. Таня молча взяла букетъ, уронивъ предварительно на столъ дорогой обручъ, но и это ему показалось лишь одною изъ ея обычныхъ причудъ, которыя онъ перетолковывалъ въ смыслѣ утонченнаго кокетства. А въ искрившихся глазахъ Карла Ивановича, такъ и перебѣгавшихъ съ барона на дочь, читался такой неподдѣльный восторгъ, что тароватый хозяинъ имѣлъ нѣкоторое основаніе разсчитывать на успѣхъ. Когда подъ конецъ обѣда подали шампанское, онъ сталъ усердно подчивать Таню, предлагая одинъ за другимъ нѣсколько кудреватыхъ тостовъ. А Таня лишь изрѣдка отхлебывала отъ своего бокала, вызывая этимъ шутливые упреки барона. Самъ онъ пилъ довольно много и, должно-быть, подъ вліяніемъ вина окончательно утвердился въ своемъ побѣдномъ настроеніи, только глаза его все самоувѣреннѣе улыбались дѣвушкѣ и тяжеловатая соль его шутокъ становилась все болѣе скоромною.

Послѣ обѣда кофе былъ поданъ въ небольшой гостиной, биткомъ набитой причудливою мебелью, ярко золоченою бронзой и фарфоровыми бездѣлушками. Чтобы скоротать время, Таня стала перелистывать какой-то альбомъ въ роскошномъ переплетѣ. Она едва слышала, что̀ говорилъ ей баронъ наклонясь надъ ея ухомъ: но вотъ совсѣмъ ясно донеслись до нея громко произнесенныя слова:—„Вамъ сто́итъ захотѣть, и все это принадлежитъ вамъ, въ томъ числѣ и лакей, прислуживавшій за столомъ, и коляска, въ которой мы ѣздили, ну и лошади тоже конечно... Вы замѣтили, лошади не дурны. Я ихъ купилъ за 1.200..."

Она взглянула на него, какъ бы не понимая.

— Что̀ вы хотите сказать? Какъ все можетъ принадлежать мнѣ? Да вѣдь это ваша собственная квартира?

— Моя? О нѣтъ! Я живу вѣдь въ собственномъ домѣ. Да развѣ вы не знаете? Это вѣдь цѣлый дворецъ, и я, конечно,

былъ бы очень радъ его раздѣлить съ вами, но вы понимаете... приличія...

Она все-таки понимала только смутно. Онъ нагнулся къ ней еще ближе и заговорилъ уже почти шепотомъ. Она чувствовала на своемъ лицѣ его воспаленное, тяжелое дыханіе, отзывавшее виномъ.

— Мой дружокъ, я думаю вамъ и здѣсь будетъ очень хорошо? Особенно послѣ квартиры вашего батюшки... Хе, хе, хе! Я все это нарочно устроилъ для васъ... Если вы только хотите быть милою со мной, говоря это онъ взялъ ее за руку, — да вы непремѣнно захотите; я вѣдь вижу, что вы совсѣмъ не такая сердитая, какъ кажетесь.

Она вспыхнула вся и мигомъ встала.

— Что̀ вы за вздоръ говорите, какъ вамъ не стыдно! Да впрочемъ... вы, кажется, стыдиться давно разучились.

Она повела плечами и оглянулась.

— Папа!.. Да гдѣ же мой отецъ? Папа, уйдемъ.

Она теперь только замѣтила, что отца ея не было въ комнатѣ.

— Да гдѣ же онъ? Зачѣмъ его нѣтъ? испуганно спросила Таня, безсознательно ища у него защиты.

— Вашъ батюшка ушелъ; мы здѣсь одни, странно ухмыляясь проговорилъ баронъ. — Онъ зналъ вѣдь, что вы здѣсь останетесь... Ну полно, Таня, не дѣлайте такой кислой мины. Пора вамъ бросить эту комедію. Подурачились и будетъ.

Она отскочила отъ него назадъ, прямо и смѣло всматриваясь въ его раскраснѣвшееся лицо, донельзя откровенно говорившее ей о рѣшимости овладѣть ею во что̀ бы то ни стало.

— Таня, ангелъ мой! твердилъ онъ, улыбаясь своими бычачьими глазами.

Она вспомнила недавнюю сцену въ ложѣ, и ее мгновенно поразилъ рѣзкій контрастъ между ея тогдашними ощущеніями и теперешними. Она была оскорблена тогда, это правда, но возмущавшія ее слова Евгенія все-таки звучали для нея искушеніемъ, противъ котораго ей приходилось бороться, а теперь — о, теперь было одно только — гадливая ненависть, какую возбуждалъ въ ней этотъ смѣшной, отвратительный человѣкъ, съ его назойливою, грубою любовью.

— Я ни минуты здѣсь не останусь, пустите меня!

Она ринулась впередъ, но онъ преграждалъ ей дорогу, смѣясь всѣмъ своимъ разгоряченнымъ, заплывшимъ лицомъ, и сквозь этотъ смѣхъ просвѣчивало что-то иное, животное и злобное.

— Потише, мой ангелъ, потише! Не давайте себѣ напраснаго труда, я васъ не выпущу отсюда.

— Не выпустите, вы? Вы смѣете!..

И тѣни робости не было въ ея глазахъ, горѣвшихъ смѣлою ненавистью. Онъ попробовалъ остановить ее, стиснулъ ея руки въ своихъ. Она какъ-то выросла предъ нимъ, и уже не бѣдная, неопытная дѣвочка, а женщина страстная и рѣшительная, женщина на все готовая, чтобы спасти свою честь, стояла предъ нимъ, пронизывая его своимъ пламеннымъ взглядомъ.

— Вы думаете меня не пустить, взять меня силой. Попробуйте!

Она стремительно, безумно рванулась прочь, отталкивая его отъ себя, и хотя небольшаго труда ему стоило бы ее удержать въ послѣднюю минуту, у него смѣлости на то не хватило. Многочисленные успѣхи съ женщинами не побѣдили въ немъ трусливой боязни предъ всѣмъ, что̀ могло отзываться уголовною отвѣтственностью.

Таня стремительно выбѣжала изъ комнаты, смутно разслышавъ, какъ онъ пустилъ ей вслѣдъ какое-то бранное слово. Не обращая вниманія на изумленное лицо лакея, дожидавшагося въ передней, она вырвала у него изъ рукъ свои вещи, которыя тотъ услужливо собирался ей подать. Потомъ она стремглавъ бросилась съ лѣстницы, и степенный швейцаръ, отворяя ей выходную дверь, неодобрительно покачалъ головой. Онъ не могъ сообразить, какъ это та самая барышня, которая должна была занимать вновь отдѣланную квартиру въ бельэтажѣ, выбѣгаетъ оттуда какъ сумасшедшая.

Таня сдѣлала нѣсколько шаговъ по тротуару и обернулась. Погони не было никакой; она могла вздохнуть свободно. Тихій майскій вечеръ ласково и мирно спускался на городъ, придавая всему особенно мягкія, какъ бы тающія, очертанія. Улица была полна веселаго движенія и что-то праздничное словно было на самыхъ лицахъ прохожихъ.

Это охватившее вдругъ Таню ощущеніе какой-то общей радости и самая эта нѣга теплаго, прозрачнаго майскаго вечера заставили ее очнуться. Куда ей было идти? Вопросъ этотъ разомъ предсталъ предъ ней во всей своей грозной неразрѣшимости. Въ первую минуту, когда она спасалась изъ устроенной ей западни, въ ней говорило одно чувство самосохраненія; но теперь, когда миновала опасность, мысль о будущемъ, о непосредственной, ближайшей минутѣ выросла предъ нею мрачною

и непроходимою стѣной. Куда ей въ самомъ дѣлѣ идти? Домой, къ отцу, она не вернется теперь ни за что... За мѣсяцъ предъ тѣмъ, когда она была въ театрѣ съ Евгеніемъ и бѣжала оттуда испуганная взрывомъ его страсти, родная семья еще казалась ей убѣжищемъ. Давно она перестала уважать отца, не разъ его двусмысленныя рѣчи вызывали негодующую краску на ея лицѣ, но все еще она не переставала видѣть въ немъ близкаго человѣка, послѣднюю, хоть и жалкую, опору, и непобѣдимое родственное чувство все еще таилось въ ея бѣдномъ сердцѣ, рано пріучившемся переносить оскорбленія. Теперь .. теперь было уже совсѣмъ иное. Случилось нѣчто ужасное, не дозволявшее ей вернуться подъ кровъ ея дѣтства. Отецъ только-что отдалъ ее въ руки человѣка, пытавшагося купить ея любовь; онъ торговалъ ея свободой, ея честью, и воспоминаніе о томъ, что сдѣлалъ съ нею отецъ въ этотъ день, навсегда какъ позорное клеймо будетъ горѣть въ ея душѣ; чувство горестнаго отвращенія къ такому поступку отца не остынетъ до конца ея жизни. Видѣть его, жить съ нимъ стало невозможнымъ. Но, странное дѣло, среди этого сознанія полной безвыходности, полнаго одиночества, давно лелѣемая ею мысль о самоубійствѣ не пришла къ ней, какъ послѣднее утѣшеніе. Майскій ли вечеръ вливалъ въ нее свою отраду, или совершенное надъ нею зло вызывало у нея строптивый отпоръ, но Танѣ какъ разъ теперь захотѣлось жить среди полнаго крушенія жизни. Она чувствовала словно что порвались вдругъ всѣ ея обязанности и къ людямъ и къ самому Богу, что жить ей можно уже для себя одной, не давая никому отчета. Ей страстно захотѣлось личнаго счастья, не признающаго долга ни предъ кѣмъ, захотѣлось упиться до безумія радостями жизни, которыми дышала вокругъ нея эта надвигавшаяся весенняя ночь. Беречь себя ей было уже не для кого. Ея честь, ея бѣдную, никому ненужную честь, отецъ хотѣлъ отдать за деньги... Въ сердцѣ Тани какой-то переломъ совершился; что-то возмущенное, озлобленное поднялось въ немъ, вызывая въ ней рѣшимость навсегда разорвать со своимъ прошлымъ.

И вдругъ она сказала себѣ отчетливо, куда ей идти. Она вспомнила о Струйскомъ и разомъ поняла, что никогда не переставала любить его, что пустымъ самообольщеніемъ была ея прежняя рѣшимость его забыть. Совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ стоялъ предъ ней и онъ самъ и его недавній поступокъ. То, что

возмущало ее, казалось ей грубымъ оскорбленіемъ, воскресло въ ея памяти, не вызывая уже никакого болѣзненнаго ощущенія. Развѣ можно было сравнить любовь Евгенія съ отвратительною любовью какого-нибудь Габлера! Теперь она бы не задумываясь кинулась въ его объятія и всѣмъ существомъ отдалась бы ему, жмуря глаза предъ тѣмъ, что̀ могло бы ожидать ее въ будущемъ. И не правда, не правда, что Евгеній могъ позабыть ее. Она лгала передъ собой, перетолковывая смыслъ его писемъ въ угоду какому-то нелѣпому чувству оскорбленнаго достоинства. Въ этихъ письмахъ,—она понимала это теперь,—была настоящая, неподдѣльная любовь. О какъ бы дорого она дала, чтобы вернуться къ той минутѣ, когда она вся млѣющая и стыдящаяся замирала подъ его первымъ поцѣлуемъ! Зачѣмъ она тогда, какъ глупая дѣвочка, бросилась отъ него бѣжать, точно было что-то зачумленное въ его ласкахъ...

Таня уже давно шла по направленію къ дому, гдѣ жилъ Евгеній. Она не задумывалась какъ спросить объ немъ въ такой поздній часъ, что она можетъ, пожалуй, не застать его дома. Когда раскрылась предъ нею входная дверь и она увидѣла внушительную фигура тучнаго швейцара, грубовато спросившаго, что̀ ей надо, Таня, однако, смутилась. Сознаніе дѣйствительности, возможности наткнуться на мать Струйскаго, сказалось ей, и робкимъ дрожащимъ голосомъ она спросила:

— Здѣсь ли живетъ Евгеній Борисовичъ?

— Къ нимъ особый ходъ; здѣсь, подъ воротами, отвѣтилъ швейцаръ, двусмысленно осматривая Таню съ ногъ до головы.— Они живутъ въ первомъ этажѣ.

Кровь бросилась въ лицо дѣвушкѣ и, когда она вышла изъ подъѣзда, на минуту она поколебалась. Стыдъ громко заговорилъ въ ней. Ее очевидно принимали за какую-то потерянную женщину, но взглядъ, брошенный въ окна квартиры Струйскаго, убѣдилъ ее, что Евгеній дома — въ окнахъ свѣтился огонь; черезъ нѣсколько мгновеній она увидитъ его, услышитъ его голосъ... Таня поборола свое смущеніе, вошла въ ворота и позвонила.

XII.

Евгеній отворилъ ей самъ. Первымъ его ощущеніемъ была изумленная необузданная радость. Онъ былъ увѣренъ, что уже никогда не увидаетъ ему ея милаго лица. И вотъ она сама тутъ

предъ нимъ, онъ смотритъ ей прямо въ смущенное лицо, крѣпко жметъ ея трепещущія руки.

— Таня, милая... безсвязно лепетали его губы, — вы, сталобыть, простили, простили, наконецъ. Вы опять та же, что прежде?

Таня не отвѣчала ни слова. Евгеній чувствовалъ, какъ вся она дрожала отъ прикосновенія его рукъ, точно пойманная птичка. Онъ понялъ, всмотрѣвшись въ ея лицо, что привести ее сюда къ нему могло развѣ одно только полное безвыходное горе, и онъ устыдился перваго взрыва своего торжествующаго счастья.

— Бѣдная моя, бѣдная, нѣжнымъ шепотомъ говорилъ онъ ей,—много вы, вѣроятно очень много выстрадали за это время? Разскажите мнѣ все, все...

И хоть наклонился онъ къ ней совсѣмъ близко, помогая ей скинуть свои вещи, и губы его такъ и тянуло прильнуть къ ея блѣдному личику, онъ устоялъ противъ искушенія, какъ бы боясь посягнуть на святость ея молодаго дѣвическаго горя. Бережно онъ повлекъ ее за собой въ кабинетъ, гдѣ на рабочемъ столѣ горѣла лампа, а черезъ окна сквозилъ блѣдный полусвѣтъ майской ночи. Неожиданный приходъ дѣвушки засталъ Евгенія за скучною оффиціальною работой, которой онъ намѣревался посвятить весь вечеръ. Исписанные листы бумаги снова напомнили ему про это, и радостный лучъ опять блеснулъ у него въ глазахъ, когда онъ усаживалъ Таню на широкій турецкій диванъ. Она повиновалась ему почти безотчетно, и теперь только къ ней вернулось самосознаніе. Бѣглымъ, слегка испуганнымъ взглядомъ она оглянула комнату, точно задавая ей какой-то нѣмой вопросъ насчетъ ея хозяина. Кабинетъ Евгенія былъ убранъ очень скромно: большой орѣховой книжный шкапъ, письменный столъ, весь покрытый тетрадями въ синихъ обертках, диванъ, постланный тахтой, нѣсколько креселъ, разставленныхъ въ безпорядкѣ, да три, четыре портрета на стѣнахъ. Екатерина Алексѣевна, хоть и души не чаяла въ сынѣ, роскошью его не баловала, строго придерживаясь довольно-таки напускныхъ спартанскихъ правилъ. На Таню эта незатѣйливая сухая обстановка произвела, однако, почему-то самое хорошее впечатлѣніе: чѣмъ-то почти семейнымъ, внушающимъ къ себѣ довѣріе повѣяло на нее отъ этой простоты. И мягкій свѣтъ лампы точно ласкалъ ее своимъ робкимъ мерцаніемъ, точно привѣтствовалъ ее, такъ нежданно пришедшую искать себѣ убѣжища въ этой строгой комнатѣ. Таня пріободрилась, и въ отвѣтъ на слова молодаго

человѣка улыбка понемногу освѣщала ея поникшее лицо. Она будто теперь только разслышала ясно, что̀ онъ ей говорилъ.

— Я больше къ своимъ не вернусь, Евгеній Борисовичъ, сказала она, устремляя на него широко-раскрытые, откровенные глаза,—я пришла къ вамъ, потому что кромѣ васъ у меня никого нѣтъ на свѣтѣ.

Она была вся его, отдавалась ему безраздѣльно, но ему и въ голову не приходило воспользоваться своею властью надъ нею. Онъ говорилъ ей слова любви и утѣшенія, нѣжно гладилъ рукой ея сбившіеся волосы, цѣловалъ ея блѣдныя руки, но къ этимъ ласкамъ не примѣшивалось никакихъ нечистыхъ пожеланій. Здѣсь у него, въ своей безпомощной довѣрчивости, она была дальше отъ опасностей, чѣмъ гдѣ-либо. Евгеній даже не говорилъ себѣ, что было бы постыдно злоупотреблять этою довѣрчивостью, онъ просто былъ далекъ отъ всякаго нецѣломудреннаго помысла. И когда Таня сказала ему, что̀ случилось нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, одна жалость, безконечная жалость къ ней заговорила въ его сердцѣ.

— И вотъ, стало-быть, отчего вы ко мнѣ пришли, Таня? съ грустною улыбкой отозвался онъ на ея разсказъ, сознавая, что иначе она бы не пришла ни за что̀.

— А что̀ вы думали обо мнѣ раньше, прежде этого, скажите? продолжалъ онъ.—Неужели вамъ казалось, что я позабылъ васъ? Вѣдь я писалъ къ вамъ два раза, помните?

— Я... не знаю, могли только проронить ея губы, и глаза ея отвернулись отъ его пытливаго взгляда.

— Сознайтесь, что вы, вы сами разлюбили меня,—иначе вы не оставили бы моихъ писемъ безъ отвѣта.

Она быстро вскинула на него глаза и отвернула ихъ вновь. Въ этомъ короткомъ взглядѣ онъ успѣлъ прочесть и упрекъ себѣ, и признаніе, какъ тяжело ей было усомниться въ его любви.

— Таня, Таня, какъ могли вы... какъ могла ты это думать?! Коли мои письма показались тебѣ холодными, неужели ты не поняла, что я стыдился своего поведенія, не рѣшался писать, какъ хотѣлъ бы?.. Ну да что̀ вспоминать про все это прошлое... оно прошло и не вернется болѣе... Мы опять вмѣстѣ, навсегда вмѣстѣ и вѣчно будемъ любить другъ друга. Не правда ли, Таня, милая, дружокъ?

Въ эту минуту, конечно, ни Евгеній, ни въ особенности Таня

не сознавали отчетливо, что̀ ожидало ихъ впереди. Въ ней слишкомъ убита была всякая надежда на счастье, всякая мысль о будущемъ, а онъ могъ лишь отдаваться своей безотчетной радости. Никакихъ опредѣленныхъ плановъ у нихъ не складывалось, даже о завтрашнемъ днѣ они не въ состояніи были загадывать. Имъ обоимъ казалось, что неопредѣленно будетъ длиться эта блаженная минута покоя и забытія, какъ спасшійся отъ крушенія на морѣ охотно довѣряется затишью послѣ бури...

Первымъ очнулся, разумѣется, Евгеній. Онъ вспомнилъ какъ-то разомъ вдругъ, что надо принять рѣшеніе и принять немедленно. Не можетъ вѣдь Таня оставаться у него! Къ счастью, Екатерина Алексѣевна въ этотъ вечеръ поѣхала въ гости, но она можетъ вернуться каждую минуту, а что̀, если она узнаетъ? И не видалъ ли Таню кто-нибудь изъ прислуги?

Онъ спросилъ ее объ этомъ и когда услышалъ, что Таня заходила сперва на главный подъѣздъ, имъ тотчасъ овладѣло безпокойство. Надо какъ-нибудь все это скрыть, отвести глаза подозрительнымъ болтливымъ лакеямъ.

— Таня, что̀ же мы будемъ дѣлать теперь? спросилъ онъ ласково, стараясь не дать ей замѣтить овладѣвшую имъ тревогу.

— Я ждала, просто отвѣтила дѣвушка,—чтобы вы мнѣ сказали объ этомъ... вы опытнѣе меня, а я вамъ довѣрилась.

Ему послышалось что-то въ родѣ упрека въ ея словахъ, оттого, должно-быть, что онъ самъ упрекалъ себя за свои малодушныя опасенія. Но онъ отвѣтилъ Танѣ все съ тою же ласковою улыбкой, въ которой никто бы не прочелъ его внутренняго безпокойства.

— Я вамъ и скажу, Таня, сейчасъ скажу. У меня рѣшеніе готово, надо только, чтобы вы согласились.

Рѣшеніе его въ самомъ дѣлѣ уже сложилось. Таня не можетъ у него оставаться, это вопервыхъ. А вовторыхъ, надо поторопиться ей пріискать иное помѣщеніе, такъ какъ шелъ уже одиннадцатый часъ. Онъ предложилъ ей тотчасъ поѣхать съ ней въ гостиницу; тамъ онъ ее пристроитъ, пока не отыщетъ для нея чего-нибудь лучше.

— Я уже сказала вамъ, былъ ея спокойный отвѣтъ,—что пойду за вами, куда бы вы ни захотѣли меня повести.

— Я васъ никогда, ни за что не оставлю, Таня, сказалъ онъ съ искреннимъ волненіемъ въ голосѣ, — даю вамъ честное слово.

Теперь только онъ нагнулся къ ней и, пожимая ей руки, поцѣловалъ ее въ лобъ. Но и это былъ почти отеческій, совершенно безгрѣшный поцѣлуй. Они поспѣшно вышли на улицу и никто, кому бы они ни попались навстрѣчу, не призналъ бы въ нихъ влюбленныхъ. Личико Тани смотрѣло какъ-то необыкновенно строго, а Евгеній то и дѣло озирался, боясь, какъ бы не попалась имъ навстрѣчу карета матери. Онъ мысленно проклиналъ свѣтлую майскую ночь, точно сторожившую ихъ своими недремлющими очами. Какъ на зло извощикъ имъ долго не попадался, и молча, торопливыми шагами они шли по опустѣлой улицѣ.

Въ меблированныя комнаты Евгеній не поѣхалъ, такъ какъ онъ рѣшительно не зналъ, гдѣ найти приличное помѣщеніе для Тани. Ни въ одну изъ главныхъ гостиницъ онъ тоже не захотѣлъ отправиться изъ опасенія встрѣтить знакомыхъ. Онъ припомнилъ одну небольшую, скромную гостиницу, кстати въ самомъ центрѣ города, куда ему разъ довелось зайти. Все тамъ глядѣло почтенно, и прислуга, и старикъ швейцаръ, и сама меблировка тоже очень старая. Танѣ отвели хорошенькую уютную комнату въ третьемъ этажѣ, комнату до того тихую, что казалось сюда и не заглядывала уличная жизнь и людская молва.

— Вамъ здѣсь, я думаю, хорошо будетъ, мой дружокъ, сказалъ онъ, усаживая ее на диванъ,—тѣмъ болѣе, что это очень не надолго. Завтра же я вамъ пріищу что-нибудь болѣе подходящее. А теперь пока заботы въ сторону, напьемтесь-ка чаю вмѣстѣ и давайте болтать по-старинному!

Евгеній спросилъ чаю и раскрылъ настежь оба окна. Свѣжимъ ночнымъ воздухомъ пахнуло въ затхлую атмосферу комнаты. Зажгли свѣчи, подали самоваръ съ чайнымъ приборомъ, и Таня вдругъ почувствовала себя какъ-то уютно, словно у пристани, хоть это была лишь временная, ненадежная пристань. Разсѣялось понемногу томившее ее горестное чувство, не такъ уже безучастнымъ оставалось ея личико къ стараніямъ Евгенія ее развеселить. Даже румянецъ какъ-то заигралъ на этомъ личикѣ, да раза два молодыя искорки показались въ ея глазахъ. Когда Евгеній, шутя и смѣясь, принялся разливать чай, не

переставая обращаться съ ней, какъ съ безпомощнымъ ребенкомъ, ей вдругъ какъ-то весело и хорошо сдѣлалось отъ самаго этого чувства безпомощности, отъ того, что она такая маленькая и слабенькая и онъ заботится объ ней, какъ старшій.

И съ Евгеніемъ тоже перемѣна случилась. Стóило ему снова услыхать въ ея голосѣ прежнія серебристыя нотки, услыхать, какъ засмѣялась она въ отвѣтъ на его рѣчи своимъ милымъ полудѣтскимъ смѣхомъ, и Таня снова для него сдѣлалась тѣмъ прелестнымъ, обворожительнымъ существомъ, близость котораго такъ горячо волновала его кровь. Онъ смотрѣлъ на нее уже инымъ, не отеческимъ, не жалостнымъ взглядомъ. Жадные огоньки бѣгали въ его глазахъ, когда онъ наклонялся къ ней и голова понемногу закружилась отъ овладѣвшей имъ вдругъ задорной мечты о безграничномъ, опьяняющемъ счастьѣ.

Было уже далеко за полночь, когда онъ всталъ и простился. Но долго онъ еще не рѣшался уйти на самомъ дѣлѣ. Много разъ онъ повторялъ ей, что завтра, когда онъ вернется къ ней утромъ, онъ найдетъ ее такою же веселою, славною, какъ прежде, и ночь разсѣетъ всѣ ея тревоги. Вѣдь она теперь свободна, а на свободѣ такъ хорошо. И говоря это, онъ смотрѣлъ на нее все ярче разгоравшимся взглядомъ, онъ не выпускалъ ея рукъ изъ своихъ, не разъ цѣлуя кончики ея пальцевъ, и все жарче становились эти поцѣлуи.

— Ну, Таня, прощай, спокойной ночи...

Но онъ все стоялъ на порогѣ, не спуская съ нея глазъ.

— Или ты позволишь мнѣ остаться? вдругъ проговорилъ онъ чуть слышно, самъ почти испугавшись этихъ словъ.

Въ отвѣтъ она только склонила къ нему голову на грудь. Онъ обнялъ ее крѣпко и остался.

XIII.

На слѣдующее утро штабъ-ротмистръ Бубновъ, только-что успѣвшій одѣться, былъ нѣсколько удивленъ, увидавъ входившаго къ нему Струйскаго.

— Ба, какими судьбами въ столь ранній часъ? проговорилъ онъ своимъ угрюмымъ и лѣнивымъ голосомъ, никогда ничего опредѣленнаго не выражавшимъ, оттого должно-быть, что его обладатель самъ рѣдко что-либо опредѣленное ощущалъ. Бубновъ

далеко не былъ глупымъ человѣкомъ, но отличался онъ какою-то странною неотзывчивостью на любое впечатлѣніе. Существо болѣе невозмутимое, одинаково чуждое и горя и радости, трудно было бы отыскать.

— Я къ тебѣ за совѣтомъ... не совсѣмъ увѣренно проговорилъ Струйскій.

Бубновъ вскинулъ на него равнодушными глазами, медленно отпивая глотокъ чаю.

„Должно-быть не за совѣтомъ, а за деньгами", подумалъ онъ про себя.

— Чаю хочешь? спросилъ онъ.

— Павленко, стаканъ! окликнулъ онъ деньщика и принялся слушать все съ тѣмъ же невозмутимымъ видомъ.

Евгеній приступилъ къ дѣлу не сразу. Онъ видимо затруднялся высказаться предъ товарищемъ.

— Ну, братецъ мой, говорить, такъ говорить. Чего будто слова жуешь? Удивительный, право, народъ эти маменькины сынки! Денно и ночно мечтаютъ какъ бы полакомиться, а чуть наскочатъ на какую-нибудь бабенку, сами не знаютъ, какъ выпутаться. Вѣдь наскочилъ, признайся? И самъ не радъ теперь, что расхлебывать надо?

— Вѣдь это совсѣмъ не то, что̀ ты думаешь, отвѣтилъ Евгеній, краснѣя по уши,—и пожалуста не говори этимъ скверным тономъ. Тутъ съ моей стороны настоящая привязанность.

— При... вязанность?! сухо и отрывисто засмѣялся Бубновъ.— Коли такъ, то ужь лучше прямо подъ вѣнецъ. Шаферомъ что̀ ли меня пришелъ звать? Да постой, не та ли это уже барышня, съ которою я тебя разъ встрѣтилъ на Невскомъ, актрисочка, которой мы такъ усердно хлопали разъ въ Михайловскомъ театрѣ?..

Струйскій промолчалъ.

— Понимаю... Ну это, конечно, совсѣмъ особая статья. А губа у тебя не дура! Какого звѣря подцѣпилъ, первый сортъ.

Бубновъ пристально взглянулъ на Евгенія и, перекинувъ лѣвую ногу черезъ правую, заговорилъ вдругъ совершенно инымъ, уже серьезнымъ тономъ.

— Послушай, Струйскій, коли пришелъ за совѣтомъ, выкладывай все прямо. Я твоихъ секретовъ, ты знаешь, не выдамъ, и вышучивать тебя не намѣренъ. Не шутливаго я вообще десятка, ты это знаешь тоже.

Струйскій осилилъ свое замѣшательство и хотя съ явною

неохотой разсказалъ таки Бубнову всю исторію своего знакомства съ Таней, стушевывая краски насколько было возможно. Бубновъ принялся было слушать недовѣрчиво, но очевидно искренность разсказа, гораздо болѣе похожаго на исповѣдь, чѣмъ на похвальбу, скоро убѣдила его въ правдивости товарища. Струйскій, не допивъ стакана, принялся нервно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Въ своемъ волненіи онъ не примѣтилъ даже слегка презрительнаго оттѣнка въ холодномъ, но пристальномъ взглядѣ товарища.

— Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, мѣрно отчеканилъ Бубновъ, когда Струйскій смолкъ, не рѣшившись прямо высказать, какого ему надо было совѣта,—что на первой же страницѣ твоего поэтическаго романа ты на самую заурядную прозу наткнулся. Вѣдь даже птицы весною прежде всего принимаются гнѣзда вить и потомъ уже пѣсни свои затягиваютъ, а ты вотъ рѣшительно не знаешь, куда и какъ приткнуть свое кратковременное гнѣздо. Такъ ли, мой милый? Бьюсь объ закладъ, что ты даже о завтрашнемъ днѣ не подумалъ, а подумать не мѣшало бы, потому, вопервыхъ, что твой предметъ сегодня же вечеромъ изъ гостиницы выгонятъ за неимѣніемъ вида, а вовторыхъ, что въ Петербургѣ еще вдвоемъ съ прелестною особой шагу нельзя ступить безъ денегъ, которыхъ у тебя конечно не водится....

Струйскій сдѣлалъ нетерпѣливое, почти негодующее движеніе рукой.

— Ну, братецъ мой, не кипятись и не дѣлай главное этихъ красивыхъ театральныхъ жестовъ: меня этимъ не проймешь. Одно изъ двухъ вѣдь, либо ты на этой барынькѣ намѣренъ жениться, и въ такомъ случаѣ сегодня же направляйся къ своей мамашѣ съ повинной....

Бубновъ намѣренно остановился, выжидая, какъ отзовется на это Струйскій, но Евгеній промолчалъ, и на лицѣ его, да и въ походкѣ тоже выразилось только еще большее волненіе, чѣмъ прежде.

— Очевидно, ты этого совершить не намѣренъ, безпощадно продолжалъ Бубновъ,—въ чемъ я впрочемъ и не сомнѣвался, и въ такомъ случаѣ остается одно,—поискать гдѣ-нибудь скромную, но уютную дачку, гдѣ бы укрыться со своимъ предметомъ отъ непрошенныхъ глазъ.... хотя бы на какой-нибудь мѣсяцъ.

— Ты просто невыносимъ, горячо оборвалъ его Струйскій,— какъ можно такъ грубо....

— Заранѣе отмѣривать, перебилъ его Бубновъ,— продолжительность твоего романа? Тебѣ это не нравится? Лучше сперва обмануть себя, а потомъ отыскивать благородные предлоги, чтобъ отретироваться? Ну, два, три мѣсяца, не все ли это равно? До зимы не дотянешь, повѣрь мнѣ. Словомъ, дача нужна, и такая, чтобы про все это не разузнала мамаша. А для этого нужны еще двѣ вещи—письменное согласіе батюшки этой особы и вдобавокъ деньжонокъ тысячи двѣ. Вотъ это я могу тебѣ добыть, коли хочешь.

Евгеній стоялъ предъ нимъ съ такимъ растеряннымъ видомъ, что Бубновъ разсмѣялся, несмотря на всю свою невозмутимость.

— Да ты чтожь? собирался передо мной нюни распускать или говорить о дѣлѣ? А коли такъ, ѣдемъ сейчасъ.... Павленко! извощика!

— Ѣдемъ? Куда?

Бубновъ хлопнулъ Евгенія по плечу уже съ явнымъ презрѣніемъ.

— Да прежде всего къ почтенному родителю твоего предмета, съ которымъ я берусь объясниться, какъ слѣдуетъ, а затѣмъ къ одному столь же почтенному капиталисту, отъ котораго ты получишь двѣ тысячи на годъ съ приличною мздой.

— Фу ты чортъ, вексель! брезгливо выронилъ Струйскій.

— А ты думалъ я тебѣ самолично поднесу?... Нѣтъ, милѣйшій мой, будетъ съ тебя и того, что выставлю свой бланкъ на твоемъ векселѣ.... Тебѣ въ первый разъ приходится у жида занимать? Положимъ, это непріятно. Ну, да рано или поздно придется, такъ лучше ужь по такому поэтическому и благородному поводу.... Такъ ѣдемъ, значитъ.... Павленко, давай палашъ!

— Да какъ же это мы, не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ проговорилъ Струйскій, сходя съ лѣстницы,—явимся теперь къ ея отцу?

— Ну, за это я берусь.... Коли хочешь, дожидайся меня на улицѣ.... Коли ты мнѣ правду сказалъ про эту гадкую исторію съ барономъ Габлеромъ, застращать его будетъ нетрудно. Впрочемъ, предупреждаю, безъ денегъ это тоже не обойдется. Могу я въ крайнемъ случаѣ за тебя обѣщать тысченку.

Лицо Евгенія становилось все озабоченнѣе. На послѣднія слова Бубнова онъ однако не возразилъ ничего. Онъ все замѣтнѣе,

хоть и не совсѣмъ по доброй волѣ, подчинялся руководству старшаго товарища. Не стóитъ пересказывать, какъ удалось Бубнову выполнить свой планъ. Прошло у него все какъ по маслу. Пока онъ велъ переговоры съ Карломъ Иванычемъ, Евгеній тревожно расхаживалъ по тротуару, нетерпѣливо ожидая его возвращенія. Черезъ какія-нибудь двадцать минутъ Бубновъ вернулся съ извѣстіемъ, что все улажено къ общему удовольствію. Карлъ Ивановичъ попробовалъ было разыграть предъ нимъ роль оскорбленнаго отца, но Бубновъ живо положилъ конецъ его патетическимъ возгласамъ, напомнивъ ему про исторію съ барономъ, и все его благородное негодованіе очень скоро перешло на приниженно-жалобный тонъ. Неблагодарная дочь была вѣдь утѣшеніемъ и опорой его старости, твердилъ онъ,—и одни только черствые, безсердечные люди могли не понимать, чтò значила разлука съ нею для его отеческаго сердца. Онъ даже прослезился, говоря это, и тутъ же упомянулъ, какъ не щадилъ онъ ни трудовъ, ни денегъ, чтобы воспитать ее.... И теперь, когда она могла вознаградить его за все это, оказать ему поддержку на старости лѣтъ, она бросила отца и мать, бросила для чужаго человѣка. Дѣти совсѣмъ перестали понимать, чѣмъ обязаны они родителямъ... Бубновъ перебилъ эти жалкія слова, рѣшительно выдвинувъ „тяжелую артиллерію“, какъ онъ сказалъ Евгенію. Не смущаясь краснорѣчіемъ Карла Иваныча, онъ пустилъ въ ходъ доводъ, припасенный до конца, и поставилъ ребромъ вопросъ о денежномъ вознагражденіи. Карлъ Иванычъ сдѣлалъ сперва видъ, что оскорбился этимъ, но тысяча рублей, предложенныхъ Бубновымъ, тотчасъ оказали свое искушающее дѣйствіе. Бубновъ не торговался; вѣдь расплачиваться приходилось не ему.

— Понимаешь, мой милый, объявилъ онъ Евгенію,—скупиться тутъ нечего. Люби кататься... ты знаешь пословицу? Придется взять у жида лишнюю тысченку...

Евгенію не особенно улыбнулась эта перспектива. Хорошо зная неподатливый нравъ матери, онъ чувствовалъ, что съ каждою минутой все глубже погружается въ трясину неоплатныхъ долговъ. Но дѣлать было нечего: теченіе уносило его съ неудержимою силой. Еврей-ростовщикъ, къ которому они поѣхали теперь, оказался очень милымъ и сговорчивымъ. Къ Евгенію онъ отнесся даже съ какою-то омерзительною, полуотеческою

жалостью, увѣряя, что для такого прекраснаго молодаго человѣка онъ готовъ сдѣлать все, даже самое невозможное.

— И знаете что̀, сказалъ онъ почти нѣжно, лишній разъ протягивая Евгенію свою огромную, потную руку, — вы прямо ужь выдайте на имя господина Бубнова векселекъ въ пять тысячъ. Онъ выставляетъ свой бланкъ, а послѣзавтра я постараюсь вамъ это дисконтировать на самыхъ выгоднѣйшихъ условіяхъ. Круглыя цифры, это лучше, это гораздо, гораздо лучше...

Евгеній испуганно взглянулъ на Бубнова, но тотъ только равнодушно кивнулъ головой. Онъ давно пересталъ ощущать священный трепетъ предъ вексельною бумагой, хорошо зная, что изъ долговъ ему не выпутаться никогда, и для него выставить лишній разъ свой бланкъ ничего не стоило. „Наивыгоднѣйшія“ условія конечно должны были заключаться въ томъ, что за пятитысячный вексель Евгеній получитъ наличными деньгами гораздо менѣе четырехъ тысячъ, но Струйскій махнулъ уже рукой на финансовыя сѣти, которыя его такъ быстро опутывали.

— Ну а теперь, объявилъ его менторъ, — тебя я думаю тянетъ къ твоей возлюбленной. Мы и безъ того все утро пропутались. А что касается дачи, ты съ этимъ справишься и самъ. Только вотъ тебѣ мой совѣтъ на прощанье. Коли хочешь, чтобы мамаша твоя узнала про это какъ можно позднѣе — потому что узнаетъ она вѣдь навѣрно въ концѣ-концовъ—выбирай мѣсто гдѣ-нибудь поближе и поскромнѣе, что-нибудь въ родѣ Лѣснаго, напримѣръ. Знакомыхъ тамъ встрѣтить не рискуешь, и гнѣздышко будетъ у тебя подъ рукой. Затѣмъ до свиданья!

И Бубновъ коротко оборвалъ свои продолжительныя странствія съ товарищемъ, не давая себѣ труда скрывать отъ него тотъ пренебрежительный оттѣнокъ, который примѣшивался къ его дружеской услужливости.

Совсѣмъ не радужныя мысли занимали Евгенія, пока онъ ѣхалъ въ гостиницу, гдѣ терпѣливо дожидалась его Таня. Онъ такъ долго мечталъ объ идиллическомъ счастьѣ вдвоемъ съ любимою дѣвушкой, а теперь на самой зарѣ этого счастья его обступили мелочныя заботы самаго низменнаго свойства, эта необходимость бороться съ дрянными затрудненіями, лгать и скрытничать предъ матерью. И ничего поэтическаго уже не казалось ему въ ожидавшей ее сложной запутанной жизни. Немудрено, что Таня сразу примѣтила охватившее его невеселое раздуміе, примѣтила тѣмъ скорѣе, что онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой, чтобы

казаться беззаботнымъ и веселымъ. Его ясныя слова, радостный тонъ, съ которымъ онъ сказалъ ей, что добился для нея полной свободы, не могли обмануть ее. А сама она была все счастье, вся преданность и покорность ему, она готова была пойти, куда бы онъ ни повелъ ее, готова повѣрить каждому его слову, безраздѣльно отдаться сладкой вѣрѣ въ будущее. И разспрашивать его Таня не стала. Она какъ-то боялась, чтобы какая-нибудь тѣнь сомнѣнія не легла на ея безграничное довѣріе къ нему. Завтра же, говорилъ онъ, завтра они переѣдутъ на дачу и тамъ вмѣстѣ проведутъ все лѣто, хотя, конечно, ему часто придется оставлять ее одну, потому-что у него есть вѣдь иныя обязанности, есть родной домъ и служба, и она должна понять, что это необходимая жертва, особенно тяжелая для него. Таня не возразила ни слова, она заранѣе мирилась со всѣмъ, хотя ей и страннымъ казалось немножко, что онъ заговорилъ про это теперь, сегодня, давая ей чувствовать, что онъ весь не принадлежитъ ей безраздѣльно. Она вѣдь ничего не берегла для себя, отдалась ему вся и все свое будущее, все счастье свое она видѣла въ немъ одномъ. Таня однако не роптала, и большіе ея глаза никогда еще не блестѣли такимъ радостнымъ сіяніемъ, не говорили ему такъ открыто, что вся она и тѣломъ и душой принадлежитъ ему...

Цѣлыхъ два часа они провели такъ, болтая, какъ счастливыя дѣти, хотя Евгенію то и дѣло докучливый, тайный голосъ нашептывалъ, что нельзя ему отдаваться этой безоблачной радости, что неумолимая жизнь не ждетъ, и для самой Тани ему надо спѣшить отсюда, чтобы поскорѣе устроить ихъ будущее гнѣздышко, а главное разсѣять неизбѣжное подозрѣніе матери. Заботливая мысль объ этомъ то и дѣло набѣгала ему на глаза, потемняя ихъ блескъ, и, наконецъ, онъ оторвался отъ ея ласкъ, сказавъ ей, что вечеръ они проведутъ вмѣстѣ, а теперь ему надо спѣшить, чтобы поскорѣе все устроить.

Опасенія Струйскаго оправдались. Екатерина Алексѣевна была внѣ себя отъ того, что сынъ ея не показывался съ прошлаго вечера, и черезъ прислугъ она знала давно про странное появленіе какой-то дѣвушки, заходившей наканунѣ и спрашивавшей Евгенія Борисовича. Увидавъ сына, она очень недвусмысленно и довольно-таки грубо высказала ему свои догадки, разумѣется, прибѣгнувъ къ помощи слезъ. Не вѣсть какіе ужасы мерещились ей въ будущемъ отъ этой безстыдной женщины, успѣвшей овла-

дѣть ея сыномъ. Къ счастію, для Евгенія материнскій деспотизмъ научилъ его притворяться и, прикидываясь смущеннымъ, онъ повинился матери, что провелъ съ товарищами время довольно-таки бурно и вернулся такъ поздно домой, чтобъ успѣть вытрезвиться. Про дѣвушку, заходившую наканунѣ, онъ не зналъ ничего. Онъ лгалъ такъ бойко, что Екатерина Алексѣевна повѣрила, хотя, быть-можетъ, только на половину. Это было все-таки гораздо лучше того, чего она боялась. Она, разумѣется, пожурила сына, но сдѣлала это довольно снисходительно. Нельзя же требовать отъ двадцатисемилѣтняго молодаго человѣка, чтобъ онъ никогда не шалилъ съ товарищами. Ужасно это, конечно, что молодежь никакъ не можетъ обходиться безъ этихъ отвратительныхъ кутежей и бѣднымъ матерямъ суждено такъ тщательно оберегать нравственность дѣтей лишь для того, чтобы шайка пьяныхъ товарищей мигомъ уничтожила всѣ плоды ихъ стараній. Но что̀ же дѣлать, коли такъ ужь сложились нравы и отъ общественной порчи никакое воспитаніе спасти молодежь не въ силахъ?..

Когда вечеромъ Евгеній былъ опять съ Таней, она тотчасъ примѣтила на его лицѣ счастливую перемѣну. Ему удалось разсѣять тревогу матери и успѣлъ онъ побывать въ Лѣсномъ и сговориться съ хозяйкой очень миленькой и уютной дачки. Онъ разсказывалъ про это Танѣ даже съ нѣкоторымъ самохвальствомъ, точно онъ считалъ за собой какую-то заслугу. Да и отчего было ему не отдаться теперь, хотя на время, полному, безудержному счастью. Поводы къ страху за будущее были отодвинуты куда-то вдаль и загадывать впередъ было не за чѣмъ. Правда, натура Евгенія не принадлежала къ числу тѣхъ, которыя лихо рвутся въ даль, не оглядываясь по сторонамъ, но и ему захотѣлось на минуту забыться и, зажмуривъ глаза, отвѣдать полнымъ глоткомъ изъ чаши наслажденія.

XIV.

Счастье, о которомъ мечталъ Евгеній, его не обмануло. Всякій разъ, что онъ навѣщалъ Таню въ ея маленькой дачкѣ, это былъ рядъ блаженныхъ ощущеній, постоянно новыхъ, хотя сама она неизмѣнно оставалась такою же тихою, любящею, кроткою. Трудно было бы отыскать существо съ болѣе ровнымъ, болѣе невозмутимымъ нравомъ. Ни разу Евгеній не услыхалъ отъ нея

упрека, грусть или даже просто мимолетная досада никогда не заволакивала ея свѣтлыхъ глазъ, въ которыхъ словно отражалось безоблачное синее небо. И все-таки въ ея неизмѣнно ясныхъ чертахъ Евгеній не находилъ однообразія. Въ улыбкѣ ея онъ каждый разъ видѣлъ что-то новое, и голосокъ ея звучалъ то полудѣтскою рѣзвостью, то неясною тишиной млѣющей лѣтней ночи. И несмотря на ея недостаточное воспитаніе, Таня оказалась отзывчивою на его старанія развить ее. Онъ приносилъ ей много книгъ, боясь, какъ бы она не соскучилась, оставаясь одна; но отраженія скуки онъ никогда не замѣчалъ на ея миломъ личикѣ, и поразительно быстро воспринимала она новыя впечатлѣнія и мысли, какими снабжало ее чтеніе. И природная способность къ музыкѣ въ ней тоже отыскалась. Самъ хорошій музыкантъ, хоть и безъ особенно выдержанной школы, Евгеній досталъ ей инструментъ, и много счастливыхъ часовъ онъ провелъ, играя съ нею въ четыре руки и пробуя ея вѣрный, хоть и не сильный голосокъ.

Къ сожалѣнію, это были слишкомъ хорошіе часы. Евгенію приходилось положительно разрываться на части, чтобы не выдать матери своей тайны. Екатерина Алексѣевна собиралась провести лѣто въ ихъ курской деревнѣ въ увѣренности, что сынъ пріѣдетъ туда къ началу іюня, когда окончатся его служебныя занятія. Каково же было ея удивленіе, когда Евгеній объявилъ ей, что отпуска ему въ этомъ году не дадутъ и что ему придется прожить въ Петербургѣ все лѣто. Это была неправда, придуманная затѣмъ, чтобъ избавиться отъ надзора матери, и въ министерствѣ не мало удивились его поразительному служебному рвенію. Екатерина Алексѣевна не совсѣмъ повѣрила сыну, хорошо зная министерскіе порядки, и тотчасъ у нея явились подозрѣнія. Какъ женщина рѣшительная, она сразу, долго не думая, пріискала дачу въ Царскомъ, сказавъ Евгенію, что не хочетъ съ нимъ разлучаться, коли онъ вынужденъ проводить лѣтніе мѣсяцы, не отрываясь отъ своей канцеляріи. И Евгенію волей-неволей пришлось то и дѣло рыскать изъ Царскаго въ Лѣсной, совершенно напрасно продолжая жить въ городской квартирѣ, подъ предлогомъ все тѣхъ же занятій. Какъ всякая ненужная обязанность, вызванная необходимостью оставаться вѣрнымъ своей лжи, эта жизнь въ пыльномъ Петербургѣ несказанно тяготила Евгенія; и вдобавокъ постоянно надо было придумывать новыя увертки, чтобы никто не догадывался, гдѣ онъ

проводилъ время, когда ему, наконецъ, удавалось урваться на нѣсколько часовъ. Онъ внутренно бѣсился, сознавая всю унизительность этого нелѣпаго притворства, точно онъ скрывалъ отъ чужихъ глазъ какое-то постыдное дѣло. Какъ преступникъ, боящійся преслѣдованія, онъ придумывалъ разныя хитрости, чтобы никто не напалъ на его слѣдъ, когда онъ кружнымъ путемъ спѣшилъ на вокзалъ Финляндской желѣзной дороги. Вся его жизнь стала рядомъ обмановъ, мелочныхъ и нелѣпыхъ, и онъ сознавалъ, несчастный, что на каждомъ шагу онъ можетъ быть уличенъ, что знакомый, случайно встрѣченный на Финляндской дорогѣ, легко можетъ, самъ того не зная, разрушить всѣ его хитросплетенія и выдать матери его тайну. Да и предъ любимою дѣвушкой онъ чувствовалъ себя глубоко виновнымъ. Онъ не могъ даже навѣщать ее каждый день, часто долженъ былъ обрывать милую бесѣду съ нею, чтобы не пропустить какого-нибудь поѣзда. Таня, правда, не жаловалась никогда, но ея безропотная кротость еще усиливала въ немъ недовольство собой. И мало-помалу незнакомое до сихъ поръ, ужасное чувство овладѣвало Евгеніемъ—озлобленная ненависть къ матери, самыми ласками которой онъ сталъ тяготиться. И тѣ счастливые часы, какіе проводилъ онъ вдвоемъ съ Таней, тоже были отравлены этою вѣчною недостойною боязнью, этою необходимостью вести утомительную двойную жизнь. Долго онъ, правда, не догадывался объ этомъ и всякій разъ, что онъ подъѣзжалъ къ ея дачѣ, онъ чувствовалъ себя какъ бы выпущеннымъ на волю, дорожа каждою лишнею минутой, проведенною тамъ. Но всѣ его усилія не помѣшали Екатеринѣ Алексѣевнѣ нѣсколько разъ съ горечью замѣчать ему, что онъ плохо цѣнитъ ея материнскую любовь и жертву, принесенную ею, когда она рѣшилась не ѣхать въ деревню, чтобы провести лѣто съ нимъ. Правда, ему хочется повеселиться съ друзьями, это понятно, но зачѣмъ же онъ почти ни одного вечера не проводитъ съ нею и даже праздничные дни остается въ Петербургѣ? Эти упреки стали повторяться все чаще и переходить въ бурныя, тяжелыя сцены. Конечно, послѣ этого тѣмъ отраднѣе было возвращаться къ Танѣ, упиваться ея милыми ласками и рѣчами; но почти незамѣтно для Евгенія самыя его поѣздки въ Лѣсной, какъ истинная причина всѣхъ трудностей, которыми была переполнена его жизнь, стали утрачивать для него свою прелесть. Онъ невольно говорилъ себѣ, что вѣдь съ матерью разрывъ для него невозможенъ, что не будь у него

Тани, онъ оказался бы избавленнымъ отъ всѣхъ этихъ несносныхъ дрязгъ, отъ материнскихъ упрековъ и слезъ, отъ необходимости лгать и краснѣть предъ прислугой. И тайное раздраженіе противъ бѣдной неповинной дѣвушки росло въ немъ понемногу. Часто случалось теперь, что, оставаясь вдвоемъ съ нею, онъ надолго погружался въ тягостное, молчаливое раздумье, забывая даже объ ея присутствіи. Самый ея голосъ, ея ласки не въ силахъ были тогда разогнать его мрачнаго настроенія. Въ такія минуты онъ просто не слышалъ того, что̀ она говорила ему, и глаза ея съ грустнымъ недоумѣніемъ останавливались на немъ, когда она подмѣчала, что упорная дума уносила его такъ далеко отъ нея.

Разъ въ дождливый августовскій день онъ пріѣхалъ къ ней мрачнѣе обыкновеннаго. Онъ весь промокъ по пути отъ станціи и на ея привѣтствіе отвѣчалъ недовольнымъ, почти грубымъ тономъ. Предъ тѣмъ онъ цѣлыхъ три дня не бывалъ въ Лѣсномъ, и чувствуя себя виноватымъ предъ нею, какъ бы искалъ предлога, чтобы раздражаться. Она и въ этотъ разъ не упрекала его за долгое отсутствіе, но въ самыхъ простыхъ ея словахъ Евгенію слышался упрекъ. На ея разспросы онъ отвѣчалъ коротко и почти сердито, браня и погоду, и служебныя дрязги и несносную эту необходимость таскаться подъ дождемъ въ такое скучное, вѣчно пасмурное мѣсто, какъ Лѣсной. Онъ будто не понималъ, сколько было обиднаго и несправедливаго во всемъ этомъ. И какъ разъ потому, что Таня не выказала ему никакой досады, не оскорбилась даже, приписывая его дурное расположеніе духа семейнымъ непріятностямъ, которыхъ онъ повѣрить ей не можетъ, Евгеній раздражался все болѣе. Самый видъ этого безотвѣтнаго существа, преданнаго ему такъ самоотверженно, ожесточалъ его, побуждая придумать что-нибудь еще болѣе несправедливое и обидное. А она только жалѣла его, огорчалась своимъ безсиліемъ его утѣшить или помочь ему добрымъ совѣтомъ.

— Ну, полно, Таня, желчно захохоталъ онъ вдругъ, — я говорю вздоръ и знаю это отлично. Ты, конечно, ни въ чемъ не виновата, ты, извѣстное дѣло, ангелъ настоящій, и ни на что̀ не сердишься. И очень скверно, съ моей стороны, что я наговорилъ тебѣ столько дурныхъ вещей. Только ты, пожалуста, не давай себѣ труда меня урезонить или успокоить, потому что отъ твоихъ стараній только еще хуже выходитъ. И отчего это со мной, право не знаю... Такой ужь день выдался... злюсь съ

самаго утра... Ну, да и есть отчего, положимъ, только дуракъ я, что тебѣ про это говорю... Ну не буду, не буду... Сыграй-ка мнѣ лучше что-нибудь.

И эти странныя извиненія онъ завершилъ поцѣлуемъ, но такимъ сухимъ и холоднымъ, какого Таня отъ него еще не получала. Слова его вызвали въ ея глазахъ двѣ крупныя слезинки, медленно скатившіяся съ ея рѣсницъ,—первыя слезы, которыя довелось увидать у нея Евгенію.

— Это еще что̀? Плачешь?.. угрюмо сказалъ онъ.—Есть отчего! Лучше бы я, право, не пріѣзжалъ совсѣмъ. Ну, утри глаза и сыграй мнѣ что-нибудь.

Таня повиновалась молча, но плохо, должно-быть, подѣйствовали на нее эти увѣщанія. Она усѣлась за инструментъ, но изъ этой попытки ничего не вышло. На первыхъ же аккордахъ она оборвалась, слезы разомъ хлынули изъ ея глазъ, и безпомощная и неподвижная она такъ и замерла надъ клавишами, испуганно глядя на Евгенія. Онъ сердито повелъ плечами и прошелся по комнатѣ.

— Чудесно, захохоталъ онъ грубо, — этого только недоставало. Дома съ матерью сцены и здѣсь то же... просто каторга моя жизнь, настоящая каторга.

Слезы ея высохли разомъ. Она повернула къ нему свое поблѣднѣвшее лицо, вся охваченная вдругъ какимъ-то ощущеніемъ холода.

— Если я надоѣла тебѣ, Евгеній, проговорила она тихо, и руки ея тяжело и неподвижно упали на колѣни,—скажи мнѣ это прямо. Разстанемся, коли хочешь... Это лучше будетъ, чѣмъ мучить другъ друга, какъ сейчасъ вотъ...

Что-то екнуло у него на сердцѣ отъ этихъ словъ. Въ сильномъ волненіи онъ быстро подошелъ къ ней, обнялъ ее, осыпая поцѣлуями ея голову, моля ее о прощеніи. И не одно раскаяніе говорило въ немъ, вся прежняя его любовь къ ней опять забила горячимъ ключемъ и, стараясь загладить свои жестокія слова, онъ искренно думалъ, что это была лишь мимолетная вспышка раздраженія, что прежнее счастье можетъ вернуться. Повѣрила этому, должно-быть, и Таня, по крайней мѣрѣ свѣжая молодая улыбка опять засіяла на ея губахъ и когда онъ прощался съ нею, у нея опять легко было на сердцѣ. Едва, однако, Евгеній отъѣхалъ отъ крыльца и она медленными шагами вернулась къ себѣ, въ ней разомъ сказалось ощущеніе пустоты и

одиночества, безсознательное предчувствіе, что кончился навсегда короткій мигъ ея счастья. И горькія неутѣшныя слезы долго текли изъ ея глазъ, не принося ей успокоенія. А лицо Струйскаго, когда онъ усѣлся въ вагонѣ и на минуту остановившійся поѣздъ увезъ его въ городъ, опять сдѣлалось каменнымъ и злымъ, и какая-то судорожная усмѣшка исказила его гладкія, красивыя черты.

Онъ не замѣтилъ, что на другомъ концѣ вагона былъ его пріятель Бубновъ. Тотъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ зорко наблюдалъ за нимъ — другихъ пассажировъ въ отдѣленіи не было—потомъ онъ подошелъ къ Струйскому и поздоровался съ нимъ, кладя ему руку на плечо. Евгеній вздрогнулъ весь отъ этого прикосновенія, очевидно недовольный присутствіемъ товарища.

— Что̀ Струйскій, каковы дѣла? Давненько мы съ тобою не видались, а?

— Да ничего̀, по-старому...

— По-старому? какимъ ты это гробовымъ тономъ говоришь... Я думалъ, твой медовый мѣсяцъ все еще длится.

Евгеній сознавалъ, что ему не обмануть зоркихъ, хоть и равнодушныхъ глазъ Бубнова.

— Эхъ, милый мой, невольно вырвалось у него накипѣвшее желчное чувство, — такой это медовый мѣсяцъ, какого я бы и своему врагу не пожелалъ...

Бубновъ его разспрашивать не сталъ. Молча вглядываясь въ товарища, онъ только мысленно занесъ лишнія наблюденія въ записную книжку своей памяти.

Нѣкоторое время все, однако, въ самомъ дѣлѣ, шло по-старому. Евгеній крѣпился, чтобы не выдавать себя предъ Таней, хорошо понимая, что она не виновата ни въ чемъ и недостойно вымещать на ней собственное безсиліе выпутаться изъ сложнаго унизительнаго положенія. Бывали даже минуты, когда вдвоемъ съ нею онъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, и прежняя нѣжность, казалось, опять всплывала изъ глубины его неспокойнаго сердца. Но Таня на этотъ счетъ не обманывалась. Съ нимъ она держала себя ровно, даже весело и беззаботно, какъ прежде, но едва она оставалась одна, къ ней опять подкрадывалась непрошенная гостья — неотвязчивая скорбь по утраченному счастью, нашептывая ей, что лучше рѣшиться на добро-

вольную разлуку, чѣмъ переносить это медленное увяданіе недавней любви, съ которой точно осенній вѣтеръ постепенно срывалъ вешнее убранство.

XV.

Между тѣмъ надъ головой Евгенія собиралась гроза. Случайно Екатерина Алексѣевна встрѣтилась въ одномъ домѣ съ прямымъ начальникомъ сына. Шутливо разговорившись съ нимъ, она слегка пожурила его за то, что онъ продержалъ Евгенія все лѣто въ Петербургѣ.

— Помилуйте, отвѣтилъ тотъ,—я тутъ ни въ чемъ не повиненъ. Вашему сыну угодно было самому остаться. Я, вы знаете, добавилъ онъ съ любезною усмѣшкой, — никогда своихъ молодыхъ людей не держу понапрасну въ городѣ лѣтомъ.

Екатерина Алексѣевна постаралась не выказать изумленія, голова ея только слегка вздрогнула и откинулась назадъ:

— Въ такомъ случаѣ, отвѣтила она,—я должна это приписать исключительно рвенію сына и надѣюсь, что оно ему зачтется.

Любезный чиновникъ хихикнулъ, не преминувъ, однако, замѣтить, что Евгенія Борисовича не часто видятъ въ министерствѣ, гдѣ онъ едва бываетъ разъ въ недѣлю. — Да и не за чѣмъ, добавилъ онъ,—не за чѣмъ. У насъ теперь совершенный застой въ дѣлахъ. Пусть молодой человѣкъ повеселится.

Екатерина Алексѣевна не отвѣтила ничего и, хотя ее сильно подмывало сдѣлать Евгенію сцену, у нея хватило самообладанія, чтобы повременить съ этимъ. Теперь, когда уже сомнѣнія не было, что онъ наговорилъ ей небылицъ, слѣдовало противъ него собрать какъ можно болѣе уликъ. Что тутъ была замѣшана женщина, Екатерина Алексѣевна, разумѣется, догадалась сразу. Она поручила старшему и наиболѣе преданному изъ своихъ слугъ выслѣдить Евгенія и, разузнавъ про все какъ слѣдуетъ, донести ей объ этомъ. На третій день порученіе было исполнено. Какъ скоро удалось сыщику убѣдиться, что Евгеній Борисовичъ тайкомъ ѣздитъ на Финляндскую дорогу, не трудно было узнать, гдѣ жила Таня.

На другое утро произошло рѣшительное объясненіе между матерью и сыномъ. Екатерина Алексѣевна успѣла къ нему приготовиться, благодаря ночи, проведенной безъ сна. И когда виновный Евгеній предсталъ предъ ея гнѣвными очами, она заго-

ворила съ нимъ поразительно спокойно. Одно только легкое дрожаніе голоса и чуть-чуть замѣтная ироническая нотка выдавали ея раздраженіе. Евгеній однако зналъ по опыту, что такой приступъ не предвѣщалъ ничего хорошаго. Когда Екатерина Алексѣевна принуждала себя къ сдержанности, это значило, что гнѣвъ ея уляжется не скоро. Улики были такъ очевидны, что Евгеній запираться не сталъ, но запоздалое признаніе едва ли не хуже упорства во лжи. Судьи оно не смягчаетъ, а необходимость придумать извиненіе, котораго отыскать нельзя, еще усиливаетъ испытанное чувство униженія. Съ людьми слабыми, когда имъ нельзя увернуться отъ неловкаго признанія, бываетъ обыкновенно то же, что̀ съ травленнымъ звѣремъ, которому нельзя спастись отъ погони. Они прибѣгаютъ къ послѣднему отчаянному средству,—къ притворной дерзости. Такъ и случилось съ Евгеніемъ. Выведенный изъ себя безпощадностью уликъ матери, доказывавшей ему, какъ дважды-два четыре, что онъ безстыдно лгалъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Евгеній рѣзко отвѣтилъ, что виновата она сама, коли онъ вынужденъ говорить неправду, что въ двадцать шесть лѣтъ нестерпимо быть подъ вѣчнымъ надзоромъ, какъ школьникъ, что быть обманутыми—всегдашняя судьба тѣхъ родителей, которые не хотятъ признать за взрослыми дѣтьми права на свободу и не понимаютъ, что молодому человѣку нельзя вѣчно сидѣть подъ крылышкомъ маменьки. Онъ нарочно пріискивалъ почти грубыя выраженія: люди, которые долго не рѣшаются постоять за свою независимость, коль скоро попробовали стряхнуть съ себя узду, становятся дерзкими, чтобы придать себѣ больше отваги.

Екатерина Алексѣевна дала сыну наговориться вдоволь. Она словно только и ждала этого взрыва напускной смѣлости. Злые огоньки забѣгали у нея въ зрачкахъ, поблѣднѣвшія губы стиснулись. Когда онъ смолкъ наконецъ, она еще нѣсколько секундъ помолчала, усиленно нюхая одеколонъ, и голосъ ея только задрожалъ немножко, когда она принялась отвѣчать.

— Такъ вотъ что̀ ты думаешь? Меня обманывать надо? Со мной иначе и нельзя? Хорошо... По-твоему, стало-быть, смѣяться надъ старухой матерью и заставлять ее проводить лѣто въ Петербургѣ...

— Я васъ не заставлялъ, перебилъ Евгеній.

Екатерину Алексѣевну взорвало.

— Скажи ужь лучше прямо, что ты хотѣлъ бы отъ меня

избавиться, чтобы здѣсь на свободѣ забавляться съ этою дѣвченкой. Тебѣ, можетъ-быть, даже было очень непріятно, что я осталась здѣсь?..

Она пристально вглядывалась въ сына, говоря это, и правая ея рука усиленно стучала по столу. Евгеній промолчалъ, опустивъ глаза. Онъ зналъ хорошо, что мать не переставала любить его, что ей и теперь болѣзненно хотѣлось бы услышать отъ него ласковый, растроганный отвѣтъ и она невыразимо страдаетъ, что его сердце какъ-будто отворачивается отъ нея. Евгеній это зналъ, и ему становилось стыдно, но самый этотъ стыдъ и долго накоплявшаяся злоба противъ матери не давали ему смягчиться и заговорить съ ней инымъ языкомъ. Ему оставалось одно,—упорное холодное молчаніе.

— Это по-твоему похвально, да? продолжала Екатерина Алексѣевна, постепенно возвышая голосъ.

Раздраженіе и горе за одно овладѣли ею, красныя пятна выступили на щекахъ и слезы готовы были навернуться на глаза. Она припомнила ему, какъ берегла и нѣжила его съ самаго дѣтства, и съ поразительною точностью память ей подсказала ранніе мелкіе случаи изъ давняго прошлаго, случаи, говорившіе о ея преданной любви, о его ранней неблагодарности. Долго она терзала Евгенія этими воспоминаніями, выкладывая предъ нимъ всю исторію его воспитанія, ея тревогъ и заботъ. И хоть женское чутье ей подсказывало, что напоминать кому-либо о принесенныхъ жертвахъ, когда онъ эти жертвы пересталъ цѣнить, самое плохое средство воскресить его потухшую любовь, она не могла отказать себѣ въ горькомъ удовольствіи, пристыдить его доказательствами своей любви и его постояннаго равнодушія къ ней. Онъ вѣдь никогда и не любилъ матери, она это знаетъ, иначе бы онъ не рѣшился ее обманывать, понялъ бы, что она всегда готова сдѣлать все для его счастья, и еслибъ она удержала его на опасномъ пути, это было бы только для его же пользы. Но этого, этого именно дѣти не хотятъ понять. Они не хотятъ повѣрить опытности родителей и готовы пойти на вѣрную гибель, лишь бы сдѣлать по-своему и не подчиниться совѣту старшихъ. И теперь вотъ онъ, ея единственный сынъ, который для нея дороже всего—и онъ вѣдь не можетъ этого не знать—такъ жестоко оскорбляетъ ее и ради чего?—ради глупой прихоти, ради какой-то уличной дѣвченки, на которую онъ готовъ промѣнять теперь родную мать...

Эта длинная рѣчь закончилась приступомъ судорожныхъ рыданій. Евгеній, измученный не то раскаяніемъ, не то какимъ-то тоскливымъ нетерпѣніемъ, захотѣлъ было успокоить ее, но ласковыя слова, которыя онъ старался подобрать, какъ-то не шли къ нему на языкъ или выходили сухими и безжизненными. И отъ этихъ усилій раздраженіе Екатерины Алексѣевны все росло. Она чуяла неискренность въ извиненіяхъ сына и въ отвѣтъ на нихъ съ такою же неискренностью подыскивала самыя ѣдкія обидныя слова. Когда разладъ возникаетъ съ близкимъ, дорогимъ существомъ, ощущаешь какое-то болѣзненное наслажденіе еще усиливать этотъ разладъ язвительными намеками.

И оба они, хоть и знали очень хорошо, что они связаны другъ съ другомъ на всю жизнь, что до окончательнаго разрыва они дойти не могутъ, да и вовсе не хотятъ они такого разрыва, какъ-будто намѣренно силились сдѣлать невозможнымъ примиреніе.

— Да чего же вы отъ меня хотите? Это наконецъ невыносимо, воскликнулъ Евгеній, выведенный изъ себя.

— Ничего, ничего я не хочу, съ поразительною холодностію отвѣтила Екатерина Алексѣевна.—Дѣлай по-своему, иди къ своей возлюбленной. Оставайся съ ней, пожалуй, навсегда. Я хорошо вѣдь знаю, чѣмъ такія исторіи кончаются... Женись на ней, я тебѣ не мѣшаю, ты свободенъ, только потомъ ужь не показывайся мнѣ на глаза, не приходи мнѣ жаловаться на собственную глупость. Удерживать тебя я не стану, я только считала своею обязанностью тебѣ раскрыть глаза. А если ты не хочешь понимать моихъ словъ, ступай... наплачешься потомъ, да будетъ поздно...

Евгеній не двинулся съ мѣста. Онъ не рѣшался уйти отъ матери, не примирившись съ нею, и не въ силахъ былъ сказать именно то, что нужно было для примиренія. Съ минуту оба они помолчали. Екатерина Алексѣевна взглянула на сына исподлобья, какъ бы взвѣшивая, какое дѣйствіе произвели ея послѣднія слова.

— Я желала бы знать, заговорила она вдругъ словно про себя, — на какія средства ты жилъ все это время. Одною любовью вѣдь существовать нельзя. Ну, конечно, милые товарищи научили тебя, гдѣ призанять денегъ... только, что̀ ты сдѣлаешь, когда придется расплачиваться? На меня ужь не разсчитывай: пока я жива, ты отъ меня копѣйки не получишь. Конечно, ты,

можетъ-быть, надѣешься, что я скоро умру, ты вѣдь все дѣлаешь, чтобы свести меня въ гробъ...

Тутъ Евгеній не выдержалъ. Онъ зналъ, конечно, что это были напускныя слова, навѣянныя однимъ раздраженіемъ, но равнодушно слышать, какъ родная мать, къ которой онъ былъ такъ долго привязанъ, говоритъ ему, что онъ станетъ дожидаться ея смерти, этого онъ не могъ. Въ немъ что-то мгновенно порвалось, исчезла преграда, мѣшавшая ему броситься къ матери и по сыновнему, какъ дѣлалъ онъ это прежде, въ дни своихъ дѣтскихъ шалостей, обнять ее, прося прощенія. Онъ подошелъ къ ней растроганный, смягченный, хотя внутри его все еще кипѣло, и почти со слезами на глазахъ сказалъ, что никогда, никогда онъ не покинетъ ее, что нѣтъ для него любви выше и святѣе, чѣмъ любовь къ матери...

— Мама, мама, зачѣмъ вы это говорите? Вы вѣдь знаете, что это неправда, твердили его губы, прильнувшія къ ея мокрому отъ слезъ лицу, и весь гнѣвъ Екатерины Алексѣевны тотчасъ угасъ отъ этихъ немногихъ словъ, которыя ей такъ давно хотѣлось услышать и которыя напоминали ей минувшую пору его дѣтства...

Минуту спустя они сидѣли уже рядомъ на кушеткѣ и говорили совсѣмъ инымъ, довѣрчивымъ тономъ, толкуя о томъ, что раздвояло ихъ, какъ будто то былъ предметъ, на который они могли смотрѣть одинаковыми глазами. И самое имя Тани, самая исторія любви къ ней Евгенія словно не вызывала болѣе у Екатерины Алексѣевны никакого раздраженія. Сынъ разсказалъ ей все, подкупленный внезапною и уступчивою нѣжностью. Женщины, даже самыя нехитрыя, великія мастерицы пользоваться минутой волненія, чтобы разузнать тайну. И Екатерина Алексѣевна еще усилила довѣрчивость сына, заговоривъ вдругъ о Танѣ съ неожиданною мягкостью, сожалѣя объ ней и совсѣмъ даже входя въ ея положеніе. Она уже не обвиняла ее въ коварномъ заманиваніи сына, напротивъ она видѣла въ ней теперь неопытную жертву извинительнаго увлеченія.

— Чего можно требовать, говорила она снисходительно,— отъ такой бѣдной простой дѣвочки, дурно воспитанной или, вѣрнѣе, невоспитанной вовсе... Да, я думаю, Женя, добавила она, гладя сына по волосамъ,—еслибъ ты на ней женился, очень бы скоро ты просто не зналъ, о чемъ съ нею говорить. Это всегда вѣдь такъ бываетъ. Начало романа — сама поэзія, а потомъ чѣмъ дальше,

тѣмъ скучнѣе и убійственнѣе... Скажи пожалуста, ты былъ съ нею очень счастливъ? вдругъ спросила она, помолчавъ немножко.

— Какъ хотите вы, чтобъ я могъ быть счастливымъ, ведя такую ужасную, нелѣпую жизнь?

Она опять на него посмотрѣла и повидимому убѣдилась въ его искренности. И помолчавъ немного, она добавила:—знаешь что̀, Евгеній? Тебѣ бы всего лучше теперь съѣздить въ деревню, такъ на мѣсяцъ или недѣль на шесть. Я оставлю тебя хозяйничать одного, ты вѣдь этого давно желалъ. Тебя это развлечетъ и успокоитъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

— Какъ вы хотите, воскликнулъ онъ,—чтобъ я разстался съ Таней такъ вдругъ?

— Да не я, пойми это, обстоятельства этого хотятъ, а главное—ты самъ.

Екатерина Алексѣевна проговорила это, почти улыбаясь. Евгеній заходилъ по комнатѣ въ сильномъ волненіи.

— Нѣтъ, этого нельзя, нельзя. Я не могу ее покинуть такъ. Это было бы низко, безчеловѣчно...

— Зачѣмъ же вдругъ? спокойно возразила Екатерина Алексѣевна.—Я никогда не посовѣтую тебѣ поступить неделикатно. Впрочемъ повѣрь мнѣ, она давно догадывается, что дѣло къ этому идетъ. У женщинъ такое чутье на этотъ счетъ. И, конечно, Женя, ты ее долженъ обезпечить какъ слѣдуетъ, противъ этого я ничего не буду имѣть: надо поступать благородно...

Евгеній выслушалъ безъ протеста даже эти послѣднія слова матери. У нихъ въ этотъ день ничего не было рѣшено. Но когда они разстались, Екатерина Алексѣевна и не сомнѣвалась въ своей полной побѣдѣ. И на другое утро она, даже не обинуясь, спросила у Евгенія, когда онъ думаетъ обо всемъ объявить Танѣ, какъ будто между ними что-нибудь было рѣшено на этотъ счетъ. Евгеній только понурилъ голову, не отвѣтивъ ни слова. Бѣдный малый сознавалъ, что въ душѣ ужь онъ покорился матери, но сказать это прямо, а тѣмъ болѣе объясниться съ Таней онъ не былъ еще въ силахъ.

XVI.

Онъ медлилъ цѣлыхъ два дня, думая какъ всѣ слабые люди, что время придетъ къ нему на помощь и Таня въ своемъ одиночествѣ сама пойметъ, что разлука неизбѣжна. Наконецъ онъ

превозмогъ свою нерѣшительность и поѣхалъ въ Лѣсной, самъ еще не зная хорошенько, какъ выскажетъ онъ Танѣ горькую правду. Давившая его мучительная тяжесть вины отражалась на его скорбномъ лицѣ, и увидавъ его, Таня съ тревогой бросилась къ нему, распрашивая объ его здоровьѣ. Да онъ и въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя совершенно больнымъ, и ласки Тани только усиливали въ немъ мучительное чувство стыда и безпомощность, и никогда еще Таня не видала его такимъ молчаливымъ и грустнымъ. Она старалась развеселить его, сыграла одну за другой его любимыя вещи, но онъ ея даже не слушалъ, весь погруженный въ одну неотвязчивую мысль. Чтобы искупить свою обидную разсѣянность, онъ старался быть нѣжнымъ съ нею, какъ въ первые дни, сознавая въ то же время, что онъ все дальше уходитъ отъ своей настоящей цѣли, что никакъ нельзя уже будетъ потомъ заговорить о неизбѣжной разлукѣ. Таня догадывалась, что между ними остается что-то не высказанное, что-то ужасное, но она боялась своей догадки, и обычная твердость измѣнила ей.

Такъ прошло нѣсколько часовъ, скорбныхъ и тяжелыхъ. Первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ они сблизились, они оба втайнѣ желали, чтобы поскорѣе кончилась эта мука и они могли бы остаться наединѣ съ своимъ невысказаннымъ горемъ. Евгеній такъ и не выполнилъ своего намѣренія. Онъ сказалъ ей только, что быть можетъ ему придется на время, всего на нѣсколько дней съѣздить въ деревню, гдѣ его присутствія требуютъ неотложныя дѣла. И какъ-разъ потому, что онъ сказалъ это почти уже на прощаніе и такимъ смущеннымъ глядѣло его лицо, Таня почти поняла.

— Скажи прямо, тихо проговорила она, упорно всматриваясь въ него своими большими печальными глазами,—не на нѣсколько дней ты уѣзжаешь, а навсегда?...

Она вся похолодѣла, говоря это, и въ ожиданіи его отвѣта слухъ ея сдѣлался какимъ-то напряженно-чуткимъ, точно она боялась подстеречь лживую нотку въ его голосѣ. Но ему удалось побороть свое волненіе.

— Полно, Таня, сказалъ онъ почти весело и такимъ искреннимъ тономъ, что она обманулась на мигъ,—что за глупости... И откуда у тебя эти мысли? Развѣ такъ прощаются навсегда?

И пока онъ говорилъ это, несчастный, странное, никогда еще не испытанное чувство полнаго омерзѣнія къ себѣ охватило его,

и онъ понялъ, что есть нѣчто худшее, болѣе горькое, чѣмъ самое горе,—сознаніе, что теряешь право уважать себя.

— И вотъ, добавилъ онъ все такъ же развязно,—ты вѣдь пробудешь безъ меня недѣлю, можетъ-быть двѣ, ты можешь остаться безъ денегъ, такъ я тебѣ привезъ, возьми...

Онъ досталъ изъ кармана пачку радужныхъ ассигнацій и передавая ей добавилъ: Меня даже удивляетъ, какъ ты все это время обходилась безъ денегъ. Давненько я что-то не распрашивалъ тебя про это... Я все это время, ты сама видишь, будто не свой... Все тревоги и дѣла, и все такія скучныя, тягостныя... Потомъ я тебѣ разскажу, когда вернусь.

Онъ обнялъ ее, говоря это, и всякая неправда была чѣмъ-то такимъ чужимъ для ея свѣтлаго, неопытнаго сердечка, что она не задумалась ему повѣрить и совершенно просто взяла деньги изъ его рукъ.

— Стало-быть ты ѣдешь завтра, и мы болѣе не увидимся? спросила она, провожая его на крыльцо.

— Нѣтъ, нѣтъ, завтра, напротивъ, я думаю весь день провести съ тобой. Я вырвусь ужь какъ-нибудь отъ дѣла. Такъ до свиданія, Таничка, моя милая...

И обнявъ ее лишній разъ, онъ сбѣжалъ съ крыльца и вскочилъ на извощика и теперь, когда онъ обернулся къ ней отъѣзжая, лицо его глядѣло совершенно весело. А кругомъ все также дышало веселіемъ. Тучи, стоявшія низко съ утра, разсѣялись совсѣмъ и капли дождя на листьяхъ деревьевъ блестѣли въ яркихъ вечернихъ лучахъ. Прозрачный воздухъ тоже, казалось, былъ ласковъ и нѣженъ. точно по нему еще проходило радостное дыханіе весны, а не строгій августовскій вечеръ опускался надъ увядающею зеленью. А гдѣ-то вблизи на одной изъ сосѣднихъ дачъ хоръ молодыхъ голосовъ дружно распѣвалъ какой-то цыганскій романсъ...

И все-таки едва отъѣхалъ извощикъ, Таня, съ минуту простоявъ на крыльцѣ, вдругъ почувствовала, какъ злая, тяжелая грусть къ ней опустилась на сердце, и показалось ей даже, что птичка, безпокойно чирикавшая на кусту, твердила ей какое-то недоброе насмѣшливое предсказаніе. Разомъ ее охватило среди этого тихаго вечера сознаніе того полнаго одиночества, какое сказывается только въ минуты разлуки съ любимымъ существомъ. И сама не зная почему, она вдругъ почувствовала, что никогда, никогда уже ей не увидать Евгенія. И какъ разъ оттого, что

вокругъ нея все такъ манило къ жизни, къ наслажденію, что нѣгой и тепломъ вѣяло въ открытыя окна, ей стало еще тяжелѣе, словно ей одной только на цѣломъ свѣтѣ приходилось тосковать среди общей радости.

Утренняя почта ей принесла письмо отъ Евгенія. Ему легче было изложить на бумагѣ то, что̀ ему не хватило рѣшимости высказать. „Милая дорогая Таня, писалъ онъ,—ты не ошиблась вчера, догадываясь, что я уѣзжаю надолго. Я не хотѣлъ тебѣ этого прямо сказать — вини меня за это пожалуй, это было малодушіемъ съ моей стороны, но что̀ дѣлать, коли мнѣ не хватаетъ смѣлости тебя прямо огорчать. Видѣть слезы на твоемъ миломъ кроткомъ личикѣ свыше моихъ силъ. И, повѣрь, не легко было мнѣ рѣшиться на эту разлуку. Ты, конечно, замѣтила, какъ все это время я былъ озабоченъ. Я думаю порядкомъ-таки я успѣлъ тебѣ надоѣсть своимъ мрачнымъ видомъ, своею непозволительною разсѣянностью. Дѣло въ томъ, что на меня навалилась цѣлая куча самыхъ разнообразныхъ непріятностей, и дома, и въ моемъ министерствѣ мнѣ просто отравляли жизнь все это время. Отдыхалъ я только въ твоемъ обществѣ. Теперь приходится и отъ этого утѣшенія отказаться. Обстоятельства сложились такъ, что мнѣ необходимо уѣхать изъ Петербурга на цѣлый мѣсяцъ, можетъ-быть на два. Уѣзжаю не простившись съ тобою потому, что прощаніе только растравляетъ горе. Я сдѣлаю все возможное, чтобы вернуться скорѣе. Покажи себя такою женщиной, бодрою и терпѣливою, какою ты была всегда, и постарайся не слишкомъ пенять на меня за то, что вчера я скрылъ отъ тебя правду. Впереди у насъ еще много хорошихъ, счастливыхъ дней. Сто̀итъ тебѣ перенести эту скучную пору и мы опять заживемъ на славу. Нечего и говорить, что я тебѣ довѣряю вполнѣ. Итакъ, до свиданія, моя милая, безцѣнная Таня. Посылаю тебѣ издали тысячу самыхъ горячихъ поцѣлуевъ. Помни и сожалѣй обо мнѣ, вѣдь я попрежнему навсегда твой Евгеній.

P. S. На всякій случай я поручилъ нашему старику Викентію—нечего дѣлать, пришлось ему повѣдать нашу тайну—устроить твой переѣздъ въ городъ, коли ты не захочешь остаться въ Лѣсномъ, и дать тебѣ денегъ, сколько будетъ нужно.“

Когда Евгеній писалъ это письмо, онъ далеко не лицемѣрилъ. Послѣ вчерашняго свиданія съ Таней у него сложилось рѣшеніе, показавшееся ему превосходнымъ. Разссориться съ матерью и покинуть Таню было въ его глазахъ одинаково невозможно.

Но отчего же не избрать средній путь, не исполнить для виду желаніе Екатерины Алексѣевны и, оставшись въ деревнѣ, сколько окажется нужнымъ для возстановленія домашняго мира, не вернуться къ любимой дѣвушк? Екатерина Алексѣевна, какъ всѣ женщины, мало-по-малу свыкнется съ мыслью, пугавшею ее сначала. А насчетъ Тани онъ совсѣмъ не боялся. Въ ея преданной вѣрности не могло быть никакого сомнѣнія, а твердости и терпѣнію прежняя жизнь успѣла ее выучить. И довольный придуманнымъ планомъ, Струйскій уѣхалъ въ тотъ же день, поручивъ старому буфетчику Викентію съѣздить въ Лѣсной черезъ недѣлю и вручить Танѣ полторы тысячи рублей.

Въ одномъ Евгеній, однако, ошибся. Прочитавъ письмо, Таня ни минуты не колебалась насчетъ его смысла. Она увидѣла въ словахъ Евгенія одну лишь увертливую, пристыженную ложь, недостойное желаніе прикрыть какимъ-нибудь предлогомъ окончательный разрывъ. И презрительное негодованіе, овладѣвшее ею на первыхъ порахъ, не дало ей даже вполнѣ почувствовать свое горе. Евгеній, котораго она не только любила всѣми силами души, разомъ упалъ въ ея глазахъ, оказался мелкимъ и, главное, трусливымъ обманщикамъ. Давно уже сомнѣнія прокрадывались къ ней, боролись съ ея любовью къ Евгенію, но ей удавалось подавить ихъ, подыскивая объясненія въ его пользу. Теперь былъ разомъ подведенъ итогъ всѣмъ этимъ колебаніямъ, и Струйскій предсталъ предъ нею съ новымъ уродливымъ обликомъ, точно письмо это пролило на него вдругъ яркій свѣтъ и обнаружило его настоящія черты. Она не заплакала даже, она только сказала себѣ, что все кончено между ними, что она теперь ни за что даже не захотѣла бы вернуться къ прежнему. Надо было тотчасъ, сегодня же уйти изъ этого дома, гдѣ все напоминало ей о немъ, и сдѣлать такъ, чтобъ онъ не могъ отыскать ее, еслибы даже захотѣлъ. Въ эти первыя минуты возмущеннаго раздраженія мысль о самоубійствѣ ей совсѣмъ не приходила въ голову. Она чувствовала себя выше, сильнѣе человѣка, обманувшаго ее, и отчаяніе ей казалось чѣмъ-то недостойнымъ. Бѣдная дѣвушка не знала, какъ искусственно и взвинчено было это настроеніе, какъ трудно ей будетъ отыскать новую дорогу, переступивъ черезъ порогъ этого дома. Съ лихорадочною поспѣшностью она уложила свои вещи, не задумываясь даже надъ тѣмъ, куда ей поѣхать. Но едва она очутилась на улицѣ, едва окунулось ея маленькое существованіе въ безбрежное море окружавшей ее жизни чу-

жихъ людей, сознаніе невозможности что-либо сдѣлать, полное отсутствіе цѣли и будущаго охватило ее съ безпощадною ясностью. И опять ея мысль замутилась, и стало ее тянуть какъ въ послѣднее убѣжище, въ темную пропасть, откуда нѣтъ возврата...

Старикъ Викентій въ точности исполнилъ приказаніе барина. Когда онъ узналъ, что Таня скрылась въ самый день отъѣзда Евгенія, онъ поскакалъ объ этомъ извѣстить Екатерину Алексѣевну. Она тотчасъ послала его разыскивать бѣглянку, сознавая должно-быть, что ей придется отвѣчать передъ сыномъ за послѣдствія своего крутаго вмѣшательства. Но старанія эти не привели ни къ чему. Ни родители Тани, ни ея немногія знакомыя не видали ее вовсе. Карлъ Ивановичъ, узнавъ объ исчезновеніи дочери, поднялъ шумъ, говоря, что виновные въ погибели его ребенка отвѣтятъ за это передъ судомъ. Его успокоили обычнымъ средствомъ. Полиція тоже ничего не знала. Начали было слѣдствіе, но должно-быть не слишкомъ усердно, такъ какъ уже на третій день послѣ тщетныхъ розысковъ дѣло было предоставлено волѣ Божіей. Словомъ, надъ головой бѣдной дѣвушки точно сомкнулись мрачныя волны, умѣющія вѣрно хранить ввѣренную имъ тайну.

XVII.

Прошло девять лѣтъ. Разъ Евгеній Борисовичъ Струйскій, тогда уже занимавшій довольно видное мѣсто, получилъ командировку по очень важному дѣлу въ большой провинціальный городъ N. Видный петербургскій чиновникъ и вдобавокъ пріятной наружности холостякъ—какъ всѣ почти маменькины сынки, Евгеній не успѣлъ вовремя жениться — сильно взволновалъ своимъ пріѣздомъ все мѣстное дамское общество. А губернаторша, по зрѣлости лѣтъ уже не мечтавшая о романическихъ приключеніяхъ, задумывала даже пристроить за нимъ одну изъ своихъ дочерей. Конца не было пикникамъ по мало интереснымъ окрестностямъ города. Разумѣется, бѣдный Евгеній, утомленный вечерними забавами еще болѣе, чѣмъ утренними дѣлами, скучалъ невообразимо. Впрочемъ за послѣднее время скучать ему доводилось частенько и въ Петербургѣ. Онъ былъ свободенъ, не старъ, богатъ, и карьера ему улыбалась, но въ себѣ

онъ ощущалъ—увы—какую-то роковую неспособность къ чему-либо стремиться, по крайней мѣрѣ стремиться съ достаточною силой, чтобы пожертвовать чѣмъ-либо для желанной цѣли, хотя бы своимъ покоемъ, этою докучливою отрадой пресыщенныхъ людей.

— Что̀, Маша, обратился разъ къ своей супругѣ губернаторъ въ его присутствіи, — ваши чаи на открытомъ воздухѣ надоѣли, кажется, Евгенію Борисовичу? Не попробовать ли чего-нибудь другаго? Одного вы еще Евгенію Борисовичу не показали, нашего театра... А мы имъ похвастаться можемъ...

— У насъ, доложу вамъ, обратился онъ къ Струйскому, — актриса есть презамѣчательная, Горская... Никогда про нее не слыхали? Она по всѣмъ провинціальнымъ городамъ успѣхъ имѣла огромный, и въ Одессѣ, и въ Харьковѣ, и въ Тифлисѣ. И представьте себѣ, ее звали въ Петербургъ на казенную сцену, она не захотѣла... И, доложу вамъ, такой талантъ и наружность такая интересная, какъ не скоро и встрѣтишь.

Говоря это, почтенный губернаторъ, лысый человѣкъ съ замѣтнымъ брюшкомъ, но еще не переставшій изрѣдка тайкомъ пошаливать, облизывался и хихикалъ, лукаво подмигивая Струйскому.

Сказано—сдѣлано. На слѣдующій вечеръ вся губернаторская семья съ Евгеніемъ въ придачу отправилась въ театръ и заняла предназначенную для мѣстнаго властителя большую ложу на авансценѣ. Давали *Грозу*. Евгеній не обѣщалъ себѣ ничего особеннаго отъ провинціальной знаменитости и приготовился скучать по обыкновенію. Но едва показалась Катерина, встрѣченная дружнымъ взрывомъ рукоплесканій, его поразило что-то странное, какъ будто знакомое, и въ наружности артистки, и въ ея походкѣ и въ особенности въ голосѣ, что-то давно забытое, но дорогое когда-то зашевелилось въ немъ, заставляя его прислушиваться къ каждому слову. Да, она поразительно напоминала Таню. Но въ то же время года сдѣлали свое. Черты сохранили молодую свѣжесть, голосъ остался чистымъ, но что-то иное, уже не прежнее,—полная увѣренность въ себѣ, привычка къ сценѣ, придававшая ея игрѣ что-то актерское, не совсѣмъ непосредственное, ясно говорили, что жизнь на подмосткахъ по-своему пересоздала робкую дѣвочку, нѣкогда возбудившую такой восторгъ среди публики Михайловскаго театра. Онъ не сомнѣвался однако, что передъ нимъ сама Таня, и громкая радость заговорила въ немъ, хотя къ этой радости примѣшивалось

болѣзненно-горькое чувство сожалѣнія о минувшихъ годахъ, тяжесть которыхъ онъ никогда не ощущалъ до сихъ поръ такъ ясно.

— Что̀, какова? подошелъ къ нему губернаторъ, когда окончилась первая сцена Катерины съ Кабанихой, — какова?

Онъ былъ весь красенъ отъ удовольствія и отъ того, что хлопалъ болѣе всѣхъ.

Евгеній очевидно и не разслышалъ его вопроса.

— А, да я вижу, батенька, вы сами тово, наклонился къ нему ухмылявшійся губернаторъ,—хотите, я васъ потомъ познакомлю... Можно будетъ даже маленькій ужинъ соорудить въ павильонѣ... при моемъ содѣйствіи это будетъ нетрудно, да и съ этими дамами знакомство идетъ быстро, ха, ха...

Губернаторъ изумился воспаленному, негодующему взгляду, брошенному на него Евгеніемъ. Струйскій не могъ спокойно выслушивать, какъ его Таню приравнивали къ другимъ заурядным актрисамъ, отзываясь о ней такъ легко. Онъ тотчасъ, однако, собою овладѣлъ.

— Скажите, вдругъ спросилъ онъ,—какъ ее зовутъ, вы знаете, конечно?

— Кого? Горскую? Еще бы не знать... Елизавета Сергѣевна... Да-съ, наша милая, безцѣнная Елизавета Сергѣевна, весь городъ отъ нея безъ ума. Одинъ изъ моихъ адъютантовъ вздумалъ было на ней жениться, но я, конечно, его урезонилъ.

Сердитыя искорки опять пробѣжали по глазамъ Евгенія. „Впрочемъ, сказалъ онъ себѣ,—можетъ-быть я и ошибаюсь. Вѣдь ее зовутъ Елизаветой Сергѣевной... пожалуй это и не она...“ И знакомое равнодушіе, тоскующее и холодное, опять заволокло его сердце, забившееся было на минуту. Но второе дѣйствіе снова разогнало это ощущеніе. „Нѣтъ, я не ошибался, это она, она... Ни у кого нѣтъ въ голосѣ этихъ золотистыхъ нотъ, и глаза эти, ея чудные глаза, и кроткіе, и пламенные въ то же время...“ А пока онъ говорилъ себѣ это, вызывая недоумѣніе дамъ, на которыхъ онъ рѣшительно не обращалъ вниманія, его коробило снова оттого, что его Таня слишкомъ ужь сознательно вела свою любовную сцену, и потомъ, когда занавѣсъ опустился, слишкомъ уже привѣтливо и опять-таки чисто по-актерски улыбалась публикѣ, среди которой у ней очевидно было много знакомыхъ. Она не забыла, разумѣется, и губернаторской ложи и свой улыбающійся взглядъ направила въ ея сторону Но вдругъ —что же это такое?

Что случилось съ ней? Евгеній стоялъ предъ самой рампой, сильно выдвигаясь впередъ, она не могла его не замѣтить, глаза ихъ встрѣтились, и мгновенно съ ея лица сбѣжала улыбка. Что-то странное, и горестное, и гнѣвное, вспыхнуло въ ея зрачкахъ, вѣки ея опустились и каменное выраженіе легло на ея черты, пока она медленно выходила за кулисы.

— Пойдемте, сказалъ губернаторъ, дотрогиваясь до его плеча,— я поведу васъ къ ней. Я предупредилъ ее.

— Вы назвали мою фамилію? взволнованнымъ голосомъ спросилъ Евгеній, слѣдуя за сановникомъ по корридору.

— Конечно, нѣтъ... Зачѣмъ?

— Однако я предпочитаю не являться предъ ней въ качествѣ безымяннаго незнакомца, съ притворною веселостью сказалъ Евгеній,—я лучше пошлю ей свою карточку.

— Какъ хотите...

И карточка была тотчасъ отправлена въ уборную актрисы, но къ немалому удивленію губернатора, чрезъ пять минутъ посланный явился съ отвѣтомъ, что Елизавета Сергѣевна очень извиняются и никакъ не могутъ принять господина Струйскаго. Губернаторъ сконфуженно покраснѣлъ.

— Странно, очень странно... Какъ это не принимать, когда вы со мной?! Нечего сказать, причудницы онѣ, эти актрисы.

Его изумленіе еще возрасло, когда немного спустя режиссеръ явился на авансценѣ и развязно кланяясь публикѣ объявилъ, что пьеса не можетъ быть окончена по случаю внезапнаго нездоровья г-жи Горской и вмѣсто нея пойдетъ водевиль *Левъ Гурычъ Синичкинъ*. Публика громко зароптала и недовольная стала расходится.

Евгеній не проронилъ ни слова. Вернувшись къ себѣ, онъ не легъ, и всю ночь тревожно просидѣлъ у открытаго окна, и Богъ знаетъ, что за мысли, одна другой мрачнѣе, проносились въ его взволнованномъ мозгу. Ночь была ласковая и мягкая, но на Евгенія она навѣвала однѣ мучительныя думы о неисправимомъ минувшемъ, о томъ, какъ прошелъ онъ, быть-можетъ, мимо настоящаго счастья, не примѣтивъ его. Онъ нетерпѣливо дожидался утра, и едва пробило одиннадцать, онъ поспѣшилъ въ гостиницу, гдѣ жила Горская. Онъ смутно надѣялся, что теперь, сегодня, она согласится его принять, и хоть самъ не зналъ, что̀ скажетъ ей, что̀ придется отъ нея выслушать, онъ болѣзненно,

страстно жаждалъ этого свиданія... Но швейцаръ его остановилъ у самаго порога гостиницы, объявивъ ему, что г-жа Горская уѣхала съ девятичасовымъ поѣздомъ. Услыхавъ это, Евгеній съ минуту простоялъ предъ нимъ, съ видомъ человѣка, мгновенно лишившагося сознанія, а потомъ, опустивъ голову, словно пристыженный, онъ медленными шагами пошелъ на свою обычную утреннюю работу, и совершенно безжизненною, разбитою, почти старческою, казалась его походка.

Болѣе онъ съ Горской не встрѣчался.

К. Орловскій.

4 іюля 1892 г.

ПО ЭЛЛАДѢ.

Изъ путевыхъ воспоминаній.

III.

Аѳины.

Общій видъ города.—Особенности архитектурнаго стиля государственныхъ и общественныхъ зданій.—Городское благоустройство.—Частная благотворительность Грековъ въ дѣлѣ украшенія города и въ другихъ отношеніяхъ.—Успѣхи народнаго просвѣщенія Грековъ: народныя школы, среднія учебныя заведенія, Университетъ, Политехническая Школа, ремесленныя школы; значеніе различныхъ Обществъ и Дружествъ въ дѣлѣ народнаго образованія.—Духовныя школы и греческое духовенство.—Переводная литература.—Успѣхи археологіи, объясняемые иностраннымъ вліяніемъ.—Французская Школа въ Аѳинахъ.—Аѳинское отдѣленіе Нѣмецкаго Археологическаго Института.—Англійская и Американская Археологическія Школы.

На пути, нами пройденномъ отъ Бриндизи до Патръ и отъ Патръ до Аѳинъ, многое не отвѣчаетъ ожиданіямъ человѣка, мало знакомаго съ нынѣшнимъ состояніемъ Греціи. Путешественникъ, привыкшій къ роднымъ ему условіямъ европейскаго комфорта, часто не найдетъ здѣсь и самыхъ простыхъ, самыхъ скромныхъ для себя удобствъ. Археологи и художники, которые будутъ искать монументальныхъ остатковъ классической древности, встрѣчаютъ на этомъ пути почти одни разочарованія, вслѣдствіе нерѣдко полнаго и совершеннаго исчезновенія даже памяти о когда-то кипѣвшей здѣсь жизни геніальнаго народа и о широкой его производительности въ области художествъ, изящныхъ ре-

меслъ и обширной торговли. Оттого мало-по-малу начинаетъ овладѣвать вами чувство какой-то невольной, хотя бы и тихой грусти, и это меланхолическое настроеніе растетъ въ васъ по мѣрѣ приближенія къ центру Эллады, къ Аттикѣ и Аѳинамъ. Вы знаете, что разрушеніе и смерть царятъ надъ всѣмъ древнимъ и тамъ; по воспоминаніямъ школьныхъ лѣтъ и по случайно-видѣннымъ рисункамъ, вы напередъ готовы представить разнесенныя по камнямъ древнія зданія и эти лежащіе теперь во прахѣ храмы, стои, портики, театры; напередъ ожидаете встрѣтить здѣсь новое кладбище античной жизни, только еще болѣе печальное и еще болѣе тяжелое въ силу особаго величія покойниковъ, тамъ на вѣки погребенныхъ.

Къ счастію, эта мрачная картина, сама собою создающаяся въ воображеніи путешественника, въ значительной степени теряетъ свои темныя краски по прибытіи его въ столицу нынѣшней Греціи. Прежде всего онъ испытываетъ здѣсь чувство удовлетворенія, порождаемое въ немъ сознаніемъ достигнутой цѣли. Послѣ далеко нелегкаго и далеко необычнаго пути онъ, наконецъ, вступилъ на ту священную почву, куда неслись его мечты и думы, можетъ-быть, въ теченіе многихъ лѣтъ напрасныхъ ожиданій. Уже это исполненіе дорогаго желанія само по себѣ наполняетъ его душу радостнымъ чувствомъ.

А затѣмъ, какъ бы ни печально были вы настроены картинами разрушенія, видѣнными прежде, новыя впечатлѣнія, которыми дарятъ чужестранца Аѳины, охватятъ васъ со всею силой и сразу же создадутъ въ вашемъ сердцѣ невольное расположеніе къ этому городу.

Весь бѣлый, въ европейскихъ своихъ кварталахъ чистый и щеголеватый, съ достаточно широкими улицами и обширными площадями, [1] обыкновенно невысокими, но красивой архитектуры домами, съ государственными и общественными постройками во всѣхъ родахъ древняго зодчества, дорическомъ, іоническомъ и коринѳскомъ, которые воспроизводятъ передъ непривычными глазами Европейца даже образцы разноцвѣтной раскраски тамъ, гдѣ мы обыкновенно не допускаемъ никакой пестроты колорита; съ своими многочисленными сооруженіями изъ

---

[1] Известковая почва Аѳинъ дѣлаетъ напрасными всякія усилія къ устраненію необычайно обильной, бѣлой и вредной для глазъ пыли, отъ которой приходится такъ сильно страдать здѣсь и туземцамъ и иностранцамъ.

пентелійскаго и гимметскаго мрамора,—этотъ городъ увлекаетъ васъ съ самыхъ первыхъ поръ. И это чувство не только не оставляетъ иноземца и не уменьшается въ немъ за все время пребыванія здѣсь, но, напротивъ, оно должно расти и дѣйствительно растетъ и крѣпнетъ, при мысли о томъ, что до войны за независимость Греціи и до созданія самостоятельнаго греческаго королевства въ 1830 г. на мѣстѣ и нынѣшнихъ и древнихъ Аѳинъ, у подножія Акрополя, ютилась грязная и бѣдная греко-албанская деревня съ тремя стами семей населенія. Остатки античныхъ храмовъ, галлерей и многіе памятники древняго зодчества и ваянія занесены были тогда пескомъ и покрыты густымъ слоемъ наносной земли; древнія колонны, сохранявшія свои мѣста въ теченіе тысячелѣтій и мужественно выдержавшія напоръ всевозможнаго разрушенія со стороны слѣпыхъ стихій и людской злобы или варварства, служили въ то, еще недалекое, время для устройства сѣноваловъ, овиновъ и конскихъ стойлъ; а на мѣстѣ великолѣпнаго и обширнѣйшаго изъ храмовъ древности [1] святилища Зевса Олимпійскаго былъ устроенъ токъ для молотьбы.

Но не смѣнилось и двухъ поколѣній, какъ теперь на мѣстѣ этой жалкой греко-албанской деревни разстилается красивый городъ съ 85.000 населеніемъ, идущимъ неуклонно впередъ по пути гражданственности, умственнаго и нравственнаго прогресса. Но Аѳины не только красивый городъ по своему внѣшнему виду, а также и вполнѣ благоустроенный, способный доставить всѣ удобства для тихой и серьезной жизни. Усталый путешественникъ находитъ здѣсь хорошія и на всякія цѣны гостиницы, многочисленныя средства передвиженія и въ прекрасныхъ четырехмѣстныхъ экипажахъ (со строго установленною и весьма невысокою таксой) и по конно-желѣзнымъ дорогамъ, и въ омнибусахъ, и трамваяхъ, развозящихъ пассажировъ по разнымъ направленіямъ аѳинскихъ окрестностей, въ Пирей, въ Фалеры, Элевсинъ и т. д. Къ услугамъ иностранца здѣсь библіотека, музей, парламентъ, театръ, королевскій садъ, рестораны и безчисленныя кофейни.

Столица греческаго королевства служитъ воплощеніемъ въ себѣ всего, на что способна въ отношеніи государственнаго, общественнаго и частнаго благоустройства и примѣненія изящ-

---

[1] По размѣрамъ его превосходилъ только храмъ Артемиды Эфесской.

ныхъ искусствъ къ потребностямъ жизни греческая нація въ лучшихъ своихъ представителяхъ.

А этотъ народъ, несмотря на всѣ превратности своей тяжелой судьбы и на варварское иго, тяготѣвшее надъ нимъ въ теченіе многихъ столѣтій, обладаетъ такими почтенными свойствами характера, которыя внушаютъ къ нему невольнее уваженіе и заставляютъ забывать другія, несомнѣнно слабыя его стороны. [1]

На первомъ мѣстѣ стоитъ здѣсь патріотизмъ Грековъ, ихъ необычайная любовь къ своей родинѣ. Это крѣпкое чувство создало войну за освобожденіе изъ-подъ турецкаго ига, это чувство вызвало многочисленныхъ героевъ, павшихъ тогда костьми за родную свободу на поляхъ битвъ или погибшихъ на турецкихъ эшафотахъ и висѣлицахъ, и своимъ примѣрнымъ мужествомъ упрочившихъ успѣхъ поднятаго ими народнаго знамени. Когда долго тянувшаяся война окончилась желанною побѣдой и когда вмѣстѣ съ тѣмъ настало время государственнаго устройства Греціи, патріотизмъ ея сыновъ нашелъ для себя яркое выраженіе въ частной благотворительности, грандіозные размѣры которой возбуждаютъ всеобщее уваженіе иностранцевъ. И эти обширныя благотворенія не прекратились по минованіи первыхъ, существенныхъ нуждъ новорожденнаго государства. Нѣтъ, они продолжались и послѣ, продолжаются и понынѣ. Богатые Греки, гдѣ бы ни составляли свои состоянія, въ Константинополѣ, въ Малой Азіи, въ Вѣнѣ, Бухарестѣ, Лондонѣ, Парижѣ, въ Буэносъ-Айресѣ, въ Австраліи, Индіи, или въ Петербургѣ, Одессѣ, Таганрогѣ, Ростовъ-на-Дону и пр., и въ наши дни считаютъ своимъ долгомъ удѣлять часть своихъ капиталовъ на украшеніе дорогихъ имъ Аѳинъ и на другія чисто-національныя нужды: и вотъ благодаря этому-то замѣчательному свойству народнаго характера нынѣшнихъ Эллиновъ, ихъ любимый городъ растетъ и богато украшается, получая къ тому же необычайно привлекательную и оригинальную архитектурную физіономію, которая столь рѣзко отличаетъ его отъ всѣхъ большихъ и малыхъ столицъ современной Европы.

---

[1] Изъ обширной литературы путешествій по Греціи укажемъ здѣсь лишь на нѣкоторыя книги, имѣющія непосредственное отношеніе къ нынѣшнимъ Грекамъ. *Jebb*, Modern Greece. London 1880; *Smith*, Glimpses of Greek Life and Scenery. London 1884; *Sergeant*, New Greece. London 1878; *Tuckermann*, The Greeks of To--day. 3 ed. New York 1886; *von Malingo*, Griechenland in unseren Tagen. Wien und Leipzig 1892.

Мы сказали, что эти жертвы достигаютъ весьма часто очень большихъ размѣровъ. Вотъ тому нѣсколько примѣровъ. Австрійскій баронъ Сина даритъ Аѳинамъ изящныя зданія Академіи Наукъ и Обсерваторіи и вноситъ нѣсколько милліоновъ франковъ на разныя благотворительныя учрежденія; братья Вальяно жертвуютъ милліонъ драхмъ на зданіе Публичной Библіотеки; Арсакисъ строитъ Воспитательный Домъ и обезпечиваетъ содержаніе его 275.000 драхмъ (франковъ): на частныя средства созданъ здѣсь Спротскій Женскій Институтъ, при чемъ на его основаніе внесли баронъ Сина 160.000 драхмъ, Тоссица 70.000 драхмъ, Ѳеодоридисъ 40.000 драхмъ, Варвакисъ 40.000 драхмъ и т. д. На собранныя жертвы основанъ „Спротскій Домъ Георгія и Екатерины Хадзи-Коста", владѣющій теперь неприкосновеннымъ капиталомъ около 2.000.000 драхмъ. На частныя средства, собранныя по подпискѣ, воздвигнуто прекрасное зданіе Университета, ласкающее глазъ гармоническимъ расположеніемъ своихъ частей, при строго выдержанномъ античномъ стилѣ, и стоившее 800.000 драхмъ. Изъ того же обильнаго любовью къ родинѣ источника лились средства на различныя учебно-вспомогательныя учрежденія Университета, какъ 200.000 драхмъ на Физіологическій Музей, 100.000 на Химическую Лабораторію, 300.000 драхмъ на научныя пособія и т. д. Благодаря новымъ дарамъ благотворителей аѳинскій Университетъ обладаетъ теперь состояніемъ выше 5.000.000 драхмъ и обставленъ всѣми необходимыми средствами для научныхъ занятій, въ томъ числѣ и богатою библіотекой. Братья Ризарисъ выстроили на свои средства Духовную Семинарію и щедро обезпечили ее существованіе навсегда. Сотни тысячъ драхмъ употреблены Тоссицами, Стурнарисомъ и Аверовымъ на возведеніе великолѣпнаго зданія и на устройство учебно-вспомогательныхъ учрежденій Политехнической Школы.

При помощи частныхъ пожертвованій строятся превосходное зданіе Гимназіи, Національный Музей, Театръ. Празднованіе совершеннолѣтія наслѣднаго принца вызываетъ въ Аверовѣ желаніе поднести 100.000 драхмъ будущему королю, съ просьбой употребить ихъ на какое-либо полезное для народа учрежденіе, по его личному благоусмотрѣнію; а когда наслѣдный принцъ собственноручнымъ письмомъ сообщилъ жертвователю о своемъ намѣреніи обратить эти деньги на устройство

зданія для кадетскаго корпуса, Аверовъ поднесъ еще 600.000 драхмъ для той же цѣли. Когда же недавно обнаружился сильный финансовый кризисъ королевства, тотъ же Аверовъ принесъ въ даръ своей родинѣ полтора милліона драхмъ. Банкиръ Сингросъ, между многимъ другимъ, строитъ на собственныя средства большое и дорого стоющее зданіе Музея въ Олимпіи для храненія на мѣстѣ главнѣйшихъ памятниковъ искусства, открытыхъ во время послѣднихъ раскопокъ этого священнаго города нѣмецкими учеными. Извѣстный своею широкою благотворительностью румынскій банкиръ и коммерсантъ Запасъ духовнымъ завѣщаніемъ отказываетъ все свое многомилліонное имущество Греціи—щедрость, вызвавшая теперь протестъ румынскаго правительства и поведшая къ международному процессу.

Выставляя вышеприведенныя цыфры, мы обозначили далеко не всѣ примѣры щедрыхъ жертвъ греческихъ патріотовъ на дѣла просвѣщенія и человѣколюбія въ своей странѣ. Въ общей сложности эти жертвы достигаютъ сотенъ милліоновъ драхмъ. И эта щедрость получаетъ тѣмъ большее значеніе въ глазахъ иностранцевъ, что зиждется она исключительно на благородныхъ побужденіяхъ. Въ Греціи нѣтъ ни дворянства, ни чиновъ, ни титуловъ. Правительство располагаетъ всего однимъ орденомъ Спасителя, который къ тому же жалуется вообще рѣдко, такъ что только одна чистая любовь къ родной землѣ и желаніе ей истиннаго блага руководятъ этими необычайными дарами жертвователей. Между послѣдними встрѣчаются и такіе, которые дѣлаютъ свои приношенія втайнѣ, скрывая собственное имя. Такъ одинъ благотворитель принесъ въ даръ „Обществу Распространенія Греческаго Образованія“ 150.000 драхмъ „на удовлетвореніе какой-либо настоятельной отечественной потребности“ и при этомъ не открылъ своего имени.

Въ то время какъ люди богатые заявляли и продолжаютъ заявлять свою любовь къ родинѣ щедрою благотворительностію на пользу государственную, интеллигенція страны дѣлаетъ все возможное для распространенія просвѣщенія. Интересно взглянуть на эту сторону народной жизни въ государствѣ настолько еще юномъ, что нерѣдко здравствуютъ тѣ, кто видѣлъ занимавшуюся зарю его свободы и политической самостоятельности.

Что же сдѣлала въ этомъ отношеніи Греція, недавно отпразд-

новавшая пятидесятилѣтній юбилей своего существованія? Нижеслѣдующія данныя съ очевидностью говорятъ намъ о способности нынѣшнихъ Эллиновъ къ образованію, о сильныхъ народныхъ стремленіяхъ къ нему и о несомнѣнно горячихъ заботахъ, дружно проявляемыхъ какъ правительствомъ, такъ и интеллигенціей въ этомъ отношеніи.

Нынѣшняя Греція, при 2.200.000 населенія, имѣетъ около 1.600 народныхъ школъ (δημοτικαὶ σχολαί), такъ что одна школа приходится приблизительно на 1.375 душъ. Это отношеніе весьма выгодно характеризуетъ юное королевство, потому что та же почти пропорція въ Австріи, гдѣ на 24 милл. жителей существуетъ около 18.000 народныхъ школъ или одна школа на 1.333 души [1].

Начальныя школы содержатся главнымъ образомъ на счетъ общинъ, потому что каждая община обязана имѣть по крайней мѣрѣ одну такую школу. Предметы обученія здѣсь довольно разнообразны: чтеніе, письмо, счетъ, Законъ Божій, начатки естественной исторіи, географія, отчизновѣдѣніе, исторія, рисованіе, тѣлесныя упражненія. Греческія дѣти учатся легко и быстро и, что̀ особенно бросается въ глаза наблюдателя, сами умѣютъ цѣнить выгоды образованія. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ чрезвычайно аккуратное посѣщеніе уличными мальчиками вечернихъ классовъ, устроенныхъ въ Аѳинахъ на частныя средства. Число добровольно записывающихся на эти занятія колеблется между 600 и 700 въ годъ—и случаи, чтобъ ученикъ, проведшій цѣлый день въ торговлѣ или на утомительныхъ работахъ и вдоволь уставшій, пропускалъ эти уроки, весьма рѣдки и исключительны. И это дѣлается при полномъ и намѣренномъ отсутствіи контроля со стороны начальства школы!

Среднія учебныя заведенія въ Греціи—двухъ родовъ: 1) такъ-называемыя эллинскія школы (Ἑλληνικαὶ

---

[1] Эти статистическія данныя мы заимствуемъ у *von Melingo*, указ. соч. стр. 102. Интересно сопоставленіе числа народныхъ школъ въ другихъ европейскихъ государствахъ: во Франціи 85.000 школъ (за 1887 г.) на 38.219.000 населенія (за 1886 г.), въ Германіи 57.000 школъ (за 1881 г.) на 46.856.000 (за 1885 г.), въ Италіи 44,050 школъ (за 1887 г.) на 30.565.000 (за 1888 г.), въ Россіи 43.000 школъ (за 1889 г.) на 89.680.000 (за 1885 г.), въ Англіи, безъ Ирландіи и Шотландіи, 19.221 школа (за 1888 г.) на 29.016.000 (за 1889 г.). Таковы, по крайней мѣрѣ, указанія, представляемыя новѣйшимъ статистическимъ словаремъ *Mulhall*, Dictionary of Statistik. 1892.

σχολαί), или какъ бы прогимназіи, съ трехлѣтнимъ курсомъ, въ составъ котораго входятъ: Законъ Божій, греческій языкъ, географія, исторія, математика, французскій языкъ и чистописаніе; латинскій языкъ здѣсь преподается только для желающихъ, и 2) гимназіи (Γυμνάσια) съ четырехгодичнымъ курсомъ, въ которыхъ кромѣ дальнѣйшаго прохожденія прогимназическихъ предметовъ, преподаются еще физика, химія, философская пропедевтика и латинскій языкъ и, необязательно, нѣмецкій и англійскій языки. Французскій языкъ проходится въ среднихъ школахъ особенно старательно, такъ что почти всякій интеллигентный Грекъ послѣ говоритъ по-французски довольно бѣгло, хотя и съ особымъ и очень непріятнымъ акцентомъ. Каждый округъ (епархія) долженъ имѣть по крайней мѣрѣ одну „эллинскую школу" и каждая номархія [1] (наша губернія) обязана имѣть гимназію. Всѣхъ гимназій въ Греціи 30.

Высшее образованіе получается въ Университетѣ (Πανεπιστήμιον), конечно, одномъ на всю страну. Основанный въ 1837 году, слѣдовательно спустя пять лѣтъ послѣ созданія королевства и открытый въ весьма скромныхъ размѣрахъ, всего съ 20 профессорами и 50 слушателями, аѳинскій Университетъ всталъ затѣмъ на твердую почву. Число преподавателей и студентовъ начало быстро возрастать. Частныя пожертвованія обезпечили матеріальную сторону этого учрежденія въ такой степени, что оно владѣетъ теперь, какъ выше сказано, собственнымъ имуществомъ стоимостію свыше пяти милліоновъ драхмъ (франковъ), доходы съ котораго идутъ на содержаніе учебно-вспомогательныхъ институтовъ университета, тогда какъ государство отпускаетъ около 300.000 драхмъ на жалованье профессорскаго и административнаго персонала, около 50.000 на университетскую и національную библіотеку, 10.000 на содержаніе Ботаническаго Сада. Платы за ученіе въ Университетѣ, равно какъ и въ остальныхъ школахъ Греціи, не существуетъ; лишь докторскій дипломъ облагается таксой во 100 драхмъ.

Стремленіе къ Университету въ молодомъ поколѣніи чрезвычайно сильно; Университетъ является завѣтною мечтой каждаго

[1] Въ сентябрьской книгѣ этого журнала, на стр. 30, по нашей опискѣ, напечатано: „Коринѳъ, главный городъ димархіи;" слѣдуетъ читать: номархіи.

гимназиста. И нѣтъ такого лишенія, на которое не отважился бы греческій юноша ради возможности слушать университетскія лекціи. Нищета аѳинскихъ студентовъ входитъ въ пословицу и это не даромъ, такъ какъ бываютъ случаи поступленія ихъ даже на черныя работы—изъ-за квартиры, стола и права посѣщать Университетъ. Но внутренняя жизнь аѳинскихъ студентовъ не отличается спокойствіемъ и упорядоченностію; всевозможныя политическія партіи и государственныя теченія страны находятъ себѣ здѣсь обыкновенно ярыхъ поборниковъ; оттого политическія агитаціи и мятежническіе спектакли столь часты въ стѣнахъ Университета. Здѣсь-то зарождаются и получаютъ первый закалъ тѣ горячіе и до лютости ожесточенные бойцы политики въ печатномъ и устномъ словѣ, которыми кишитъ маленькая Греція. О необычайномъ ростѣ численности студентовъ и профессоровъ всего лучше свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя: аѳинскій Университетъ, начавшій, какъ сказано раньше, свое существованіе съ 50 студентами и 20 профессорами, въ зимній семестръ 1890—91 учебнаго года имѣлъ около 3.500 слушателей, 53 профессора и 63 доцента.

Недостатокъ практическаго приложенія познаній, получаемыхъ въ Университетѣ, создающій многочисленныхъ юристовъ безъ кліентовъ и массу врачей безъ паціентовъ, заставляетъ теперь многихъ молодыхъ людей предпочитать Политехническую Школу, въ настоящее время имѣющую уже характеръ высшаго учебнаго заведенія. Она дѣлится на два отдѣленія: чисто техническое, дающее архитекторовъ, инженеровъ и землемѣровъ, и художественное, въ которомъ обучаются рисованію и живописи, скульптурѣ и гравированію. Послѣднее отдѣленіе, впрочемъ, не даетъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ, такъ какъ геній живописи и особенно ваянія оказывается не близкимъ нынѣшнимъ Эллинамъ; талантъ ихъ въ этой области сравнительно весьма незначителенъ. [1]

---

[1] Греческихъ скульпторовъ, сколько-нибудь извѣстныхъ за предѣлами своего отечества, нѣтъ; занимаются этимъ искусствомъ весьма немногіе. Лучшему изъ греческихъ ваятелей Дрозу (Δρόσος) принадлежитъ скульптурный фронтонъ Академіи Наукъ (Ἀκαδήμεια), представляющій рожденіе Аѳины, статуи Аѳины и Аполлона (копія Аполлона Бельведерскаго), поставленыя на высокихъ іоническихъ колоннахъ передъ тѣмъ же зданіемъ, и барона Сины внутри Академіи. Нѣсколько болѣе таланта обнаруживаютъ нынѣшніе Греки въ живописи; здѣсь слѣдуетъ назвать Литру (Λύτρας), Гюсиса (Γύσις) и Якобидиса (Ἰακοβίδης). Объ архитекторахъ мы говоримъ нѣсколько ниже.

Изъ другихъ спеціальныхъ школъ слѣдуетъ указать на четыре земледѣльческія, пять школъ мореплаванія, одну учительскую семинарію и нѣсколько духовно-учебныхъ заведеній.

Весьма значительную роль въ народномъ просвѣщеніи Греціи играютъ различныя Общества (Συλλογοί) и Дружества (Ἑταιρίαι). Нѣкоторыя между ними обладаютъ большими матеріальными средствами и нравственнымъ авторитетомъ, проявляемыми въ учрежденіи и содержаніи цѣлыхъ учебныхъ заведеній, въ изданіи литературныхъ органовъ, учебныхъ руководствъ, книгъ общаго содержанія, въ устройствѣ публичныхъ лекцій и т. д. Такъ Общество „Парнассъ“ основало школу въ Аѳинахъ для уличныхъ мальчиковъ, имѣетъ свой литературный журналъ и организуетъ популярно-научныя лекціи; „Общество Распространенія Греческаго Образованія“ располагаетъ капиталомъ въ 300.000 драхмъ и вмѣстѣ съ правительствомъ работаетъ надъ устройствомъ школъ въ Греціи и Турціи; „Байроновское Общество“ имѣетъ своей задачей распространять высшее литературное образованіе, „Филармоническое Общество“ основало Консерваторію для изученія музыки и драматическаго искусства и стремится поднять невысокій у нынѣшнихъ Грековъ вкусъ къ музыкальному искусству; „Общество Народныхъ Друзей“ издаетъ книги для народа, устраиваетъ чтенія для рабочаго класса и пр.

Особенную заботу другихъ Обществъ составляетъ женское образованіе: въ такъ называемомъ „Арсакіонѣ“ „Общество Друзей Просвѣщенія“ устроило образцовое заведеніе для приготовленія учительницъ и воспитанія сотенъ дѣвочекъ; „Женское Общество“ учредило ремесленную школу и огромныхъ размѣровъ мастерскую, въ которой уже до 500 женщинъ и дѣвушекъ находятъ заработокъ и обученіе рукодѣліямъ и ремесламъ. И эта мастерская пользуется вниманіемъ высшаго аѳинскаго общества, поддерживающаго его своими цѣнными заказами. Въ бытность нашу въ стѣнахъ этого почтеннаго учрежденія весною 1889 г., начальница его съ особою гордостью указывала намъ на нерѣдкіе заказы Двора и Королевской Фамиліи, усиливающихъ тѣмъ и энергію и матеріальную сторону заведенія.

Старанія, полагаемыя въ Греціи на усовершенствованіе народнаго просвѣщенія, не пропадаютъ даромъ. Это становится особенно яснымъ, между прочимъ, изъ того, что прежній обычай

греческихъ, мало-мальски состоятельныхъ семей посылать дѣтей для ученія за границу, преимущественно же въ Австрію и Германію, съ каждымъ годомъ отживаетъ свой вѣкъ. Теперь греческое юношество получаетъ и большинство его оканчиваетъ свое образованіе на своей родинѣ. Только дѣти людей богатыхъ или юноши, серьезно стремящіеся къ непосредственному знакомству съ университетскою наукой Западной Европы, отправляются туда, обыкновенно по окончаніи своего курса въ Аѳинахъ, для довершенія своего общаго и спеціальнаго образованія.

Аѳинскій Университетъ, Политехническая Школа, среднія учебныя заведенія, спеціальныя и народныя школы постоянно растутъ въ своемъ числѣ и идутъ по пути внутренняго и внѣшняго развитія. Менѣе поступательнаго движенія замѣтно въ жизни духовно-учебныхъ заведеній Греціи. Выше мы упоминали объ устройствѣ братьями Ризарисъ Духовной Семинаріи, стоившей имъ огромныхъ жертвъ. Здѣсь и въ трехъ духовныхъ училищахъ (ἱερατικαὶ σχολαί) получаетъ образованіе младшее поколѣніе нынѣшняго греческаго духовенства, но далеко не въ томъ числѣ, какъ это было бы желательно въ интересахъ церкви и страны. Существованіе въ живыхъ священниковъ еще прежняго, неученаго типа, заграждающихъ дорогу молодымъ людямъ, матеріальная необезпеченность духовнаго сословія, поставленнаго и здѣсь въ исключительную зависимость отъ прихожанъ и ихъ доброхотныхъ даяній за исполненіе церковныхъ требъ,—грустное обстоятельство, вынуждающее сельское духовенство заниматься торговлей, содержать шинки и харчевни, въ которыхъ священникъ вмѣстѣ съ женой не только прислуживаетъ гостямъ, но, въ случаѣ нужды, является ихъ партнеромъ въ картахъ или въ игрѣ въ кости,—и возможность лучшаго устройства на другихъ поприщахъ государственной службы и частной дѣятельности, заставляютъ молодыхъ людей вообще избѣгать духовнаго сана. Оттого число воспитанниковъ въ Ризаріонѣ недостаточно, да и они, по окончаніи курса, въ большинствѣ случаевъ снимаютъ свои школьныя рясы и поступаютъ или въ свѣтскія высшія училища, или же на поприще практической дѣятельности. Тѣмъ рѣже студенты малолюднаго богословскаго факультета избираютъ для себя духовное званіе. Дѣти неученаго сельскаго духовенства, вышедшаго непосредственно изъ народа, остаются большею частію въ деревняхъ, возвращаясь въ тотъ же классъ, изъ котораго вышли ихъ отцы; сыновья же священниковъ, получившихъ

образованіе, большею частію ищутъ иныхъ жизненныхъ профессій съ лучшимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ и болѣе независимыхъ въ нравственномъ отношеніи. Много лучшихъ силъ отвлекаетъ отъ духовнаго поприща и условіе безбрачія для овдовѣвшихъ священниковъ и діаконовъ, и требованіе монашества для достиженія высшихъ іерархическихъ степеней.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, недостатокъ въ образованномъ духовенствѣ весьма ощутителенъ въ современной Греціи; вслѣдствіе нужды, поставленіе неученыхъ крестьянъ сначала въ причетники, потомъ и во священники для селъ практикуется и теперь. А какой это въ умственномъ отношеніи темный типъ служителей церкви, мы увидимъ впослѣдствіи, когда станемъ дѣлиться впечатлѣніями, вынесенными изъ путешествія по селамъ и деревнямъ Пелопоннеса. [1]

Сказаннымъ выше мы, впрочемъ, нисколько не умаляемъ значенія греческихъ богослововъ и историковъ церкви, трудящихся

---

[1] О неудовлетворительности духовно-учебныхъ заведеній нынѣшней Греціи всего яснѣе свидѣтельствуетъ недавній докладъ аѳинскаго митрополита Германа греческому парламенту, исполненный горькихъ жалобъ на ненормальность постановки духовно-учебнаго дѣла. По этому докладу, высшимъ духовно-учебнымъ заведеніемъ въ королевствѣ является богословскій факультетъ Университета (ἡ Θεολογικὴ Σχολὴ τοῦ Πανεπιστημίου); но факультетъ этотъ бѣденъ и профессорами и студентами. Профессоровъ всего четыре, студентовъ бываетъ не болѣе 8 — 10 человѣкъ, да и то большинство изъ нихъ записывается сюда ради казенной стипендіи, на дѣлѣ же слушаетъ лекціи всякаго другаго факультета кромѣ богословскаго.

Типъ средняго духовно-учебнаго заведенія представленъ семинаріей Ризарисовъ (Ῥιζάρειος Σχολή). Она служитъ посредствующимъ звеномъ между богословскимъ факультетомъ и низшими духовными училищами (ἱερατικαὶ σχολαί). Семинарія состоитъ изъ шести классовъ; но число учениковъ не поднимается свыше 60 человѣкъ. Въ своемъ докладѣ митрополитъ Германъ жалуется, что это прекрасное по мысли учредителей учебное заведеніе почти никогда не приносило ожидаемой пользы Греческой Церкви, такъ какъ большинство ея воспитанниковъ, по окончаніи курса, ищетъ другихъ поприщъ жизни, избѣгая духовнаго сана. Немало бываетъ между ними и такихъ, которые послѣ становятся даже во враждебныя отношенія къ духовенству и къ церковнымъ службамъ и обрядамъ. Низшихъ духовныхъ училищъ (ἱερατικαὶ σχολαί) въ королевствѣ было прежде четыре, но одно изъ нихъ, на островѣ Коркирѣ (Κορφοῦ), закрылось, по недостатку въ ученикахъ; остальныя же три, по характеру преподаваемаго тамъ ученія, близко подходятъ къ разряду народныхъ школъ (δημοτικαὶ σχολαί). Знаменательны жалобы митрополита аѳинскаго на необязательность Закона Божія для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній и на малоуспѣшность преподаванія его въ остальныхъ школахъ Греціи. См. духовный журналъ Ἀνάπλασις 1892. №№ 105, 106, 107.

въ аѳинскомъ Университетѣ и занимающихъ высшія мѣста въ церковной администраціи. Почтенная дѣятельность ихъ извѣстна спеціалистамъ, да и намъ лично довелось видѣть и знать въ Аѳинахъ одного сравнительно молодаго митрополита, удалившагося въ частную жизнь, чтобы совершенно отдаться дорогой ему ученой дѣятельности. Много путешествовавъ по Западной Европѣ, много работавши надъ греческими рукописями въ библіотекахъ различныхъ странъ, онъ, для окончанія одного своего ученаго труда, предпринялъ, три года тому назадъ, нарочитое путешествіе въ Москву, чтобы пересмотрѣть здѣсь греческія рукописи Синодальной библіотеки и важнѣйшія въ ряду интересовавшихъ его снять фотографіей. Почтенный іерархъ, владѣя древними и нѣсколькими, для книжныхъ цѣлей, новыми языками, совершенно свободно говоритъ по-нѣмецки.

Обратимся теперь къ замѣчаніямъ о другихъ сторонахъ современной жизни Грековъ, которыя невольно обращаютъ на себя вниманіе путешественника, поселившагося въ Аѳинахъ.

Благотворители своими колоссальными жертвами и правительство ассигновкой суммъ изъ государственнаго казначейства обезпечиваютъ матеріальную сторону народнаго просвѣщенія, педагогическій міръ работаетъ надъ насажденіемъ наукъ въ школахъ всѣхъ родовъ и наименованій. Въ это время ученые и писатели проявляютъ сильныя попеченія объ успѣхахъ родной литературы. Литературная производительность, и оригинальная и переводная, съ каждымъ годомъ здѣсь увеличивается болѣе и болѣе. Въ особенности поражаетъ своими размѣрами послѣдняя. Переводчиками стараго и новаго поколѣнія въ нынѣшнемъ столѣтіи греческой литературѣ усвоены Шиллеръ, Гёте, Виландъ, Гердеръ, Гесснеръ, Коцебу и многіе новѣйшіе представители нѣмецкой поэзіи; Мольеръ, Монтескіё, Вольтеръ, Руссо, Шатобріанъ, Лафонтэнъ, не говоря о главныхъ знаменитостяхъ современной французской литературы, и при томъ, къ сожалѣнію, далеко не одного хорошаго тона; изъ англійскихъ корифеевъ переведены Шекспиръ, Байронъ и многіе другіе.

Книжный рынокъ въ Аѳинахъ вообще отличается весьма большимъ оживленіемъ; но еще сильнѣе здѣсь газетная производительность, достигшая необычайныхъ размѣровъ для такой маленькой страны, какъ Греція. Въ Аѳинахъ и въ провинціальныхъ городахъ издается свыше восьмидесяти ежедневныхъ и еженедѣльныхъ газетъ политическаго, литератур-

наго и научнаго содержанія. При такомъ количествѣ, конечно, невозможно ожидать печатанія ихъ въ большомъ числѣ экземпляровъ: оттого даже наиболѣе значительные органы, какъ Ἀκρόπολις, Ἐφημερίς, Ὥρα, Ἐθνικὸν Πνεῦμα и нѣкоторыя другія газеты, не печатаются свыше 4.000 экземпляровъ.

Свобода мнѣній и печати въ Греціи безграничная; ни цензуры, ни конфискаціи разъ вышедшей книги или листка здѣсь не существуетъ.[1] Необычайная, какая-то неудержимая страсть нынѣшнихъ Грековъ къ политикѣ дѣлитъ читателей на множество партій, и изъ нихъ каждая находитъ выраженіе своихъ идеаловъ въ газетѣ, служащей ея интересамъ. А въ Греціи политикой занимаются и старый и малый, и ученый и неучъ. Политическій стонъ и гулъ стоятъ тамъ, въ наиболѣе напряженные моменты, въ каждой кофейнѣ, въ каждомъ ресторанѣ и простонародной харчевнѣ не только столицы, не только большихъ и малыхъ городовъ, но и во всякомъ ханѣ захолустныхъ деревень. Политиканство составляетъ одну изъ слабѣйшихъ сторонъ Греціи, которая, благодаря страстности темперамента жителей и привычки ихъ непосредственно переходить отъ слова къ дѣлу, пережила такъ много тяжелыхъ внутреннихъ переворотовъ съ начала войны за освобожденіе и является театромъ постоянныхъ народныхъ волненій и въ наши дни.

Что касается научной литературы, то мы можемъ говорить только объ археологіи, заявляющей себя особыми, выдающимися успѣхами. Центромъ ея служитъ вышеупомянутое Аѳинское Археологическе Общество или Дружество; къ трудамъ и изданіямъ его принято теперь прислушиваться въ европейской наукѣ съ полнымъ уваженіемъ не только потому, что на страницахъ ихъ главнѣйшіе памятники, находимые въ раскопкахъ, публикуются обыкновенно въ первый разъ, но и по научному достоинству статей и изслѣдованій, тамъ помѣщаемыхъ. Каввадіасъ, Филіосъ,

[1] Это конечно не исключаетъ суда и наказаній за клевету и оскорбленіе личности. Какъ ни безшабашны здѣшніе юмористическіе иллюстрированные листки, закидывающіе своею необычайною грязью всѣхъ и всё, безъ различія положеній, но своими грубыми и дерзкими инсинуаціями насчетъ главы государства и они возбуждаютъ противъ себя судебные процессы. Такъ недавно редакторъ одного изъ этихъ, исключительно на низменные инстинкты массы разсчитанныхъ, листковъ, Ῥαβαγάς, судомъ присяжныхъ въ Ламіи былъ приговоренъ за оскорбленіе величества на семь лѣтъ тюремнаго заключенія, авторъ же соотвѣтственной статьи, бывшій депутатъ парламента, на три года. *P. von Melingo* указ. соч. стр. 73 и слѣд.

Стансъ, Команудисъ, Милонасъ, Лампросъ и др.—всё это почтенныя имена, которыя сдѣлали бы честь и другимъ народамъ. Недавно скончавшійся Рангависъ, человѣкъ необычайныхъ дарованій и энергіи,—поэтъ, переводчикъ Шиллера и Гёте, математикъ, литераторъ, писатель для театра и для школъ, педагогъ, профессоръ археологіи, министръ иностранныхъ дѣлъ, посолъ при Берлинскомъ дворѣ—умѣлъ въ своей тревожной и перемѣнчивой карьерѣ найти время для труда по греческимъ древностямъ, который былъ переведенъ на французскій языкъ и въ этомъ переводѣ цитуется въ иностранной литературѣ и понынѣ.[1]

Выше мы упоминали о любви аѳинскихъ строителей государственныхъ, общественныхъ и нѣкоторыхъ частныхъ зданій къ формамъ древняго греческаго зодчества. Университетъ, Академія Наукъ, Національный Музей, Политехническая Школа, Парламентъ, зданіе для ремесленныхъ и художественныхъ выставокъ, домъ Шлимана и нѣкоторыя другія постройки выведены здѣсь въ подражательномъ родѣ зодчеству древней Греціи. Можетъ быть кто-нибудь изъ читателей при этомъ спроситъ: откуда же у Грековъ, столько времени томившихся подъ иноземнымъ и варварскимъ игомъ, появилось такъ много научныхъ знаній по исторіи древняго искусства, примѣняемыхъ ими теперь, при возведеніи вышеназванныхъ сооруженій? откуда эта любовъ къ археологіи, это мастерство въ созиданіи многочисленныхъ музеевъ? откуда эта научная подготовка у народа, не имѣвшаго высшихъ школъ, не имѣвшаго научныхъ учрежденій и спеціальнаго класса ученыхъ? Эти вопросы невольно встали и предъ нами въ первый же день нашего пребыванія въ Аѳинахъ послѣ того, какъ мы обошли главныя улицы города и только поверхностно осмотрѣли наиболѣе замѣчательныя зданія, останавливающія на себѣ вниманіе своими строго выдержанными древними формами.

Дѣло объясняется здѣсь, конечно, всего болѣе иностраннымъ вліяніемъ, преимущественно Нѣмцевъ, которые явились въ Аѳины съ первымъ же греческимъ королемъ, Оттономъ I, сыномъ баварскаго короля, знаменитаго въ украшеніи Мюнхена Людвига I. Не говоря о многочисленной свитѣ тогда еще несовершеннолѣтняго баварскаго принца, избраннаго на греческій престолъ, сюда отправились на службу художники и ученые. Въ новой столицѣ предстояли большія строительныя работы и потому естественно, что баварскіе архитекторы, съ Гертнеромъ и Шаубертомъ во главѣ,

[1] Antiquités Helléniques. Par Alexandre Rangabe. 2 voll. Paris 1842—1855.

нашли здѣсь для себя обширное поле дѣятельности. Прежде всего нужно было построить дворецъ для короля. Это была самая большая работа, которую и повели два названные архитектора. Ихъ первый опытъ однако не былъ удаченъ: дворецъ вышелъ большимъ, но далеко не красивымъ зданіемъ, имѣющимъ какой-то казенный, казарменный видъ. Что заставило архитекторовъ Людвига баварскаго, величайшаго энтузіаста художествъ древней Эллады, избрать этотъ странный планъ, нисколько не идущій къ классическимъ воспоминаніямъ и изящнымъ архитектурнымъ руинамъ Аѳинъ, остается неразрѣшимою загадкой. Оттого этотъ большой дворецъ, сверкающій своимъ пентелійскимъ мраморомъ на далекое пространство по всѣмъ направленіямъ, стоитъ совершенно одинокимъ въ ряду другихъ аѳинскихъ сооруженій, легкихъ, изящныхъ, стройныхъ, съ гармонически расположенными частями.

Зданія этого новаго порядка, придающія такую своеобразную наружность этому городу, были дѣломъ датчанъ родомъ, братьевъ Теофила и Христіана фонъ-Ганзенъ. Университетъ, Академія Наукъ, Политехническая Школа, Обсерваторія, Парламентъ и другія государственныя и общественныя зданія возведены были ими и ихъ учениками, нѣмецкими архитекторами. Позднѣе, когда въ 1862 году вслѣдствіе тревожныхъ политическихъ условій, иностранцы должны были оставить Грецію, Теофилъ фонъ-Ганзенъ нашелъ себѣ радушный пріемъ въ Вѣнѣ, которую онъ также украсилъ многими великолѣпными сооруженіями. Подъ конецъ своей художнической карьеры онъ получилъ новый зовъ въ дорогія ему Аѳины для возведенія большаго зданія Публичной Библіотеки. На это предложеніе архитекторъ знаменитый не только своимъ выдающимся талантомъ, но и замѣчательнымъ безкорыстіемъ, отвѣтилъ желаніемъ исполнить его безвозмездно „въ доказательство своей любви и привязанности къ Элладѣ“.

Вмѣстѣ съ Оттономъ I поѣхали въ Грецію не только лица административнаго міра, не только архитекторы, но и люди науки и въ томъ числѣ именитый археологъ своего времени Людвигъ Россъ. Назначенный въ 1833 году консерваторомъ пелопоннесскихъ древностей, а съ основаніемъ аѳинскаго Университета получившій званіе профессора археологіи и главнаго антикварія королевства, онъ скоро сдѣлался центромъ, вокругъ котораго стали собираться въ Аѳинахъ иностранные и въ особенности нѣмецкіе археологи. Испробовавъ свое искусство въ

раскопкахъ, начатыхъ имъ, тотчасъ же по прибытіи въ Грецію, въ Тегеѣ, Спартѣ и Мегалополѣ, онъ открылъ свои плодотворныя изысканія на Акрополѣ Аѳинъ. Вмѣстѣ съ Шаубертомъ и Ганзеномъ онъ значительно очистилъ его отъ турецкихъ построекъ и возстановилъ небольшой, но изящный храмъ іоническаго стиля Аѳины-Побѣды, о которомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Подъ его руководствомъ работалъ и слушалъ его университетскія лекціи тогда еще только начинавшій свою, впослѣдствіи столь славную, карьеру Эрнстъ Курціусъ. Съ основаніемъ Людвига Росса въ Аѳинахъ, центръ тяжести въ разработкѣ греческой археологіи переходитъ къ нѣмецкимъ ученымъ, которые начинаютъ посѣщать эту страну чаще прежняго. Съ сороковыхъ годовъ посылки нѣмецкихъ археологовъ правительствами и самостоятельныя поѣздки ихъ въ Грецію становятся явленіемъ весьма замѣтнымъ въ ученой жизни Германіи; [1] но нужно было еще пройти тридцати слишкомъ годамъ прежде, чѣмъ Германія учредила постоянный Археологическій Институтъ въ Аѳинахъ, слѣдуя въ этомъ примѣру Франціи, которая утвердилась здѣсь, какъ мы уже имѣли случай упомянуть, еще въ 1846 году.

Французы ранѣе всѣхъ другихъ западно-европейцевъ сознали важность устройства собственнаго ученаго учрежденія на почвѣ Эллады, которое, будучи обставлено хорошими руководителями, спеціальною библіотекой и достаточными матеріальными средствами для жизни и ученой дѣятельности, должно приносить неизмѣримо бо́льшую пользу, чѣмъ отдѣльныя и не всегда систематическія правительственныя командировки ученыхъ и художниковъ. Эта мысль окончательно созрѣла во Франціи къ 1846

[1] Не касаясь многихъ другихъ нѣмецкихъ путешественниковъ по Греціи, за это время укажемъ на геніальнаго Карла Отфрида Мюллера, преждевременно сложившаго здѣсь свои кости († 1840), на Эрнста Курціуса, плодомъ путешествій котораго явились сочиненіе его Peloponnesos. Eine historisch-geographische Beschreibung der Halbinsel. 2 voll. Gotha 1851—1852 и его знаменитая по своимъ послѣдствіямъ идея о необходимости раскопокъ Олимпіи, на Ульрихса (см. его Reisen und Forschungen. 2 voll. 1840—1864), на Прусскую Археологическую Экспедицію подъ руководствомъ Бёттихера, Курціуса и Штарка въ 1862 г., на Фридриха Велькера (см. его Tagebuch einer Griechischen Reise. 2 voll. 1865), Конрада Бурсіана (его Geographie von Griechenland. 2 voll. Leipzig 1863—1872) и т. д., и т. д. Чѣмъ ближе къ шестидесятымъ и семидесятымъ годамъ, тѣмъ болѣе является нѣмецкихъ археологовъ на греческой почвѣ. Эти-то путешествія и ученые путешественники и подготовили созданіе отдѣленія Нѣмецкаго Археологическаго Института въ Аѳинахъ.

году, когда королемъ Луи Филиппомъ былъ подписанъ декретъ объ учрежденіи особой школы въ Аѳинахъ для изученія греческаго языка, исторіи и древностей на мѣстѣ. Это учрежденіе получило названіе École Française d' Athènes [1] и назначено было исключительно для лучшихъ питомцевъ Высшей Нормальной Школы (École Normale supérieure). которые уже получили ученую степень Agrégés de l'Université (адьюнктъ-профессоровъ). Они первоначально отправлялись на два года; но имъ могъ быть прибавленъ и третій годъ съ разрѣшенія министра иностранныхъ дѣлъ и по рекомендаціи французскаго посланника въ Аѳинахъ. Руководство занятіями членовъ Школы принадлежало директору ея, назначавшемуся изъ профессоровъ словеснаго факультета или изъ членовъ Института. Командируемые обязаны были присылать чрезъ своего директора ежегодные отчеты о своихъ занятіяхъ, которые министромъ иностранныхъ дѣлъ послѣ и разсматриваемы были въ Государственномъ Совѣтѣ. Министру принадлежало право не только продлить срокъ пребыванія членовъ Школы на греческой почвѣ, но и, въ случаѣ неудовлетворительныхъ успѣховъ ихъ, прекратить выдачу содержанія; имъ же утверждались и программы занятій командируемыхъ.

Кромѣ налагавшихся обязанностей, членамъ Школы предоставлено было право безплатнаго открытія курсовъ французскаго языка и литературы, курсовъ латинскаго языка и чтенія лекцій въ аѳинскомъ Университетѣ. Это право безплатнаго преподаванія французскаго языка было весьма важнымъ средствомъ для привлеченія симпатій аѳинскаго населенія къ молодымъ французскимъ ученымъ и ко всему этому иноземному институту. Выше мы уже имѣли случай отмѣтить необычайную способность греческаго юношества даже самыхъ бѣдныхъ и низкихъ слоевъ населенія цѣнить выгоды образованія и искать его повсюду. Безплатные уроки французскаго языка и литературы. открытые съ первыхъ же поръ существованія Школы, стали собирать многочисленныя аудиторіи и скоро создали популярность новопріѣхавшимъ археологамъ во всѣхъ классахъ аѳинскаго общества.

---

[1] Данныя по исторіи этого учрежденія см. *E. Vinet*, L'art et l' Archélogie. Paris 1874, стр. 92 и слѣд.; отчеты о дѣятельности Школы читаются въ Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. За сообщеніе намъ отдѣльныхъ оттисковъ ихъ, равно какъ и книги Вине, приносимъ искреннюю признательность проф. В. И. Модестову. Недавно появилось *Benoît*, La Grèce ancienne, étudiée dans la Grèce moderne. Souvenirs des commencements de l'École Française d' Athènes. Nancy 1892. См. также *С. Цыбульскій*, въ журналѣ „Гимназія" 1891, кн. 1—3, стр. 70 и слѣд.

Въ исключительномъ вѣдѣніи французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ „Аѳинская Школа“ находилась только до 1850 года, когда этотъ институтъ поставленъ былъ въ тѣсную связь съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Вмѣсто Государственнаго Совѣта отчеты командируемыхъ стали разсматриваться Академіей Надписей и Словесныхъ Наукъ, подъ существенный контроль которой съ этихъ поръ поставлена была Школа. Въ коммиссіяхъ Академіи стали отнынѣ вырабатываться и программы занятій командируемыхъ.

Первоначально молодые ученые посылались на два года, но съ этого времени второй годъ пребыванія въ Греціи поставленъ въ зависимость отъ успѣшности занятій въ теченіе перваго года: второй и, по нуждѣ, третій годъ назначаемы были министерствомъ народнаго просвѣщенія только послѣ благопріятнаго отзыва Академіи Надписей.

По истеченіи двѣнадцати лѣтъ существованія Школы, нашли нужнымъ открыть при ней отдѣленіе для изученія памятниковъ древней архитектуры. Съ 1859 года, такимъ образомъ, получили доступъ въ этотъ Институтъ не только Agrégés de l'Université, окончившіе курсъ Высшей Нормальной Школы, но и молодые архитекторы, воспитанники École des Beaux-Arts и Académie Française de Rome. 1859 годъ замѣчателенъ въ исторіи занимающаго насъ учрежденія и тѣмъ, что съ этого времени члены его обязаны были передъ отправленіемъ въ Грецію посѣтить Италію съ ея наиболѣе замѣчательными памятниками классической древности.

Съ тѣхъ поръ „Аѳинская Школа“ продолжаетъ дѣйствовать и понынѣ въ духѣ ея учредителей. Директоръ ея избирается изъ общепризнанныхъ спеціалистовъ по греческой филологіи и археологіи на шесть лѣтъ (прежде былъ избираемъ на три года), но онъ можетъ быть избранъ и на новый срокъ. Ему принадлежитъ руководство занятіями членовъ и административная роль въ учрежденіи, имѣющемъ свой бюджетъ, свой собственный домъ, свою библіотеку, музей и другое имущество. Чрезъ посредство директора члены сносятся съ министерствомъ просвѣщенія.

Члены командируются также изъ воспитанниковъ вышесказанныхъ учрежденій на три года,[1] изъ которыхъ они имѣютъ право пробыть годъ или два въ Римѣ, смотря по наклонностямъ и предмету спеціальныхъ изслѣдованій.

---

[1] Окладъ ихъ—4.000 франковъ въ годъ, при готовомъ помѣщеніи въ Аѳинахъ и Римѣ.

Кромѣ изученія Аѳинъ и ихъ памятниковъ, каждый членъ обязанъ совершить два путешествія въ годъ, избирая по своему усмотрѣнію мѣста и области собственной Греціи, Турціи и Малой Азіи. Въ рукахъ директора находится особый бюджетъ на веденіе археологическихъ раскопокъ во время этихъ путешествій. И наука уже обязана весьма многими открытіями этимъ изысканіямъ молодыхъ французскихъ археологовъ на древне-греческой почвѣ, произведеннымъ ими какъ въ годы пребыванія въ Аѳинахъ, такъ и въ позднѣйшее время. Изслѣдованія Гёзэ въ Ѳессаліи, Македоніи и смежныхъ странахъ, [1] Перро въ Малой Азіи, [2] Фукара и Вешера въ Дельфахъ, [3] Ол. Рэйе въ Милетѣ и многихъ другихъ мѣстахъ Малой Азіи, [4] Лебега и Омолля на островѣ Делосѣ, [5]

---

[1] *L. A. Heuzey*, et *H. Daumet*, Le Mont Olympe et l'Acarnanie. Exploration de ces deux régions, avec l' étude de leurs antiquités, de leurs populations anciennes et modernes, de leur géographie et de leur histoire. Paris 1860. Его же Mission Archéologique de Macédoine. Fouilles et recherches exécutées dans cette contrée et dans les parties adiacentes de la Thrace, de la Thessalie, de l' Illyrie et de l' Epire en 1861.... Paris 1864—1876.

[2] *G. Perrot*; *E. Guillaume*, *I. Delbet*, Exploration Archéologique de la Galatie et de la Bithynie, d' une partie de la Mysie, de la Phrygie, de la Cappadoce et du Pont, executée en 1861. 2 voll. Paris. 1872. Но Перро вмѣстѣ съ Шипье болѣе-извѣстны своимъ знаменитымъ и доселѣ продолжающимся трудомъ, Histoire de l' Art dans l' antiquité. Voll. 5. Paris. 1882—1890.

[3] *P. Foucart* et C. *Wischer*, Iscriptions recueillies à Delphes et publiées pour la première fois.... Paris 1863; имъ принадлежатъ и многіе другіе эпиграфическіе труды, изданные ими сообща и отдѣльно. Особенно производительна была дѣятельность Фукара въ бытность его директоромъ Аѳинской Школы, которую онъ оставилъ только годъ тому назадъ.

[4] *Olivier Rayet* et *A. Thomas*, Milet et le golfe Lathmique, Tralles, Magnésie du Méandre, Priène, Milet Didymes.... Fouilles et explorations archéologiques, faites aux frais de MM. les barons G. et E. Rotschild et publiées.... par *O. R.* et *A. Th.* Paris 1877—1888—трудъ неоконченный за преждевременной кончиной Рэйэ, этого чрезвычайно энергичнаго и талантливаго археолога, въ сравнительно немногіе годы своей ученой жизни успѣвшаго сдѣлать такъ много. Его энергіи обязано роскошное и полезное изданіе: Monuments de l' Art antique. 2 voll. Paris 1884. Мелкія его сочиненія и статьи собраны въ изданіи *O. Rayet*, Études d' Archéologie et d' Art. Paris 1888.

[5] *I. Lebègue*, Recherches sur Dèlos. 1876. Th. Homolle помѣщалъ свои отчеты о раскопкахъ на Делосѣ въ Bulletin de Correspondance Hellénique; въ непродолжительномъ времени долженъ появиться общій трудъ его по исторіи Делоса въ древности.

Римана на Іоническихъ островахъ, [1] Потье и Саломона Рейнаха на островѣ Родосѣ, [2] Олло̀ въ Беотіи, [3] доставили драгоцѣнные матеріалы для исторіи культуры и искусства Греціи. Начало этимъ выдающимся заслугамъ Школы положено было Эрн. Бёлé, который еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ производилъ раскопки на Акрополѣ Аѳинъ съ такимъ успѣхомъ, что и доселѣ называются его именемъ ворота, которыми входятъ въ его нижнюю ограду съ западной стороны (Porte de Beulé). [4] Въ этомъ перечнѣ раскопокъ мы ограничились только важнѣйшими изъ нихъ.

Французская „Аѳинская Школа" за сорокъ пять лѣтъ своего существованія дала много выдающихся профессоровъ высшихъ учебныхъ заведеній, академиковъ, ученыхъ: кромѣ вышеназванныхъ, отмѣтимъ здѣсь имена Лакруа, Левека, Бертрана, Фюстель де-Куланжа, Дешарма, Дюмона, Колиньона, византиниста Бэйе, двухъ Жираровъ, Жюля Мартà и др. Въ числѣ ея директоровъ состояли: Давелюи, Эм. Бюрнуфъ, Альберъ Дюмонъ, Фукаръ; нынѣ руководитъ этимъ учрежденіемъ Омолль.

Съ 1877 года Школа имѣетъ свой спеціальный журналъ, вышеупомянутый Bulletin de Correspondance Hellénique, Δηλτίον Ἑλληνικῆς Ἀλληλογραφίας. Согласно программѣ самого института обнимающаго собою студіи не только археологическія, но и филологическія и частію историческія, и этотъ ученый органъ по программѣ своей значительно шире спеціальныхъ журналовъ археологическихъ школъ, по примѣру Французовъ здѣсь основанныхъ другими національностями. На страницахъ этого изданія, выходящаго восемью выпусками въ годъ, получаютъ себѣ мѣсто статьи не только по вопросамъ греческой эпиграфики и монументальной археологіи, но и по лингвистикѣ Грековъ и народовъ съ ними смежныхъ и по греческой литературной и политической исторіи Среднихъ Вѣковъ, по Византійскому искусству и т. д. Въ этой широтѣ программы его сила и слабость. Этотъ органъ, снабжаемый превосходными геліогравюрами, съ самаго

---

[1] *Oth. Rieman*, Recherches sur les îles Ioniennes. I. Corfou. II. Céphalonie. III. Zanthe. IV. Cérigo. V. Apendice. См. Bibliotheque des Écoles Françaises d' Athènes et de Rome fasc. VIII, XII, XVIII.

[2] *Ed. Pottier* et *Sal. Reinach*, La Necropole de Myrina. 2 voll. Paris 1887.

[3] *Maur. Holleaux*, Fouilles au temple d' Apollon Ptoos въ Bulletin de Corr. Hellén за 1887 г. Ожидается общій трудъ его объ этомъ святилищѣ.

[4] *Ern. Beulé*, Acropole d' Athènes. 2 éd. Paris 1862.

начала получилъ международный характеръ. Открытый статьею греческаго ученаго Сакелліона, онъ съ тѣхъ поръ служитъ пріютомъ для ученыхъ и другихъ странъ. Кромѣ многочисленныхъ Грековъ, по временамъ здѣсь печатаются Англичане и наши отечественные ученые, какъ Латышевъ, Лазаревъ, Щукаревъ.

Таковы, въ краткихъ словахъ, успѣхи Французской Аѳинской Школы, начавшей свою дѣятельность въ наемномъ помѣщеніи, но уже съ конца шестидесятыхъ годовъ выстроившей здѣсь свое превосходное зданіе у подножія горы Ликабета, въ которомъ съ тѣхъ поръ и находятъ себѣ пріютъ не только члены Школы, но и другіе французскіе ученые, пріѣзжающіе сюда для работъ.

Успѣхъ этого учрежденія возбудилъ соревнованіе германскаго правительства, которое также основало въ Аѳинахъ отдѣленіе Императорскаго Нѣмецкаго Археологическаго Института. Открытый въ 1874 году, этотъ Институтъ въ настоящее время помѣщается въ прекрасномъ домѣ, нарочно выстроенномъ Шлиманомъ для жизни и ученыхъ трудовъ администраціи, стипендіатовъ и гостей. Онъ обладаетъ сравнительно небольшою, но съ знаніемъ дѣла и цѣлесообразно подобранною библіотекой.

Во главѣ его сначала былъ поставленъ Ульрихъ Кёлеръ. И почтенное имя этого руководителя посылаемыхъ сюда молодыхъ ученыхъ и еще болѣе блистательные успѣхи почти полувѣковаго существованія Института Археологической Корреспонденціи въ Римѣ (Instituto di Corrispondenza Archeologica), который хотя и основанъ былъ на международныя средства, но фактически уже давно перешелъ въ непосредственное вѣдѣніе сначала прусскаго, а потомъ германскаго правительства, сулили счастливую будущность новому учрежденію. Пользуясь опытомъ своего римскаго собрата, выработавшаго наиболѣе легкія и цѣлесообразныя средства для своихъ ученыхъ работъ въ чужой странѣ и въ иныхъ жизненныхъ условіяхъ, Нѣмецкій Археологическій Институтъ въ Аѳинахъ уже не долженъ былъ переживать тѣхъ тяжелыхъ судебъ, которыя не разъ выпадали на долю иностранныхъ археологовъ въ Римѣ.[1] Ставши здѣсь сразу и крѣпко, это ученое учрежденіе съ тѣхъ

[1] См. *Michaelis*, Geschichte des Deutsch. Archaeol. Institutes. Berlin. 1879.= Storia dell' Instituto Archeologico Germanico. Roma 1879; *П. Цвѣтаевъ*, Путешествіе по Италіи. Москва 1883, стр. 119 и слѣд.; *В. И. Модестовъ*, Журн. Мин. Нар. Просв. 1892, кн. IV, стр. 336 и слѣд. = Ученая жизнь въ Римѣ. С.-Петерб. 1892, стр. 39 и слѣд.

поръ идетъ неуклонно по пути постояннаго прогресса. Подъ его кровомъ собираются лучшія ученыя силы Германіи, посвящающія себя изученію греко-римской археологіи. Ежегодно живетъ здѣсь по пяти стипендіатовъ и по нѣскольку постороннихъ ученыхъ, пріѣзжающихъ сюда для спеціальныхъ работъ.

Съ перваго же года своего существованія Аѳинскій Институтъ, по примѣру Римскаго, около 9 декабря, въ годовщину рожденія Винкельмана, по справедливости считаемаго отцомъ современной художественной археологіи, открываетъ свои публичныя засѣданія и продолжаетъ ихъ до половины апрѣля. Отличіе этихъ засѣданій (собираемыхъ разъ въ двѣ недѣли, тогда какъ въ Римѣ они еженедѣльныя) отъ римскихъ заключается, конечно, въ выборѣ сюжетовъ, которые здѣсь, какъ и естественно было ожидать, исключительно греческіе: въ читаемыхъ рефератахъ обсуждаются вопросы эпиграфики и монументальной археологіи Грековъ, большею частью возбужаемые успѣхами современныхъ археологическихъ раскопокъ.

Такъ же, какъ и члены Французской Школы, стипендіаты Института объѣзжаютъ Грецію, острова и Малую Азію въ разныхъ направленіяхъ, для изученія мѣстности и памятниковъ старины, тамъ находящихся. Хотя они и не производятъ археологическихъ раскопокъ,[1] но во время своихъ путешествій они нерѣдко собираютъ драгоцѣнные матеріалы, остававшіеся дотолѣ въ полной неизвѣстности. Многое въ исторіи греческаго искусства, греческаго языка, греческихъ древностей и политической исторіи Грековъ стало достояніемъ науки, только благодаря этимъ разысканіямъ молодыхъ нѣмецкихъ ученыхъ.

Со втораго же года Нѣмецкій Институтъ началъ печатаніе своего спеціальнаго научнаго органа Mittheilungen des Deutschen Archäologischen Instituts in Athen., аккуратно выходящаго четырьмя выпусками въ годъ. Съ тѣхъ поръ появилось уже пятнадцать томовъ этого изданія, которое своимъ строго научнымъ характеромъ и массою памятниковъ, опубликованныхъ здѣсь въ первый разъ, и новизною ученыхъ объясненій заслужило общее признаніе археологовъ и историковъ. И потому едва-ли существуетъ какая-либо большая библіотека въ Европѣ и Америкѣ, гдѣ бы этотъ почтенный органъ не нашелъ себѣ мѣста. Нечего и говорить, что это изданіе распространено въ Германіи не только по университетамъ, но и по гимназіямъ.

[1] Раскопки изрѣдка производятся руководителями Института.

Главными вкладчиками изслѣдованій, статей и замѣтокъ явились здѣсь кромѣ перваго руководителя Института Ульриха Кэлера, молодые ученые Мильхгэферъ, Вейль, Лоллингъ, Кэрте, Фуртвэнглеръ, Дрессель, Лэшке, фонъ-Дунъ, покойный Людв. Юліусъ, Л. фонъ-Зибель, Фр. Тиршъ, Дэрпфельдъ, Пухштейнъ, Фабриціусъ, Лэви, Мордтманъ, Теодоръ Шрейберъ, Дюммлеръ, Студничка, Свобода, Вольтерсъ, Брюкнеръ, Винтеръ и многіе другіе. Изъ ученыхъ старшаго поколѣнія по временамъ печатаются здѣсь Эрн. Курціусъ, Бруннъ, Моммзенъ, Кекуле, Беннндорфъ, Трей и пр.

Подобно органамъ Римскаго Института (Bullettino и Annali dell' Instituto di Corrispondenza Archeologica) страницы этого журнала гостепріимно открыты и ученымъ другихъ національностей. Раньше всѣхъ стали печататься здѣсь Греки, Мюлонасъ, Попадопуло-Керамевсъ, Стамакисъ, Лампросъ и другіе; изрѣдка появляются статьи англійскихъ археологовъ—А. Мэрре и Рамсая. Но всего замѣтнѣе въ этой средѣ другихъ народностей русскія имена: Латышева, Новосадскаго, Никитскаго, Королькова, Кизерицкаго, Регеля, Щукарева, Селиванова.

Преобладающій языкъ этого органа—нѣмецкій, но печатаются здѣсь статьи и на греческомъ, англійскомъ и на итальянскомъ языкахъ.

Едва ли есть хотя одинъ наиболѣе важный вопросъ греческой археологіи и эпиграфики послѣднихъ двухъ десятилѣтій, который такъ или иначе не нашелъ бы себѣ обсужденія въ стѣнахъ Института и не былъ бы отмѣченъ на страницахъ этого журнала. Оттого-то „Athenische Mittheilungen“ (таково ихъ обиходное названіе въ наукѣ) [1] получили значеніе періодическаго изданія, неизбѣжнаго для историковъ, филологовъ, археологовъ.

Въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ Ульрихъ Кэлеръ, получившій каѳедру въ Берлинѣ, уступилъ свое мѣсто извѣстному знатоку греческой скульптуры, проф. Евг. Петерсену; его позднѣе смѣнилъ Dr. Дэрпфельдъ, пользующійся въ настоящее время славой перваго авторитета въ области греческой архитектуры какъ священнаго, такъ и мірскаго назначенія.

Говоря о главныхъ руководителяхъ Нѣмецкаго Института, мы

---

[1] Подобно тому какъ „Römische Mittheilungen“ съ реформы Римскаго Института въ 1886 году стали обозначать прежній Bulletino dell'Inst. di Corrisp. Archeologica. О характерѣ этой реформы см. проф. *Модестова*, Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 кн. IV, стр. 349 и слѣд.=Ученая жизнь въ Римѣ. Спб. 1892, стр. 50 и слѣд.

разумѣемъ ихъ Первыхъ Секретарей, потому что и Аѳинскій Институтъ управляется также двумя секретарями, какъ и Римскій. Соотвѣтственно ихъ ученымъ спеціальностямъ, распадаются и роли ихъ въ руководствѣ стипендіатовъ. Въ сферу одного входитъ веденіе практическихъ курсовъ по исторіи искусствъ и обозрѣніе вещественныхъ остатковъ древности, на обязанности же другаго лежитъ ознакомленіе съ наиболѣе важными памятниками греческой эпиграфики.

Въ послѣдніе годы подъ руководствомъ Dr. Дэрпфельда совершаются, въ весенніе мѣсяцы, систематическія путешествія по Пелопоннесу для обозрѣнія важнѣйшихъ его мѣстъ и памятниковъ. Къ участію въ этихъ археологическихъ экскурсіяхъ приглашаются и посторонніе. Dr. Дэрпфельдъ принадлежитъ къ числу лучшихъ знатоковъ Эллады и въ особенности Пелопоннеса и потому путешествія, руководимыя имъ, исполнены высокаго интереса. По этой причинѣ подписка на нихъ ведется уже заранѣе по всей Германіи.

Передъ нами лежитъ краткій отчетъ о такой экскурсіи, совершенной въ апрѣлѣ 1890 года. Не останавливаясь на памятникахъ архитектуры Аѳинъ и на произведеніяхъ древняго искусства, наполняющихъ аѳинскіе музеи, какъ уже осмотрѣнныхъ и изученныхъ въ зимніе мѣсяцы, Dr. Дэрпфельдъ направился прямо въ Арголиду и началъ обозрѣніе ея съ Тиринѳа. Второй день путешественники провели въ Микенахъ, третій день употребленъ былъ на поѣздку въ Эпидавръ, четвертый ушелъ на обзоръ Аргоса и на посѣщеніе Триполиса; въ теченіе пятаго дня путешественники осмотрѣли Мантинею и Тегею; утромъ шестаго дня они переѣхали въ Мегалополь для ознакомленія съ раскопками, производимыми здѣсь Англійскою Археологическою Школой въ Аѳинахъ. Седьмой день посвященъ былъ пребыванію въ Ликосурѣ на раскопкахъ храма Деспойны, начатыхъ греческимъ правительствомъ. Восьмой день заняла верховая поѣздка въ Фигалію и къ храму Аполлона въ Бассахъ. На девятый путешественники прибыли въ Олимпію, гдѣ ихъ встрѣтилъ второй секретарь Аѳинскаго Института, Dr. Вольтерсъ. Въ Олимпіи они пробыли три дня. Дэрпфельдъ объяснялъ памятники архитектуры, Вольтерсъ знакомилъ участниковъ экскурсіи съ произведеніями ваянія, хранящимися въ здѣшнемъ музеѣ. Обойдены были при этомъ и ближайшія окрестности нѣкогда священнаго города. Въ теченіе тринадцатаго дня путешественники доѣхали

на лошадяхъ до Пиргоса и оттуда по желѣзной дорогѣ возвратились въ Аѳины. Кромѣ стипендіатовъ Института въ этой экскурсіи принимали участіе, между прочимъ, и такіе ученые, какъ извѣстный авторъ исторіи архитектуры Дурмъ, проф. Кекуле́, проф. фонъ-Виламовицъ-Мюллендорфъ, именитый Перро̀ и др. [1]

Живыя впечатлѣнія аѳинской жизни, путешествій и экскурсій подобнаго рода уносятся нѣмецкими археологами на родину и передаваемыя ими своимъ соотечественникамъ, они возбуждаютъ въ этихъ послѣднихъ любопытство и естественное желаніе видѣть классическія страны самимъ. Прежніе стипендіаты Института являются послѣ сами руководителями обществъ, организуемыхъ съ этою цѣлію изъ преподавателей классическихъ гимназій. Сначала такія путешествія гимназическихъ учителей и молодыхъ университетскихъ филологовъ устраивались въ Италію; [2] въ послѣднее время спеціально учительскія пилигримства предпринимаются уже въ Грецію, Малую Азію и Европейскую Турцію.

Не далѣе какъ минувшей весной сдѣлали такое археологическое путешестіе учителя Баденскихъ гимназій. [3] Программа этого предпріятія была составлена и разослана участникамъ заранѣе. Общество путешественниковъ состояло изъ двѣнадцати гимназическихъ преподавателей и кандидатовъ на учительскія мѣста великаго герцогства Баденскаго, изъ трехъ гимназическихъ учителей другихъ областей Германіи и изъ трехъ профессоровъ Фрейбургскаго университета; изъ нихъ два, Dr. Студничка и Dr. Фабриціусъ стали во главѣ экспедиціи, взявъ на себя роль путеводителей.

Срокъ путешествія, начиная со дня отправленія изъ Базеля (назначеннаго сборнымъ пунктомъ), опредѣленъ отъ 10 до 11 недѣль. Маршрутъ начертанъ былъ слѣдующій: 1) 11 марта выѣздъ изъ Базеля по желѣзной дорогѣ въ Бриндизи; отсюда переѣздъ на островъ Корфу, двухдневная остановка на островѣ

---

[1] См. Jahrbuch des Kais. Deutsch. Archäol. Inst. V, стр. 68. (Archäol. Anzeig.)

[2] Нѣсколько такихъ путешествій было сдѣлано подъ руководствомъ проф. Гейдельбергскаго университета Фр. фонъ-Дуна. Съ прошлаго года организація этихъ путешествій по Италіи приняла болѣе обширные размѣры и поступила въ непосредственное вѣдѣніе Римскаго отдѣленія Нѣмецкаго Археологическаго Института.

[3] См. Jahrbuch des Kais. Deutsch. Archäol. Instit. VII стр. 6 и слѣд. (Archäol. Anzeiger).

Итакѣ, переправа въ Патры и затѣмъ трехдневное пребываніе въ Олимпіи.—2) 14 дней путешествія пѣшкомъ, верхомъ и, гдѣ возможно, по желѣзной дорогѣ по Пелопоннесу, причемъ участники экспедиціи должны были посѣтить Фигалію, Бассы, Мессенію, Итому, Каламату, Спарту (остановка на два дня), Селласію, Триполисъ, Мантинею, Навплію, Тиринѳъ, Эпидавръ, Аргосъ, Микены, Коринѳъ.—3) 14 дней назначено на Аѳины, включая сюда и поѣздки на Мараѳонъ, Суніонъ, въ Элевсинъ, на острова Саламинъ и Эгину.—4) 12 дней на обозрѣніе Средней и Сѣверной Греціи, съ остановками въ Платеяхъ, въ Ѳивахъ, Ѳеспіяхъ, Орхоменѣ, Херонеѣ, Дельфахъ, въ Ѳермопилахъ, въ Ламіи, Воло, Лариссѣ, Фарсалѣ — и обратный путь до Пирея. Большая часть этого пути или проходится пѣшкомъ или проѣзжается верхомъ.—5) Около 24 дней положено было на поѣздку въ Малую Азію и въ Константинополь: переѣздъ изъ Пирея въ Смирну и затѣмъ посѣщеніе Эфеса, Сардъ, Магнезіи на Меандрѣ, Магнезіи на Сипилѣ, Пергама (остановка на два дня), Митилены, Дарданеллъ, Троп, Константинополя (на послѣдній городъ шесть дней). 6) Возвращеніе въ Карлсруэ по Восточной желѣзной дорогѣ, съ остановкою на два дня въ Вѣнѣ.

Стоимость расходовъ опредѣлена для каждаго члена экспедиціи въ 1.400 германскихъ марокъ, при чемъ Баденское правительство выдало по 950 марокъ пособія на каждаго своего подданнаго, такъ что изъ собственныхъ средствъ они должны были уплатить въ общую сумму экспедиціи лишь по 450 марокъ.

Уже за нѣсколько мѣсяцевъ сдѣланы были всѣ необходимыя приготовленія къ этому путешествію: составлена подробная карта всѣхъ странъ и мѣстъ, назначенныхъ для посѣщенія, разосланъ всѣмъ участникамъ перечень необходимыхъ и наиболѣе полезныхъ литературныхъ пособій, разослана инструкція съ разнаго рода практическими указаніями; исходатайствована, гдѣ только возможно, скидка провозной платы на желѣзныхъ дорогахъ и на пароходахъ, завязаны сношенія по всей Греціи съ цѣлію обезпеченія себѣ возможныхъ удобствъ и т. д.

Въ виду того, что эта экспедиція составлена исключительно изъ гимназическихъ преподавателей древнихъ языковъ и древней исторіи, цѣль этого путешествія заключалась не въ какомъ-либо спеціальномъ изученіи вопросовъ классической археологіи, а лишь въ томъ, чтобы дать имъ по возможности живое и

сестороннее представленіе о главнѣйшихъ мѣстахъ и памятникахъ жизни Греческаго народа и развитія его культуры, равно какъ и въ томъ, чтобы познакомить ихъ съ картинами природы греческаго Юга. Впечатлѣнія такимъ образомъ полученныя должны, по мысли учредителей этихъ экскурсій, неминуемо послѣ оживить и преподаваніе исторіи, и чтеніе древнихъ авторовъ. Мысль эта несомнѣнно вѣрная и нельзя ей не сочувствовать отъ всей души. Опыты подобныхъ путешествій по Италіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ; такой же, если не большій, успѣхъ будетъ сопровождать и эти педагогическія пилигримства подъ небо Эллады, гораздо менѣе извѣстной, чѣмъ Италія. Они дадутъ учителю то, чего не въ состояніи доставить никакая книга, никакое чужое, хотя бы и очень краснорѣчивое слово.

Такъ, Нѣмецкій Археологическій Институтъ, устроенный въ Аѳинахъ, не только служитъ высшей, чистой наукѣ, но приноситъ пользу и средней школѣ Германіи, подготовляя ей преподавателей, лично знакомыхъ со страной, языкъ, литературу и исторію которой они призваны насаждать въ умахъ подростающихъ поколѣній.

Польза учрежденія Французской Аѳинской Школы и отдѣленія Нѣмецкаго Института стали очевидны для другихъ народовъ. Съ начала восьмидесятыхъ годовъ основываютъ здѣсь свою Археологическую Школу Американцы (American School of Classical Studies at Athens). Это учрежденіе стоитъ въ близкой связи съ Американскимъ Археологическимъ Обществомъ, засѣдающимъ въ Бостонѣ. Снабженная обильными матеріальными средствами, Школа производитъ значительныя по своимъ размѣрамъ и результатамъ археологическія раскопки въ различныхъ мѣстахъ Греціи и Малой Азіи. Изъ нихъ между прочимъ укажемъ на раскопки театра Сикіона, и на раскопки храма въ Ассѣ (Ἄσσος) въ Троадѣ.[1]

Недавно появилась въ Аѳинахъ и Англійская Археологическая Школа (British Archaeological School), руководимая Dr. Эрнестомъ Гардперомъ.[2]

---

[1] Отчеты и ученые труды этой Школы помѣщаются въ American Journal of Archaeology и въ спеціальномъ изданіи Papers of the American School of Classical Studies at Athens, пятый томъ котораго вышелъ въ настоящемъ году (Boston 1892).

[2] О дѣятельности ея см. The Journal of Hellenic Studies за послѣдніе годы.

Австрія постоянно отправляетъ сюда своихъ стипендіатовъ, которые группируются около Нѣмецкаго Археологическаго Института.

Недавно возбужденъ вопросъ объ основаніи Археологической Школы для Датчанъ и Шведовъ.

Сбудутся ли когда-нибудь желанія нашихъ ученыхъ и педагоговъ имѣть свой, родной пріютъ въ Аѳинахъ и Римѣ, такъ горячо заявляемыя въ послѣдніе годы и въ печати,[1] и въ частныхъ бесѣдахъ и на Археологическихъ Съѣздахъ?[2] Мысль о необходимости Русскихъ Археологическихъ Школъ на почвѣ Греціи и Италіи несомнѣнно созрѣла въ той средѣ нашего общества, которая серьезно относится къ судьбѣ гуманистическаго образованія нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній и вполнѣ искренно желаетъ ему возможнаго у насъ процвѣтанія. И если этотъ прогрессъ классическаго образованія давно поставленъ и въ Западной Европѣ, владѣющей множествомъ всевозможныхъ пособій филологическаго, литературнаго, археологическаго и художественнаго рода, въ прямую зависимость отъ живаго, непосредственнаго изученія памятниковъ Эллады и Рима на мѣстѣ,—то насколько же болѣе нужно это непосредственное ознакомленіе съ Греціей и Римомъ намъ, при нашей бѣдности въ научныхъ трудахъ по древней исторіи, по древнимъ литературамъ, по классической археологіи!

Будемъ вѣрить, что эти благородныя желанія нашего ученаго и педагогическаго міра будутъ услышаны и что найдутся, въ возможный для того моментъ, матеріальныя средства на учрежденія этихъ школъ съ своимъ помѣщеніемъ, достаточною библіотекой, съ авторитетными въ наукѣ руководителями. Будемъ вѣрить, что создадутся прочные центры въ Аѳинахъ и Римѣ не только для Русскихъ ученыхъ и педагоговъ, но и для Русскихъ художниковъ.[3]

---

[1] См. проф. *Кулаковскаго*, «Русск. Вѣстникъ» 1888, кн. I, стр. 205 и слѣд.; *С. Цыбульскаго*, «Гимназія» 1891, №№ 1—3, стр. 81 и слѣд.; проф. *Модестова*, Журн. Мин. Нар. Просв. 1892 кн. IV, стр. 120=Ученая жизнь въ Римѣ. Спб. 1892, стр. 37.

[2] На Археологическомъ Съѣздѣ, бывшемъ въ Москвѣ въ январѣ 1890 года, вопросъ объ учрежденіи Русскаго Археологическаго Института или Русской Археологической Школы въ Римѣ былъ поднятъ проф. Модестовымъ и единодушно былъ поддержанъ всѣмъ Съѣздомъ.

[3] Непосредственное знакомство съ природою и памятниками искусствъ Ита-

На предыдущихъ страницахъ мы старались представить краткую характеристику современныхъ Аѳинъ и состоянія просвѣщенія нынѣшнихъ Эллиновъ. Столица греческаго королевства является предъ нами красивымъ, своеобразнымъ по своей наружности и вполнѣ благоустроеннымъ городомъ. Широкая благотворительность богатыхъ классовъ на дѣла просвѣщенія и милосердія, истекающая изъ горячей любви къ родинѣ, сильное стремленіе народа къ образованію и улучшенію своего матеріальнаго положенія составляютъ симпатичныя черты въ жизни современныхъ Грековъ. Но не для этого изящнаго города, не ради этихъ плодовъ новѣйшей цивилизаціи юнаго государства собираются сюда путешественники и ученые со всѣхъ странъ свѣта. Ихъ влекутъ къ себѣ остатки давно минувшаго, съ величавымъ и въ своемъ разрушеніи Акрополемъ во главѣ. Сюда, на эту священную гору отправляются они прежде всего, сюда же былъ и нашъ первый визитъ въ Аѳинахъ.

Воспоминаніямъ объ этомъ великомъ мѣстѣ мы и посвятимъ наши ближайшія бесѣды.

И. Цвѣтаевъ.

ліи уже давно признано необходимымъ для стипендіатовъ нашей Академіи Художествъ, и потому семья молодыхъ нашихъ живописцевъ и скульпторовъ (рѣже бываютъ архитекторы) никогда не переводится въ Римѣ. Но что небо Греціи и ея архитектурныя сокровища не менѣе важны для развитія художника, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Выше мы указали на примѣръ путешествія по Аркадіи нашего архитектора Сергѣя Иванова и на научную важность открытія, сдѣланнаго имъ въ отношеніи храма Аполлона въ Бассахъ. Но, по недавно напечатаннымъ свѣдѣніямъ, оказывается, что русскій художникъ много работалъ и въ другихъ мѣстахъ Греціи. Изучая памятники античной архитектуры, онъ оставилъ огромное количество собственноручныхъ рисунковъ, которые, въ силу духовнаго его завѣщанія, и издаются въ атласѣ литотрафическихъ и фототипическихъ таблицъ Нѣмецкимъ Археологическимъ Обществомъ въ Берлинѣ. Первый выпускъ, печатаемый подъ ближайшимъ наблюденіемъ извѣстнаго спеціалиста по греческой архитектурѣ, Рихарда Бона, написавшаго и объяснительный текстъ къ рисункамъ, заключаетъ въ себѣ 44 таблицы и представляетъ плодъ изученій Иванова въ Пестумѣ (Южная Италія), въ Олимпіи, въ Фигаліи, на Эгинѣ, въ Рамнунтѣ и въ Аѳинахъ. «Ѳесейонъ» и зданія Акрополя—Пропилеи, храмъ Аѳины-Побѣды, Эрехѳейонъ и Парѳенонъ служили предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій его въ Аѳинахъ въ 1857 году. Выходъ въ свѣтъ этого выпуска обѣщается къ концу текущаго года. См. Jahrbuch d. Kais. Deutsch. Archäol. Instit. VII (1892), стр. 129 (Archäol. Anzeiger).

ЧУВСТВО, ИДЕАЛЪ И ИДЕАЛИЗАЦІЯ.

(Психологическо-литературный этюдъ.)

I.

Въ 1517 г. въ небольшомъ нѣмецкомъ городѣ Виттенбергѣ произошло событіе, имѣвшее чрезвычайно важное историческое значеніе: скромный, никому до тѣхъ поръ неизвѣстный августинскій монахъ, Мартинъ Лютеръ, прибилъ къ дверямъ городскаго собора свои, знаменитые нынѣ, тезисы, и этимъ единичнымъ, повидимому, фактомъ начался новый періодъ въ жизни человѣчества, новый не только въ смыслѣ историческомъ, но, что̀ всего важнѣе, въ смыслѣ психологическомъ: на смѣну господствовавшаго въ Средніе Вѣка чувства явилась человѣческая мысль и громко потребовала признанія своихъ правъ. Основное требованіе всякаго мыслящаго существа, право свободнаго мышленія, сдѣлалось лозунгомъ того движенія, которое поднялъ Лютеръ и которое охватило вскорѣ половину Европы. Эта свобода мысли, потребованная сначала, согласно историческимъ условіямъ, въ сферѣ религіозной, будучи разъ пріобрѣтена, распространилась потомъ и на всѣ остальныя сферы человѣческой жизни. Черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ новое движеніе уже облеклось въ философскую формулу въ знаменитомъ изреченіи Декарта: „Я мыслю, слѣдовательно я существую“, при чемъ подъ понятіе мышленія Декартъ подвелъ *всѣ* совершающіеся въ насъ психическіе акты. Этимъ опредѣлился весь дальнѣйшій путь нашего развитія: признавъ первенствующее значеніе дѣятельности

мысли, мы отодвинули на второй планъ цѣлый громадный рядъ явленій, не поддающихся анализу, но постигаемыхъ инымъ путемъ, т. е. или при помощи воображенія, или при помощи чувства. Не признавать этихъ явленій, отвергать ихъ мы не можемъ; намъ безпрестанно приходится имѣть съ ними дѣло. Но, подчиняясь силѣ господствующаго настроенія, мы пытаемся разгадать ихъ путемъ анализа, а такъ какъ они этимъ путемъ не постигаются или постигаются только отчасти, то и самый анализъ выходитъ очень часто натянутымъ, искусственнымъ или противорѣчивымъ.

Такимъ образомъ, результаты новаго движенія, начавшагося болѣе 300 л. тому назадъ, оказались двоякими: съ одной стороны, право свободнаго мышленія привело къ тому поразительному развитію научнаго, теоретическаго знанія, плодами котораго мы пользуемся въ настоящее время; но оно же, съ другой стороны, привело къ одностороннему и потому ошибочному убѣжденію, будто всѣ психическіе акты человѣка исчерпываются аналитической работой ума и будто, кромѣ научнаго анализа, никакого другаго пути къ познанію окружающихъ насъ явленій нѣтъ. Все, что̀ не доказывается съ очевидною ясностью этимъ аналитическимъ путемъ, все это или отвергается, или подвергается сомнѣнію и оставляется, какъ простое, ничѣмъ не доказанное, ни на что̀ не опирающееся предположеніе.

Сначала такой взглядъ прилагался къ тѣмъ областямъ научнаго изслѣдованія, въ которыхъ, дѣйствительно, только однимъ аналитическимъ путемъ и можно придти къ болѣе или менѣе цѣннымъ выводамъ, какъ, напримѣръ, въ наукахъ точныхъ; но, мало-по-малу, онъ сталъ прилагаться и къ изслѣдованію такихъ явленій, какъ, напримѣръ, явленія психологическаго міра, которыя по существу не могутъ быть вполнѣ постигнуты путемъ одного анализа. Для разгадки этихъ явленій научный анализъ можетъ служить только подспорьемъ; основою же изученія этихъ явленій долженъ быть синтезъ, т. е. умѣнье постигать явленія психическаго міра въ ихъ органической совокупности и цѣлостности. И у насъ есть цѣлая сфера такого синтетическаго пониманія и изображенія психическихъ явленій, именно—сфера художественнаго творчества, сфера искусства. Всѣ великіе художники суть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и настоящіе психологи, и только при ихъ пособіи возможно правильное пониманіе и изученіе психическихъ явленій.

Эти именно соображенія и побудили меня въ предлагаемой бесѣдѣ о значеніи чувства въ жизни человѣка воспользоваться преимущественно тѣмъ матеріаломъ, который мы въ изобиліи находимъ въ произведеніяхъ искусства.—Это оказывается тѣмъ болѣе необходимымъ, что самый предметъ нашей бесѣды, чувство во всѣхъ его видахъ, выходитъ изъ круга явленій, непосредственно доступныхъ нашему анализу. Какъ мы увидимъ далѣе, различныя чувствованія зарождаются въ насъ независимо отъ нашего сознанія, которому, такимъ образомъ, дѣлаются доступными только *проявленія* чувствъ. Вотъ почему чувства и нельзя *доказывать*: ихъ можно только, съ одной стороны, обнаруживать, проявлять, съ другой — воспринимать. Весь вопросъ, слѣдовательно, зависитъ отъ правильности нашихъ наблюденій надъ проявленіемъ чувства и правильнаго ихъ выраженія. И вотъ, въ этомъ-то именно отношеніи художественное творчество оказываетъ наукѣ неоцѣненныя и ничѣмъ незамѣнимыя услуги, доставляя ей такой матеріалъ, безъ котораго она обойтись не можетъ, но котораго, однако, никакимъ другимъ путемъ пріобрѣсти нельзя. Главная, существенная цѣнность этого матеріала заключается въ его разносторонности: произведенія научныя даютъ пищу преимущественно нашему уму, тогда какъ произведенія искусства говорятъ всѣмъ сторонамъ нашей души: и уму, и чувству и воображенію, и этимъ прямо и непосредственно свидѣтельствуютъ, что существуютъ не одни только явленія, доступныя умственному анализу, что есть масса явленій, постигаемыхъ инымъ путемъ: путемъ дѣятельности воображенія или чувства.

Вслѣдствіе обширности самаго предмета нашей бесѣды, мнѣ придется опустить разныя подробности избраннаго мною вопроса и остановиться, преимущественно, на самыхъ существенныхъ результатахъ дѣятельности чувства.

По общеустановившейся терминологіи, чувство называется одною изъ душевныхъ *способностей* человѣка. Для ясной постановки вопроса, необходимо условиться, что̀ слѣдуетъ понимать подъ выраженіемъ „душевная способность“? Извѣстно, что такихъ „способностей“ нѣсколько: воображеніе, чувство, умъ, воля,—все это мы называемъ „душевными способностями, разумѣя подъ этимъ выраженіемъ, чаще всего, какой-то особый, такъ сказать, органъ, особую составную часть души. Но такое представленіе психической сущности человѣка не совсѣмъ вѣрно. Въ дѣйствительности душа не есть нѣчто составное, состоящее

изъ отдѣльныхъ частей, называющихся способностями. Она представляется намъ такою только при теоретическомъ разсмотрѣніи, только потому, что никакое научное изученіе явленія немыслимо безъ разложенія его на его составныя части и безъ разсмотрѣнія каждой части въ отдѣльности, т. е. безъ анализа явленія. Но, содѣйствуя научному изученію предмета, научный анализъ является иногда причиной невѣрнаго пониманія явленія, заставляя предполагать, что выдѣленныя анализомъ части явленія дѣйствительно существуютъ въ той отдѣльности и независимости другъ отъ друга и отъ цѣлаго, въ какой онѣ представляются при аналитическомъ разсмотрѣніи. Въ дѣйствительности же душа человѣка представляетъ единую и цѣльную психическую сущность, не разложимую на составныя части, потому что этихъ частей нѣтъ. Такъ-называемыя „душевныя способности" суть только различные *виды дѣятельности* одной и той же единой и неразложимой на части духовной сущности, вслѣдствіе чего, по органической связи между ними, они, сливаясь, легко переходятъ другъ въ друга и поглощаются другъ другомъ. Вотъ почему и бываетъ такъ трудно отыскать истинный источникъ того или другаго душевнаго явленія или разобраться въ мотивахъ человѣческихъ дѣйствій. Процессъ душевной дѣятельности можетъ начаться образомъ или картиной, созданными воображеніемъ, перейти въ чувство, вызванное этимъ образомъ или картиной, и закончиться мыслію, какъ логическимъ выводомъ изъ всего пережитаго человѣкомъ, изъ всего душевнаго процесса. Для того, чтобы быть способнымъ ко всевозможнымъ *видамъ* психической дѣятельности, носящимъ названіе „душевныхъ способностей", человѣку необходимо пройти долгій путь постепеннаго психическаго развитія, въ теченіе котораго, сообразно съ возрастомъ, онъ бываетъ болѣе способенъ къ какому-нибудь одному *виду* психической дѣятельности, зависящему отъ преобладанія одной изъ, такъ-называемыхъ, „душевныхъ способностей" надъ другими.

Прежде всего начинаетъ развиваться и дѣйствовать воображеніе, при чемъ чувство и умъ, хотя и не бездѣйствуютъ, но, въ сравненіи съ дѣятельностью воображенія, играютъ роль второстепенную; образы и картины, созданія фантазіи, берутъ верхъ надъ чувствами и мыслями. Этотъ періодъ соотвѣтствуетъ младенчеству и дѣтству человѣка, отличительнымъ признакомъ которыхъ является, поэтому, образность, картинность. Съ переходомъ

въ отрочество дѣятельность фантазіи слабѣетъ и отодвигается на второй планъ; наступаетъ чередъ развитія чувства, при которомъ воображеніе и умъ играютъ роль второстепенную, работая по преимуществу надъ тѣмъ матеріаломъ, который доставляетъ имъ чувство. Поэтому, отличительный характеръ отрочества—лиризмъ. Этотъ второй періодъ кончается съ переходомъ въ юношескій возрастъ, который характеризуется преимущественною, преобладающею дѣятельностью мышленія и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ мышленія,—критикой и скептицизмомъ. Это, такъ сказать, философскій періодъ въ развитіи человѣка.—Въ этой постепенной смѣнѣ различныхъ видовъ психической дѣятельности сказывается извѣстный педагогическій принципъ перехода отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному, который, какъ оказывается, положенъ въ основу всего психическаго развитія человѣка. Въ теченіе каждаго періода человѣкъ вырабатываетъ себѣ извѣстный кругъ идей, именно тотъ самый, который только и можетъ быть выработанъ при извѣстномъ видѣ психической дѣятельности: въ періодъ преимущественной дѣятельности воображенія вырабатываются тѣ идеи, существенный элементъ въ которыхъ составляетъ идея красоты, т. е. идеи *эстетическія*; въ періодъ дѣятельности чувства вырабатываются идеи добра, нравственности, т. е. идеи *этическія*; въ періодъ дѣятельности мышленія вырабатываются идеи *логическія*, идеи истины.

Развивъ такимъ постепеннымъ и медленнымъ путемъ свои „душевныя способности“, т. е. способность своей души къ различнымъ видамъ психической дѣятельности, человѣкъ въ зрѣломъ возрастѣ не только живетъ этимъ богатымъ наслѣдіемъ своей молодости, но получаетъ возможность обогащать себя новыми идеями, являющимися продуктами совокупной и гармонической дѣятельности всѣхъ, такъ-называемыхъ, „душевныхъ способностей“.

Оставляя въ сторонѣ первый и послѣдній періодъ психическаго развитія человѣка, остановимся на среднемъ, на дѣятельности чувства.

Психологія опредѣляетъ чувство, какъ *оцѣнку* явленій. Воспринимая какія-либо впечатлѣнія и испытывая какія-либо душевныя состоянія, человѣкъ не относится къ нимъ равнодушно. Напротивъ, ко всему, что совершается въ его душѣ, ко всякому впечатлѣнію и ощущенію, ко всякому образу, ко всякой мысли онъ становится въ то или другое отношеніе, оцѣниваетъ ихъ, и

эта оцѣнка вызываетъ душевное состояніе, называющееся чувствомъ. — Собственно это не опредѣленіе чувства, а указаніе общей и неизмѣнной формы, въ которой проявляется его дѣятельность. По существу, чувство, какъ душевная способность, то-есть какъ одно изъ свойствъ нѣкоторой психической сущности, есть любовь не въ смыслѣ личнаго влеченія, а въ смыслѣ альтруистическаго свойства человѣка. Поэтому, любовь и чувство не только синонимы, но просто выраженія тождественныя. Говоря про кого-либо, что онъ человѣкъ „безчувственный", мы выражаемъ этимъ не то, что онъ неспособенъ *ни къ какимъ* чувствамъ, а то, что онъ лишенъ тѣхъ *гуманныхъ*, *альтруистическихъ чувствъ*, *источникомъ которыхъ служитъ любовь:* нѣжности, жалости, сочувствія къ чужимъ бѣдствіямъ и т. п. Какъ начало божественное, любовь есть то *общее*, абсолютное начало, которое составляетъ связь между людьми, соединяетъ ихъ неразрывными узами какъ между собою, такъ и со всѣмъ остальнымъ міромъ. Но она же, вмѣстѣ съ тѣмъ, составляетъ въ каждомъ изъ насъ то *индивидуальное* начало, которымъ всѣ мы отличаемся другъ отъ друга. Дѣлаясь свойствомъ человѣка, любовь превращается во всѣ разнообразныя *чувствованія* человѣческія, а извѣстно, что эти чувствованія составляютъ личную, индивидуальную особенность человѣка, которою одинъ человѣкъ отличается отъ другаго. Всѣ виды чувствованій: зависть, ненависть, страхъ, злоба, негодованіе, ревность и т. п., суть названія тѣхъ душевныхъ состояній, въ которыхъ характеристическую особенность составляли большее или меньшее *присутствіе* или *отсутствіе* любви. Слѣдовательно, всѣ эти чувства *производныя*, не существующія отдѣльно и самостоятельно. Не говоря о такихъ чувствахъ, какъ злоба, негодованіе, ненависть, характерную особенность которыхъ именно составляетъ отсутствіе въ большей или меньшей степени любви, даже такія чувства, какъ зависть, страхъ, не имѣющія, повидимому, ничего общаго съ любовью, въ сущности тѣсно съ нею связаны. Завидуютъ только тому, кого не любятъ или къ кому равнодушны; любимому человѣку нельзя завидовать. Страхъ, какъ нравственное, душевное состояніе, является тоже при отсутствіи любви, ибо любовь безстрашна. Даже ревность, этотъ неизмѣнный, по всеобщему убѣжденію, спутникъ любви, свидѣтельствуетъ, въ сущности, не о любви, а о ея отсутствіи или о ея искаженіи. Ревнива бываетъ

только страсть, то-есть матеріализированное, слѣдовательно, искаженное чувство; истинная же любовь чужда этого недостатка.

Чтобы не затягивать нашей бесѣды, не будемъ останавливаться на разсмотрѣніи остальныхъ нашихъ чувствованій. Замѣчу только, что это разсмотрѣніе привело бы насъ къ тому же результату: перебравъ всѣ извѣстныя намъ чувствованія, мы бы убѣдились, что, вопервыхъ, вслѣдствіе неточности обыденной терминологіи, мы относимъ къ разряду чувствованій такіе душевные акты, которые ничего общаго съ чувствомъ не имѣютъ, напр., такъ-называемыя, чувства ожиданія, удивленія, пренебреженія, презрѣнія, долга, чести, удачи и неудачи и т. п.; а, вовторыхъ, что всѣ дѣйствительныя чувствованія суть производныя душевныя состоянія, находящіяся въ тѣсной зависимости отъ бо́льшаго или меньшаго присутствія въ нихъ единственнаго, настоящаго, самостоятельно существующаго чувства — любви,— которая, собственно, и составляетъ содержаніе того вида психической дѣятельности, который называется чувствомъ. По формѣ же дѣятельности чувство есть извѣстное самостоятельное отношеніе души къ явленію и, въ этомъ смыслѣ, оно, дѣйствительно, есть оцѣнка явленія. Но основаніемъ оцѣнки служитъ не столько качество явленія, сколько качество души: къ одному и тому же явленію хорошая душа отнесется однимъ образомъ, дурная—другимъ.

Характерную особенность чувствованій составляетъ то, что они не зависятъ отъ нашего сознанія и потому зарождаются въ душѣ незамѣтно для него: обращая сознаніе на наши чувствованія, мы находимъ ихъ уже готовыми въ душѣ, образовавшимися въ ней безъ его помощи. Эта независимость чувствованій отъ сознанія и служитъ причиной, по которой дѣятельность чувства должно признать болѣе легкою, чѣмъ дѣятельность ума, потому что, очевидно, чувство способно работать при такихъ условіяхъ, которыя совершенно недостаточны для работы ума.

Другая характерная особенность чувствованій состоитъ въ томъ, что съ ними тѣсно связано то, что̀ обыкновенно называется *счастіемъ* и *несчастіемъ*. Какъ личное душевное состояніе, счастіе и несчастіе обусловливается тѣмъ комплексомъ чувствованій, которымъ характеризуется *постоянный* душевный строй человѣка. Присутствіе въ душѣ любви и соединенныхъ съ нею другихъ кроткихъ и мирныхъ чувствъ, само по себѣ, независимо отъ всякихъ остальныхъ условій, есть уже счастье. Гнѣвъ, злоба

и обусловливаемое ими общее, постоянное душевное настроеніе, сами по себѣ уже составляютъ душевное несчастіе. Человѣкъ, исполненный любви, фактически обладаетъ внутреннимъ душевнымъ счастьемъ, какимъ бы неблагопріятнымъ перемѣнамъ ни подвергался онъ во внѣшней своей жизни. Наоборотъ, человѣкъ злобный, гнѣвный, мстительный, при самыхъ счастливыхъ внѣшнихъ условіяхъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ счастливымъ, да и самъ себя такимъ не признаетъ.

Съ этой точки зрѣнія дѣлается вполнѣ понятнымъ высокое нравственное значеніе ласки, сердечнаго отношенія къ людямъ. Сколько *дѣйствительнаго*, *непризрачнаго*, *душевнаго счастія* даетъ человѣку ласка, подъ которою должно понимать постоянное нѣжное и деликатное обращеніе къ высшимъ и лучшимъ сторонамъ человѣка, то-есть къ скрытому въ его душѣ абсолютному, божественному началу — любви! Это обращеніе, напоминая человѣку о присутствіи въ его душѣ этого божественнаго начала, вызываетъ его къ дѣятельности, даетъ человѣку возможность живѣе ощущать его въ себѣ, а это ощущеніе и есть настоящее счастіе. Недаромъ, хоть однажды испытанная человѣкомъ ласка оставляетъ отраднѣйшее воспоминаніе на всю жизнь.

Какъ въ періодъ дѣятельности воображенія умъ и чувство не бездѣйствуютъ, а работаютъ надъ создаваемыми имъ образами и картинами, такъ и въ періодъ дѣятельности чувства воображеніе и умъ не бездѣйствуютъ и присоединяютъ свою работу къ работѣ чувства, сосредоточиваясь преимущественно на его продуктахъ, то-есть въ зависимости отъ того, какія зарождаются въ человѣкѣ чувства, создаются у него соотвѣтствующіе образы, картины и мысли. въ своей органической совокупности вся эта психическая дѣятельность даетъ въ результатѣ извѣстный кругъ *идей*, то-есть продуктовъ органически-связанной дѣятельности чувства, ума и воображенія, при чемъ основой создаваемыхъ въ это время человѣкомъ идей служатъ сами чувствованія его, вызывающія тѣ или другіе образы, тѣ или другія мысли. Слѣдовательно, идеи эти будутъ относиться только къ извѣстному кругу явленій, доступныхъ, преимущественно, а иногда и исключительно, только чувству.

Что дѣйствительно дѣятельность чувства представляетъ вторую ступень въ душевномъ развитіи человѣка, подтверждается не только каждому изъ насъ знакомыми *романтическими* душев-

ными настроеніями, составляющими отличительную черту отрочества и ранней юности, но и историческими данными.

Весь средневѣковой періодъ въ исторіи человѣчества, періодъ его отрочества, такъ-сказать, можетъ быть названъ періодомъ романтическимъ, то-есть такимъ, характернѣйшія явленія котораго созданы, главнымъ образомъ, чувствомъ.

Преклоненіе предъ авторитетомъ, создавшее могущественную папскую власть, католичество, какъ въ высшихъ его проявленіяхъ—готической архитектурѣ и итальянской и испанской живописи, такъ и въ низшихъ,—въ религіозномъ фанатизмѣ, породившемъ инквизицію со всѣми ея ужасами, поклоненіе женщинѣ, завершившееся культомъ Божіей Матери, рыцарство, крестовые походы—*психологическою* основой всѣхъ этихъ явленій было, несомнѣнно, чувство въ разнообразныхъ его видахъ, дѣйствовавшее при извѣстныхъ историческихъ обстоятельствахъ. Ни съ какой другой точки зрѣнія явленія эти не объяснимы. Католичество, напримѣръ, съ его отрицаніемъ свободы мысли, съ его догматомъ слѣпой вѣры въ авторитетъ, съ его отрицаніемъ личности, съ его фанатизмомъ, проявившимся, съ одной стороны, въ поразительномъ самоотверженіи миссіонеровъ, съ другой—въ столь же поразительныхъ религіозныхъ преслѣдованіяхъ, дошедшихъ до послѣднихъ границъ неистовства въ инквизиціи, со всѣми ея пытками и казнями, однимъ словомъ,—католичество со всѣми своими выдающимися, характерными чертами есть, очевидно, религія чувства по преимуществу, какъ лютеранство есть религія ума. Понятно поэтому, почему католичество развилось въ тотъ именно періодъ жизни европейскихъ народовъ, когда они жили преимущественно чувствомъ. Въ этомъ смыслѣ оно уже отжило свой вѣкъ, ибо создавшій его психологическій моментъ давно уже кончился и воскресить его нельзя. Снова обратить всю западную Европу въ католичество, какъ это было въ Средніе Вѣка, невозможно. Въ настоящее время оно существуетъ, какъ политическая сила, значеніе которой лучше всего свидѣтельствуетъ о силѣ и глубинѣ того психологическаго момента, который его создалъ.

Въ связи съ католичествомъ находятся почти всѣ остальныя характерныя явленія Среднихъ Вѣковъ, и всѣ они могутъ быть объяснены съ психологической точки зрѣнія только, какъ явленія, созданныя чувствомъ. Что̀ такое крестовые походы, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ поднимавшіе съ мѣста сотни тысячъ

людей, которые, побросавъ свои семьи, свое имущество, отказавшись отъ всѣхъ привычныхъ условій жизни, отправлялись въ невѣдомыя страны, гдѣ большинство изъ нихъ находило вѣрную гибель; что̀ такое это грандіозное, ни раньше, ни послѣ не встрѣчающееся движеніе, какъ не выраженіе могучаго и глубокаго религіознаго чувства? Что психологическою основой средневѣковаго поклоненія женщинѣ было чувство, не требуетъ, какъ мнѣ кажется, доказательствъ. Это поклоненіе привело, съ одной стороны, къ культу Божіей Матери, какъ высшей, идеальной выразительницы дѣвственной женственности; съ другой—къ возможности такого характернаго явленія, какъ Жанна д'Аркъ, появившаяся именно въ странѣ, бывшею родиной средневѣковаго романтизма.

Я остановился на Среднихъ Вѣкахъ, какъ на явленіи настолько крупномъ и потому ясномъ, что психологическій характеръ его дѣлается для насъ совершенно понятнымъ. Но аналогичныя явленія можемъ мы замѣтить и въ жизни отдѣльнаго человѣка. Преобладающая роль чувства въ періодъ отрочества и ранней юности обнаруживается въ самыхъ характеристическихъ признакахъ этого возраста, въ томъ особенномъ, свойственномъ ему настроеніи, которое можно назвать романтическимъ. Выдающаяся особенность этого настроенія, составляющая, вмѣстѣ съ тѣмъ, характеристическую особенность чувства, какъ душевнаго состоянія, есть безотчетность, безпричинность и, слѣдовательно, неясность и неопредѣленность. Лучше всего состояніе это изображено въ извѣстномъ стихотвореніи Жуковскаго *Таинственный посѣтитель*. Назвавъ это смутное и неопредѣленное состояніе душевное „таинственнымъ посѣтителемъ", поэтъ пытается опредѣлить его, дать ему имя, и попеременно задаетъ вопросы:

„Не *надежда ль* ты младая,
„Приходящая порой
„Изъ невѣдомаго края
„Подъ волшебной пеленой?
. . . . . .
„Не *любовь ли* намъ собою
„Тайно ты изобразилъ?
. . . . . .
„Не волшебница ли *дума*
„Здѣсь въ тебѣ явилась намъ?
. . . . . .

„Иль въ тебѣ сама святая
„Здѣсь *поэзія* была?
. . . . . .
„Иль *предчувствіе* сходило
„Къ намъ во образѣ твоемъ
„И понятно говорило
„О небесномъ, о святомъ?

И за симъ оканчиваетъ стихотвореніе изображеніемъ того неопредѣленно-идеальнаго настроенія, которое такъ свойственно всякому романтизму:

„Часто въ жизни такъ бывало:
„Кто-то свѣтлый къ намъ летитъ,
„Подымаетъ покрывало
„И въ далекое манитъ."—

Кому изъ насъ незнакомо это смутное, неопредѣленное состояніе души, которое очень живо ощущается, но которое ни объяснить, ни назвать невозможно. Чѣмъ больше стараешься опредѣлить его словомъ, тѣмъ яснѣе сознаешь, что нѣтъ такихъ словъ, которыя могли бы вполнѣ его выразить.

Эта неясность, неопредѣленность душевныхъ настроеній, порождаемыхъ чувствомъ, лучше всего обнаруживается въ „безпричинности" этихъ настроеній: безотчетная грусть, безотчетный страхъ, безотчетная радость очень хорошо знакомы всѣмъ, кто переживалъ романтическую пору жизни. Къ этимъ душевнымъ настроеніямъ, неизвѣстно отчего происходящимъ, болѣе идетъ эпитетъ „безотчетный", чѣмъ „безпричинный", потому что, въ сущности, они не безпричинны, хотя человѣкъ и не можетъ дать себѣ въ нихъ отчета, то-есть не можетъ указать ни на какой внѣшній фактъ, который бы ихъ вызвалъ. И часто такого факта дѣйствительно нѣтъ; и столь же часто существуютъ факты, которые должны были бы вызвать какъ-разъ обратное настроеніе духа. Это показываетъ, что чувство, предоставленное самому себѣ, способно выдѣлять человѣка изъ окружающаго его міра и заставлять его жить не только внѣ явленій этого міра, но даже наперекоръ имъ, какъ, впрочемъ, и всякая, односторонне развившаяся и дѣйствующая душевная сила. Когда чувство, по своей напряженности и продолжительности, вполнѣ соотвѣтствуетъ вызвавшему его явленію, оно можетъ быть вполнѣ яснымъ и опредѣленнымъ для человѣка и не можетъ казаться

ему безпричиннымъ и безотчетнымъ. Но когда оно, не руководимое контролемъ другихъ душевныхъ силъ, отнесется къ явленіямъ внѣшняго міра сильнѣе и напряженнѣе, чѣмъ должно, оно теряетъ почву и дѣлается „безпричиннымъ", то-есть не обусловленнымъ тѣмъ явленіемъ, которое его вызвало. Зайдя за эти „реальные", такъ сказать, предѣлы, оно, ничѣмъ не сдерживаемое, начинаетъ развиваться само изъ себя, теряетъ границы и попадаетъ въ область неопредѣленности и неудовлетворенности.—А эта неудовлетворенность приводитъ къ грусти и разочарованію, этимъ неизбѣжнымъ спутникамъ романтическаго состоянія. Вотъ почему, чѣмъ сильнѣе человѣкъ чувствуетъ, тѣмъ сильнѣе овладѣваетъ имъ тихая безотчетная грусть. Лучшимъ выраженіемъ такого состоянія служитъ Сикстинская Мадонна Рафаэля. Сколько невыразимой, тихой, задумчивой грусти въ ея темныхъ глазахъ, хотя моментъ, въ который она изображена, вовсе не соотвѣтствуетъ такому грустному настроенію! Какъ одно изъ лучшихъ и высшихъ выраженій католичества, картина эта лучше всего обнаруживаетъ его романтическій характеръ.

Приводя, въ своихъ отрицательныхъ результатахъ, къ грусти и разочарованію, чувство способно, съ другой стороны, приводить и къ результатамъ положительнымъ, высшую степень которыхъ составляетъ *идеализація* явленій.

Мы такъ упорно осмѣиваемъ въ настоящее время все высокое и идеальное, что самыя слова „идеалъ", „идеализація" вызываютъ у насъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ, только улыбку снисхожденія. Между тѣмъ, тутъ очевидное недоразумѣніе, проистекающее отъ неправильнаго пониманія того психологическаго процесса, который приводитъ къ идеализаціи. Обыкновенно думаютъ, что идеализировать значитъ — ложно смотрѣть на явленія, представляя ихъ лучшими, чѣмъ они есть въ самомъ дѣлѣ. При такомъ взглядѣ идеализація оказывается результатомъ личныхъ свойствъ человѣка, вовсе не оправдываемыми свойствами тѣхъ явленій, къ которымъ она относится. Между тѣмъ, настоящая идеализація состоитъ вовсе не въ такомъ ложномъ отношеніи къ явленіямъ, а есть, наоборотъ, одно изъ высшихъ проявленій человѣческаго духа, ибо *она состоитъ въ способности чувства постигать идеальное, абсолютное добро*, поскольку оно обнаруживается въ явленіяхъ окружающаго насъ міра. Она ничего не выдумываетъ и не прикрашиваетъ, потому, что абсолютное добро дѣйствительно существуетъ и громко, внятно

говорить нашему чувству: надо только умѣть прислушиваться къ этому голосу и умѣть отзываться на него своимъ чувствомъ. Идеализація романтическая грѣшитъ только тѣмъ, что созданная односторонне дѣйствующимъ чувствомъ, принимаетъ бо́льшіе, чѣмъ слѣдуетъ, размѣры и часто становится, поэтому, неопредѣленною и неясною, даже для самого романтика, а при взглядѣ на нее со стороны—кажется безпричинною и неосновательною. — Прекраснымъ образцомъ такой идеализаціи можетъ служить стихотвореніе Жуковскаго: *Невыразимое* (сочин., изд. 7, т. II, стр. 76—77):

„Что нашъ языкъ земной предъ дивною природой?
„Съ какой небрежною и легкою свободой
„Она разсыпала повсюду красоту
„И разновидное съ единствомъ согласила;
„Но гдѣ, какая кисть ее изобразила?
„Едва, едва одну ея черту
„Съ усиліемъ поймать удастся вдохновенью...
„Нельзя ли въ мертвое живое передать?
„Кто могъ созданіе въ словахъ пересоздать?
„Невыразимое подвластно-ль выраженью?..
„Святыя таинства, лишь сердце знаетъ васъ.
„Не часто ли въ величественный часъ
„Вечерняго земли преображенья—
„Когда душа смятенная полна
„Пророчествомъ великаго видѣнья
„И въ безпредѣльное унесена—
„Сипрается въ груди болѣзненное чувство?
„Хотимъ прекрасное въ полетѣ удержать,
„Ненареченному хотимъ названье дать
„И обезсиленно безмолвствуетъ искусство?
„Что видимо очамъ—сей пламень облаковъ,
„По небу тихому летящихъ,
„Сіе дрожанье водъ блестящихъ,
„Сіи картины береговъ
„Въ пожарѣ пышнаго заката—
„Сіи столь яркія черты,
„Легко ихъ ловитъ мысль крылата,
„И есть слова для ихъ блестящей красоты;
„Но то, что̀ слито съ сей блестящей красотою—
„Сіе столь смутное, волнующее насъ,

„Сей внемлемый одной душою
„Обворожающаго гласъ,
„Сіе къ далекому стремленье,
„Сей миновавшаго привѣтъ
„(Какъ прилетѣвшее незапно дуновенье
„Отъ луга родины, гдѣ былъ когда-то свѣтъ,
„Святая молодость, гдѣ жило упованье),
„Сіе шепнувшее душѣ воспоминанье
„О миломъ радостномъ и скорбномъ старины,
„Сія сходящая святыня съ высоты,
„Сіе присутствіе Создателя въ созданьи—
„Какой для нихъ языкъ?.. Горѣ душа летитъ,
„Все необъятное въ единый вздохъ тѣснится
„И лишь молчаніе понятно говоритъ.“—

Такимъ образомъ, по словамъ Жуковскаго, того впечатлѣнія, какое производятъ на насъ картины природы, даже такія простыя и обыкновенныя, какъ закатъ солнца, и тѣхъ чувствъ, какія эти картины въ насъ возбуждаютъ, передать словами нельзя, потому, что это все равно, что: желать передать живое при помощи мертваго, пересоздать въ словахъ созданіе, выразить невыразимое, дать названье ненареченному. Можно передать словами только внѣшнія, видимыя подробности картины, но возбужденныхъ этой картиной чувствъ, свидѣтельствующихъ о присутствіи Создателя въ созданьи, передать нельзя и приходится ограничиваться безмолвнымъ умиленіемъ. Такое изображеніе, по своей неясности и неопредѣленности, оказывается, очевидно, одностороннимъ и субъективнымъ, потому что въ немъ выражено болѣе, чѣмъ есть въ дѣйствительности. Другой поэтъ, тоже романтикъ, но совершенно иного склада, Лермонтовъ, сумѣлъ ту же идею выразить совершенно ясно и опредѣленно, и если не всякій можетъ согласиться съ Жуковскимъ, то съ Лермонтовымъ нельзя не согласиться. Въ своей извѣстной элегіи „Когда волнуется желтѣющая нива“ онъ представляетъ еще болѣе простыя и обыкновенныя картины природы, чѣмъ Жуковскій: или желтѣющую ниву, лѣсъ, шумящій „при звукѣ вѣтерка“, и фруктовый садъ; или кустъ, съ бѣлѣющимъ подъ нимъ ландышемъ; или ключъ, бѣгущій по оврагу. Но возбуждаемыя въ немъ этими картинами чувства были столь ясны и опредѣленны, что онъ прекрасно сумѣлъ выразить ихъ въ послѣднихъ четырехъ строкахъ:

„Тогда смиряется души моей тревога,
„Тогда расходятся морщины на челѣ,
„И счастье я могу постигнуть на землѣ,
„И въ небесахъ я вижу Бога!“—

Вотъ это постиженіе того, что̀ живо говоритъ нашей душѣ, но чего нельзя непосредственно воспринять внѣшними чувствами, этотъ откликъ нашей души на голосъ идеальнаго, абсолютнаго добра, раздающійся изъ окружающаго насъ міра, и есть настоящая идеализація, главнымъ источникомъ которой въ душѣ нашей служитъ чувство. Иначе говоря, идеализація есть результатъ способности человѣка *чувствовать* и постигать *положительное начало,* то-есть абсолютное добро, и, слѣдовательно, не только не заслуживаетъ отрицательнаго къ себѣ отклоненія, но имѣетъ великое нравственное значеніе, потому что настоящую цѣну имѣетъ только то, что̀ есть въ явленіяхъ положительнаго, а не отрицательнаго. Чтобъ пояснить свою мысль, приведемъ нѣсколько примѣровъ, заимствуя ихъ изъ произведеній нашихъ писателей, такъ какъ поэтическія произведенія представляютъ наилучшій матеріалъ для уясненія психологическихъ вопросовъ.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ лучшихъ страницъ не только въ русской, но во всемірной поэзіи:

„Есть небольшое сельское кладбище въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи. Какъ почти всѣ наши кладбища, оно являетъ видъ печальный; окружавшія его канавы давно заросли; сѣрые деревянные кресты поникли и гніютъ подъ своими когда-то крашеными крышами; каменныя плиты всѣ сдвинуты, словно кто ихъ подталкиваетъ снизу; два, три ощипанныхъ деревца едва даютъ скудную тѣнь; овцы безвозбранно бродятъ по могиламъ... Но между ними есть одна, до которой не касается человѣкъ, которую не топчетъ животное: однѣ птицы садятся на нее и поютъ на зарѣ. Желѣзная ограда ее окружаетъ; двѣ молодыя елки посажены по обоимъ ея концамъ: Евгеній Базаровъ похороненъ въ этой могилѣ. Къ ней, изъ недалекой деревушки, часто приходятъ два уже дряхлыхъ старичка—мужъ съ женой. Поддерживая другъ друга, идутъ они отяжелѣвшею походкой: приблизятся къ оградѣ, припадутъ и станутъ на колѣна, и долго и горько плачутъ, и долго и внимательно смотрятъ на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ; помѣняются короткимъ словомъ, пыль смахнутъ съ камня, да вѣтку елки поправятъ, и снова

молятся и не могутъ покинуть это мѣсто, откуда имъ какъ будто ближе до ихъ сына, до воспоминаній о немъ... Неужели ихъ молитвы, ихъ слезы безплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О, нѣтъ! Какое бы страстное, грѣшное, бунтующее сердце ни скрылось въ могилѣ, цвѣты, растущіе на ней, безмятежно глядятъ на насъ своими невинными глазами: не объ одномъ вѣчномъ спокойствіи говорятъ намъ они, о томъ великомъ спокойствіи „равнодушной“ природы; они говорятъ также о вѣчномъ примиреніи и о жизни безконечной.“

Или вспомнимъ то мѣсто въ *Мертвыхъ душахъ*, когда Плюшкинъ вспоминаетъ, что у него въ городѣ есть знакомый предсѣдатель. При этомъ воспоминаніи на его „деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось - не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства: явленіе, подобное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ. Но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ ли вновь спина или утомленныя бореньемъ руки: появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лицо Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ, стало еще безчувственнѣй и еще пошлѣе.“

Или, возьмемъ еще одинъ примѣръ, изъ *Войны и Мира* (эпилогъ, гл. IV). Разсказывая о семейной жизни Николая Ростова послѣ брака его съ княжной Марьей Болконской, графъ Толстой рисуетъ такую сцену: „Одно, что̀ иногда мучило Николая по отношенію къ его хозяйничанью, это была его вспыльчивость въ соединеніи съ его старою гусарскою привычкой, давать волю рукамъ. Въ первое время онъ не видѣлъ въ этомъ ничего предосудительнаго, но на второй годъ своей женитьбы его взглядъ на такого рода расправы вдругъ измѣнился.

„Однажды лѣтомъ изъ Богучарова былъ вызванъ староста, замѣнившій умершаго Дрона, обвиненный въ разныхъ мошенничествахъ и неисправностяхъ. Николай вышелъ къ нему на крыльцо, и съ первыхъ отвѣтовъ старосты въ сѣняхъ послышались крики и удары. Вернувшись къ завтраку домой, Николай подсѣлъ къ женѣ, сидѣвшей съ низко опущенною надъ пяльцами головой, и сталъ разсказывать ей, по обыкновенію, все то, что̀ занимало его въ это утро, и между прочимъ, и про Богучаровскаго ста-

росту. Графиня Марья, краснѣя, блѣднѣя и поджимая губы, сидѣла все также, опустивъ голову, и ничего не отвѣчала на слова мужа.

„— Эдакій наглый мерзавецъ, говорилъ онъ, горячась при одномъ воспоминаніи.—Ну, сказалъ бы онъ мнѣ, что былъ пьянъ,— не видалъ... Да что̀ съ тобой, Мари? вдругъ спросилъ онъ.

„Графиня Марья подняла голову, хотѣла что-то сказать, опять поспѣшно потупилась и собрала губы.

„—Что̀ ты? что̀ съ тобой, дружокъ мой?..

„Некрасивая графиня Марья всегда хорошѣла, когда плакала. Она никогда не плакала отъ боли или досады, но всегда отъ грусти и жалости. И когда она плакала, лучистые глаза ея пріобрѣтали неотразимую прелесть.

„Какъ только Николай взялъ ее за руку, она не въ силахъ была удержаться и заплакала.

„— Николаша, я видѣла... онъ виноватъ, но ты, зачѣмъ ты? Николаша!.. и она закрыла лицо руками.

„Николай замолчалъ, багрово покраснѣлъ и, отойдя отъ нея, молча сталъ ходить по комнатѣ. *Онъ понялъ*, о чемъ она плакала; но вдругъ онъ не могъ въ душѣ своей согласиться съ ней, что̀ то, съ чѣмъ онъ сжился съ дѣтства, что̀ онъ считалъ самымъ обыкновеннымъ,—было дурно.

„Любезности это, бабьи сказки, или она права? спрашивалъ онъ самъ себя. *Не рѣшивъ самъ съ собою этого вопроса, онъ еще разъ взглянулъ на ея страдающее и любящее лицо, и вдругъ почелъ, что она была права, а онъ давно уже виноватъ самъ предъ собою.*

„— Мари, сказалъ онъ тихо, подойдя къ ней,—этого больше не будетъ никогда, даю тебѣ слово. Никогда, повторилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, какъ мальчикъ, который проситъ прощенія.“

Наконецъ, приведу еще одинъ примѣръ, изъ стихотворенія Некрасова: *Въ больницѣ*. Больной литераторъ разсказываетъ своимъ пріятелямъ о томъ, что̀ удалось ему подмѣтить въ жизни больничныхъ обитателей и, между прочимъ, приводитъ такой случай:

„Помню съ прошибленной въ кровь головой
Къ намъ привезли среди ночи
Стараго вора: въ острогѣ его
Буйный товарищъ изранилъ.

Онъ не хотѣлъ исполнять ничего,
Только грозилъ и буянилъ.
Наша сидѣлка къ нему подошла,
Вздрогнула вдругъ—и ни слова...
Въ страшномъ молчаньѣ минута прошла.
Смотрятъ одинъ на другаго!
Кончилось тѣмъ, что угрюмый злодѣй,
Пьяный, обрызганный кровью,
Вдругъ зарыдалъ—предъ первой своей
Свѣтлой и чистой любовью.
(Смолоду знали другъ друга они)...
Круто старикъ измѣнился:
Плачетъ, да молится цѣлые дни,
Передъ врагами *смирился.*
Не было средства, однако, помочь...
Часъ его смерти былъ страненъ
(Помню я эту печальную ночь):
Онъ уже былъ бездыханенъ,
А всепрощающій голосъ любви,
Полный мольбы безконечной,
Тихо надъ нимъ раздавался: „живи,
Милый, желанный, сердечный!“
Все, что̀ имѣла она, продала—
Съ честью его схоронила.
Бѣдная! какъ она мало жила!
Какъ она много любила!
А что̀ любовь ей дала кромѣ бѣдъ,
Кромѣ печали и муки?
Смолоду—стыдъ, а на старости лѣтъ—
Ужасъ послѣдней разлуки!..

Эти примѣры истинной идеализаціи, ясные и понятные сами собою и потому не нуждающіеся ни въ какихъ поясненіяхъ, показываютъ, какъ путемъ истинной идеализаціи человѣкъ можетъ не только сквозь обыкновенную (какъ Тургеневъ и Толстой), но даже сквозь пошлую, черствую и даже преступную, отталкивающую наружность (какъ Гоголь и Некрасовъ), провидѣть идеальное начало. И эта возможность существуетъ не для однихъ поэтовъ, не для однихъ художниковъ. Она одинаково существуетъ (въ разной, конечно, степени) для всѣхъ людей. Для примѣра, возьмите вопросъ о нравственной оцѣнкѣ человѣка. Если не

ограничиваться внѣшними проявленіями человѣка, его поступками и дѣйствіями, а отнестись къ нему по братски, то-есть своею душой постигнуть его душу, то идеализація, то-есть стремленіе постигнуть все доброе, что есть въ человѣкѣ, вѣрнѣе приведетъ къ цѣли и дастъ болѣе правильное объ немъ понятіе, чѣмъ самое придирчивое обсужденіе фактовъ его внѣшней жизни, такъ какъ *настоящій* человѣкъ выражается въ томъ, что есть въ немъ положительнаго, а не отрицательнаго. „Если вы узнаете плута, не только какъ плута, но и какъ человѣка вмѣстѣ“, писалъ Гоголь къ одному изъ своихъ корреспондентовъ *(Переписка съ друзьями, письмо XXVIII)*, „если вы узнаете всѣ душевныя его силы, данныя ему на добро и которыя онъ поворотилъ во зло или вовсе не употребилъ, тогда вы сумѣете такъ попрекнуть его *имъ же самимъ*, что онъ не найдетъ себѣ мѣста, куда ему укрыться отъ самого же себя. *Дѣло вдругъ приметъ другой оборотъ, если покажешь человѣку чѣмъ онъ виноватъ предъ самимъ же собой, а не предъ другими.* Тутъ потрясешь такъ его всего, что въ немъ явится вдругъ отвага быть другимъ, и тогда только вы почувствуете, какъ благородна наша русская порода даже и въ плутѣ.“

Путемъ идеализаціи можно почти до очевидности ясно постигнуть въ человѣкѣ не только ту частицу добра, которая обнаруживается въ его внѣшнихъ дѣйстіяхъ, но и все то добро, которое сокрыто въ глубинѣ его души и котораго часто онъ самъ въ себѣ не замѣчаетъ или не цѣнитъ. Безпрестанно раздаются жалобы на наше неумѣнье находить тѣ естественныя матеріальныя богатства, которыя чуть не валяются у насъ подъ ногами, на неумѣнье цѣнить ихъ и пользоваться ими. Это еще болѣе примѣнимо къ сферѣ нравственной, и мы даже вообразить себѣ не можемъ, сколько есть людей, которые на нашихъ глазахъ топчутъ въ грязь свои душевныя богатства, выставляя, взамѣнъ ихъ, на показъ всякую дрянь и пошлость. И чаще всего это бываетъ съ тѣми, кто, вставъ на трезвую, какъ они называютъ, точку зрѣнія, съ насмѣшкой и презрѣніемъ относятся къ идеализаціи, ошибочно воображая, что она есть ни что̀ иное, какъ сантиментальное превознесеніе и украшеніе явленій. Такая идеализація, конечно, достойна смѣха, но дѣло въ томъ, что это вовсе не идеализація, а маниловщина. Настоящая же идеализація есть предпочтеніе въ явленіи идеальной его стороны реальной, фактической, и основывается она не на внѣшнихъ фактахъ, а на способности человѣка чувствомъ своимъ постигать внутрен-

нюю, для внѣшняго воспріятія недоступную, сущность явленій. Идеализація не позволяетъ смѣшивать, отождествлять факты съ ихъ источниками, поступки человѣка съ его нравственнымъ существомъ и на основаніи первыхъ дѣлать заключеніе о послѣднемъ. Идеализація говоритъ намъ, что поступокъ человѣка—одно, а самъ человѣкъ, по существу,—другое, и между ними можетъ часто существовать только внѣшняя и, слѣдовательно, случайная связь. Вотъ почему и сказано намъ: „Не судите, да не судимы будете". Только путемъ идеализаціи можно объяснить случаи, когда, напримѣръ, любовь не исчезаетъ при причиняемыхъ любимымъ человѣкомъ огорченіяхъ и оскорбленіяхъ или при существованіи съ его стороны поступковъ, рисующихъ его дурно въ нравственномъ отношеніи. Тутъ идеализація не *украшаетъ* такого человѣка, не приписываетъ ему такихъ достоинствъ, которыхъ у него нѣтъ, а, при *несомнѣнномъ* присутствіи въ немъ многаго дурнаго, видитъ въ немъ ту частицу, можетъ-быть и небольшую, абсолютнаго добра, которой онъ самъ въ себѣ не замѣчаетъ и за которую можно и должно любить человѣка.

Путемъ идеализаціи (то-есть способности *чувства* постигать идеальный элементъ въ мірѣ) мы убѣждаемся въ существованіи аксіомъ наивысшаго порядка, именно—въ аксіомѣ о существованіи Бога, духовнаго міра, загробной жизни. Попытки доказать бытіе Бога столь же ясно и логически, какъ доказывается, напримѣръ, геометрическая теорема, остаются до сихъ поръ безуспѣшными. Многіе выводятъ изъ этого, что бытіе Божіе не можетъ быть доказано, и что, слѣдовательно, Бога нѣтъ. Между тѣмъ, трудность доказать логически бытіе Божіе отъ того и происходитъ, что это аксіома, то-есть истина, не требующая доказательствъ, а постигаемая непосредственно, прямою дѣятельностью нашей души. И если такая точная наука, какъ математика, не можетъ обойтись безъ аксіомъ, то-есть безъ предвзятыхъ истинъ, то нѣтъ причины отвергать аксіомы и въ другихъ сферахъ душевной дѣятельности. Можно, правда, возразить на это, что математическія аксіомы столь очевидны, что никто противъ нихъ даже и не попытается возражать, тогда какъ очевидность аксіомъ высшаго порядка, въ родѣ аксіомы о бытіи Божіемъ, подлежитъ для многихъ сильному сомнѣнію. На это я отвѣчу, что и очевидность математическихъ аксіомъ вовсе не такъ безспорна, какъ кажется, что̀ доказывается возможностью опровергать ихъ при помощи математическихъ софизмовъ. Истина же, противъ которой можно

выставить софизмъ, не есть истина безусловно безспорная и безусловно очевидная: она является такою только для того, кто сумѣетъ опровергнуть софизмъ и, слѣдовательно, обладаетъ необходимыми свѣдѣніями. Съ другой стороны, математическая аксіома есть выводъ изъ наблюденія и, слѣдовательно, есть актъ отвлеченія. Въ дѣйствительности, подлежащей нашему наблюденію, математическія аксіомы представляются намъ только въ реальныхъ формахъ частныхъ, отдѣльныхъ случаевъ, въ формѣ, напримѣръ, прямой дороги, которая короче окольной, одной комнаты, которая меньше цѣлой квартиры и т. п. И люди необразованные, необладающіе научными знаніями и научнымъ развитіемъ, только въ этой конкретной формѣ и знаютъ математическія аксіомы, такъ что если вы преподнесете имъ эти аксіомы въ той отвлеченной формѣ въ какой онѣ приняты въ математикѣ, то неподготовленный человѣкъ не сразу ихъ и пойметъ, а, можетъ-быть, и вовсе не пойметъ. То же самое должно сказать и относительно истинъ высшаго порядка, которыя можно назвать *идейными*, въ противоположность истинамъ логическимъ (и ихъ виду—математическимъ), которыя можно назвать отвлеченными. Эти идейныя аксіомы столь же безспорны, какъ и аксіомы отвлеченныя, хотя не всегда и не всякимъ могутъ быть сразу постигнуты.

Такимъ образомъ, чувство, приводя къ идеализаціи, то-есть къ непосредственному постиженію скрытаго въ окружающемъ насъ мірѣ абсолютнаго начала (абсолютнаго добра), порождаетъ *вѣру, то-есть возможность признавать и усвоивать это абсолютное начало безъ доказательствъ*, то-есть не только при отсутствіи ихъ, но даже не ища и не требуя ихъ путемъ *постиженія*. Съ психической точки зрѣнія вѣра есть ни что̀ иное, какъ прямое и непосредственное признаніе недоступной для внѣшнихъ чувствъ, но ясной и очевидной для души сущности явленій, постигаемой внутреннимъ, духовнымъ чувствомъ. Признаніе того, что̀ очевидно и легко можетъ быть доказано, не есть вѣра, потому что то, что̀ очевидно, вовсе и не требуетъ вѣры. Но и исторія, и поэзія и наша личная жизнь свидѣтельствуютъ, что существуетъ не только то, что̀ очевидно, [1] и вотъ для призна-

---

[1] Очевидность надо понимать здѣсь въ широкомъ смыслѣ, то-есть въ смыслѣ всего, что̀ можетъ быть логически доказано, ибо все, что̀ доказано, то, конечно, очевидно (послѣ того, разумѣется, какъ доказано). *Ф. В.*

нія этого неочевиднаго, но несомнѣнно существующаго, нужна вѣра. Но вѣрить нельзя иначе, какъ произвольно, то-есть не потому, что доказано, а потому, что хочу и могу вѣрить. *Поэтому вѣра есть величайшій актъ человѣческой свободы*, какъ совершенно справедливо сказалъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ романтиковъ, В. А. Жуковскій (т. VI, стр. 260), въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ и философскихъ разсужденіяхъ дающій намъ прекрасные образцы той *истинной* идеализаціи, которая одна только и достойна этого высокаго названія.

Другой романтикъ, съ совершенно другимъ характеромъ, развившійся на совершенно иной почвѣ, Викторъ Гюго, въ одной изъ своихъ рѣчей вотъ что̀ сказалъ о вѣрѣ: „Что̀ бы вы ни дѣлали, что̀ бы вы ни говорили, относите все къ Богу. Пусть въ сознаніи вашемъ, какъ въ природѣ, все начинается съ Бога. Вѣрьте въ Него, какъ женщина, какъ дѣти. Сдѣлайте изъ этой простой вѣры основу и какъ бы почву всѣхъ вашихъ дѣлъ. Богъ, одинъ Богъ даетъ генію тѣ глубокіе просвѣты истины, которые насъ ослѣпляютъ. Знайте это, мыслители! За время четырехъ тысячъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ мыслятъ, мудрость человѣческая не нашла ничего внѣ Его. Ибо, въ темной сѣти философій, измышленныхъ человѣкомъ, вы видите тамъ и сямъ лучащимися нѣкоторыя вѣчныя истины; берегитесь полагать, что онѣ того же самаго происхожденія, и что истины эти рождены этими философіями; это было бы заблужденіемъ людей, которые, замѣтивъ надъ деревьями звѣзды, думали бы, что это— цвѣты, растущіе на этихъ черныхъ вѣтвяхъ. Въ другой своей рѣчи онъ съ такими словами обращается къ своимъ слушателямъ: „Всѣ вы, кто бы вы ни были, если вы хотите имѣть великія мысли и творить великія дѣла, — вѣрьте! Живите вѣрой! Имѣйте вѣру религіозную, вѣру патріотическую, вѣру литературную. Вѣрьте въ человѣчество, въ геній, въ грядущее, въ себя. Знайте, откуда вы идете, чтобы знать, куда вы идете. Вѣра хороша и здорова для разума. Мало мыслить. Надо вѣрить. Только изъ вѣры и изъ убѣжденія въ мірѣ нравственности создаются святыя дѣла, въ мірѣ поэзіи высокія мысли.“ (Европейская библіотека. Изъ рѣчей Виктора Гюго до изгнанія. Спб. изд. В. Бормана и С. Войтинскаго, стр. 18—19, 22).

Какъ въ періодъ дѣятельности воображенія создаваемые человѣкомъ образы представляютъ единственный доступный ему матеріалъ знанія (см. IV письмо), такъ и въ періодъ дѣятельно-

сти чувства возникающія въ душѣ человѣка чувствованія, приводя къ вѣрѣ, приводятъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ знанію. Это прекрасно разъяснено Владиславлевымъ, въ его *Психологіи*. „Кто вѣритъ во что-нибудь, говоритъ онъ. тотъ не только не сомнѣвается въ томъ, но и утверждаетъ содержаніе своей вѣры, какъ единственно истинное содержаніе.—Вѣрующій во что-либо такъ доволенъ своимъ знаніемъ, что ничего болѣе не желаетъ и ни къ чему иному не стремится: ибо въ содержаніи своей вѣры имѣетъ все, что̀ онъ могъ бы желать по извѣстному вопросу. Если я въ историческомъ отношеніи вѣрю легендѣ, то это значитъ, что въ этомъ отношеніи мое желаніе знать истину совершенно удовлетворено и болѣе мнѣ знать ничего не нужно; если я вѣрю въ матеріалистическое ученіе, то въ вопросахъ, имъ рѣшаемыхъ, я не желаю знать болѣе, чѣмъ сколько мнѣ говоритъ матеріализмъ, и мое желаніе знать въ этихъ пунктахъ совершенно удовлетворено; вѣрующій христіанинъ въ догматахъ вѣры находитъ для себя полное завершеніе своего познанія о вопросахъ, ими рѣшаемыхъ, и вполнѣ удовлетворяется христіанскимъ ученіемъ, какъ выраженіемъ одной чистой истины“ (М. Владиславлевъ: *Психологія*, т. I, стр. 583, 584, 585).

А это показываетъ, что какъ въ періодъ дѣятельности воображенія человѣку доступно только такое знаніе, которое можетъ быть облечено въ образѣ, такъ въ періодъ дѣятельности чувства человѣкъ легче всего и плодотворнѣе всего усваиваетъ то знаніе, къ которому его приводитъ само чувство. И самое важное пріобрѣтеніе человѣка въ этомъ отношеніи есть *знаніе о существованіи идеальнаго, божественнаго элемента въ мірѣ*, пріобрѣтаемое человѣкомъ, главнымъ образомъ, путемъ дѣятельности чувства.

Итакъ, періодъ преобладающей дѣятельности чувства имѣетъ два конечные пункта: *идеализацію и разочарованіе*. Первая есть *положительный* результатъ романтизма, второе—*отрицательный* его результатъ. Между этими двумя полюсами проходитъ вся психическая жизнь романтика, сопровождаемая соотвѣтствующими каждой изъ этихъ крайнихъ граней явленіями. Идеализація, какъ непосредственное постиженіе чувствомъ абсолютнаго начала, скрытаго въ окружающемъ насъ мірѣ, порождаетъ, вслѣдствіе способности чувства стремиться къ отождествленію себя съ его предметомъ, влеченіе „куда-то“, въ какую-то неопредѣленную и неясную область идеально-прекраснаго (то-есть абсолютнаго);

изъ этого влеченія создается представленіе о лучшемъ, идеальномъ загробномъ мірѣ. Не привожу, въ поясненіе этого, примѣровъ изъ Жуковскаго, потому что они, конечно, всѣмъ намъ извѣстны съ дѣтства. Но, какъ доказательство, что эти идеи о загробномъ мірѣ общи всѣмъ людямъ, способнымъ жить чувствомъ, независимо отъ ихъ личныхъ и національныхъ свойствъ, приведу опять слова Виктора Гюго: „Когда ставятъ человѣку цѣлью и концомъ земную и матеріальную жизнь,—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей,—то увеличиваютъ всѣ несчастія тѣмъ, что цѣлью ихъ является ничто, тѣмъ, что къ бремени несчастныхъ прибавляютъ невыносимую ношу ничтожества; изъ того, что̀ было только страданіемъ, то-есть закономъ Бога, дѣлаютъ отчаяніе,—законъ ада. Отсюда происходятъ глубокія соціальныя конвульсіи... Не будемъ забывать и будемъ научать всѣхъ: жизнь ничего не стоила бы, не стоила бы труда жить, еслибы намъ предстояло умереть вполнѣ. То, что̀ облегчаетъ работу, освящаетъ трудъ, что̀ дѣлаетъ человѣка сильнымъ, хорошимъ, мудрымъ, терпѣливымъ, справедливымъ, достойнымъ интеллигенціи, достойнымъ свободы, — это имѣть предъ собою вѣчное видѣніе лучшаго міра, сіяющаго за мракомъ этой жизни. Что касается до меня—разъ случай хочетъ, чтобъ я именно говорилъ въ настоящій мигъ, разъ случай влагаетъ эти вѣскія слова въ столь мало авторитетныя уста,—то пусть мнѣ будетъ позволено нынѣ сказать и объявить съ высоты этой трибуны, *что я глубоко вѣрю въ этомъ лучшій міръ; онъ для меня гораздо болѣе реаленъ, чѣмъ эта жалкая химера, которую мы пожираемъ и которую мы зовемъ жизнью. Онъ постоянно предъ моими глазами, я вѣрю въ него всею мощью моего убѣжденія*, и послѣ долгой борьбы изученія и испытанія, она покоится на высшей увѣренности моего разума и является высшимъ утѣшеніемъ моей души.“ (Op. cit., стр. 63).

Въ другой своей рѣчи В. Гюго въ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ словахъ выразилъ свою вѣру въ загробный міръ: „Мертвые суть невидимые, но не отсутствующіе. Отдадимъ справедливость смерти. Не будемъ неблагодарны по отношенію къ ней. Она не есть разрушеніе и казнь, какъ говорятъ многіе. Это заблужденіе думать, что здѣсь, во мракѣ этой открытой ямы, теряютъ все. Здѣсь *находятъ* все. Могила это мѣсто возстановленія. Здѣсь душа обнимаетъ безконечность, здѣсь она снова прі-

обрѣтаетъ свою цѣльность; здѣсь она вступаетъ во владѣніе всѣхъ своихъ таинственныхъ свойствъ; она отторжена отъ тѣла, отторгнута отъ необходимости, отъ тяжести, отъ рока. Смерть это самая большая свобода. Она также самый большой прогрессъ. Смерть это высшая ступень всего того, что̀ было.“ (Op. cit., 108).

Таковы положительные результаты романтическаго настроенія. Результаты эти не призрачные, т. е. *не выдуманы* нашимъ чувствомъ. Они—плодъ той доли абсолютнаго начала, которая постигнута чувствомъ. Но такъ какъ романтизмъ есть направленіе одностороннее, при которомъ, главнымъ образомъ, дѣйствуетъ чувство, остальныя же способности, умъ и воображеніе, играютъ роль второстепенную, не самостоятельную и работаютъ преимущественно надъ тѣмъ матеріаломъ, который доставляется чувствомъ, то у романтизма непремѣнно должны оказаться и отрицательные результаты. Слѣдовательно, жить однимъ чувствомъ и оставаться постоянно романтикомъ нельзя. Эти отрицательные результаты, мало-по-малу сознаваемые и самимъ романтикомъ, выражаются въ разочарованіи, порождаемомъ чувствомъ неудовлетворенности. Психологически это совершенно понятный результатъ исключительной дѣятельности чувства. Каждая душевная сила, не сдерживаемая и не контролируемая дѣятельностью другихъ душевныхъ силъ, имѣетъ способность терять границы и сама себя сдержать и ограничить не можетъ. Она неизбѣжно стремится одна обнять и постигнуть всѣ явленія, не только тѣ, которыя, дѣйствительно, только ей одной и доступны, но даже такія, которыя ей вовсе недоступны. Если относительно первыхъ она можетъ достигнуть положительныхъ результатовъ, то относительно послѣднихъ результаты неизбѣжно будутъ отрицательные. Но на отрицаніи человѣкъ остановиться не можетъ, ибо всякое отрицаніе образуетъ душевную пустоту, душевный голодъ. Отсюда—недовольство, неудовлетворенность и, наконецъ, разочарованіе, которое, смотря по характеру человѣка, можетъ принимать различныя формы, отъ тихой грусти и смиренной покорности до мрачнаго презрѣнія и безнадежнаго отчаянія.

Изъ этого краткаго очерка тѣхъ психологическихъ результатовъ, которые даетъ человѣку дѣятельность чувства, видно его чрезвычайно важное значеніе въ нравственной жизни человѣка. Отрицательные, а потому и нежелательные результаты дѣятельности чувства обусловливаются тѣмъ, что это дѣятельность од-

носторонняя и, слѣдовательно, по существу не свободная отъ крайностей и ошибокъ. Но зато идеализація, какъ положительный результатъ дѣятельности чувства, составляетъ такое *душевное пріобрѣтеніе*, котораго никакимъ другимъ путемъ достигнуть нельзя.

Отсюда самъ собою вытекаетъ выводъ о важномъ воспитательномъ значеніи правильнаго развитія чувства въ человѣкѣ, а, слѣдовательно, и о необходимости дать своевременно надлежащій просторъ для этого развитія.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Ѳ. Витбергъ.

КАКЪ ВИНИТЬ?

Небольшой одноэтажный сѣрый домикъ на углу Дворянской и Базарной улицъ былъ ярко освѣщенъ. Общество, собравшееся за чайнымъ столомъ Алевтины Николаевны Дагайнецъ, было не совсѣмъ привычное для уѣзднаго города М—ска. Здѣсь были и свои, но центромъ общаго вниманія являлись „судейскіе“ изъ губернскаго города. Это была обычная весенняя сессія Окружнаго суда. Ея пріѣздъ будилъ три раза въ годъ сонный и скучный городокъ и вносилъ съ собою пріятную суету, оживленіе и хлопоты, особенно между прекраснымъ поломъ,—понятно, что дамамъ хотѣлось показаться пріѣзжимъ гостямъ въ самомъ лучшемъ видѣ и доказать, что и онѣ ни чуть не отстаютъ отъ губернскихъ.

Въ настоящій пріѣздъ Алевтина Николаевна, на зависть всѣмъ дамамъ, сумѣла совсѣмъ заполонить пріѣзжихъ. Она смѣло предложила имъ, въ виду плохой гостиницы, единственной въ М—скѣ, обѣдъ и ужинъ у себя за самую ничтожную плату, которая тѣмъ не менѣе уничтожала церемонію приглашеній, и губернскіе гости чувствовали себя у любезной хозяйки какъ дома.

Алевтина Николаевна положительно торжествовала и восхищалась своею собственною идеей.

Всякій, кто хотѣлъ видѣть интересныхъ гостей, поневолѣ шелъ къ ней. Она являлась центромъ интереснаго кружка, она, такъ сказать, сконцентрировала всю злобу дня въ своемъ домѣ.

Супругъ и глава дома, Осипъ Ивановичъ Дагайнецъ, почти всегда отсутствовалъ. Разъѣзжая по уѣзду въ должности судебнаго слѣдователя, онъ появлялся какъ гость въ комнатахъ суп-

руги, видимо тяготясь и скучая непривычною ролью хозяина. Оставшись до сѣдыхъ волосъ судебнымъ слѣдователемъ, старый хохолъ Дагайнецъ весь погрузился въ любимое дѣло и внѣ его ничего не признавалъ. Со своей стороны заботливая супруга изощрялась на выдумки, изобрѣтая всевозможныя удобства для походной жизни мужа.

Обыкновенно на мѣста слѣдствій отправлялся цѣлый транспортъ: тутъ была и складная кровать, и раскидной мягкій стулъ, и мягкій теплый халатъ и вышитыя туфли. Масса всякихъ закусокъ, любимыхъ печеній, вареній и соленій. Не забывались даже боченокъ съ шипучимъ домашнимъ квасомъ и бутылки особенной какой-то бражки, собственнаго приготовленія Алевтины Николаевны. Словомъ, старику не за чѣмъ было торопиться домой, чему немало способствовала чрезвычайная медлительность и кропотливая педантичность въ дѣлахъ.

А въ это время бойкая и энергичная супруга веселилась, принимала гостей, кокетничала напропалую и чувствовала себя, какъ рыба въ водѣ, не видя суровой и скучающей фигуры старика-мужа.

Алевтина Николаевна являла собой типъ чистѣйшей провинціалки, съ вульгарною красотой, съ манерами бой-бабы, которыя она силилась скрыть предъ гостями, притворяясь наивною и сантиментальною.

Не было ни одной сплетни въ городѣ, которую бы madame Дагайнецъ не знала во всѣхъ подробностяхъ, если не сама принимала даже въ ней горячее участіе, не было ни одной дамы, особенно изъ молодыхъ, миновавшей ея злаго язычка, но она такъ ловко и хитро умѣла оставаться въ сторонѣ, такъ была любезна съ потерпѣвшею, что уличить ее не было никакой возможности. При всемъ этомъ Дагайнецъ обладала такимъ запасомъ радушія, гостепріимства и искренняго хлѣбосольства, что знакомые такъ и шли къ ней. Дамы, разумѣется, были болѣе осторожны и держали свое мнѣніе при себѣ насчетъ искренности хозяйки, мужчины же охотно прощали ей все, ради сытныхъ обѣдовъ, изумительныхъ травниковъ и наливокъ и веселой безцеремонной болтовни, поощряемой самою хозяйкой.

— Всѣ вы бабы на одну стать, миролюбиво успокоивали мужья женъ, силившихся доказать двуличность Алевтины Николаевны,—васъ хлѣбомъ не корми, а дай языки почесать. А что хозяйка она образцовая—это вѣрно!

Новинкой настоящей сессіи былъ молодой красивый адвокатъ Березниковъ, появившійся впервые на м—скомъ горизонтѣ Ему уже удалось блистательно выиграть дѣло, для котораго онъ пріѣхалъ, а именно, „обѣлить“ мѣстнаго зажирѣвшаго туза, обвинявшагося въ превышеніи правъ и самосудѣ относительно своихъ служащихъ, и получить за это солидный кушъ. Теперь же стало извѣстно, что молодой адвокатъ остался еще на нѣсколько дней и взялъ на себя даровую защиту молодой крестьянки, обвиняемой въ убійствѣ собственнаго ребенка. Эту женщину, жившую хотя недолго въ услуженіи у жены управляющаго большаго подгороднаго села Ужево, нѣкоторыя знали лично, хозяйка же была общею знакомой и потому это дѣло имѣло громадный интересъ и раньше; теперь же, когда узнали, что новый адвокатъ, красавецъ, восходящее свѣтило, берется защищать эту негодяйку, дамы положительно вознегодовали и взволновались. Это была, положительно, цѣлая буря негодованія!

„Возмутительное“ дѣло назначено было на завтра и естественно, что разговоръ коснулся его, какъ самой животрепещущей злобы дня.

Одни винтеры остались нѣмы и глухи и съ еще недопитыми стаканами чая усѣлись играть на двухъ столахъ; выходные дожидались своей очереди, слѣдя за спинами играющихъ за картами.

У чайнаго стола остались однѣ дамы и интересный адвокатъ.

— Нѣтъ, это непостижимо, monsieur Березниковъ, что вы, *вы* беретесь за эту защиту, ужасалась хозяйка, приподнимая полныя плечи и слегка подведенныя брови—тѣмъ болѣе, даромъ! Ну, за деньги, да еще за большія, я понимаю, можно иногда покривить душой, всѣ мы люди... тссс... не услыхалъ бы прокуроръ! погрозила она сама себѣ.

— О, онъ такъ усердно винтитъ, что ничего не слышитъ, кстати ему, кажется, сейчасъ объявили большой шлемъ, замѣтила вертлявая смуглая барышня, племянница хозяйки, кокетничавшая съ адвокатомъ глазками.

— Monsieur Березниковъ остался единственнымъ нашимъ кавалеромъ!

— Дѣло не въ количествѣ, а въ...

— Качествѣ? О, о, какой вы самоувѣренный!

— Pardon, вы не дали мнѣ договорить. Я хотѣлъ сказать, что говорунъ по профессіи долженъ замѣнять, по крайней мѣрѣ, трехъ...

— Да, я знаю, вы умѣете вывернуться, засмѣялась хозяйка,— но отвѣтьте на мой вопросъ: зачѣмъ вы взялись за это вопіющее дѣло? Какъ можно защищать подобные факты? Я поняла бы казеннаго защитника: тотъ сталъ бы смягчать вину единственно по обязанности, для формы, а вы... вы?

Березниковъ, не торопясь, красивымъ жестомъ закинулъ назадъ свои бѣлокурые вьющіеся волосы и надѣлъ синее pince-nez, обводя всѣхъ слушательницъ насмѣшливыми глазами. Онъ немного рисовался, но не грубо, а красиво, очевидно забавляясь эффектомъ, производимымъ имъ на этихъ уѣздныхъ львицъ.

— Зачѣмъ я? А затѣмъ, что я искренно убѣжденъ въ ея невиновности, не отрицая, разумѣется, факта, и потому буду ото всего сердца стараться добиться не снисхожденія, а полнаго оправданія.

— Оправданія!

На секунду водворилось молчаніе. Потомъ всѣ дамы, какъ разсерженныя осы, зажужжали, перебивая другъ друга.

— Послушайте, monsieur Березниковъ, оправдывать такое преступленіе, какъ убійство крошечнаго беззащитнаго ребенка!

— И это мать! Какіе же нравы оправдываете вы?

— Позвольте, я была у Марьи Ивановны, когда та только что поступила къ ней, она и тогда смотрѣла звѣремъ!

— Поступить въ домъ, на всё готовое, и все-таки еще убить ребенка, какъ лишнюю обузу!

— Это жадность... какое-то хищничество звѣря, съѣдающаго своего дѣтеныша!

— Это ужасно! И такую женщину, ничего не подозрѣвая, взять въ домъ... къ ребенку... въ кормилицы...

— Послѣ этого мы не гарантированы, что наша прислуга будетъ рѣзать насъ самихъ, тѣмъ болѣе, если ее будутъ оправдывать:

— Mesdames, mesdames, позвольте: такая масса обвиненій! Боже, чтобъ я сталъ дѣлать, еслибы вы всѣ обратились въ прокуроровъ! комично ужасался Березниковъ, разводя руками.—Можно подумать, что я самъ и есть преступникъ!

— Ну, хорошо, мы будемъ молчать; mesdames, послушаемъ, что̀ намъ объяснитъ господинъ адвокатъ, какими доводами убѣдитъ насъ, послушаемъ, успокаивала хозяйка расходившихся отъ гнѣва дамъ.

— Mesdames... мнѣ очень жаль, но, къ сожалѣнію, я не могу

удовлетворить вашего желанія... иначе мнѣ пришлось бы повторяться. Всѣ мои доводы, все, что̀ я имѣю *за* эту несчастную Лизавету, вы услышите завтра въ судѣ, если, если... я осмѣливаюсь надѣяться увидѣть васъ всѣхъ тамъ, что̀, несомнѣнно, будетъ поощрять меня.

— О, да, конечно, конечно, мы всѣ пойдемъ васъ слушать. Нѣтъ сомнѣнія, что ваше краснорѣчіе можетъ перемѣнить мнѣніе судей, но мы говорили о дѣйствительной справедливости, а не о томъ, что вызовутъ цвѣты вашей рѣчи, улыбалась хозяйка.

— Это очень любопытно, очень! щебетали дамы,—вѣдь Марью Ивановну вызвали, какъ свидѣтельницу.

— Вотъ вы сказали, Софья Алексѣевна, что видѣли эту Лизавету на мѣстѣ: любопытно было бы узнать то впечатлѣніе, которое она произвела на васъ?

Дама, къ которой Березниковъ обратился, полная матрона, жена доктора, вся вспыхнула и заволновалась.

— Ахъ, что̀ же я могу знать! ради Бога, не хотите ли вы меня заставить говорить въ судѣ?

— Помилуйте, смѣю ли я! забудьте, что я адвокатъ этой женщины, я спрашиваю въ качествѣ любопытнаго частнаго человѣка. Вы ее видѣли въ тотъ день, когда она совершила преступленіе?

— Я ее видѣла все время, пока она тамъ была. Мужъ лѣчилъ Марью Ивановну, мы съ ней такъ хороши, и я ѣздила каждый день вмѣстѣ съ мужемъ.

— Въ Ужево?

— Ну, да. Вѣдь это всего семь, восемь верстъ. Она бѣдняжка такъ мучилась послѣ...барыня снова по-институтски покраснѣла,— она сама кормила и простудилась и у нея сдѣлалась боль...

— У нея была грудница, невозмутимо подсказалъ Березниковъ.

— Ну, да. Я первая посовѣтовала ей взять кормилицу. Одну взяли, но очень неудачную, пришлось прогнать. Потомъ пришла эта женщина, эта ужасная женщина съ дикими глазами...

— Плакала она?

— О, нѣтъ. Еслибъ она плакала, это было бы совершенно понятно: ну, скучаетъ объ домѣ, объ ребенкѣ, боится чужихъ людей, но ничего подобнаго не было. Это были какіе-то испуганные, дикіе глаза убійцы...

Нѣкоторыя дамы вздрогнули, щеголяя слабыми нервами.

— Глаза убійцы! Ради Бога опишите мнѣ ихъ, воскликнулъ

преувеличенно патетически Березниковъ,—мнѣ это такъ пригодится въ моей практикѣ.

— Я не знаю, право... вы, можетъ-быть, насмѣхаетесь?

— За кого вы меня считаете! Я весь—вниманіе и любопытство.

— Я васъ увѣряю, необыкновенные глаза. Они ничего не отражали, а смотрѣли, какъ стеклянные. Глядитъ она вамъ въ глаза и вы ясно видите, что она глядитъ хотя, но васъ не видитъ, а смотритъ куда-то помимо... я не могу хорошенько объяснить, но это чувствовалось и даже какъ-то жутко становилось. Блѣдная... губы дрожатъ... Я тогда же сказала Марьѣ Ивановнѣ: душечка, Марья Ивановна, cette femme ne me plait pas: elle a quelque chose sur sa consience! щегольнула разскащица убійственнымъ французскимъ языкомъ.—Ну, а Марья Ивановна не придала этому никакого значенія; „пустяки, говоритъ, обойдется!“

— Вы, однако, большая физіономистка.

Докторша самодовольно улыбнулась.

— Но... выбирать долго некогда, продолжала она,—въ селѣ больше кормилицъ не оказалось, здѣсь тоже, а ребенокъ пищитъ... полуголодный... ну, и взяли ее.

— Что̀ же дальше? Это былъ первый день.

— Дальше, все то же. Она была въ какомъ-то столбнякѣ, хотя аккуратно исполняла свои обязанности. Положимъ, это исполненіе было почти машины, а не человѣка. Ребенка, напримѣръ, пріучили раньше укачивать и пѣть ему, она же положительно отказалась пѣть, отзываясь неумѣніемъ и проходила всю ночь, какъ маятникъ, съ ребенкомъ на рукахъ.

— Злыя не поютъ! томно улыбнулась хозяйка, страдающая маніей къ страстнымъ романсамъ,—еще Гейне сказалъ, если я не ошибаюсь: „не пишите пѣсенъ у злыхъ и не бойтесь входить въ тотъ домъ, гдѣ слышится пѣніе!“

Березниковъ вѣжливо наклонилъ свою красивую голову по адресу хозяйки и снова обратился къ разсказчицѣ:

— Неужели она совсѣмъ не спала?

— Да... днемъ некогда было, а ночью ребенокъ не спалъ—плакалъ.

— Еще бы! развѣ такое змѣиное молоко могло успокоить ребенка! замѣтила одна изъ дамъ, маленькая, сухая, съ злымъ личикомъ, напоминающимъ осу. Ей хотѣлось непремѣнно вставить слово въ умный разговоръ.

— Еще Марья Ивановна удивлялась: простая баба, всѣ онѣ обыкновенно такія сони, и можетъ не спать двѣ ночи подъ-рядъ.

— Итакъ, она убѣжала на третью.

— Да... часа въ три ее хватились, Марья Ивановна услыхала отчаянный крикъ ребенка, прибѣжала въ дѣтскую, кормилицы нѣтъ... Кинулась искать, звать... Наконецъ, кто-то догадался поискать ее дома. Послали въ деревню къ нимъ, а тамъ уже идетъ переполохъ. Сама она лежитъ безъ памяти, а подъ ней мертвый ребенокъ!..

— Да, не удалось сдѣлать все шито и крыто, снова замѣтила маленькая злая дама,—и удивительно, что ребенокъ Марьи Ивановны такъ долго спалъ: ужь не дала ли она чего-нибудь сонного, онѣ на это большія мастерицы.

— Врядъ ли... замѣтила докторша, — у нея подъ руками ничего не могло быть такого. Просто, ребенокъ не спалъ двѣ ночи—намаялся. Къ тому же Марья Ивановна дала ему предъ сномъ эти капли отъ кашля... знаете успокоительныя... еще въ нихъ немного входитъ дурману, ну, конечно, онъ и заснулъ.

— Вообще нынѣшнія прислуги ужасныя, начала жена аптекаря, длинноносая худая Нѣмка, — особенно эти образованныя: выучится кой-какъ читать, и сейчасъ явятся претензіи, дѣлаются обидчивы, заносчивы и въ то же время дерзки. Вѣдь эта Лизавета была тоже грамотная?

— Еще бы: покойная Расткова ее сама учила.—Что-то въ родѣ воспитанницы хотѣла сдѣлать, и вышло въ концѣ-концовъ ни то, ни другое, какъ и всегда.

— Расткова? переспросилъ Березниковъ,—это владѣлица Ужева?

— Дочь его. Самъ вѣдь онъ женился вторично въ Петербургѣ. Мачиха не поладила съ падчерицей—обычная исторія. Дочка и уѣхала, поселилась одна въ большомъ домѣ. Положимъ, ей уже къ тридцати было: une vielle fille, сантиментальная, романичная. Взяла эту Лизку въ услуженіе на побѣгушки, потомъ вдругъ принялась учить, читала съ ней, возилась, няньчилась, а потомъ уѣхала внезапно, а ея protégée влюбилась въ столяра и вышла замужъ очень прозаично.

— Мужъ оказался негодяемъ, онъ бросилъ ее?

— Какъ вамъ сказать. Ничего въ немъ нѣтъ особенно дурнаго, не исключеніе изъ всѣхъ. Здѣсь вѣдь рѣдко кто остается. Земли мало, ну всѣ и ищутъ работы въ городѣ, иногда, конечно, тамъ замотаются и мало думаютъ о семьѣ.

— Собственно это ужасно нелѣпый обычай, замѣтила племянница хозяйки,—живутъ въ городѣ, а жениться пріѣдутъ въ деревню. И избави Богъ, по ихъ понятіямъ, жениться на городской, засмѣютъ! Поживетъ съ женой мѣсяцъ или два и опять въ Москву или Петербургъ. Иные ворочаются каждое лѣто, а другіе въ четыре-пять лѣтъ пріѣдутъ одинъ разъ.

— Что же дѣлать, разъ это обычай и всѣ ему покоряются, прервала хозяйка,—а она уже не знаю чего хотѣла, считала себя несчастною, зачѣмъ мужъ кутитъ, свекровь строга! Кругомъ такъ живутъ. Мы женщины созданы для того, чтобы покоряться!— томно вздохнула она.

— Бѣдная Лизавета! Никого-то, mesdames, не тронула ея судьба! А впрочемъ вы, Елена Григорьевна, молчали и ни разу не высказались ни *за* ни *противъ?* обратился вдругъ Березниковъ къ миловидной блондинкѣ, сидѣвшей на углу стола и задумчиво чертившей ложечкой по скатерти. Молодая женщина слегка покраснѣла отъ неожиданности.

— Я что же... мнѣ ее отъ души жаль; жаль, что такъ случилось. Думаю, что Марья Ивановна немного неправа: ей слѣдовало бы посердечнѣе отнестись къ ней. Видно, что женщина тосковала страшно и была положительно не нормальна.

— Какъ же, психопатка, конечно, уязвила сухая барыня,— модная кличка! Нынче всякую гадость объясняютъ психопатіей... Можетъ-быть и вы, monsieur Березниковъ, сошлетесь на это?

— Почемъ знать: я своихъ рѣчей заранѣе не учу, сухо отозвался адвокатъ.

— Что же по вашему нужно было дѣлать Марьѣ Ивановнѣ? вступилась за пріятельницу жена доктора.—Привели бабу, обули, одѣли... Цѣловаться съ ней что ли? Вѣдь ее не насильно взяли, а за жалованье. Обѣдъ у нихъ такой, какого ей и во снѣ не видать... особенно нынче, когда кругомъ ея же товарки хлѣбъ съ мякиной да лебедой ѣдятъ...

— Ну, что касается до ѣды, то она, кажется, не могла воздать должной дани повару г-жи Панковской, такъ какъ ничего не ѣла, вскользь замѣтилъ Березниковъ.

— Никто, разумѣется, не потребовалъ бы отъ Марьи Ивановны поцѣлуевъ, но отъ поцѣлуевъ до человѣчнаго отношенія еще большое разстояніе. Я имѣла случай слышать и удивляться, какъ madame Панковская относится къ прислугѣ вообще. Вотъ вы говорите, что она сама явилась наниматься. Сама ли? Если

обстоятельства доводятъ человѣка иногда до петли, то это еще не значитъ, что петля нравится, а Марья Ивановна не хотѣла подумать объ этомъ! горячо заговорила молодая женщина.

— Однако, вы что-то имѣете противъ Марьи Ивановны, злорадно улыбнулась хозяйка.

— Я? Ни чуть. Я очень мало ее знаю для этого. Но меня, право, поразило ея обращеніе съ прислугой: хамы, хамки! только и названія.

— Ахъ, душечка, полноте, ничего тутъ нѣтъ ужаснаго. Можетъ-быть у васъ въ Петербургѣ онѣ не таковы, а здѣсь дѣйствительно хамы!

— Елена Григорьевна, вы вѣрно здѣсь очень недавно? многозначительно спросилъ Березниковъ.

— Почти годъ. Мы здѣсь, такъ сказать, на перепутьи: осенью мужа переводятъ въ Одессу.

— Скучаете, навѣрное, по Петербургу?

— О, да!

— Елена Григорьевна скучаетъ, такъ какъ никакъ не можетъ переварить здѣшнихъ нравовъ, кольнула хозяйка.

— Право же нѣтъ, милая Алевтина Николаевна, мнѣ просто скучно. Въ Петербургѣ я родилась, выросла, тамъ всѣ мои родные, друзья, знакомые... къ тому же сознаніе, что мы здѣсь ненадолго, мѣшаетъ свыкаться, не хочется устраиваться уютно, думаешь, стоитъ ли хлопотать...

— Да-а, Петербургъ и М—скъ, это маленькая разница...

— Повѣрьте, monsieur Березниковъ, люди вездѣ люди! И въ вашемъ Петербургѣ всякіе найдутся...

— О, я въ этомъ увѣренъ болѣе чѣмъ кто-либо, то-есть въ томъ, что и въ самой глухой провинціи есть милыя и симпатичныя личности, милѣйшая Алевтина Николаевна, но мы не будемъ брать счастливыя исключенія, а возьмемъ общій строй. Гдѣ, какъ не въ столицѣ, вы найдете массу интеллигентныхъ людей, именно массу, уже вслѣдствіе самой громадной населенности. Возьмите, хоть для нашего брата адвоката, какъ важенъ составъ присяжныхъ. Будь я хоть Спасовичъ или самъ Жюль Фавръ, а какъ посадятъ мнѣ присяжныхъ одно сѣрое мужичье, или тѣмъ паче, старовѣровъ, сектантовъ, что̀ я буду дѣлать? Попробуй, разстилайся предъ ними, разсыпай цвѣты краснорѣчія, вводи въ тонкости и изгибы души человѣческой, когда для нихъ важенъ голый фактъ. Убійца! Дѣтоубійца! Вотъ что̀ звучитъ

страшно и неумолимо. Нужно чуткіе нервы, чуткую душу, мягкое отзывчивое сердце, чтобы уловить струны, зачастую больныя, чужаго сердца, чужой души. Умѣть простить, въ массѣ тьмы уловить свѣтлую точку, отречься отъ предвзятой идеи, сумѣть встать на мѣсто подсудимаго, переболѣть его горемъ, перестрадать за него своею собственною душой!..

— О, какой вы ораторъ! патетически воскликнула хозяйка.

— Я только человѣкъ отзывчивый и, можетъ-быть, немного нервный. Да, mesdames, еслибы вы были присяжными, то я увѣренъ, что сумѣлъ бы заставить васъ перемѣнить мнѣніе о этой несчастной Елизаветѣ.

— Право, господа, мы слишкомъ много и такъ занимаемся ей, протестовала жена доктора,— еще завтра цѣлый день. Смотрите, тамъ не теряли золотаго времени: уже, кажется, тамъ шесть робберовъ кончили.

— Та, та, та... нужно сдѣлать перерывъ, позвольте, нѣтъ ли звонка! И хозяйка, схвативъ чайную ложечку, шутливо зазвенѣла по стакану.

— Господа судьи! объявляю перерывъ на полчаса, идемте закусывать.

Гости шумною вереницей потянулись въ столовую, гдѣ уже столъ былъ въ изобиліи уставленъ винами и закусками.

На другое утро около дома, въ которомъ обыкновенно помѣщался мировой съѣздъ, а на время сессіи — отдѣленіе суда, было замѣтно большое оживленіе. На ступеняхъ крыльца, на досчатомъ тротуарѣ и даже на аллеѣ узенькаго и чахлаго бульварчика, шедшаго посреди улицы, сидѣли цѣлыми группами крестьяне. Мужики-свидѣтели, оторванные отъ своихъ работъ, понуро сидѣли, вздыхали и еле перебрасывались между собой хозяйственными вопросами. Бабы были словоохотливѣе и трещали безъ умолка.

Еще не было девяти часовъ. Дѣло о дѣтоубійствѣ шло вторымъ. Предъ нимъ разбиралось неинтересное и незначительное преступленіе о вырубкѣ двухъ или трехъ деревьевъ въ казенномъ лѣсу. Обвиняемый, молодой мужикъ съ блѣднымъ незначительнымъ лицомъ, только-что прошелъ, нервно и сконфужено запахивая свой сѣрый халатъ. Два солдата со штыками еле поспѣвали за его торопливою походкой.

Маленькая старушонка со слезящимися глазами, обмотанная рваным платкомъ, быстро, было, зашмыгала за ними, но была остановлена сторожемъ.

— Куда ты, баушка, тебѣ нельзя за имъ...

— Касатикъ, да я не за имъ... тутотко на лѣстницѣ постою, у дверей послухаю... сынъ вѣдь...

— Чего послушаешь-то, дурья голова! Пустое мѣсто? А загодя въ залу никого не велѣно впущать—духоты только напустите...

— Ай, не началось еще?

— Извѣстно нѣтъ. Никто изъ судьевъ не бывалъ, одинъ приставъ сейчасъ прошелъ.

Старушка поплелась смиренно снова на крыльцо и набожно перекрестилась, шепча что-то поблеклыми губами.

Въ это время съ колокольни, виднѣвшейся черезъ улицу, гулко пронесся первый ударъ колокола; всѣ сняли шапки и закрестились.

— Чу, къ поздней обѣднѣ заблаговѣстили, замѣтила сосѣдка старухи по ступенькѣ, пожилая баба лѣтъ пятидесяти съ ястребинымъ носомъ и недобрыми темными глазами. Она сидѣла, опираясь подбородкомъ на руки, сложенныя на сучковатой палкѣ.

— Сынъ что-ль? отрывисто спросила она усаживающуюся старуху.

— Сынъ, родимая... одинъ, разъединый...

— За что̀ судится-то?

— Да, вишь ты, грѣхъ попуталъ... вѣстимо бѣднота одолѣла... Двѣ липины казённика возьми да и сруби, дѣло молодое, глупое, а теперь вотъ чистый разоръ: третій мѣсяцъ въ острогѣ сидитъ, куда я одна поспѣю...

— Можетъ и помилуютъ...

— Господи, ужь и я думаю: Владычица Матушка, Микола Милостивый, укроти ты ихъ сердце... кажись и живой мнѣ не быть, коль его угонютъ...

— Дальніе что ли?

— Мы-то. Дальніе. Почитай на самомъ краю уѣзда живемъ... Шемёлкинскіе... слыхала, чать, Шемёлку?

— Слыхать-то слыхала, а бывать не приводилось.

— Шла пѣшкомъ... черезъ силушку доплелась. Вечорась ноги-то, что твои чирья, такъ и гудятъ! Ужь и грязища же... склизко... У насъ же все глина больше...

— Чего! Я только семь верстъ прошла, да и то на что̀ похожа!

— Это откуда же... Ужовская видно...

— Изъ Ужова. Слышала, чать, ужь про нашу-то ягоду... про Лизавету... дитё придушила...

— Нешто, нешто, сказывали вечерясь на постояломъ... Ахъ, ты, грѣхъ великій! Ты что же, свекровка что-ль ейная будешь?

— Свекровью прихожусь, да вѣдь сынъ-то не родной — пасынокъ.

— А хозяинъ живъ?

— Живъ-то живъ, да хворый. Пòмоги отъ его никакой нѣтъ — лежитъ на печкѣ.

— Старъ, видно.

— Небольно старъ, а только что бревномъ ему поясницу отшибло, давно еще. Съ тѣхъ поръ и мается... ѣды нѣтъ и силы нѣтъ... къ погодѣ такъ и вовсе помираетъ почитай...

— Вотъ и мое дѣло сиротское... двадцать лѣтъ вдовѣю...

— По крайности и заботы никакой, руки развязаны. А у насъ еще лѣтось пожаръ былъ, коровенка въ хлѣвѣ задохлась... а я старика-то волокомъ съ печки стащила, сама-то чуть не сгорѣла...

— Охъ, вездѣ-то видно нужда одинакова.

— Извѣстно, она до всего доводитъ. Теперь вотъ изъ-за голодухи невѣстку въ кормилицы къ господамъ пристроила, а она вонъ чего понадѣлала. Думали—лучше, лишній ротъ съ хлѣба долой, да и пòмога будетъ, анъ вонъ чтò вышло?

— Бѣды, бѣды! Не иначе, что порченая она у васъ, а то съ чего бы? Дитё бросить жалѣла, убивалась объ ёмъ, а тутъ и руки наложила!

— Порченая и есть. И всегда-то такая была. Отговаривала я Мишáньку, не совѣтовала, да развѣ они нонѣ насъ слушаютъ, опять же я не мать родная, мои рѣчи все въ обиду принимаются...

— А чтò, развѣ замѣчено чтò за ней было?

— Не то, что худое что, а ужь куда нашему сѣрому хрестьянству съ такими грамотницами связываться! Ей въ городу жить, а не у насъ. Отъ работы отъ нашей она отвыкла, и не въ охоту она ей и не подъ силу, здоровишко хилое...

— Изъ себя что-ль пригожа больно, что сыну такъ полюбилась?

— Какой! Кожа да кости. А про другихъ невѣстъ и слышать не хотѣлъ. Вишь ты, они въ городу форсу-то наберутся, по трактирамъ шляючись, грамотѣ научатся, ну нашими дѣвками и брезгаютъ. Эта, говоритъ, по крайности меня не сконфузитъ. Все вѣдь въ городъ на житье собирался. Землю дядѣ на аренду сдавать хотѣлъ, а вамъ, говоритъ, на хлѣбъ высылать буду; за-

мѣсто того самъ замотался: ни денегъ нѣтъ, ни самого! Обѣдняли на-чисто! Что̀ у невѣстки-то было, все перезаложили.

— Теперь-то вытребовали что ли?

— Не пришлось: въ больницѣ лежитъ—домотался! Пріѣхалъ тутъ нашъ одинъ изъ Питера, въ одной артели работали, сказывалъ, пьетъ больно шибко. Отъ этого самаго пьянства въ глоткѣ что-то сдѣлалось, изсохъ весь... врядъ ли, говоритъ, и встанетъ!

— И на што это вашу невѣстку въ учобу къ барышнѣ отдавали?

— Кто ее въ учобу отдавалъ — отдавали въ услуженіе, на побѣгушкахъ возля горничной быть, въ подручныя... Семья ихняя большущая была, мать померши... а тутъ вдругъ дѣвчонку затребовали на барскій дворъ. Извѣстно обрадовались—съ хлѣбовъ долой. На грѣхъ приглянись она барышнѣ: дѣвчонка такая чистенькая, аккуратная, да сиротливая, а той, извѣстно, дѣлать нечего: схватилась учить... Опосля, почитай, за мѣсто воспитальницы держала, все съ собой, да съ собой и за обѣдъ и за чай... Одно слово — набаловала въ лучшемъ видѣ, а потомъ къ отцу въ Питеръ уѣхала, да тамъ и померла...

— И не отказала ничего?

— Ничего. Положимъ, уѣзжала-то ненадолго, а Господь тамъ смерть послалъ. На свадьбу сто рублевъ дала, шубу справила, платья... бѣлье... корову подарила. Кабы здѣсь помирала, чать все бы отказала што.

— При ей свадьбу-то играли?

— Нѣтъ, ужь опосля. А засватали при ей. Михайло-то рѣшотку у балхона красилъ, да заборъ, бесѣдки, вообще въ саду что̀, тутъ-то она ему и подвернулась на глаза, и онъ ей по ндраву пришолся, женюсь, да женюсь, ну и сосваталъ. Тутъ же вскорѣ барышнѣ и стафетъ прислали, чтобы безпремѣнно въ Питеръ сейчасъ же ѣхала.

— Что̀ же, невѣстка-то не вздорлива была?

— Да, ужь лучше бы, коли вздорлива, а то молчитъ, какъ пень, а то ужь ревѣть примется, такъ ужь реветъ, реветъ... инда кликать начнетъ — право.

— Порченная безпремѣнно! Выкликала что̀ ли на кого?

— Не то что̀ выкликала, а только все на барышню жалилась, чудно такъ: душу, говоритъ, разбудили, да загубили...

— Ишь ты, ишь ты: душу загубили! Вотъ оно такъ и вышло... Ужь это безпремѣнно барышня ее испортила.

— Пѣсню заведетъ — тоже не по-нашенски. Жалостно таково, инда всю душеньку вымотаетъ, а про что̀—не разберешь!

— Смирна-то она смирна, да что̀ толку-то.

— Смотри-ко-ся, бабынька, знать судьи идутъ, прервала вдругъ разскащицу старуха. Обѣ женщины торопливо поднялись и низко поклонились входящимъ на крыльцо судьямъ.

Впереди всѣхъ быстрою походкой, чуть не бѣгомъ, стремился предсѣдатель, безцвѣтный блондинъ съ красными близорукими глазами. За нимъ шли оба члена суда: одинъ высокій, сутуловатый старикъ, съ добродушнымъ лицомъ, другой рыжеватый, румяный, съ брюшкомъ, съ благодушною физіономіей сытаго бюргера. Немного погодя, неторопливою походкой, прошелъ прокуроръ, мрачный, худощавый брюнетъ въ золотыхъ очкахъ, а за нимъ, торопливо докуривая папиросы, прошли секретарь и казенный защитникъ, оба небольшаго роста, оба веселые и повидимому болтливые.

Гостиница была рядомъ съ зданіемъ мироваго съѣзда и потому всѣ шли пѣшкомъ и почти всѣ гурьбой.

Всѣхъ позже прошелъ Березниковъ съ портфелемъ подмышкой, въ небрежно накинутомъ на плечи щегольскомъ пальто.

— Абвакатъ нашей-то, торопливо шепнула высокая старуха, завидя еще на крыльцѣ гостиницы Березникова,—даромъ взялся, спасибо ему. Да, вѣдь и давать-то не изъ чего, все равно порѣшатъ.

— О, Господи, Владычица, укроти ихъ сердца, сотвори судъ милостивый! шептала старушонка посинѣлыми губами.

Къ крыльцу все чаще и чаще подъѣзжала публика на незамысловатыхъ *своихъ* и извощьичихъ экипажахъ. Преобладали долгушки, таратайки, телѣжки и даже плетушки. На пролеткѣ подъѣхала только полковница съ женой жандармскаго офицера.

Громко болтая и звеня саблями, входили мѣстные Марсы. Мелкое купечество и мѣщане пестрѣли вычурными шляпками и яркими платочками. Дамы быстро взбѣгали на крыльцо, брезгливо приподнимая юбки и оправляясь, жадно осматривали другъ друга. Одна барыня даже изловчилась на ходу провести по губамъ губною помадой, вынутою тутъ же изъ кармана.

— Смотри-ка-сь, вотъ хозяйка нашей Лизаветы, управительша

Ужовская, шепнула высокая старуха своей сосѣдкѣ,— свидѣтельницей вызвали и ее.

Управительша была высокая дебелая особа съ краснымъ лоснящимся лицомъ, несмотря на слой дешевой пудры, она поднималась по лѣстницѣ, усиленно дыша и какъ-то отдуваясь, очевидно волнуясь заранѣе. Для бо̀льшаго эффекта къ подходящему случаю, ея массивная фигура была облечена вся въ черное.

— Ишь ты, бонба какая и сердитая видать!

— И не говори Куда до нашей братьи строга. У нее и мужъ-то, нетокма прислуга, въ струнѣ ходитъ. Ужь про бабъ и говорить нечего, а мужики, къ примѣру кучера, али сторожа— и тѣ боятся. Посулилась это я невѣсткѣ придти на другой день принесть дѣвченочку попрощаться, такъ куда-те! Только, говоритъ, мово дитю въ хворь введете вашими бабьими причитаніями. Вишь ты, молоко што ли киснетъ отъ слезъ быдто...

— Ишь ты, грозная какая.

— Попрощались, говоритъ, дома и будетъ, чего взадъ да впередъ ходить. Я-то, вишь, на утро собиралась дѣвчонку въ шпитальный везть, а она его въ ночь и порѣшила.

— И какъ это она въ избу крадучи попала?

— Да вотъ видно, на грѣхъ мастера нѣтъ! Всегда изба на запорѣ была, а тутъ старикъ ушелъ овинъ караулить, гречиху сушили, а я спать страсть какая крѣпкая, думаю—не достучится, иззябнетъ шибко, крюкъ-то и отложила...

— Не побоялась...

— Чего бояться? Аль воровъ? Взять-то имъ у насъ нечего, да воръ и такъ въ дверь не полѣзетъ, нѣтъ, я не пужлива!

— Охъ, грѣхи, грѣхи наши. Пойду-ка я, родимая, хоть у двери постою. Туда-то нонѣ не продерешься, ишь господъ сколько понаѣхало.

— Ступай, ступай. Часъ добрый!

— Спасибо, болѣзная.

Старуха, кряхтя и охая, поднялась съ мѣста и поплелась по длинному корридору къ верхней лѣстницѣ, шаркая ногами и крестясь на ходу.

Довольно большая зала была переполнена публикой. Почти половину заняла мѣстная аристократія. Дамы сидѣли, мужчины стояли въ проходѣ; простонародіе толпилось въ заднихъ рядахъ и у дверей. Было невыносимо жарко и душно. Изъ переднихъ

рядовъ во время паузъ слышался легкій трескъ отъ волнующихся вѣеровъ и отрывистые вздохи измученныхъ жарой и корсетами дамъ. Первое дѣло окончилось оправданіемъ, и робкая маленькая старушонка, плача отъ радости и умиленія, давно увела своего растерявшагося глуповатаго сына.

Теперь на скамьѣ подсудимыхъ сидѣла она, героиня дня, дѣтоубійца Елизавета Федорова.

Большинство присутствующихъ видѣло ее въ первый разъ, нѣкоторые видали раньше, но всѣ съ одинаковымъ любопытствомъ смотрѣли на молодую преступницу. Худощавое изнуренное лицо несчастной женщины своею блѣдностью почти не уступало грубому холщевому платку, низко надвинутому чуть не на самыя брови. Огромные сѣрые глаза съ черными рѣсницами, обведенные синими кругами, глядѣли безучастно тупо предъ собою и только, когда кто-нибудь обращался съ вопросомъ прямо къ ней, эти глаза устремлялись съ безмолвнымъ испугомъ на говорившаго. Ея фигура, миніатюрная и тонкая, совсѣмъ терялась въ сѣромъ арестантскомъ халатѣ съ торчащимъ воротникомъ, съ непомѣрно - широкими и длинными рукавами. Назойливыя упорныя разглядыванія, наведенные бинокли и лорнеты, безцеремонный шепотъ замѣчаній нимало не смущали Лизавету, потому что она оставалась ко всему глуха и безучастна.

Мысль работала и держала ее вдалекѣ отъ этой толпы, отъ всего душнаго зала. Два солдатика со штыками стояли какъ окаменѣлые позади арестантки, чувствуя надъ собой глаза полковаго командира и прочаго начальства тутъ же изъ первыхъ рядовъ. Защитникъ не разъ обертывался къ своей кліенткѣ, говоря ей что то, и каждый разъ Лизавета пугливо взглядывала на него и тотчасъ же покорно склоняла голову въ знакъ согласія или вѣрнѣе—равнодушія ко всему.

Раздалось обычное: „судъ идетъ!“ Съ шумомъ поднялась публика и опустилась снова, и Лизавета, какъ автоматъ, исполнила то же самое.

Березниковъ былъ доволенъ составомъ присяжныхъ, который заключался, по его мнѣнію, изъ подходящихъ людей. Старшиной былъ выбранъ смотритель уѣзднаго училища и библіотекарь, симпатичный старичокъ, большой поклонникъ развитія и гуманности и даже либералъ въ тайникѣ души, конечно, въ самыхъ невинныхъ предѣлахъ.

Секретарь приступилъ къ чтенію обвинительнаго акта и въ залѣ все затихло, кромѣ его немного рѣзкаго и сухаго голоса.

...Самовольно, тайкомъ скрылась изъ дома, бросивъ ребенка, ввѣреннаго ея попеченію"... долетѣло до ушей подсудимой и точно эта фраза толчкомъ пробудила ее отъ ея грезъ.

Объ комъ говоритъ онъ? Объ ней, конечно: „крестьянка Елизавета Федорова, двадцати лѣтъ"... Конечно, это она, точно впервые она поняла, въ чемъ ее обвиняютъ.—Ушла... бросила... Такъ это тоже преступленіе. а не то одно страшное, которое гнететъ ее вотъ уже два мѣсяца, которое жжетъ и сверлитъ ея мозгъ... сводитъ съ ума!

И зачѣмъ ее судятъ. Зачѣмъ будутъ допрашивать и допрашивали, вызвали чуть не полдеревни сосѣдей? Что̀ они могутъ знать про это! Она вѣдь не запирается, не утаиваетъ... Она сама разскажетъ все... чистосердечно... безъ утайки и они поймутъ сами, увидятъ... Но гдѣ взять словъ, которыя передадутъ всю муку. всю тоску изболѣвшаго сердца! Какими словами выскажетъ она, что̀ заставило ее рѣшиться на *это*... Она сама не можетъ объяснить себѣ ясно: была ли у нея эта мысль раньше въ мозгу, нашла ли она внезапно и затуманила умъ... Потемнѣло въ глазахъ... въ вискахъ стучало... Какой-то звонъ оглушалъ уши и сквозь него чей-то голосъ назойливо шепталъ: „покончи разомъ... зачѣмъ ей мучиться и умирать годами"... Развѣ есть слова, которыя объяснятъ все это! Нужно видѣть душу, нужно вынуть сердце! Да и зачѣмъ? Что̀ ей за дѣло, какъ думаетъ объ ней вотъ та барыня съ краснымъ лицомъ, уставившаяся въ упоръ на нее, или тотъ господинъ со свѣтлыми пуговицами... Вѣдь ея Тани больше нѣтъ и ничто не вернетъ ее!

Ее судятъ! Да развѣ она сама не осудила себя давно, съ той самой роковой ночи, на самую адскую, самую лютую пытку. Еслибы всѣ вдругъ сказали, что она не виновата, что она прощена,—что̀ ей до этого. Развѣ это спасетъ ее отъ самой себя. Развѣ есть какая-нибудь сила, которая заставитъ забыть эту ужасную минуту, когда ея ребенокъ, ея ненаглядная Таня, такъ широко, широко раскрыла глазки и вся судорожно затрепетала въ ея похолодѣвшихъ стиснутыхъ рукахъ... этотъ рѣзкій крикъ. который она заглушила, прижавъ дитя къ своему небьющемуся отъ ужаса сердцу. Развѣ этотъ крикъ не стоитъ у нея въ ушахъ... всегда... ежечасно... ежеминутно!.. Онъ ей не даетъ спать, будитъ

ее, едва она забудется дремотой, заставляетъ ея сердце мучительно замирать и обрываться...

„Ушла потихоньку... бросила того ребенка...“ Да развѣ она могла размышлять тогда, развѣ могла остаться, вѣдь вся душа ея была тамъ, всѣ помыслы, а тѣло только машинально послѣдовало за ними. Въ ту минуту она сумѣла бы вырваться ото всѣхъ. Быть можетъ убила, задушила каждаго, кто вздумалъ бы встать на ея пути. Убила, не сочтя за преступленіе, за грѣхъ, а просто, какъ мы отталкиваемъ пустое препятствіе на дорогѣ. И вотъ снова, въ тысячный разъ встаетъ передъ ней эта ночь со всѣми мельчайшими подробностями.

Всѣ три дня она ходила сама не своя.

Горе застало ее какъ-то врасплохъ. Ее уговорили, убѣдили, торопили, суматошили, бранили, просили... и она пошла. Пошла не по убѣжденію, не по согласію, а въ силу тупой покорности, оглушенная, измученная этими бабьими криками, укорами и попреками.

Опомнилась она и сообразила весь ужасъ своего положенія только тогда, когда затворилась дверь за старухой, уносящей ея безцѣнное сокровище, ея Таню. Сама она осталась съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ, въ чужой комнатѣ, среди чужихъ и недружелюбныхъ лицъ.

Одна мысль еще заставляла машинально исполнять все, что̀ отъ нея требовали: это мысль, что она увидитъ еще разъ свою дѣвочку, что еще не все кончено.

— Пройдетъ ночь, пройдетъ день... еще одна ночь, а тамъ и увидитъ она еще разъ свою ненаглядную крошку, говорила она сама себѣ.

Радость предстоящаго свиданія затемняла даже мысль, что свиданіе это будетъ послѣднимъ, что потомъ увезутъ ее далеко, далеко... въ тотъ громадный каменный домъ, гдѣ плачутъ тысячи, подобныхъ ей, брошенныхъ сиротъ...

Насталъ желанный день.

Прошло утро... прошелъ и полдень, а Лизавета все еще безплодно ждала. Все тоскливѣе и тоскливѣе дѣлалось на душѣ несчастной матери.

„Отчего же ихъ нѣтъ... отчего? Придутъ ли? Не захворала ли свекровь, не больна ли, спаси Богъ, ея крошка“ тоскливо думала она.

Раннія осеннія сумерки быстро надвигались, а съ ними и тоска все больше и больше сжимала грудь.

Барскій ребенокъ капризничалъ, и она, не переставая, качала его на рукахъ, не замѣчая, что ея руки давно затекли и онѣмѣли. А между тѣмъ, съ перваго раза этотъ толстый четырехмѣсячный мальчуганъ показался ей ужасно тяжелымъ послѣ ея худенькой и крохотной восьминедѣльной Тани.

— Что̀ ты его ничѣмъ не повеселишь! нѣсколько разъ недовольнымъ тономъ замѣчала барыня.—У ребенка сна ни въ одномъ глазѣ нѣтъ, а она его укачиваетъ. Дай ему попрыгать... потетюшкай, спой пѣсенку... позабавь...

Понимаетъ она сама. Пѣла она и своей дѣвочкѣ, но что же дѣлать, если теперь горло сдавлено какими-то спазмами, какъ клещами, и она чувствуетъ, что разрыдается при малѣйшей попыткѣ не только что пѣть, но даже заговорить.

— Ужь если ты такая скучливая, такъ не нужно было и въ кормилицы идти. Вѣдь я деньги плачу— не щепки. Не изъ милости кормить будешь, слышался снова недовольный голосъ барыни,—на даровое спокойное житье охотитесь, а потомъ губы надуваете. Можно и приневолить себя немножко!

Она шла на спокойное житье! Господи, да она готова была работать, какъ волъ, и ѣсть одинъ сухой хлѣбъ, ходить въ рубищѣ, лишь бы не разлучаться съ ребенкомъ. Еслибы не упреки свекрови въ дармоѣдствѣ, еслибы не бѣднота, голодъ, недоимки и долги, развѣ были нужны ей лично эти сарафаны и кокошники, эти куски съ господскаго стола, купленные цѣною ея ребенка!

Вотъ и совсѣмъ стемнѣло. А свекрови все нѣтъ, да нѣтъ.

— Ужь лучше бы сказала мнѣ тогда же *она*, что запретила прощаться, думалось теперь Лизаветѣ,—боялась разстроить! Слезъ побоялась, потому что ихъ видно, а еслибы въ душу заглянула, въ сердце—что̀ тамъ-то было!

И вотъ, настала ночь. Тихо. Ребенокъ заснулъ наконецъ. Въ сосѣдней комнатѣ тикаютъ стѣнные часы, лампадка чуть теплится передъ образами, а за окномъ свиститъ вѣтеръ, порывисто бросая въ окно колючія брызги не то дождя, не то снѣга. Лизавета каждый разъ пугливо озирается на окно при этихъ порывахъ. Съ правой стороны, въ спальнѣ господъ, долго еще ходили, двигали мебелью, плескали водой въ умывальникѣ, шумѣли листы перевертываемой газеты, но, наконецъ, и тамъ все смолкло, и въ этой жуткой тишинѣ Лизаветѣ стало такъ томительно, такъ

безысходно тоскливо. Словно воздуху не хватало; казалось, что грудь разорвется отъ душившихъ невыплаканныхъ слезъ.

О снѣ нечего было и думать. Она даже не могла лежать, а сѣла на постель, машинально потирая свои усталыя руки, глядя безцѣльно на огонь лампады.

Нѣтъ ея дѣвочки, не увидитъ она ея ни теперь, ни послѣ. Поѣзжай въ губернію, а тамъ тебѣ еще скоро и не скажутъ, гдѣ она, или окажется она гдѣ-нибудь въ другой губерніи, можетъ-быть за тысячу верстъ, въ грязной чухонской избѣ, если не умретъ тутъ же, въ воспитательномъ домѣ: она же такая слабенькая, да хворая. Ужь лучше бы умерла—одинъ конецъ. Легко ли мыкаться по чужимъ людямъ, ласки ни отъ кого не дождешься, одни толчки да попреки. А вырастетъ, такъ и того хуже: пойдетъ по прислугамъ или въ ученье въ магазинъ. Охъ, ужь это ученье!

— Ученье—это свѣтъ жизни! вспомнились ей вдругъ слова ея воспитательницы.—Свѣтъ... да, свѣтъ, послѣ котораго мракъ ея жизни долженъ казаться еще мрачнѣе! А кто виноватъ, какъ не сама. Мечтала выучиться, быть учительницей, приносить пользу своимъ же братьямъ, а потомъ увидала молодаго кудряваго парня, влюбилась и все забыла. Книжки въ головѣ бродили, да не путныя: романы любовные, стишки жалостные. Захотѣла упиться любовью. И упилась до-сыта, по горло—даже захлебнулась! Ни пава, ни ворона! горько подумала Лизавета. Какъ часто слышала она эту кличку отъ своей свекрови.

Безсильная, изнѣженная, и въ самомъ дѣлѣ, на что̀ она годилась?

— Недолговѣчная! Она слышала этотъ приговоръ отъ старичка-доктора, который лѣчилъ ее еще у барышни отъ воспаленія, когда ей было лѣтъ пятнадцать.—Эта дѣвочка очень непрочна, у нея сердце не въ порядкѣ,—говорилъ докторъ, думая, что больная спитъ.

— И при томъ страшно нервная, прибавила барышня.

— Хороша крестьянка—нечего сказать. И правда, что ни пава, ни ворона. А вотъ живетъ же, вѣдь сколько лѣтъ прошло, цѣлыхъ пять. И барышня давно умерла, а ея больное сердце все бьется, не разрывается на части, хотя подчасъ дѣйствительно такъ мучительно замираетъ.

Пробило двѣнадцать. Мысли молодой женщины какъ-то начинали путаться. Голыя ноги зябли. Ей казалось, что она дремлетъ, что хорошо бы было закутаться теплымъ одѣяломъ и уснуть.

И кажется ей, что она уже лежитъ не здѣсь, а у себя дома. Въ избѣ холодно, а она сняла съ себя большой платокъ, укутала имъ дѣвочку, положила подлѣ себя и смотритъ пристально въ ея сѣрые большіе глаза.

„И глаза-то какъ мои, думается ей, — и сама такая тщедушная, тоже недолговѣчная. Долго ли мы промаемся, сиротиночка моя горькая. Пусть ужь лучше ты умрешь впередъ, по крайности я знать буду, что прибрана къ мѣсту.

„А можетъ-быть я скоро умру... завтра... сегодня... сейчасъ. Порокъ сердца! Вѣдь это мгновенная смерть, она знаетъ. Чу, какъ оно колотится: разъ... два, разъ... два, точно молотомъ отбиваетъ по груди.

И кажется Лизаветѣ, что она уже умерла, лежитъ, только все видитъ и слышитъ... Плачетъ ея дѣвочка, валяется раздѣтая на грязной соломѣ. Въ избѣ никого нѣтъ... темно... холодно, а она ни встать, ни крикнуть не можетъ. Личико у Тани посинѣло, губки дрожатъ и точно ищутъ грудь, стонетъ она такъ жалостно, жалостно...

Лизавета очнулась отъ этого стона. Сердце колотилось немилосердно. Вѣтеръ дулъ за стѣной и оборванный имъ ставень жалобно скрипѣлъ; эти звуки слышались Лизаветѣ въ ея кошмарѣ.

Она попрежнему сидѣла босая на постелѣ, свѣсивъ голову на лѣвую руку, вся застывшая въ неловкой позѣ.

И вдругъ ей явственно представилась картина, только-что видѣнная во снѣ. Конечно, ея дѣвочка плачетъ голодная и холодная. Свекровь спитъ, какъ убитая. Въ избѣ за ночь страхъ какъ выстываетъ: она бывало позатыкаетъ всѣ щели тряпками, занавѣситъ окна, заложитъ теплымъ старьемъ, а на люльку надѣнетъ свою теплую юбку или платокъ. Развѣ свекровь станетъ думать обо всемъ этомъ. У нея своихъ дѣтей не было, да и не любитъ она ихъ, водиться не умѣетъ, сама сколько разъ сознавалась. Можетъ-быть всѣ три дня дѣвочка безъ молока, на одной кашѣ да тюрѣ. Обѣщала кума давать каждый день понемножку, да кто ее знаетъ, можетъ забудетъ, а то и дастъ, да оно прокиснетъ, прольютъ... мало ли что. Она же къ соскѣ не пріучена, будетъ кричать, пока не посинѣетъ, и никто-то ее не услышитъ. А завтра утромъ увезутъ...

Лизавета даже вскочила.

„Увезутъ, и она не увидитъ ее больше. Господи, хоть бы на одну минуту... насмотрѣться, нацѣловаться...

„А не то броситься въ ноги свекрови, умолить, упросить не отдавать туда... Вотъ бабушка Ѳекла берется за три рубля водиться, ужь она сколько ребятъ изъ воспитательнаго брала, все-таки на глазахъ хоть будетъ.

„Увезетъ, увезетъ рано утромъ. Староста взялся задаромъ везти, такъ ждать не станетъ. Хоть бы послать кого сказать.“

Лизавета металась по комнатѣ, ломая руки.

„Бѣжать самой? ребенокъ спитъ, не спалъ весь день, проспитъ и не хватятся, а если и хватятся, вѣдь не убьютъ же! Она выпроситъ прощенье у барыни, она сама мать—пойметъ. Попроситься? Да развѣ пустятъ ночью, за сумасшедшую сочтутъ. Нѣтъ, уйти, уйти потихоньку, скорѣе... бѣгомъ... Чего тутъ думать... скорѣе... скорѣе...“

И вотъ она, какъ тѣнь, выскользнула изъ комнаты боскомъ, въ одномъ платкѣ. Пробралась въ дѣвичью, тамъ все спокойно, горничныя обѣ спятъ, которая-то громко и мѣрно храпитъ. Крючокъ отложился безъ шума. Въ сѣняхъ одна задвижка и вотъ она уже на крыльцѣ. Навстрѣчу дунулъ холодный, пронзительный вѣтеръ, обдавая лицо колючими иглами. Лизавета на минуту остановилась: ворота заперты, заборъ высокій, придется идти мимо цѣпной собаки—залаетъ, разбудитъ сторожа. Лучше садомъ; садомъ, черезъ оврагъ, будетъ и гораздо ближе. Садъ, извѣстный ей съ дѣтства до мельчайшихъ подробностей, тянулся тотчасъ направо отъ дома, огороженный рѣшетчатымъ деревяннымъ заборомъ изъ граненыхъ палочекъ, въ формѣ пикъ. Лизавета вынула безъ труда нѣсколько штукъ и пролѣзла въ отверстіе. Не чувствуя ни усталости, ни холода, ни вѣтра, дувшаго ей въ лицо и слѣпившаго глаза, мчалась она по знакомымъ аллеямъ, усыпаннымъ желтыми гнилыми листьями. Добѣжавъ до угла сада, она свернула въ кусты, не замѣчая вѣтокъ, царапавшихъ ей лицо, перескочила черезъ невысокій плетень, прямо на берегъ оврага, упала, но живо вскочила и начала спускаться по заросшей тропинкѣ въ оврагъ, по другую сторону котораго была деревня. Влѣзать на другую сторону было труднѣе: босыя ноги, облѣпленныя грязью, скользили. Лизавета хваталась руками за выступы, за кусты стараго репейника и все поднималась выше и выше. Вотъ, наконецъ, и „односторонка“, десятокъ избъ глядѣвшихъ лицомъ на оврагъ, пробѣжать ихъ, завернуть въ улицу, а тамъ скоро и ихъ переулокъ, ихъ изба, гдѣ находится ея отрада, ея жизнь, ея ненаглядная Таня!..

„Ужь жива ли... кричитъ, чай... сейчасъ накормлю... сейчасъ,“ и эта мысль придавала силы, и она бѣжала все скорѣе и скорѣе...

„Только бы достучаться. Хорошо бы въ окно, да изба передняя пустая, холодно въ ней; на зиму всѣ ютятся въ крошечной, задней. И тамъ печка плоха и дуетъ отовсюду, да все не такъ. Калитка не запирается, чего у нихъ взять на дворѣ, вотъ только бы въ дверь попасть.“

Уже входя по мокрымъ ступенямъ крылечка, Лизавета услыхала болѣзненный плачъ ребенка, охрипшій, измученный... очевидно ребенокъ плакалъ давно. Бѣдная мать судорожно ухватилась за скобку двери, чтобы застучать, какъ вдругъ дверь отворилась. Еще мгновеніе, и она прижимала свою крошку къ иззябшей груди, всхлипывая и дрожа отъ волненія.

Съ печки слышалось ровное и мѣрное всхрапываніе, хотя глухое; вѣроятно, старуха спала, накрывшись съ головой чѣмъ-нибудь тяжелымъ.

— Родная ты моя, милая, горькая сиротинушка, шептала Лизавета, прижимая дѣвочку къ себѣ,—ангелъ ты мой, крошка моя несчастная!

Ей не хотѣлось будить теперь свекрови, хотѣлось всласть нацѣловаться, наплакаться, безъ помѣхи наглядѣться на свое ненаглядное дѣтище, и она, какъ воръ, едва касаясь пола, вынесла ребенка въ боковушку, притворила дверь, ощупью на шесткѣ нашла коробокъ со спичками и огарокъ свѣчки, воткнутой въ жестяной подсвѣчникъ. Она сама, уходя, купила эту свѣчку въ лавочкѣ, упрашивая свекровь зажигать огонь, когда дѣвочка заплачетъ.

— Все увидишь, матушка, можетъ тараканъ заползъ, раскрылась вся, убѣждала она суровую старуху, которая критически относилась ко всѣмъ ея „барскимъ выдумкамъ“, какъ она называла излишнія заботы невѣстки.

Ребенокъ жадно припалъ къ холодной материнской груди съ нѣжнымъ воркотаньемъ, захлебываясь отъ торопливой жадности. Мать, не спуская глазъ, смотрѣла на дѣвочку; тяжелыя слезы скатывались одна за другой на маленькую головку, но это были жгучія, скупыя слезы, не облегчающія горя, онѣ только, какъ растопленнымъ свинцомъ, жгли глаза. Дѣвочка наконецъ насытилась и пристально съ изумленіемъ глядѣла на склоненное надъ

ней лицо. Ея личико дѣлалось все оживленнѣе и осмысленнѣе, и, наконецъ, улыбка скривила ея пухленькія губки.

„Узнала! Узнала меня, моя крошка, родная. Въ послѣдній разъ... послѣдній,—какъ молотомъ стучало въ мозгу,—теперь прибѣжала, какъ воровка... и это послѣдній разъ! Завтра она будетъ далеко... далеко. Чужая женщина будетъ съ досадой выхватывать тебя, негодуя за прерванный сонъ, называть жадною и обжорой, только потому, что у этой женщины будешь ты не одна, а два или даже три голодныхъ рта... Никто не улыбнется, не приласкаетъ... отнынѣ это будетъ лишняя обуза, казенный номеръ безъ имени...“

И мать все крѣпче и крѣпче прижимала къ сердцу свое несчастное дитя. Вдругъ въ ея головѣ все помутилось, какіе-то огненные круги завертѣлись предъ глазами и между тѣмъ въ мозгу ясно выросла мысль: „надо покончить все сразу“... тутъ же... сейчасъ... одна минута и не будетъ цѣлой жизни мученія, голода, нищеты, позора!..

Обезумѣвшая женщина сжимала несчастнаго ребенка, сама не понимая—душитъ она его или ласкаетъ.

Дѣвочка судорожно затрепетала и остановившимися глазами глядѣла на мать, ротикъ былъ искривленъ и раскрытъ... раздался слабый болѣзненный крикъ, но онъ наполнилъ ужасомъ сердце Лизаветы, ей казалось, что тысячи голосовъ кричатъ надъ ней, и отъ этого идетъ звонъ и шумъ въ ушахъ...

Комната завертѣлась... поплыла... все слилось въ общій гулъ и сама она съ ребенкомъ покатилась въ какую-то темную бездну.

. . . . . .

— Охотой шла ваша невѣстка въ кормилицы? слышитъ Лизавета вопросъ своего защитника и видитъ совсѣмъ близко отъ себя ястребиные злые глаза свекрови.

— Коли нужда заставитъ, такъ ужь тутъ не станешь разбирать, охота или нѣтъ... не умирать же съ голоду!

— Я васъ прошу отвѣчать прямо на вопросъ: сама она выразила желаніе или согласилась на неотступныя просьбы и уговоры, какъ сейчасъ показывала свидѣтельница Анна Егорова?

— Извѣстно, не охотой... уговаривала я ее, это вѣрно, да и не я одна, а всѣ вообче, потому изъ нужды выбиться не могли,—голодуха! А тутъ пріѣхали отъ управляющаго звать: жалованья пять рублевъ на мѣсяцъ... одёжа... и пятнадцать на выходъ...

— Раньше не высказывала подсудимая, что вотъ хорошо бы, молъ, было въ кормилицы идти, а ребенка въ воспитательный отдать?

— Нѣтъ, и разговору такого не было, да и мнѣ бы въ умъ не пришло неволить, коли бы случай такой не вышелъ, мѣсто то-ись... извѣстно, на деньги позарились... бѣднота...

— Стало быть, Лизавета никогда не тяготилась ребенкомъ, не сбывала его, не желала смерти?

— Это что̀ же зря говорить: любила она дѣвчонку шибко.

— Когда вы подошли, ребенокъ былъ уже мертвый?

— Мертвенькій... Похолодѣлъ инда.

— Отчего вы проснулись?

— И сама не знаю—ровно стукнуло что, не то крикнули.

— Что же вы встали?

— Нѣтъ, признаться, хотѣла встать, послушала—все тихо, я опять и заснула. А тутъ старикъ меня за плечо трясетъ: „гдѣ, говоритъ, Танька-то, у тебя что-ли?.. Смотри-ка, говоритъ, не задуши подъ тулупомъ, что-то не слыхать ея“. Я со сна-то ровно ничего и не пойму: гдѣ робенокъ, чего онъ мелетъ. А тамъ ужь идутъ, стучатъ отъ управителя, сторожъ съ кучеромъ. „Гдѣ, говорятъ, Лизавета, у васъ что ли? Убѣгла она отъ насъ!“ Господи, думаю, что за напасть такая! И тутъ меня, какъ по лбу что шаркнуло: батюшки, вѣдь давеча въ боковушкѣ что-то стукнуло! Лѣзу съ печки, а самое такъ сподымя и бьетъ, чуетъ сердце недоброе! У кучера-то, ладно, еще фонарь былъ съ собой, идемъ всѣ, а она тутъ и лежитъ сама, какъ пластъ, на полу у стола и робенокъ подъ ей, и свѣчка тутъ же на полу валяется, знать спрокинула она ее падамши.

— Ничего не говорила Лизавета?

— Чего! Думали мертвая, руки насилу развели, дѣвочку вынули, думали жива, да и самою-то насилу водой отлили.

— Что же, не запиралась она?

— Нѣтъ, а только-что мало говорила. Сказала однова: „мой грѣхъ... судите“, а потомъ, ровно каменная стала, ничего не добьешься!

. . . . . .

„Что я могла сказать! съ тоской думаетъ молодая женщина.— Какъ объяснить, что̀ было на душѣ тогда, когда и самой ей было не разобраться въ своихъ думахъ. Грѣхъ! Сама она зна-

етъ, что грѣхъ и будетъ казниться за него вѣчно, а не тѣ только года, на которыѣ ее осудятъ.“

. . . . . .

„Я не приневоливала ее, она сама охотой шла“ слышитъ снова Лизавета рѣзкій голосъ новой свидѣтельницы и видитъ въ полоборота обращенное къ адвокату красное, возбужденное лицо ея бывшей хозяйки. Глаза управительши бѣгаютъ по сторонамъ, видно, что она злится. Ради этой противной бабы ей приходится фигурировать на судѣ, служить мишенью для сотенъ глазъ, въ числѣ которыхъ есть и заклятые враги, какъ, напримѣръ, жена купца Пантѣева и лѣсничиха. Уже навѣрное потомъ они пересмѣютъ каждое ея слово, каждый жестъ, процѣдятъ ея туалетъ и прическу. Всѣ эти мысли вихремъ проносятся въ головѣ барыни, дѣлая ее еще нервнѣе и возбужденнѣе.

— Сама подсудимая договаривалась съ вами? допрашиваетъ адвокатъ.

— Говорила старуха, она молчала.

— Васъ это не удивляло?

— Ни чуть. Въ большинствѣ случаевъ кормилицъ всегда приводятъ пожилыя родственницы, онѣ и уговариваются.

— Замѣчали вы, что нанятая вами женщина страшно тосковала?

— Я замѣчала только, что она все молчала и не хотѣла занять ребенка, а онъ все время плакалъ.

— Не спрашивали вы о причинѣ ея молчаливости?

— Я не имѣю обыкновенія бесѣдовать съ своею прислугой,— надменно отвѣтила барыня, забывая съ какимъ восторгомъ выслушиваетъ она по вечерамъ сплетни своей Ѳени.

— Больше ничего не имѣю, поклонился Березниковъ въ сторону предсѣдателя.

. . . . . .

И вотъ долетаютъ до ушей Лизаветы громовыя фразы, обвиняющія ее, но онѣ какъ-то скользятъ по слуху, не задѣвая за сердце. Пусть говоритъ онъ, что̀ хочетъ: больнѣе того, что̀ есть на сердцѣ, уже больше ни отъ чего не можетъ быть.

„Дѣтоубійца... преступница!“—Сколько разъ долетаютъ до нея эти жестокія слова. „Заранѣе обдуманное намѣреніе, злая воля, разнузданность, отсутствіе смиренія, покорности судьбѣ“, гремѣлъ юный прокуроръ;—„нелѣпое отношеніе къ долгу, самовольство“,

слышалось дальше. — „Если ребенокъ госпожи Панковской не умеръ, то это только счастливая случайность, иначе на душѣ этой женщины было бы два убійства!“

Знаетъ она, все знаетъ! Скорѣе бы только конецъ. И безъ того вымотали всю душу, не оставили на ней живого мѣста. Только думать мѣшаютъ и будятъ отъ того страннаго сна, который ей снится на-яву.

Кажется Лизаветѣ, что она еще маленькая десятилѣтняя дѣвочка въ чистомъ платьицѣ и бѣлой пелеринкѣ. Противъ нея сидитъ ея барышня съ какимъ-то вышиваніемъ въ блѣдныхъ пальцахъ.

Узорчатыя тѣни отъ клёновъ и липъ двигаются по песку аллеи, день жаркій, но у нихъ тутъ въ бесѣлкѣ прохладно и пріятно. Она сама сидитъ у столика надъ книжкой *Ветхаго Завѣта* и слушаетъ объясненія своей воспитательницы о только-что прочитанной исторіи Каина и Авеля.

— Нѣтъ больше грѣха, какъ убить человѣка, отнять его лучшее благо—жизнь, слышится ей тихій голосъ и на нее въ упоръ глядятъ блѣдно-голубые кроткіе глаза, подернутые точно слезами.

— Это высшее благо, которое никто не имѣетъ права отнимать, кромѣ Господа Бога.

— А вѣдь все-таки убиваютъ, робко замѣчаетъ ученица,— вонъ прошлаго года въ Калинкинѣ мужъ жену топоромъ зарубилъ.

— На свѣтѣ много зла, дѣвочка, и много несчастныхъ людей, но зло никогда не остается безъ наказанія. Кромѣ того, что Богъ накажетъ въ будущей жизни, и здѣсь, пока человѣкъ живъ, ему не дастъ покоя его собственная совѣсть, а мученіе совѣсти есть самое страшное наказаніе.

„Но вѣдь я не дѣлала зла, не хотѣла его дѣлать,“ чуть не крикнула Лизавета теперь.

— Каждому человѣку данъ свой крестъ, чудится ей снова тотъ же мягкій усталый голосъ;—онъ долженъ его нести, сверхъ силы не посылается ничего, только слабый въ вѣрѣ будетъ роптать. Какъ бы плохо ни жилось, нужно твердо вѣрить, что моя жизнь нужна для чего-нибудь.

А ея жизнь, на что и кому нужна она теперь? Она была нужна для того слабаго существа, которое отняли отъ нея. Раньше она думала, что сумѣетъ быть полезною людямъ, будетъ

любить ихъ всѣхъ и кто же помѣшалъ ей—кудрявый парень съ блестящими глазами, съ вкрадчивою рѣчью, съ за душу хватающимъ бархатнымъ голосомъ! Зачѣмъ она такая дрянная, такая ничтожная!

И точно въ отвѣтъ на ея вопросы слышится ей звучный голосъ, голосъ идущій къ ней прямо въ душу. Кто-то жалѣетъ о ней, кто-то разсказываетъ такъ просто и понятно все, что у нея въ душѣ, все изъ чего сложилась ея жизнь. Объясняетъ такъ понятно вопросы, надъ которыми она сама такъ часто ломала голову и мучилась, не находя отвѣта на „почему“ и „отчего“. Точно этотъ *кто-то* былъ у нея въ головѣ и въ сердцѣ, и нашелъ въ нихъ то, чего она сама не могла доискаться. Этотъ кто-то былъ ея защитникъ, и молодая женщина вся обратилась во вниманіе: „ее вырвали изъ своей среды, изъ семьи, привычекъ и условій жизни, поманили, отдернули завѣсу наполовину на все прекрасное и изящное и... бросили на половинѣ дороги, начинивъ голову несбыточными грёзами, фантазіями, любовными романами... Да и какое иное воспитаніе могла дать ей сантиментальная перезрѣлая барышня-аристократка? Она сама проливала слезы надъ судьбой героевъ и героинь французскихъ романовъ и въ то же время не рѣшалась взглянуть на настоящую нужду и страданія, боялась заглянуть въ крестьянскую избу, только потому, что тамъ дурно пахнетъ. Она учила дѣвочку добру, но какъ? Не наглядно, не на дѣлѣ, а разсказывая и читая вмѣстѣ съ ней исторіи великодушныхъ рыцарей и дамъ, о ихъ взаимной вѣрности и трогательной любви, разсказывала о подвигахъ христіанскихъ мученицъ, читала исторію Жанны д'Аркъ и въ то же время не внушила своей воспитанницѣ, что не всякій призванъ спасать отечество и что всякая польза, самая ничтожная, самая будничная, также почтенна. Дѣвочка поглотила массу книгъ и ровно ничего не вынесла, кромѣ путаницы. Она сдѣлалась нервна, впечатлительна, чувствительна, чутка до болѣзненности, однимъ словомъ, совершенно непригодна къ жизни, тѣмъ болѣе къ жизни въ крестьянской семьѣ. И въ это-то время судьба, какъ нарочно, подсмѣялась надъ ней, вытолкнувъ одну на борьбу съ трудною рабочею жизнью, съ мачихою-свекровью во главѣ, съ красавцемъ разгульнымъ фабричнымъ мужемъ.

Кто изъ насъ не помнитъ прекраснаго стихотворенія: „сокру-

шила злодѣйка жена, вишь по барски была учена!“ Лизавета тоже сокрушила семью своею непригодностью и неумѣньемъ.

Она не отказывалась ни отъ какой работы, но дѣлала ее неумѣло, неловко, безсильно. Всѣ ея познанія и понятія, вынесенныя отъ барышни, здѣсь, въ крестьянствѣ, ровно ни на что не годились и вызывали только насмѣшки и нелѣпые укоры въ барствѣ и бѣлоручничествѣ. Согласитесь сами, господа, не была ли эта женщина нравственно изуродована при своемъ ненормальномъ жизненномъ положеніи, я уже не говорю, что она при этомъ болѣзненна и страдаетъ порокомъ сердца.

Мужъ оказался негодяемъ и совсѣмъ забросилъ семью. Вся ея любовь, вся привязанность сосредоточились на ребенкѣ. Любовь горячая, но нервная, ненормальная, экзальтированная. Лизавета страдала уже оттого, что не можетъ доставить своему ребенку ни желаемой чистоты, ни тепла, ни тишины. Все это было смѣшно въ глазахъ обыкновенной бабы-работницы, смѣшно и непонятно, а у Лизаветы отъ этого перевертывалось сердце, изнывала душа. Возясь съ ребенкомъ, боясь бросать его одного, она часто манкировала работой, и названія лѣнтяйки, дармоѣдки, нѣженки, барышни—чаще и чаще сыпались на нее со стороны свекрови.

Старуха была права съ своей точки зрѣнія, и сама Лизавета понимала это и молча глотала обиды, чувствуя, что онѣ заслужены, что она дѣйствительно запускаетъ хозяйство, отстаетъ отъ сосѣдокъ и только обильными одинокими слезами изливала свое безысходное горе.

А страшная нужда надвигалась: свекоръ хворалъ, мужъ пересталъ присылать деньги, недоимки росли. Все, что можно было, заложено—впереди былъ холодъ и голодъ, почти нищенская сума.

И вдругъ явилось искушеніе, въ видѣ предложенія идти въ кормилицы. Искушеніе не для нея лично, сама бы она предпочла всякую бѣдность разлукѣ съ ребенкомъ, а для семьи. И вотъ на нее, загнанную, робкую, запуганную, накинулись всѣ: тутъ и бабка Прохоровна, и свекровь, и тетка Анисья, и кума Степанида и всѣ досужія сватьи и сосѣдки—всѣ галдѣли и наступали на нее. Она можетъ спасти семью. Пять рублей въ мѣсяцъ! Это неслыханное жалованье по здѣшнимъ глухимъ мѣстамъ; съ своего хлѣба долой, готовая одежда, подарки, конечно, и пятнадцать рублей сверхъ всего. Вѣдь это цѣлое богатство. Не воспользоваться имъ, значитъ прямо быть лиходѣйкой всей

семьѣ Работать не умѣла, такъ пусть теперь принесетъ помощь въ домъ. Не она первая, не она послѣдняя оставитъ своего ребенка; тоже въ нищетѣ и ему не сладко будетъ дома и житься, а въ воспитательномъ — чистота, тепло, уходъ. Захочетъ, такъ возьметъ потомъ, а умретъ, такъ и Богъ съ нимъ, ангельская душка мучиться не будетъ. Это только съ первенькимъ носится, какъ курица съ яйцомъ — надоѣдятъ еще!

И Лизавета оглушенная уступила. Даже не уступила, а просто молчала. Молча, покорно пошла за свекровью на барскій дворъ и молча позволила взять изъ рукъ свое сокровище. Не было ни слезъ, ни жалобъ — одна тупая автоматическая безсмысленная покорность.

Мысль проснулась позже, но она явилась уже больною, ненормальною, способною видѣть и представлять однѣ мрачныя картины.

Почемъ знать, еслибы госпожа разрѣшила прощанье съ ребенкомъ, бѣдная мать облегчила горе обильными слезами и смирилась бы снова, какъ смирялась всегда.

Кто не знаетъ, какъ много иногда значитъ одно слово простаго участья, выраженное вóвремя, какъ ободряетъ оно, какъ поддерживаетъ, особенно такихъ нервныхъ, впечатлительныхъ субъектовъ, какимъ представляется намъ эта женщина. Но она была одна. Вокругъ непривѣтливыя, холодныя лица, не желающія снизойти къ ея горю и видящія въ ней только женщину, нанятую за деньги для исполненій извѣстныхъ обязанностей. Она не пѣла! Она не играла съ ребенкомъ! Но, господа, будемъ человѣчнѣе. Можетъ ли женщина-мать пѣть и щелкать пальцами, когда отъ ея груди только-что оторвали ребенка?

Теперь ее считаютъ жестокой, а раньше сами же требовали отъ нея безсердечія!

Обманутая въ своихъ ожиданіяхъ на свиданіе съ дочерью, Лизавета томилась и изнывала. Картины одна мрачнѣе другой представлялись ея измученному мозгу: явились чуть не галлюцинаціи. Ей чудился крикъ ея ребенка, больнаго, голоднаго, заброшеннаго, умирающаго...

А на утро дѣвочку повезутъ. Повезетъ не бабушка-баловница, а мачиха-свекровь, не любящая дѣтей, не умѣющая обращаться съ ними.

Больная фантазія шла дальше: она уже видѣла судьбу дѣвочки въ болѣе зрѣлый возрастъ, она представлялась ей уже из-

мученною, загнанною, опозоренною... „Не она первая — не она послѣдняя!“

Иныхъ этотъ жизненный аргументъ способенъ утѣшить и примирить со всѣми обстоятельствами, иныхъ же не можетъ. Нельзя равнять чувство всѣхъ по одной мѣркѣ.

Одна мать смотритъ на ребенка, какъ на обузу и совершенно спокойно желаетъ, чтобы „Господь прибралъ его“, для другой смерть ребенка является страшнымъ горемъ. Для подсудимой ея ребенокъ составлялъ все—и она его душитъ сама, своими собственными руками! На первый взглядъ это кажется аномаліей, уродствомъ, чѣмъ-то непостижимымъ, но вдумаемся глубже въ этотъ фактъ.

Можетъ ли человѣкъ, обезумѣвшій отъ горя, разсуждать логично, надѣяться на лучшее, когда въ головѣ однѣ ужасныя мысли, однѣ мрачныя картины безъ просвѣта?

Допустимъ, что мать навѣрное знаетъ, что любимому ребенку предстоитъ на завтра мучительная казнь – развѣ любящая мать не найдетъ въ себѣ мужества скорѣе убить ребенка своею рукой, чѣмъ допуститъ до муки, до истязанія...

А подсудимая твердо вѣрила, что дѣвочку ждутъ впереди однѣ муки.

То, что̀ кажется понятнымъ въ грезахъ, въ бреду, въ моменты отчаянія, зачастую необъяснимо потомъ самому въ здравомъ состояніи.

Кто изъ насъ не испыталъ, какъ мрачно кажется все, иногда самое пустое, въ безсонную ночь? Какъ превратно, какъ преувеличены кажутся обстоятельства, такія ясныя и простыя при свѣтѣ дня.

Права ли была подсудимая съ точки зрѣнія христіанской религіи, не нарушила ли она заповѣдь „не убій“!—Это другой вопросъ. Для этого нужно было разсуждать, а Лизавета не разсуждала, а если и разсуждала, то по особенной логикѣ своего больнаго тогда мозга.

Когда умирающій томится въ мучительной агоніи и умоляетъ убить его, докторъ не исполняетъ, да и не имѣетъ права исполнить эту просьбу. Онъ человѣкъ посторонній, хладнокровный и ясно понимаетъ, что это противозаконно. Но кто осудитъ товарища, прикалывающаго штыкомъ своего друга, извивающагося въ послѣднихъ мучительныхъ судорогахъ?

Древнія матроны предпочитали убивать сами своихъ дѣтей, мужей, братьевъ, но не выдавать врагамъ.

Лизавета уже заранѣе видѣла свою дочь среди враговъ — чужихъ людей.

Вы скажете мнѣ, что я вдаюсь въ шаржъ, что ничего страшнаго не предстояло ребенку Лизаветы, что тысячи ребятъ вырастаютъ въ воспитательныхъ домахъ и выходятъ наравнѣ съ другими честными и порядочными людьми. Я самъ знаю это, и всѣ мы знаемъ, особенно когда разговоръ касается чужихъ дѣтей. Но вѣдь, съ другой стороны, и тысячи умираютъ и тысячи гибнутъ въ нищетѣ и развратѣ.

Нужно быть очень благодушно и мирно настроеннымъ, а главное равнодушнымъ, чтобы надѣяться на лучшее. Любящій человѣкъ боится и потому думаетъ о худшемъ, а эта женщина, при своемъ настроеніи, могла только представлять себѣ самое ужасное. Какъ логика явилась мысль: „лучше покончить!“ Руки судорожно сжались... сознаніе исчезло... Лизавета упала и тяжестью собственнаго тѣла уже окончательно задушила ребенка.

Кто знаетъ, хватило ли бы у нея мужества задушить его безъ этого послѣдняго обстоятельства? Первый крикъ дѣвочки такъ потрясъ несчастную мать, что она лишилась чувствъ. Не случись этого, онъ же бы могъ отрезвить ее, заставилъ опомниться...

Это, конечно, гадательно. Фактъ совершился: ребенокъ мертвъ, и Лизавета говоритъ: „мой грѣхъ“! Она не оправдывается, не цѣпляется за оправдывающія ее обстоятельства.

Раньше, чѣмъ назвать эту женщину преступницей, мы должны понять ея душевное состояніе, а разъ, что его поняли — она спасена!

Прощеніе—великое слово и великая истина: все простить—все понять!

Я кончилъ, господа присяжные и судьи. Не снисхожденія прошу я, не смягченія вины, а полнаго оправданія, полнаго отрицанія преступленія, полнаго увѣреннаго сознанія, что эта женщина была невмѣняема въ моментъ преступленія и самое это слово—преступленіе, не могло придти ей на умъ.

Она *спасала*, а не *убивала* и твердо вѣрила въ это. Ея вина, слѣдовательно, меньше вины тѣхъ, за которыхъ молился съ креста Распятый, говоря: „Отпусти имъ Отче, не вѣдаютъ бо, что̀ творятъ“!

Березниковъ сѣлъ. Нѣсколько секундъ въ залѣ была мертвая тишина, всѣ напряженно точно еще ждали чего-то.

— Подсудимая, вамъ предоставлено послѣднее слово. Что̀ вы можете сказать въ свое оправданіе? — раздался голосъ предсѣдателя.

Лизавета вздрогнула. Давно ли хотѣла она сказать такъ много... много... какъ она любила дѣвочку... какъ мучилась... и вдругъ всѣ слова пропали... всѣ сдѣлались такъ блѣдны, неубѣдительны...

„Зачѣмъ? думалось ей. — если не повѣрятъ ему... что̀ новаго прибавитъ она... пусть такъ...“

Защитникъ обернулся, глядя вопросительно на нее.

— Я... что̀ же... растерянно залепетала она, приподнимаясь,— они все разсказали... не отпираюсь... мой грѣхъ!..

Присяжные ушли совѣщаться.

— Не виновна! торжественно раздался голосъ старика смотрителя среди напряженнаго молчанія.

Всѣ зашумѣли, встали, заволновались. Дамы наперерывъ жали руку Березникова, поздравляли, улыбались ему, какъ будто онъ самъ лично спасся отъ какого-либо несчастія.

А Лизавета? Про нее почти всѣ забыли и теперь стали съ любопытствомъ искать ее глазами.

Она одна попрежнему оставалась безучастна и апатична. У нея это слово—„не виновна“, не сняло съ души прежняго горя: вѣдь оно не заглушало жалкаго, слабаго крика—послѣдняго крика ея ненаглядной Тани...

О. Демертъ.

РОДОВОЙ ГРѢХЪ ФИЛОСОФІИ.

I.

«Nec te quaesiveris extra».

Въ умственной жизни человѣка и человѣчества философіи всегда, въ самыхъ разнообразныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ этой жизни, принадлежало и будетъ принадлежать значеніе, совершенно несравнимое со значеніемъ той или другой частной науки и даже всей совокупности этихъ наукъ. Изслѣдуя всегда ограниченную, точно опредѣленную область, выдѣленную изъ цѣлаго міра предметовъ, о которыхъ вообще возможно и необходимо человѣку мыслить и знать, каждая изъ частныхъ наукъ и этотъ свой спеціальный, ограниченный предметъ изучаетъ лишь съ точно и сознательно ограниченной точки зрѣнія на него. Она разсматриваетъ его всегда въ одномъ лишь какомъ-либо спеціальномъ отношеніи, опредѣляющемъ и ея особенныя задачи, и ея пріемы, и ея выводы. Неопредѣленность области изслѣдованія, разнообразіе несоизмѣримыхъ точекъ зрѣнія на предметъ, изъ которыхъ ни одна не становится руководящею, и соотвѣтствующія неясность и колебаніе задачъ и пріемовъ—всегда свидѣтельствуютъ о младенчествѣ, незрѣлости той науки, въ которой мы съ этими чертами встрѣчаемся. Спеціальность, строго выдержанная односторонность, ясно сознающая предѣлы своей частной задачи и ея ограниченнаго значенія въ цѣломъ строѣ умственнаго міра, необходимые, существенные признаки научно-дисциплинированнаго ума въ области частныхъ наукъ. Они же и непремѣнныя условія истинно-плодотворной, успѣшной работы

въ этой области. И, наоборотъ, нарушеніе границъ, отдѣляющихъ однѣ научныя задачи отъ другихъ, смѣшеніе различныхъ точекъ зрѣнія, взаимныя вторженія въ сосѣднія области, утрата сознанія ограниченнаго значенія своей частной задачи—всегда и свидѣтельствуютъ объ упадкѣ истинно-научнаго духа и производятъ этотъ упадокъ.

Но поэтому-то и интересъ, представляемый для мысли каждою изъ этихъ частныхъ и одностороннихъ, ограниченныхъ именно въ мѣру своей научности наукъ, есть интересъ *и не всеобщій*, въ томъ смыслѣ, что далеко не для всѣхъ умовъ онъ одинаковъ. Далеко не для всѣхъ задача той или другой науки имѣетъ одинаковое значеніе и жизненную важность. Человѣкъ съ очень даже глубокою и богатою содержаніемъ умственною жизнью легко можетъ быть совсѣмъ плохимъ математикомъ, совершеннымъ невѣждой въ химіи или въ римскомъ правѣ, не имѣть даже понятія о задачахъ сравнительнаго языкознанія. Ни глубина, ни страстность, ни богатство его умственной жизни, полнота ея интересовъ не пострадаютъ нисколько отъ того, если даже вообще ни на какой научной спеціальности его мысль не остановится, ни въ одну не замкнется исключительно. Наоборотъ—крайняя спеціализація, всепоглощающая односторонность въ направленіи работъ мысли приводятъ умы, не исключительно могучіе, богато одаренные отъ природы, къ своего рода атрофіи и безплодію, педантизму и ограниченной тупости.

Но еще важнѣе для вопроса о значеніи въ умственной жизни человѣка частныхъ наукъ то обстоятельство, что ни одна изъ нихъ, ни вся ихъ совокупность не захватываютъ *всей* этой жизни въ ея полномъ объемѣ, не исчерпываютъ всѣхъ ея основныхъ задачъ и не отвѣчаютъ всѣмъ ея глубочайшимъ и могущественнѣйшимъ мотивамъ. Вліяніе ихъ въ умственной жизни очень ограниченно, заключено въ болѣе или менѣе тѣсной, легко выдѣлимой изъ цѣлаго части ея, а потому и не можетъ имѣть въ этой жизни дѣйствительно-жизненнаго, *руководящаго*, опредѣляющаго ея судьбы въ цѣломъ значенія. Превосходнѣйшему химику, геологу, юристу или филологу его любимѣйшія задачи и работы мысли въ избранной имъ и составляющей его призваніе спеціальности нисколько не мѣшаютъ жить энергичною и полною содержанія умственною жизнью въ сферѣ такихъ вопросовъ, которые никакого отношенія къ его научной спеціальности не имѣютъ. Онѣ не упраздняютъ для него всякихъ иныхъ умственныхъ интересовъ, кромѣ

этихъ спеціальныхъ не должны поглощать его работу мысли *всецѣло*. И только сохраняя живость и полноту всѣхъ умственныхъ интересовъ, лежащихъ и совершенно внѣ ограниченнаго круга его научной спеціальности, только не утрачивая чуткой и широкой воспріимчивости и отзывчивости мысли на все, чѣмъ заявляетъ о себѣ жизнь, можетъ спеціалистъ сохранить и ясное сознаніе ограниченной задачи и опредѣленнаго значенія въ цѣломъ своей собственной спеціальности. Только подъ этимъ условіемъ, слѣдовательно, можетъ быть ясно сознательною, истинно плодотворною и научною его работа и въ своей спеціальной области. Спеціалистъ же, котораго умственные интересы, вопросы и стремленія всецѣло, безъ какого-либо свободнаго остатка поглощаются исключительно избранною имъ спеціальностью (или хотя бы и нѣсколькими такими спеціальностями заразъ), юристъ, который въ умственномъ отношеніи вездѣ, во всемъ и всегда къ міру, жизни и людямъ относится, какъ только юристъ, геологъ—только—геологъ или филологъ—только—филологъ и *ничего больше*, уже перестаютъ быть и настоящими учеными, и истинно образованными и даже просто сносными для ближнихъ своихъ людьми. Ни пониманія дѣйствительнаго значенія и требованій своей спеціальной задачи у нихъ быть не можетъ, такъ какъ внѣ этой задачи они ничего не видятъ и не хотятъ видѣть,—то цѣлое, въ которомъ и ихъ частная задача получаетъ свой смыслъ, для нихъ не существуетъ. Ни пониманія окружающей жизни, ея требованій, живыхъ людей и ихъ собственныхъ интересовъ, ни даже желанія понимать ихъ, поскольку они не вмѣщаются въ узкія, условныя рамки ихъ собственной ограниченности, нѣтъ у нихъ.

Совершенно *необразованные*, хотя можетъ-быть и очень ученые,—равно безплодные и для своей науки, и для жизни при всемъ своемъ знаніи и трудолюбіи, ученые спеціалисты до того расплодились въ наше время, и на тотъ упадокъ, оскудѣніе духомъ и омертвѣніе, которые они вносятъ въ умственную жизнь современнаго человѣчества, столько разъ и такъ сильно и ярко уже было указываемо съ разныхъ сторонъ, что останавливаться на этомъ долѣе нѣтъ надобности. Люди науки, *вся* умственная жизнь которыхъ безъ остатка, исключительно поглощается избранною ими частною наукой, или хоть бы и многими частными науками (напримѣръ, по программѣ О. Конта), будучи людьми болѣе или менѣе *знающими*, перестаютъ быть, по мѣрѣ этой исключительности, людьми дѣйствительно *образованными*, участни-

ками и двигателями дѣйствительной умственной жизни. Они обращаются въ истинные „гасильники свѣта“, въ тотъ „krystallisirtes Menschenvolk“, о которомъ такъ презрительно говоритъ Гёте въ своемъ *Фаустѣ*. На нихъ,—а число ихъ въ наше время такъ велико, что никому не нужно далеко искать живыхъ примѣровъ,—особенно ярко видно, къ какому духовному уродству приводитъ одно *знаніе*, вырабатываемое въ частныхъ наукахъ и ихъ совокупности, когда оно дѣйствительно поглощаетъ безъ остатка *всѣ* интересы, вопросы и стремленія ума, когда его значеніе въ жизни этого ума лишается своей естественной, здоровой ограниченности, становясь всеохватывающимъ и руководящимъ всѣми движеніями этой жизни. Къ счастію для огромнаго большинства человѣчества—роль знанія и знаній въ его умственной жизни есть роль далеко не всю эту жизнь поглощающая, не наполняющая всей ея глубины и необъятной шири. Русло этой жизни не все захватывается безконечно накопляющимся во всевозможныхъ частныхъ наукахъ частнымъ, дробнымъ знаніемъ, и не этимъ знаніемъ теченіе ея направляется, не отъ него заимствуетъ свою силу, глубину и стремительность. Русло это всегда несравненно *шире* области, захватываемой спеціально-научнымъ знаніемъ, и внѣ ея предѣловъ всегда остается масса жизненнѣйшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ, составляющихъ самые глубокіе и могущественные мотивы умственной жизни нашей. Выдѣляя эти вопросы въ сверхъ- или внѣ-научную сферу „непознаваемаго“ для науки, предоставляя ихъ рѣшеніе лишенному общенаучнаго значенія творчеству личнаго „субъективнаго идеализма“ (какъ дѣлалъ у насъ, напримѣръ, еще недавно Н. Я. Гротъ), или руководству не ищущихъ себѣ логическаго оправданія чаяній и влеченій сердца (какъ дѣлаетъ это у насъ А. Н. Гиляровъ),—„наука“ вовсе не упраздняетъ ихъ и на нихъ не отвѣчаетъ, но лишь признаетъ въ нихъ свое ограниченіе, свой предѣлъ. Для огромнаго, неизмѣримо подавляющаго большинства причастнаго умственной жизни человѣчества, такъ же, какъ и для лучшихъ представителей его настоящей серьезной и знающей себя и свою ограниченность науки,—значеніе этой науки въ общей экономіи нашей духовной жизни есть и значеніе *не всеобщее* (не для всѣхъ одинаковое и по жизненной важности, и по содержанію, и по достоинству того или другаго спеціальнаго знанія), и значеніе весьма *ограниченное*, далеко не всеохватывающее и не руководящее этою жизнью во всей ея полнотѣ.

И всеобщій интересъ, независящій отъ того или другаго случайнаго спеціальнаго направленія умственной дѣятельности, отъ количества и рода частныхъ знаній, находящихся въ обладаніи у разныхъ людей, и руководящее, направляющее умственную жизнь человѣчества значеніе, принадлежатъ и всегда принадлежали не частному знанію (какова бы ни была его масса и система), но *философіи*. Объясняется это различіе въ значеніи для умственной жизни частныхъ наукъ и философіи — изъ самаго существа задачи послѣдней. Какъ ни разнообразно опредѣляется задача философіи у разныхъ философовъ, общій смыслъ всѣхъ понятій, скрывающихся подъ ихъ разнорѣчащими формулами, одинъ. Вездѣ и всегда, къ какому направленію ни принадлежала бы та или другая философская система, — она задачей своею имѣла не то или иное частное, дробное и одностороннее знаніе, но *міровоззрѣніе*, пониманіе міра, насъ самихъ и нашихъ къ нему отношеній *въ цѣломъ*. Ея задача—такое пониманіе, которымъ опредѣляется и цѣнность всякаго и всего нашего спеціальнаго знанія, и смыслъ, и достоинство нашей жизни и дѣятельности. Вездѣ и всегда философія стремилась быть „систематизаціей и критикой знанія и дѣятельности, приводящею къ пониманію дѣйствительности въ ея цѣломъ и нашихъ къ ней отношеній". (Опредѣленіе метафизики у Фулье въ *l'avenir de le metaphysique.)*

Изъ этой задачи вытекаетъ и значеніе философіи въ умственной жизни человѣка и человѣчества, — всеобщее и руководящее—, вытекаютъ и требованія, съ которыми мысль человѣчества обращается неизмѣнно къ философіи, и отъ удовлетворенія которыхъ философія отказаться не можетъ, не отрекаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ самой себя.

Ставя себѣ задачей построеніе цѣлаго міровоззрѣнія, пониманія міра и нашихъ къ нему теоретическихъ и практическихъ отношеній въ цѣломъ, во всей полнотѣ ихъ содержанія и смысла, философія равно не допускаетъ, по своей идеѣ, ни той ограниченности, спеціальности своего предмета, содержанія, ни той сознательной ограниченности, односторонности, спеціальной точки зрѣнія на предметъ, угла подъ которымъ онъ изображается, которыя обязательны для всякой сознающей свои задачи и значеніе частной науки.

Ни одинъ изъ предметовъ мысли, ни одинъ изъ ея вопросовъ и ни одна изъ точекъ зрѣнія опредѣляющихъ отношеніе человѣка къ этимъ предметамъ и вопросамъ не могутъ быть исключены изъ

философіи, построяющей дѣйствительное *міровоззрѣніе*, но всѣ должны найти себѣ въ ней надлежащее мѣсто и оцѣнку. Какіе предметы ни занимали бы собою тотъ или другой умъ, какіе вопросы ни являлись бы для него насущными, жизненно-важными и какова ни была бы особенность той точки зрѣнія, съ которой онъ относится къ своему особенному предмету, этотъ умъ можетъ оставаться и остается совершенно чуждъ тѣмъ сферамъ мысли, которыя заняты иными предметами, иными вопросами и съ иныхъ точекъ зрѣнія. Но онъ никогда не можетъ быть вполнѣ чуждъ философіи, міровоззрѣнія, обнимающаго, по своей идеѣ, всѣ предметы, всѣ вопросы мысли и жизни, и всѣ точки зрѣнія. Нѣтъ такого ума, какъ бы ни былъ онъ энциклопедиченъ, который не былъ бы болѣе или менѣе спеціализованъ, одностороненъ въ своихъ научныхъ знаніяхъ, не былъ бы поэтому и болѣе или менѣе чуждъ спеціальныхъ интересовъ той или другой отрасли научнаго знанія. Огромное, неисчислимое большинство человѣчества, живущаго очень глубокою и энергическою умственною и нравственною жизнію, ставитъ себѣ и—худо ли, хорошо ли—рѣшаетъ насущные вопросы этой своей жизни совершенно независимо не только отъ помощи той или другой частной, спеціальной науки (астрономіи, химіи, біологіи etc.), но даже и не имѣя понятія о какомъ бы то ни было спеціально-научномъ знаніи вообще.

Очевидно, что самые вопросы мысли, рѣшеніе которыхъ *жизненно* необходимо для тѣхъ и другихъ, которыми, дѣйствительно, движется и направляется ихъ умственная жизнь и вызывается ихъ умственная работа, лежатъ *внѣ* круга собственно-научныхъ, спеціальныхъ и одностороннихъ знаній. Но въ то время, какъ законченной полноты этихъ знаній не найдемъ мы, какъ необходимаго условія богатой и глубокой умственной жизни, даже въ тѣсномъ кружкѣ научно-образованнаго человѣчества, а огромная масса его обходится даже и безъ немногихъ разрозненныхъ крохъ этого научнаго знанія, оставаясь всю жизнь совершенно ему чуждою, ни тѣ, ни другіе *не обходятся* и не могутъ обходится безъ какой-либо философіи. Они не обходятся безъ какого-либо, хотя бы и самаго уродливаго міровоззрѣнія, опредѣляющаго для каждаго его теоретическое и практическое отношеніе къ міру и жизни въ ихъ цѣломъ.

Всеобщность того умственнаго интереса, которому должна удовлетворять философія, какъ міровоззрѣніе въ цѣломъ, въ проти-

воположность спеціальной ограниченности интереса, которому отвѣчаетъ всякая частная наука и вся совокупность спеціальныхъ научныхъ знаній, совершенно несомнѣнна. Вѣдь и вся совокупность спеціальныхъ наукъ, въ какой порядокъ мы ихъ ни привели бы, какъ ни согласовали бы мы между собою лежащія въ основѣ каждой изъ нихъ спеціальныя основоположенія, точки зрѣнія и основныя понятія, составитъ только *часть* цѣлаго міровоззрѣнія, оставитъ за своими предѣлами массу незатронутыхъ даже ими и, однако, насущнѣйшихъ, неустранимыхъ вопросовъ мысли и жизни, вопросовъ, безъ которыхъ нельзя сознательно жить и мыслить! Не устраняютъ отъ своей мысли, не отдѣлываются отъ нихъ навсегда однимъ признаніемъ, что эти вопросы лежатъ за предѣлами частныхъ наукъ и ихъ совокупности, въ области „Непознаваемаго", но такъ или иначе рѣшаютъ ихъ для себя лично, и тѣ люди „строгой науки", которые въ наше время такъ ревностно возстаютъ противъ всякой метафизической философіи и всякаго вмѣшательства ея въ область точнаго, научнаго знанія. И они, рѣшительно налагая на міръ этихъ неискоренимыхъ и незаглушимыхъ никакими громадами знанія жизненно-важныхъ вопросовъ міровоззрѣнія запрещеніе своего ignoramus или даже ignorabimus, съ одной стороны признаютъ только безсиліе своей „точной науки" предъ задачей законченнаго міровоззрѣнія. Но такое признаніе своего безсилія предъ задачею міровоззрѣнія, какъ выступающей въ область „непознаваемаго", можетъ само по себѣ и означать лишь то, что то, что̀ называется „научнымъ" знаніемъ, *есть не все дѣйствительное знаніе* и напрасно притязаетъ на значеніе всего и *единственнаго* во всей его полнотѣ знанія, а отнюдь не то, чтобы задача міровоззрѣнія лежала внѣ предѣловъ возможнаго знанія, научнаго мышленія вообще. Съ другой стороны, предпочитая не расширить и исправить свое собственное, явно слишкомъ узкое, невмѣщающее въ свои рамки жизненнѣйшихъ задачъ мысли понятіе о знаніи, а — исключать изъ области знанія задачу міровоззрѣнія въ цѣломъ, они *рѣшаютъ* эту задачу для себя лично, руководясь потребностями личнаго своего чувства и мысли. Они создаютъ себѣ чисто личное міровоззрѣніе, хотя и не претендующее ни на какую доказательность для другихъ умовъ, ни на какую общегодность и объективную истинность. Міровоззрѣніе, съ этой точки зрѣнія, есть дѣло чисто личныхъ вкусовъ, чаяній и стремленій сердца, философія—только искусство давать отвѣчающія неудовлетворимымъ

научно-потребностямъ духа рѣшенія вопросовъ, научно неразрѣшимыхъ. Съ истиной эти рѣшенія, произведенія свободнаго искусства, ничего общаго не имѣютъ. Міровоззрѣніе оказывается ни истиннымъ, ни ложнымъ по существу своему, но стоящимъ внѣ критерія объективной теоретической истины и подлежащимъ оцѣнкѣ лишь съ точки зрѣнія болѣе или менѣе энергичныхъ, хотя и не имѣющихъ никакого ручательства за свою разумность запросовъ личной мысли и сердца!

Но можетъ ли нетолько человѣчество вообще, нуждающееся въ міровоззрѣніи несравненно болѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было частномъ, спеціальномъ знаніи, но даже и отдѣльное, одаренное какою-либо исключительною умственною организаціей лицо, удовлетвориться такимъ міровоззрѣніемъ, о которомъ *завѣдомо* признается, что оно отнюдь не претендуетъ на какую-либо объективную истинность, на какія-либо основанія быть предпочтеннымъ любому другому міровоззрѣнію? Сомнѣваемся. Думаемъ, что останавливаясь на какомъ-либо міровоззрѣніи, которымъ рѣшительно опредѣляются и направляются главнѣйшіе интересы и задачи мысли и воли и отношенія человѣка къ міру, своей жизни и людямъ, этотъ человѣкъ въ этомъ призванномъ руководить всей его жизнью міровоззрѣніи не можетъ *искренно* видѣть одну праздную, случайную игру субъективной мысли, фантазіи и чувства! Такой сознательный самообманъ, успокоеніе себя завѣдомо призрачными построеніями фантазіи въ той именно области, гдѣ наиболѣе глубоко и сильно сознается умомъ потребность опереться на несомнѣнную, непоколебимо-стоящую истину, свидѣтельствовалъ бы, еслибы онъ былъ дѣйствительно-выполнимъ, или о цинизмѣ мысли, для которой вообще никакой „истины", кромѣ собственнаго произвола, не нужно, или о крайнемъ легкомысліи. Человѣкъ непремѣнно *будетъ* требовать отъ своего міровоззрѣнія и признаковъ истинности, какого-либо объективнаго оправданія. Онъ или не найдетъ этихъ признаковъ,—и тогда останется попрежнему безъ руководящаго и законченнаго въ себѣ міровоззрѣнія, съ одною тоской неудовлетвореннаго томленія по томъ, что для его мысли „единое на потребу". Или онъ найдетъ эти признаки и, принявъ міровоззрѣніе, приметъ его уже какъ *истинное*, предпочтительное всякому другому не по согласію со случайными личными вкусами и стремленіями только, но по всеобщимъ, объективнымъ основаніямъ. Среднее, та „двойная бухгалтерія" объективнаго научнаго знанія и—рядомъ съ нимъ—

философіи, какъ чисто-субъективнаго, чуждаго всякаго отношенія къ истинѣ творчества, совершенно невозможно!

Совершенно невозможно для искренно-мыслящаго ума остановиться ни на понятіи о метафизикѣ какъ искусствѣ давать удовлетворительные для потребностей личной мысли и чувства отвѣты на теоретически-неразрѣшимые вопросы, ни на понятіи о ней, какъ дѣлѣ субъективныхъ чаяній и вожделѣній сердца. Не удовлетворитъ его даже и та, несравненно болѣе серьезная и благороднѣйшая форма той же основной мысли современнаго „критицизма“ или „новокантіанства“, будто метафизика, міровоззрѣніе въ цѣломъ есть дѣло субъективнаго, чуждаго теоретической истинѣ идеализма, — которая выражаетъ эту мысль въ (наиболѣе близкомъ къ первообразу ученія у Канта и Фихте) положеніи, что „метафизика есть система не теоретическихъ доказуемыхъ истинъ, но постулатовъ нравственнаго чувства“. Утверждая, что всякая *реальность*—и Бога, и міра, и души, — будучи недоступна теоретическому познанію, *единственное* за себя ручательство имѣетъ лишь въ томъ, что она—требованіе, постулатъ нравственнаго чувства (практическаго разума), — это ученіе хотя на самое-то всеоправдывающее „нравственное чувство“ обязано смотрѣть не какъ на простой постулатъ, а какъ на *теоретическую истину*. Оно обязано хотя за реальность послѣдняго-то поручиться теоретически, признать хотя въ немъ теоретически—несомнѣнное начало *истиннаго* міровоззрѣнія, — иначе и всѣ „постулаты“ нравственнаго чувства — и міръ, и Богъ, и душа,—всякая вообще реальность,—обратятся въ призракъ, въ завѣдомую иллюзію! Чистый „иллюзіонизмъ“ — вотъ конечный выводъ этихъ „критическихъ“, „новокантіанскихъ“ взглядовъ на міровоззрѣніе въ цѣломъ, метафизику, какъ систему субъективныхъ постулатовъ, — наиболѣе серьезнымъ представителемъ которыхъ у насъ въ настоящее время является профессоръ *А. Введенскій* (см. его вышедшую на дняхъ книжку: „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія“). Эта точка зрѣнія слишкомъ искусственна и лишена не условныхъ основаній, для того, чтобы на ней мысль могла удержаться. Чаще всего тѣ, кто защищаютъ ее in abstracto, — въ дѣйствительности впадаютъ сами въ чисто-*теоретическую* метафизику, руководятся теоретически-истиннымъ будто бы міровоззрѣніемъ, хотя и не ясно и не вполнѣ ими сознаваемымъ.

И тѣ самые мыслители, которые, признавъ ненаучность фило-

софіи и относя вопросы міровоззрѣнія въ область „непознаваемаго“, рѣшили для себя эти вопросы въ „ненаучномъ“ смыслѣ чисто-субъективнаго идеализма, дѣйствительно не долго медлятъ открыть этимъ ненаучнымъ, субъективнымъ рѣшеніямъ, этому контрабандному міровоззрѣнію своему доступъ и вліяніе въ области своего будто бы *очищеннаго* отъ всякой примѣси метафизической философіи научнаго знанія. Страстно отвергая всякую метафизику и отстаивая неприкосновенность своей будто бы чисто научной почвы, они не могутъ удержаться на ней, и поразительно легко являются тѣмъ болѣе необузданными и безпорядочными метафизиками, что ихъ метафизика—не ясно-сознающая себя, свои цѣли и средства, но безотчетная. Нигдѣ не найдемъ мы столько такой не сознающей себя, а потому и безпорядочной и темной, и насквозь самопротиворѣчивой метафизики, какъ именно въ произведеніяхъ ревностнѣйшихъ изъ современныхъ противниковъ метафизики во имя „точной“ науки. Совершенно правъ Л. М. Лопатинъ, утверждая, что „одно недоразумѣніе заставляетъ думать, что противопоставляя міросозерцаніе научное міросозерцанію метафизическому, мы опытъ противополагаемъ умозрѣнію; въ дѣйствительности мы имѣемъ лишь противоположеніе одного умозрѣнія другому“. Разница между ними лишь въ томъ, что одно умозрѣніе—ясно сознающее свои права, пути и задачи, а другое—контрабандное, смутно и мимовольно прорывающееся въ область чуждыхъ ему изслѣдованій, какъ неясный отголосокъ полузабытаго неотвязнаго сновидѣнія.

Ничто не доказываетъ такъ ясно, какъ послѣднее обстоятельство, всей неистребимости и всеобщности интереса къ философіи въ мысли человѣчества, независимо отъ возможныхъ различій въ количествѣ, качествѣ и направленіи научныхъ знаній у отдѣльныхъ людей. Но эта всеобщность интереса принадлежитъ философіи лишь въ той мѣрѣ, въ какой послѣдняя есть дѣйствительно законченное въ себѣ и обладающее полнотой содержанія цѣльное *міровоззрѣніе*. Только построенное на такихъ началахъ, которыя не исключаютъ изъ содержанія міровоззрѣнія ни одного изъ необходимыхъ предметовъ мысли, ни одного изъ ея неустранимыхъ и жизненно-важныхъ вопросовъ, необходимо соприкасается это міровоззрѣніе съ существенными интересами *всякой* мысли, а потому и представляетъ интересъ всеобщій, не однимъ спеціалистамъ близкій и ясный, какъ частныя науки въ родѣ химіи, или права и т. п. Только захватывая въ свою область, съ другой

стороны, *всѣ* существенные вопросы и стремленія, которыми живетъ и движется всякая мысль, способно міровоззрѣніе завладѣть и всею полнотой ея жизни, глубоко и всесторонне, органически повліять на все ея теченіе, пріобрѣсти дѣйствительно руководящее жизненное въ ней значеніе, какого никогда не можетъ имѣть ни одна изъ частныхъ, спеціальныхъ наукъ, не съуживая до уродливой ограниченности нашего умственнаго міра.

Но этимъ опредѣляются уже и тѣ основныя требованія, съ которыми мысль имѣетъ право и должна обращаться къ началамъ, полагаемымъ въ основу міровоззрѣнія, претендующаго и на удовлетвореніе всеобщаго интереса человѣческой мысли и на руководящее въ ней значеніе.

Начала эти должны, для того, чтобы міровоззрѣніе отвѣчало дѣйствительно своему назначенію, быть прежде всего *неисключительными*, не спеціально отвѣчающими только той или другой спеціальной точкѣ зрѣнія, опредѣляющей задачу изслѣдованія съ одной опредѣленной стороны, въ одной ограниченной области предметовъ, какъ основныя начала всѣхъ частныхъ наукъ. Каждая спеціальная наука имѣетъ въ своей основѣ такія спеціальныя начала, только ея спеціальную задачу опредѣляющія и не подлежащія въ ея собственныхъ предѣлахъ обсужденію и дальнѣйшему обоснованію, такъ какъ въ этихъ спеціальныхъ предѣлахъ на нихъ самихъ все съ начала до конца основывается. Эти начала, по своей односторонности, приложимости исключительно въ одной опредѣленной области знанія, не представляющей ни всеобщаго, ни руководящаго всею умственною жизнью интереса, очевидно сами по себѣ негодны служить началами для всеобщаго и руководящаго міровоззрѣнія. Нельзя думать, чтобы и какая бы то ни была систематизація и „обработка тѣхъ основныхъ понятій наукъ съ цѣлью взаимнаго согласованія и мыслимости въ цѣломъ всей совокупности *предметовъ* спеціальныхъ наукъ“ (въ такой согласующей обработкѣ основныхъ понятій разныхъ направленій знанія, устраняющей изъ нихъ противорѣчія, нѣкоторые философы, какъ, напримѣръ, Гербартъ, Лотце, и видятъ задачу метафизики), дала намъ искомое начало міровоззрѣнія. Нельзя этого думать не только потому, что у насъ отсутствуетъ надежное ручательство въ такой полнотѣ этихъ основныхъ понятій разныхъ извѣстныхъ областей знанія, при которой какой-либо изъ основныхъ вопросовъ міровоззрѣнія не оказался бы лежащимъ внѣ ихъ круга, для мысли только на

нихъ опирающейся совершенно невмѣстимымъ (мы далѣе увидимъ, что такими невмѣстимыми для метафизики всего нашего времени оказываются именно *важнѣйшіе* вопросы о субъектѣ, о я, о сознаніи, о волѣ и т. д.), но и по другому соображенію. Вѣдь если міровоззрѣніе должно удовлетворять и *всеобщему* интересу мысли и потребности въ *высшемъ* для нея руководствѣ, то начало этого міровоззрѣнія должно быть прежде всего *безусловно общепріемлемымъ*, безспорнымъ, самоочевиднымъ, для всѣхъ равно вразумительнымъ, принимаемымъ мыслію не условно только, не ради только намѣченной спеціальной задачи, какъ принимаются исходныя основныя понятія всѣхъ частныхъ наукъ. Никогда не таковы очевидно основныя понятія, заимствованныя изъ какой-либо области *спеціальнаго* научнаго знанія, очень далекія отъ непосредственной самоочевидности, простоты и неусловности, отъ *общечеловѣческаго, непосредственнаго сознанія.*

Только въ области послѣдняго можетъ искать своего исходнаго начала міровоззрѣніе всеобщее и дѣйствительно руководящее, а не въ области готовыхъ, болѣе или менѣе сложныхъ, искусственныхъ и условныхъ построеній науки или философіи. Къ фактамъ непосредственнаго общеловѣческаго сознанія, къ тому, что называется *здравымъ смысломъ*, а не къ готовымъ теоремамъ существующихъ наукъ или философскихъ системъ и обращались всякій разъ величайшіе реформаторы въ философіи, въ родѣ Сократа или Декарта, исходя изъ сплошнаго отрицанія всѣхъ готовыхъ научныхъ или философскихъ построеній. Здравый смыслъ, общеловѣческое непосредственное сознаніе, рѣшительно не имѣющіе никакого права голоса въ вопросахъ спеціальной науки—астрономіи, химіи, механической теоріи теплоты и т. п.,—не могутъ быть обойдены въ вопросѣ о *началѣ* всеобщаго и руководящаго міровоззрѣнія. *Развитіе* этого начала въ законченную философскую систему есть уже конечно дѣло не простаго здраваго смысла, но требующей особенныхъ напряженій мысли строго-логической и несравненно болѣе здраваго смысла гибкой и тонкой діалектики,—но самое начало не должно быть чуждо здравому смыслу, искусственно и условно, не должно идти въ разрѣзъ съ его требованіями, требуя отъ него съ перваго шага самоотреченія. Оно не должно *насиловать* здраваго смысла, *отрицать* коренные факты общечеловѣческаго сознанія, какъ насилуютъ и отрицаютъ ихъ, напримѣръ, Гегелево никѣмъ не мыслимое, но все (и самаго мыслящаго субъекта) изъ своихъ нѣдръ логически

развивающее „понятіе о понятіи“, или положеніе, что всякая реальность (и Бога, и души и міра), полагается лишь какъ постулатъ нравственнаго чувства (создающаго такимъ образомъ и самую ту душу, которая имъ обладаетъ?!),—въ которое у новокантіанцевъ обратилось Канто-Фихтево ученіе о приматѣ нравственной воли надъ теоретическимъ разумомъ (уже безслѣдно исчезнувшее у Гегеля). Подобныя „начала“, насилуя здравый смыслъ, никогда не могутъ быть *всеобще*-признанными, усвоенными, ни стать *руководящими* въ духовной жизни человѣка, подчинивъ себѣ всѣ ея стороны и направленія ея дѣятельности. Они навсегда обречены на нѣкоторое значеніе только въ *чисто-теоретической* сторонѣ духовной жизни *немногихъ* занятыхъ ею въ извѣстномъ направленіи людей, безъ всякаго вліянія даже на ихъ волю и чувства! Построенное на *такомъ* началѣ міровоззрѣніе никогда не будетъ имѣть значенія бо̀льшаго, чѣмъ какое можетъ принадлежать и любому другому *спеціальному* знанію, никогда не пріобрѣтающему ни всеобщности ни дѣйствительно руководящей силы. Философія при этомъ остается такою же *одностороннею научною спеціальностью*, какъ и другіе роды научнаго знанія. Но, не становясь выше односторонней спеціальности, не включая въ свой кругъ всѣхъ дѣйствительныхъ интересовъ и вопросовъ общечеловѣческаго сознанія, философія и не даетъ того, что она должна дать человѣчеству, то-есть цѣльнаго и всеобъемлющаго *міровоззрѣнія*. Не найдетъ въ ней человѣческій духъ и удовлетворенія той потребности въ міровоззрѣніи, которая есть одна изъ глубочайшихъ и жизненнѣйшихъ его потребностей.

Ничего нѣтъ обыкновеннѣе горькихъ жалобъ со стороны далеко не чуждыхъ умственныхъ интересовъ массъ на недоступность философіи, замкнутость ея въ какой-то заколдованный, открытый только для немногихъ посвященныхъ спеціалистовъ кругъ,—жалобъ, никогда не высказываемыхъ однако по отношенію къ какой-либо другой наукѣ, напримѣръ, астрономіи или медицинѣ, какъ бы малодоступны ни были ихъ содержаніе и форма. И эти жалобы вполнѣ законны: интересъ философіи такъ всеобщъ и жизненъ, задача ея такъ всеобъемлюща, что она прямо измѣняетъ этой задачѣ, своему призванію, гордо замыкаясь въ тѣсный кружокъ *посвященныхъ* и тщательно отгораживая свою область отъ общечеловѣческаго сознанія, отрицая законность его вѣчныхъ и жизненныхъ запросовъ.

И уединяетъ философію отъ этого общечеловѣческаго сознанія, съуживаетъ ее до размѣровъ одной среди многихъ научныхъ спеціальностей, и навлекаетъ на нее справедливыя жалобы, что она не даетъ не только общепріемлемаго, но и удовлетворительнаго по своей полнотѣ міровоззрѣнія, вовсе не свойственная философскимъ изслѣдованіямъ отвлеченность, строгость логическаго, дающаго себѣ отчетъ во всякомъ своемъ шагѣ развитія мысли и т. п. Не это уединяетъ и спеціализируетъ философію. Дѣло здѣсь вовсе не въ *трудностяхъ* формы, чрезъ мѣру къ тому же преувеличиваемыхъ тѣми, кто съ философіей знакомъ только по наслышкѣ, но въ крайней искусственности, условности и односторонности тѣхъ, какъ бы намѣренно игнорирующихъ общечеловѣческое сознаніе и насилующихъ здравый смыслъ основныхъ *понятій*, отъ которыхъ большинство системъ исходитъ въ своихъ построеніяхъ міровоззрѣнія. Человѣчество вовсе не такъ ужь мало способно и расположено къ логической строгости мысли и отвлеченностямъ, чтобъ философія должна была популяриничать, поступаться своими научными пріемами и вульгаризироваться для удовлетворенія обращаемому къ ней запросу общей мысли. Это вовсе не требуется. Она не должна только идти въ разрѣзъ съ общечеловѣческимъ сознаніемъ, не должна отрицать требованія здраваго смысла въ самыхъ своихъ *началахъ*,—не должна полагать въ свою основу начала узкія, условныя, не самоочевидныя и крайне искусственныя. Самое начало философіи должно быть началомъ *всеобъемлющаго* міровоззрѣнія, въ которое не можетъ конечно не входить и общечеловѣческое сознаніе и его отношеніе къ міру и положеніе въ немъ.—Но оно не должно быть началомъ спеціальнаго и условнаго, искусственнаго съ начала до конца теоретическаго построенія, въ которомъ отъ мысли требуется, напримѣръ, чтобы она серьезно признала „положительное ничто“ въ его отличіи отъ „отрицательнаго ничто“, и серьезно отреклась, въ то же время, какъ отъ иллюзіи, отъ реальности *я*, *воли* и т. п. Гдѣ же искать философіи своего начала, которое было бы и всеобъемлюще, и самоочевидно, и не условно, годилось бы въ начало всеобщаго и руководящаго міровоззрѣнія?— Въ области ли общечеловѣческаго сознанія, его непосредственныхъ данныхъ, фактовъ и вопросовъ, или въ своей собственной ученой исторіи, въ исторіи философіи?

Для насъ отвѣтъ несомнѣненъ: это начало *не* въ исторіи философіи. Начало, до котораго мысль доходитъ лишь чрезъ длин-

ный рядъ системъ, изъ которыхъ каждая послѣдующая, унаслѣдовавъ свою задачу отъ предшествующей, дополняя и поправляя сдѣланное ранѣе въ одномъ отношеніи, развивала ошибки далѣе въ другомъ, и передавала эту задачу своей преемницѣ въ еще болѣе осложненномъ и условномъ видѣ [1] — очевидно не самоочевидное, не всеобъемлющее, но въ высшей степени условное начало. Чѣмъ оно позднѣе, тѣмъ дальше отходитъ отъ общечеловѣческаго сознанія и здраваго смысла. Не изъ исторіи предшествующей философіи брали себѣ готовую задачу и извлекали свое начало, и всѣ крупнѣйшіе реформаторы философіи, - но обращались за этимъ къ фактамъ общечеловѣческаго сознанія. Одинъ изъ крупныхъ философовъ и величайшихъ педагогическихъ авторитетовъ нашего вѣка, Гербартъ, рѣшительно утверждалъ, что исторія философіи полезна вовсе не для начинающихъ философствовать, а уже для сложившихся философовъ: она полезна не для установленія начала философіи, но лишь для его дальнѣйшаго развитія въ систему. И нашъ вѣкъ, для представителей котораго во всей второй половинѣ его исторія философіи часто совершенно замѣняла самую философію, вѣкъ упадка философіи, безплоднаго эклектизма и скептицизма (не лучше чѣмъ въ Александрійскій періодъ), конечно *мало* говоритъ въ пользу услугъ философіи со стороны исторіи философіи. Во всякомъ случаѣ, если философія есть только заключительный выводъ изъ

---

[1] Укажемъ, для примѣра, хотя бы на переходъ отъ трансцендентальнаго идеализма Канта, черезъ субъективный идеализмъ Фихте и объективный— Шеллинга, въ безусловный идеализмъ Гегеля. Понятною и относительно-оправданною представляется задача философіи Гегеля не иначе, какъ подъ условіемъ пониманія ея, какъ исправленія и преобразованія послѣдовательныхъ задачъ Шеллинга, Фихте и Канта. *Еслибы* не было трансцендентальнаго идеализма Канта, признавшаго, дабы избѣгнуть иллюзіонизма, рядомъ съ субъективною областью познанія, реальность непознаваемой „вещи въ себѣ“, и *еслибы* это признаніе вещи въ себѣ не являлось вопіющимъ противорѣчіемъ въ системѣ самого Канта, то не потребовалось бы и устраненіе этого противорѣчія. Не потребовалось бы и постепенное изгнаніе изъ идеальнаго построенія міра всякой реальности, представляемой этой отвнѣ вторгшейся въ него „вещью въ себѣ“. Не было бы и всего того процесса развитія идеализма до Гегеля, который герой одного стариннаго нѣмецкаго романа, *Münchhausen*, остроумно описываетъ такъ: Кантъ далъ Begriff, Фихте отвлекъ и получилось griff; Шеллингъ отвлекъ еще и остановился на iff; а у отвлекшаго до конца Гегеля осталось уже одно „fff“! Стоитъ только поколебаться Канту — и Гегель уже не имѣетъ *никакого* понятнаго raison d'être.

исторіи философіи, то она обращается въ совершенно спеціальную научную отрасль на ряду съ прочими спеціальными науками. Ея истина вся исчерпывается знаніемъ о томъ, какъ люди *искали* истины и почему они ее искали такъ, а не иначе, но вопросъ о самой истинѣ упраздняется.[1] Она такимъ образомъ не даетъ человѣчеству того, по чемъ человѣчество все болѣзненнѣе и безнадежнѣе томится:—не даетъ *всеобщаго и руководящаго міровоззрѣнія.*

Никакое богатство ученѣйшихъ и подробнѣйшихъ спеціальныхъ работъ по исторіи философіи не удовлетворитъ конечно этой страстной потребности человѣчества въ дѣйствительномъ міровоззрѣніи, не заглушитъ въ немъ сознанія всей горечи испытаннаго разочарованія въ философіи, отъ которой оно такъ долго довѣрчиво, но тщетно ожидало этого міровоззрѣнія. Оно также мало удовлетворитъ философскія нужды человѣчества, какъ мало насытитъ голоднаго разсказъ о разныхъ способахъ приготовленія питательной и вкусной пищи.

II.

Къ философіи, по самому существу ея задачи, человѣчество всегда предъявляло болѣе всеобщія, жизненно-важныя и высокія требованія, чѣмъ къ какой-либо изъ частныхъ наукъ, возлагало на нее наиболѣе дорогія ему надежды. Поэтому и горечь разочарованія и искренняя горячность упрековъ, которыя приходилось такъ часто испытывать философіи, когда возлагавшіяся на

---

[1] Для этого направленія философіи, однимъ изъ представителей котораго въ настоящее время у насъ является князь С. Трубецкой, весь вопросъ о той или другой философской системѣ есть не вопросъ о томъ, насколько въ ней достигнута истина, разрѣшена задача міровоззрѣнія? но лишь о томъ — насколько она оправдывается и объясняется условіями времени своего возникновенія? Съ этой точки зрѣнія,—такъ какъ *всякая* система изъ какихъ-нибудь условій объяснима,—всѣ системы безъ изъятія, самыя нелѣпыя и возмутительныя, и самыя разумныя и возвышенныя, — равнозначущи. Всѣ онѣ были *въ своихъ условіяхъ* истинными, и всѣ являются въ другихъ условіяхъ ложными. Здѣсь,—съ этой «исторической» точки зрѣнія, — все есть истина и все есть ложь. Достигнувъ до такой «высоты» философскаго пониманія, конечно, уже немыслимо заниматься самою философіей, а можно лишь безстрастно изучать ея ученую исторію, — не нужно уже давать голодному хлѣба, а достаточно объяснить ему, какъ этотъ хлѣбъ въ разныхъ условіяхъ печется!

нее надежды оказывались тщетными, законныя требованія къ ней—невыполненными,—составляютъ удѣлъ почти исключительно одной философіи: никакая другая наука не вызывала никогда такихъ взрывовъ негодующаго разочарованія, не подвергалась такимъ горькимъ упрекамъ. Но наше время есть по преимуществу время общаго разочарованія въ философіи, время самыхъ горькихъ и, увы!—вполнѣ заслуженныхъ упрековъ ей въ безсиліи, безплодіи и призрачности ея дѣлъ. Никогда человѣчество не искало такъ страстно міровоззрѣнія, на которомъ растерявшій всѣ свои вѣрованія и идеалы, безнадежно смущенный и безпомощно брошенный на невѣдомомъ распутьи современный умъ могъ бы успокоиться, въ которомъ нашелъ бы прочную опору и ясное руководство. Никогда такъ тоскливо не сознавалась имъ рѣшительная невозможность жить далѣе безъ какого-либо опредѣленнаго міровоззрѣнія, вмѣстѣ съ невозможностью удовлетвориться какимъ-нибудь изъ тѣхъ неполныхъ, отрывочныхъ или эклектическихъ міровоззрѣній, которыя предлагаются ему изъ арсенала современной философіи. И никогда еще, повидимому, такъ ясно не сознавалась вся повидимому коренная, природная неспособность этой философіи дать внутренно-законченное, полное и цѣльное міровоззрѣніе, ея безсиліе дать не уклончивые и половинные, но дѣйствительные, не требующіе самообмана отъ принимающаго ихъ, отвѣты на самые существенные, жизненные вопросы мысли и жизни. Трудно въ такое время несомнѣнно-заслуженнаго недовѣрія къ философіи, рядомъ съ особенно-страстно и глубоко-сознаваемою потребностью въ ней, не задаться вопросомъ о *причинахъ* столь плачевнаго, ненормальнаго положенія современной философіи, объ источникахъ ея роковаго и уже для всѣхъ явнаго безсилія и безплодія на избранныхъ ею путяхъ.

Предшествующее изложеніе уже даетъ намъ достаточное указаніе на отвѣтъ, требуемый вопросомъ объ этихъ причинахъ.

Современная философія безсильна выполнить свою задачу и безплодна; она не даетъ требуемаго міровоззрѣнія и не можетъ пріобрѣсти въ нашей умственной жизни ни всеобщаго, ни руководящаго значенія. Все это потому, что, съ одной стороны, ея начала узки, искусственны, условны, совершенно чужды и враждебны невмѣстимому для нихъ содержанію общечеловѣческаго сознанія, а съ другой—потому, что благодаря этимъ своимъ искусственнымъ исключительнымъ началамъ она *вынуждена* исключать

изъ своего міровоззрѣнія именно то, что наиболѣе для общечеловѣческаго сознанія и самоочевидно, и цѣнно, и всеобще.

Именно то, что одно могло бы и должно было быть началомъ дѣйствительнаго міровоззрѣнія, и не только не принимается современною философіей въ его настоящемъ значеніи, но и исключается изъ ея представленія о дѣйствительности, признается ею за бездѣйственный призракъ и пустую иллюзію. Какое бы изъ существующихъ философскихъ міровоззрѣній мы ни взяли,—будь то матеріализмъ или идеализмъ, или чистый феноменизмъ, не признающій ничего, кромѣ явленій и ихъ порядковъ,—начала, изъ которыхъ они берутся построить свою картину міра, — и атомистическая и динамическая матерія съ ея движеніями и силами, и діалектически развивающая свое содержаніе идея, и всеединый безсознательный духъ и чреда явленій чего-то непознаваемаго,—все это начала *безличныя, объективныя, не заключающія въ себѣ опредѣленія субъекта — быть собою, изъ себя и для себя.* Для субъекта, для *личнаго духа* въ мірѣ построенномъ изъ этихъ началъ, мѣста нѣтъ. Міръ, построенный изъ такихъ безличныхъ, безсубъектныхъ началъ, можетъ и быть лишь міромъ исключительно объектовъ, міромъ внѣшнихъ и слѣпыхъ механическихъ или логическихъ процессовъ и движеній, за которыми не скрывается ничего внутренняго, движущаго, никакого субъекта, никакого самоопредѣленія. Субъекту, личности, какъ внутренноединому и самобытному источнику своихъ актовъ, дѣятельной волѣ и сознанію, самобытно, творчески нѣчто отъ себя вносящимъ въ міръ объектовъ, — въ такомъ мірѣ мѣста нѣтъ и не можетъ быть. А между тѣмъ *я*, сознаніе, воля, субъектъ нашъ есть и самое самоочевидное и самое цѣнное для общечеловѣческаго сознанія! И *міръ* безъ сознанія, воли, я, субъекта—очевидно есть міръ неполный, *недѣйствительный.* Картина такого міра исключительно — объективнаго, въ которой самые эти я, субъектъ, воля, сознаніе изображаются недѣйствительными иллюзіями, тѣнями механическихъ, слѣпыхъ и безличныхъ силъ,— не есть *міровоззрѣніе!*

Замѣчательно, что къ субъекту, къ личному сознанію обращались въ поискахъ за основнымъ началомъ міровоззрѣнія именно философы, которые произвели наиболѣе глубокіе и плодотворные перевороты въ философіи, когда рѣшительно убѣждались въ томъ, что вся современная имъ философія идетъ по ложному пути и должна быть отброшена. Таковы и Сократъ съ его „познай са-

мого себя“ и Декартъ съ его cogito ergo sum и первоначально даже Кантъ съ его разрушеніемъ догматизма. Оно и не могло быть иначе не только съ точки зрѣнія отдѣльнаго философа, но и для общечеловѣческаго сознанія. Вѣдь внутренній міръ субъекта есть *единственная* область, отъ которой наше сознаніе, во всемъ могущее усумниться, отъ всего хотя на время отвлечься, никакими усиліями сомнѣнія отрѣшиться, отрицать который оно даже и предположительно не можетъ. Вѣдь сознаніе реальности этого міра есть *единственное самоочевидное* и непосредственное знаніе наше, и усумнившись въ достовѣрности и реальности этого сознанія, мы должны были бы отказаться отъ мысли о реальности и достовѣрности чего бы то ни было вообще, такъ какъ все, что мы можемъ знать и мыслить, познается и мыслится нами не иначе, какъ черезъ посредство сознаваемыхъ нами событій этого нашего внутренняго, субъективнаго міра, нашихъ чувствъ, представленій, стремленій. Вѣдь, наконецъ, одна жизнь этого нашего внутренняго, субъективнаго міра имѣетъ сама по себѣ какую-либо цѣнность, отношеніе къ благу, и лишь отъ него можетъ придаваться какая-либо логическая, нравственная, эстетическая цѣнность, какой бы то ни было внутренній смыслъ и объективнымъ, не сознающимъ себя механическимъ процессамъ внѣшней природы, равнодушнымъ сами по себѣ къ требованіямъ истины, красоты и блага. Только въ этомъ внутреннемъ, субъективномъ мірѣ нашемъ имѣетъ свою конечную опору и наше теоретическое познаніе какой бы то ни было внѣшней дѣйствительности, какая бы то ни была реальность и познаннаго міра и самого познанія; только въ немъ же коренятся и начала нашей нравственной, логической и эстетической дѣятельности, направляющія нашу жизнь и придающія ей внутренній смыслъ и цѣнность. [1] Только въ этомъ субъективномъ мірѣ, составляющемъ наше ни подъ какими условіями неотъемлемое достояніе, коренятся и всѣ тѣ понятія, безъ

---

[1] Сознаніе, какъ вѣдомая себѣ и направляемая этимъ знаніемъ такъ или иначе дѣятельность, носитъ въ себѣ уже по этому самому внутреннюю необходимость *судить о себѣ, о своей дѣятельности*, относиться къ ней объективно и ставить ей требованіе: быть согласной съ какимъ бы то ни было *общимъ критеріемъ*. Это внутренно-необходимое для сознанія требованіе формальной *закономѣрности* его мыслей, чувствъ и рѣшеній воли, и есть послѣднее субъективное основаніе всей нашей логики, эстетики и этики. Безъ него для насъ, какъ и для животныхъ, не существовало бы ни истины, ни красоты, ни блага, какъ объективныхъ нормъ.

которыхъ или усумнившись въ которыхъ, невозможно ни мыслить, ни дѣйствовать,—и понятія бытія и дѣйствія, субстанціи и дѣятельной силы, взаимодѣйствія, воли и т. п. [1]

Поэтому въ немъ повидимому и было бы ближе всего видѣть начало міровоззрѣнія, то *истинно-сущее*, которое лежитъ въ основѣ и всякаго мышленія и всякаго бытія и всякаго дѣйствія, то являющееся, явленія котораго отвнѣ и въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ познаются нами во внѣшнемъ мірѣ, то внутреннее—внѣшность котораго выражается въ объективномъ обнаруженіи его въ природѣ, и безъ чего не было бы никакихъ явленій, ничего внѣшняго, ничего объективнаго. *Субъектъ и его внутренняя жизнь*—вотъ что̀ должно бы повидимому неизбѣжно почитаться субстратомъ всего познаваемаго и реальнаго міра. Познаніе субъекта и его внутренней жизни должно бы полагаться въ основу всего познанія объективнаго міра, быть основнымъ начальнымъ познаніемъ въ системѣ цѣльнаго міровоззрѣнія. Такъ должно бы представляться дѣло, такъ и представлялось оно для непредубѣжденнаго и непосредственнаго общечеловѣческаго сознанія. Для послѣдняго вѣчно останутся непонятными, призрачными, немыслимыми міръ объектовъ безъ субъекта или субъектовъ, міръ явленій безъ являющагося, внѣшнихъ обнаруженій безъ обнаруживающейся въ нихъ внутренней, субъективной жизни. Никакими разсужденіями не удастся рѣшительно выпроводить субъекта, духовное, психическое начало изъ представленія о мірѣ, свойственнаго непосредственному общечеловѣческому сознанію: его міровоззрѣніе всегда поэтому болѣе или менѣе явно *спиритуалистично*. [2]

Но мало того, что міръ, изъ котораго исключенъ вовсе субъектъ, внутренно-вѣдомое себѣ и живущее внутреннею жизнью, изъ себя и для себя существо, есть міръ мертвый (вѣдь *знаемъ* мы собственно по внутреннему опыту только жизнь, которою сами живемъ, смерть же мы знаемъ лишь какъ *отсутствіе* жиз-

---

[1] По этому вопросу укажемъ на II томъ сочиненія Л. М. Лопатина «Положительныя задачи философіи», особенно на сс. 145—248. Знакомство съ этой книгой въ значительной мѣрѣ можетъ замѣнить, для желающихъ рѣшить вопросъ о значеніи данныхъ внутренняго опыта для всего нашего знанія, знакомство съ подлиннымъ ученіемъ Мэнъ де-Бирана.

[2] Въ другомъ мѣстѣ (см. статьи *Воля въ знаніи и воля въ вѣрѣ* въ 13 и 14 книжкахъ журнала *Вопросы философіи и психологіи*) я уже доказывалъ, что знаніе *о субъектѣ* есть необходимая основа и религіозной вѣры.

ни, то-есть вовсе не знаемъ, что̀ она такое?) непонятный и невмѣстимый для сознанія, ищущаго *дѣйствительнаго* міровоззрѣнія. Субъектъ не только долженъ вообще занять опредѣленное мѣсто въ дѣйствительномъ, внутренно-законченномъ и полномъ міровоззрѣніи, но долженъ занять именно мѣсто реальнаго начала міровоззрѣнія, мѣсто *истинно-сущаго* въ мыслимомъ мірѣ.

Другаго мѣста онъ въ міровоззрѣніи занять не можетъ, ибо только какъ изъ себя и для себя сущее, какъ внутренно-единый и самобытный, изъ себя самаго опредѣляющійся, а не отвнѣ движимый источникъ дѣйствій, составляющихъ его внутреннюю жизнь, и остается субъектъ субъектомъ. Отнять у субъекта это значеніе самобытнаго источника своихъ дѣйствій, самостоятельнаго начала своей собственной жизни, отнять у него самоопредѣленіе — значитъ отнять у него именно то, что дѣлаетъ его субъектомъ. А именно это и дѣлаемъ мы, признавая субъектъ, сознающее себя я, дѣятельную волю за нѣчто неизначальное, изъ себя и собою сущее, но за нѣчто производное, за продуктъ болѣе или менѣе сложныхъ взаимодѣйствій внѣшнихъ самому субъекту и безличныхъ процессовъ и силъ. При этомъ все равно, будутъ ли пониматься эти безличныя силы матеріально или идеально, будетъ ли *я* представляться продуктомъ извѣстной комбинаціи нервно-мозговыхъ процессовъ, или идеею, образовавшеюся изъ долгаго психологическаго процесса развитія путемъ накопленія разныхъ опытовъ, ассоціацій и т. п., или моментомъ въ діалектическомъ процессѣ саморазвивающагося „понятія о понятіи“ Гегеля и т. п. Ничто *производное*, сложившееся изъ чуждыхъ и внѣшнихъ ему элементовъ, ничто *не самосущее* не обладаетъ самоопредѣленіемъ, не есть дѣйствительный источникъ своихъ актовъ, не живетъ дѣйствительной внутренней жизнью, то-есть не есть субъектъ. Поэтому міровоззрѣніе, признающее субъектъ не за самосущее, не за начало реальности, но за нѣчто вторичное, производное, сколько бы оно ни говорило о субъектѣ, о внутренней жизни, о волѣ и т. п., въ сущности *рѣшительно отрицаетъ ихъ*, будь оно матерьялистично или идеалистично, или отрицай вовсе метафизику и оставайся на почвѣ признающаго одни явленія феноменизма или ассоціаціонной психологіи.

Это именно и дѣлаютъ всѣ современныя господствующія философскія направленія: всѣ они не признаютъ субъектъ за *начало* реальности, и поэтому всѣ они вовсе *отрицаютъ* его, такъ

какъ онъ можетъ быть только или началомъ или *ничѣмъ*. Они никакъ не находятъ ему мѣста въ своихъ міровоззрѣніяхъ. Въ этомъ именно отрицаніи субъекта и безспорная заслуженность того тяжелаго упрека, съ которымъ обращается Л. М. Лопатинъ къ современной „философіи, говоря, что“ философское міровоззрѣніе пренебрежительно игнорируетъ именно тѣ задачи, которыя представляютъ наибольшій интересъ для живаго сознанія; оно рисуетъ міръ подъ такимъ угломъ, подъ которымъ эти задачи прямо не имѣютъ мѣста“ (Полож. зад. фил. II. 22). Въ этомъ и объясненіе безсилія современной философіи создать дѣйствительное міровоззрѣніе, и оправданіе ея несомнѣннаго неуспѣха. Нѣтъ „міра“ безъ субъекта и *нѣтъ міровоззрѣнія безъ всеръшающаго знанія о субъектѣ!* А именно реальность субъекта и дѣйствительность и возможность знанія о немъ—и отрицаетъ современная философія, устраняя тѣмъ изъ своего міропониманія всякія духовныя, идеальныя силы, начала и задачи! Въ этомъ—самая характерная, основная тенденція ея и ея коренной, неискупимый грѣхъ.

Что таковъ дѣйствительно смыслъ стремленій современной философіи, едва-ли можетъ быть сомнительно даже для поверхностно знакомаго съ ней. Понятія этой философіи о *я*, о сознаніи, о волѣ, о внутреннемъ опытѣ, изъ котораго мы узнаемъ обо всемъ этомъ, какъ о вполнѣ въ смыслѣ научнаго метода несостоятельномъ,—понятія о необходимости выводить наши знанія объ этихъ предметахъ изъ знаній о мірѣ *ея объектовъ*, внѣшняго опыта и эксперимента, а самые эти предметы объяснять, какъ результаты сложнаго механическаго взаимодѣйствія объективныхъ, безсознательныхъ, недуховныхъ силъ и процессовъ, слишкомъ извѣстны всѣмъ и каждому. Наше я съ этой точки зрѣнія есть не реальный самобытный источникъ психической жизни. Оно преходящій продуктъ случайной и механической комбинаціи матеріальныхъ массъ и ихъ движеній въ мимолетную форму жизни, исчезающую съ измѣненіемъ этой комбинаціи въ другую. Представленіе наше объ этомъ я есть лишь особое своеобразное отраженіе во внутренней точкѣ зрѣнія [1] нѣкоторыхъ особен-

---

[1] Упускается при этомъ изъ вида совершенная непонятность: *откуда*-же въ мірѣ однихъ массъ и движеній, однихъ объективныхъ, механическихъ и слѣпыхъ процессовъ, появляется этотъ Deus ex machina, эта «внутренняя точка зрѣнія», сознаніе?

ныхъ движеній въ нервно-мозговыхъ тканяхъ, или медленно выростающій изъ накопляющихся и сочетающихся опытовъ жизни и измѣняющійся въ игрѣ взаимно-вызывающихъ или вытѣсняющихъ другъ друга представленій результатъ этой механической игры.[1] Подлинная реальность и дѣятельность приписывается здѣсь не самому этому призрачному и производному *я*, а или физіологическимъ (какъ въ психофизіологіи) элементамъ и движеніямъ, или психологическимъ—ощущеніямъ, представленіямъ, первосиламъ (какъ у Гербарта, Бенеке и во всей ассоціаціонной психологіи, ищущей объясненія единства душевной жизни изъ механическаго процесса ассоціаціи). Вездѣ *единство* жизни физіологической и психической объясняется, какъ *продуктъ* механическаго сложенія и разложенія безличныхъ, дробныхъ элементовъ и процессовъ, матеріальныхъ ли, психическихъ ли. Это единство вездѣ представляется лишь случайнымъ и преходящимъ поприщемъ игры тѣхъ элементовъ и процессовъ, имѣющихъ помимо его собственную реальность, тогда какъ ему самому,—субъекту, душѣ,—принадлежитъ реальность только призрачная, производная. Не душа, не субъектъ здѣсь живетъ и дѣйствуетъ въ своихъ представленіяхъ, стремленіяхъ, органахъ своего тѣла, но они движутся и живутъ въ немъ собственными движеніями, какъ въ безразличномъ пустомъ пространствѣ. Сознаніе этой производной души, этого призрачнаго субъекта о совершающихся въ его предѣлахъ движеніяхъ, измѣняющихся сочетаніяхъ идей, чувствъ, стремленій, только *узнаетъ* со стороны, какъ бездѣятельный и безсильный измѣнить что-либо въ происходящей предъ нимъ фантасмагоріи свидѣтель, о своей собственной жизни. Въ немъ только пассивно *отражаются*, но не производятся имъ психическія и нервномозговыя событія, происходящія помимо его участія и изволенія въ силу роковыхъ механическихъ сочетаній слѣпыхъ силъ природы. Теченіе и результаты этихъ силъ ни на іоту не измѣнились бы, еслибы вовсе не существовало въ мірѣ этого бездѣятельнаго, только пассивно отражающаго ихъ въ себѣ, какъ равнодушное зеркало, свидѣтеля—сознанія.

Душевная жизнь дана только во внутреннемъ опытѣ, въ субъ-

---

[1] Такимъ выставляется оно во всякой ассаціонной психологіи, не признающей *психической активности*,—ничего, кромѣ *механизма* «элементовъ» душевной жизни (ощущеній, представленій и т. п.),—будь это психологія Гербартіанская или новокантіанская, или физіологическая.

ективномъ переживаніи каждаго, и для прямаго наблюденія извнѣ — недоступна, достовѣрныхъ *объективныхъ* признаковъ не имѣетъ. Поэтому тамъ, гдѣ внутренній субъективный опытъ отрицается въ качествѣ источника достовѣрнаго знанія, но послѣднее ожидается исключительно отъ *опыта внѣшняго* (какъ во всемъ новокантіанствѣ, позитивизмѣ, психофизіологіи и матеріализмѣ)— тамъ весь міръ разрѣшается въ комплексъ матеріальныхъ движеній, другъ друга вызывающихъ, направляющихъ и объясняющихъ безъ всякой помощи *души* или *сознанія*. Дѣятельное сознаніе и душа изъ этого міра матеріальныхъ движеній вовсе изгоняются, какъ ничего не объясняющія, ни для чего ненужныя. „Вѣдь всякое матеріальное явленіе", какъ говоритъ проф. Введенскій,—(*о предѣлахъ и признакахъ одушевленія*. Спб., 1892 г. с. 32), гдѣ бы оно ни наблюдалось (въ организмѣ ли, или въ неорганизованныхъ тѣлахъ) и чѣмъ бы на самомъ дѣлѣ ни порождалось (хотя бы и душой) всегда совершается по законамъ матеріальной природы и можетъ быть объяснено одними ими безъ всякой помощи душевной жизни." Отрицаніе послѣдней или игнорированіе ея нисколько не противорѣчитъ даннымъ внѣшняго опыта.

Съ этой точки зрѣнія все, совершившееся, совершающееся и имѣющее когда-либо совершиться въ мірѣ, какъ роковой результатъ механизма природы, предрѣшено уже навсегда въ изначальной комбинаціи атомовъ, изъ механическихъ сочетаній которыхъ слагается вся міровая жизнь. Все поэтому происходило-бы въ мірѣ совершенно такъ же, какъ оно теперь въ немъ происходитъ, *еслибы въ немъ и вовсе не было* никакого сознающаго, мыслящаго и волящаго, страдающаго или наслаждающагося существа, ибо физическіе процессы и ихъ механическое, слѣпое теченіе, которые одни реальны, остались бы тѣ же. Сознающій себя субъектъ съ этой точки зрѣнія обращается въ сознающій себя автоматъ, который совершенно такъ же казался-бы постороннему зрителю лишь *какъ бы* одушевленнымъ и сознательнымъ, какъ представлялись Декарту признанные имъ за автоматы животныя. Самобытность, внутреннее единство и субстанціальность „такъ называемой" души—иллюзія некритической мысли, психологическій самообманъ. Иллюзія и самобытность сознанія, мнимая способность его отъ себя творчески вносить въ механическіе процессы міровой жизни какое-либо новое, самостоятельное содержаніе, въ какой-либо мѣрѣ

вліять на ея теченіе. Оно только *воспринимаетъ*, узнаетъ свою жизнь, когда она уже совершилась, но не *направляетъ* ее своей волей. Иллюзіей-же, психологическимъ самообманомъ оказывается и воля—мнимая способность мнимаго субъекта своими мнимыми усиліями направлять въ ту или другую сторону свои мнимые-же поступки. Нѣтъ въ дѣйствительности никакихъ вызванныхъ усиліями воли поступковъ, а существуютъ лишь болѣе или менѣе сложныя группы движеній, вызванныя механическимъ сочетаніемъ нервно-мозговыхъ процессовъ или ассоціацій и борьбой представленій, какъ механическихъ силъ, равнодѣйствующая которыхъ и есть конечное движеніе. Нѣтъ въ дѣйствительности и никакихъ усилій воли, но то, что мы ложно считаемъ своимъ усиліемъ, есть лишь своеобразное отраженіе въ пассивномъ сознаніи нѣкотораго нервно-мозговаго процесса, *уже совершившагося* когда онъ сознается нами, какъ усиліе. Мы не потому совершаемъ движеніе, что хотимъ его, но мы лишь ошибочно думаемъ, будто *хотимъ* его, когда его уже совершили и сознаемъ уже происшедшее отъ того въ нашемъ тѣлѣ и окружающей обстановкѣ измѣненіе. [1] Нѣтъ и никакого дѣятельнаго сознанія и дѣйствительнаго *я*, а существуетъ лишь *рядъ* ощущеній и нервно-мозговыхъ движеній. Положимъ, какъ замѣчаетъ J. St. Mill, что если мы признаемъ, что душа есть рядъ ощущеній, то должны бы дополнить это положеніе тѣмъ, что это такой рядъ ощущеній, который знаетъ самъ о своемъ прошедшемъ и будущемъ. Такимъ образомъ мы передъ альтернативой: или признать, что наша душа, или я, есть что-то отличное отъ всякаго ряда ощущеній и ихъ возможностей, или же допустить парадоксъ, что рядъ ощущеній можетъ самъ знать о себѣ, какъ рядѣ. „Здѣсь мы", успокоительно заключаетъ Милль, „очевидно передъ чѣмъ-то, совершенно необъяснимымъ". (Exam. o. s. W. Ham. philos. 241—42). „Необъяснимость", такъ откровенно признанная, нисколько не мѣшаетъ феноменистамъ однако признавать я, душу, за простой рядъ ощущеній, а сознаніе—за пассивное отраженіе матеріальныхъ процессовъ, за *явленіе матеріи*, или,—такъ какъ матерія сама есть лишь явленіе, созданіе нашей же мысли,—за „явленіе явленія", эпифеноменъ матеріи!! [2]

---

[1] Оригинальнымъ защитникомъ этого любопытнаго парадокса у насъ является проф. Н. Ланге.

[2] Соединеніе въ мысли этихъ двухъ взаимоисключающихъ положеній: «сознаніе есть явленіе матеріи» и «матерія есть явленіе сознанія»—есть люби-

Въ изложенномъ, господствующемъ въ наше время міровоззрѣніи очевидно субъектъ отрицается вполнѣ и безъ остатка, и въ своей реальности и во всѣхъ своихъ опредѣленіяхъ. Онъ признается лишь за явленіе матеріи, за особую преходящую форму въ цѣпи сложныхъ физическихъ и физіологическихъ, механическихъ и логическихъ процессовъ. На этомъ останавливается простой, откровенный матеріализмъ и реализмъ. (Идеализмъ же такъ поглощенъ процессомъ діалектическаго развитія безличнаго, не знающаго никакой субъективности, содержанія безличной же идеи, что субъектомъ очень мало интересуется, до такой степени мало, что напримѣръ, Фихте-старшій во второмъ предисловіи къ своему Наукословію прямо и очень характерно высказываетъ: Meine Wissenschaftslehre ist keine Psychologie, welche Letztere selbst Nichts ist). Но современный „критическій" реализмъ идетъ дальше. Признавъ сознаніе субъекта за явленіе матеріи, онъ затѣмъ лишаетъ реальности и самую матерію, объявляя ее въ свой чередъ за явленіе сознанія и обращая такимъ образомъ весь міръ, и въ рядѣ субъективныхъ, психическихъ, и въ рядѣ объективныхъ внѣшнихъ явленій его—въ совокупность какихъ-то „явленій явленій", тѣней тѣней, безъ всякаго реальнаго субстрата, безъ всякаго субъекта, которому что-либо является, и безъ всякаго объекта, который кому-либо являлся бы. Это понятіе о познаваемомъ мірѣ, какъ двухъ рядахъ явленій, *двухъ точкахъ зрѣнія* на одинъ навсегда неизвѣстный предметъ,—внѣшней (явленія физическія) и внутренней (явленія психическія), параллельныхъ другъ другу подобно выпуклой и вогнутой сторонѣ поверхности шара, было первоначально придумано ради возможности мыслить два міра—физическій и духовный, не отрицая ихъ взаимнаго соотвѣтствія и въ то же время не признавая ни одинъ изъ нихъ, ни духъ, ни матерію, за производящую *причину* другаго. Но стремясь лишь избѣжать необходимости стать опредѣленно на сторону метафизики матеріализма или метафизики спиритуализма, заботясь лишь о томъ, чтобъ отстоять одновременно самостоятельныя права явленій и физическихъ, и духовныхъ, эта концепція привела въ результатѣ только *къ невозможно-*

мѣйшій и распространеннѣйшій tour de force современныхъ психофизіологовъ и новокантіанцевъ. Хорошо разобранъ этотъ фокусъ въ книгѣ проф. *Острогорскаго* «О физіологическомъ методѣ въ психологіи».

сти признать реальность ни тѣхъ, ни другихъ, ни субъекта, ни объекта! Все испарилось для нея въ „явленія явленій“; вся созданная этимъ направленіемъ наука, — и знаменитая психологія безъ души и космологія безъ міра и теологія безъ Бога (превосходную характеристику ихъ можно найти во второмъ томѣ *Geschichte des Materialismus Lange*), обратилась въ чистый феноменизмъ, „весь міръ—въ одну сплошную иллюзію! И эта иллюзія конечно не теряетъ своей призрачности отъ того, что новокантіанцы, отрицая познаваемость всякой реальности теоретическую, объявляютъ эту реальность (какъ у насъ проф. Введенскій) „постулатомъ, требованіемъ нравственнаго чувства“. Вѣдь и о нравственномъ чувствѣ возможенъ вопросъ: въ чемъ его реальная основа, и не такое же ли оно „явленіе“, не такой ли призракъ, какъ и все прочее?!

Но на подобномъ міровоззрѣніи очевидно остановиться невозможно! Человѣку невозможно остановиться на немъ, ибо признавъ за иллюзію свое я, свое сознаніе и свою волю, онъ, оставаясь послѣдовательнымъ, долженъ перестать и мыслить, и чувствовать, и двигаться, — долженъ *перестать жить*. Притомъ, онъ лишается возможности жить, ставши въ невозможность и вырваться изъ тисковъ нелѣпой жизни, отвернуться отъ безсмысленной „пляски баядерки“ даже путемъ самоубійства. Вѣдь и самоубійство есть актъ воли, совершаемый на основаніи какихъ-либо соображеній сознанія и потому требуетъ для своего выполненія какой-либо вѣры въ *дѣйствительность* и воли, и сознанія, и невыполнимъ при ихъ полномъ отрицаніи, какъ призраковъ!

Открывъ, повидимому, сведеніемъ всякой реальности на явленіе явленія, неограниченную свободу субъективному идеализму, творчеству личныхъ, „свободныхъ“ идеаловъ, это міровоззрѣніе въ дѣйствительности и у этого субъективнаго творчества отнимаетъ всякую почву, ибо вѣдь невозможны никакіе идеалы тамъ, гдѣ немыслима никакая ихъ реализація, гдѣ всякая реальность вообще отрицается, признана за иллюзію! Поэтому естественно совершился переходъ отъ самоограниченія философіи изученіемъ „двухъ точекъ зрѣнія на предметъ“ самъ по себѣ навсегда неизвѣстный, къ попыткамъ *опредѣлить* самый этотъ „непознаваемый“ предметъ, выражающійся въ явленіяхъ физическихъ (со всею полнотой и ясностью) и психическихъ (отрывочно и смутно), какъ напримѣръ, у Рипля. Но и здѣсь, конечно, согласно общему духу по-

вой, чисто-объективной философіи, этотъ реальный метафизическій предметъ понимается не какъ субъектъ. Познанію субъекта и признанію его значенія и здѣсь не больше мѣста, чѣмъ и въ очерченномъ выше, открыто матеріалистическомъ ученіи.

То, что составляетъ послѣднюю основу и единственное ручательство какого-либо непризрачнаго значенія всего нашего мышленія и практическаго дѣйствія, что одно своею реальностью можетъ придавать какой-либо внутренній смыслъ всей нашей жизни, всѣмъ нашимъ отношеніямъ къ міру и людямъ, что всего самоочевиднѣе, яснѣе и дороже для непосредственнаго сознанія человѣчества,—наше Я, сознаніе, воля—въ этомъ ходѣ мысли признается за бездѣйственный призракъ, психологическую иллюзію, какой-то лишній, безсмысленный придатокъ къ едино-реальной дѣйствительности объективнаго механизма природы. Дѣйствительный міръ—здѣсь есть исключительно міръ мертвыхъ объектовъ безъ всякихъ субъектовъ, міръ внѣшности безъ чего-либо внутренняго, отношеній безъ соотносящихся предметовъ. Подобнымъ міропониманіемъ, конечно, не можетъ удовлетвориться мысль человѣчества ни теоретически, ни практически, ибо это значило бы удовлетвориться признаніемъ призрачности, безсмыслія всего своего мышленія и дѣятельности, отказаться отъ всякой осмысленной цѣли и твердаго руководства въ жизни.

Но къ нему, къ этому отрицанію, исключенію изъ міра дѣйствительности всякаго духовнаго начала, всякаго *субъекта*, неизбѣжно приходитъ мысль, признавъ субъектъ, внутреннюю жизнь духа не за самосущее начало всякой реальности, а за нѣчто вторичное, производное. Субъектъ, повторяемъ,—можетъ быть лишь или такимъ самосущимъ началомъ, или *ничѣмъ*, бездѣйственнымъ и безсмысленнымъ призракомъ! Ничто среднее невозможно, и для философской мысли нѣтъ выхода изъ диллеммы: или міровоззрѣніе механическаго, объективнаго, отрицающаго духъ *монизма*, кончающагося во всеобщемъ иллюзіонизмѣ, отрицаніи міровоззрѣнія, истины и блага вообще, или—міровоззрѣніе яснаго и откровеннаго *спиритуализма*, признающаго субъектъ и его внутреннюю и внутренно-несомнѣнно вѣдомую ему жизнь за самосущее начало всякой реальности, а познаніе субъекта за первую, основную задачу философіи. Только въ послѣднемъ случаѣ можетъ, какъ мы видимъ, получиться міровоззрѣніе положительное, внутренно-законченное, полное и не идущее въ разрѣзъ съ

очевидностями и жизненными запросами общечеловѣческаго сознанія, здраваго смысла.

Но возможно ли это, возможно ли знаніе о субъектѣ, какъ самосущемъ началѣ реальности *философское*, то-есть ясное и отчетливое, идущее далѣе непоскоренимыхъ никакимъ сомнѣніемъ, никакимъ разсужденіемъ, но неопредѣленныхъ и смутныхъ вѣрованій непосредственнаго сознанія?

Лейбницева монадологія, интересъ къ которой среди современнаго философствующаго общества со всякимъ днемъ возрастаетъ,[1] представляетъ историческій примѣръ метафизическаго ученія о субъектѣ, какъ истинно сущемъ, самосущемъ началѣ реальности. Ученіе Мэнъ де-Бирана о внутреннемъ опытѣ, какъ началѣ всякаго знанія и о волѣ, составляющей содержаніе этого опыта, какъ объ истинно-реальномъ,—ученіе, создавшее во Франціи цѣлую философскую школу, жизнеспособность которой и задатки широкаго развитія несомнѣнны,—другой примѣръ, свидѣтельствующій о достаточныхъ основаніяхъ надѣяться на выработку законченнаго ученія философскаго, научнаго спиритуализма. И у насъ въ Россіи за послѣднее время все чаще появляются серьезныя попытки разбить оковы, наложенныя на человѣческую мысль мертвымъ механическимъ, безсубъектнымъ міровоззрѣніемъ, охватывающимъ одинъ внѣшній міръ объектовъ, и выйти на дорогу философскаго спиритуализма. Укажу въ особенности на начала построенія законченной системы такъ называемаго *панпсихизма*, представленные до сихъ поръ А. А. Козловымъ въ книжкахъ его сборника „Свое слово", и на „Положительныя задачи философіи" (особенно II томъ) Л. М. Лопатина, подходящаго къ основной задачѣ спиритуализма, познанію субъекта, какъ истинно-сущаго, на основаніи внутренняго опыта, непосредственныхъ данныхъ общечеловѣческаго сознанія, — со стороны ученія о законѣ причинности. Эта же задача—познанія субъекта, сознанія, воли, какъ истинно-сущаго, даннаго во внутреннемъ опытѣ, — проводится и во всѣхъ почти монографіяхъ и мелкихъ статьяхъ по разнымъ философскимъ и психологиче-

[1] И въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ на наступающую зиму уже заявлены два относящіеся къ этой темѣ реферата: Н. В. Бугаева «о монадологіи» (уже прочитанный) и мой «о познаніи субъекта, какъ основной задачѣ метафизики».

скимъ (очевидно для философіи, ставящей на первый планъ познаніе *субъекта*, психологія есть важнѣйшая и необходимая помощница) вопросамъ, напечатанныхъ мною съ 1881 года.

Но привычка ограничивать задачи истинно-научнаго познанія одною областью объектовъ, данныхъ во внѣшнемъ опытѣ, и выводами отсюда, такъ укоренилась въ умахъ,—недовѣріе къ внутреннему опыту, какъ орудію точнаго научнаго познанія и признаніе этого значенія лишь за внѣшнимъ наблюденіемъ и опытомъ такъ широко распространены,—склонность подводить всѣ предметы мысли подъ понятія, заимствованныя исключительно изъ міра объектовъ, внѣшняго опыта, механическаго порядка, такъ глубоко въѣлась въ умы и такъ неодолимо отклоняетъ ихъ отъ задачи познанія субъекта,—что для обоснованія научнаго спиритуализма требуется еще много и много предварительной работы. Вѣдь даже такой мыслитель, какъ Н. Н. Страховъ, котораго никто конечно не заподозритъ въ излишнемъ пристрастіи къ односторонностямъ матеріализма, натурализма и механическаго міровоззрѣнія, рѣшительно сомнѣвается въ возможности познанія субъекта и въ научномъ достоинствѣ внутренняго опыта! Вѣдь даже онъ признаетъ познаваемымъ только то, что можетъ-быть *объективировано* мыслію, разсматриваемо ею какъ объектъ, — а *я*, субъектъ, сознаніе никакъ не могутъ быть объективируемы, а потому и непознаваемы! Поэтому онъ и признаетъ, что „объективный міръ есть *настоящій* предметъ нашего познанія, настоящій нашъ объектъ, къ которому свободно и правильно могутъ быть приложены всѣ наши познавательные способы и силы, тогда какъ субъективный міръ ускользаетъ отъ простыхъ пріемовъ познанія и требуетъ какихъ-то обратныхъ пріемовъ и особенныхъ усилій, необычайной постановки мысли (Осн. поп. психол. и физіол. 32—33) Поэтому онъ и говоритъ, что субъектъ „опредѣляется лишь отрицательными чертами, своею недоступностью для познанія“ и „наше я есть нѣчто, ничего въ себѣ не содержащее, [1] никакой множественности не представляющее, никакихъ

[1] Признаюсь: еслибъ у *меня* было такое пустое, ничего незначущее и ни на что негодное *я*, то я имъ бы нисколько не дорожилъ и охотно отдалъ бы его на посмѣяніе любому матеріалисту—психофизіологу, иллюзіонисту или феноменисту. Защищать *такое* я право не стоитъ тому, у кого есть какое-нибудь, хотя и маленькое, но не вовсе праздное дѣло!

перемѣнъ не имѣющее, то-есть всегда единое и всегда неизмѣнное,—монада [1] (?), *неподвижная центральная точка* психическаго міра (58). Поэтому же, наконецъ онъ и совѣтуетъ, по страннѣйшему недоразумѣнію, начинать *психологію* прямо съ понятій безличныхъ *истины, блага и свободы* (85),—что конечно очень далеко отъ искомаго знанія о субъектѣ, какъ самосущемъ началѣ реальности!

Необходимо, очевидно, прежде всего твердо установить познаваемость субъекта и научное познавательное значеніе внутренняго опыта, въ которомъ одномъ субъектъ данъ, который и составляетъ самое *существо* всякой субъективности, всякой внутренней, вѣдомой себѣ жизни. Узнавши внутренній опытъ, мы узнаемъ тѣмъ и самое существо субъекта.

П. Е. Астафьевъ.

---

[1] Въ монадѣ совершается развитіе; слѣд. происходитъ и внутреннее измѣненіе; нѣтъ развитія и измѣненія не въ «монадѣ», а въ мертвомъ Гербартовомъ «реальномъ».

Среди альбома дорогаго
Нашелъ я прозы три строки;
Въ нихъ отблескъ счастія былаго
Въ знакомомъ почеркѣ руки.

Межъ представителей искусства,
Блеснувшихъ въ пламенныхъ стихахъ,
Я не нашелъ такого чувства,
Какъ въ этихъ милыхъ мнѣ строкахъ.

И вырвалъ я страницу эту,
Чтобъ никому не отдавать:
Вѣдь избалованному свѣту
Простаго слова не понять!

В. Гиляровскій.

1892.

ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

XII.

Іерихонъ.—Іорданъ.—Лавра пр. Саввы Освященнаго.

Для поѣздки на Іорданъ необходимо запастись проводникомъ изъ мѣстныхъ Арабовъ, котораго за небольшую плату назначаетъ іерусалимскій губернаторъ. Арабскій шейхъ, живущій въ подгородномъ селеніи Абу-дисъ, ѣдетъ самъ или посылаетъ кого-нибудь изъ своихъ. Экипажный путь, проектированный до Іерихона, до сихъ поръ еще не оконченъ, такъ что нужно ѣхать верхомъ. Лошади нанимаются въ Іерусалимѣ. Подъ подушки и провизію мы взяли осла, на котораго сѣлъ нашъ конюшій, Друзъ-христіанинъ, Ханна. Лошади были осѣдланы по-арабски: широкими восточными сѣдлами и стременами въ видѣ башмаковъ, чрезвычайно удобно для такихъ плохихъ ѣздоковъ, какъ я. Онѣ—мѣстной арабской породы, средняго роста, худощавыя, съ прекрасными умными глазами и тонкими ногами; конечно, не подкованныя. Нашъ палестинскій провожатый, Марко, Ханна и я составляли караванъ, къ которому присоединился черезъ часъ молодой проводникъ-Арабъ на прекрасномъ, росломъ свѣтло-гнѣдомъ конѣ. Всѣ мы были вооружены.

Раннимъ утромъ 29 сентября мы выѣхали. Заря только что занималась; безоблачно было нѣжно-голубое небо; въ воздухѣ чувствовалась еще ночная прохлада; сѣрыя и бѣлыя стѣны словно купались въ тонкомъ утреннемъ свѣтѣ, едва отбрасывая прозрачныя дымчатыя тѣни. Мы обогнули сѣверную стѣну Іеру-

салима, пересѣкли Кедронскій потокъ и объѣхали южный склонъ Елеонской горы, за которымъ лежитъ защищенная горой съ сѣвера арабская деревня Эль-Азаріе, Лазарія древнихъ христіанскихъ писателей, или Виѳанія, „домъ бѣдныхъ“, столь извѣстная по евангельской исторіи. Кривыя, узкія улицы, обрамленныя каменными стѣнами домовъ, усѣянныя камнями и рытвинами, отсутствіе зелени, грязно-сѣрые и черно-синіе ребятишки, взывающіе о бакшишѣ, и родители ихъ, сидящіе въ бездѣйствіи у воротъ домовъ и около хана (гостиницы), производятъ впечатлѣніе бѣдности и запущенности. Всѣ жители—мусульмане, и даже погребальная пещера Лазаря Четверодневнаго составляетъ мусульманское владѣніе. Прежде Виѳанія имѣла иной видъ. Почва ея считается плодородною. Обиліе древнихъ цистернъ указываетъ на хорошее орошеніе. Вокругъ нея было много садовъ, росли маслины, пальмы, которыхъ теперь уже совсѣмъ нѣтъ, миндальныя и другія плодовыя деревья. Со стороны Елеона сады существуютъ еще и теперь. Древняя Виѳанія лежала, по мнѣнію профессора Олесницкаго, ближе къ Іерусалиму и была разрушена Римлянами за три года до взятія Іерусалима. Изъ развалинъ Виѳанія возникла въ IV вѣкѣ и подвинулась къ святочтимой гробницѣ Лазаря, заимствовавъ отъ нея свое нынѣшнее имя. Надъ этою гробницей св. Елена построила церковь св. Лазаря, нынѣ, конечно, исчезнувшую. Латиняне служатъ иногда обѣдни въ самой пещерѣ, довольно глубоко лежащей подъ поверхностью земли. Шоссе идетъ по сѣверной отлогости длиннаго оврага, Вади-эль-Ходъ; старая дорога тянется по южному склону. Невдалекѣ отъ Виѳаніи, на югъ отъ дороги расположено на вершинѣ холма селеніе Абудисъ, а нѣсколько далѣе—внизу, въ прохладной впадинѣ скалы—Источникъ Апостоловъ, обросшій ползучими растеніями, единственный водопой между Іерусалимомъ и Іерихономъ. Здѣсь къ намъ присоединился арабскій проводникъ, которому Марко пропѣлъ довольно строгую нотацію за опозданіе. Здѣсь мы простились съ послѣдними слѣдами растительности. Шоссе круто шло вверхъ по холмистой каменной пустынѣ. Кругомъ насъ не было ничего, кромѣ сѣрыхъ, желтыхъ, бѣлыхъ, каменныхъ холмовъ. Солнце поднималось, идя почти по срединѣ неба, накаляя и ослѣпительно освѣщая нагую, скалистую почву и бѣлую, пыльную ленту дороги. По пути въ Іерусалимъ и въ Іерихонъ шли длинноухія черныя овцы, сѣрые ослики, нагруженные корзинами и мѣшками, и навьюченные верблюды; шли и ѣхали

съ продуктами сельскаго хозяйства женщины и мужчины, сухощавые, коричневые отъ загара, бѣдно одѣтые въ синія рубахи, полосатыя абы. Иные мѣрно и непрерывно раскачивались на верблюдахъ. Почти всѣ мужчины были вооружены ружьями, пистолетами или кривыми ножами. Почти всѣ шли босыми ногами. Большинство было изъ-за Іордана. Никакихъ признаковъ жилья не видно по сторонамъ, и такъ было всегда. Искони разбойники свободно разгуливали на этомъ безлюдномъ мѣстѣ. Мы вступали въ пустыню Святаго Града, которая начинается за Виѳаніей и распространяется далеко на сѣверъ, доходитъ на востокѣ до Іерихонской долины, на югѣ до Мертваго моря и тамъ сливается съ аравійскою пустыней, захватывая на западѣ окрестности Виѳлеема. Каменистая, безлѣсная и безводная, эта пустыня изрѣзана сухими балками, идущими съ запада на востокъ, и только иноки нѣкогда заселяли безчисленныя пещеры, которыми изрыты бока этихъ овраговъ. Теперь и отшельниковъ болѣе нѣтъ, а по ущельямъ вновь бродятъ хищные и трусливые Бедуины, опасные для одинокихъ или невооруженныхъ путниковъ, преемники разбойниковъ, нападавшихъ на проходящихъ въ евангельское время. Въ будничные дни дорога совершенно пустынна. Это каменное безлюдье представляетъ самую подходящую сцену для притчи о добродѣтельномъ Самарянинѣ. Ограбивъ и избивъ прохожаго, разбойники скрылись въ лабиринтѣ ущелій, и ограбленный лежалъ безъ чувствъ на дорогѣ, когда мимо его прошли и левитъ, и священникъ и наконецъ подъѣхалъ къ нему Самарянинъ. Безъ сомнѣнія, проведеніе шоссе значительно оживило движеніе по этой дорогѣ. По восточному обычаю мы ѣхали шажкомъ, не торопясь. Солнце припекало такъ сильно, что даже англійскій пробковый шлемъ оказался слабою защитой отъ жгучихъ лучей. Марко давно уже обвязалъ платкомъ свою черногорскую шапочку, совершенно не пригодную въ этомъ климатѣ. Мы достигаемъ перевала, на которомъ стоитъ ханъ (гостиница) добродѣтельнаго Самарянина, почти на полпути отъ Іерихона, и съ удовольствіемъ дѣлаемъ остановку для завтрака. Арабская постройка состоитъ изъ огороженнаго двора, хижины съ окномъ, защищеннымъ желѣзною рѣшеткой, и открытой галлереи, среди которой стоитъ длинный столъ. Снаружи у окна сложенъ очагъ, на которомъ хозяинъ хана, Негръ, варитъ кофе, но горячій напитокъ совсѣмъ не идетъ въ горло въ такой зной.

Утоливъ жажду и подкрѣпившись, мы ѣдемъ дальше. Дорога

начинаетъ спускаться къ Іорданской долинѣ. Кругомъ—прежняя дичь и голь, только скалы, накаляемыя полуденнымъ солнцемъ, становятся круче и обрывистѣе. Вдали, въ знойной дымкѣ, у подошвы синихъ горъ сверкаетъ полоска Іордана и край Мертваго моря, а предъ ними темнѣютъ сады Іерихонскаго оазиса. Слѣва показывается глубокое ущелье Кельтъ, извѣстное въ житіяхъ преподобныхъ отшельниковъ подъ именемъ пустыни Кутиллійской. Оно начинается близь селенія Анаты, въ шести стадіяхъ на сѣверъ отъ Іерусалима, и въ началѣ носитъ названіе Фаре. Въ этомъ мѣстѣ находилась Фаранская пещерная лавра пр. Харитона (III в.), насадителя иноческой жизни въ Іудейской пустыни. Тамъ началъ свое подвижничество пр. Евѳимій Великій. Въ глубокомъ ущельѣ, между голыми отвѣсными стѣнами скалъ струится ручеекъ, обрамленный зелеными кустарниками: источникъ пророка Елисея. Мы проѣзжаемъ мимо прилѣпившейся къ утесу, какъ ласточкино гнѣздо, обители пр. Іоанна Хозевита, недавно возобновленной послѣ тысячелѣтняго запустѣнія. Бо̀льшая часть помѣщеній выдолблена въ нѣдрахъ скалы. Къ монастырю ведетъ снизу извилистая тропинка, доступная только для пѣшеходовъ. Самый монастырь не представляетъ другихъ достопримѣчательностей, кромѣ своихъ иноковъ, обрекшихъ себя на жизнь среди самыхъ тяжелыхъ условій. Мы проѣзжаемъ посреди страны, бывшей свидѣтельницей непостижимыхъ въ наше время тяжкихъ иноческихъ подвиговъ. Юное, торжествующее христіанство съ особенной свѣжестью воспринималось народомъ. Натуралистическое язычество еще доживало свой вѣкъ. Контрастъ спиритуализма чувствовался сильно, отчетливо до болѣзненности. Радости жизни становились грѣховнымъ искушеніемъ. Недостаточнымъ казалось уйти изъ полуязыческаго общества, всѣ тѣлесныя потребности казались ненужнымъ бременемъ для аскета. На какой-нибудь сотнѣ квадратныхъ верстъ въ горной пустынѣ Іудейской было до 27 большихъ и малыхъ монастырей и множество одиночныхъ пустынниковъ въ отдѣльныхъ пещерахъ. Тысячи монаховъ населяли пустыню вплоть до монастырей Елеонской горы, Кедронской и Гинномовой долины. Идеаломъ подвижника было полное безмолвное уединеніе, но къ знаменитому старцу собирались подражатели и ученики и возникала группа, жившая вмѣстѣ въ отдѣльныхъ пещерахъ или хижинахъ, подчинившаяся его управленію,—лавра. Для неопытныхъ въ иноческой жизни заводились киновіи,—жилища, обнесенныя общею стѣной

съ церковью, въ которую сходились по субботамъ окрестные аскеты, чтобы, причастившись Св. Таинъ, на разсвѣтѣ въ воскресенье разстаться снова на цѣлую недѣлю. Главными подвижниками были пришельцы изъ южной Арменіи (пр. Евѳимій, Ѳеоктистъ, пр. Іоаннъ Молчальникъ), изъ Ликаоніи (пр. Харитонъ), изъ Каппадокіи (пр. Савва и Ѳеодосій), изъ Ликіи (пр. Герасимъ). Среди безвѣстныхъ монаховъ, покорно несшихъ иноческое послушаніе, оказывались знатные и ученые люди, нерѣдко епископы (пр. Іоаннъ Молчальникъ); изъ рядовъ иночества выходили знаменитые іерархи Сиріи и Палестины, иногда мученики (пр. Анастасій Персянинъ). Ни Сирійцы, ни кровные Эллины не могли сравняться славой подвиговъ съ малоазіатскими уроженцами. По языку иночество было греческое. Въ киновіи Ѳеодосія Великаго Грузины и Армяне имѣли особыя церкви, и богослуженіе происходило на ихъ языкахъ; но для принятія Св. Таинъ всѣ сходились въ греческую церковь, и божественная литургія тогда отправлялась на греческомъ языкѣ. Въ лаврѣ пр. Саввы Армяне также имѣли особую церковь. Пустынники, спасавшіеся въ уединеніи, и монахи, обитавшіе въ монастыряхъ, въ VI вѣкѣ были подчинены двумъ архимандритамъ. Пр. Савва начальствовалъ надъ пустынниками; пр. Ѳеодосій надъ монастырями пустыни Іудейской. Отшельничество, благодаря патріарху Никодиму, теперь прекратилось. Созерцательная жизнь сочеталась у этихъ иноковъ съ дѣятельнымъ участіемъ въ богословскихъ движеніяхъ тогдашней оживленной церковной жизни. Руководимое прославленными старцами, монашество являлось стойкимъ поборникомъ православія и побѣдоносно ограждало чистоту ученія даже противъ императоровъ Пр. Евѳимій обратилъ въ христіанство цѣлый родъ сарацинскій, пришедшій изъ Персіи. Новообращенные поселились около монастыря и получили особаго епископа изъ своихъ шейховъ. Крещеніе этихъ Агарянъ составляетъ единственный примѣръ апостольской дѣятельности иноковъ Іудейской пустыни, вѣроятно потому, что въ VI и VII вѣкахъ язычество успѣло исчезнуть изъ Святой Земли, отойти въ глубину Аравіи и за Евфратъ. Первый ударъ былъ нанесенъ здѣшнему монашеству Персами въ 617—629 году. Огнепоклонники, въ рядахъ которыхъ было до 20 тысячъ Евреевъ, разрушали монастыри, избивали и порабощали иноковъ. Отъ знаменитой, многолюдной лавры пр. Евѳимія остались однѣ голыя пещерныя стѣны. Только въ лаврѣ Хозевицкой уцѣлѣли слѣды стѣнной живописи. Бо̀льшая

часть обителей исчезла безъ слѣда. Для палестинскихъ иноковъ наступила славная, но роковая эпоха мученичества.

Пораженіе Персовъ Иракліемъ не могло возстановить иночества въ пустынѣ Іудейской въ прежней славѣ, потому что вслѣдъ за этимъ явились мусульмане-Арабы. При Арабахъ, крестоносцахъ и Туркахъ монашество сосредоточилось въ южной половинѣ пустыни, около Саввина монастыря. Возобновленіе монастырей пр. Іоанна Хозевита, Іоанна Предтечи на Іорданѣ и св. Герасима представляетъ попытку въ высшей степени интересную. Вызывается ли она живою потребностью духовной жизни восточнаго православія или благочестивымъ желаніемъ патріарха Никодима сохранить память о мѣстѣ, освященномъ нѣкогда подвигами прославленныхъ аскетовъ—рѣшить трудно. Ближайшія къ Іерихонской долинѣ пещеры Сорокодневной горы и другія, въ сущности, никогда не подвергались полному запустѣнію. Одиночные отшельники въ нихъ не переводились, хотя имена ихъ и оставались по большей части невѣдомыми міру, но извѣстными Богу. Они отходили въ міръ лучшій и гибли отъ Бедуиновъ. До сихъ поръ Копты и Еѳіопы проводятъ, по древнему обычаю, Великій постъ въ этихъ ущельяхъ и пещерахъ, терпя всякія напасти. Патріархъ Никодимъ, послѣ покушенія на его жизнь въ обновленномъ имъ же монастырѣ пр. Герасима со стороны одного изъ отшельниковъ (Грека), приказалъ всѣмъ собраться въ монастыри; но едва ли это запрещеніе, лишая пустынниковъ патріаршей защиты, достигнетъ своей цѣли. Многіе изъ нихъ остаются въ своихъ вертепахъ до сихъ поръ. Бедуины, зная о немилости патріарха, безнаказанно нападаютъ, грабятъ и нерѣдко убиваютъ этихъ беззащитныхъ бѣдняковъ. Въ 1884 году одинъ Русскій былъ зарѣзанъ въ пещерахъ Сорокодневной горы; въ недавнее время они до смерти избили и ограбили другаго русскаго инока Ѳедота на Іерихонской дорогѣ.

Но, заговоривъ о христіанскихъ подвижникахъ, слѣдуетъ упомянуть, что раньше ихъ въ тѣхъ же безчисленныхъ пещерахъ обитали ветхозавѣтные пустынножители, Ессеи. Они также соблюдали безбрачіе, вели строго постническую жизнь, не носили двойныхъ одеждъ и съ необыкновенною тщательностью оберегали себя отъ оскверненія чѣмъ-либо по закону нечистымъ. Частыя омовенія, по нѣсколько разъ въ день, были ихъ постояннымъ правиломъ. Кромѣ молитвъ и ручнаго труда, они занимались воспитаніемъ дѣтей. Предполагаютъ, что Іоаннъ Креститель про-

велъ дѣтство между Ессеями, у нихъ же воспитывался историкъ Іосифъ Флавій. Доктрина Ессеевъ была окружена глубокою тайной; она передавалась подъ клятвеннымъ обѣщаніемъ молчать о ней между непосвященными. Изъ краткихъ извѣстій у Іосифа Флавія можно видѣть, что у Ессеевъ было развито ученіе объ Ангелахъ. Ессеи занимались врачебнымъ искусствомъ, нѣкоторые изъ нихъ владѣли даромъ предвѣдѣнія. Во время іудейскаго возстанія при Веспасіанѣ, Ессеи были въ рядахъ самыхъ ярыхъ патріотовъ и, вѣроятно, всѣ погибли въ этой катастрофѣ. Поселенія Ессеевъ простирались отъ пещеръ Гинномовой долины до Мертваго моря. Полагаютъ, что заселеніе Ессеями пустыни Іудиной началось въ эпоху Маккавеевъ, когда „алчущіе суда и правды“ покинули города, захваченные язычниками-Сирійцами, и скрылись въ пещеры. Никакихъ слѣдовъ послѣ Ессеевъ не осталось въ опустѣлыхъ вертепахъ. Плиній, Іосифъ Флавій да немногіе церковные писатели обронили о нихъ нѣсколько строкъ и тѣмъ спасли отъ забвенія этотъ первый пустынно-жительскій слой населенія Горной Іудеи.

Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ отвѣснымъ обрывамъ, которыми оканчивается Горная Іудея у низменной и глубокой Іорданской долины, тѣмъ дичѣе и безотраднѣе становится окрестность. Налѣво поднимается темною массой неприступная Сорокодневная гора. Въ ея дебряхъ постился въ глубокомъ уединеніи Господь нашъ предъ вступленіемъ на общественное служеніе. Здѣсь же бродилъ праведный Іоакимъ, оплакивая свою бездѣтность, пока не получилъ отъ Ангела радостной вѣсти, что его горю вскорѣ наступитъ конецъ. Впослѣдствіи пещеры мрачной горы наполнились—„какъ улей пчелами“—христіанскими аскетами; нѣкоторыя заняты отшельниками и донынѣ. Суровый, дикій камень, изборожденный морщинами, трещинами, изрытый темными устьями пещеръ, лишенный всякой растительности, накаляется нестерпимо яркими лучами солнца. Трудно найти что-нибудь непривѣтнѣе этой огромной скалы подъ изумительно прекраснымъ синимъ небомъ Палестины.

Шоссе прекратилось. Вороватые за-іорданцы, успѣвшіе выпить воду у зазѣвавшагося Ханны и побитые за то Маркомъ, остались съ верблюдами и ослами далеко за нами. Подъ отвѣсными лучами солнца всѣми нами овладѣла утомительная сонливость. Мы апатично двигались по пыльной бѣлой дорогѣ, мимо какихъ-то черныхъ отъ загара фигуръ, которыя появлялись иногда у

дороги, съ допотопными ружьями, въ длинныхъ небѣленыхъ или грязныхъ рубахахъ. Дорога круто спускается внизъ, и предъ нами открылась довольно широкая долина съ рѣдкою зеленью и тонкими стволами пальмъ, среди которыхъ бѣлѣли стѣны европейскихъ построекъ и виднѣлись сѣрыя хижины Феллаховъ, сложенныя изъ сырца и похожія на кучи сухой грязи. Это и былъ Іерихонъ, Эръ-Риха, конечная цѣль нашего перехода. Лошади, почуявъ привалъ, оживились и поскакали. Несмотря на конецъ лѣта, деревья были еще зелены. Глаза отдыхали отъ долгаго безжизненнаго однообразія каменистой пустыни. Мы проѣхали мимо нѣмецкой гостиницы, русскаго дома одной поклонницы, завѣщавшей его Святогробскому братству, и минутъ черезъ сорокъ въѣхали во дворъ пріюта, выстроеннаго архимандритомъ Антониномъ, среди большаго сада, наполненнаго великолѣпными пальмами, бананами, гранатовыми и другими деревьями. Не безъ труда я освободилъ затекшія ноги изъ стремянъ и поднялся въ верхній пріемный покой. Меня охватило свѣжестью и холодомъ: въ комнатѣ термометръ показывалъ 24° тепла! Пріютъ былъ пустъ. Мы нашли тамъ старушку-смотрительницу, измученную іерихонскою лихорадкой, больнаго старика-служителя да семью Негра-садовника. Домъ состоитъ изъ двухъ этажей. Въ верхнемъ нѣсколько обширныхъ спаленъ для поклонниковъ изъ публики, просторная, свѣтлая пріемная зала; внизу двѣ огромныя палаты для простыхъ паломниковъ. Въ пріемной по стѣнамъ разныя картинки нехитрой работы, а вдоль стѣнъ турецкіе ситцевые диваны, нѣсколько стульевъ и столъ. Въ спальняхъ бѣлье безукоризненной чистоты и постели вполнѣ безопасны. Снявъ съ себя дорожные доспѣхи, я забылся тяжелымъ сномъ, пока Марко и старушка ставили самоваръ и собирали обѣдать. Къ обѣду принесли изъ сада превосходнаго винограда и банановъ.

Іерихонская долина считается самымъ жаркимъ мѣстомъ Палестины. Климатъ въ ней африканскій. Пальмы достигаютъ замѣчательной высоты и красоты. Въ прежнее время вся долина представляла изъ себя непрерывный садъ, наполненный самою разнообразною растительностью. Здѣсь росло драгоцѣнное бальзамное дерево. Іерихонъ былъ царскимъ подаркомъ Антонія Клеопатрѣ, потомъ перешелъ въ руки Ирода, а по смерти его былъ отданъ императрицѣ Ливіи. Городъ раза три мѣнялъ свое мѣсто, подвигаясь отъ горъ къ Іордану. Орошеніе было гораздо

богаче. Теперь только источникъ пророка Елисея, вытекающій изъ Кутиллійской пустыни, доставляетъ воду для садовъ и питья. Особый смотритель наблюдаетъ за правильностью распредѣленія воды по отдѣльнымъ садамъ.

Когда жара начала спадать, я отправился посмотрѣть садъ, подаренный іеромонахомъ Іоасафомъ Палестинскому Обществу. Въ саду, прекрасно орошенномъ, заросшемъ рѣдкою въ Палестинѣ густою, зеленою травой, насаждены всевозможныя плодовыя деревья, но въ особенности хороши четыре виноградныя лозы, поднявшіяся почти на сажень въ вышину и раскинувшія, каждая, свои вѣтви на девять или на десять квадратныхъ саженъ по нарочно устроенной рѣшеткѣ, образуя, такимъ образомъ, тѣнистыя бесѣдки. Бананы отличались замѣчательно сочною и свѣжею зеленью. Конечно, кромѣ тропинокъ, въ саду не было ни одной садовой дорожки. Садомъ завѣдуетъ бѣлокурый молодой Далматинецъ, снабжающій фруктами и овощами іерусалимское русское подворье. Въ саду открыта большая мозаика, которая, впрочемъ, была засыпана землей въ ожиданіи ученой экспедиціи, снаряженной Палестинскимъ Обществомъ, бывшей въ то время на пути къ Іерихону, въ Заіорданьѣ.

Тѣми же грязными закоулками мы возвратились въ свой пріютъ. При построеніи дома найдено было множество обломковъ какого-то древняго зданія, тесаные камни, карнизы, коринѳскія капители, каменная львиная маска съ очень тонкими стѣнками, можетъ-быть, служившая устьемъ небольшому водоему: она теперь лежитъ на кровлѣ пріюта. Нѣсколько фрагментовъ очень удачно вдѣланы въ стѣны пріюта. Въ саду находятся три могилы: въ двухъ лежатъ русскія странницы (одну изъ нихъ звали Татьяной), умершія въ 1891 году, а въ третьей нѣмецкій археологъ Фридрихъ Моска, бывшій въ составѣ Ридлеровской экспедиціи и утонувшій въ Іорданѣ 13 декабря 1880 года: онъ, не взирая на предупрежденія проводника, рискнулъ переплыть неширокую рѣку и не могъ справиться съ быстрымъ теченіемъ. Его могила содержится въ порядкѣ и украшена плитой, которая и сообщила намъ эти свѣдѣнія.

Солнце зашло за Іудейскія горы. Восхитительная прохлада распространилась въ воздухѣ. Я пошелъ на плоскую кровлю и не могъ надышаться, наслушаться и насмотрѣться. На черномъ небѣ зажглись ни съ чѣмъ несравнимыя чудныя звѣзды Палестины, крупныя, разноцвѣтныя, струящія свои тихіе лучи, а

поперекъ неба протянулся серебристымъ газовымъ шарфомъ, усаженный брилліантами, млечный путь. На востокѣ темною массой стояли горы Моава, а изъ-за Іудейскихъ горъ поминутно вспыхивала яркая зарница, охватывая небо отъ востока до запада. Прохладный воздухъ, который такъ нѣжилъ меня въ знойной атмосферѣ долины, вырывался съ воемъ изъ ущелій горной пустыни и, выбѣгая на просторъ, становился нѣжнымъ и мягкимъ. Бѣдныя лачуги Феллаховъ подходили къ стѣнамъ пріюта. Черныя фигуры безъ шума двигались по улицамъ. На пустыхъ дворахъ, кромѣ мазанокъ, не было ничего, ни службъ, ни скирдъ. Ослики и коровы безпріютно слонялись въ оградѣ, сплетенной изъ колючекъ. Здѣсь же на пыльной землѣ зажигались огоньки, что-то варили, разстилали ковры и укладывались спать. Не слышно было ни говора, ни пѣсенъ, только гдѣ-то плакалъ ребенокъ. Нищета человѣческая еще поразительнѣе выступала подъ пышною красой дивнаго неба. Нашъ пріютъ стоитъ на самомъ краю селенія и ближе его къ Іордану стоитъ только турецкая сторожевая казарма, въ которой для наблюденія за безопасностью Іорданской долины живетъ трое или четверо турецкихъ солдатъ. При такой охранѣ грабежи и убійства неудивительны. Я готовъ былъ всю ночь просидѣть на кровлѣ, любуясь звѣзднымъ небомъ, яркими вспышками зарницы и упиваясь прохладой, но Марко Юрьичъ напомнилъ, что къ Іордану нужно выѣхать въ 4 часа и что Іерихонъ знаменитъ своими лихорадками. Раскрывъ суточное Евангеліе, я съ радостью увидалъ, что въ этотъ день, 30 сентября, положено читать десятую главу Евангелія отъ Марка, именно стихи 46—52: „Приходятъ въ Іерихонъ. И когда выходилъ Онъ изъ Іерихона съ учениками своими и множествомъ народа, Вартимей (сынъ Тимеевъ), слѣпой, сидѣлъ у дороги, прося милостыни... Іисусъ сказалъ ему: иди, вѣра твоя спасла тебя. И онъ тотчасъ прозрѣлъ и пошелъ за Іисусомъ по дорогѣ.“ Боже мой! сколько слѣпыхъ влачатся по кремнистой, пыльной дорогѣ, по слѣдамъ Твоимъ, но не прозрѣваютъ и не идутъ за Тобой!

Было совсѣмъ еще темно, когда, проведя утомительно-жаркую ночь, мы сѣли на коней и гуськомъ потянулись на востокъ. Зарница, попрежнему, вспыхивала сзади насъ. Ѣхали какими-то зарослями, перебираясь черезъ канавы, нагибаясь подъ деревьями. На востокѣ забѣлѣлась сѣроватая заря, постепенно смѣнявшаяся зеленоватыми тонами, по которымъ начали загораться

лиловыя и розовыя облака. Мракъ постепенно уступалъ свѣту. Любуясь игрой неуловимо тонкихъ переливовъ утренней зари, доѣхали до Іордана почти незамѣтно. Воздухъ былъ сухъ и прохладенъ. Мы вступили въ узкую полосу нѣкогда пышной и сильной растительности, обрамляющей оба берега Іордана. Мелко-листные тамаринды, колючіе кусты и жесткая густая трава были свѣжи и зелены благодаря близости воды. Іорданъ въ этомъ мѣстѣ образуетъ заливъ и здѣсь обыкновенно наши паломническіе караваны погружаются въ священную рѣку. Мѣсто крещенія Спасителя издавна указывалось версты за три къ сѣверу, гдѣ св. Елена построила церковь во имя Іоанна Предтечи, при императорѣ Анастасіѣ (491—518); при церкви былъ устроенъ монастырь, содержавшійся иждивеніемъ казны; разрушенный въ VIII вѣкѣ землетрясеніемъ, монастырь былъ возстановленъ въ XII вѣкѣ, затѣмъ въ мусульманскія времена запустѣлъ, развалился и вновь возникъ изъ развалинъ при патр. Никодимѣ. Монахи пользуются недоброю славой между нашими паломниками за свою непривѣтливость. Отъ этого монастыря къ рѣкѣ вела мраморная лѣстница и мѣсто крещенія было означено столбомъ съ желѣзнымъ крестомъ наверху. Но хотя монастырь и возстановленъ, наши поклонники идутъ не туда, а къ тому изгибу рѣки, куда пріѣхали и мы. Рѣка быстро несла свои бѣловатыя воды въ Мертвое море. Хотя Іорданъ и не широкъ,—онъ показался мнѣ не шире Фонтанки и уже Москвы-рѣки,—но теченіе такъ сильно, что переплыть рѣку было явнымъ безразсудствомъ. Востокъ разгорался сильнѣе и ярче, и какъ только солнечный дискъ выглянулъ изъ-за горъ я трижды погрузился въ воду, вспоминая Солнце Правды и мысленно повторяя крещенскій гимнъ: „во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи“... Русскіе люди обыкновенно окунаются въ воду въ саванахъ, берегутъ ихъ до дня кончины и въ нихъ ложатся въ могилу. Даже въ этой лукѣ, гдѣ теченіе тише, нежели въ главномъ руслѣ, и глубина доходитъ только до груди, плыть очень трудно. Дно рѣки неровно и каменисто. Взявъ на память камешекъ со дна рѣки и наполнивъ бутылки іорданскою водой, мы поѣхали на югъ, къ Мертвому морю. Вскорѣ остались за нами іорданскія рощи, и дальнѣйшій путь къ морю проходилъ уже по песчаной равнинѣ, кое-гдѣ прерываемой клочками сухой болотной травы. Часамъ къ 9 утра мы были на берегахъ Мертваго моря. Темно-синее море было тихо и совершенно пустынно. Со всѣхъ сторонъ оно окружено нагими уте-

сами и узкою полосой желтаго песка. На низменномъ берегѣ валялись сучья и древесные стволы, принесенные Іорданомъ и выброшенные на берегъ моремъ, не терпящимъ ничего въ своихъ водахъ. Съ виду море кажется густымъ и маслянистымъ. Кругомъ насъ царило полное одичаніе. Съ востока горы тянулись зубчатою темно-синею стѣной, которая переходила въ свѣтло-голубой тонъ и терялась вдали въ дымчатой мглѣ; напротивъ, западные утесы, освѣщенные утреннимъ солнцемъ, горѣли самыми яркими цвѣтами: бѣлымъ, желтымъ, красноватымъ, лиловымъ и убѣгали въ ту же дымчатую даль, въ которой скрылся уже восточный берегъ. Невдалекѣ отъ берега изъ воды торчали какіе-то коричневые камни, точно старые гнилые зубы—это единственный островъ Мертваго моря. Въ заводяхъ по колѣна въ водѣ копошились тощіе, черные и грязные Арабы. Такъ какъ нѣтъ книги о Палестинѣ безъ сообщеній о химическомъ составѣ воды Мертваго моря, то я и не коснусь этого предмета, замѣчу только, что Мертвое море лежитъ въ очень высокихъ берегахъ и уровень его ниже Средиземнаго моря на 394 метра. Такъ какъ главный притокъ воды, кромѣ подземныхъ *горячихъ* ключей, идетъ изъ Іордана, то низменный уровень и густоту воды теперь объясняютъ постепеннымъ высыханіемъ моря. Далеко на западномъ краю горизонта надъ всѣми горами Іудейской пустыни поднималась узенькая бѣлая полоска съ золотою головкой: это сіялъ въ утреннихъ лучахъ золотой крестъ на нашей Елеонской колокольнѣ.

На сѣверо-западъ отъ Мертваго моря поднималась невысокая гряда ослѣпительно бѣлыхъ холмовъ. Я поглядывалъ на нихъ съ надеждой оставить ихъ вправо за собой, уже познакомившись наканунѣ съ удобствомъ ѣзды по этому царскому камню, малякѣ. Надеждамъ сбыться было не суждено. Мы прямо повернули къ нимъ и послѣ нѣсколькихъ подъемовъ и спусковъ начали снова наше восхожденіе въ горную пустыню. Здѣсь уже совсѣмъ нѣтъ дорогъ. Марко постоянно совѣщался съ проводникомъ и сообщилъ, что въ теченіе десяти лѣтъ онъ не болѣе четырехъ разъ ѣздилъ этимъ путемъ въ лавру Св. Саввы, куда мы держали путь. Мѣстность вся изборождена во всѣхъ направленіяхъ сухими глубокими оврагами; только проѣхавъ широкую полосу бѣлыхъ холмовъ и постоянно поднимаясь, мы нашли въ срединѣ горъ довольно широкую и ровную площадь, кой-гдѣ покрытую сѣрыми пучками засохшей травы. Накаленныя скалы ды-

шали огнемъ. Больно было глядѣть на ярко освѣщенныя каменныя горы. Въ горлѣ пересохло, губы трескались. Глазъ отдыхалъ единственно на темно-голубомъ, ультрамариновомъ небѣ, которое, казалось, нигдѣ не стоитъ такъ высоко, нигдѣ не влечетъ къ себѣ такою чистотой и красотой, какъ надъ этою опаленною пустыней. Лошади осторожно пробирались гуськомъ по крутымъ склонамъ овраговъ, ощупывая каждый шагъ среди мелкихъ катящихся камней и выбирая каждая свою стезю особо. Ханнà-Друзъ догадался захватить изъ Іерихона нѣсколько незрѣлыхъ лимоновъ, и мы всѣ съ жадностью высосали горькую кислоту этого плода. Послѣ нѣсколькихъ часовъ блужданія въ каменныхъ дебряхъ, стало не въ мочь ѣхать безъ отдыха. Поискали источника, который долженъ былъ находиться на пути нашемъ, не нашли и рѣшили остановиться въ первомъ тѣнистомъ уголкѣ, но и это было нелегко, такъ какъ жаркіе отвѣсные лучи полуденнаго солнца затопляли все своимъ свѣтомъ. Наконецъ, мы набрели на выступъ скалы, бросавшій пятно тѣни и рѣшили сойти съ коней и освѣжиться водой, бывшею у насъ въ запасѣ. Хотя вода была горячая, тѣмъ не менѣе мы и ей были рады. Почуявъ воду, лошади и оселъ протянули головы къ нашимъ стаканамъ, но мои спутники нашли излишнимъ даже вспрыснуть морды бѣдныхъ животныхъ. Отдохнувъ минутъ двадцать, мы поѣхали дальше. Прежнее безлюдье и безплодіе царило повсюду кругомъ. Только во время отдыха къ намъ подсѣлъ какой-то почернѣвшій босой Арабъ, перекинулся нѣсколькими словами съ проводникомъ, покурилъ и пошелъ дальше. Стояла удивительная тишина. Даже птицы не пролетали надъ оврагами и холмами. До монастыря оставалось еще три часа ѣзды. Показались темные камни глубокаго ущелья; это былъ Кедронскій потокъ, въ срединѣ котораго стоитъ лавра Саввы Освященнаго. Дорога поворачиваетъ на сѣверъ и примыкаетъ къ благоустроенному пути, ведущему въ монастырь изъ Іерусалима. Она отчасти вымощена, отчасти вырублена въ скалѣ и снабжена небольшою стѣнкой со стороны обрыва, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ военно-грузинскаго шоссе. Съ дороги мы видимъ извилистое ущелье, которое становится тѣмъ глубже, чѣмъ выше мы поднимаемся. Обрывистые бока ущелья выступаютъ неровными торчащими скалами. Если до сихъ поръ мы ѣхали по опаленной желтоватой пустынѣ, то коричневое ущелье кажется не только обожженнымъ, но даже прокопченнымъ. Неудивительно, что

огненная рѣка потечетъ въ день Страшнаго Суда именно по этой юдоли. Въ каменныхъ бокахъ чернѣютъ покинутыя пещеры древнихъ отшельниковъ. Нѣкоторыя изъ нихъ заграждены каменными стѣнками. Всѣ онѣ теперь пусты, если не заняты лисицами или шакалами. Наконецъ мы увидали башню императрицы Евдокіи, увидали и насъ монахи и зазвонили въ колоколъ. Сойдя съ коней, мы подошли къ узенькой тяжко-окованной двери и были радушно встрѣчены русскимъ привратникомъ. Въ церкви шла вечерня, когда я вошелъ, изъ алтаря послышался возгласъ на славянскомъ языкѣ. Было прохладно въ храмѣ, слабо освѣщенномъ сверху немногими оконцами. Вдоль стѣнъ на своихъ мѣстахъ стояли монахи въ черныхъ мантіяхъ, а за ними на стѣнахъ были написаны въ такихъ же черныхъ мантіяхъ преподобные подвижники древнихъ временъ, столь же неподвижные, сѣдые и строгіе, какъ и ихъ нынѣшніе послѣдователи въ лаврѣ. Между ними почти нѣтъ разницы: тѣ и другіе не отъ міра сего.

Главный соборъ лавры производитъ прекрасное впечатлѣніе. Онъ просторенъ, высокъ, покрытъ круглымъ византійскимъ куполомъ, висящимъ на высокомъ тамбурѣ. Куполъ не расписанъ, отсырѣлъ и ждетъ отъ почитателей святой обители достойнаго украшенія. Вообще, церковь небогата, недостатокъ средствъ монастыря очевиденъ, древняя простота еще не исчезла, но не замѣтно того неряшества, которое такъ претитъ душѣ въ храмѣ Гроба Господня, въ соборѣ Воскресенія Христова и въ Крестномъ монастырѣ. Иконостасъ украшенъ наверху двумя рельефными драконами у подножія распятія. Разсказываютъ, что иконостасъ принадлежалъ прежде Виѳлеемской базиликѣ. Образа въ иконостасѣ привезены изъ Россіи; богатыхъ окладовъ нѣтъ, хотя нѣкоторыя иконы и въ ризахъ. Іеромонахъ, служившій вечерню, былъ въ свѣтло-голубой длинной фелони изъ легкой матеріи съ нашитыми серебряными крестами. Свѣчей и лампадъ горѣло мало. Въ обширномъ и свѣтломъ архондарикѣ (пріемный покой) уже стоялъ готовый самоваръ и вскорѣ пожаловалъ ко мнѣ архимандритъ лавры, о. Анѳимъ, бодрый семидесятилѣтній старецъ, родомъ изъ Эмболи, близь Адріанополя, уже сорокъ лѣтъ иночествующій въ лаврѣ. Онъ говоритъ по-русски и встрѣтилъ меня радушно и сердечно. Одѣтъ онъ былъ въ темно-синій подрясникъ, подъ которымъ видна была толстая фуфайка, и въ черную камилавку. За душистымъ и крѣпкимъ московскимъ чаемъ, который я убѣдилъ старца выпить отъ головной боли, мучив-

шей его цѣлый день, мы разговорились о монастырскихъ дѣлахъ, конечно, въ предѣлахъ монастырской сдержанности и осторожности. Вообще, съ новыми посѣтителями говоритъ только игуменъ: отъ монаховъ вы никогда не добьетесь ничего, кромѣ самыхъ необходимыхъ и краткихъ отвѣтовъ. Конечно, о. Анѳимъ жаловался на отсутствіе русскихъ поклонниковъ. Только они и поддерживаютъ православіе въ Палестинѣ. „Если не Россія, мы всѣ пропали". Монастырь содержится на счетъ патріархіи. Изъ Іерусалима лавра снабжается хлѣбомъ, масломъ, виномъ и изюмомъ; патріархъ же даетъ монахамъ одежду. Земли, сады, подворья, которыми издавна была щедро надѣлена обитель, теперь состоятъ въ распоряженіи патріарха. Монастырскія земли или, такъ-называемыя, „преклоненныя имѣнія", которыми пользуется патріархія въ Бессарабіи, по предположенію одной компетентной духовной особы, едва ли не всѣ отписаны были на имя лавры св. Саввы и, можетъ-быть, это обстоятельство является причиной того, что Высочайше утвержденное положеніе Комитета Министровъ 1873 года о повѣркѣ правъ патріархіи на бессарабскія имѣнія по документальнымъ и дарственнымъ записямъ до сихъ поръ не приведено въ исполненіе, такъ какъ Святогробская братія не показываетъ грамотъ на тѣ земли, доходами съ которыхъ желаетъ пользоваться. Меня удивляетъ незначительность пожертвованій, поступающихъ чрезъ Палестинское Общество на нужды этой почтенной обители и на Синайскій монастырь: въ лавру св. Саввы ежегодно посылается не болѣе полуторы тысячи рублей, а въ Синайскій монастырь что-то около пятисотъ. Между тѣмъ на всемъ Востокѣ нѣтъ обителей болѣе знаменитыхъ, какъ эти. Нынѣ въ монастырѣ около сотни иноковъ; человѣкъ сорокъ разосланы на разныя послушанія—въ Іерусалимъ, Виѳлеемъ и другія мѣста, а шестьдесятъ пребываютъ въ лаврѣ. Между ними есть четверо Русскихъ, три Болгарина, одинъ Сербъ, одинъ Грузинъ, одинъ Арабъ, остальные Греки. Служба постоянно происходитъ на греческомъ языкѣ, и Русскіе по-гречески не понимаютъ. „Большой бѣды нѣтъ — добродушно замѣтилъ архимандритъ: — монаху довольно знать: Господи помилуй!" Однако незнаніе языка служитъ препятствіемъ къ полному постриженію. Недавно патріархъ, отъ котораго зависитъ это, отказалъ не въ первый уже разъ одному изъ Русскихъ, пробывшихъ на послушаніи въ лаврѣ уже нѣсколько лѣтъ. Русскіе иноки-послушники заняты въ монастырѣ работами въ ого-

родѣ, въ трапезной, на поварнѣ, на дворѣ. Ни съ однимъ изъ нихъ не пришлось перекинуться словечкомъ. Повидимому, прежде, очень давно, было иначе, такъ какъ въ монастырской библіотекѣ были русскія рукописи. Немало поддерживала обитель благочестивая щедрость Грузинъ, но Греки постепенно вытѣснили Грузинъ отсюда, какъ и изъ другихъ монастырей Святой Земли.

Гостепріимный отецъ Анѳимъ повелъ меня по лаврѣ. Монастырь прилѣпился къ неровностямъ сѣвернаго обрыва ущелья и стѣны его доходятъ почти до дна юдоли. На небольшой площадкѣ стоитъ соборъ, а ближе ко входу восьмиугольная небольшая часовня, подъ круглымъ куполомъ въ которой прежде покоились мощи св. Саввы. Во времена крестоносцевъ, въ XII в., венеціанцы увезли мощи въ Венецію. Это было нарушеніемъ завѣта преподобнаго основателя лавры, но, припоминая ряды разореній и погромовъ, постигавшихъ обитель до 1892 года, можно бы подумать, что драгоцѣнныя мощи въ большей сохранности въ Венеціи, чѣмъ въ этой пустынѣ. Завѣты великаго подвижника доселѣ соблюдаются, его духъ доселѣ царствуетъ въ стѣнахъ лавры и озаряетъ ее ореоломъ святости во всемъ православномъ мірѣ, и потому не сохранилъ ли монастырь для себя отъ св. Саввы наиболѣе драгоцѣнное наслѣдіе, тогда какъ извѣрившійся латинскій Западъ, насильственно похитивъ смертные останки основателя обители, не извлекъ изъ нихъ никакой душевной пользы? Теперь въ этой часовнѣ показываютъ гробницу преподобнаго, покрытую мраморною доской и надъ ней пеструю икону новѣйшей мѣстной живописи, изображающую погребеніе св. Саввы.

Подъ этою часовней находится обширное подземелье, изсѣченное въ скалѣ. Входъ въ него изъ соборной паперти покрытъ плитой. Въ подземной усыпальницѣ тѣла возлагаются на каменныя ложа. Черезъ семь мѣсяцевъ, какъ удостовѣрялъ отецъ архимандритъ, отъ погребеннаго остается одинъ остовъ, но полное уничтоженіе тѣла онъ наблюдалъ и раньше. Кости омываются и складываются въ закромъ, а черепъ ставится тутъ же на полку. Такимъ образомъ тѣла не предаются землѣ. На этомъ же дворѣ, отъ собора направо находится двупрестольная церковь Св. Николая Чудотворца, на половину изсѣченная въ скалѣ. Здѣсь въ пещерномъ отдѣленіи сохраняется множество костей монаховъ, избіенныхъ при Хозроѣ и Арабами. Иконостасъ имѣетъ нѣсколько иконъ, писанныхъ отцемъ

Анѳимомъ въ новогреческомъ вкусѣ, то-есть ярко и съ забвеніемъ иконописныхъ традицій. Наиболѣе любопытнымъ представляется изображеніе на царскихъ вратахъ патріарха Софронія, бывшаго въ XVII вѣкѣ въ Россіи. Этотъ портретъ очень хорошо воспроизведенъ въ книгѣ г. Батюшкова *Волынь* съ акварельной копіи, находящейся въ кіевскомъ академическомъ музеѣ. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить старинную икону Іоанна Предтечи въ молебномъ положеніи съ золотыми крыльями и съ отсѣченною головой, лежащею у ногъ. Икона составляетъ часть троечастнаго изображенія, такъ называемаго Деисуса.

Выйдя изъ этой церкви, на сѣверной сторонѣ площадки мы вошли въ пещеру Іоанна Дамаскина, въ которой этотъ великій богословъ и первый изъ духовныхъ поэтовъ Православной Церкви написалъ бо̀льшую часть своихъ твореній. Она очень темна и безъ лампадъ тамъ писать нельзя, но, говорятъ, что тамъ было окно, нынѣ заложенное. Поднявшись на лѣсенку, ведущую въ архондарикъ, мы по висячей галлереѣ прошли въ древнѣйшую пещерную церковь лавры, устроенную еще святымъ Саввой. Она осталась въ первоначальномъ видѣ. Огромныя глыбы висятъ надъ тѣсною дверью. Нигдѣ мраморная обшивка не закрываетъ шероховатыхъ, едва обтесанныхъ стѣнъ скалы. Нѣсколько иконъ, потемнѣвшихъ отъ времени, да лампады составляютъ единственное украшеніе вертепа, получающаго свѣтъ солнечный только изъ широкаго отверстія входной двери. Мы вернулись къ собору и поднялись на колокольню. Большой колоколъ пожертвованъ нашимъ почтеннымъ архимандритомъ Антониномъ. Звукъ колокола удивительно пріятенъ. Отецъ Анѳимъ ударилъ въ колоколъ, и звонъ долго гудѣлъ, мягко переливаясь между каменными стѣнами ущелья, и дрожалъ, замирая въ изумительно чистомъ воздухѣ, во все время, пока мы обходили колокольню и разсматривали башенные часы значительнаго размѣра, которые были установлены на этой же колокольнѣ. Солнце уже заходило и прохлада спускалась на горячіе камни. Монахи оставляли свои душныя и тѣсныя кельи и садились на кровляхъ отдохнуть отъ дневныхъ трудовъ предъ сномъ, которому дается очень мало времени. Мы то поднимались, то спускались по лабиринту террасъ. Въ одномъ мѣстѣ мы нашли трапезную палату, пестро расписанную иконами пустынножителей въ свѣтлыхъ, розовыхъ, голубыхъ, зеленыхъ, сѣрыхъ мантіяхъ. За эту работу Грекъ-иконописецъ бралъ 30 золотыхъ (600 фр.).

Здѣсь монахи получаютъ ежедневно по два хлѣбца изъ сѣрой

пшеничной муки; желающіе могутъ имѣть еще одинъ хлѣбецъ вечеромъ, но рѣдко пользуются такимъ разрѣшеніемъ. Вареные овощи (фасоль), пшено и саладъ составляютъ ихъ обычную пищу. Въ праздничные и скоромные дни къ вареному пшену даютъ топленое коровье масло, не особенно свѣжее. Ни рыбы, ни молока, ни яицъ не полагается. Въ качествѣ „утѣшенія" въ нарочитые дни предлагается превосходное сладкое виѳлеемское вино, которое, впрочемъ, главнымъ образомъ приберегается для насъ пріѣзжихъ, чревоугодниковъ. Подъ окномъ трапезной находится на днѣ оврага источникъ св. Саввы, но такъ какъ онъ течетъ уже за стѣнами обители, то въ монастырѣ устроены цистерны съ большимъ запасомъ хорошей холодной воды. Выше трапезной находится больница, въ которой мы застали двухъ больныхъ монаховъ. Воздухъ тамъ былъ нехорошъ. Въ двухъ противоположныхъ углахъ лавры монахи ухитрились устроить изъ насыпанной земли два небольшіе садика. Въ одномъ изъ нихъ растетъ высокая и тощая пальма, единственная во всей пустынѣ между Іерусалимомъ и Іерихонской долиной. Гранаты и смоквы здѣсь поспѣваютъ гораздо раньше, чѣмъ въ окрестностяхъ Святаго Града, а финики пальмъ родятся безъ косточекъ.

Вечеръ совсѣмъ наступилъ, когда мы возвратились въ архондарикъ, гдѣ я нашелъ монастырское угощеніе: овечій сыръ, пшено, хлѣбъ и вино. Всѣ разошлись на короткій отдыхъ. Въ воздухѣ разлилась упоительная прохлада, о которой мы, жители влажнаго сѣвера, не имѣемъ понятія. На высокомъ, кристальномъ небѣ засіяли божественныя звѣзды Св. Земли, а среди нихъ выплыла царственная полная луна и высоко стала надъ темною долиной, обливая молочно-бѣлымъ свѣтомъ фантастическія строенія, купола церквей, террасы, крошечныя кельи, сидящія одна на другой, связанныя лѣстницами и воздушными переходами и дикія ущелья съ черными впадинами. Все погрузилось въ тихій сонъ. Все точно вымерло въ этой мертвой долинѣ.

Убоявшись многочисленныхъ насѣкомыхъ въ альковѣ архондарика, я перебрался на турецкій диванъ и слегка вздремнулъ. Около полуночи уже началась въ соборѣ служба. Хотя Покровъ у Грековъ не считается праздникомъ, однако зазвонили въ колокола. Богослуженіе продолжается до восхода солнца, то-есть часовъ до семи. Далеко не вся братія была въ церкви, освѣщенной такъ же скудно, какъ и наканунѣ. Къ моему крайнему прискорбію, пѣніе было мнѣ совершенно непонятно, въ особенно-

сти въ напѣвахъ, принятыхъ на Востокѣ. Сѣдые иноки стояли глубоко опустившись на ручки своихъ мѣстъ, но относились къ продолжительной службѣ чрезвычайно внимательно. Въ опредѣленное время всѣ крестились, кланялись, неслышнымя черными тѣнями выходили на средину церкви.

Въ общемъ же это ночное молитвословіе, эта литургія въ полутемномъ храмѣ предъ восходомъ солнца производитъ примиряющее, отрадное впечатлѣніе. Первые лучи утренней зари уже стали проникать въ высокія окна, и бѣловатый свѣтъ смѣшивался съ желтымъ пламенемъ тонкихъ свѣчекъ и лампадъ, когда совершалась литургія.

Напившись чаю и побесѣдовавъ на прощанье съ достойнымъ отцемъ архимандритомъ, я былъ окропленъ водой изъ источника св. Саввы. Въ Палестинѣ прекрасный обычай кропить не волосянымъ кропиломъ, а пучкомъ цвѣтовъ или душистыхъ травъ. Часовъ въ семь утра, приложившись къ кресту, я оставилъ этотъ чудный соборъ, исполненный неземнаго молитвеннаго благоговѣнія. Здѣсь легче, чѣмъ гдѣ-либо въ Палестинѣ, можно забыть, что есть Эллины и Іудеи, рабы и господа въ Іерусалимскомъ патріархатѣ.

Изъ Саввиной лавры въ Іерусалимъ путь коротокъ и удобенъ, хотя все-таки колесной дороги нѣтъ: нужно идти пѣшкомъ или ѣхать верхомъ. Попрежнему пустыня представляетъ голые каменные холмы, но нѣтъ такихъ головоломныхъ овраговъ и подъемовъ, какъ въ восточной половинѣ пустынь. Безъ приключеній и утомленія мы часа черезъ четыре добрались до Святаго Града и, обогнувъ его съ южной стороны, по Виѳлеемской дорогѣ возвратились на русскія постройки.

XIII.

Русское подворье въ Іерусалимѣ.

Всѣ иностранцы, посѣщающіе Св. Землю, единогласно удивляются величавымъ сооруженіямъ Русскихъ въ Іерусалимѣ. Намъ въ Іерусалимѣ было тѣсно, и мы первые вышли за стѣны Іерусалима и на пустырѣ, облегавшемъ лѣтъ десять тому назадъ сѣрыя стѣны Іерусалима, заложили цѣлый рядъ построекъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была главная квартира императора Тита во

время послѣдней осады Іерусалима. На значительномъ участкѣ, частію купленномъ, частію уступленномъ Россіи Турецкимъ султаномъ, возникли просторныя зданія миссіи, консульства, пріюты и больницы для поклонниковъ и два собора. Всѣ строенія окружены крѣпкою стѣной. Внутри кромѣ названныхъ зданій есть баня, обширная цистерна, самая большая въ Іерусалимѣ, положено основаніе небольшому саду, а дворы, на которыхъ можно выстроить еще столько же домовъ, засаживаются масличными деревьями. Пріюты для простыхъ паломниковъ одноэтажные, равно какъ и консульское помѣщеніе, миссія и гостиница — двухъэтажныя. Крыши всюду плоскія. У гостиницы пристроена высокая башня, на которой въ торжественные дни поднимается нашъ трехцвѣтный флагъ. Всѣ строенія сложены изъ мѣстнаго бѣлаго камня. На дворѣ, во время постройки, была найдена полуобдѣланная колонна саженъ пять въ длину и около сажени въ поперечникѣ. Округлена только одна половина въ длину, затѣмъ камень далъ трещину и былъ оставленъ. Такой колоссальный монолитъ могъ принадлежать только двумъ эпохамъ: Иродовой и Константиновой. Этотъ любопытный историческій памятникъ обведенъ рѣшеткой и лежитъ въ ямѣ, обложенной камнемъ и углубленной на сажень или полторы отъ уровня двора. Каменная глыба доставлена на это мѣсто вѣроятно изъ каменоломни, лежащей на сѣверъ отъ Іерусалима.

Зданіе миссіи занято покоями начальника миссіи, извѣстнаго всей Россіи. отца архимандрита Антонина, кельями іеромонаховъ, діаконовъ и пѣвчихъ. Едва ли нужно говорить о радушномъ и любовномъ пріемѣ, которымъ пользуются всѣ богомольцы у почтеннаго начальника миссіи. Если Русскіе стали твердою ногой на Святой Землѣ, то, конечно, этимъ Россія обязана главнымъ образомъ неусыпной, стойкой дѣятельности архимандрита Антонина. Двадцать пять лѣтъ онъ безвыѣздно живетъ въ Святой Землѣ, и безъ него борьба съ латинянами, протестантами и — увы! — съ Греками была бы не мыслима. Первымъ двумъ онъ является почти всегда побѣдоноснымъ конкуррентомъ при покупкѣ земель, имѣющихъ историческое значеніе; послѣднимъ не даетъ въ обиду и на расхищеніе русскихъ поклонниковъ. Это уже четвертый архимандритъ со времени основанія русской миссіи. Первымъ былъ ученый архимандритъ Порфирій Успенскій, впослѣдствіи епископъ Чигиринскій, болѣе всѣхъ потрудившійся на мѣстѣ надъ исторіей Православной Церкви на

Востокѣ, собравшій массу драгоцѣнныхъ матеріаловъ и оставившій записки, превосходно рисующія современную ему іерусалимскую Церковь. Трудъ его составляетъ десятка два писанныхъ томовъ, они завѣщаны Академіи Наукъ вмѣстѣ съ капиталомъ на изданіе и должны появиться въ недалекомъ будущемъ. Обозрѣніе ихъ, составленное г. Сырку, напечатано, при чемъ приведены нѣкоторыя любопытныя извлеченія. Печатаніе начнется съ автобіографіи епископа Порфирія. Оставленный въ Палестинѣ съ нищенскими средствами, отецъ Порфирій былъ осужденъ на роль наблюдателя, и только нравственный авторитетъ иногда останавливалъ вопіющія злоупотребленія. Послѣ Восточной войны миссія возродилась подъ начальствомъ епископа Кирилла Мелитопольскаго. Нужно было наверстать потерянное и возстановить потерянный авторитетъ Россіи. Эту задачу возложили на бодраго, ученаго епископа, находившагося въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ. Но начертавъ широкую задачу для нашей миссіи, обнимавшую, кромѣ Палестины, Сирію и Египетъ, миссіи дали далеко не соотвѣтствующія денежныя средства, крайне неудовлетворительный личный составъ и поставили ее въ неопредѣленныя отношенія къ консульству и патріархіи. Появленіе русскаго епископа было крайне непріятно Святогробцамъ, которые почуяли, что противъ эксплоатаціи русскихъ поклонниковъ въ Россіи начинаютъ возмущаться. Что̀ же касается до консульства, то давно ли эти дипломатическіе чиновники додумались, что въ число ихъ обязанностей входитъ покровительство и защита русскихъ подданныхъ и что это составляетъ первый долгъ всякаго дипломатическаго представительства повсюду, а на Востокѣ въ особенности? Противъ епископа Кирилла состоялся союзъ патріарха съ русскимъ консуломъ. Не пренебрегли ничѣмъ, даже клеветой, и союзники побѣдили. Епископа Кирилла отозвали, ему отказали въ судѣ и послали на покой въ одинъ Казанскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ. Недавно умершій архимандритъ Троицкой лавры Леонидъ, ученый и строгій монахъ, былъ преемникомъ Кирилла: русскіе епископы оказались неудобны въ Іерусалимѣ. Но хотя и мало подготовленный къ политической роли въ Іерусалимѣ, искренно-благочестивый и прямодушный архимандритъ Леонидъ былъ по этимъ качествамъ неудобенъ для Святогробцевъ и консула. Попробовали набросить тѣнь на жизнь архимандрита Леонида, но получили твердый отпоръ и отповѣдь отъ самого митрополита Московскаго Филарета и предъ такимъ защитникомъ

прикусили языкъ. Тѣмъ не менѣе архимандритъ Леонидъ былъ отозванъ и въ Воскресенскомъ Новоіерусалимскомъ монастырѣ и Троицкой лаврѣ нашелъ настоящее поле для своей дѣятельности. Глубоко изучившій Грековъ въ Царьградѣ, Аѳинахъ и на Аѳонѣ, архимандритъ Антонинъ явился продолжателемъ дѣятельности епископа Кирилла и архимандрита Леонида. Консульства и патріархія были Скиллой и Харибдой, между которыми нужно было лавировать нашему начальнику миссіи, при чемъ одной голубиной кротости архимандрита Леонида было далеко недостаточно для успѣшнаго плаванія. Клевета не щадила его и не щадитъ, къ немалому удивленію нашему, и до сихъ поръ. Можно, впрочемъ, скорѣе удивляться, что мало клевещутъ на отца Антонина, забрасывая про него какую-нибудь гадость только обинякомъ.

Архимандритъ Антонинъ принялся за дѣло просто и правильно. Латиняне и протестанты, совращая православныхъ въ свою вѣру, спѣшатъ захватить въ свою собственность сколь можно болѣе земельныхъ участковъ. На этихъ земляхъ устраиваются школы, амбулаторіи, больницы, пріюты, церкви, миссіонерскія станціи. Архимандритъ Антонинъ купилъ мѣста на Елеонѣ, въ Горней, въ Хевронѣ, въ Іерихонѣ, въ Яффѣ. Въ трехъ мѣстахъ выстроены церкви, съ которыми не могутъ соперничать въ благолѣпіи ни латинскіе костелы, ни протестантскія кирки; во всѣхъ пяти выстроены прекрасные просторные пріюты для богомольцевъ; въ Горней, какъ мы видѣли, возникаетъ сама собою женская обитель; то же и на Елеонѣ. Новый Троицкій соборъ на Русскомъ подворьѣ такъ обширенъ, что можетъ вполнѣ удовлетворить религіознымъ потребностямъ нашихъ богомольцевъ въ періодъ наибольшаго стеченія ихъ въ Іерусалимъ. Намъ недостаетъ еще мѣста въ Виѳлеемѣ, чтобъ избавиться отъ греческаго гостепріимства, о свойствахъ котораго можно узнать, напримѣръ, изъ *Записокъ Паломника* отца Коровицкаго (1888 г.). Въ Галилеѣ мы твердо стоимъ въ Назаретѣ и купленъ участокъ земли въ Тиверіадѣ, къ сожалѣнію, въ неудобномъ сосѣдствѣ съ Евреями, крайне ненавидящими Россію.

Занятый земельными пріобрѣтеніями и постройкой зданій, отецъ Антонинъ не спѣшитъ увеличивать составъ миссіи. Но, можетъ-быть, онъ не совсѣмъ правъ въ этомъ отношеніи. Необходимо имѣть больше іеромонаховъ для того, чтобы отправлять богослуженіе на подворьѣ, на Елеонѣ, въ церкви святой Маріи Маг-

далины. Необходимо имѣть достаточное число священнослужителей для того, чтобы священнодѣйствовать въ храмѣ Гроба Господня и въ церкви Судныхъ Вратъ: ибо хотя мы и не имѣемъ еще опредѣленнаго дня для славянской литургіи у Гроба Господня, а церковь Судныхъ Вратъ еще не освящена, но того и другаго мы непремѣнно добьемся, какіе бы громы и молніи не летѣли на насъ изъ Фанара, Аѳинъ, святогробческихъ келій и „льстивыхъ“ Русскихъ, состоящихъ въ распоряженіи „льстивыхъ“ Грековъ. Усиленіе миссіи крайне необходимо для исповѣди многочисленныхъ поклонниковъ Русскихъ. Приходится же Русскимъ исповѣдываться на Голгоѳѣ по-французски греческому священнослужителю! Мы уже не говоримъ, насколько желательно было бы видѣть нашихъ монаховъ въ русскихъ школахъ, устроенныхъ для туземныхъ христіанъ. Одна изъ особенностей нашихъ учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій въ томъ, что они, по составу служебнаго персонала, имѣютъ совершенно свѣтскій характеръ. Появленіе въ женскихъ школахъ нашихъ монахинь было бы чрезвычайно важно. Нынѣшній составъ миссіи очень малъ: всего два іеромонаха, изъ коихъ одному, отцу Веніамину, около 80 лѣтъ. Очевидно, необходимо подкрѣпленіе, и новые штаты миссіи даютъ къ тому полную возможность, но эти штаты до сихъ поръ не приведены въ исполненіе. Наконецъ необходимо подумать о преемникѣ престарѣлому начальнику миссіи. Нельзя же всегда посылать людей, только по книгамъ, издалека, могущихъ познакомиться съ предстоящею дѣятельностью. Изъ четырехъ архимандритовъ только епископъ Порфирій и арх. Антонинъ знали, съ кѣмъ придется имѣть дѣло, до пріѣзда въ Іерусалимъ. У латинянъ и протестантовъ дѣло стоитъ иначе, гораздо раціональнѣе.

Нельзя закрывать глаза на явную враждебность и антагонизмъ іерусалимскаго Святогробскаго братства. Триста лѣтъ сряду Сербы, Румыны, Греки, Грузины, Русскіе безъ счету, съ полнымъ довѣріемъ передавали Іерусалимской патріархіи огромныя суммы денегъ, а пользы для церкви и православія было немного. Пожертвованія расходились по рукамъ у греческихъ монаховъ или шли на греческую идею, храмы же ветшали, а мѣстные православные уходили въ латинство, лютеранство, магометанство, коснѣли въ невѣжествѣ, не имѣли ни пристойныхъ храмовъ, ни больницъ, ни училищъ. Убѣдившись въ недобросовѣстности Святогробцевъ, которые превратили санъ и власть

патріарха въ одинъ призракъ, Россія рѣшилась на будущее время контролировать правильное употребленіе пожертвованій, поступающихъ отъ нея на нужды православія въ Св. Землѣ и, натурально, встрѣтилась съ сопротивленіемъ Грековъ. Конечно, намъ идти назадъ нельзя. Чуткіе западные миссіонеры встревожились уже тѣмъ немногимъ, что̀ намъ удалось сдѣлать въ послѣднія десять лѣтъ и прямо говорили мнѣ, что Русскіе слишкомъ много сдѣлали. Что̀ бы тамъ ни было, особенную важность наши учрежденія получаютъ отчасти отъ того, что они имѣютъ правительственный характеръ. Палестинское Общество называется Императорскимъ, во главѣ его стоитъ великій князь, братъ Государя Императора: ни одно изъ западныхъ инославныхъ учрежденій не пользуется такой близостью къ верховной власти и потому не имѣетъ такого внушительнаго значенія въ глазахъ туземцевъ. За каждымъ нашимъ предпріятіемъ въ воображеніи туземцевъ поднимается отдаленный и колоссальный образъ Русскаго Царя.

До сихъ поръ среди туземцевъ Русскіе являлись съ училищами; пора, кажется, повторить опытъ отца Іоасафа и позвать на помощь монаховъ и монахинь. Что касается до первыхъ, то у насъ есть готовые кадры въ аѳонскихъ обителяхъ, переполненныхъ иконами, которые знаютъ и Грековъ и Турокъ и умѣютъ постоять за себя. Они успѣли завоевать себѣ первенствующее значеніе на Аѳонѣ, не взирая на ближайшее сосѣдство съ громовержцами аѳинской журналистики, и доказали, что журнальнаго пустословія Грековъ бояться не слѣдуетъ. Они пріобрѣли самостоятельность, не нарушая своего каноническаго подчиненія вселенскому патріарху. Такіе иноки уживутся и съ іерусалимскимъ патріархомъ, тѣмъ болѣе, что теперь не прежнее время: наша дипломатія не останется равнодушною къ Русскимъ людямъ, а пути сообщенія настолько усовершенствовались, что Святая Земля стала очень близка къ Россіи и всегда можетъ разсчитывать на скорую, своевременную помощь. Труднѣе организовать женскія монашескія или обѣтныя общины. Внутреннее миссіонерство и женскія миссіонерскія общины у насъ въ зародышѣ.

Православіе въ Святой Землѣ до сихъ поръ стоитъ въ оборонительномъ положеніи, только отражая нападеніе латинянъ и лютеранъ, но оно не можетъ остановиться на этомъ и должно перейти въ наступленіе. Въ Святой Землѣ сошлись всѣ церкви

Востока, отдѣлившіяся въ разное время отъ восточнаго православія. Догматическіе поводы раздѣленія представляютъ такія метафизическія тонкости, что по свойству своему никогда не могли бы быть причиной отпаденія народныхъ массъ отъ вселенскаго единства, еслибы не было поводовъ къ тому въ національныхъ антипатіяхъ туземцевъ къ Грекамъ. Подъ монофизитами скрываются Сирійцы, Халдеи; подъ монофелитами — Египтяне и Эѳіопы: Армяне уклоняются отъ единенія съ Греками по недоразумѣнію и все-таки даже и теперь держатся особнякомъ. Греческое властолюбіе и надменность [1] относительно всего не-греческаго едва ли не главное основаніе церковнаго раздробленіе Востока. Замѣтить слѣдуетъ, что всѣ эти еретики твердо стоятъ за древніе обряды, общіе съ греческою церковью: латиняне, предоставляя имъ (болѣе на словахъ, для начала) свободу пользоваться древними обрядами и древнимъ церковнымъ строемъ, безъ особаго труда и съ большимъ успѣхомъ привлекаютъ отшепенцевъ въ лоно римской церкви, довольствуясь признаніемъ главенства папы; только залучивъ уже ихъ къ себѣ, латиняне понемногу начинаютъ вмѣшиваться и во внутреннія дѣла, учреждаютъ высшія богословскія училища въ Римѣ, посылаютъ легатовъ на обычные мѣстные соборы и т. д. Такъ они поступаютъ съ Маронитами, съ Сирійцами, Халдеями, въ Месопотаміи. Точекъ соприкосновенія у православныхъ съ восточными сектантами гораздо болѣе, нежели у латинянъ, но не Грекамъ поставить и рѣшить задачу возсоединенія восточныхъ церквей. Кто-то очень вѣрно назвалъ Грековъ — Бурбонами среди историческихъ народовъ: какъ Бурбоны, Греки ничего не забыли и ничему не научились. Если не Греки, то, очевидно, Русскіе должны внять голосу церкви, непрестанно молящейся о соединеніи всѣхъ. На это намъ скажутъ: да что же намъ думать

---

[1] „Апостолы, по внушенію Св. Духа, отдали приказъ оставить еврейское письмо и языкъ и поучать по-гречески". „Святые духоносные учители, послѣдователи Апостоловъ, были изъ греческой земли. Таковы: Василій Кесарійскій, Григорій Чудотворецъ, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, *Григорій Просвѣтитель*, учившійся въ Кесаріи, Іоаннъ Златоустъ, *Епифаній*, Юстіанъ, Ириней, *Амвросій... Аѳанасій*, *Кириллы* и *всѣ святые мученики*"... „Грекамъ же далъ Господь царство, священство и пророчество... и отъ насъ, Грековъ, мы вѣруемъ, не отнимется царство до втораго пришествія Господа". Письмо патр. Фотія къ арм. католикосу Захаріи. *Прав. Пал. Сборникъ*, выпускъ 31, стр. 235. Спб. 1892.

о Коптахъ, Эѳіопахъ, Халдеяхъ, Сирійцахъ и т. п., когда у насъ непочатый край язычниковъ въ Азіи, да и на сѣверѣ европейской Россіи? На это отвѣтимъ, что Самоѣды, Колоши, Тунгузы и т. п. отъ насъ не уйдутъ и у насъ ихъ не возьмутъ, а древній Востокъ со своими первородными церквами переживаетъ чрезвычайно опасное время и можетъ навсегда погибнуть для православія. Въ сущности весь восточный міръ проникнутъ смутною памятью о древнемъ религіозномъ, культурномъ и политическомъ единствѣ. Идеи о всемірной монархіи и универсальной религіи родились на Востокѣ. Смѣнялись формы восточнаго синтеза, египетская, ассиро-вавилонская, персидская, македоно-греческая, римская, византійская, арабо-турецкая, но само единство оставалось кореннымъ, основнымъ фактомъ и потому всѣ народы Востока съ недовѣріемъ и враждой относятся къ заискиваніямъ франковъ, латинянъ и протестантовъ, угадывая въ нихъ покушеніе на свою самобытность. Можно быть увѣреннымъ, что раздѣлъ Востока встрѣтитъ глубокое сопротивленіе на Востокѣ, который если и признаетъ себя открывающимся наслѣдствомъ, то не иначе, какъ недѣлимымъ. Вопросъ церковный—важнѣйшій вопросъ въ центральной Святой Землѣ всего Востока. Интересы православія, заботы о поддержаніи коего возложены по уставу на Палестинское Общество, безъ содѣйствія на мѣстѣ со стороны нашего монашества не получатъ надлежащей охраны, а для сего наша духовная миссія въ Іерусалимѣ первая должна обратиться въ достаточно многолюдную *обитель*, каковою и представлялъ ее себѣ проницательный митрополитъ Московскій Филаретъ.

Въ настоящее время русская миссія кладетъ только фундаментъ для будущихъ церковныхъ дѣятелей и затѣмъ заботится, насколько достаетъ силъ, объ удовлетвореніи духовныхъ нуждъ нашихъ поклонниковъ. Къ сожалѣнію, даже для этого силы ея недостаточны. Было бы необходимо въ интересахъ поклонниковъ, чтобы миссія могла водить поклонниковъ по святымъ мѣстамъ и образовала въ средѣ своей компетентныхъ лицъ, подобныхъ напр. знатоку Палестины францисканцу Лівенъ-де-Гамму, тридцать лѣтъ сопровождающему католическихъ пилигриммовъ. Было бы въ высокой степени полезно, еслибы миссія приняла участіе въ вечернихъ чтеніяхъ, для которыхъ Палестинское Общество приготовило всѣ необходимыя приспособленія, но не имѣетъ чте-

цовъ, кромѣ рѣдкихъ и случайныхъ, приходящихъ изъ Россіи на поклоненіе святымъ мѣстамъ.

Нынѣшній глава миссіи извѣстенъ давно своими учеными трудами. Его путевыя записки по Румеліи, представляя живую картину Өессаліи и Македоніи предъ Болгарскимъ расколомъ, содержатъ въ себѣ прекрасные очерки исторіи этихъ странъ въ XIV и XV вѣкахъ, крайне запутанной въ изложеніи знаменитаго Грегоровіуса въ послѣднемъ его сочиненіи Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter. Отецъ Антонинъ собралъ значительное собраніе древнихъ скульптуръ, монетъ и сосудовъ въ раскопкахъ при постройкѣ своихъ сооруженій. Самою интересною вещью въ его музеѣ слѣдуетъ признать хорошо сохранившійся горельефъ, представляющій бородатаго мужчину съ угловатыми чертами продолговатаго лица и съ діадемой на головѣ. Діадема сдѣлана въ видѣ обруча, на которомъ насѣчены лавровые листья, а на челѣ— медальонъ съ изображеніемъ орла. Работа принадлежитъ римской эпохѣ и изваніе, очевидно — портретъ, но чей? Англійское Палестинское Общество считаетъ этотъ рельефъ портретомъ Ирода. Нумизматическую коллекцію отецъ архимандритъ передалъ въ Академію Наукъ. Монеты описаны проф. Помяловскимъ. Часть рельефныхъ орнаментовъ пожертвована имъ въ музей Кіевской духовной Академіи.

Преосвященный Норфирій, осужденный дипломатіей временъ Нессельроде на полное бездѣйствіе, на подчиненное положеніе нашихъ консуловъ въ Турціи, среди которыхъ были даже жидъ, но не было Русскихъ, среди которыхъ были горячіе сторонники протестантскихъ миссіонеровъ, но не было православныхъ, поставленный въ полную невозможность что-либо сдѣлать даже для русскихъ поклонниковъ и оградить ихъ отъ греческихъ вымогательствъ, все-таки успѣлъ сослужить большую службу православію, раскрывъ кому вѣдать надлежитъ печальную правду о греческомъ духовенствѣ въ Турціи, Румыніи и Іерусалимѣ. Обращено было вниманіе и на совращеніе православныхъ въ латинство и протестанизмъ. Почувствовалась, наконецъ, органическая связь православія и значенія Россіи не только на Балканскомъ полуостровѣ, но и на всемъ византійскомъ или турецкомъ Востокѣ. Прежнее довѣріе къ Грекамъ пошатнулось. Сила вещей толкала Россію на самостоятельную дѣятельность тамъ, гдѣ прежде мы являлись только банкирами и дипломатическими агентами греческаго духовенства, миссія епископа Кирилла получила

уже другой наказъ, очень широкій, указывавшій ей войти въ сношенія со всѣми восточными церквами Сиріи и Африки. Недостатокъ денежныхъ средствъ, неподготовленность людей, интриги и клеветы уготовили этому дѣятелю рѣшительную неудачу. Ясно было одно: мы не имѣли той свободы въ дѣйствіяхъ, какою пользуются латиняне и протестанты. Хотя миссіи этихъ послѣднихъ явились въ Палестину по своей инициативѣ, не спрашиваясь правительства, но тѣмъ не менѣе нашли въ своихъ правительствахъ поддержку, обильно вознагражденную усиленіемъ политическаго вліянія въ Турціи той націи, къ которой онѣ принадлежали. Въ политико-національномъ значеніи западныхъ миссій лежитъ, впрочемъ, опасность разложенія нѣкогда дружнаго нападенія католицизма и протестанизма на церкви Востока.

Западные миссіонеры ничѣмъ не были связаны съ Греками, кромѣ извѣстной вражды франковъ къ византійцамъ. Турки, зная объ этомъ историческомъ антагонизмѣ и угадывая антипатіи Востока къ Западу, довольно равнодушно относились къ миссіонерамъ. До какой степени Турки были правы, можно видѣть изъ того, что англійское церковно-миссіонерское общество, дѣйствуя въ Бейрутѣ съ двадцатыхъ годовъ, тратя ежегодно до милліона марокъ, въ теченіе этого времени успѣло (къ 1891 году) соединить въ протестантскія общины съ небольшимъ тысячу Арабовъ! Понятно, опасаться такой пропаганды не стоило. Иное дѣло Россія. Съ одной Россіей Турція воевала за *своихъ* православныхъ подданныхъ. Одна Россія не мирится съ мусульманскимъ царствомъ на развалинахъ христіанской державы и не приступила къ вѣчному миру, давно заключенному Стамбуловымъ съ Западной Европой. Между Россіей и Турціей были и будутъ только болѣе или менѣе продолжительныя перемирія между двумя войнами. При обоюдномъ сознаніи достоинствъ, при замѣчательномъ добродушіи обоихъ народовъ. Русскіе и Турки воюютъ и будутъ воевать до уничтоженія турецкаго владычества на христіанскомъ Востокѣ. Здѣсь нѣтъ борьбы интересовъ: здѣсь встрѣча двухъ религіозныхъ принциповъ, здѣсь вѣковѣчная война Ирана съ Тураномъ, и они-то придали борьбѣ непримиримо-упорный характеръ. Турки не могли, поэтому, смотрѣть на нашихъ миссіонеровъ тѣми же глазами, какъ на западныхъ. Неудобны были и наши отношенія къ греческому духовенству. Какъ православные, наши духовные люди, являясь въ Святую Землю, должны были во всемъ подчиниться мѣстному епархіальному начальству, но

оно было проникнуто убѣжденіемъ, что православіе и эллинизмъ одно и то же и что внѣ эллинизма на всемъ Востокѣ нѣтъ никакихъ церковныхъ интересовъ. Оттуда его безучастіе къ православнымъ туземцамъ Сиріи, Палестины и Египта, полное равнодушіе къ отпавшимъ отъ православія массамъ Коптовъ, Сирійцевъ и т. п. Заботы о мѣстномъ православномъ населеніи требовали денегъ, но онѣ были нужны для велико-эллинской идеи и для устройства своихъ греческихъ земляковъ. Находясь въ канонической зависимости и уклоняясь отъ обострения отношеній къ патріархіи, русская духовная миссія не могла сдѣлать ничего ни для русскихъ поклонниковъ, ни для православныхъ туземцевъ. Равнодушіе къ православію и чиновничій космополитизмъ, которыми заражены были наши заграничные дипломаты, не благопріятствовали историческимъ задачамъ Россіи на Востокѣ, установленнымъ нашею религіей, поддержаннымъ многовѣковымъ народнымъ стремленіемъ въ Святую Землю и только въ недавнее время начинающимъ входить въ сознаніе образованнаго общества.

Въ Бозѣ почившіе императрица Марія Александровна и великій князь Константинъ Николаевичъ приняли близко къ сердцу положеніе христіанскихъ святынь и церкви въ Палестинѣ, а также и бѣдственное положеніе нашихъ паломниковъ, съ такою горячею вѣрой идущихъ съ края свѣта на поклоненіе Св. Гробу. При ихъ могущественномъ содѣйствіи явились деньги, образовался комитетъ, пріобрѣтена была осѣдлость въ Іерусалимѣ и положено было основаніе русскимъ учрежденіямъ. Черновыя работы были и дороги и не вполнѣ удачны. Палестина представляетъ такую сложную задачу, что между дѣломъ ею заниматься нельзя; она требуетъ людей, посвящающихъ себя ей безраздѣльно, а комитетъ, Палестинская коммиссія, состояла изъ лицъ, обремененныхъ важными государственными дѣлами. Это сознаніе привело къ организаціи Палестинскаго Общества (1882 года). Устройство быта паломниковъ, поддержаніе православія въ Св. Землѣ, изученіе христіанскаго Востока были возложены на Общество, во главѣ котораго сталъ великій князь Сергѣй Александровичъ, которое удостоилось августѣйшаго покровительства и получило наименованіе Императорскаго: ни одно палестинское общество на Западѣ не поставлено въ такія близкіи отношенія къ правительству. Для Оттоманскаго правительства наше Общество является не только религіознымъ, но и солидарнымъ до

нѣкоторой степени съ оффиціальнымъ представительствомъ Россійской имперіи, а для мѣстныхъ христіанъ, въ силу этого,—сугубо-внушительнымъ. Скажемъ мимоходомъ, что и у насъ и на Западѣ значительно преувеличиваютъ денежныя средства миссій вообще. Самая древняя миссія въ Палестинѣ—францисканская кустодія въ Іерусалимѣ, имѣетъ около милліона франковъ въ годъ отъ коллегіи пропагандъ, не считая довольно значительныхъ, но случайныхъ и не особенно частыхъ частныхъ пожертвованій, идущихъ помимо пропаганды. У евангелическаго общества въ годъ получается не болѣе 25 т. марокъ, и этой скромной суммы недостаетъ на текущіе расходы: въ нынѣшнемъ году ожидается изсякновеніе запаснаго капитала (15 т. марокъ), но, повидимому, на помощь нѣмецкимъ миссіямъ придетъ имперское государственное казначейство. Отъ Россіи помощь православію идетъ изъ бессарабскихъ преклоненныхъ имѣній и отъ поклонниковъ. Палестинское же Общество, само по себѣ, конечно, несравненно богаче Нѣмцевъ, но еще не доросло до средствъ францисканской кустодіи.

Прежде всего нужно было привести въ порядокъ наслѣдство Палестинской коммиссіи въ матеріальномъ и юридическомъ отношеніи. Постройки были въ ужасномъ видѣ. Санитарное положеніе ихъ было таково, что тамъ завелся сыпной тифъ и Турки подумывали окружить ихъ карантинною линіей. Не лучше была администрація. Черезъ нѣсколько лѣтъ упорнаго труда все было исправлено до такой степени, что русскій пріютъ по удобствамъ, дешевизнѣ и красотѣ — лучшее учрежденіе этого рода въ Іерусалимѣ. Они составляютъ цѣлую, самодовлѣющую колонію почти на двѣ тысячи человѣкъ, снабженную всѣмъ необходимымъ. Общія палаты чисты, свѣтлы, просторны, снабжены опрятными кроватями. Пищевое довольствіе обходится въ 13 к. въ сутки. Кушанье готовится вкусно, изъ прекрасныхъ матеріаловъ, въ прекрасно устроенной кухнѣ. Порядокъ образцовый. Въ номерахъ, занимая вполнѣ удовлетворительную комнату 2-го класса, путешественникъ платитъ за нее (съ бѣльемъ, освѣщеніемъ и прислугой) 1 р. и за пансіонъ (кофе, завтракъ, обѣдъ съ виномъ и чай)—3 р. 80 к. За эту цѣну *такъ* жить въ Іерусалимѣ ни въ одной гостиницѣ невозможно. При пріютѣ состоятъ провожатые изъ южныхъ Славянъ, безплатно сопровождающіе паломниковъ. Прислугѣ строго-на-строго запрещено принимать отъ постояльцевъ что-либо за труды. Администрація въ

высшей степени внимательна, любезна и радушна. Работъ у нея очень много. Съ восходомъ солнца всѣ уже на ногахъ, спѣша управиться съ дѣломъ до полудня въ прохладные утренніе часы. Пріѣхавъ въ Іерусалимъ, Русскій попадаетъ точно къ старымъ друзьямъ или къ роднымъ и, уѣзжая, уноситъ самое отрадное воспоминаніе о хорошихъ людяхъ, поселившихся подъ знойнымъ небомъ Св. Земли.

Вторымъ дѣломъ было поддержаніе православія. Греческіе монахи погрязли въ долгахъ. Церкви въ деревняхъ находятся въ ужасномъ видѣ. О духовномъ просвѣщеніи сельскаго духовенства и поселянъ никто и никогда не заботился. Нужно было, сталобыть, поднять народное просвѣщеніе учрежденіемъ училищъ, обновить церкви, помочь денежнымъ нуждамъ патріархіи. По всѣмъ тремъ статьямъ Палестинское Общество встрѣтило дружный и крикливый протестъ со стороны палестинскихъ и не-палестинскихъ Грековъ. У этихъ пастырей слово „арабъ" стало браннымъ и презрительнымъ, а вдругъ Русскіе заговорили о просвѣщеніи Арабовъ, да еще хотятъ сами распоряжаться (своими) школами и контролировать употребленіе пожертвованій на сооруженіе церквей! Вышло то, что въ Іудеѣ Обществу не удалось основать ни одной мужской школы и ограничиться преобразованіемъ русскаго женскаго училища въ пансіонъ, переведенный изъ Іерусалима въ Бейтъ-Джалу. Во всей Іудеѣ только одна амбулаторія — въ Іерусалимѣ. Въ нашу больницу только въ видѣ изъятія принимаются не-русскіе. Лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ отецъ Веніаминъ основалъ пріютъ для престарѣлыхъ, куда принимаются и не-русскіе (теперь уже тамъ двѣ Англичанки). Патріаршимъ школамъ для мальчиковъ отпускается пособіе, но оно мало помогаетъ: состояніе ихъ ниже всякой критики. Въ Галилеѣ русскія мужскія школы видимо развиваются. Тамошній учительскій институтъ — лучшее учрежденіе этого рода въ Палестинѣ, и воспитанники его обѣщаютъ много пользы для края.

Если припомнить, что уже нѣсколько десятковъ лѣтъ западные и восточные благодѣтели тратятъ значительныя суммы, посылаютъ *сотни* лицъ на просвѣщеніе сорока тысячъ христіанъ маленькой Святой Земли, то можно было бы ожидать блистательныхъ результатовъ и поголовной грамотности палестинскихъ христіанъ. На дѣлѣ не то. Всюду учатъ и просвѣщаютъ, а народъ остается въ прежнемъ положеніи и даже, пожалуй, ухуд-

шается вслѣдствіе религіозной распатанности, порожденной враждующими пропагандами. Цѣль западныхъ миссіонеровъ—привлечь, приписать, подчинить туземцевъ своей церкви, отторгнуть отъ православія, пріучить къ своимъ обрядамъ, не заботясь о духовномъ просвѣтлѣніи. Арабъ остается Арабомъ попрежнему, только начинаетъ слушаться ксендза, бояться Нѣмца, служить Англичанину и не вѣрить въ Россію. Цѣль всѣхъ затратъ на школы и амбулаторіи политическая и религіозная, а не просвѣтительная и не благотворительная. Нужно оторвать ребенка отъ исконныхъ обычаевъ и обрядовъ, воспитать его въ послушаніи, наложить на него цѣпи и по выходѣ изъ школы. Туземцы охотно передаютъ уходъ и заботы о ребенкѣ съ четырехъ лѣтъ миссіонерамъ и занимаются безъ помѣхи своими работами, а къ праздникамъ дѣтямъ въ школѣ даютъ разные подарки. Палестинское Общество относится къ школѣ гораздо серьезнѣе и не держится такой развращающей системы. Въ его школахъ дѣйствительно учатъ и учатся. Но бѣда въ томъ, что во всѣхъ миссіяхъ учители, знающіе арабскій языкъ—рѣдкость. Пріѣзжимъ нужно учиться по-арабски, ученикамъ нужно учиться по-русски, чтобъ имѣть возможность пользоваться учебниками, число которыхъ на арабскомъ языкѣ ничтожно, а качество — неудовлетворительно. Да и съ арабскимъ языкомъ не мало затрудненій. Палестинское сельское нарѣчіе бѣдно и грубо; кругозоръ умственный крайне узокъ и ему соотвѣтствуетъ языкъ поселянъ, далекій отъ письменнаго арабскаго языка. Недостатокъ мѣстныхъ дѣятелей изъ туземцевъ чувствуется всѣми миссіонерами. Даже латиняне печатно проговариваются, что пришлые миссіонеры далеко не всѣ отличаются усердіемъ, знаніемъ и миссіонерскими добродѣтелями и основали уже семинарію Св. Анны для подготовки священниковъ изъ Арабовъ. Нѣмцы также начинаютъ заводить проповѣдниковъ изъ Арабовъ (первый въ прошломъ году—Бшара-Ханаанъ въ Бейтъ-Джалѣ, изъ воспитанниковъ Шнехлерова Сирійскаго Пріюта). О всеобщемъ просвѣщеніи, очевидно, заботиться несвоевременно. Оградивъ дѣтей отъ религіознаго соблазна, нужно лучшихъ изъ нихъ воспитать для духовной дѣятельности среди своихъ. Такова должна бы быть и задача школъ Православнаго Палестинскаго Общества; два воспитанника назаретской школы уже отправлены для довершенія духовнаго образованія въ Кіевъ, но здѣсь мы снова встрѣчаемся съ вопросомъ, а что̀ будетъ дальше съ нашими воспитанниками? Посвятитъ ли греческій епи-

скопъ въ іерей воспитанника русской семинаріи, приглядѣвшагося къ инымъ порядкамъ? Что̀ ждетъ такого юношу на родинѣ, гдѣ каждый родъ желаетъ имѣть священника изъ своихъ родичей? Не менѣе затруднительно и положеніе будущихъ учителей, когда всѣ *школы* содержатся на счетъ разныхъ миссій, а не на счетъ мѣстнаго населенія, что̀ и даетъ особый вѣсъ пропагандѣ. Въ настоящее время въ Виѳлеемѣ, гдѣ почти всѣ жители недавно были православные, есть латинскія женская школа и мужская школы, есть нѣмецкая евангелическая, около нихъ уже образовались приходы (даже при киркѣ числится сорокъ Арабовъ протестантовъ и 160 дѣтей посѣщаютъ школу), а православной школы нѣтъ; Греки, занятые русскими богомольцами и богомолками, и ухомъ не ведутъ относительно Арабовъ, Русскимъ же препятствуютъ.

Построеніе и обновленіе храмовъ идетъ также туго. Греки охотно брали пособія на обновленіе храмовъ, но деньги постоянно получали какое-то другое назначеніе. Въ Турецкой имперіи устройство училищъ, постройка церквей обставлены большими затрудненіями, особенно для иностранныхъ подданныхъ, такъ что подобныя предпріятія безъ сильнаго участія высшихъ дипломатическихъ представителей, безъ фирмана, безъ содѣйствія Грековъ осуществить трудно, и это Православное Палестинское Общество испытываетъ постоянно: свидѣтель—наша неосвященная церковь у Судныхъ Вратъ. Ужасное состояніе арабскихъ сельскихъ церквей—фактъ общеизвѣстный. Палестинское Общество безъ всякаго затрудненія можетъ выстроить заново всѣ двадцать девять церквей, находящихся въ селеніяхъ Палестины, въ теченіе десяти лѣтъ, о чемъ неоднократно заявляло, но, повидимому, патріархія не признаетъ этого необходимымъ. Она хочетъ строить сама, но если ей отдать деньги, онѣ уйдутъ безслѣдно на таинственныя „нужды патріархіи“ и церквей не будетъ. Въ храмостроительствѣ и школахъ мы встрѣчаемъ не поддержку, а противодѣйствіе со стороны Грековъ.

Высшій іерусалимскій клиръ довелъ церковное хозяйство до послѣдней степени разстройства. Высокіе проценты, по долгамъ еврейскимъ банкирамъ, ввели хроническій, растущій дефицитъ въ бюджетъ патріархіи. Въ эпоху христіанскаго владычества іерусалимская церковь была богата щедротами императоровъ и многочисленными вкладами паломниковъ. При арабскомъ владычествѣ мусульманскія примѣненія неоднократно доводили патрі-

архію до нищеты. Непрерывная война съ греческими императорами, опасности паломниковъ среди фанатическихъ и одичалыхъ мусульманъ на пути въ Іерусалимъ закрыли и почти уничтожили приливъ помощи изъ христіанскихъ странъ. Съ невѣроятными усиліями средневѣковые патріархи оберегали святыя мѣста отъ конечнаго разоренія. Подвиги этихъ стражей Гроба Господня малоизвѣстны, какъ и, вообще, арабская эпоха исторіи христіанъ въ Святой Землѣ. Греки, впослѣдствіи, похвалялись, что арабскіе патріархи дошли до такого оскудѣнія, что служили въ полотняныхъ ризахъ и съ желѣзными сосудами и, сравнивая такую нищету съ благолѣпіемъ святыхъ мѣстъ при греческихъ патріархахъ, ставили ее въ вину патріархамъ туземнаго происхожденія и въ оправданіе своего исключительнаго господства въ іерусалимской церкви. Они забываютъ, что въ эти жестокія времена сохранено было самое драгоцѣнное — святыя мѣста во владѣніи православныхъ. Высшаго имущественнаго процвѣтанія достигла іерусалимская патріархія при турецкомъ владычествѣ, благодаря отчасти болѣе высокой государственности Турокъ сравнительно съ арабскими султанами. Въ XVI и XVII вѣкѣ Грузія и Молдо-Валахія обогащаютъ патріархію деньгами и землями до такой степени, что, быть-можетъ, іерусалимскій патріархъ былъ богатѣйшимъ патріархомъ на православномъ Востокѣ безъ всякаго обремененія малочисленныхъ, постоянно таявшихъ туземныхъ христіанъ поборами, которые составляли язву константинопольской церкви, послужившую отчасти причиной отдѣленія отъ нея румынской и славянскихъ церквей.

Въ концѣ XVII вѣка возникаетъ въ Іерусалимѣ Святогробское братство. По старѣйшему списку, недавно опубликованному, въ составѣ братства находились постоянные жители Іерусалима и другихъ греческихъ и славянскихъ областей Турціи. Но съ тѣхъ поръ, какъ іерусалимскіе патріархи рѣшили закрыть доступъ мѣстнымъ уроженцамъ къ высшимъ іерархическимъ степенямъ въ Святой Землѣ, греческіе клирики и монахи, приходящіе съ острововъ Малой Азіи и Европы, чужестранцы въ Палестинѣ, должны были соединяться въ сплоченную группу около Святаго Гроба.[1] Братство не составляетъ монастыря, но включаетъ въ

[1] Святогробское братство, быть-можетъ, создалось въ подражаніе древней францисканской общинѣ, кустодіи при Св. Гробѣ, но не имѣетъ съ нимъ сходства въ организаціи и цѣляхъ.

себя все палестинское духовенство греческаго происхожденія. Патріархія распоряжалась доходами съ недвижимостей и предоставляла монахамъ распоряжаться свободно тѣми пожертвованіями, которыя шли черезъ ихъ руки, установивъ, однако, правило, что наслѣдство послѣ монаховъ поступаетъ въ пользу Святаго Гроба. На самомъ дѣлѣ это мудрое правило обходилось очень легко: богатые иноки или при жизни передавали родственникамъ свои сбереженія, или записывали ихъ на чужое имя. Конечно, богатые доходы дѣлали санъ іерусалимскаго патріарха очень привлекательнымъ. При избраніи новаго патріарха кандидиты не щадили издержекъ на подкупъ турецкихъ сановниковъ и избирателей, надѣясь наверстать затраты впослѣдствіи. Жестокимъ ударомъ была конфискація румынскихъ земель во время правленія князя Кузы. Равновѣсіе патріаршаго бюджета было нарушено потерею милліонныхъ поступленій изъ Румыніи. Патріархія осталась при бессарабскихъ имѣніяхъ и нѣкоторыхъ незначительныхъ владѣніяхъ въ Турціи, Грузіи и Греціи да при пожертвованіяхъ изъ Россіи или отъ русскихъ поклонниковъ. Вообще, въ XIX вѣкѣ Россія является главной доходной статьей іерусалимскаго клира. Она вполнѣ могла бы покрыть всѣ расходы патріархіи, еслибы члены Святогробскаго братства не преслѣдовали личныхъ честолюбивыхъ и любостяжательныхъ цѣлей. При такомъ неожиданномъ сокращеніи доходовъ патріархіи пришлось наложить руку и на тѣ пожертвованія, которыя, имѣя назначеніемъ нужды Святой Земли, направлялись не къ патріарху, а къ другимъ іерархамъ и сановникамъ іерусалимской церкви. Изъ-за этого началась борьба въ Святогробскомъ братствѣ, продолжающаяся до-нынѣ съ явнымъ перевѣсомъ братіи надъ патріархомъ. Денежные отчеты патріархіи, которые патріархъ Никодимъ сообщалъ Императорскому Православному Палестинскому Обществу, такъ сбивчивы и бездоказательны, что, пользуясь только ими, нельзя понять причины финансовыхъ затрудненій іерусалимской церкви. Напрашивается невольно вопросъ: куда идутъ почти 400.000 руб. ежегоднаго дохода, когда въ Палестинѣ находится всего-на-всего 29 приходовъ съ разрушающимися церквами, съ священниками, получающими ничтожное содержаніе, когда школъ почти нѣтъ, высшихъ учебныхъ заведеній и благотворительныхъ заведеній, кромѣ одного небольшаго госпиталя, не существуетъ и настоящихъ монастырей (не гостинницъ) не наберется и полдюжины? Причина, повидимому, лежитъ не въ недостаткѣ средствъ,

а въ дурномъ управленіи ими. Принявъ въ основаніе даже сбивчивые и темные отчеты патріарха Никодима, Православное Палестинское Общество предложило патріархіи заемъ на очень льготныхъ условіяхъ, но подъ условіемъ контроля издержекъ во все время погашенія займа, при чемъ главнымъ обезпеченіемъ указывались именно доходы съ бессарабскихъ имѣній. Хозяйственная власть святогробцевъ, конечно, подвергалась тѣсному ограниченію, но для блага мѣстной церкви такое стѣсненіе было только благодѣтельнымъ. Секуляризація церковныхъ имѣній въ Россіи, при тѣсномъ и органическомъ союзѣ правительственной и духовной власти, хотя и была актомъ насильственнымъ, нарушившимъ многія древнія права, тѣмъ не менѣе вреда для русской церкви не принесла. Благоустройство церкви несомнѣнно возвысилось. Государь сталъ общимъ ктиторомъ всѣхъ русскихъ церквей, и этотъ принципъ свѣтскаго завѣдыванія церковными доходами еще недавно получилъ новое примѣненіе въ законѣ о церковныхъ старостахъ и приходскихъ собраніяхъ.

Святогробцы съ своими банкирами, однако, рѣшительно отвергли русскія предложенія. „Съ принятіемъ вашихъ условій займа—говорилъ мнѣ одинъ іерусалимскій негоціантъ, женатый на племянницѣ митрополита А.—патріархія попала бы совершенно въ ваши руки“.—Такъ какъ нѣтъ ровно ничего привлекательнаго имѣть на своихъ рукахъ запутанныя дѣла патріархіи, то, конечно, въ этомъ результатѣ займа Россія вовсе не нуждается. Наши *національные* интересы въ Палестинѣ ограничиваются благоустройствомъ русскихъ паломниковъ, но за ними стоятъ болѣе возвышенные интересы православія. Еслибы нынѣшняя Іерусалимская іерархія заботилась о православномъ населеніи, давала надлежащій отпоръ совратителямъ, пеклась о духовномъ просвѣщеніи духовенства и народа, для Русскихъ—православныхъ было бы совершенно безразлично, Греки или туземцы являются пастырями іерусалимской церкви. На бѣду греческіе владыки оказались неисправимы въ своемъ эллинскомъ упорствѣ. Политическія фантазіи до сихъ поръ считаютъ Сирію, Палестину и Египетъ греческими областями, историческимъ наслѣдствомъ македонской и византійской эпохъ. Туземцевъ, говорящихъ теперь по-арабски, прежде говорившихъ по-арамейски и по-коптски, Греки считаютъ *ренегатами*, придавая видъ религіознаго преступленія мнимому отпаденію ихъ отъ эллинизма. Для Грековъ Святая Земля, Св. Гробъ—не общеправославныя, а

греческія святыни, одно изъ основаній будущаго эллинскаго величія и превосходства надъ „варварами“—не-греками. Оттуда презрительное отношеніе къ туземцамъ и прочимъ иноплеменнымъ православнымъ. Греческій іерархъ откровенно высказывалъ одному русскому путешественнику, что было бы очень желательно, еслибы западные миссіонеры забрали всю туземную паству, оставивъ Грековъ при нынѣшнемъ владѣніи святыми мѣстами на положеніи армянской патріархіи, которая знаетъ только своихъ поклонниковъ и монаховъ. Но не одни политическіе мотивы опредѣляютъ образъ дѣйствій святогробцевъ. Большая часть этихъ іерарховъ и монаховъ смотрятъ проще, отстаивая свое привилегированное положеніе. Финансовое упорядоченіе церкви бьетъ ихъ по карману. Доходы, присвоенные ими, идутъ на родину, на устройство родственниковъ, на личныя потребности. Такимъ образомъ интересы православія сталкиваются съ политическими вожделѣніями Грековъ и личными выгодами и порождаютъ печальный антагонизмъ между Россіей и іерусалимскими Греками. Отношенія между ними явно обостряются. Какъ ни стараются нынѣшніе совѣтники патріарха Герасима привести въ порядокъ финансы патріархіи, безъ помощи Россіи іерусалимская іерархія существовать не можетъ. Открытыя злоупотребленія не могутъ не вліять на приливъ частныхъ пожертвованій непосредственно къ святогробцамъ, а вопросъ о бессарабскихъ имѣніяхъ. съ точки зрѣнія права и справедливости, долженъ рѣшиться противъ патріархіи. Съ обычнымъ долготерпѣніемъ и благодушіемъ наше правительство дозволяетъ іерусалимскимъ Грекамъ пользоваться доходами съ имѣній, имъ непринадлежащихъ, но отъ него зависитъ и болѣе рѣшительный образъ дѣйствій.

Греческіе памфлетисты, напр. авторы новѣйшаго сочиненія „Новые поборники Православія“, напираютъ на то, что Православное Палестинское Общество не можетъ принимать на себя роль представителя Россіи въ палестинскихъ дѣлахъ. Но правы ли они? Общество возникло именно вслѣдствіе необходимости упорядочить русскую помощь православію въ Святой Землѣ, и призвано къ тому верховной властью, по уставу. Въ Грековъ давно извѣрились; результатомъ эллинскаго банкротства явилось убѣжденіе въ необходимости не сорить деньгами и сочувствіями, но организовать русскую помощь. Въ то время, какъ ассоціаціи для поддержанія христіанъ въ Палестинѣ многочисленны на Западѣ,

у насъ такая одна—Палестинское Общество и рядомъ съ нимъ нѣтъ другаго аналогическаго учрежденія. Задачи его далеко не ограничиваются однимъ служеніемъ національности. Безспорно, національность въ настоящее время составляетъ важнѣйшую историческую силу. Она почти закончила свое государственное развитіе, почти достигла своего территоріальнаго обмежеванія и теперь обратила свое вниманіе на свое внутреннее укрѣпленіе и благоустройство. Но уладивъ соціально-экономическія затрудненія, національность должна превратиться изъ цѣли въ средство для достиженія высшихъ задачъ исторіи, такихъ цѣлей, кои уже переходятъ въ область общечеловѣческихъ идей, для которыхъ тѣсны рамки государства и недостаточны его органы. За человѣческимъ правомъ стоитъ Божья правда. Надъ суровыми государственными организмами поднимается одухотворенное тѣло церкви, воплощеніе религіозной идеи въ примѣненіи къ дѣйствительной жизни. Мы видимъ могущественное значеніе Православной Церкви въ исторической жизни Россіи и растущее вниманіе общества къ церковной жизни; мы видимъ, какъ, въ разладѣ съ церковью, дряхлѣетъ и расшатывается духовная жизнь и общественная организація свѣтскаго общества на Западѣ и въ то же время, уловляя будущность, авторитетъ римской церкви крѣпнетъ: религіозный и церковный элементъ несомнѣнно выдвигается изъ временнаго забвенія и становится вновь великою исторической силой. Восточный христіанскій міръ утратилъ политическое единство, но сохранилъ идею церковности, ею живетъ и въ ней ищетъ опоры исполненія. Доселѣ церковность составляетъ сокровенную живую силу, но, чтобы раскрыться и стряхнуть дремотное состояніе, каждая сила требуетъ себѣ носителя: какой же изъ православныхъ народовъ, кромѣ Россіи, въ состояніи поднять тяжелое и высокое знамя православія и нести его „честно и грозно“?

М. Соловьевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

АМЕРИКАНСКІЙ ПРЕТЕНДЕНТЪ.

Романъ Марка Твэна.

(Переводъ съ англійскаго.)

XII.

Чѣмъ больше проходило время, тѣмъ Трэси становился грустнѣе, такъ какъ всѣ усилія Барроу достать для него работу оставались безуспѣшными. Первый вопросъ, который всюду предлагали, былъ: „къ какому рабочему союзу вы принадлежите?“ Трэси былъ вынужденъ отвѣчать, что ни къ какому.

— О, тогда помѣстить васъ невозможно. Мои люди разбѣгутся, если узнаютъ, что я принялъ на работу „бродягу“, „крысу“ или какъ они тамъ называютъ.

Наконецъ Трэси напалъ на счастливую мысль:

— Дѣйствительно, самое лучшее, заявилъ онъ,—это поступить въ одну изъ рабочихъ ассоціацій.

— Да, отвѣчалъ Барроу, — еслибы это вамъ удалось, это было бы лучше всего.

— Удалось? Развѣ это такъ трудно?

— Да, иногда страшно трудно. А все-таки попытайтесь; лучше ничего не придумаете.

Трэси пытался, но неудачно. Его повсюду отвергли безусловно, посовѣтовавъ ему вернуться домой и не отнимать хлѣбъ у честныхъ людей.

Ужасное положеніе нашего героя становилось все яснѣе, и часто тяжелыя мысли, словно морозомъ, леденили его мозгъ.

Онъ говорилъ себѣ:

— Значитъ аристократія все-таки есть и здѣсь: аристократія заработка, аристократія благосостоянія. Аристократы обезпечены и работаютъ, паріямъ предоставляется стоять за рѣшеткой. Какъ, кажется, мое мѣсто среди послѣднихъ.

Трэси чувствовалъ себя до такой степени угнетеннымъ и несчастнымъ, что уже не могъ болѣе переносить грубыхъ шутокъ и забавъ молодежи наверху съ прежнимъ философскимъ спокойствіемъ. Сначала ему доставляло развлеченіе это безшабашное веселье, заслуженно вознаграждавшее тяжелый трудъ цѣлаго дня; теперь оно оскорбляло его чувство и достоинство.

Когда товарищи были въ хорошемъ расположеніи духа, они кричали, боролись, боксировали, пѣли пѣсни и прыгали, какъ молодая скотина, заканчивая обыкновенно вечеръ общимъ побоищемъ, бросая другъ другу въ головы по всѣмъ направленіямъ подушки. Иногда такая подушка попадала и въ Трэси, какъ бы вызывая его на отвѣтъ. Они называли его Джони Булль и съ большою развязностью приглашали принять участіе въ ихъ игрѣ. Сначала онъ относился къ этому добродушно, но за послѣднее время началъ давать понимать, что это ему противно; тотчасъ же оказалась перемѣна въ обращеніи съ нимъ товарищей. Говоря ихъ языкомъ, они стали къ нему „кислы“. Онъ никогда не былъ ихъ любимцемъ, но онъ имъ нравился. Теперь стало замѣчаться явное охлажденіе. Его положеніе не было нисколько лучше отъ того, что его преслѣдовали неудачи, что работы не находилось и что ни одна изъ рабочихъ ассоціацій не желала его принять. Многое онъ долженъ былъ таить про себя и все-таки приходилось выслушивать ядовитыя насмѣшки, настолько, впрочемъ, уклончивыя, что придраться было невозможно. Отъ прямыхъ оскорбленій защищала его, какъ онъ самъ замѣчалъ, одна лишь сила его мускуловъ. Молодые люди видали, какъ онъ моетъ тѣло холодною водой и затѣмъ дѣлаетъ гимнастику и могли заключить, что онъ не только обладаетъ огромною силой, но, вѣроятно, и превосходный боксёръ. Чрезвычайно непріятно ему было убѣдиться, что всякое иное уваженіе, кромѣ уваженія къ его кулаку, совершенно отсутствуетъ.

Однажды вечеромъ, входя въ свою комнату, Трэси засталъ съ дюжину молодежи среди громкаго смѣха и оживленнаго разговора. При его входѣ разговоръ сразу оборвался и наступило обидное холодное молчаніе. Онъ сказалъ: „добрый вечеръ, джентльмены“, и сѣлъ.

Ему не отвѣтили. Краска гнѣва залила его лицо до самаго лба, но онъ справился съ собой и промолчалъ. Просидѣвъ нѣсколько минутъ среди непріятной тишины, Трэси всталъ и вышелъ. Едва успѣвъ переступить порогъ, онъ услыхалъ сзади себя взрывъ хохота и понялъ, что въ этомъ хохотѣ лежитъ разсчитанное оскорбленіе. Онъ вышелъ на плоскую крышу, надѣясь утишить свое волненіе и успокоиться. Онъ нашелъ тамъ одного лишь Брэди, цинковаго литейщика, молчаливо сидѣвшаго, и началъ съ нимъ разговоръ. Ихъ положенія были очень сходны по всеобщему къ нимъ недоброжелательству, неудачамъ и нуждѣ и поэтому имъ было легко найти предметъ для разговора и попытаться отыскать взаимное утѣшеніе.

Но за Трэси, видимо, наблюдали, и черезъ нѣсколько минутъ его мучители вылѣзли одинъ за другимъ на террасу, гдѣ и начали прохаживаться взадъ и впередъ, повидимому безъ опредѣленной цѣли. Скоро послышались замѣчанія, видимо направленныя противъ Трэси и литейщика. Предводителемъ всей шайки выступалъ коротко остриженный боксёръ-любитель по имени Алленъ, привыкшій держать въ страхѣ весь верхній этажъ и неоднократно выражавшій намѣреніе вступить съ Трэси въ ссору.

Отъ времени до времени слышался шепотъ, потомъ крики, свистъ и наконецъ надъ самымъ почти ухомъ собесѣдниковъ начался слѣдующій двусмысленный разговоръ.

— Сколько человѣкъ составляютъ одну пару?

— Обыкновенно двое. А то бываетъ, что и двоихъ для пары не хватаетъ: инструментовъ нѣтъ.

Общій хохотъ.

— Такъ, что̀ ты говорилъ внизу объ Англичанахъ?

— Ничего. Народъ они хорошій, только...

— Нѣтъ, ты скажи, что̀ ты говорилъ?

— Да то, что они глотать мастера...

— Лучше глотаютъ, чѣмъ другіе?

— Нѣкоторыя вещи Англичане глотаютъ лучше всѣхъ...

— А что, напримѣръ?

— Оскорбленія.

Снова взрывъ хохота.

— Съ ними ссору завести трудновато.

— Нѣтъ, это совсѣмъ не трудно...

— Какъ? Въ самомъ дѣлѣ не трудно?

— Да, не трудно, потому что совсѣмъ невозможно.

Хохотъ.

— Нашъ-то этотъ трусливъ, это вѣрно!

— Иначе нельзя, случай такой...

— Какой случай?

— А ты не знаешь, отъ кого онъ родился?

— Конечно не знаю.

— Отъ восковой фигуры.

Алленъ, ходившій какъ-разъ около Трэси и литейщика, остановился вдругъ противъ нихъ и сказалъ, обратившись къ Брэди:

— Ну, такъ какъ же теперь у тебя съ друзьями?

— Ничего.

— Много друзей?

— Сколько нужно.

— Другъ, мой милый, дорогаго стóитъ, особенно, если можетъ, напримѣръ, защитить при случаѣ. А ты мнѣ вотъ чтò скажи: какъ ты полагаешь, чтò случится, если я сдерну съ тебя твою шапку и этой шапкой дамъ тебѣ по мордѣ?

— Оставьте меня въ покоѣ, мистеръ Алленъ; вѣдь я васъ не трогаю.

— Тебя спрашиваютъ: отвѣчай, чтò случится?

— Не... не знаю.

Трэси вступился и сказалъ съ полною сдержанностью:

— Оставьте этого молодаго человѣка въ покоѣ; *я* могу вамъ сказать, чтò случится.

— Такъ? Вы можете сказать? Недурно! Джентльмены! Джони Булль скажетъ намъ, чтò случится, если я возьму шапку вотъ этого молодца и ударю его ею по рожѣ. Не угодно-ли посмотрѣть?

Алленъ сорвалъ шапку съ головы Нэта Брэди и съ размаху ударилъ его по лицу. Но не успѣлъ онъ еще спросить, чтò случится, какъ это уже случилось. Онъ растянулся во весь ростъ на цинковыхъ листахъ крыши.

Все пришло въ движеніе. Раздался громкій крикъ:

— Кругъ, кругъ! Становитесь въ кругъ! Джони поѣлъ каши и хочетъ намъ показать свое искусство!

Быстро образовался на цинковой крышѣ кругъ; жажда отдуть Аллена была у Трэси такъ велика, словно его противникъ былъ принцъ, а не работникъ. Въ глубинѣ души онъ самъ себѣ нѣсколько удивлялся, ибо хотя его идеи съ нѣкотораго времени и приняли воинственное направленіе, но онъ никакъ не ожидалъ

найти въ себѣ столько боеваго пыла противъ обыкновеннаго уличнаго забіяки.

Въ одно мгновеніе сосѣднія крыши и окна переполнились зрителями. Жильцы составили кругъ, и бой начался.

У Трэси было большое преимущество предъ Алленомъ, какъ въ силѣ, такъ и въ ловкости. Много разъ измѣрялъ Алленъ своимъ тѣломъ цинковую поверхность крыши и какъ быстро ни поднимался послѣ паденія, бывалъ тотчасъ же снова сбиваемъ съ ногъ. Кругомъ раздавались восторженные аплодисменты. Наконецъ Алленъ уже не могъ встать безъ посторонней помощи, и на этомъ закончилось единоборство, такъ какъ Трэси находилъ, что проучилъ его достаточно.

Въ весьма угнетенномъ расположеніи духа побѣжденный былъ уведенъ внизъ своими товарищами. Лицо его было покрыто черными и синими подтеками и разбито въ кровь. Жильцы тѣснились вокругъ Трэси, горячо его поздравляя и увѣряя, что онъ оказалъ большую услугу всему дому, такъ какъ, вѣроятно, послѣ полученной трепки, мистеръ Алленъ будетъ осторожнѣе въ распредѣленіи своихъ насмѣшекъ, издѣвательствъ и оскорбленій между товарищами.

Неожиданно Трэси очутился излюбленнымъ героемъ дома и притомъ въ такой степени, какъ едва ли кто до него. Но если выносить неуваженіе жильцовъ было трудно, то выносить ихъ щедро расточаемыя похвалы и привѣтствія было еще тяжелѣе. Трэси чувствовалъ своеобразное униженіе во всемъ этомъ, но не старался углубиться въ его анализъ. Онъ пытался себя убѣдить, что унизился онъ, собственно, тѣмъ, что вышелъ драться на потѣху толпы. Но это объясненіе его не удовлетворяло. Какъ-то разъ зашелъ онъ такъ далеко, что записалъ въ свою книжку:

„Мое положеніе хуже положенія блуднаго сына. Тому приходилось лишь кормить свиней, но не быть ихъ товарищемъ.“

Но, написавъ это, онъ сейчасъ же зачеркнулъ и замѣнилъ слѣдующимъ:

„Всѣ люди равны между собою. Этотъ принципъ остается для меня священнымъ. Эти работники ничуть не хуже меня.“

Въ нижнемъ этажѣ Трэси сталъ также популяренъ. Всѣ были ему благодарны за Аллена, который теперь только грозилъ, но уже никого не трогалъ.

Молодыя дѣвушки, которыхъ въ домѣ было около полдюжины, выражали Треси различныя любезности, особенно всеобщая лю-

бимица Хэтти, хозяйская дочь. Она сказала ему съ очаровательной улыбкой:

— Вы большой молодецъ...

— Очень радъ, что вы такъ обо мнѣ думаете, миссъ Хэтти.

— Можете не называть меня миссъ Хэтти, а по́просту Пуссъ.

Это было отличіе, которое иному показалось бы верхомъ блаженства. Выше этого въ домѣ уже не было. Популярность Трэси достигла крайнихъ предѣловъ.

Въ присутствіи постороннихъ нашъ герой казался очень спокойнымъ, но въ его сердцѣ гнѣздились грусть и отчаяніе. Еще немного и у него выйдутъ послѣднія деньги. Онъ уже сожалѣлъ, что взялъ такъ мало изъ найденныхъ въ бумажникѣ денегъ. Его мучила безсонница. Ужасная мучительная мысль жила въ его головѣ и сверлила мозгъ: что̀ предстояло ему дѣлать, что̀ изъ него должно было выйти?!

Вмѣстѣ съ этой мыслью проскальзывало нѣкоторое чувство, похожее на желаніе сбросить съ себя эту высокую и благородную роль добровольнаго мученика и вернуться домой, удовлетворившись однимъ своимъ графскимъ титуломъ и тою работой, которая по законамъ природы предназначена лордамъ.

Но эту послѣднюю часть своей мысли Трэси старался подавлять, насколько былъ въ силахъ; онъ отгонялъ ее отъ себя, не будучи никакъ въ состояніи помѣшать ей отъ времени до времени возвращаться. А она возвращалась неожиданно, принося каждый разъ съ собою чувство, похожее на уколъ, обжогъ или укусъ. Уже по одному особенному характеру этой боли узнавалъ онъ эту мысль сразу. Другія мысли его также были горьки, но невыносимо мучительна была только эта; онъ чувствовалъ, какъ она физически въѣдается въ его существо. Каждую ночь часовъ до двухъ или до трехъ утра ворочался онъ безъ сна въ своей постели, слушая съ отвращеніемъ густой храпъ товарищей, честнымъ трудомъ зарабатывавшихъ хлѣбъ свой. Онъ нетерпѣливо вставалъ, отправляясь искать убѣжища на крышѣ; иногда ему, дѣйствительно, удавалось заснуть на часъ или на два, но большею частію покой не приходилъ и тамъ.

Скоро Трэси потерялъ аппетитъ и замѣтилъ, какъ ослабѣваютъ его жизненныя силы. Однажды, чувствуя какъ онъ впадаетъ въ совершенное отчаяніе, Трэси формуловалъ слѣдующую мысль, при чемъ все же мимовольно покраснѣлъ за нее:

„Еслибы мой отецъ зналъ мое американское имя... въ сущности

я вѣдь обязанъ ему это сообщить. Я не имѣю никакого права мучить его этою неизвѣстностью; довольно несчастій принесъ я и безъ того нашей семьѣ.“

Трэси подумалъ съ минуту и составилъ мысленно слѣдующую подводную телеграмму:

„Мое американское имя Говардъ Трэси.“

Въ сущности вѣдь это ничего не обозначало. Отецъ могъ понять депешу, какъ ему угодно и понялъ бы, конечно, въ томъ смыслѣ, что его добрый благородный сынъ хотѣлъ доставить старику отцу счастливую минуту.

Далѣе разсуждалъ Трэси такъ:

„Но, а что, если онъ мнѣ телеграфируетъ, чтобъ я ѣхалъ домой? Я... я не могъ бы, не посмѣлъ бы этого сдѣлать! Я началъ великое дѣло и не могу трусливо обращаться въ бѣгство. Нѣтъ, нѣтъ я не поѣду домой, даже желать этого не буду.“

Послѣ небольшаго раздумья:

„Положимъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ я долженъ бы былъ вернуться домой; отецъ очень старъ и было бы страшною жестокостью отравить его послѣдніе дни. Это надо хорошенько обдумать. Въ этомъ случаѣ, разумѣется, остаться здѣсь немыслимо... Не написать ли ему нѣсколько строкъ? Не сдѣлать ли намекъ, что это возможно? Вѣдь это доставило бы ему большое наслажденіе. А вѣдь, вздумай онъ меня потребовать домой сейчасъ, онъ испортитъ все дѣло.“

Еще послѣ небольшой паузы:

„Господи! Еслибъ онъ это сдѣлалъ! Я не знаю, какъ бы я поступилъ! Домой! Какъ чудно звучитъ это слово! Неужели же это преступленіе, желать отъ времени до времени повидать свою родину?“

Онъ отправился на телеграфную станцію, помѣщавшуюся на той же улицѣ, гдѣ могъ лично убѣдиться въ такъ-называемой „Вашингтонской вѣжливости“, которая, по выраженію Барроу, состоитъ въ томъ, что съ человѣкомъ обращаются, какъ съ бродягой, пока не узнаютъ, что онъ членъ конгресса или что-нибудь въ этомъ родѣ, послѣ чего начинаютъ заискивать и подличать.

Молодой человѣкъ лѣтъ около семнадцати, дежурившій у аппарата, застегивалъ свои ботинки, поставивъ ногу на стулъ и повернувшись спиной къ окошку рѣшетки. Онъ оглянулся черезъ плечо, смѣрилъ Трэси глазами и продолжалъ застегивать баш-

макъ. Трэси написалъ депешу и долго ждалъ, пока телеграфистъ окончитъ свое занятіе, но этому, казалось, не было конца; наконецъ онъ сказалъ:

— Пожалуста, примите телеграмму!

Молодой человѣкъ опять обернулся черезъ плечо и хотя не сказалъ ни слова, но на лицѣ его было ясно видно, что онъ хочетъ сказать:

— Можете подождать.

Наконецъ онъ справился со своими ботинками, взялъ телеграмму, пробѣжалъ ее и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Трэси. Въ этомъ взглядѣ было что-то похожее на большое количество уваженія и преданности. Несмотря на то, что Трэси совершенно отвыкъ отъ этихъ вещей, онъ безошибочно узналъ ихъ сразу.

Молодой человѣкъ прочелъ адресъ вслухъ. Въ его голосѣ слышалось и на лицѣ виднѣлось большое удовольствіе.

— Лорду Росмору! Чортъ побери! Да вы его знаете что ли?

— Знаю.

— Въ самомъ дѣлѣ? И онъ васъ знаетъ?

— Ну, конечно.

— Это прелюбопытно. И что же вы полагаете, онъ вамъ отвѣтитъ?

— Навѣрно.

— Вотъ какъ! Куда же вамъ прислать отвѣтъ?

— Никуда. Я самъ явлюсь. Когда за нимъ придти?

— О, я не знаю; да лучше я вамъ пошлю, вы скажите адресъ, и я сейчасъ же, какъ только получу, доставлю вамъ на домъ.

Именно этого Трэси и не хотѣлъ. Онъ уже возбудилъ удивленіе, почти уваженіе молодаго телеграфиста и не желалъ компрометировать эти чувства, что̀ случилось бы, навѣрное, скажи онъ ему только адресъ своей несчастной квартиры. Онъ повторилъ поэтому, что придетъ за телеграммой самъ, и ушелъ.

Задумчиво возвращался Трэси домой.

„Однако, размышлялъ онъ, есть что-то необыкновенно пріятное въ людскомъ уваженіи. Уваженіе мистера Аллена и другихъ жильцовъ я пріобрѣлъ самъ; это моя личная заслуга, такъ какъ я его хорошо поколотилъ. Это уваженіе пріятно. Но то, которое я видѣлъ сегодня, основано на фальшивомъ блескѣ, на явномъ предразсудкѣ; почему же кажется оно еще пріятнѣе. Ну, какая можетъ быть заслуга въ томъ, что человѣкъ переписы-

вается съ лордомъ? А между тѣмъ, судя по лицу и манерамъ этого юноши, можно подумать, что это большая заслуга.“

А телеграмма все-таки пошла на родину, и это прибавило бодрости Трэси. Его сердце стучало живѣе, грудь дышала легче. Онъ попрежнему отгонялъ отъ себя мысль, что его несчастный опытъ будетъ скоро оконченъ и онъ вернется на родину, но мысль настойчиво лѣзла въ голову. Ожиданіе отвѣта отъ отца необыкновенно быстро подгоняло дѣло къ развязкѣ. Онъ погулялъ съ часъ, стараясь развлечь себя чѣмъ-нибудь, но ничего его не интересовало и ни на чемъ онъ не могъ остановить вниманія. Новое чувство нетерпѣнія грызло его какъ червь и скоро снова привело на телеграфъ съ вопросомъ, не получено ли отвѣта.

— Нѣтъ, еще отвѣта нѣтъ, отвѣчалъ телеграфистъ и прибавилъ, посмотрѣвъ на часы:—да я думаю, что онъ сегодня и не придетъ.

— Почему же?

— А потому, видите ли, что сегодня ужь поздно. Трудно сказать, что̀ дѣлаетъ въ эту минуту человѣкъ, находящійся на другой сторонѣ океана. Не всегда же угадаешь минуту, когда онъ сидитъ дома. Теперь у насъ шесть часовъ, а тамъ уже поздній вечеръ.

— Это вѣрно, сказалъ Трэси.—Объ этомъ я не подумалъ.

— Да, тамъ поздно, половина одиннадцатаго или одиннадцать. Сегодня-то ужь вы отвѣта никакъ не получите.

XIII.

Трэси пошелъ домой ужинать. Ароматы кухни обдали его рѣзче и отвратительнѣе, чѣмъ когда-либо, но онъ былъ счастливъ при мысли, что скоро ото всего этого освободится.

Ужинъ окончился. Трэси никакъ не могъ припомнить, ѣлъ ли онъ что-нибудь, и что̀ именно подавали. Изъ разговоровъ за столомъ онъ не слыхалъ ровно ни одного слова. Его сердце сильно билось все время, и его мысли были очень далеко отъ печальной дѣйствительности. Въ его воображеніи рисовались одна за другой роскошныя комнаты отцовскаго за̀мка. Даже разодѣтый и напудренный лакей, этотъ движущійся символъ поразительнаго неравенства, уже не производилъ на Трэси непріятнаго впечатлѣнія.

Послѣ ужина сказалъ Барроу:

— Пойдемте со мною, мы отлично проведемъ вечеръ.

— Съ удовольствіемъ; куда же?

— Въ нашъ клубъ.

— Это что̀ за клубъ?

— Рабочій клубъ.

Трэси слегка вздрогнулъ. Онъ не сказалъ, что уже былъ на одномъ изъ засѣданій. Воспоминаніе объ этомъ было ему до извѣстной степени непріятно. Чувства, которыя доставили ему въ первое посѣщеніе столько удовольствія и вызвали въ немъ такое горячее одушевленіе, теперь совсѣмъ измѣнились, какъ бы полиняли, и это второе посѣщеніе уже не обѣщало никакого удовольствія. Ему даже было стыдно немного этихъ своихъ первыхъ ощущеній, и онъ съ удовольствіемъ отказался бы отъ этого путешествія, ибо предчувствовалъ, что насколько взгляды этихъ людей привели его въ восхищеніе тогда, настолько же будутъ непріятны ему теперь, при его протрезвившемся строѣ мыслей. Онъ какъ бы боялся въ этихъ рѣчахъ и мнѣніяхъ услышать прямой упрекъ послѣдовавшей въ немъ перемѣнѣ. Но у него не хватило духа отказаться отъ предложенія Барроу, такъ какъ Трэси не хотѣлъ показать, что̀ совершается въ его душѣ, и онъ рѣшился сопровождать Барроу, намѣреваясь заранѣе при первомъ же удобномъ случаѣ уйти.

Когда назначенный на этотъ вечеръ докладъ окончился, предсѣдатель заявилъ, что будетъ обсуждаться предыдущее сообщеніе „объ американской печати". Для Трэси это было очень тяжело, ибо сообщеніе воскрешало слишкомъ много воспоминаній. Ему было бы пріятнѣе, еслибы говорили о чемъ-нибудь другомъ, но пренія начались, и ему оставалось лишь молчать и слушать.

Одинъ изъ ораторовъ, кузнецъ по крупной ковкѣ, Томпкинсъ горячо нападалъ на монарховъ, лордовъ и князей всего міра, осуждая ихъ за холодный эгоизмъ, съ которымъ они удерживаютъ свои незаслуженные титулы и привилегіи. Ни одинъ монархъ, ни сынъ монарха, ни одинъ графъ, ни сынъ графа не можетъ, по мнѣнію оратора, спокойно, безъ краски стыда, смотрѣть въ глаза своему ближнему; онъ долженъ стыдиться потому, что его титулы, власть и прерогативы основаны на угнетеніи другихъ людей; онъ долженъ стыдиться потому, что при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ продолжая несправедливо владѣть всѣмъ этимъ, онъ не можетъ не сознавать, что

источникъ его преимуществъ кроется все же въ насиліи и ограбленіи народа.

„Будь здѣсь на собраніи какой-нибудь лордъ или сынъ лорда,—продолжалъ ораторъ,—я бы съ удовольствіемъ поспорилъ съ нимъ и попытался бы ему доказать, какъ несправедливо и эгоистично его общественное положеніе. Я бы попытался убѣдить его бросить это положеніе, стать безо всякихъ преимуществъ въ ряды со своими ближними, заработывающими свой хлѣбъ насущный и, не придавая значенія глупымъ почестямъ, соединеннымъ съ его противоестественнымъ положеніемъ, искать своей награды только въ личныхъ заслугахъ.“

Трэси казалось, что онъ слышитъ свои собственныя мысли, столько разъ высказывавшіяся въ разговорахъ съ его англійскими радикальными друзьями. Какъ будто спрятанный гдѣ-то молчаливый свидѣтель-фонографъ запечатлѣлъ эти слова на свою пластинку, переплылъ вслѣдъ за нимъ черезъ океанъ и вотъ теперь, въ минуту его пораженія и отступленія, громко ихъ повторяетъ. Каждое слово, высказанное этимъ постороннимъ человѣкомъ, ложилось раной на совѣсть Трэси, а когда ораторъ кончилъ, нашъ герой почувствовалъ, что вся его совѣсть представляетъ одну сплошную язву. Сердечное сочувствіе этого человѣка къ угнетеннымъ и закабаленнымъ милліонамъ народа въ Европѣ, осужденнымъ сносить презрѣніе стоящихъ надъ ними высшихъ классовъ, осужденнымъ сознавать, что имъ навсегда закрыты пути къ блестящимъ общественнымъ и государственнымъ вершинамъ, это сочувствіе было какъ-разъ то самое, которое громко выражалъ Трэси на родинѣ. Въ голосѣ и словахъ этого кузнеца звучало то самое глубокое чувство, которое такъ недавно жило въ сердцѣ Трэси и согрѣвало его рѣчи объ угнетенномъ и страждущемъ человѣчествѣ.

Въ глубокомъ молчаніи шелъ нашъ герой на свою квартиру. Это молчаніе было такъ естественно для Трэси. Онъ ни за что въ свѣтѣ не прервалъ бы его первый,—такъ до глубины души былъ проникнутъ онъ стыдомъ за самого себя.

„До какой степени трудно отвѣтить на все это! Возразить совершенно нечего! Да, дѣйствительно низко, эгоистично, недостойно удерживать всѣ эти почести и привилегіи... Правда, истинная правда, чортъ побери! Только истинный негодяй...“

— Однако, что за безсмыслицу порол этотъ Томпкинсъ!

Послѣднее восклицаніе принадлежало Барроу. Оно произвело

на угнетенную душу Трэси дѣйствіе ушата холодной воды. Это были драгоцѣнныя слова, которыхъ бѣдный молодой, колеблющійся мечтатель еще никогда не слыхалъ; они разогнали его чувство стыда и оказали ему самую большую услугу, вынеся ему лучшій изъ оправдательныхъ приговоровъ, — приговоръ самооправданія.

— Не зайдете ли вы въ мою комнату выкурить трубочку?

Трэси ожидалъ этого приглашенія и раньше думалъ отъ него отказаться, но теперь принялъ его съ удовольствіемъ. Можно ли было найти что-либо основательное и разумное въ возраженіе простымъ и наивнымъ рѣчамъ этого кузнеца? Трэси сгоралъ отъ нетерпѣнія послушать Барроу на эту тему, рѣшивъ заранѣе только давать ему нужныя реплики и заставить его высказаться. Для этого достаточно, какъ извѣстно, дѣлать легкія нападенія съ противоположной собесѣднику точки зрѣнія. Въ большинствѣ случаевъ обыкновенно это всегда удается.

— Такъ что̀ же вы имѣете противъ рѣчи Томпкинса?

— Да то, что онъ упускаетъ изъ виду одно изъ важнѣйшихъ свойствъ человѣческой природы: нельзя отъ другихъ требовать того, чего самъ сдѣлать не въ состояніи.

— То-есть вы полагаете?..

— А вотъ я сейчасъ вамъ это объясню. Штука очень простая. Томпкинсъ кузнецъ, у него семейство, работаетъ онъ за плату и работаетъ усердно, потому что на пустыхъ прогулкахъ хлѣба не выработаешь. Теперь вообразите себѣ, что вслѣдствіе чьей-нибудь смерти въ Англіи онъ становится неожиданно лордомъ, съ полумилліономъ, примѣрно, долларовъ годоваго дохода. Какъ вы полагаете, что̀ онъ сдѣлаетъ?

— Я думаю, онъ откажется?

— Э, полноте! Приметъ, сейчасъ же приметъ!

— Неужели вы думаете, что онъ это сдѣлаетъ?

— Не думаю, а навѣрно знаю!

— Но почему же?

— А потому, что онъ не дуракъ.

— Такъ, по вашему, еслибъ онъ былъ дуракъ. .

— Нѣтъ не то... Дуракъ или не дуракъ, а все-таки приметъ наслѣдство въ ту же минуту. Каждый человѣкъ на земномъ шарѣ сдѣлаетъ это безъ малѣйшаго исключенія. Я знаю людей, которые давно уже лежатъ подъ землей. Случись такая штука, да они изъ мертвыхъ воскреснутъ и побѣгутъ утверждаться въ

правахъ наслѣдства. Вотъ, напримѣръ, я ужь навѣрно бы не отказался!

Эти слова словно бальзамъ вливались въ душу Трэси, внося отраду, миръ, успокоеніе.

— А я думалъ, что вы противъ дворянства...

— Разумѣется, противъ. Мнѣ эти наслѣдственныя права противны. Но вѣдь это ничего не значитъ. Я точно также терпѣть не могу милліонеровъ, но было бы рискованно предложить мнѣ что-нибудь подобное.

— Вы бы приняли?

— Я бы даже ушелъ съ похоронъ моего самаго лучшаго врага, лишь бы поскорѣе возложить на себя подобное бремя и отвѣтственность.

Трэси подумалъ съ минуту и сказалъ:

— Не знаю, хорошо ли я васъ понимаю. Вы называете себя противникомъ дворянства и въ то же время случись вамъ...

— Я бы его принялъ? Въ ту же минуту! Нѣтъ ни одного работника во всемъ нашемъ клубѣ, который бы отказался. Не найдется ни адвоката, ни доктора, ни книгопродавца, ни писателя, ни слесаря, ни желѣзнодорожнаго директора, наконецъ, словомъ, ни одного человѣческаго существа въ Соединенныхъ Штатахъ, которое бы задумалось надъ этимъ хоть одну минуту.

— Исключая меня; сказалъ Трэси спокойно.

— Исключая васъ?!

Барроу едва могъ выговорить это отъ охватившаго его гнѣва. Казалось, эти два слова были способны вывести его совершенно изъ себя. Онъ всталъ и такъ посмотрѣлъ на Трэси, какъ будто тотъ его смертельно оскорбилъ.

— Исключая *васъ!*

Барроу прошелъ нѣсколько разъ впередъ и назадъ мимо Трэси, словно мѣряя его какимъ-то внутреннимъ аршиномъ и повторяя, почти задыхаясь, все тѣ же два слова: „исключая васъ!“ Затѣмъ онъ опустился на стулъ и произнесъ съ миной человѣка, не могущаго никакъ помириться съ чѣмъ-либо:

— Скажите пожалуста! Онъ напрягаетъ всѣ свои силы и безнадежно ломаетъ голову, чтобы достать себѣ какую ни на есть послѣднюю работу, которую не станетъ охотно дѣлать хорошая собака, и вдругъ онъ начинаетъ увѣрять меня, что еслибъ ему предложили графскую корону, онъ бы ее не принялъ! Трэси,

голубчикъ, не мучьте меня ничѣмъ подобнымъ, право же я этого не вынесу...

— Я вовсе не хотѣлъ васъ мучить, Барроу. Я хотѣлъ сказать вамъ совершенно серьезно, что еслибы когда-нибудь на мою долю выпало сдѣлаться графомъ...

— Ну ладно, оставимъ это! Безпокоиться все равно не о чемъ. А я вамъ все-таки въ точности скажу, какъ бы вы въ этомъ случаѣ поступили. Скажите, развѣ вы не такой же человѣкъ, какъ и я?

— О нѣтъ...

— Или вы лучше меня?

— Гм! Конечно, нѣтъ...

— Можете вы утверждать, что вамъ цѣна такая же, какъ и мнѣ?

— Знаете... вы задали такой неожиданный вопросъ...

— Неожиданный? Что-жь тутъ неожиданнаго? Вопросъ совсѣмъ не трудный и сомнѣній никакихъ, по моему, быть не можетъ. Мѣряйте однимъ, единственно вѣрнымъ масштабомъ,—заслугами человѣка; вотъ что̀ я вамъ скажу: я, мой милый, простой заплетальщикъ стульевъ, вырабатываю свои двадцать долларовъ въ недѣлю. Общеніе съ людьми и ихъ изученіе дали мнѣ доброе и настоящее развитіе; вынесъ я всякія заботы и невзгоды, видалъ успѣхъ и неудачи. Бросала меня судьба вверхъ и внизъ, и всегда я умѣлъ стать на ноги... А вы, что̀ изъ себя изображаете? Молодой малый, ничего полезнаго дѣлать не умѣющій... Заработать на свое содержаніе и пропитаніе ничего не въ состояніи. О жизненномъ опытѣ и серьезности жизни никакого представленія... Образованіе книжное, искусственное и совершенно безполезное и пустое... Жизненнаго воспитанія никакого! Смѣю полагать, что если насъ съ вами сравнить, то мнѣ цѣна повыше нѣсколько будетъ, чѣмъ вамъ!.. Такъ вотъ я и говорю: если *я* не отказался бы отъ графскаго титула, то, чортъ возьми, по какому праву *вы* бы это сдѣлали?!

Трэси постарался скрыть ту горячую благодарность, которую вызвало въ его душѣ страстная и столь повидимому обидная для него рѣчь Барроу. У него шевельнулась новая мысль, и онъ сказалъ быстро:

— Видите ли, я никакъ не могу согласить ваши взгляды и ваши принципы, если это вообще можно назвать принципами. По-моему, вы не послѣдовательны. Вы—противникъ дворянства и вмѣстѣ съ тѣмъ приняли бы, еслибы вамъ предложили, граф-

скій титулъ. Изъ этого слѣдуетъ, что вы не можете же осуждать лорда, если онъ удерживаетъ свое право и привилегіи.

— Конечно нѣтъ.

— Значитъ вы не будете осуждать ни Томпкинса, ни себя, ни меня и вообще никого, кто бы принялъ предложенный ему титулъ?

— И въ голову даже не придетъ осуждать.

— Такъ тогда что̀ же вы собственно осуждаете?

— Осуждаю всю націю, весь народъ въ той или другой странѣ, который сноситъ добровольно такое оскорбленіе, униженіе, такой стыдъ, какъ потомственное дворянство, и не можетъ создать себѣ условія полнѣйшей свободы и равноправности.

— Ваши послѣднія слова, по-моему, не уясняютъ, а только затемняютъ дѣло...

— Какъ такъ? Да неужели же вамъ не ясно, что я хочу сказать? Еслибъ я могъ уничтожить аристократическое устройство въ странѣ тѣмъ, что отказался бы отъ предложеннаго мнѣ титула, то я былъ бы подлецъ, еслибъ я его принялъ. И еслибы ко мнѣ присоединилось достаточное число людей, чтобъ осуществить эту перемѣну системы, то я былъ бы подлецъ, еслибъ отказался идти съ ними вмѣстѣ.

— Теперь, кажется, я васъ понялъ, воскликнулъ Трэси. — Вы не осуждаете тѣхъ немногихъ счастливцевъ, которые по совершенно естественному свойству человѣческой природы не рѣшаются разстаться съ насиженными и родными гнѣздами; вы презираете лишь то темное глупое большинство, которое эти гнѣзда поддерживаетъ?

— Такъ, такъ, совершенно справедливо! Я вижу, что вы способны понять иногда и простыя вещи, если хорошенько пошевелите мозгами...

— Очень вамъ благодаренъ.

— Не за что̀. И дамъ я вамъ еще умный совѣтъ: когда вы вернетесь домой и найдете, что вашъ народъ подготовленъ и желаетъ стряхнуть съ себя старый позоръ,—присоединяйтесь къ нему и идите съ нимъ вмѣстѣ; но если этого нѣтъ, а вамъ предстоитъ графская корона, не будьте глупцомъ, не отказывайтесь!

— Честное слово, я такъ и поступлю! отвѣчалъ Трэси серьезно и горячо.

Барроу расхохотался.

— Ей-Богу, въ первый разъ вижу подобный экземпляръ какъ вы. Надо думать, что у васъ большая фантазія? Заберется въ голову человѣку какой-нибудь туманъ, а онъ уже готовъ думать, что это дѣйствительность. Вы такъ это хорошо сказали, что точно вамъ только-что предстояла графская корона...

Трэси покраснѣлъ.

— Да, если вамъ ее предложатъ, берите, берите! Но пока надо поискать какой-нибудь работы поскромнѣе, и еслибы случайно удалось вамъ пристроиться надзирателемъ надъ набиваньемъ колбасъ, то мѣняйте ваше графство на прошлогодній календарь и держитесь за колбасу обѣими руками.

XIV.

Въ этотъ вечеръ Трэси легъ въ постель въ счастливомъ состояніи духа, такъ какъ его душевный покой сполна возвратился. Онъ пошелъ на большой рискъ,—это дѣлало ему честь; онъ стойко держался въ борьбѣ и не щадилъ своихъ силъ среди страшныхъ препятствій и затрудненій, — это также дѣлало ему честь; онъ былъ побѣжденъ, въ этомъ не было ничего позорнаго. Какъ побѣжденный въ честномъ бою, имѣлъ онъ право на почетное отступленіе и могъ безъ всякаго предубѣжденія, съ чистою совѣстью вернуться къ тому положенію въ свѣтѣ, для котораго онъ родился. Да и почему бы ему этого не сдѣлать? Даже строгій республиканецъ, заплетальщикъ стульевъ, вполнѣ одобрялъ подобный образъ дѣйствій.

Совѣсть Трэси была снова спокойна. Онъ проснулся свѣжій, счастливый, въ напряженномъ ожиданіи своей подводной телеграммы. Онъ родился аристократомъ, былъ нѣкоторое время демократомъ и теперь снова аристократъ. Не безъ изумленія открылъ онъ, что эта послѣдняя перемѣна совершилась не только въ одной духовной области, но охватываетъ всю сумму его ощущеній. Удивился онъ также и тому, что это новое чувство было гораздо менѣе искуственно, чѣмъ тѣ, съ которыми онъ носился столь долгое время. Еслибъ онъ могъ изслѣдовать себя еще внимательнѣе, онъ нашелъ бы, что даже его осанка стала величественнѣе, а подбородокъ поднялся на полдюйма выше.

Спустившись внизъ съ намѣреніемъ войти въ столовую, онъ увидалъ въ темномъ углу корридора старика Марша, манившаго

его къ себѣ пальцемъ. Кровь медленно поднялась къ щекамъ Трэси, и онъ сказалъ съ достоинствомъ почти герцога:

— Вы—меня?

— Да.

— Что̀ это значитъ?

— Я бы сказалъ вамъ два слова по секрету.

— У меня нѣтъ никакихъ секретовъ.

Маршъ былъ непріятно удивленъ; онъ подошелъ ближе и сказалъ:

— Ну, если вамъ угодно, то и при всѣхъ; ужь вы меня извините, сами заставляете.

Подошли жильцы, внимательно прислушиваясь.

— Говорите, сказалъ Трэси,—что вамъ отъ меня угодно?

— А что вы... гм!.. вы ничего не позабыли?

— Я? Не припомню...

— Такъ, въ самомъ дѣлѣ не припомните, а вы подождите минутку и подумайте.

— Я ни ждать, ни думать не хочу, это меня нисколько не интересуетъ. Если вамъ это важно, можете сказать сами.

— Ну, такъ вотъ что, сказалъ Маршъ, гнѣвно возвышая голосъ, — вы позабыли вчера заплатить за квартиру. Говорю это публично, какъ вы сами того желали.

Да, этотъ наслѣдникъ полумилліоннаго годоваго дохода, замечтавшись, въ разсѣянности, позабылъ о несчастныхъ трехъ или четырехъ долларахъ. Въ наказаніе долженъ онъ былъ выслушать грубость, сказанную ему въ лицо, въ присутствіи этихъ людей, на лицахъ коихъ уже мелькала злобная радость надъ его затрудненіемъ.

— Это все? Такъ вотъ ваши деньги и можете успокоиться.

Трэси съ гнѣвною рѣшимостью опустилъ руку въ карманъ и не могъ вынуть. Его губы побѣлѣли. На лицахъ окружающихъ показались возраставшіе интересъ и удовольствіе. Наступило минутное молчаніе, послѣ котораго Трэси съ усиліемъ проговорилъ:

— Меня обокрали.

Глаза стараго Марша блеснули огнемъ, и онъ воскликнулъ:

— Обокрали, что̀? Должно-быть вѣтеръ свищетъ тамъ въ дырѣ? Нѣтъ, мой милый, это старая пѣсня, которую у меня въ домѣ частенько пѣвали, особенно тѣ, кто не могъ найти работы или не хотѣлъ работать. Хоть бы кто-нибудь позвалъ мистера

Аллена, онъ бы намъ тоже это пропѣлъ. Онъ тоже вчера позабылъ заплатить. Я его ожидаю съ нетерпѣніемъ.

Одна изъ Негритянокъ быстро сбѣжала по лѣстницѣ, отъ волненія и ужаса поблѣднѣвшая до цвѣта свѣтло-гнѣдой лошади.

— Миста Маршъ, миста Алленъ удралъ!

— Что̀ такое?

— Да, господинъ, онъ ушелъ и забралъ съ собой мыло и оба полотенца.

— Ты врешь, старуха!

— Вѣрно, вѣрно, миста; кромѣ того забралъ носки миста Соммерса и рубашку миста Нейлорса.

Мистеръ Маршъ былъ въ бѣшенствѣ. Онъ обратился снова къ Трэси:

— Отвѣчайте мнѣ, когда вы думаете заплатить?

— Сегодня же, если это вамъ такъ спѣшно.

— Какъ сегодня! Сегодня воскресенье, а вы все время были безъ работы. Это мнѣ нравится! Откуда же вы возьмете деньги?

Раздраженіе Трэси росло.

— Я жду депеши изъ дому.

На этотъ разъ Маршъ былъ окончательно изумленъ. Все это казалось настолько невѣроятнымъ, что онъ не въ силахъ былъ собраться съ духомъ. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ обратился къ окружающимъ съ ѣдкою ироніей:

— Это онъ, лэди и джентльмены, изволите видѣть, ожидаетъ подводной депеши! Этотъ бродяга, этотъ мошенникъ. Отъ своего отца, вѣроятно? Да, разумѣется! Депеша—долларъ или два за слово, это вѣдь пустяки! Подобные господа, какъ отецъ вотъ этого молодца, въ расходахъ не стѣсняются. Отецъ его, я думаю... А кто, чортъ возьми, можетъ-быть его отецъ?..

— Мой отецъ—англійскій лордъ.

Вся собравшаяся толпа отскочила въ изумленіи, вызванномъ этою наглою выходкой, затѣмъ раздался такой взрывъ хохота, что задрожали стекла. Трэси былъ настолько возбужденъ, что даже не замѣтилъ всего колоссальнаго размѣра сдѣланной глупости.

— Позвольте мнѣ пройти, я...

— Подождите одну минуту, благородный лордъ, сказалъ Маршъ, куда ваша свѣтлость желаете идти?

— На телеграфъ; оставьте меня.

— Нѣтъ, ужь извините, милордъ; вы останетесь здѣсь.

— Что̀ это значитъ?

— А то это значитъ, что я не со вчерашняго дня держу квартиру; то это значитъ, что я не позволю себя обманывать всякому извощичьему сыну, который вздумаетъ сюда пріѣхать, такъ какъ дома жрать нечего; то это значитъ, что вы отъ меня не уйдете такимъ подлымъ...

Трэси ступилъ шагъ впередъ по направленію къ хозяину, но мистрисъ Маршъ бросилась между ними.

— Оставьте его, мистеръ Трэси, прошу васъ, воскликнула она и прибавила, обратившись къ своему мужу:

— А ты подержалъ бы свой языкъ за зубами. Что онъ тебѣ сдѣлалъ, что ты такъ съ нимъ обращаешься? Не видишь развѣ, что онъ одурѣлъ со страха и отчаянія? Развѣ съ нимъ можно разсуждать?..

— Очень вамъ благодаренъ за вашу доброту, мистрисъ Маршъ, но я совсѣмъ не одурѣлъ, и еслибъ я могъ сходить на телеграфъ...

— Нѣтъ, вы не пойдете! крикнулъ Маршъ.

— ...или послать кого-нибудь...

— Послать, да ужь это лучше... если только найдется такой дуракъ, который пойдетъ на смѣхъ всѣмъ.

— А вотъ идетъ мистеръ Барроу, онъ для меня сходитъ. Барроу...

Его прервалъ бѣглый огонь восклицаній:

— Знаете, Барроу, онъ ждетъ подводной телеграммы отъ своего отца!

— Отъ восковой фигуры!

— А вы и не знали, Барроу, что это графъ? Снимайте же поскорѣе шапку.

— Да, да, только онъ такъ поспѣшно удралъ изъ дому, что позабылъ захватить свою корону, которую носитъ по воскресеньямъ; теперь вотъ телеграфировалъ своему папашѣ, чтобы онъ ему ее выслалъ.

— Идите же скорѣй, несите ему за-океанскую телеграмму. Его высочество малость охромѣлъ.

— Тише, тише! воскликнулъ Барроу.—Дайте же сказать человѣку!..

Онъ обратился къ Трэси и спросилъ строго:

— Что это вы тутъ за глупости говорили? Что̀ съ вами? Неужели нельзя быть поумнѣе?

— Я никакихъ глупостей не говорилъ; если вы сходите на телеграфъ...

— Замолчите пожалуста! Вы знаете, что я вашъ другъ въ счастьи и въ несчастьи, въ глаза и за глаза, но помогать вамъ готовъ только въ умныхъ вещахъ, а вы, очевидно, бредите, и эта ваша исторія съ подводною депешей...

— Я пойду и вамъ принесу!

— Спасибо вамъ отъ всего сердца, Брэди. Подождите, я вамъ напишу записку. Сходите и принесете депешу. Вотъ вы увидите...

Брэди побѣжалъ. Мгновенно въ толпѣ наступила тишина,—признакъ овладѣвшихъ всѣми сомнѣній. Эту тишину можно было бы выразить такъ:

„А можетъ-быть онъ и вправду ждетъ подводной депеши; можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ у него есть отецъ? Въ концѣ-концовъ мы все-таки сдѣлали не совсѣмъ ладно и черезчуръ поторопились.“

Смолкли не только громкіе разговоры, но даже шепотъ. Толпа разбилась на группы, и жильцы по двое и по трое прошли въ столовую. Барроу хотѣлъ было провести и Трэси, но тотъ отвѣтилъ:

— Подождите, Барроу, послѣ...

Мистрисъ Маршъ и Хэтти пробовали достигнуть того же дружескимъ ласковымъ приглашеніемъ, но Трэси отвѣчалъ:

— Я подожду пока онъ вернется.

Даже старикъ Маршъ, чувствовавшій въ глубинѣ души, что поступилъ слишкомъ грубо, пошелъ было къ нему съ приглашеніемъ во взглядѣ, но Трэси рѣшительно махнулъ рукой въ смыслѣ отказа.

На четверть часа наступила такая тишина, которой навѣрно еще не видала квартира съ самаго ея основанія. Молчаніе было такъ глубоко и торжественно, что когда кто-нибудь неловко опускалъ чашку съ чаемъ на блюдечко и раздавался звукъ, всѣ пугались, а самый звукъ казался чрезвычайно несвоевременнымъ и неприличнымъ, словно въ комнатѣ ожидали гробъ съ покойникомъ.

Наконецъ на лѣстницѣ послышались шаги Брэди, и всѣ съ облегченіемъ вздохнули. Жильцы встали изъ-за стола и смотрѣли на дверь, около которой стоялъ Трэси, затѣмъ мало-по-малу одинъ за другимъ подошли къ нему и стали вокругъ, какъ на парадѣ.

Брэди прибѣжалъ запыхавшись и дѣйствительно сунулъ въ руку Трэси... конвертъ. Тотъ обвелъ толпу торжествующимъ взглядомъ, передъ которымъ всѣ опустили глаза. Затѣмъ онъ разорвалъ конвертъ и прочелъ депешу. Желтая бумажка выпала изъ его руки, на лицѣ показалась смертельная блѣдность. Депеша состояла всего изъ одного слова:

„Благодарю".

Домашній шутникъ, длинный костлявый Билли Нэшъ, работавшій на верфяхъ, стоялъ въ заднихъ рядахъ. Среди всеобщаго молчанія и тихаго сочувствія, возбужденнаго во многихъ сердцахъ, онъ вынулъ носовой платокъ, прижалъ его къ глазамъ, положилъ подбородокъ на плечо самаго застѣнчиваго изъ всѣхъ жильцовъ, кузнеца, тоже съ верфи, и тоненькимъ голоскомъ пропищалъ:

— Ахъ, папочка, папочка, что̀ ты надѣлалъ!

Затѣмъ онъ зарыдалъ, подражая маленькому ребенку. Несмотря на то, что съ его голосомъ можно было гораздо удачнѣе изобразить ревъ дикаго осла въ пустынѣ, его ребяческій плачъ былъ настолько правдоподобенъ, а лицо настолько комически-плачевно, что вся царившая до сихъ поръ серьезность разлетѣлась какъ дымъ по вѣтру и всѣ присутствующіе разразились громкимъ хохотомъ. Грубые люди мстили этимъ за свою невольную трусость и смущеніе, выразившіяся при смѣломъ заявленіи Трэси. Они начали дразнить и вызывать несчастную жертву, внося въ эту травлю все большее разнообразіе. Но эта забава скоро измѣнила свой характеръ, такъ какъ Трэси перемѣнилъ тактику и началъ отвѣчать каждому по одиночкѣ.

Маршъ готовъ былъ уже снова наброситься на Трэси, но Барроу сказалъ:

— Довольно, оставьте его въ покоѣ. Я за него съ вами разочтусь, и вамъ съ нимъ разговаривать не о чемъ...

Грустная и перепуганная хозяйка бросила на Барроу благодарный взглядъ за столь рыцарское поведеніе относительно беззащитнаго иностранца, а любимица дома, прелестная въ своемъ простенькомъ, но кокетливомъ воскресномъ нарядѣ, послала ему воздушный поцѣлуй и сказала съ обворожительною улыбкой:

— Вы здѣсь единственный милый и порядочный человѣкъ. Какой вы добрый и благородный и какъ я васъ съ этихъ поръ буду уважать!

— Постыдись, Пуссъ, можно ли такъ говорить, ты настоящій ребенокъ!

Нужно было много краснорѣчія, чтобы помирить Трэси съ самой мыслью о завтракѣ. Онъ объявилъ было наотрѣзъ, что не возьметъ въ ротъ ни куска въ этомъ проклятомъ домѣ; онъ надѣется, что у него достанетъ характера лучше мужественно проголодать, чѣмъ глотать хлѣбъ вмѣстѣ съ оскорбленіемъ.

Однако, онъ все-таки позавтракалъ, а затѣмъ Барроу отвелъ его въ свою комнату, подалъ ему трубку и сказалъ весело:

— Ну-съ, молодой человѣкъ, можете свертывать ваши знамена, вы не во вражескомъ лагерѣ. Я понимаю, что заботы и безработица васъ немножечко подвинтили. Это совершенно естественно. Но вы эти мысли выбросьте изъ головы, а то знаете того и гляди начнете заговариваться. Сокрушаться такъ нездорово и опасно. Попробуемте-ка развеселиться малость..

— О, я несчастный!

— Да не говорите вы, пожалуста, такъ! Ну, что за пустяки! Будетъ тосковать, тоской горю не поможешь.

— Легко вамъ говорить, Барроу! Какъ тутъ развеселишься, когда со мною случилось такое страшное несчастіе, къ которому, притомъ, я былъ совершенно не подготовленъ. Да тутъ повѣситься можно.

— Ужь и повѣситься! Вашъ корабль еще не тонетъ, а вы уже хотите его бросать Но я берусь васъ развеселить. Я еще предъ завтракомъ послалъ Брэди принести для васъ одну штуку...

— Послали? Это что̀ же такое?

— Эге! вы любопытствуете? Чудесный признакъ! Значитъ надежды терять не будемъ.

XV.

Брэди вернулся съ небольшимъ ящикомъ и сейчасъ же ушелъ со словами:

— Еще одну, они какъ разъ кончаютъ. Какъ кончатъ, сами придутъ.

Барроу вынулъ изъ ящика масляную картину безъ рамы, величиной, примѣрно, въ одинъ квадратный футъ, поставилъ ее, ни слова не говоря, противъ свѣта и опустилъ руку за другою,

бросивъ на Трэси украдкой испытующій взглядъ. Трэси былъ мрачно неподвиженъ, и ни малѣйшаго интереса не замѣчалось на его лицѣ.

Барроу поставилъ вторую картину рядомъ съ первой и снова поглядѣлъ на Трэси. По лицу молодаго человѣка скользнула мягкая тѣнь. Нумеръ третій вызвалъ нѣкоторое подобіе улыбки, нумеръ четвертый разогналъ вполнѣ равнодушіе, при нумерѣ пятомъ Трэси широко улыбнулся, а къ четырнадцатому нумеру было уже готово настоящее изданіе хорошаго здороваго смѣха.

— О, дѣло идетъ отлично! сказалъ Барроу. —Вы видите, что мы съ вами способны еще доставлять себѣ удовольствіе.

Картины были ужасны по своимъ краскамъ и отвратительны по рисунку и выполненію; но въ нихъ была одна черта, которая уничтожала всякое чувство досады и создавала для цѣлой коллекціи необыкновенный комизмъ, котораго въ отдѣльности не возбуждала ни одна картина. Ярко разодѣтый въ праздничное платье работникъ былъ изображенъ на морскомъ берегу, опершись рукой на пушку; на морѣ въ небольшомъ отдаленіи былъ изображенъ стоящій на якорѣ корабль.

Въ отдѣльности это казалось только страннымъ; но когда та же самая пушка и этотъ же самый корабль повторялись четырнадцать разъ къ ряду, при чемъ мѣнялись лишь лица нарисованныхъ рабочихъ, впечатлѣніе получалось пресмѣшное.

— Объясните, ради Бога, что̀ все это значитъ? спросилъ наконецъ Трэси.

— А вотъ видите ли: это произведеніе не одного таланта. Чтобы создать нѣчто столь удивительное, нужно два генія; они и работаютъ въ компаніи. Одинъ художникъ рисуетъ фигуры, другой обстановку и пейзажъ. Рисовальщикъ фигуръ Нѣмецъ-сапожникъ, живописецъ необыкновенно страстный. Товарищъ его старый янки, матросъ; онъ умѣетъ рисовать только корабль, пушку и кусокъ окаменѣлаго моря. Они малюютъ свои картины на цинковыхъ листахъ, стоящихъ по двадцати пяти центовъ; берутъ за каждую картину по шести долларовъ и изготовляютъ ихъ по двѣ штуки въ день, когда, разумѣется, есть вдохновеніе.

— Да неужели же есть люди, которые платятъ деньги за подобное безобразіе?

— Еще бы! Платятъ и охотно платятъ. Эти пачкуны могли бы очень расширить свое дѣло и привлечь клієнтами даже женщинъ и дѣтей, еслибы капитанъ Сольдмаршъ вмѣсто своей пушки

могъ бы хоть съ грѣхомъ пополамъ нарисовать лошадь, гитару или фортепьяно. Дѣло въ томъ, что его потребителямъ уже порядочно надоѣла эта пушка, даже мужчинамъ. Вотъ эти четырнадцать портретовъ подъ-рядъ были забракованы покупателями. Одинъ, напримѣръ, старый кочегаръ желалъ, чтобы вмѣсто пушки была изображена паровая машина. Другой, матросъ на буксирномъ пароходѣ желалъ видѣть на картинѣ вмѣсто корабля этотъ пароходъ. Къ несчастію, капитанъ рѣшительно не могъ смастерить сколько-нибудь похожаго буксирнаго парохода, а насчетъ паровой машины не смѣлъ даже и подумать.

— Вотъ совершенно необыкновенный способъ мошенничества. Я никогда не слыхалъ ничего подобнаго; но это очень интересно.

— И вотъ же, подите: художники! А, впрочемъ, оба честнѣйшіе и добрѣйшіе люди. Старый морякъ, напримѣръ, замѣчательно набоженъ, читаетъ и перевираетъ библію какъ рѣдко кто. У него хорошее вѣрное сердце, у старика Сольдмарша, хотя и ругается онъ иногда необыкновенными словами.

— Это, кажется, въ самомъ дѣлѣ замѣчательный человѣкъ; я бы съ нимъ съ удовольствіемъ познакомился, Барроу.

— Что̀ же, это сто̀итъ! Да вотъ и они, кажется я слышу шаги. Мы ихъ поразспросимъ объ ихъ художествѣ, если хотите.

Художники вошли. Послѣдовали сердечныя рукопожатія. Нѣмецъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ брюшкомъ, блестящею лысиной, добродушнымъ лицомъ и вѣжливыми манерами. Капитану Сольдмаршу было лѣтъ шестьдесятъ; онъ былъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, съ черными волосами и бородой и загорѣлымъ лицомъ; его походка и манеры обличали самоувѣренность, рѣшительность и привычку распоряжаться. Его мозолистыя руки были покрыты красками, словно татуированы; когда онъ раскрывалъ ротъ, виднѣлся рядъ бѣлыхъ, безупречныхъ зубовъ, а его глубокій ровный басъ звучалъ, какъ церковный органъ, и могъ заставить дрожать пламя газоваго рожка на пятьдесятъ метровъ разстоянія.

— Чудесная картинка, сказалъ Барроу,—мы только что ихъ разсматривали.

— Очень радъ, очень радъ, что онѣ вамъ понравились, сказалъ Гандль, Нѣмецъ, обрадованный —А вамъ, мистеръ Трэси, онѣ тоже понравились?

— Могу сказать по совѣсти, что ничего подобнаго я въ жизни не видалъ.

— Вотъ какъ, воскликнулъ счастливый Нѣмецъ. — Вы слышите, капитанъ? Вотъ господинъ, который одобряетъ наше искусство.

Капитанъ былъ тоже въ восторгѣ и сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ благодаримъ васъ за комплименты, которые теперь не такъ рѣдки, какъ тогда, когда мы еще не умѣли прославиться.

— Прославиться—это въ большинствѣ случаевъ самая трудная часть работы, капитанъ.

— Совершенно вѣрно. Недостаточно понимать, какъ взять парусъ на рифъ, нужно убѣдить матросовъ, что понимаешь. Также точно и прославиться. Хорошее слово, сказанное вóвремя, дороже всего. А съ тѣмъ, кто думаетъ дурно, случится съ самимъ дурное, какъ говоритъ пророкъ Исаія.

— Вѣрно, вѣрно, сказалъ Трэси,—а гдѣ вы изучали живопись, капитанъ?

— Нигдѣ; это у меня отъ природы.

— Онъ такъ и родился съ этою пушкой; ему учиться не нужно; онъ талантомъ возьметъ. Довольно ему ночью проснуться и взять кисть, чтобы вышла пушка. Еслибъ онъ могъ нарисовать фортепьяно, гитару или повозку, это было бы цѣлое богатство, клянусь Святымъ Іоанномъ, это бы было большое счастіе!

— Да, ужасно жаль, что ваше дѣло такъ непріятно задерживается и ограничивается.

Капитанъ и самъ былъ нѣсколько золъ.

— Да, вы это высказали, мистеръ Трэси! Задерживается... и ограничивается, — именно такъ. Вотъ, напримѣръ, на картинкѣ нумеръ одиннадцатый, извозчикъ... отличный извозчикъ, могу сказать; ему желательно, чтобы тамъ, гдѣ пушка, стояла его пролетка. Я обхожу это затрудненіе, стараясь его увѣрить, что пушка представляетъ нѣкоторымъ образомъ наше торговое клеймо и еслибы мы ее уничтожили, то, пожалуй, люди станутъ сомнѣваться, дѣйствительно ли портретъ изготовленъ фирмой Сольдмаршъ-Гандля. Да вы и сами пожалуй...

— Полноте, капитанъ, вы несправедливы къ себѣ, увѣряю васъ. Кто разъ увидалъ произведеніе кисти Сольдмаршъ-Гандля, тотъ навсегда гарантированъ отъ подлога. Уничтожьте всѣ детали, оставьте только вашъ колоритъ и выраженіе,—вашу картину все же узнаютъ и будутъ ей изумляться.

— О, какъ отрадно мнѣ слышать эти слова!

— Каждый поручится вамъ, что искусство школы Сольдмаршъ-Гандля совершенно оригинально и что ни на небѣ, ни на землѣ нѣтъ ничего подобнаго.

— О, сэръ! Въ первый разъ въ жизни слышу я подобныя правдивыя слова.

— Такъ я, знаете, его отъ пролетки отговаривалъ, мистеръ Трэси, и онъ согласился, что вмѣсто нея можно, пожалуй, нарисовать траурную колесницу. Это не его колесница, положимъ, онъ только присматриваетъ за ней за особую плату. Но, къ несчастію, мнѣ также не удается траурная колесница, какъ и пролетка. Такъ вотъ у насъ и вышелъ съ этимъ дѣломъ штиль, какъ говорятъ моряки. Съ женщинами тоже у насъ не клеится: тѣ непремѣнно требуютъ жанра.

— Жанра? Это вы называете по всей вѣроятности обстановку?

— Да, ну тамъ кошку, собаку или что-нибудь въ этомъ родѣ. Это, знаете, сильно оживило бы картину. Отличныя дѣла можно бы дѣлать съ женщинами, еслибы помѣщать на переднемъ планѣ то, что имъ нравится. А за артиллерію онѣ гроша не даютъ. Это ужь моя вина, прибавилъ капитанъ со вздохомъ.—У Гандля дѣло въ отличномъ порядкѣ; это, могу сказать, художникъ изъ ряда вонъ.

— Ну, вы его не слушайте; это онъ про меня всегда такъ говоритъ, скромно, радостно отвѣчалъ Нѣмецъ.

— Да вы взгляните на его работу: четырнадцать портретовъ и между ними не найдете двухъ одинаковыхъ лицъ.

— Да, это правда. Вотъ теперь, когда вы сказали, я это замѣтилъ, а то раньше не обратилъ вниманія. Удивительно: всѣ лица разныя.

— Вотъ то-то и есть! Самое главное его достоинство это именно то, что онъ умѣетъ сдѣлать разницу. „Различи меня. Господи, отъ враговъ моихъ“, псаломъ 49. Но не въ этомъ дѣло.

— Да, безъ сомнѣнія, вашъ компаньонъ обладаетъ этимъ даромъ; но вовсе не желая относиться критически къ вашему искусству, я бы предложилъ маленькій вопросъ: не слишкомъ ли сильна здѣсь техника?

На лицѣ у капитана не отразилось вовсе ничего, такъ какъ онъ въ сущности не понялъ вопроса. Слово техника напомнило ему о политехникѣ и пиротехникѣ. Онъ соображалъ, что вопросъ Трэси относится, вѣроятно, къ пестротѣ красокъ.

— Да, сказалъ онъ съ полною самоувѣренностью, —вы совер-

шенно правы; раскрашено-то это немножко густо, но что же вы хотите: таковъ вкусъ публики. Вотъ, напримѣръ, нумеръ девятый, мясникъ Эвансъ, приходитъ онъ въ наше ателье блѣдный-преблѣдный, а требуетъ непремѣнно, чтобы на портретѣ лицо у него было совершенно красное. Это нравится мяснику больше всего. Затѣмъ, теперь я пишу этюдъ,—связку колбасъ; если мнѣ удастся съ нею справиться и повѣсить ее на пушку, могу поручиться, что мясникъ нашъ.

— Вашъ товарищъ, видимое дѣло, большой колористъ, замѣтилъ Трэси.

— Очень вамъ благодаренъ.

— Да, колористъ совершенно необычайный; у него есть удивительно смѣлые штрихи; я бы сказалъ даже, что онъ, собственно, не колористъ, а импрессіонистъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ капитанъ наивно, — вы не угадали: онъ пресвитеріанецъ.

— Теперь я понялъ, это объясняетъ все дѣло.

Скоро художники распрощались, Барроу положилъ руку на плечо Трэси и сказалъ:

— Ну-съ, мой милѣйшій, посмотрите-ка мнѣ въ глаза, да попристальнѣй! Очень хорошо, отлично! Я такъ и зналъ; мы опять въ порядкѣ, а я было думалъ, что вы немножко того... Но, ради Бога, дружище, не повторяйте подобныхъ вещей даже въ шутку. Это очень неблагоразумно, вамъ не повѣрили бы даже въ томъ случаѣ, еслибы вы дѣйствительно были сыномъ лорда. Согласитесь, что это совсѣмъ невѣроятно! И какъ только могла подобная блажь придти вамъ въ голову? Но Богъ съ вами, не будемъ объ этомъ больше говорить. Вы сами видите, что вы сдѣлали ошибку.

— Да, я сдѣлалъ большую ошибку...

— Ну что-жь дѣлать, что-жь дѣлать! Всѣ мы ошибаемся, только, главное, не слѣдуетъ терять мужества. Помните, что я всегда васъ выручу и будьте покойны.

Когда Трэси ушелъ, Барроу нѣсколько разъ прошелся взадъ и впередъ по своей комнатѣ въ серьезномъ безпокойствѣ.

„Однако онъ-таки меня въ самомъ дѣлѣ безпокоитъ. Должно-быть зашло у него слишкомъ далеко, если онъ удралъ такую штуку. Я очень хорошо знаю, до чего можетъ дойти человѣкъ, не имѣющій ни работы, ни надежды получить работу. На первыхъ порахъ онъ впадаетъ въ отчаяніе, видя, какъ его гордость

втаптывается въ грязь; затѣмъ наступаетъ нищета, заботы, того и гляди свихнешься. Надо будетъ поговорить съ жильцами, вѣдь это въ сущности народъ хорошій; если они сообразятъ, что онъ просто одурѣлъ съ горя, они будутъ съ нимъ обращаться мягче. А работу ему все-таки нужно достать. Его болѣзнь только этимъ лѣкарствомъ и вылѣчишь. Эка бѣдняга! забраться такъ далеко отъ дому и попасть въ такое положеніе!..“

XVI.

Когда Трэси остался одинъ, его хорошее расположеніе духа мгновенно исчезло и онъ снова почувствовалъ весь ужасъ своего положенія. Безъ гроша денегъ въ карманѣ остаться на попеченіи великодушнаго заплетальщика стульевъ было уже само по себѣ крайне скверно, но глупость объявить себя сыномъ лорда предъ этою насмѣшливою и маловѣрною публикой и воспоминаніе объ ужасныхъ послѣдствіяхъ этой глупости были истиннымъ терзаніемъ. Трэси рѣшился никогда болѣе не упоминать о своемъ происхожденіи при малѣйшемъ подозрѣніи одной лишь возможности недовѣрія.

Отвѣтъ отца былъ для него большимъ ударомъ, который перенести было тѣмъ тяжелѣе, что Трэси не понималъ его смысла. Думалось было ему, отецъ полагаетъ, что онъ безъ всякаго затрудненія пріискалъ себѣ работу и желаетъ предоставить ему выдержать твердый, холодный, отрезвляющій опытъ, чтобъ излѣчиться отъ всякаго радикализма. Такое толкованіе казалось ему самымъ простымъ, но оно его не удовлетворяло. Ему хотѣлось понимать депешу иначе; а именно, что вслѣдъ за ней послѣдуетъ другая въ болѣе теплыхъ выраженіяхъ, приглашающая его вернуться домой. Неужели долженъ былъ Трэси спустить флагъ и смиренно просить у отца денегъ на обратный билетъ? Нѣтъ, рѣшиться на это онъ не могъ, по крайней мѣрѣ сейчасъ, да и телеграмма придетъ, должна придти.

Цѣлую недѣлю ходилъ онъ съ одной телеграфной станціи на другую, спрашивая, нѣтъ ли депеши на имя Говарда Трэси. Ему сначала отвѣчали, что депеши нѣтъ. Затѣмъ говорили тоже самое раньше, чѣмъ онъ успѣлъ спросить. Затѣмъ только нетерпѣливо качали головой, завидѣвъ его издали. Навѣдываться дальше было уже совѣстно:

Вотъ когда началось для Трэси безнадежное отчаяніе, ибо чѣмъ болѣе Барроу хлопоталъ достать работу, тѣмъ менѣе представлялось шансовъ на успѣхъ. Наконецъ Трэси сказалъ своему покровителю:

— Слушайте меня: я хочу вамъ покаяться. Я дошелъ до такого состоянія, что не только самъ въ душѣ называю себя ничтожнымъ и безпомощнымъ человѣкомъ, полнымъ притомъ фальшивой гордости, но и вамъ открыто признаюсь въ этѣмъ. Я допускалъ васъ бѣгать и отыскивать для меня работу между тѣмъ какъ я могъ бы имѣть ее очень легко. Простите за ту гордость, которая мнѣ въ этомъ мѣшала. Теперь этой гордости больше нѣтъ, и я пришелъ къ вамъ заявить, что если эти ваши пачкуны нуждаются въ компаніонѣ, то я иду къ нимъ, хотя въ другое время я бы со стыда умеръ...

— Что? Въ самомъ дѣлѣ? Вы рисуете?

— Во всякомъ случаѣ лучше ихъ. Я не говорю вамъ, что я какой-нибудь геній; нѣтъ, я простой ничтожный диллетантъ, мое маранье будетъ очень далеко отъ настоящаго искусства. Но во всякомъ случаѣ, даже сонный или пьяный, я этихъ морскихъ разбойниковъ далеко обгоню.

— Вотъ это дѣло! О какъ вы меня облегчили и обрадовали! Работать, голубчикъ, это — жить, все равно какая бы работа ни была, это вещь второстепенная. Великое наслажденіе работа, когда человѣкъ долго не могъ ее найти. Я пережилъ это, мой милый. Пойдемъ скорѣе къ этимъ молодцамъ, я вамъ это живо улажу! Ну что, не правда ли, вѣдь вы сами чувствуете себя хорошо сейчасъ, а каково мнѣ, я и выразить не могу!..

Художниковъ не было дома, но были дома ихъ произведенія, выставленныя въ маленькой жалкой мастерской. Пушки направо, пушки налѣво, пушки по серединѣ, точно гдѣ-нибудь въ крѣпости.

— Ну вотъ вамъ, Трэси, недовольный извощикъ. Возьмите-ка вы сдѣлайте изъ этого моря лугъ, а пушку обратите въ погребальныя дроги. Покажите вашимъ будущимъ компаніонамъ образецъ своего искусства.

Художники возвратились какъ-разъ въ ту минуту, когда Трэси наложилъ послѣдній штрихъ. Они окаменѣли отъ удивленія.

— Ей-Богу, эти дроги живыя! Если нашъ извощикъ ихъ увидитъ, онъ лопнетъ отъ восторга. Не правда ли, Энди?

— Прелестно, прелестно! О, мистеръ Трэси, отчего вы не сказали намъ раньше, что вы такой великій художникъ!

Необходимые переговоры были очень быстро закончены. Трэси былъ принятъ, какъ компаніонъ на равныхъ правахъ, и тотчасъ же принялся за работу; вдохновенно и энергично началъ онъ передѣлывать тѣ произведенія искусства, которыя не удовлетворяли заказчиковъ. Въ этотъ и въ слѣдующій день подъ его ловкою рукой исчезла вся артиллерія и ея мѣсто заняли предметы мира, благосостоянія и торговли: кошки, экипажи, колбасы, буксирные пароходы, паровозы, фортепьяно, гитары, сады, скалы, горшки съ цвѣтами, ландшафты, словомъ, все, что было угодно потребителю и чѣмъ безвкуснѣе, чѣмъ пошлѣе былъ требуемый портретъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ вырисовывалъ его Трэси. Компаніоны были въ восторгѣ, заказчики громко выражали свои похвалы, появился прекрасный полъ, успѣхъ фирмы возрасталъ съ каждымъ днемъ. Трэси долженъ былъ признаться, что въ работѣ дѣйствительно лежитъ нѣчто могущественное, даже въ такой скромной, такой странной работѣ, какъ эта. Даже она была въ состояніи отвѣтить болѣзненной потребности его души и сразу сообщила Трэси въ его собственныхъ глазахъ новое непривычное достоинство.

* * *

Непризнанный членъ конгресса за Чироки-Стрипъ находился въ самомъ угнетенномъ состояніи духа. Уже нѣсколько времени велъ онъ жизнь, которая могла бы совершенно разбить нервы кому угодно, такъ какъ состояла вся изъ самыхъ рѣзкихъ переходовъ отъ радужныхъ надеждъ къ мрачнымъ разочарованіямъ. Надежды возбуждалъ чародѣй Селлерсъ, обѣщавшій постоянно, что вотъ, наконецъ, удастся его штука и что сегодня же матеріализованный пастухъ появится въ за́мкѣ. Мрачное разочарованіе проистекало изъ того, что всѣ эти обѣщанія не исполнялись.

Въ то время, къ которому относится нашъ разсказъ, Селлерсъ съ ужасомъ началъ замѣчать, что его обычное лѣкарство противъ отчаянія Гаукиса, дѣйствовавшее доселѣ безошибочно, болѣе не помогаетъ и отчаяніе Гаукиса становится хроническимъ.

„Что-нибудь должно случиться“, говорилъ онъ самъ себѣ. Горе, бѣдность и отчаяніе, ярко выражавшіяся въ чертахъ его друга, словно ножомъ рѣзали сердце полковника.

„Да, говорилъ онъ самъ себѣ, его во что бы то ни стало необходимо развлечь и утѣшить.“

Селлерсъ подумалъ нѣсколько минутъ и вскорѣ нашелъ, что̀ было нужно. Онъ сказалъ умышленно равнодушнымъ тономъ:

— Гм!.. Послушай, Гаукинсъ... Нашъ матеріализованный ведетъ себя такъ, что приходится сознаться, какъ-будто мы съ тобой нѣсколько ошиблись и наши ожиданія не исполняются. Ты это допускаешь?

— Допускаю ли я? Разумѣется, допускаю, если тебѣ это выраженіе нравится.

— Итакъ, это установлено; теперь остается разобрать вопросъ объ источникѣ нашихъ ощущеній. Ты соглашаешься, что мы съ тобой всѣмъ сердцемъ желали вызвать матеріализованнаго сюда?

— Какже съ этимъ не согласиться?

— Но позволь, въ этомъ-то вся и штука. Для чего желаемъ мы его вызвать? Ради него самого или ради денегъ? Другими словами: какой основной источникъ нашихъ ощущеній? Деньги, не правда ли?

— Ты высказываешь святую истину...

— Отлично. Итакъ, причина болѣзни названа, діагнозъ сдѣланъ, а слѣдовательно найдено и лѣкарство. Согласись, что намъ нужны только деньги, а матеріализованный намъ и даромъ не нуженъ.

Лордъ смотрѣлъ на своего друга такимъ спокойно-торжествующимъ взглядомъ, въ его словахъ слышалось столько энергіи и самоувѣренности, что Гаукинсомъ начало вновь овладѣвать уже совершенно утраченное было очарованіе, и на лицѣ его снова показались яркіе лучи надежды.

— Только деньги? Ты хочешь развѣ этимъ сказать, что ты ихъ имѣешь въ виду?

— Вашингтонъ! Неужели ты полагаешь, что у меня есть только тѣ источники, о которыхъ извѣстно публикѣ и друзьямъ?

— Да нѣтъ... я...

— Неужели ты считаешь вѣроятнымъ, чтобы человѣкъ, который такъ привыкъ ко всякимъ ударамъ судьбы и котораго обстоятельства имѣли случай научить крѣпко держать языкъ за зубами... Неужели ты думаешь, чтобъ у такого человѣка не было въ резервѣ про черный день какого-нибудь источника? Ты вѣдь знаешь, что при моемъ знаніи жизни и людей для меня Соединенные Штаты не клиномъ сошлись.

— О, полковникъ! Когда ты говоришь такимъ образомъ, мнѣ сразу становится легче на сердцѣ...

— Ты былъ въ моей лабораторіи?

— Нѣтъ.

— Вотъ видишь ли, ты даже не зналъ, что у меня есть лабораторія. Пойдемъ туда, и я тебѣ покажу одну вещь, которая уже совершенно закончена. Это страшный секретъ. Я не думаю, чтобы даже пятьдесятъ человѣкъ знали объ этомъ. Мое правило: кончать, вырабатывая въ тайнѣ, затѣмъ полная широкая гласность.

— Ей-Богу, полковникъ! Въ жизни моей не было другаго человѣка, которому бы я такъ безусловно довѣрялъ, какъ тебѣ. Когда ты говоришь о чемъ-нибудь, мнѣ это кажется до такой степени вѣрнымъ и очевиднымъ, какъ-будто это уже осуществилось.

Лорда тронуло это заявленіе.

— Меня радуетъ, другъ мой, что ты въ меня вѣришь; не всѣ такъ прямы и откровенны.

— Я всегда въ тебя вѣрилъ и буду вѣрить всю мою жизнь.

— Спасибо тебѣ, мой Вашингтонъ! И ты не будешь въ этомъ раскаиваться, не можешь раскаиваться!

Когда они пришли въ лабораторію, лордъ сказалъ:

— Оглянись кругомъ, что̀ ты видишь? По внѣшности это не то перевязочный пунктъ, не то патентное бюро. Въ дѣйствительности же это золотыя розсыпи! Взгляни на эту вещь, что̀ ты скажешь?

— Рѣшительно не знаю, что̀ тебѣ сказать.

— Разумѣется, тебѣ сказать нечего. Это примѣненіе фонографа къ морской службѣ. Здѣсь собранъ запасъ отборнѣйшихъ ругательствъ, употребляемыхъ на морѣ. Тебѣ извѣстно, что матросы работаютъ очень неохотно, если не слышатъ самой отчаянной ругани. Поэтому боцманъ, умѣющій мастерски ругаться, цѣнится очень высоко. Въ минуту опасности его талантъ можетъ спасти цѣлый экипажъ. Но вѣдь судно велико и поспѣть всюду ему невозможно. Ясно, стало-быть, что въ извѣстномъ случаѣ боцманъ погубитъ судно только потому, что онъ одинъ и ему не разорваться, напримѣръ, въ сильную бурю. Между тѣмъ сотни боцмановъ на суднѣ держать нельзя. Но за то можетъ быть разставлено во всѣхъ углахъ парохода сотни фонографовъ, заряженныхъ крѣпчайшими ругательствами, и такимъ образомъ все судно

будетъ, такъ-сказать, вооружено. Теперь представь себѣ сильную бурю. Всѣ фонографы заговорятъ разомъ, это произведетъ такое могущественное дѣйствіе, что всякая опасность будетъ совершенно устранена, и корабль среди океана будетъ такъ же безопасенъ, какъ въ самой тихой гавани.

— Замѣчательная мысль! Но какже ты это, полковникъ, дѣлаешь?

— Очень просто: заряжаю фонографъ...

— То-есть какъ заряжаешь?

— Да такъ, становлюсь предъ нимъ и начинаю ругаться.

— И это ихъ заряжаетъ дѣйствительно? наивно спросилъ Гаукинсъ, не имѣвшій случая ознакомиться съ дѣйствіемъ фонографа въ Чироки-Стрипѣ.

— Да, потому что фонографъ сохраняетъ на вѣчныя времена каждое слово. Поверни рукоятку, и онъ начнетъ говорить. А въ минуту крайней опасности его можно пустить ругаться въ обратномъ порядкѣ и это ужъ навѣрно поставитъ матросовъ на ноги...

— Понимаю, понимаю. Кто-же заряжаетъ? Боцманъ?

— Это зависитъ отъ условій. Я могу также поставить фонографы заряженные; за семьдесятъ пять долларовъ въ мѣсяцъ я могу нанять спеціалиста, который зарядитъ мнѣ полтораста фонографовъ въ полтораста часовъ совершенно свободно. Разумѣется, хорошій спеціалистъ дастъ товаръ гораздо лучшій, чѣмъ обыкновенный средній боцманъ. Мои фонографы будутъ пріобрѣтать совершенно заряженные на всѣ суда земнаго шара, такъ какъ заряжать я буду на всѣхъ языкахъ, какіе спросятъ потребители. Вѣрь мнѣ, Гаукинсъ, это будетъ одно изъ великихъ изобрѣтеній девятнадцатаго столѣтія и притомъ имѣющее огромное нравственное значеніе. Черезъ какихъ-нибудь пять лѣтъ ни на одномъ кораблѣ не раздастся изъ человѣческихъ устъ ни одного пакостнаго слова — ругаться будутъ только машины. Сколько тысячъ моряковъ было лишено причастія. Сколько милліоновъ было истрачено благочестивыми людьми ради уничтоженія во флотѣ скверной брани. Мое имя останется на вѣчныя времена предметомъ благодарнаго поклоненія, какъ имя человѣка, который одними своими силами осуществилъ возвышенную благородную реформу.

— О какъ это прекрасно, благодѣтельно и возвышенно? Скажи мнѣ, какъ ты это придумалъ? Господи, какъ велика

тая изобрѣтательность! Какъ, ты говоришь, заряжаются эти машины?

— Это очень просто и совсѣмъ не трудно. Если ты хочешь зарядить громко и сильно, приложи губы плотно къ отверстію и кричи; если хочешь зарядить послабѣе, говори тихо на нѣкоторомъ разстояніи. Вообще фонографъ запишетъ всѣ звуки, раздающіеся на шесть футовъ кругомъ. Да вотъ я тебѣ покажу, какъ это дѣлается. Вчера былъ у меня замѣчательный спеціалистъ и я просилъ его зарядить вотъ этотъ фонографъ. Ахъ, чортъ возьми, я позабылъ его закрыть; это жаль: туда могло попасть что-нибудь постороннее... Достаточно повернуть вотъ эту рукоятку, вотъ такъ...

Фонографъ запѣлъ жалобнымъ тономъ:

Далеко, далеко наша кухмистерская,
Только и достанешь тамъ яицъ да сала.

— Какая подлость! Это вѣрно кто-нибудь сюда спѣлъ...

Жалобная пѣсня продолжалась сопровождаемая кошачьимъ мяуканьемъ, становившимся все громче и громче, и вдругъ перешла въ воинственный кличъ:

Колокола звонятъ!
Пушки палятъ!

— Нѣтъ это надо бросить, это не то. Спеціалистъ ругался въ другой фонографъ. Только я не знаю въ который... Да, впрочемъ, это все равно: ты видѣлъ, какъ онъ дѣйствуетъ...

— Превосходно, замѣчательно. Въ этой машинѣ цѣлое состояніе.

— Не забывай, Вашингтонъ, что семейство Гаукинсовъ имѣетъ здѣсь свою законную часть.

— О спасибо, спасибо тебѣ! Ты великодушенъ, какъ всегда. Да это величайшее изобрѣтеніе девятнадцатаго столѣтія.

— Мы переживаемъ, мой милый, удивительное время. Въ природѣ всегда было множество благодѣтельныхъ силъ, но только наше поколѣніе умѣло ими воспользоваться и примѣнить ихъ къ дѣлу. Да, Гаукинсъ, ничто не теряется въ природѣ. Все можетъ быть обращено въ пользу. Возьмемъ, напримѣръ, газъ изъ сточныхъ трубъ... До сихъ поръ, какъ тебѣ извѣстно, онъ пропадалъ даромъ. Никто не пытался сохранить его и утилизировать, по крайней мѣрѣ ты мнѣ никого не назовешь. Не правда ли?

— Да это правда... Но я не совсѣмъ... гм!.. не совсѣмъ понимаю зачѣмъ.

— Зачѣмъ его собирать? А вотъ я тебѣ объясню. Это такое мое изобрѣтеніе, которое я назвалъ „избавитель“. Даю тебѣ слово, Гаукинсъ, если ты мнѣ укажешь домъ, испускающій болѣе или менѣе значительное количество вредныхъ газовъ, я торжественно обязуюсь установить тамъ „мой избавитель“ и получить въ полчаса во сто разъ большее количество свѣтильнаго газа.

— Изумительно. Но зачѣмъ же это собственно?

— Боже мой! Онъ не понимаетъ! Выслушай меня: съ точки зрѣнія гигіены и дешевизны освѣщенія нѣтъ ничего въ мірѣ лучше, какъ газъ изъ сточныхъ трубъ. Вопервыхъ, онъ не стòитъ ни копѣйки. Достаточно положить небольшой кусокъ свинца, все равно какой-нибудь, какой есть подъ руками, и установить рядомъ мой „избавитель“ и дѣло готово. Нужны будутъ только обыкновенныя газовыя трубы. Увѣряю тебя: не пройдетъ и пяти лѣтъ, какъ всѣ дома будутъ освѣщаться по моей системѣ. Каждый врачъ, каждый газопроводчикъ, съ которыми я объ этомъ говорилъ, были отъ моей системы въ восторгѣ.

— Но скажи: это не опасно?

— Разумѣется, болѣе или менѣе опасно. Но вѣдь точно также опасны и угольный газъ, и керосинъ и электричество. Опасность вездѣ.

— И неужели горитъ хорошо?

— Превосходно.

— Ты уже пробовалъ у себя?

— Нѣтъ, какъ слѣдуетъ не пробовалъ. Полли просила, чтобы въ домѣ я этого не устраивалъ. Ты понимаешь, женщина! Но знаешь, гдѣ я это устрою? Въ домѣ президента. Это очень важно для рекламы. Вотъ этотъ „избавитель“ мнѣ въ настоящую минуту не нуженъ. Ты можешь, если хочешь, его взять и установить въ видѣ опыта въ какомъ-нибудь ночлежномъ домѣ.

XVII.

Вашингтонъ Гаукинсъ слегка вздрогнулъ при этомъ неожиданномъ предложеніи. Лицо его стало грустнымъ и онъ задумался. Черезъ минуту Селлерсъ посмотрѣлъ на него и спросилъ, что̀ перемалываетъ его умственная мельница.

— Примѣрно вотъ что: нѣтъ ли у тебя какого-нибудь такого плана въ головѣ, для осуществленія котораго нуженъ бы былъ, напримѣръ, запасный капиталъ Англійскаго банка?

Полковникъ вскочилъ въ изумленіи и спросилъ:

— Ты умѣешь читать чужія мысли?

— Я? Никогда мнѣ и не снилось...

— Но какъ же ты могъ такъ необыкновенно мѣтко попасть въ мою затаенную мысль? У меня есть именно такой планъ, для котораго нужны средства не меньше Англійскаго банка. Ты о немъ ничего не зналъ и угадалъ сразу. Скажи, ради Бога, какимъ образомъ ты это сдѣлалъ? Это меня очень интересуетъ.

— Да никакимъ образомъ. Мнѣ пришло въ голову совершенно случайно посчитать, какая сумма нужна бы была намъ обоимъ, чтобы устроить себѣ безбѣдную порядочную жизнь. Я думаю, тысячъ сто было бы довольно. Но вѣдь ты отъ своихъ изобрѣтеній ожидаешь милліардовъ и увѣренъ, что ихъ получишь. Еслибъ ты желалъ имѣть, напримѣръ, десять милліоновъ долларовъ, то это еще въ границахъ человѣческихъ стремленій, но вѣдь милліарды это уже внѣ этихъ границъ, а потому я убѣжденъ, что у тебя долженъ быть совершенно опредѣленный планъ

Пристальное вниманіе и глубокое изумленіе лорда возрастали съ каждымъ новымъ словомъ Гаукинса. Когда тотъ наконецъ кончилъ, Селлерсъ воскликнулъ:

— Твои разсужденія и логика просто поразительны. У тебя совершенно необыкновенное чутье. Я просто не могъ себѣ представить, чтобы ты такъ мѣтко попалъ въ черный кружокъ, въ самый центръ моихъ мыслей. Теперь я тебѣ все скажу, теперь ты все поймешь. Мнѣ не нужно тебя предупреждать насчетъ скромности и молчанія. Ты отлично понимаешь, что чѣмъ грандіознѣе дѣло, тѣмъ важнѣе сохранить его до поры до времени въ секретѣ. Замѣтилъ ты, сколько у меня книгъ и брошюръ, касающихся Балканскаго полуострова?

— Это только слѣпой бы не замѣтилъ.

— Такъ вотъ что я тебѣ скажу: турецкими дѣлами я занятъ уже давно. Вѣрь мнѣ, это замѣчательная страна и она заслуживаетъ, чтобы о ней немножко похлопотали...

Полковникъ выдержалъ съ минуту и прибавилъ совершенно дѣловымъ тономъ:

— Когда я получу эти деньги, я Восточный вопросъ рѣшу.

— Тысяча бомбъ и гранатъ!!

— Что ты такъ подскочилъ, Гаукинсъ?

— Да какже, голубчикъ! Если ты кому-нибудь бросишь подъ стулъ подобную идею, онъ пожалуй и со стуломъ выше потолка взлетитъ, если его предварительно не подготовить. Ужь хоть бы ты сказалъ это съ какимъ-нибудь особеннымъ выраженіемъ, или хоть немножко не совсѣмъ обыкновеннымъ тономъ. А то хватилъ такъ сразу, что я просто перепугался. Но, пожалуста, продолжай. Я уже оправился и могу тебя слушать съ полнымъ спокойствіемъ и вниманіемъ

— Вотъ видишь ли, я этотъ предметъ изучилъ чрезвычайно основательно и пришелъ къ тому заключенію, что система дѣйствій европейскихъ дипломатовъ никуда не годится. Отчего Турки до сихъ поръ сидятъ въ Европѣ, хотя Россія два столѣтія подъ-рядъ стремится ихъ выгнать? Оттого, что европейскія государства справедливо опасаются русскихъ захватовъ и необыкновеннаго усиленія Россіи. Это усиленіе не входитъ и въ мои планы. Для Россіи довольно ея нынѣшняго простора и пускать ее въ Константинополь и на Балканы совершенно лишнее. Съ другой стороны, жаль этихъ молодыхъ народовъ, Сербовъ, Болгаръ, Албанцевъ и прочихъ. Эти народы дороги тѣмъ, что представляютъ единственную здоровую и не зараженную европейскими предразсудками демократію на всемъ материкѣ. Европа изъ вражды къ Россіи освобождать ихъ не хочетъ, а завоевывать Россіи не позволяетъ. Между тѣмъ, благодаря этому нелѣпому спору, молодыя и свѣжія народности осуждены нести турецкое иго. Я ихъ освобожу и устрою единственную настоящую въ Европѣ республику. Для этого довольно купить Европейскую Турцію.

— Бумъ! Опять ты выпалилъ не предупредивъ... Ты купишь Европейскую Турцію?

— Да, какъ только получу деньги. Мнѣ все равно сколько за нее спросятъ, я плачу! Мнѣ нужно нѣкоторое pied à terre въ Европѣ и я покупаю. Мнѣ нужна она потому,— говорю это, потому, что ты объ этомъ не думалъ и чтобы не возвращаться къ этому нѣсколько разъ,— потому... что нигдѣ во всемъ мірѣ нѣтъ другой страны, гдѣ бы республика сидѣла такъ прочно въ нравахъ населенія, гдѣ бы люди были болѣе демократы и менѣе заражены сословностью и аристократизмомъ.

— Это въ Турціи?

— Да, тамъ!

— Это вѣрно, хотя я объ этомъ вовсе не думалъ.

— И никто не думалъ, и не думаетъ, повѣрь мнѣ. Но тамъ подъ турецкимъ игомъ, въ безызвѣстныхъ городкахъ и деревняхъ ты найдешь множество благороднѣйшихъ и достойнѣйшихъ людей, которые когда-либо украшали собою землю. Еслибъ ты располагалъ когда-нибудь подобною страной, неужели ты предложилъ бы ее восточному деспотизму? На что̀ она ему? Еслибъ ты покупалъ ее только за этимъ, ты бы только потерялъ свои деньги,—деспотизму нужны не люди, а двуногія животныя. Ничего другаго не остается, какъ основать республику.

— Понимаю. Матеріалъ дѣйствительно превосходный.

— Именно, именно. Европейская Турція даетъ избранный и подготовленный матеріалъ для республики, и этотъ матеріалъ увеличивается съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ и часомъ. Эти талантливые народы безпрерывно какъ-будто процѣживаются и какъ только появится среди нихъ великій духъ, талантъ или характеръ, его тотчасъ же хватаютъ и ссылаютъ куда-нибудь въ Анатолію или на далекіе острова. Это у нихъ удивительно, замѣчательно устроено: турецкое правительство рѣшительно не хочетъ, чтобы общественный духъ поднимался на вершокъ выше уровня обыкновеннаго средняго чиновника.

— Мнѣ кажется это немного преувеличеннымъ...

— Всѣ писатели это утверждаютъ... Я, по правдѣ сказать, и самъ сомнѣваюсь, чтобы было возможно третировать такимъ образомъ разумныя племена, но что̀ касается до матеріала для республики, то найти его дѣйствительно можно только на Балканахъ.

Полковникъ притаилъ дыханіе, затѣмъ широко вздохнулъ всей грудью, словно набирая въ себя воздуха; его глаза блестѣли. Онъ всталъ съ кресла и рѣчь его полилась съ новымъ одушевленіемъ и энергіей:

— Да, я устрою тамъ республику! Это будетъ истинный свѣточъ свободы, разума, справедливости и человѣколюбія. Свѣточъ этотъ заблеститъ предъ удивленнымъ міромъ, какъ новое солнце. Безчисленные милліоны турецкой райи потянутся туда на востокъ, откуда будетъ литься этотъ свѣтъ. Пройдетъ немного времени, мы оглянемся назадъ и что̀ же увидимъ? Султана, принявшаго христіанство, и благородный народъ Османлисовъ въ каче-

ствѣ носителей цивилизаціи. Клянусь Богомъ, Гаукинсъ, это достижимо, и я этого достигну.

Въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній одушевленіе лорда было такъ велико, что онъ не могъ произнести ни слова. Затѣмъ онъ опомнился и, какъ бы нѣсколько испугавшись, сказалъ совершенно серьезно:

— Маіоръ Гаукинсъ, прости меня, пожалуста. Я никогда еще не говорилъ такимъ языкомъ и я надѣюсь, что ты будешь ко мнѣ снисходителенъ.

Но предупреждать объ этомъ Гаукинса было излишнимъ:

— Ты знаешь, Вашингтонъ, что по моему характеру я совершенно не склоненъ къ подобнымъ увлеченіямъ. Это свойство людей съ болѣе впечатлительнымъ и легкомысленнымъ темпераментомъ. Но ты прими во вниманіе, что въ данномъ случаѣ вѣдь и я могъ нѣсколько увлечься. Демократъ по привычкамъ и воспитанію, аристократъ по рожденію...

Вдругъ лордъ круто оборвалъ свою рѣчь, остановился неподвижно, вперивъ глаза въ окно и наконецъ страстно прошепталъ:

— Смотри, смотри!

— Что̀ такое, полковникъ?

— Вотъ онъ!

— Не можетъ быть.

— Это такъ же вѣрно, какъ ты предо мной. Бога ради, не шевелись. Я пущу въ ходъ всю мою силу и вліяніе. Я уже вызвалъ его сюда и хочу заставить его теперь войти въ домъ. Ты увидишь...

Онъ началъ дѣлать всевозможныя движенія руками.

— Смотри, я уже заставилъ его улыбнуться.

Это было совершенно вѣрно: Трэси, совершая свою обычную послѣобѣденную прогулку, наткнулся нечаянно на фамильные гербы Росморовъ, которыми былъ увѣшанъ весь фасадъ дома полковника. Эти гербы заставили его расхохотаться. Впрочемъ, не хохотали надъ ними только сосѣднія кошки.

— Смотри, Гаукинсъ, смотри! Я привлекаю его сюда.

— Да ты его привлекаешь, Росморъ! Еслибъ у меня оставались какія-нибудь еще сомнѣнія насчетъ матеріализаціи, они исчезли бы навсегда. О счастливый день!

Трэси перешелъ черезъ улицу, чтобы прочесть дощечку надъ дверьми. Но уже на половинѣ дороги онъ рѣшилъ:

— Очевидно это жилище американскаго претендента.

— Онъ идетъ, онъ переходитъ улицу! Гаукинсъ, я скроюсь, и заставлю его войти сюда. Иди за мной!

Блѣдный и взволнованный Селлерсъ отворилъ дверь и очутился лицомъ къ лицу съ Трэси. Въ первую минуту старикъ совершенно лишился голоса, затѣмъ едва слышно пробормоталъ какое-то привѣтствіе и прибавилъ:

— Приблизьтесь, войдите, мистеръ...

— Трэси, Говардъ Трэси.

— ...Трэси, благодарю, войдите прошу васъ, васъ ждутъ.

Удивленный Трэси вошелъ, не будучи себѣ въ состояніи объяснить, что̀ это значитъ и сказалъ:

— Меня ждутъ? Не ошибка ли это?

— О нѣтъ, смѣю васъ увѣрить, отвѣчалъ Селлерсъ, многозначительно кивнувъ Гаукинсу, чтобы обратить его вниманіе на драматическій эффектъ сцены. Затѣмъ онъ прибавилъ:

— Кто я, вамъ должно быть извѣстно.

Къ изумленію обоихъ заговорщиковъ это заявленіе не произвело никакого драматическаго эффекта. Трэси отвѣчалъ съ непринужденною наивностью:

— Нѣтъ, извините пожалуста, не знаю. Вѣроятно вы тотъ, чьи гербы выставлены на фронтонѣ?

— Вѣрно, совершенно вѣрно. Прошу васъ, садитесь.

Лордъ былъ глубоко потрясенъ и голова его кружилась, но онъ все-таки замѣтилъ, что стоявшій нѣсколько въ сторонѣ Гаукинсъ смотритъ на гостя такимъ мрачнымъ испуганнымъ взглядомъ, словно тотъ, въ самомъ дѣлѣ, явился съ того свѣта. Это навело лорда на новую мысль, и онъ съ живостью обратился къ Трэси:

— Простите, тысячу разъ простите, сэръ, что я не исполнилъ долга вѣжливости относительно гостя; позвольте вамъ представить моего друга генерала Гаукинса, нашего новаго сенатора, представителя новаго великаго члена блестящей семьи самодержавныхъ Штатовъ, Чироки-Стрипа (про себя: „это названіе приведетъ его въ трепетъ,“ но этого вовсе не случилось, и полковникъ продолжалъ свое представленіе удивленный и обезкураженый.) Сенаторъ Гаукинсъ, мистеръ Говардъ Трэси изъ... изъ...

— Изъ Англіи.

— Изъ Англіи? это не вѣро...

— Да я родился въ Англіи.

— И недавно оттуда прибыли?

— Да, очень недавно.

— Однако этотъ покойникъ, подумалъ лордъ,—вретъ, какъ пишетъ. Это свойство даже въ огнѣ не горитъ. Надо его поразспросить подробнѣе и дать ему случай примѣнить свое дарованіе.

Затѣмъ онъ сказалъ вслухъ:

— Вы, вѣроятно, посѣтили нашу страну въ качествѣ туриста ради отдыха и развлеченія? Желали посмотрѣть наши величественныя преріи запада...?

— Нѣтъ я на западѣ не былъ и пріѣхалъ не только для развлеченія, увѣряю васъ. Художнику некогда отдыхать, а надо работать.

„Художнику!“ подумалъ Гаукинсъ, припомнивъ обокраденный банкъ.—„Эка мѣткое словечко!“

— А вы художникъ? спросилъ полковникъ и прибавилъ про себя: „ну теперь я его поймалъ“

— Я художникъ очень скромный.

— Но въ какомъ родѣ? продолжалъ хитрый старикъ.

— Я живописецъ.

„Ну поймалъ!“ подумалъ Селлерсъ и прибавилъ громко:

— Какое счастье! Могу я попросить васъ реставрировать нѣсколько моихъ картинъ, которыя въ этомъ сильно нуждаются?

— Съ большимъ удовольствіемъ. Позвольте ихъ посмотрѣть.

Никакого затрудненія, никакихъ колебаній, никакихъ отговорокъ,—даже подъ этимъ перекрестнымъ огнемъ полковникъ рѣшительно терялся. Онъ подвелъ Трэси къ ближайшей олеографіи, которая дѣйствительно сильно пострадала, потому что у прежняго владѣльца на ней наливали въ лампы керосинъ, и сказалъ съ величественнымъ жестомъ:

— Вотъ этотъ Дель-Сарто...

— Да какой же это Дель-Сарто?

Полковникъ остановилъ Трэси взглядомъ полнымъ упрека, снова обратился къ картинѣ и продолжалъ словно никакого возраженія сдѣлано не было:

.... этотъ Дель-Сарто представляетъ, можетъ-быть, единственный оригиналъ божественнаго мастера, находящійся въ Соединенныхъ Штатахъ. Это, какъ вы сами видите, настолько драгоцѣнная вещь, что я ужасно боюсь... не будете ли вы столь добры... гм... показать мнѣ нѣкоторый образчикъ вашего искусства, а затѣмъ уже мы...

— Съ удовольствіемъ, я вамъ сдѣлаю копію съ одной изъ этихъ рѣдкостей.

У миссъ Салли нашлись водяныя краски, оставшіяся еще отъ пансіона. Ихъ тотчасъ же принесли, и Трэси, предупредивъ, правда, что онъ привыкъ писать масляными красками, рѣшилъ попробовать счастья на акварели. Его оставили одного, и онъ съ жаромъ принялся было за работу, но новыя впечатлѣнія были такъ сильны, что онъ почти сейчасъ же всталъ и началъ безпокойно ходить взадъ и впередъ пораженный всѣмъ случившимся и словно околдованный.

XVIII.

А въ это время лордъ и Гаукинсъ безпокойно и заботливо совѣщались въ лабораторіи. Первый говорилъ:

— Знаешь, что̀ меня болѣе всего мучитъ во всемъ этомъ удивительномъ явленіи? Откуда у него другая рука?

— Да это меня тоже безпокоитъ, да и другое еще: у него англійскій выговоръ. Какъ ты это себѣ объясняешь, полковникъ?

— По совѣсти говоря, не знаю, Гаукинсъ. Ей Богу, не знаю. Меня это смущаетъ и удивляетъ.

— Не думаешь-ли ты, что мы съ тобой ошиблись и воскресили не того?

— Не того? гм... а платье-то какже?

— Платье-то вѣрно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но что̀ же намъ дѣлать? вѣдь награды-то, какъ видно, мы не получимъ; деньги назначены за однорукаго Американца, а мы поймали двурукаго Англичанина.

— Ну, въ этомъ, пожалуй, затрудненія и не будетъ. Вѣдь мы, видишь-ли, даемъ не меньше, чѣмъ требуется, а даже больше.

Онъ видѣлъ самъ, что этотъ аргументъ очень слабъ и не сталъ его развивать. Нѣсколько минутъ друзья молчали, обдумывая свое затрудненіе, но скоро на лицѣ лорда вновь засіялъ лучъ вдохновенія, и онъ сказалъ совершенно твердо:

— Видишь-ли, Гаукинсъ, матеріализація это гораздо болѣе трудное и сложное дѣло, чѣмъ мы съ тобой думали. Мы и не воображали, какое огромное дѣло мы затѣяли. Теперь для меня все ясно, ясно какъ день. Каждый человѣкъ состоитъ изъ суммы всего ему предшествовавшаго, изъ атомовъ и частицъ, входившихъ въ составъ его предковъ во всѣ времена. Матеріализація оче-

видно еще не полная. Мы возстановили человѣка, относящагося, примѣрно, къ началу нынѣшняго столѣтія.

— Какъ тебя понимать, полковникъ? воскликнулъ Гаукинсъ, чувствавшій нѣкоторый страхъ при этихъ твердыхъ и рѣшительныхъ словахъ Селлерса.

— Я хочу сказать, что мы матеріализовали не его, а одного изъ его предковъ.

— О, ради Бога, это же ужасно?

— Но это вѣрно, Гаукинсъ, я знаю! Ты обрати вниманіе; выговоръ у него рѣшительно англійскій, это разъ, говоритъ онъ совершенно правильно, грамматически, это два. По манерамъ и обращенію онъ джентльменъ, это три; какой же онъ пастухъ? Отвѣчай мнѣ!

— Росморъ, это ужасно, ужасно, что̀ ты говоришь.

— Отъ твоего грабителя воскресло только одно платье и ни малѣйшаго кусочка его самого.

— Полковникъ! Неужели ты думаешь...

Но полковникъ крѣпко ударилъ кулакомъ по столу и сказалъ:

— Я убѣжденъ въ слѣдующемъ: матеріализація была слишкомъ сильна; разбойникъ ушелъ, а мы воскресили его предка, который намъ вовсе не нуженъ.

Онъ всталъ и въ большомъ волненіи сталъ ходить по комнатѣ. Гаукинсъ сказалъ жалобнымъ тономъ:

— Какое досадное разочарованіе!

— Знаю, сенаторъ, знаю. Я глубже это чувствую, чѣмъ кто бы то ни былъ, но что̀ дѣлать? Приходится покориться... по чисто нравственнымъ причинамъ. Намъ нужны деньги, но Богъ видитъ я не настолько еще бѣденъ и не такъ низко упалъ, чтобы карать предка за преступленіе, сдѣланное потомкомъ!

— Ахъ, полковникъ, сказалъ Гаукинсъ—ради Бога, не торопись? Вѣдь это у насъ единственная возможность получить деньги. Вспомни: даже въ библіи говорится, что потомки страдаютъ за грѣхи предковъ, съ которыми они ничего общаго не имѣли, до четвертаго поколѣнія. Неужели же не было бы справедливо примѣнить это правило обратно и дать ему дѣйствовать въ обоихъ направленіяхъ?

Полковникъ былъ пораженъ какъ силой этой логики, такъ и вѣрностью точки зрѣнія. Въ глубокой задумчивости прошелся онъ нѣсколько разъ по комнатѣ и, наконецъ, сказалъ:

— Все это правда, ты говоришь разумныя вещи и хоть мнѣ

и жалко мучить этого бѣднягу съ того свѣта за воровство, въ которомъ онъ не участвовалъ и, можетъ-быть, о которомъ и не подозрѣваетъ... но я полагаю все-таки, что если такова наша обязанность, дѣлать нечего! Передадимъ его въ руки правосудія.

— Я бы выдалъ его даже тогда, еслибы въ немъ сидѣла тысяча его предковъ, сказалъ успокоившійся Гаукинсъ.

— Прости меня Господи, ты какъ разъ угадалъ, сказалъ Селлерсъ со вздохомъ, въ которомъ слышалась глубокая грусть.— Въ немъ дѣйствительно соединился цѣлый рядъ предковъ. Ты найдешь тутъ частицы священниковъ, воиновъ, крестоносцевъ, поэтовъ, прекрасныхъ женщинъ, частицы людей всѣхъ возрастовъ и состояній, жившихъ на землѣ давнымъ-давно и умершихъ столѣтія назадъ. И вотъ мы ворвались въ этотъ міръ и нарушили ихъ священный покой изъ-за какого-то маленькаго обокраденнаго банка въ какомъ-то гнусномъ Чироки-Стрипѣ. Господи! какая черная несправедливость.

— Прошу тебя, полковникъ, не говори такъ! Ты меня совершенно убиваешь, и я готовъ стыдиться, что поднялъ это дѣло...

— Постой, я нашелъ!..

— Что̀ ты нашелъ? говори скорѣе. Я умираю отъ нетерпѣнія...

— Это такъ просто, что могъ бы догадаться и маленькій ребенокъ. Ты видишь, что этотъ совершенно въ порядкѣ,—на немъ ни пятнышка. Ясно, что если я былъ въ состояніи матеріализовать человѣка, жившаго въ началѣ столѣтія, то зачѣмъ же мнѣ останавливаться? Я пойду дальше и постараюсь его матеріализовать такого, какимъ онъ былъ въ наши дни.

— Чортъ возьми, я объ этомъ и не подумалъ, воскликнулъ Гаукинсъ, къ которому вернулись всѣ его надежды.—Разумѣется, такъ и сдѣлай! Что у тебя за голова! Такъ какже и лишней руки не будетъ?

— Не будетъ.

— И англійскаго акцента не будетъ?

— Совершенно не будетъ. Онъ будетъ говорить только какъ въ Чироки-Стрипѣ и на другихъ обыкновенныхъ діалектахъ.

— Полковникъ, можетъ-быть даже онъ признается?

— Признается только въ ограбленіи банка.

— Только? почему же „только“?

Полковникъ отвѣчалъ съ удареніемъ:

— Гаукинсъ, онъ будетъ совершенно въ моей власти. Я до-

веду его до того, что онъ признается во всѣхъ сдѣланныхъ имъ преступленіяхъ. А ихъ навѣрное тысячи. Ты схватываешь мою мысль?

— Не совсѣмъ.

— Да вѣдь всѣ обѣщанныя вознагражденія достанутся намъ!

— Полковникъ, ты геній! ты мгновенно охватываешь не только главную мысль, но и всѣ ея подробности и послѣдствія.

— Это пустяки. Это у меня само собою. Когда онъ отсидитъ свое время въ тюрьмѣ и перейдетъ въ другую, а затѣмъ въ третью, намъ не останется ничего другаго, какъ получать за него обѣщанныя вознагражденія. Онъ будетъ представлять намъ, нѣкоторымъ образомъ, постоянный пожизненный доходъ, или вѣрнѣе проценты съ неразмѣннаго капитала.

— Кажется, это похоже на дѣло.

— Тебѣ кажется? Нѣтъ это настоящее дѣло. Ты знаешь, какъ великъ мой опытъ и широки познанія въ финансовыхъ вопросахъ. Могу тебѣ сказать безъ колебанія, что это имущество цѣнное, очень цѣнное.

— Неужели это правда?

— Клянусь тебѣ.

— Ахъ, полковникъ, какъ надоѣла эта бѣдность и заботы. Какъ хорошо бы поскорѣе получить деньги! Хоть бы часть этого имущества размѣнять что ли?

— Какъ ты волнуешься! Ты ужасно неопытенъ; еслибы ты повозился такъ долго съ крупными предпріятіями какъ я, ты держалъ бы себя иначе. Взгляни на меня: развѣ мой взглядъ не спокоенъ? Развѣ я дрожу? Пощупай мой пульсъ; послушай, какъ онъ бьется: тикъ-такъ, тикъ-такъ, точно въ легкомъ снѣ! А между тѣмъ въ моемъ холодномъ разсудкѣ проходятъ ряды цыфръ, одинъ бѣглый взглядъ на которыя можетъ совершенно оньянить новичка. Повѣрь мнѣ, что только оставаясь совершенно холоднымъ и спокойнымъ, можно изслѣдовать дѣло со всѣхъ сторонъ и не впасть въ ошибку, неизбѣжную для такого неопытнаго человѣка, какъ ты. Вотъ ты торопишься реализовать часть на деньги, а я говорю: сроки и сроки.

— Прости меня, я объ этомъ не имѣю никакого понятія...

— Да вѣдь это же неразмѣнное имущество?..

— Прости меня, я объ этомъ совершенно не подумалъ...

— Потому что ты плохой финансистъ. Предположимъ, что онъ совершилъ только тысячу преступленій; это разсчетъ очень

умѣренный, потому что даже въ своемъ неполномъ видѣ онъ могъ совершить ихъ гораздо больше. Но изъ осторожности возьмемъ только тысячу. Помножь пять тысячъ долларовъ вознагражденія на тысячу и у тебя опредѣлится истинная цѣнность имущества. Сколько это будетъ? Пять милліоновъ долларовъ

— Подожди, дай перевести духъ!

— И замѣть: это имущество не разрушается и постоянно приноситъ доходъ, постоянно! Оно имѣетъ свойство все время совершать преступленія и доставлять намъ вознагражденія...

— Ради Бога, полковникъ, у меня трещитъ голова...

— Пусть трещитъ, это ничего не значитъ. Теперь, когда дѣло совершенно выяснилось, предоставь мнѣ дѣйствовать. Я соберу компанію и выпущу акціи. Все въ свое время. Предоставь все мнѣ. Я думаю, ты не сомнѣваешься въ моей способности направить все дѣло самымъ лучшимъ и выгоднѣйшимъ образомъ?

— Разумѣется, не сомнѣваюсь, могу сказать по совѣсти.

— Значитъ съ этимъ покончено. Для такихъ старыхъ опытныхъ предпринимателей, какъ я, дороже всего порядокъ и систематическій образъ дѣйствій. Между нами не должно быть никакихъ разногласій. Итакъ, что у насъ на первой очереди? Возобновленіе матеріализаціи и продолженіе ея до полученія современнаго преступника. Сейчасъ начинаю. Я полагаю...

— Но Росморъ, вѣдь ты его не заперъ! Держу пари сто противъ одного, что нашъ покойникъ удралъ.

— Успокойся и не заботься объ этомъ.

— А что̀ какъ онъ въ самомъ дѣлѣ удеретъ?

— Такъ что̀ же? Пускай себѣ!

— Ну нѣтъ, это будетъ большое затрудненіе.

— Ахъ, милый мой, вѣдь онъ же вполнѣ въ моей власти. Онъ можетъ уходить и возвращаться. Вызвать его сюда я могу во всякую минуту, сто̀итъ мнѣ только пожелать.

— Это хорошо, это пріятно слышать.

— Я, напримѣръ, могу дать ему рисовать, что мнѣ угодно. Разумѣется, и я и мое семейство должны съ нимъ обращаться хорошо. Нѣтъ никакого повода ограничивать его свободу. Я надѣюсь убѣдить нашего покойника быть совершенно ровнымъ и спокойнымъ, такъ какъ дальнѣйшая матеріализація, которая пойдетъ съ этой минуты, требуетъ полной мягкости и спокойствія и должна совершаться для него вполнѣ безсознательно. Гм!— Кстати желалъ бы я знать откуда онъ собственно теперь явился?

— То-есть какъ это?

Лордъ посмотрѣлъ многозначительно и вмѣстѣ съ тѣмъ вопрошающе на небо. Гаукинсъ взглянулъ вверхъ, подумалъ, покачалъ головой и также многозначительно показалъ внизъ.

— Изъ чего ты это заключаешь, Вашингтонъ?

— Не могу тебѣ это объяснить, но мнѣ кажется, что онъ не очень тоскуетъ по своему послѣднему мѣстопребыванію.

— Ты остроуменъ, Вашингтонъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь мы оказали бѣдному малому дружескую услугу тѣмъ, что воскресили его; надо это дѣло хорошенько изслѣдовать и поразузнать въ самомъ дѣлѣ, что онъ дѣлалъ на томъ свѣтѣ все это время.

— Скажи мнѣ, полковникъ, сколько времени можетъ потребоваться, чтобы его усовершенствовать до современнаго вида?

— Я бы былъ очень радъ, еслибъ могъ это сказать, но къ несчастію не могу. Я слишкомъ пораженъ этой совершенно неожиданною необходимостью послѣдовательно перерабатывать предковъ въ потомка. Но во всякомъ случаѣ я этого добюсь.

„Росморъ!“ послышалось на лѣстницѣ.

— Здѣсь, моя милая. Мы сидимъ въ лабораторіи. И Гаукинсъ здѣсь... Имѣй въ виду, Гаукинсъ, для нихъ онъ обыкновенное живое здоровое существо, не забывай этого! Это жена.

— Сидите, сидите, мнѣ къ вамъ не нужно. Я только хотѣла спросить, кто это внизу рисуетъ?

— Кто? А, это молодой художникъ, Англичанинъ; зовутъ его Трэси. Очень талантливый. Онъ ученикъ Ганса Христіана Андерсона или кого то другаго изъ старыхъ художниковъ... да, да Андерсона! Я хочу дать ему нѣсколько подковать нашихъ старыхъ мастеровъ. Ты говорила съ нимъ?

— Такъ пару словъ. Я тамъ копалась у себя, вовсе не подозрѣвая, что у насъ чужой человѣкъ. Ну мнѣ хотѣлось сдѣлать ему любезность и я предложила ему закусить (Селлерсъ многозначительно подмигнулъ Гаукинсу), но онъ поблагодарилъ и отказался. (Еще болѣе многозначительный кивокъ). Тогда я принесла ему нѣсколько яблокъ, и онъ одно съѣлъ.

Съ этими словами Полли вошла въ комнату.

— Что̀ такое? закричалъ полковникъ, въ ужасѣ вскочивъ со стула и снова на него опускаясь.

Лэди Росморъ удивленно взглянула сначала на сенатора изъ Чироки-Стрипъ, затѣмъ на своего мужа, затѣмъ снова на гостя и спросила:

— Что̀ съ тобой, Мёльберри?

Полковникъ отвѣтилъ не сразу. Онъ съ досадой оглянулся и сталъ ощупывать спинку стула.

— Проклятый гвоздь!

Мистрисъ Селлерсъ сомнительно покачала головой.

— Эка штука, маленькій гвоздикъ! Вѣдь не за крюкъ же ты зацѣпился. Я ужасно не люблю, когда меня такъ пугаютъ....

Она повернулась и ушла.

Какъ только затихъ шумъ ея шаговъ, полковникъ сказалъ вполголоса:

— Пойдемъ, пойдемъ, надо посмотрѣть самимъ; это вѣрно ошибка.

Они сбѣжали внизъ и заглянули въ полуотворенную дверь. Селлерсъ прошепталъ съ отчаяньемъ.

— Онъ дѣйствительно ѣстъ. Какое отвратительное зрѣлище! Гаукинсъ, это ужасно! Уведи меня отсюда, я не могу этого выносить.

И друзья вновь удалились въ лабораторію.

XIX.

Работа Трэси подвигалась очень медленно, ибо мысли его были заняты совсѣмъ другимъ. Многое было ему совершенно необъяснимо. Наконецъ онъ сообразилъ:

„Кажется, я начинаю понимать. У старика не все въ порядкѣ; насколько онъ помѣшанъ, разобрать трудно, но что онъ немножко тронувшись, это не подлежитъ сомнѣнію, иначе его поступки совершенно необъяснимы. Выдавать эти скверныя олеографіи за старинную живопись. Лубочные портреты американскихъ знаменитостей принимать за своихъ предковъ, ставить фамильные гербы и приколачивать огромную вывѣску „замокъ Росморъ“ надъ этою старою конюшней. И, главное, утверждать, что меня ждали. Какимъ образомъ могли ждать меня, то-есть графа Бёркли? Какимъ образомъ могли меня здѣсь ждать? Вѣдь долженъ же онъ былъ знать изъ газетъ, что графъ Бёркли сгорѣлъ въ гостиницѣ Гадзби. Чортъ возьми, я рѣшительно не могу понять, кого онъ ждалъ? Если судить по его словамъ, то онъ не ждалъ ни Англичанина, ни художника и, однако, онъ мною, повидимому, совершенно удовлетворенъ и все время до-

воленъ. Да, онъ помѣшанъ, бѣдный старикъ. Но онъ очень интересенъ, какъ вообще всѣ люди въ его положеніи. Надѣюсь, что онъ будетъ доволенъ моей работой. Буду приходить каждый день и наблюдать. Напишу отцу... нѣтъ, нѣтъ, ничего не стану писать! Кто-то идетъ, надо приниматься за работу. Это старикъ. Смотритъ онъ ужасно кисло. Ужь не кажется ли ему подозрительнымъ мое платье, оно, дѣйствительно, къ художнику не идетъ. Еслибы меня не удерживало данное слово, я бы его давно перемѣнилъ... Интересно знать, что это за странныя движенія дѣлаетъ онъ руками по воздуху? Кажется эти движенія относятся ко мнѣ. Месмирируетъ онъ меня, что̀ ли? Богъ его знаетъ, но мнѣ это очень не нравится, ужасно неловко."

А полковникъ бормоталъ про себя:

— Дѣйствуетъ, дѣйствуетъ, это ясно видно. Но на этотъ разъ довольно. Онъ довольно слабаго сложенія, и это можетъ его убить. Надо предложить ему нѣсколько ловкихъ вопросовъ и изслѣдовать, какъ его положеніе, такъ и то, что̀ онъ дѣлалъ на томъ свѣтѣ.

Онъ подошелъ къ Трэси и сказалъ ласково:

— Я вамъ не мѣшаю, не мѣшаю, мистеръ Трэси! Я хотѣлъ только взглянуть на вашу работу. Прелестно, восхитительно. У васъ удивительно изящная манера. Моя дочь будетъ въ восторгѣ. Вы мнѣ позвольте къ вамъ присѣсть?

— Пожалуста, очень пріятно...

— Въ самомъ дѣлѣ, я вамъ не помѣшаю? Я не спугну вашихъ вдохновеній?

Трэси улыбнулся и сказалъ, что его вдохновенія не настолько воздушны, чтобы ихъ было легко спугнуть.

Полковникъ предложилъ нѣсколько очень предусмотрительныхъ и глубоко обдуманныхъ вопросовъ, которые, однако, показались Трэси чрезвычайно странными. Тѣмъ не менѣе онъ постарался дать обстоятельные отвѣты и они, казалось, совершенно удовлетворили полковника. Онъ подумалъ не безъ гордости:

— До сихъ поръ по крайней мѣрѣ моя работа хороша. Онъ крѣпокъ и солиденъ, какъ настоящій живой человѣкъ. Просто удивительно! Мнѣ кажется, я могъ бы его окаменить.

Затѣмъ онъ спросилъ его осторожно:

— Скажите, гдѣ вы чувствуете себя лучше: здѣсь или тамъ?

— То-есть, гдѣ тамъ?

— Ну гдѣ вы предъ этимъ были?

Трэси вспомнилъ о своей квартирѣ и отвѣчалъ очень рѣшительно:

— Конечно здѣсь.

„Теперь все ясно, подумалъ испуганный полковникъ;— бѣдный малый далъ понять, откуда онъ явился. Ну, что-жь, тѣмъ лучше! Я радъ, что его объ этомъ спросилъ.“

Нѣсколько времени полковникъ просидѣлъ задумчиво, наблюдая, какъ рисовалъ Трэси и думая про себя:

„Теперь я понимаю, почему мнѣ не удалось матеріализовать бѣднаго Бёркли: ясно, что онъ попалъ не въ адъ, а совсѣмъ въ другую сторону. Ну что̀ же и отлично! Ему тамъ навѣрно лучше.“

Тѣмъ временемъ вернулась Салли Селлерсъ, и художникъ былъ ей представленъ. Красота дѣвушки была настолько свѣжа и ослѣпительна, что Трэси сдѣлалъ мысленно совершенно не идущее къ дѣлу замѣчаніе:

„А можетъ-быть онъ и не помѣшанъ!“

Салли сѣла къ столу и казалось очень заинтересовалась работой художника. Ея вниманіе очень понравилось Трэси, и онъ пришелъ къ заключенію, что у дѣвушки артистическая природа. Селлерсъ торопился сообщить Гаукинсу о своихъ открытіяхъ и оставилъ молодыхъ людей вдвоемъ, предоставивъ имъ наслаждаться „музой красокъ“, какъ онъ выразился, въ увѣренности, что они могутъ вполнѣ обойтись безъ него и онъ можетъ вернуться къ своимъ дѣламъ.

Трэси опять подумалъ:

„Я думалъ. . онъ просто оригиналъ, вотъ и все!!“

Тутъ же онъ мысленно упрекнулъ себя за то, что осудилъ человѣка, не успѣвъ его хорошенько разсмотрѣть.

Очень скоро гость совершенно оправился отъ своего смущенія, и между молодыми людьми начался живой и веселый разговоръ. Это совершенно понятно, такъ какъ американскія дѣвушки обладаютъ въ большинствѣ неоцѣненными достоинствами: непринужденною естественностью, честностью и безыскусственною простотой. Онѣ почти совершенно чужды холодной искусственности и фальшивой дѣланности, благодаря чему въ ихъ присутствіи человѣкъ чувствуетъ себя необыкновенно легко и сближеніе совершается крайне быстро и незамѣтно. Новое знакомство, почти дружба, дѣлало быстрые успѣхи, что̀ выразилось осязательнымъ образомъ въ томъ, что черезъ какихъ-нибудь

полчаса собесѣдники совершенно не обращали вниманія на странный костюмъ Трэси. Правда — мысль объ этомъ вскорѣ снова мелькнула у обоихъ. Разница была лишь въ томъ, что Гвендолена совершенно примирилась со страннымъ облаченіемъ своего собесѣдника, а этотъ послѣдній окончательно его возненавидѣлъ. Примиреніе Гвендолены было настолько искренно, что она пригласила художника остаться обѣдать. Онъ долженъ былъ отказаться отъ этого приглашенія; теперь онъ хотѣлъ жить; теперь жизнь казалась ему снова привлекательною и онъ ни за что̀ бы не согласился сѣсть въ этомъ платьѣ за столъ у джентльмена. Въ этомъ онъ былъ убѣжденъ. Онъ ушелъ счастливый въ душѣ, ибо увидалъ ясно, что его отказъ подѣйствовалъ на Гвендолену чрезвычайно непріятно.

Куда же пошелъ онъ? Онъ направился прямо въ магазинъ готоваго платья и выбралъ себѣ изящный и хорошо сшитый костюмъ, какой рѣшится надѣть на себя только Англичанинъ. Свою совѣсть онъ успокоилъ слѣдующимъ размышленіемъ:

— Я знаю, что поступилъ дурно; но не поступить такъ было бы тоже дурно. Хотя положимъ, дурное плюсъ дурное еще не даетъ хорошаго.

Все-таки это его немного успокоило, можетъ-быть успокоитъ также и читателя, если онъ пойметъ эту загадку.

Поведеніе Гвендолены за столомъ обезпокоивало старика. Она была молчалива и разсѣянна. Еслибъ они присмотрѣлись къ ней внимательнѣе, они бы замѣтили, что она оживлялась и принимала участіе въ разговорѣ, когда рѣчь шла о художникѣ и его работѣ, но они упустили это изъ виду, перевели разговоръ на другіе предметы, и снова пришлось имъ безпокоиться и опасаться, не больна ли она или не озабочена неуспѣхомъ своего мастерства. Мать предлагала ей различные испытанныя патентованныя средства съ желѣзомъ, сталью и прочимъ, отецъ предложилъ даже послать за виномъ, несмотря на то, что онъ состоялъ членомъ и предсѣдателемъ союза трезвости въ штатѣ Колумбія; но эти заботливыя предложенія были, съ благодарностью правда, но рѣшительно отклонены. Когда всѣ попрощались, чтобъ идти спать, Гвендолена тихонько взяла одну изъ кистей, сказавъ про себя:

„Этой онъ пользовался больше всѣхъ.“

Въ ночи она была уже безнадежно влюблена въ молодаго художника.

На слѣдующее утро Трэси вышелъ изъ дома въ своемъ новомъ костюмѣ съ цвѣткомъ гвоздики въ петлицѣ,—ежедневнымъ подаркомъ Пуссъ. Сердце его было совершенно переполнено Гвендоленой Селлерсъ, и это обстоятельство сильно способствовало его художественному творчеству. Цѣлое утро летала его кисть по полотну почти безсознательно, безсознательно впрочемъ въ смыслѣ самооцѣнки, – что̀, къ слову сказать, оспаривается нѣкоторыми авторитетами,—и творила чудеса, набрасывая различные предметы обстановки на заготовленныя картины съ такою легкостью и быстротой, что ветераны фирмы едва успѣвали изумляться, разражаясь громкими похвалами.

А Гвендолена за это время потеряла цѣлое утро и этимъ понесла убытокъ въ нѣсколько долларовъ. Она была увѣрена, что Трэси придетъ съ утра; это заключеніе было ею сдѣлано безъ посторонней помощи и оказалось ошибочнымъ. Каждую четверть часа бѣгала она внизъ по лѣстницѣ, чтобы приготовить ему кисти и иное необходимое и кстати посмотрѣть, не пришелъ ли онъ. Въ своей рабочей комнатѣ ей совершенно не сидѣлось и работать она не могла, она убѣдилась въ этомъ съ грустью. Въ послѣднее время она была озабочена своимъ собственнымъ новымъ замѣчательно оригинальнымъ костюмомъ, которому она посвящала всѣ свободныя минуты. Она хотѣла себя принудить окончить его именно въ это утро, но была до такой степени разстроена и разсѣяна, что непоправимо его испортила. Убѣдившись въ этомъ, она опредѣлила также и причину своей неудачи и рѣшилась не уходить вовсе изъ гостиной; она осталась тамъ и начала ждать. Прошелъ завтракъ,—затѣмъ она прождала еще часъ. Наконецъ въ ея сердцѣ закипѣла бурная радость. Она увидала идущаго Трэси. Быстро вскочила она къ себѣ на верхъ и едва могла дождаться, пока художникъ хватится необходимой кисти, которую она спрятала.

Переполошился весь домъ. Призывали всѣхъ по очереди, и всѣ искали кисть; дошла очередь и до нея. Но Гвендолена могла найти кисть только тогда, когда перерыли весь домъ, кухню и погребъ до такихъ помѣщеній включительно, куда обыкновенно заносятъ непривычные имъ предметы только невѣжественные люди.

Она передала ему кисть, замѣтивъ, что онъ долженъ хорошенько смотрѣть за порядкомъ; она, конечно, съ удовольствіемъ убрала бы все сама, но не успѣла еще этого сдѣлать: такъ рано его никто не ожидалъ.

Гвендолена сама удивилась, какъ гладко вышла у ней эта фраза, а Трэси былъ замѣтно сконфуженъ и сказалъ про себя:

„Я такъ нетерпѣливъ. что пришелъ сюда раньше времени; я выдалъ себя и теперь она надо мной смѣется, хотя этого и и не показываетъ.“

Молодая дѣвушка была съ одной стороны довольна, съ другой опечалена; удовольствіе доставляли ей новый костюмъ и вызванная имъ перемѣна къ лучшему въ ея гостѣ, опечалена она была гвоздикой въ петлицѣ. Вчера на точно такой же цвѣтокъ она не обратила вниманія, этотъ сегодняшній заставилъ больно забиться ее сердце. Она ломала голову, какъ бы найти совершенно равнодушный тонъ, чтобы спросить, не выдавъ себя, о происхожденіи этого цвѣтка. Она сдѣлала попытку въ этомъ направленіи и сказала:

— Въ какомъ бы возрастѣ мужчина ни былъ, довольно ему приколоть яркій цвѣтокъ въ петлицу, чтобы на много помолодѣть. Это я часто замѣчала. Скажите: мужчины ради этого носятъ цвѣты въ петлицѣ?

— Не думаю, но вѣдь и это причина совершенно уважительная. Ничего подобнаго я впрочемъ раньше не слыхалъ.

— Вы предпочитаете, кажется, гвоздику. Скажите: почему? что̀ вамъ въ ней нравится: цвѣтъ или форма?

— О нѣтъ, отвѣчалъ онъ просто:—мнѣ ее дарятъ, у меня въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ предпочтеній.

„Ему дарятъ, подумала она и сразу почувствовала полное отвращеніе къ гвоздикѣ.—Интересно бы знать, кто это такая и какова она собой.“

Цвѣтокъ начиналъ двоиться и троиться въ глазахъ у Гвендолены, безпощадно преслѣдуя ее и рисуясь предъ ней повсюду, куда бы она ни взглянула. Ей наконецъ это стало невыносимо.

„Господи, неужели онъ ее любитъ?“

Эта мысль приводила ее въ глубокую грусть.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПИСЬМА ОБЪ АНГЛІИ.[1]

II.

Эмерсонъ гдѣ-то совѣтуетъ читать книги, просуществовавшія не менѣе года, то-есть не потерявшія своего интереса, своего аромата въ продолженіи двѣнадцати мѣсяцевъ. Къ счастію, такія книги встрѣчаются даже и въ наше безталантное время. Но газетныя и политическія статьи вянутъ, какъ розы.

„Ils vivent, ce que vivent les roses,
„L'espace d'un matin".

До-и-послѣ-обѣденныя рѣчи государственныхъ людей читаются и взвѣшиваются немного долѣе. Этимъ удается завоевывать вниманіе нѣсколькихъ дней. Но ихъ главная сила сводится къ ораторскому искусству, къ умѣнію заинтересовать, не связавъ говорящаго никакою политическою программой. Большинство англійскихъ ораторовъ не только не заботятся объ искорененіи въ себѣ „духа праздности и празднословія", а какъ-будто стараются именно развить и въ глубь, и въ ширину эти опасныя недостатки. Въ Англіи хвалятъ, напримѣръ, оратора, который проговорилъ два часа, безъ остановки. Похвала—вполнѣ заслуженная, еслибъ обсуждалось состояніе голосовыхъ органовъ и легкихъ. Но здѣсь дѣло не въ томъ: дѣло даже не въ освященіи факта, а въ затменіи его пустословіемъ, въ разводѣ между словомъ и дѣломъ, но въ разводѣ не явномъ, а ловко скрытомъ.

[1] См. № 8, *Русскаго Обозрѣнія*, 1892 г.

Въ основѣ такихъ заявленій очень часто лежитъ обманъ. Люди хитрые смѣются надъ наивною публикой; люди свѣдующіе и опытные—надъ невѣжествомъ любопытныхъ массъ. Да иначе и быть не можетъ, когда приходится или говорить о жгучихъ, но еще не созрѣвшихъ вопросахъ, или лавировать, чтобъ ихъ не касаться всенародно.

Даже разсуждая между собой, въ камерѣ общинъ, члены парламента не имѣютъ возможности высказываться откровенно и чистосердечно. Изъ своего „далека" за ними нерѣдко слѣдятъ ихъ причудливые избиратели, то требуя невыполнимыхъ мѣръ, то угрожая забаллотировкой своего М. Р. (то-есть „Member of Parliament") на слѣдующихъ выборахъ. Помнится, какъ мнѣ однажды замѣтилъ Кричлекъ: „Вы не можете себѣ представить, что за неотвязчивые деспоты — наши избиратели! Они шлютъ сотни писемъ своему представителю и нѣтъ возможности отъ нихъ избавиться".

Въ настоящую минуту на очереди немало вопросовъ несомнѣнной важности. Такъ, напримѣръ, по поводу Ирландскаго Билля борьба на жизнь и на смерть можетъ возгорѣться уже этою зимой, между Верхнею и Нижнею Камерами, въ лицѣ бывшаго премьера, лорда Сольсбюри и теперешняго—Г. Гладстона. А спорить съ лордомъ Сольсбюри уже потому крайне трудно, что онъ извращаетъ и слова, и факты съ одинаковою легкостью. Въ шутливомъ разговорѣ иногда именемъ „Сольсбюри" обозначаютъ ложь, „à little Solisbury" значитъ „басенка", „выдумка".

Извѣстный агностикъ, Фредерикъ Harrisson, печатно указываетъ на своеобразный методъ милорда вести войну. „Мои цитаты, пишетъ онъ, искажены опущеніемъ цѣлыхъ предложеній, необходимыхъ для связи. Въ одномъ же мѣстѣ даже самыя слова измѣнены для большей пригодности извращеннаго смысла. Такъ лордъ Сольсбюри совершенно пропускаетъ мою фразу. „Нечего толковать о техническихъ правахъ: они существуютъ съ обѣихъ сторонъ". Послѣ чего онъ преспокойно приписываетъ мнѣ совѣтъ, на который я указывалъ лишь, какъ на абсурдъ техническихъ правъ. Мой взглядъ, что Пэры, очутясь въ безнадежномъ столкновеніи съ палатой общинъ, удалятся изъ борьбы съ вынужденною любезностью, не представляетъ ничего новаго. Что никто не приметъ вызовъ лорда Сольсбюри за настоящій громъ—въ этомъ я убѣждаюсь все болѣе и болѣе".

— Вопросъ церковный тоже созрѣваетъ поспѣшно, подни-

мается тоже агитація, правда, съ сильною юмористическою окраской, о равноправности женщины. Пока рѣчь шла о дарованіи вполнѣ раціональнаго права собственности замужней женщинѣ (права, дарованнаго въ Россіи ранѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ цивилизованныхъ странахъ Европы, а въ Англіи всего въ 1882 году), этому движенію нельзя было не сочувствовать, но передовыя Англичанки хлопочутъ о засѣданіи въ Парламентѣ: теперь приходится не поддерживать, а парализовать ихъ, что и дѣлаетъ даже Гладстонъ, несмотря на свой шестидесятилѣтній либерализмъ.

Разсуждать, несомнѣнно, есть о чемъ; а говорить особенно много приходится 9 ноября, на банкетѣ новаго лорда Мэра, которымъ заканчивается водвореніе въ однолѣтнюю власть этого Калифа изъ купцовъ.

Въ коммерческой части Лондона, „City“, въ Гильдгольской залѣ (Guildhall) обыкновенно собирается отъ восьми до девятисотъ гостей. Пиръ на славу: лордъ Мэръ съ женой и многочисленною свитой стоятъ на небольшой платформѣ въ залѣ и любезно кланяются гостямъ, которыхъ имъ представляютъ церемоніймейстеры, спеціально назначенные на этотъ случай Дворомъ. Гости подвигаются чинно, медленно, попарно, въ мундирахъ, придворныхъ костюмахъ и „при звѣздахъ“. Иностранные послы, министры, свои и чужіе, представители разныхъ гильдій и корпорацій—весь этотъ пестрый людъ все болѣе и болѣе наполняетъ зданіе. Дамы низко присѣдаютъ, мужчины низко кланяются. Военные стоятъ длинною шеренгой, въ два ряда, внимательно осматривая входящихъ, ради осторожности, или любопытства? Рѣшить не могу.

Я участвовала однажды въ такомъ кукольномъ шествіи, и невольно вспоминала о наказаніи „сквозь строй“. Въ „кавалеры“ мнѣ попался лордъ Хаттонъ (извѣстный историкъ Monckton Milnes). Всѣ смотрѣли на него, но, по дорогѣ, взгляды падали и на его „даму“, что крайне непріятно. — Это представленіе обыкновенно продолжается около часа, иногда даже долѣе. Потомъ молча, движеніемъ руки, направляютъ всѣхъ въ столовую. Тамъ мѣсто каждаго назначено заранѣе.

— На подъѣздѣ трубятъ трубы, раздаются національные гимны и „баллады“. Не могу сказать, чтобъ англійская музыка затмила въ моей памяти Бетховена или Моцарта, но это дѣло вкуса. 9 ноября празднуется къ тому же и рожденіе наслѣдника ан-

глійскаго престола, принца Вельскаго, которому теперь минуло 51 годъ—по всей Англіи богатая иллюминація.

Гладстонъ, по „легкому нездоровью“, сэръ-Вильямъ Гаркортъ и лордъ Розбери, по какой-то другой причинѣ, не пріѣхали на банкетъ.

Изъ всѣхъ произнесенныхъ рѣчей самыя выдающіяся принадлежатъ военному министру Камбель-Баннермону и лорду Кимберлей, который былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ кабинетѣ Пальмерстона, а въ пятьдесятъ шестомъ году былъ посломъ въ Петербургѣ.

„Боннерману, сказалъ—Камбель, можетъ казаться нелѣпымъ, что имя статскаго человѣка, какъ я, связано съ такимъ воинственнымъ тостомъ, какъ процвѣтаніе арміи. Но моя роль публично подтверждаетъ одну важную черту нашей политической конституціи: армія никогда не была и, надѣюсь, никогда не будетъ чѣмъ-нибудь отдѣльнымъ и различнымъ отъ великой массы гражданскаго общества и отъ всего, что въ связи между этими обоими элементами.

„Мы не военный народъ, но мы всѣ желаемъ отъ души, чтобъ армія содержалась во всей своей силѣ и крѣпости. Моимъ долгомъ будетъ преодолѣвать затрудненія и предлагать возможныя улучшенія. Найдется много охотниковъ, которые мнѣ ихъ укажутъ. Можно сказать, однако, съ полною увѣренностью, что армія никогда еще не была такъ сильно и такъ хорошо снаряжена, какъ въ настоящую минуту, что особенно относится къ нашимъ войскамъ, расположеннымъ въ нашихъ колоніяхъ и въ Индіи. Содержаніе индійскихъ полковъ въ полномъ составѣ и боевой готовности требуетъ, конечно, напряженія всѣхъ нашихъ силъ и отзывается и на арміи расположенной внутри страны. Но это тяжелое напряженіе, вызванное обязанностями послѣднихъ лѣтъ, было встрѣчено всѣми офицерами, нижними чинами и рядовыми съ энергіей, рвеніемъ и самопожертвованіемъ, не уступающими ничему въ лѣтописяхъ нашей страны. Они находятъ свою награду въ сознаніи совершеннаго долга и въ одобреніи отечества, которое выражается при случаяхъ, подобныхъ нынѣшнему. Я говорю о той части арміи, которая служитъ подъ знаменами, но не забудемъ и той части обученныхъ рядовыхъ, которые всегда готовы вернуться къ знамени въ случаѣ непредвидѣнной потребности. Мы имѣемъ эту домашнюю оборонительную силу (нашихъ волонтеровъ), составляющую важный элементъ въ защитѣ нашей

страны. Отъ ея имени и отъ имени войскъ ея величества вообще, имѣю честь благодарить за тостъ г-на Лорда Мэра."

Рукоплесканія публики служили перерывомъ. Вслѣдъ за нимъ всталъ лордъ Кимберлей:

„Милордъ Мэръ, милорды, дамы и господа!

„Лордъ Мэръ сожалѣетъ объ отсутствіи на этомъ банкетѣ нашего начальника, перваго министра. И мнѣ тяжело замѣнять его въ эту минуту. Могу васъ, однако, увѣрить, что г. Гладстонъ охотно былъ бы здѣсь, еслибы только врачъ этому не воспротивился.—Впрочемъ, онъ бы даже и явился сюда, и вопреки совѣту врача, еслибъ его товарищи не заявили единогласно, что такое ослушаніе было бы неправильнымъ. *(Одобреніе.)*

„Милордъ Мэръ, отъ имени моихъ товарищей благодарю васъ сердечно за предложенный намъ тостъ, а равно и присутствующихъ, которые его такъ хорошо приняли. Мы вполнѣ сознаемъ, что этотъ комплиментъ не дѣлается намъ, какъ представителямъ партіи, а какъ лицамъ, которымъ, по волѣ монаршей, временно довѣряется чрезвычайная отвѣтственность управленія этимъ государствомъ. *(Одобреніе.)* И, каковы бы ни были ваши личныя убѣжденія, я увѣренъ въ вашемъ сочувствіи къ людямъ, на плечи которыхъ было возложено такое тяжкое бремя. *(Одобреніе.)* Мой благородный другъ лордъ-канцлеръ съ товарищескою любезностью меня уговариваетъ разоблачить нѣкоторыя тайны, которыя онъ, какъ я думалъ, подобно мнѣ, присягалъ не разглашать. *(Смѣхъ.)* Конечно, весьма непріятно не имѣть возможности широко раскрывать предполагаемыхъ мѣропріятій. Ничто бы не доставило мнѣ столько удовольствія, какъ возможность объяснить вамъ въ этой рѣчи разныя мѣры, теперь подготовляемыя правительствомъ ея величества. Вопреки опасности неблагопріятнаго отвѣта, такой споръ оживляетъ рѣчь, и я не сомнѣваюсь, что мы бы провели весьма оживленный вечеръ. *(Смѣхъ.)* Но въ такой моментъ, какъ настоящій, я думаю, никакой министръ и никакое правительство не считаетъ себя въ правѣ объявлять мѣры, приготовляемыя для слѣдующаго парламента. Есть еще другое серьезное препятствіе, которое вы легко поймете. Несмотря на согласіе по отношенію къ общимъ принципамъ этихъ мѣръ, кабинеты теперь находятся въ періодѣ насиживанія, но мы не можемъ представить корзины еще невысиженныхъ яицъ. *(Одобреніе).* Могу васъ увѣрить, что инкубація совершается весьма удовлетворительно, и я надѣюсь, что этотъ

утомительный процессъ будетъ не продолжительнымъ. *(Смѣхъ).* Еще не насталъ моментъ, когда я или самъ г. Гладстонъ, еслибы онъ здѣсь присутствовалъ, могъ бы вамъ объявить сущность этихъ мѣръ. Могу васъ увѣрить, однако, что при приготовленіи этихъ мѣръ, члены правительства будутъ имѣть въ виду обязательства, принятыя ими прежде, чѣмъ они были назначены королевскими министрами. Я также не сомнѣваюсь въ томъ, что вы ожидаете отъ людей въ нашемъ положеніи, чтобы мы дѣйствовали вполнѣ согласно съ этими обязательствами, представляя предъ парламентомъ и предъ страной мѣры, соотвѣтствующія даннымъ нами обѣщаніямъ прежде достиженія нами своего настоящаго положенія. *(Одобреніе).* Я это говорю не совсѣмъ безъ страха, сознавая что это включаетъ не только великій вопросъ ирландской политики, но и мѣры внутренней политики, интересующія всѣ классы общества. Надѣюсь и полагаю, что по внесеніи ихъ въ парламентъ, эти мѣры будутъ оцѣнены какъ должно, въ безпристрастныхъ и подробныхъ преніяхъ. Если онѣ удостоятся признанія, онѣ перейдутъ въ законъ, въ противномъ случаѣ съ ними обойдутся по ихъ достоинствамъ".

„Но я хочу сказать слово о предметѣ, не совсѣмъ подходящемъ для подобнаго общежитейскаго случая, именно, объ Ирландіи. Какъ вамъ извѣстно, веденіе ирландскихъ дѣлъ, главнымъ образомъ, возложено на моего товарища, который, къ несчастью, здѣсь отсутствуетъ, на г. Джона Марлея. *(Рукоплесканія).* Этотъ откликъ мнѣ доказываетъ, что какъ вы бы ни относились къ его мнѣніямъ, онъ честный и безстрашный человѣкъ, который будетъ стойко защищать то, что онъ считаетъ правдой и общимъ благомъ. *(Вторичные апплодисменты).* Правительство еще находится въ раннихъ дняхъ своей исторіи, такъ, что врядъ ли еще существуютъ мѣры, требующія защиты"...

„Я вамъ дамъ вкратцѣ, нѣсколько простыхъ цыфръ. Я думаю, что каждому изъ насъ желательно сохраненіе порядка въ Ирландіи. *(Рукоплесканія).* Но врядъ ли многіе станутъ отрицать, что правительство должно, для дѣйствительнаго успѣха, соединять порядокъ со свободой." *(Одобреніе)*...

„Теперь перейду къ другой области: я бы сердечно желалъ, чтобы о ней говорилъ мой товарищъ, который, конечно, оживилъ бы этотъ вечеръ своимъ остроуміемъ, и краснорѣчіемъ, то-есть лордомъ Розбюри". *(Рукоплесканія).*

„Я могу вамъ только сдѣлать, по этому поводу, общее сооб-

щеніе, весьма похожее на сообщеніе тронной рѣчи, что „всѣ наши отношенія съ иностранными державами суть дружественнаго и удовлетворительнаго свойства“. Я знаю, что это лишь стереотипная фраза, но отсутствіе инцидентовъ въ иностранной политикѣ, всегда составляетъ счастливое обстоятельство. Если же объ нихъ сказать нечего, то можете быть увѣрены, что въ общемъ, они удовлетворительны. Но удачная фраза лорда-Мэра вырываетъ меня изъ обобщеній и напоминаетъ мнѣ о существованіе нѣкоторыхъ вопросовъ, возбуждающихъ народное вниманіе. Лордъ-Мэръ очень ловко говорилъ объ отвѣтственности, простирающейся отъ Уганды до Трафальгарской площади. Я не скажу ничего о мѣрахъ правительства, которыя будутъ объявлены своевременно, но имѣю сказать слово или два, объ Угандѣ. Вопросъ этотъ сильно привлекаетъ вниманіе общества. Какъ вамъ извѣстно, компанія пришла къ заключенію, что настало время, когда необходимо выбраться изъ Уганды. Предшествовавшее правительство не сдѣлало никакихъ предложеній. Я попытаюсь изложить вполнѣ безпристрастно этотъ вопросъ. И такъ, предыдущее правительство не сдѣлало компаніи никакого предложенія оставаться въ Угандѣ. Но въ отвѣтъ на запросъ въ парламентѣ, оно заявило, что, по ихъ мнѣнію, очищеніе Уганды еще не обусловливаетъ отказа отъ нея, а лучшимъ средствомъ для ея сохраненія она считаетъ постройку желѣзной дороги *(Одобреніе)*, которую она и намѣревалась предложить парламенту. Мнѣ кажется, что это изображаетъ безпристрастно отношеніе къ этому вопросу послѣдняго правительства. Мы немедленно позаботились о краткой отсрочкѣ очищенія Уганды, дабы дать тѣмъ, которые желаютъ оставить эту страну, возможность своевременно убраться изъ нея. Этимъ ограничивается нашъ образъ дѣйствій, между тѣмъ, какъ за исключеніемъ непосредственнаго очищенія, угандскій вопросъ еще остается передъ нами на очереди. Мы посвящаемъ и будемъ посвящать этому общему вопросу тщательное и подробное вниманіе и разсмотрѣніе, котораго требуютъ въ высокой степени какъ важность, такъ и трудность этого дѣла“. *(Рукоплесканія)*.

„Есть еще одинъ иностранный вопросъ, относящійся къ департаменту, которымъ я имѣю честь завѣдывать. Не то, что тревожныя чувства, (это выраженіе слишкомъ сильно), но коекакія чувства были возбуждены въ странѣ тѣмъ, что происходитъ въ области, извѣстной подъ именемъ „Крыши Міра“. По

этому поводу, смѣю сказать, что, по нашему мнѣнію, вопросъ этотъ можетъ-быть улаженъ съ русскимъ правительствомъ дружескимъ образомъ, посредствомъ разграниченія упомянутой страны, о чемъ мы теперь съ нимъ ведемъ переговоры. *(Одобреніе).* Пока же на васъ, вѣроятно, подѣйствуетъ успокоительно знаніе естественныхъ условій, этой „Крыши Міра", не позволяющихъ въ продолженіе полугодія кому бы то ни было проходить черезъ нее или что-либо предпринять въ ней. Вотъ и все—объ иностранныхъ дѣлахъ". *(Дружныя рукоплесканія).*

Отъ себя могу прибавить, что недѣль пять тому назадъ, мнѣ пришлось изъявить сожалѣніе одному члену теперешняго кабинета, что проходимецъ Вамбери уже началъ писать свои зловредныя басни по поводу Памирскаго Вопроса. „О, да неужели вы думаете, что мы не знаемъ его лживости? Вѣрьте мнѣ, статьи его не имѣютъ ни малѣйшаго значенія."

Лордъ Кимберлей имѣетъ полное основаніе хвалить г. Морлея. Онъ, кажется, очень успѣшно взялся за свое трудное дѣло. Вотъ что пишетъ по этому поводу одинъ знатокъ Ирландскаго вопроса:

„Первый шагъ г. Морлея отличается чрезвычайною осторожностью и практичностью. Въ своемъ письмѣ къ Маккарти онъ указываетъ на полную неудачу 13 статьи Поземельнаго закона 1881 года. Эта статья имѣла въ виду защиту арендъ. Вслѣдствіе этого, во всей Ирландіи состоялось не болѣе 187 соглашеній, изъ числа которыхъ цѣлыхъ 103 соглашенія приходятся на одно лишь имѣніе. Полицейскій штатъ въ 600 человѣкъ, съ годовымъ бюджетомъ въ 45.000 фунтовъ стерлинговъ исключительно содержится для охраненія порядка, въ округахъ, волнуемыхъ этимъ нерѣшеннымъ вопросомъ. Одно только имѣніе обошлось такимъ образомъ Казнѣ въ 13.000 фунтовъ стерлинговъ за послѣднія одиннадцать лѣтъ, а 753 человѣка и теперь еще находятся подъ особою полицейскою охраной. Существованіе зла неоспоримо; но прежде, чѣмъ рѣшить способъ его удаленія, *намъ необходимы болѣе точныя и полныя свѣдѣнія, чѣмъ имѣющіяся у насъ теперь.* Поэтому немедленно будетъ назначена небольшая коммиссія для возможно скораго изслѣдованія вопроса и абсолютно безпристрастнаго доклада о фактическихъ условіяхъ и правовыхъ частностяхъ этого дѣла. Назначенная, безо всякой задней мысли, ревизія должна главнымъ образомъ выяснить: 1) во что обходится существующій нынѣ порядокъ вещей и 2) какія требуются мѣры

для приведенія къ соглашенію спорящихъ сторонъ и къ водворенія удаленныхъ арендаторовъ. Фамиліи коммиссаровъ еще не опубликованы. Но ихъ трудъ не будетъ игрушкой и весьма желательно, чтобъ ихъ докладъ поспѣлъ до созванія парламента."

Нездоровье Гладстона, на которое указывалъ лордъ Кимберлей, не помѣшало ему не только съѣздить недавно въ Кэмбриджъ, прочесть тамъ лекцію (Romanes Lecture), но и заняться ея изданіемъ въ свѣтъ и снабдить ее особыми примѣчаніями.

Самыя любопытныя изъ нихъ относятся къ иностраннымъ переводамъ аналогіи Бутлера. Въ своей лекціи Гладстонъ замѣтилъ, что сочиненія епископа Бутлера недостаточно оцѣнены, не удостоились переводовъ. На это немедленно возражалъ D-r Эмиль Рейхъ, указывая на нѣкоторые переводы. Это возраженіе, очевидно, задѣло за живое. И вотъ, Гладстонъ тоже спѣшитъ отстоять свой взглядъ: „За исключеніемъ аналогіи, не видно, чтобы гдѣ-нибудь появился переводъ всѣхъ его сочиненій" (пишетъ онъ въ своемъ примѣчаніи), кромѣ нѣмецкаго перевода его проповѣдей; единственнымъ переводомъ былъ французскій въ 1821 году, но мой преосвященный другъ, епископъ Батскій и Уэльскій объяснилъ мнѣ происхожденіе этого перевода. Это вовсе не было послѣдствіемъ спроса на его проповѣди во Франціи, а дѣломъ его отца, Маркиза Бристольскаго, который его самъ сдѣлалъ при помощи одного французскаго аббата. Отцу хотѣлось подѣлиться со своими французскими друзьями книгой сына, которую такъ высоко цѣнилъ. Такимъ образомъ, одна Германія, обыкновенно подающая хорошій примѣръ въ такихъ дѣлахъ, составляетъ исключеніе; но даже и она издала только „Аналогіи" и то 105 лѣтъ тому назадъ."

Религіозному Гладстону приходится въ настоящую минуту бороться съ общественнымъ мнѣніемъ, указывающимъ на поэта-атеиста Свинборна, какъ на будущаго поэта Лаврсата. Не могу допустить мысли о такомъ назначеніи: оно служило бы насмѣшкою надо всѣмъ, что дорого сердцу каждой христіанской страны. Недавній членъ Англиканской церкви, хотя самъ и перешелъ въ раціоналистическій лагерь, тѣмъ не менѣе, ярко опредѣлилъ роль христіанства въ поэзіи покойнаго Теннисона. Избравъ своимъ текстомъ слова:

„Я подвизался за благое дѣло, я кончилъ свое поприще, я сохранилъ свою вѣру."

Господинъ Станфордъ-Брукъ сказалъ, что „когда Тенни-

сонъ окончилъ свое школьное воспитаніе, религія была въ чрезвычайномъ упадкѣ. Душа Кольриджа еще жила, хотя жертвенное пламя уже вознеслось къ небу. Появленіе Теннисоновской, какъ и Браунинговской поэзіи совпало съ началомъ „высокоцерковнаго“ и „широкоцерковнаго“ движенія, а равно и съ зарожденіемъ новой политической и соціальной эры. Въ религіи стояло на первомъ планѣ для Ньюмана— прошлое, для Мориса—настоящее. Поэтъ, подобный Теннисону, не могъ не чувствовать, что „онъ вдохновленъ“. Какъ и у Кольриджа, эта мысль составляла необходимую, естественную характеристику великаго поэта. Она не требуетъ непремѣнной связи съ религіей. Морисъ уяснилъ Теннисону Бога въ настоящемъ. „Въ поэзіи Теннисона, конечно, не было конфессіональнаго догматизма. Онъ высказывался естественно, потому что художественность стоитъ въ связи съ естественною безконечностью. Поэзіи ненавистны всѣ опредѣленія безпредѣльнаго; она проводится въ гавань надеждой и любовью. Какъ поэтъ, онъ оставался въ области неопредѣленности въ вопросахъ изящнаго и религіи. Какъ грустно было видѣть Байрона, излагающимъ свои взгляды о первородномъ грѣхѣ: музы закрывали лицо, Аполлонъ хмурилъ брови! Богословы всѣхъ вѣроисповѣданій причисляли Теннисона къ своимъ; но они всѣ ошибаются. Вѣрованія измѣняются безпрерывно, такъ что черезъ сто лѣтъ на него будутъ предъявлять претензію и тѣ господа, которые теперь болтаютъ о вѣчныхъ карахъ. По мнѣнію проповѣдника, введеніе къ *In Memoriam*, „Мощный Сынъ Господень“, составляетъ обращеніе къ Христу. Теннисонъ былъ скорѣе христіаниномъ, чѣмъ Деистомъ. Ни одинъ Деистъ не могъ бы высказать того, что заключается въ *In Memoriam*. Христосъ никогда не пытался доказывать доводами извѣстныя всемірныя истины; Онъ ихъ завѣщалъ какъ духъ, какъ жизнь, предоставляя каждому человѣку придавать имъ какую угодно умственную форму. Въ поэзіи Теннисонъ становился на почву самого Христа. Нравственныя ученія были лишь второстепеннымъ дѣломъ для художника, главнымъ же дѣломъ—любовь. Сохранившему свою вѣру, Теннисону, однако, приходилось бороться за нее. Какъ дитя своего вѣка, онъ не пользовался покоемъ. Онъ былъ поэтомъ чуткимъ ко всѣмъ окружавшимъ его движеніямъ. Онъ боролся съ врагами внутри самого себя и вовнѣ. Такимъ образомъ, онъ никогда не переставалъ быть художникомъ. Когда Теннисонъ заканчивалъ *In Memoriam*, онъ

одержалъ побѣду надъ сомнѣніемъ. Послѣднія тридцать лѣтъ были для всѣхъ мыслящихъ людей годами сомнѣнія. Это видно изъ такихъ стихотвореній, какъ *Ширь*. Но, въ послѣднемъ томѣ поэта, страхъ прошелъ на вѣки. Подобно Горацію, Теннисонъ, въ продолженіе шестидесяти лѣтъ, защищалъ узкую тропинку, ведущую къ безсмертной жизни.

Жизнь въ Англіи отличается лихорадочною поспѣшностью. Умеръ Теннисонъ, его оплакали, какъ слѣдовало. Сказали немало проповѣдей, болѣе или менѣе удачныхъ, потомъ перешли къ болѣе прозаическимъ вопросамъ въ родѣ книги *Шпіона* Лекарона и катастрофы на желѣзной дорогѣ.

Англія основательно гордится свободой слова.
. . . . . здѣсь языкъ,
„Къ свободомыслію привыкъ,
И не касалася окова
До человѣческаго слова“.

Пожалуй, что такъ, но въ чемъ именно заключается „окова“? Не грѣшно, право, иногда дать себѣ отчетъ въ употребляемыхъ словахъ! Вѣдь иногда тѣ же результаты достигаются различными мѣрами. Примѣромъ этого можетъ служить книга майора Лекарона *Двадцать пять лѣтъ въ тайной службѣ или Воспоминанія Шпіона*. Многія книжныя лавки, какъ Мюти и Смита, изъяли ее изъ обращенія въ виду процессовъ, которые угрожаютъ неминуемо какъ автору, такъ его издателю и книгопродавцамъ. Законъ о клеветѣ врядъ ли удовлетворяетъ кого-либо, но всего менѣе библіотекарей такихъ извѣстныхъ фирмъ, какъ вышеупомянутыя. Нѣтъ возможности предварительно прочитывать всѣ книги, которыя даются имъ на прокатъ, еще труднѣе сразу замѣтить клевету; обыкновенно руководятся благоразуміемъ издателя. Изъятіе изъ обращенія книги, на которую большой спросъ, составляетъ большую потерю для крупной фирмы, закупившую иногда сомнительную книгу на цѣлую полутону вѣсомъ. Многимъ еще памятны безчисленные иски, предъявленные г-жей Уэльдонъ, по поводу воспоминаній Гуно. Эти прецеденты руководятъ юристовъ. Обычай пріостановленія дѣйствительно, или мнимооскорбительныхъ книгъ становится все болѣе и болѣе частымъ и стѣснительнымъ для розничныхъ торговцевъ. Въ виду всего этого, книгопродавцы отказываются отъ распространенія книги, которая мало-по-малу забывается и замѣняется менѣе „жгучею“...

На банкетѣ лорда Мэра забыли упомянуть о желѣзно-дорожномъ несчастіи,[1] хотя, подробности недавней катастрофы шотландскаго курьерскаго поѣзда, указали на странныя условія этой отрасли администраціи.

Въ Ньюкастлѣ собрался митингъ стрѣлочниковъ. Предсѣдатель онаго не скрывалъ своего негодованія: „Еслибы слезная просьба несчастнаго Гольмса, у котораго только-что умеръ единственный сынъ, была уважена,[2] то не было бы вовсе и катастрофы". Онъ отрицаетъ, что такой отказъ составляетъ „рѣзкое исключеніе". Наоборотъ: приходится сплошь да рядомъ оставаться на службѣ въ будкѣ, предоставляя чужимъ погребать ближайшихъ своихъ родственниковъ. Излишекъ въ пятнадцать минутъ, который, какъ говорятъ, былъ данъ въ случаѣ тирской катастрофы, не былъ достаточенъ для поставленія минеральнаго поѣзда на линію, между двумя отдѣленіями курьерскаго поѣзда; стрѣлочниковъ же сильно обременяли, чтобы справиться съ движеніемъ. Другіе ораторы тоже напирали на трудность добиться смѣны, утверждая, что смерть ребенка Гольмса давала ему право на отпускъ. Приводились многіе случаи отказа стрѣлочникамъ въ отпускѣ для ихъ бракосочетанія, хотя, какъ замѣтилъ одинъ изъ ораторовъ, въ случаѣ какой-либо оплошности съ ихъ стороны, всегда оказывалась возможность увольнять и замѣнять ихъ немедленно. Девяносто процентовъ изъ нихъ работаютъ 72 часа въ недѣлю, распредѣленные на шесть полусуточныхъ смѣнъ. „Слѣдовало бы объявить публикѣ", воскликнулъ другой — „что при теперешней системѣ, жизнь ихъ еженедѣльно подвергается нѣсколькократной опасности".

Различныя „резолюціи" были предложены и приняты. Особенно упирали на необходимость назначать по два стрѣлочника на каждую смѣну, мѣру, потребующую много новыхъ затратъ— но мнѣ лично пора принять „резолюцію" закончить это повѣствованіе, поклониться на всѣ стороны, сказавъ: до свиданія, то есть до слѣдующаго письма.

О. К. (Ольга Новикова.)

Лондонъ 2 (14) ноября.

---

[1] Тирская катастрофа.

[2] Стрѣлочникъ Гольмсъ, разстроенный смертью своего ребенка и крайне усталый, просился у начальства не являться на работу до слѣдующаго дня.

РОЗА ЦЕТИНЬИ.

Романъ Е. Вальдъ-Зедвица.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

XII.

Дни проходили за днями. Іесто всѣми силами старался побороть непріятное чувство, вызываемое въ немъ деспотизмомъ и своеобразными воззрѣніями его отца. Все чаще и чаще увѣрялъ онъ себя, что слѣдуетъ снисходить къ особенностямъ своего народа, потому что только этимъ путемъ можетъ удасться и ему смягчить грубость его нравовъ. Онъ отлично понималъ, что силой и спорами ничего не достигнешь.

Какъ-то разъ онъ сидѣлъ съ Аѳиной въ саду на томъ же мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ и въ первое утро своего возвращенія домой. Аѳина выбрала мѣсто умышленно, такъ какъ отсюда она могла слышать зовъ больнаго, заботы о которомъ она раздѣляла съ Цисселакомъ. Мечтательно перебирая струны гуслей, лежавшихъ на ея колѣнахъ, она спросила:

„Ты полагаешь, Іесто, что на западѣ не совершаются подобныя дѣла?“

— О, конечно, это бываетъ, отвѣчалъ Іесто, — но, благодареніе Богу, злодѣевъ, способныхъ на такія дѣла, земное правосудіе старается открыть и сдѣлать безвредными. — Аѳина задумчиво опустила глаза и провела по струнамъ. Этимъ нѣжнымъ звукамъ внималъ Гиги.

Еще блѣдный, больной, но уже на пути къ выздоровленію, лежалъ Гиги на подушкахъ съ забинтованною головой; приподнявшись, онъ увидалъ склоненную головку Аѳины. Искренняя благодарность къ ней и ея брату давно уже наполняла его сердце, а теперь съ восторгомъ любовался онъ чуднымъ профилемъ этой кроткой волшебницы Черногоріи; однако, онъ скоро ослабѣлъ и, упавъ на постель, началъ гладить исхудавшею рукой голову волка, который былъ теперь его вѣрнымъ сторожемъ. Звѣрь лежалъ возлѣ на полу и полусонно глядѣлъ на него, уткнувъ свою острую морду въ одѣяло. Въ противоположномъ углу комнаты, прислонясь широкою спиной къ стѣнѣ, сидѣлъ Цисселакъ и спалъ сномъ праведника, похрапывая на всю комнату; ноги его были заложены одна на другую, а руки засунуты въ карманы штановъ.

Слова Іесто заставили Аѳину задуматься, но вотъ она подняла свои жгучіе глаза на брата и боязливо спросила:

„Слѣдовательно, ты думаешь Іесто, что только негодяй способенъ на подобное?“

Іесто кивнулъ головой въ знакъ согласія.

„И ты полагаешь, что онъ за это будетъ лишенъ вѣчнаго блаженства?“

— Я въ этомъ увѣренъ, отвѣчалъ Іесто рѣшительно.

Аѳина закрыла лицо руками. Всѣ ужасы ада, которые священникъ рисовалъ такими яркими красками, представились ей живо.

— Значитъ, сдѣлавшіе это, подвергнутся вѣчнымъ мукамъ?

Она пристально глядѣла въ лицо брата.

— Одобреніе подобнаго дѣла равносильно соучастію; скажи мнѣ, сестра, чего можетъ ожидать дѣвушка отъ подобнаго человѣка, довѣривъ ему свою жизнь? Какую участь приготовитъ онъ ей? — не будетъ ли жизнь ея также тяжела, какъ жизнь большинства черногорскихъ женщинъ?

— Развѣ она тяжела? спросила простодушно Аѳина. Іесто нѣжно погладилъ сестру по головѣ.

— Бѣдное, бѣдное дитя! Подумай-ка, Аѳина, что приготовляетъ мужъ спутницѣ своей жизни и матери своихъ дѣтей, унижая ее даже не до положенія служанки, а до положенія вьючнаго животнаго? Почему должна женщина, отдавшись ему по любви, нести самыя тяжелыя обязанности въ то время, какъ мужъ проводитъ время въ бездѣльи? кто позволяетъ ему бить жену и дѣлать изъ нея рабу?

— Клянусь Богомъ и Пресвятою Дѣвой, онъ не посмѣетъ этого сдѣлать! воскликнула Аѳина.

— Съ нимъ ты не избѣгнешь подобной участи; человѣкъ хладнокровно убивающій столько невинныхъ людей не будетъ церемониться съ своею женой,—а Михаилъ...

Аѳина испуганно оглянулась на окно и зажала ротъ Іесто руками.

— Молчи, не называй по имени, еслибы тотъ, что лежитъ тамъ, услыхалъ и сообщилъ суду, онъ не избѣжалъ бы тогда смерти, а этого не должно быть.

Іесто съ радостью замѣтилъ, что вызвалъ въ дѣвушкѣ, наконецъ, такое чувство, добиться котораго онъ уже отчаявался; Аѳина не хотѣла предать Михаила на смерть, но было ясно видно, что рѣшеніе стать его женой въ ней поколебалось.

— Аѳина, раздался изъ комнаты слабый голосъ князя и въ открытомъ окнѣ показалась голова волка, какъ бы призывавшая ее къ своимъ обязанностямъ. Аѳина вскочила и побѣжала въ домъ. Іесто посмотрѣлъ ей вслѣдъ; радостное чувство поднялось въ немъ, вереница мыслей кружила ему голову,—что выражали эти прояснившіяся черты сестры? чѣмъ объяснить это неземное выраженіе ея лица?

Его ли слова привели Аѳину къ такому умиротворенному образу мыслей, или ея молодое сердце не осталось равнодушнымъ къ другу, за которымъ она ухаживала съ такимъ самоотверженіемъ?

Что представлялось для нея мучительнѣе: быть ли прислугой своего мужа—положеніе, съ которымъ она съ дѣтства сроднилась и которое она видѣла въ семьяхъ своего народа, или же, отдавъ сердце этому иностранцу, не получить ничего взамѣнъ? Что̀ страшнѣе, переносить ли рабство и побои мужа, или пережить нераздѣленную любовь? А, что если Гиги ее любитъ? Несчастіе будетъ еще страшнѣе! Что̀ станется съ Габріэллой? Не будетъ ли онъ, Іесто, виноватъ, если та будетъ страдать? Не онъ ли свелъ Гиги со своею сестрой? А можетъ быть молитвы его услышаны; вѣдь онъ смутно надѣялся, что больное сердце женщины можетъ склониться къ нему. При этой мысли онъ вскочилъ.

— Господи! какъ это я могъ такъ низко пасть, если подобная мысль явилась у меня?

И съ этими словами онъ взялъ ружье и пошелъ въ горы пострѣлять для обѣда дичи.

Вокругъ него было такъ все величественно; благотворно дѣйствовала природа на его воспріимчивую душу! Такъ манили его къ себѣ эти великаны-скалы, такъ счастливъ былъ бы онъ здѣсь и такъ охотно забылъ бы онъ всѣ прелести большаго свѣта, лишь бы возлѣ него былъ человѣкъ его понимающій: только она, она была бы здѣсь возлѣ него!

„Габріэлла, Габріэлла“, громко пронеслось въ горахъ и эхо, сто разъ повторило дорогое ему имя...

Когда Гиги позвалъ Аѳину, она вошла къ нему всецѣло поглощенная предыдущимъ разговоромъ съ братомъ.

— Я здѣсь, господинъ, что прикажешь?

— Мнѣ хотѣлось васъ видѣть, Аѳина!

Она вспыхнула вся, взяла скамейку и сѣла возлѣ него. Ранѣе она садилась на кровать, но съ того времени, какъ къ нему возвратилось полное сознаніе, она уже не позволяла себѣ этого, и мѣсто ея занялъ волкъ, что̀ было и въ данную минуту, и волкъ, словно понимая разговоръ, переводилъ свои глаза съ одного на другаго.

— Лучше ли вы себя чувствуете? спросила она.

— Благодаря вашему вниманію и уходу я поправлюсь скорѣе, чѣмъ думалъ. Цисселакъ, а Цисселакъ?!. перестань храпѣть!.. пойди лучше посмотри — не можешь ли ты быть полезнымъ кому-нибудь?

Цисселакъ вскочилъ и вышелъ изъ комнаты. Гиги взялъ руку Аѳины и, крѣпко пожавъ ее, сказалъ:

— Какъ мнѣ благодарить тебя, Аѳина, за всѣ заботы обо мнѣ?

Она не вырвала руки и опустила глаза...

— Докажите мнѣ вашу благодарность тѣмъ, сказала она нѣжнѣе обыкновеннаго,—чтобы скорѣе выглядѣть такимъ, какъ я видѣла васъ въ первый разъ. Она примолкла, перевела духъ и продолжала: „если вы не совсѣмъ забудете дѣвушку Черныхъ Горъ, когда уѣдете отсюда—вотъ мнѣ и награда.“

Гиги съ восторгомъ смотрѣлъ на нее. Сколько благородства въ этой дѣвушкѣ! Еслибъ знали въ большомъ свѣтѣ, какъ много значитъ естественность и благородство, какъ измѣнился бы этотъ свѣтъ, какъ уменьшилась бы ложь; потому что многіе лгутъ изъ привычки, а не отъ дѣйствительной испорченности.

Голосъ Аѳины дрожалъ, глаза ея были устремлены на Гиги,

но не горѣли, какъ прежде, а точно затуманились, и только зрачки были расширены и сверкали, какъ двѣ звѣзды.

— Какъ мнѣ забыть васъ, Аѳина? Моя благодарность такъ велика, что я полюбилъ мою сестру милосердія.

Она тихо высвободила руку и, наклонясь, начала гладить волка. Животное могло чувствовать насколько быстро билась кровь въ рукѣ его госпожи; онъ всталъ, ласкаясь и выгибая спину. Гиги любовался обоими друзьями.

— Вы, стало-быть, замѣтили меня еще тогда, и съ того разговора у блокгауза не забыли меня?

Она едва кивнула головой, опустивъ стыдливо глаза и вся вспыхнувъ.

— Я тотчасъ же узнала васъ, когда увидѣла раненымъ въ экипажѣ. Вы не повѣрите, какая это была ужасная минута.

Она заговорила быстрѣе, щеки покрылись густымъ румянцемъ, а лицо выразило страданіе.

— Черногорцы не отличаются снисходительностью къ врагамъ, а вы всегда на насъ смотрите именно какъ на враговъ. Не правда ли? чѣмъ же вызвалъ я въ васъ сожалѣніе?

— Почемъ я знаю? все лицо ея просвѣтлѣло. Она снова нагнулась къ животному и крѣпко обняла его. Гиги казалось, что сердце его перевернулось, и ему нужно было много силы воли, чтобы спокойно говорить съ этимъ прелестнымъ созданіемъ.

— Не догадываетесь ли вы, кто совершилъ это преступленіе?

Аѳина вся задрожала.

— Развѣ вы что-нибудь ужь знаете?

Повернувъ голову она сказала:

— Не спрашивайте меня! сказать неправду я не могу, а быть доносчицей я не хочу, да и было бы стыдно.

Какъ ни старался Гиги освободиться отъ очарованія, это дитя природы простодушіемъ своимъ притягивало его неимовѣрно, и радость, какъ лучъ солнца, освѣтившая его лицо, не укрылась отъ дѣвушки.

— Ты, стало-быть, всегда мнѣ будешъ говорить правду Аѳина?

— Всегда!

— Тогда сознайся мнѣ откровенно, чувство ли гнѣва заставило тебя такъ гордо обойтись со мною при первомъ свиданіи нашемъ у блокгауза?

— Нѣтъ, господинъ.

— Какая же этому была причина?

— Таковы наши обычаи.

— Ошибся я или ты дѣйствительно обернулась и посмотрѣла назадъ прежде, чѣмъ спустилась въ долину?

Она закрыла лицо руками и чуть замѣтно кивнула головой.

Гиги не разспрашивалъ далѣе, онъ только чувствовалъ, какъ прибывали въ немъ силы и сознавалъ, что чудодѣйственною и цѣлебною для него силой была сама Аѳина.

Въ окнѣ, ограждаемомъ обыкновенно волкомъ отъ всякаго посторонняго взгляда, появилось хитрое лицо Натальи. Разговаривающіе этого не замѣтили, чѣмъ она была очень довольна, стояла она здѣсь давно и подслушала весь разговоръ молодыхъ людей и слышанное ею казалось ей достаточнымъ, чтобы навѣрняка нанести рѣшительный ударъ Михаилу.

Аѳина собралась уходить.

— Не послать ли вамъ Цисселака? онъ не такой болтунъ какъ я; боюсь не утомить бы васъ разговоромъ.

— Останьтесь Аѳина, я съ вами чувствую себя такъ хорошо, такъ невыразимо хорошо.

Она послушно сѣла на прежнее мѣсто.

— Вотъ вы все еще очень блѣдны? вѣрно вамъ, привыкшему къ веселому обществу, скучно здѣсь съ нами.

— Когда вы со мною, Аѳина, уединеніе пріятнѣе для меня самого избраннаго общества.

— Я думаю, тамъ очень разнообразно и шумно?

Гиги наклонилъ голову въ знакъ согласія и началъ разсказывать о своей жизни въ кругу товарищей, о Тріэстѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, о прелести Италіи. Съ удивленіемъ слушала его Аѳина, въ ея воображеніи вставали цѣлыя картины незнакомаго ей, но манящаго и увлекательнаго міра, о которомъ она ранѣе слышала отъ брата. Но въ разсказахъ брата все было какъ-то строго, торжественно, тогда какъ все видѣнное Гиги казалось блестящимъ и необыкновенно увлекательнымъ.

— О, это чудесно, восхитительно,—воскликнула она, вскочивъ и хлопая въ ладоши,—вотъ съ вами бы все это видѣть, разсмотрѣть! о, вы должно-быть веселый товарищъ, вѣроятно несравненно болѣе веселый, чѣмъ мой лохматый другъ.

Она горячо поцѣловала волка. Затѣмъ, рѣзко оттолкнувъ его, продолжала:

— Вотъ бы поглядѣть только, поглядѣть!

Въ этомъ „поглядѣть“ было столько страстнаго желанія, что

оно заставило задрожать Гиги; онъ едва сдержалъ неосторожное слово, готовое было сорваться съ языка, какъ вдругъ Габріэлла, какъ живая, представилась ему,—и это въ первый разъ за все его пребываніе въ домѣ воеводы. Воспоминаніе это такъ уничтожающе на него подѣйствовало, что слова замерли, и онъ упалъ въ подушки лицомъ, чтобы заглушить стонъ; волкъ косился то на одного, то на другаго. Дрожь пробѣжала по членатъ Аѳины.

— Видите, синьоръ, вы еще слишкомъ слабы для такого длиннаго разговора, будьте же послушны—отдохните.

— Хорошо, Аѳина,—согласился Гиги,—я буду послушенъ, но подъ однимъ условіемъ: ты сядешь подъ окномъ играть на гусляхъ и спой; мнѣ подъ эту музыку такъ сладко дремлется. Согласна?

— Если вы желаете этого, синьоръ!

Съ этими словами она вышла.

Гиги услыхалъ, какъ она настраивала гусли, затѣмъ заиграла боязливо и тихо, потомъ все громче и громче и наконецъ запѣла народную пѣсню, которую пѣла около Кулы для Михаила: „Въ то время, когда зацвѣтутъ розы“.

Князь впалъ въ пріятную дремоту; слова пѣсни звучали въ его сердцѣ, и онъ тихо, тихо заснулъ.

* * *

А въ Каттаро было большое волненіе: распространилось извѣстіе о взрывѣ блокгауза, дошло до главнокомандующаго, который немедленно послалъ большой отрядъ для изслѣдованія всего случившагося. Письмо Іесто Прессаевича пришло въ минуту отправленія войска. Съ тяжелымъ чувствомъ стояли солдаты надъ изуродованными тѣлами товарищей; началась уборка обломковъ и погребенныхъ подъ ними остатковъ гарнизона. Справедливый гнѣвъ овладѣлъ королевскими егерями и піонерами при видѣ послѣдствій этого ужаснаго злодѣйства; мысль о возмездіи не покидала ихъ; печальные остатки солдатъ, сдѣлавшихся жертвами низкой мести, были отправлены въ Каттаро и похоронены съ военными почестями; мѣстное населеніе, не желавшее признавать владычества двуглаваго орла, было возмущено этимъ звѣрствомъ и пожелало присутствовать при похоронахъ, чтобъ отдать послѣднія почести погибшимъ. Приказъ розыскивать виновныхъ разосланъ былъ повсюду, а въ управленіе Цетиньи отправили петицію о дозволеніи королевской сыскной полиціи при-

ѣхать туда и допросить Гиги и Цисселака, единственныхъ свидѣтелей, уцѣлѣвшихъ изъ всего пограничнаго гарнизона. Сегодня долженъ былъ прибыть въ Цетинье военный и гражданскій судъ и начать розыски. Слухъ объ этомъ распространился, и населеніе заволновалось. Дошли эти извѣстія и до Аѳины, съ волненіемъ ожидавшей допроса. Убѣжденная въ виновности Михаила, хотя и не увѣренная въ томъ, что онъ былъ главный зачинщикъ всего, она страдала и мучилась отъ этого сознанія и со страхомъ ожидала результатовъ допроса.

Воевода подошелъ къ ней.

— Князь совсѣмъ выздоравливаетъ и не нуждается болѣе въ твоемъ постоянномъ уходѣ. Отправляйся въ поле доить коровъ; съ того времени, какъ все молочное хозяйство лежитъ на одной Натальѣ, оно стало весьма плохо.

Аѳина обрадовалась приказанію отца. Правда, она охотно ухаживала за больнымъ княземъ, съ удовольствіемъ слушала его разсказы о чудесахъ тамъ, за границей, о вниманіи и уваженіи тамъ къ женщинамъ; но родныя горы давно манили ее.

Радостно принялась она за приготовленія: навьючила мула ведрами, кожаными мѣшками и отправилась въ поле привести для себя лошадь. Окинувъ взглядомъ всѣхъ лошадей, она выбрала одну и закричала:

— Ей, хи. Присто, сюда!

Лошади подняли свои умныя головы, насторожили уши, а одна изъ нихъ, самая красивая, заслышавъ повторенное имя Присто, заржала и, рысью побѣжавъ къ Аѳинѣ, начала ее обнюхивать, какъ бы ища чего; она не обманулась: Аѳина достала изъ кармана кусокъ хлѣба, дала своему любимцу и, пользуясь минутой, накинула узду и, ухватившись за гриву, ловко вскочила на лошадь. Возвращаясь домой, она должна была проѣзжать мимо дома Михаила, который увидѣлъ ее, но она или не замѣтила, или притворилась, что не видитъ. Михаилъ зналъ, что она ѣдетъ на пастбища, осѣдлалъ свою лошадь и окольною дорогой отправился къ перекрестку, чтобы дождаться ее, какъ и тогда, въ день ея имянинъ. Ждать ему пришлось не долго: вскорѣ на дорогѣ показалась Аѳина, лошадь которой заржала при видѣ товарища. Не радость почувствовала дѣвушка при встрѣчѣ Михаила, другое чувство волновало ее. Слова брата, непонятно звучавшія вначалѣ, постепенно сложились въ убѣжденія, а при видѣ мстительнаго, кровожаднаго возлюбленнаго, она испытывала только страхъ. На

его шумное привѣтствіе она отвѣчала холодно, а когда онъ захотѣлъ поцѣловать ее, она откинулась въ сѣдлѣ, чтобъ избѣжать подобныхъ нѣжностей.

Михаилъ покраснѣлъ отъ гнѣва.

— Что съ тобой, Аѳина? ты очень измѣнилась; холодна, дерзка и избѣгаешь меня?

Она вскинула на него горящіе глаза и такъ сильно потянула поводья, что лошадь очутилась задними ногами на самомъ краю зіявшей около пропасти; нѣкоторое время смотрѣла она молча, а затѣмъ вымолвила: — „я тебя боюсь Михаилъ, ты мнѣ страшенъ!“

Парень былъ совершенно ошеломленъ, не зная, какъ понять ея слова.

— Я страшенъ для тебя, Аѳина? Съ какого же это времени?

Дѣвушка быстро оглянулась кругомъ, чтобъ убѣдиться, что ихъ никто не слышитъ:

— Съ того времени, какъ твои руки обагрились кровью столькихъ невинныхъ людей?

Внезапная блѣдность разлилась по лицу Черногорца, и онъ съ трудомъ вымолвилъ наконецъ:

— Я тебя не понимаю, Аѳина?

— Ты меня не понимаешь? холодно усмѣхнувшись, сказала она? „Неужели посмѣешь ты солгать мнѣ въ лицо, что не принималъ участія во взрывѣ блокгауза?“ Михаила передернуло, но, пересиливъ себя, онъ дерзко сказалъ:

— Если даже это дѣло моихъ рукъ, то для кого же, какъ не для тебя все это сдѣлано? Съ какого это времени для дѣвушки Черногоріи дѣлается страшенъ человѣкъ, кровью смывшій ея позоръ? Я понимаю отлично все, что съ тобой произошло и вижу въ твоемъ сердцѣ образъ блѣдной австрійской овцы, затемнившей твой разсудокъ! — онъ выхватилъ кинжалъ, но увидалъ тотчасъ же пистолетъ, направленный Аѳиной прямо ему въ сердце.

— Ты знаешь, Михаилъ, дѣвушка Черногоріи дорого цѣнитъ свою жизнь!

— Не думай, впрочемъ, горько усмѣхнувшись сказалъ Михаилъ, что я трону женщину, нѣтъ, моя месть отыщетъ похитителя сердца моей возлюбленной?

Теперь поблѣднѣла Аѳина,—она поняла наконецъ, что любила и любила на всю жизнь, и это сознаніе заставляло ее страшиться

за жизнь человѣка, разомъ овладѣвшаго ея сердцемъ; страхъ ея былъ такъ великъ, что она едва была въ силахъ держать оружіе въ рукѣ, сильной и крѣпкой въ другое время.

— Ты заблуждаешься! слѣпая ревность дѣлаетъ тебя безумнымъ! что общаго между мной и чужестраннымъ офицеромъ?

Она говорила, постепенно возвышая голосъ, какъ бы стараясь заглушить боль сердца.

Михаилъ до крови закусилъ губу; кровью налившіеся глаза, метавшіе искры, выдавали кипѣвшую въ немъ ярость, и наконецъ, не выдержавъ, онъ почти вскрикнулъ:

— Женщина! я знаю лучше тебя, гдѣ правда; но помни, ты знаешь, какъ остеръ мой кинжалъ и какъ вѣренъ ударъ,—дрожи за чужеземца! Да, это я, я пустилъ этихъ негодныхъ бездѣльниковъ на воздухъ. Иди и предавай меня суду!..

Онъ повернулъ лошадь, ударилъ кнутомъ и, задыхаясь отъ злобы, какъ безумный поскакалъ къ Цетиньѣ по крутому обрыву, не обращая вниманія на камни, летѣвшіе изъ подъ ногъ его лошади. Быстро обогналъ онъ карету, которая везла изъ Каттаро королевскую сыскную полицію и, запыхавшись, весь въ пыли доскакалъ домой.

— Михаилъ, Михаилъ! отчаянно кричала Аѳина ему въ слѣдъ, но голосъ ея потерялся въ ущельяхъ. Ужасный страхъ охватилъ ее; инстинктивно повернула она свою лошадь и поѣхала къ часовнѣ Божіей Матери, виднѣвшейся вдали. Достигнувъ ея, она легко соскочила съ сѣдла, опустилась на колѣни и усердно молила Владычицу, кротко и милостиво глядѣвшую на нее изъ золоченаго кіота. Молила она за Михаила, прося смирить его жестокое сердце, а также и за Гиги, поручая его Ея покровительству, и моля, да сохранитъ его отъ грозившей опасности.

Освѣженная и успокоенная поднялась она, вскочила на лошадь и отправилась къ своимъ ежедневнымъ занятіямъ.

Возвратясь домой, она застала судей уже у постели больнаго князя. Ей необходимо было знать, что онъ говорилъ, потому, зная, что у окна легче всего подслушать, она осторожно, какъ бы совершая преступленіе, прокралась туда.

Офицеръ разсказывалъ о недоразумѣніи, возникшемъ между Черногорцами и Боснійцами изъ-за украденнаго стада, и о своемъ рѣшеніи по этому случаю; какъ замѣтила Аѳина, Гиги неохотно удостовѣрилъ это на бумагѣ. Подозрѣнія же на кого-либо въ этомъ взрывѣ онъ не высказалъ.

Допрашивали затѣмъ Цисселака, который могъ только сказать, что слышалъ страшный трескъ при взрывѣ и потомъ лишился сознанія.

Два предположенія высказалъ военный аудиторъ: первое, что Боснійцы изъ мести за непріятное для нихъ рѣшеніе взорвали блокгаузъ, другое же допускало, что ревность побудила Черногорца на этотъ діавольскій поступокъ; все это рѣшено было хранить въ тайнѣ и продолжать слѣдствіе.

Допрашивали воеводу, Аѳину, Наталью, затѣмъ Михаила, его отца и всѣхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ. Слѣдствіе велось уже нѣсколько дней и ничего не выяснило, а судъ, отправившись за свѣдѣніями къ Боснійцамъ, возвратился оттуда ни съ чѣмъ, и это ужасное дѣло оставалось пока невыясненнымъ.

Волненіе улеглось въ Цетиньѣ; тамъ всѣ были увѣрены, что это дѣло рукъ Михаила, но никто не рѣшился бы высказать свою догадку; Наталья и та молчала, зная отлично, что за открытіе придется заплатить жизнью. Воевода послѣ долгаго размышленія рѣшилъ такъ: стада его были возвращены, Михаилъ, сватавшійся ранѣе за Аѳину, взрывомъ блокгауза и умерщвленіемъ оскорбителя его дочери доказалъ, что геройскій духъ его предковъ еще живъ, а такой подвигъ требовалъ награды и награды немедленной; воевода рѣшилъ дѣлать все быстро; тотчасъ же отправившись къ отцу Михаила, онъ пригласилъ его съ сыномъ къ себѣ.

Собравъ всѣхъ домашнихъ, домовладыка приказалъ Натальѣ: „поставь на столъ вина, принеси масло, хлѣбъ, медъ и свѣжихъ булокъ!“ Едва старуха исполнила все это, какъ показался Михаилъ съ своимъ отцемъ, при видѣ которыхъ Аѳина задрожала, а Іесто поблѣднѣлъ; глаза Натальи, стоявшей въ углу, метали злобныя искры въ то время, какъ воевода спокойно заговорилъ:

— „Мнѣ не безызвѣстно, Михаилъ Старовочевичъ, сынъ Даніила Михаиловича Старовочевича,—да будетъ благословеніе надъ его домомъ! — что ты сватаешь мою единственную дочь Аѳину Пресаевичъ“.

Горящіе глаза Михаила устремились на поблѣднѣвшую Аѳину.

— „Дерзкій человѣкъ осмѣлился запятнать честь моей дочери, но Пресвятая Дѣва заступилась и, наказавъ смертью оскорбителя, смыла этотъ позоръ, — теперь спрашиваю я васъ, Даніилъ Михаиловичъ Старовочевичъ и сынъ твой: признаете ли вы

честь моего дома возстановленною и согласны ли ввести мою дочь въ вашъ благословенный домъ? Отвѣчайте.“

Михаилъ колебался минуту, припомнивъ послѣднюю встрѣчу съ Аѳиной, но страстная любовь преодолѣла, и громко и ясно, чтобъ слышалъ рядомъ лежащій Гиги, произнесъ „да!“

Аѳина судорожно сжала руку брата, отвѣтившаго ей тѣмъ же; Наталья впилась глазами въ отца Старовочевича.

Гиги не пропустилъ ни одного слова, сердце его стучало, кровь изъ раны на головѣ потекла снова; онъ такъ крѣпко схватилъ за шкуру рядомъ лежавшаго и дремавшаго волка, что этотъ послѣдній жалобно завылъ.

Воевода обратился теперь къ дочери:

— „Я спрашиваю тебя, Аѳина Пресаевичъ, согласна ли ты принять предложеніе этого юноши, Михаила Старовочевича? Обсуди и отвѣчай громко и внятно „да“. Дѣвушка колебалась; вошелъ священникъ благословить нареченныхъ, и Аѳина, неспособная выговорить ни слова, безпомощно смотрѣла на брата.

Въ душѣ Іесто происходила страшная борьба; онъ ясно сознавалъ, что слѣдуетъ спасти сестру, угадывая, что любовь, которую она когда-то чувствовала къ Михаилу, перешла на другаго, болѣе достойнаго.

Въ другое время, выбравъ удобную минуту, ему можетъ быть и удалось бы покорить хотя и жестокое, но любящее сердце отца и доказать ему, что бракъ съ Михаиломъ былъ бы несчастьемъ для Аѳины, но теперь разсуждать не было времени, и, рѣшительно выступивъ впередъ, онъ почтительно преклонился передъ отцомъ и сказалъ:

— „Позвольте мнѣ, мой глубокочтимый отецъ, вступиться за честь нашего дома; я не настолько чуждъ моей родинѣ, чтобы не знать, что сватовство, сдѣланное не по обычаямъ предковъ. бросаетъ тѣнь на дѣвушку“.

Глаза воеводы загорѣлись гнѣвомъ.

— „Съ какого это времени сынъ смѣетъ быть судьей отца?“

Съ отвѣтомъ выступилъ, какъ бы посланный небомъ, старикъ Старовочевичъ.

— „Позвольте мнѣ, Аязитаосъ Пресаевичъ, сказать, что сынъ вашъ правъ! Естественно, что отецъ можетъ желать ускорить помолвку дочери, но есть много злыхъ людей, которые не простятъ это, увидятъ въ этомъ уклоненіе отъ обычаевъ, и тѣнь падетъ не только на дѣвушку, но и на будущихъ ея родителей“.

Воцарилось глубокое молчаніе. Аѳинѣ казалось, что камень свалился у нея съ души, Михаилъ поблѣднѣлъ, а воевода, едва сдерживая клокотавшую въ немъ ярость, сложилъ руки на высокоподнимавшейся груди и воскликнулъ громовымъ голосомъ:

— Хорошо. Я согласенъ.

Отецъ и сынъ Старовочевичи ушли, за ними послѣдовалъ священникъ. На плечо Іесто опустилась тяжелая, какъ лапа медвѣдя, рука отца:

— „Мальчишка! какъ смѣешь противорѣчить мнѣ, своему повелителю?“ и страшный ударъ по лицу ошеломилъ Іесто. Схватившись было за кинжалъ, онъ въ изнеможеніи опустилъ руку.

— „Ты меня больше не увидишь, отецъ!“ и съ этими словами онъ направился къ двери. Аѳина бросилась къ нему.

— „Останься, останься братъ, ради меня!“

Нѣжно отстранивъ, онъ поцѣловалъ ее и прошепталъ:

— „Ты еще услышишь обо мнѣ, сестра“.

Аѳина зарыдала, Наталья съ плачемъ бросилась на полъ, а воевода, какъ статуя, стоялъ опершись на уставленный яствами столъ. Іесто собралъ свои вещи и черезъ часъ шелъ уже глубоко опечаленный по дорогѣ въ Каттаро,—по той самой дорогѣ, по которой еще такъ недавно проѣзжалъ съ восторгомъ. Еще разъ оглянулся онъ на родныя горы, потомъ устремилъ взоръ, полный слезъ, на синѣющую Адріатику.

Привѣтъ тебѣ въ твоей красѣ!
Сердце бьется отъ восторга,
Хотя твой видъ напоминаетъ мнѣ
Все то, въ чемъ жизнь меня обманула...

XIII.

Габріэлла возвратилась въ St. Pietro въ тотъ же день, въ который такъ неожиданно встрѣтила Іогана фонъ Шарренштейна. Грустнымъ взоромъ окинула она залитый лучами солнца древній рыцарскій замокъ, открывшійся передъ ней. Изъ глубокой котловины Альповъ поднималась конусо-образная скала, на которой высились каменныя стѣны замка, какъ бы гордившіяся своей неподатливостью вѣкамъ и погодѣ. Массивная, плоская башня составляла центръ. Неправильны и безпорядочны были разбросанныя кругомъ зданія, образуя обширную старинную господ-

скую усадьбу. Плоскія, итальянскія крыши, зубчатыя стѣны, острыя башни, углы, украшенные художественными барельефами, красиво какъ бы на воздухѣ висящіе балконы, все это вмѣстѣ обнаруживало невыдержанность стиля. Окна, различныхъ формъ и величинъ, пропускали слишкомъ мало свѣта во внутренность замка, почему корридоры, витыя лѣстницы и большинство залъ были мрачны.

Отъ всего вѣяло холодомъ и таинственностью.

Вокругъ замка былъ густой садъ, обнесенный полуразрушенною, поросшею плющемъ каменною стѣной. Главную прелесть сада составляла тѣнистая аллея вѣковыхъ каштановъ. Тяжелый подъемный мостъ соединялъ усадьбу съ холмомъ, по которому тянулась единственная дорога въ замокъ.

По ней-то теперь ѣхала Габріэлла и задумчиво смотрѣла на стѣны роднаго дома. Здѣсь родилась она, ея дѣтскія воспоминанія были здѣсь, и потому, не смотря на рѣдкія посѣщенія, она его очень любила. Осиротѣвъ довольно рано, она была помѣщена родными въ учебное заведеніе въ Неаполѣ и только на короткое время пріѣзжала въ St.-Pietro. На время ея каникулъ пріѣзжала сюда ея тетка, княгиня, вмѣстѣ съ Гиги. Только теперь поняла Габріэлла причину этихъ переѣздовъ. Княгинѣ хотѣлось сблизить дѣтей. Габріэлла съ удовольствіемъ вспоминала бы это время, если-бы не частыя ссоры съ двоюроднымъ братомъ.

Громадныя залы, таинственные уголки трехъ-этажнаго дома представляли много удобствъ для самыхъ разнообразныхъ игръ. Гиги былъ всегда пріятнымъ товарищемъ. Верхомъ и пѣшкомъ исколесили они всѣ ближайшіе лѣса, виноградники, поля, и Габріэлла постепенно привыкала къ мысли остаться здѣсь съ Гиги навсегда. Время шло, и ея будущность, правда, никогда ее не привлекавшая, но казавшаяся ей все-таки пріятною, не только совсѣмъ потеряла свою прелесть, но теперь прямо пугала ее.

Она давно знала, что Гиги предназначенъ ей въ мужья и не задумываясь подчинилась этому рѣшенію. Въ отношеніяхъ къ ней двоюроднаго брата она видѣла слишкомъ много спокойствія, и ея женское самолюбіе было не удовлетворено. Страстныя рѣчи и поклоненіе художника пробудили въ ней совсѣмъ другое чувство, которое она старалась замаскировать насмѣшками, но Шарренштейнъ или ихъ не понималъ, или объяснялъ ихъ себѣ средствомъ скрыть зарождающееся чувство.

Въ ту лунную ночь, когда онъ доказывалъ несообразность ея

обрученія, она считала себя обязанною ему противорѣчить, въ душѣ сознавая справедливость его словъ, но сегодня, когда она увидала еще съ порога комнаты свой портретъ, писанный на память, ей стало ясно, что Шарренштейнъ ее любитъ. Лицо было какъ живое, и портретъ такъ хорошъ, что только кисть любящаго человѣка могла его создать. Горько упрекала она себя что своимъ отношеніемъ давала ему поводъ надѣяться. Теперь поняла она значеніе словъ Гиги: „позволяла ли она когда писать съ себя портретъ"? Конечно онъ видѣлъ его не на выставкѣ въ Парижѣ, а въ мастерской Шарренштейна, просившаго его не разсказывать про это ни матери, ни кузинѣ. Кто знаетъ, можетъ-быть если бы она видѣла этотъ портретъ раньше, она не рѣшилась бы такъ быстро отдать свою руку Гиги; теперь же, не смотря на сожалѣніе къ Шарренштейну, она не могла нарушить слово.

— Почему же нѣтъ! Развѣ я не госпожа своей свободной воли? Не малодушно ли и не безнравственно ли вступать въ бракъ безъ любви? Гиги подчиняется только желаніямъ и глупымъ традиціямъ своей семьи, а не внутреннему святому чувству? а я, развѣ я не дѣлаю того же? Любовь самую искреннюю я скрываю подъ личиной дружбы.

Она поѣхала дальше; копыта ея рыжей лошади ступали по ветхимъ доскамъ подъемнаго моста.

Какъ молнія блеснула у нея мысль:

— Если-бъ я увидала мой портретъ раньше, можетъ быть тогда, — тогда... и она пыталась уяснить себѣ: когда бы это „тогда" было своевременно?

Съ замираніемъ сердца она сказала себѣ:

„Прежде, нежели Іесто вторгся въ мою жизнь".

При одномъ имени она измѣнилась. Изъ своевольной, веселой, насмѣшливой даже надъ собой и своими чувствами дѣвушки, она сдѣлалась тихою и любящею женщиной. А онъ, котораго она искренно любила, представлялся ей чѣмъ-то далекимъ и недостижимымъ. Строгія правила, въ которыхъ она была воспитана, ясно показывали ей пропасть, ихъ раздѣлявшую, но Габріэлла напрасно старалась заставить себя подчиниться судьбѣ: свѣтлый образъ Іесто освѣщалъ, какъ яркій лучъ, ея мрачную жизнь и разрушалъ всѣ ея предположенія.

У подъѣзда зàмка она остановилась. Двое слугъ встрѣтили ее;

одинъ держалъ ея лошадь, въ то время, какъ другой помогалъ ей сойти.

Графиня поднялась по широкимъ, краснымъ мраморнымъ ступенямъ и исчезла въ полумракѣ галлереи, увѣшанной оружіемъ.

Разница между ея разгоряченнымъ воображеніемъ и обдавшимъ ее здѣсь холодомъ была очень велика; она быстро прошла длинную залу и вошла въ свою уборную. Затворивъ за собой дверь, она обратилась къ шедшей за ней дамѣ:

— Madame Dugon, вы можете не безпокоиться; я желаю остаться одна!

Компаньонка въ St.-Pietro, Madame Dugon держалась ради приличія, а не для развлеченія; никогда не была она пріятна Габріэллѣ, а въ данную минуту она была невыносима.

Даже Маудъ не желала бы она видѣть теперь около себя; ея длинное, глупое лицо выражало одно только уныніе отъ перспективы провести нѣкоторое время въ скучномъ замкѣ.

Отправивъ и ее, Габріэлла начала раздѣваться сама. Въ деревнѣ вообще дѣвушка мало заботилась о своемъ туалетѣ и потому, быстро переодѣвшись, она вышла на балконъ, откуда открывался прекрасный видъ на всю долину Удины. Несмотря на всю красоту долины, усѣянной розами, душа Габріэллы рвалась къ морю; какъ-будто какая родственная связь была у нея съ вѣчно плещущимися волнами и этою безконечною, неопредѣленною водяною далью.

Еще мрачнѣй показалась ей зала. Солнце, врываясь въ узкія окна, ложилось свѣтлыми полосами на полу, оставляя въ углахъ полумракъ.

Графиня ходила взадъ и впередъ по пестрымъ мраморнымъ плитамъ; мысль ея продолжала работать все въ томъ же направленіи, какъ и при въѣздѣ въ замокъ. Какая свѣтлая будущность представлялась ей, когда она вмѣстѣ съ Іесто... она прижала руку къ сердцу!..

Случайно взглядъ ея упалъ на длинный рядъ портретовъ. Строго и сурово смотрѣли на нее предки въ своихъ бархатныхъ и золотомъ тканыхъ платьяхъ, необыкновенныхъ головныхъ уборахъ и пышныхъ парикахъ; казалось, они готовы были покинуть свои золоченыя рамы, чтобы достойно наказать послѣднюю представительницу рода Анжело за ея недостойныя мысли.

Никогда не любила Габріэлла эти холодныя, жесткія лица,

которыя она въ душѣ считала мало себѣ родственными. Громадное венеціанское зеркало въ широкой стеклянной рамѣ, занимавшее все пространство отъ пола до лѣпнаго потолка, какъ бы подтверждало ея мысль. Несомнѣнно въ жилахъ ея текла другая кровь: свѣтлые волосы ясно указывали на англійское происхожденіе ея матери, и только темными глазами она была обязана ненавистнымъ ей теперь предкамъ; фамильнымъ традиціямъ этихъ самыхъ предковъ подчинялась она, вступая въ невыносимый для нея союзъ.

Она была такъ погружена въ свои мысли, что стукъ въ сосѣднюю дверь испугалъ ее, и она съ трудомъ проговорила:

— Войдите.

Вошелъ слуга и подалъ только-что привезенную депешу. Вскрывъ ее, Габріелла поблѣднѣла, и дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ.

Гиги былъ раненъ, лежалъ въ Цетиньи, княгиня ѣхала туда, и племянница должна была ее сопровождать.—А въ Цетиньи былъ Іесто!

„Іесто, Іесто!!“...

Сердце забилось отъ восторга, казалось самыя сокровенныя мечты грозили сбыться. Упрекая себя въ безсердечіи, она молила небо о наказаніи за грѣшныя мысли.

Стараясь успокоиться, она медленными шагами ходила по залу, считая мраморныя плиты пола, и боялась поднять глаза, чтобъ не встрѣтиться съ укоризненнымъ взглядомъ кого-либо изъ предковъ.

„Боже, не введи меня въ искушеніе!“ молила она,—„я не должна была бы ѣхать, еслибы этого не требовало приличіе“.

Этимъ она какъ бы старалась заглушить голосъ разсудка и совѣсти, подсказывавшихъ ей совсѣмъ другое. Наконецъ она не выдержала, позвонила и быстро вошедшимъ M-me Dugon и Маудъ рѣзко сказала:

— Уложить мои вещи, только самыя необходимыя, и прикажите запрягать; я сейчасъ ѣду и должна попасть на первый поѣздъ, отходящій изъ Удины на Тріестъ! Маудъ ѣдетъ со мной!

* * *

Іесто Пресаевичъ достигъ Каттаро вечеромъ и остановился въ гостиницѣ Al-Sacciatore, намѣреваясь дождаться перваго парохода изъ Тріеста, съ которымъ ожидалъ княгиню; онъ смутно

надѣялся, что съ ней пріѣдетъ Габріэлла. Свободнаго времени было у него много, и онъ невольно задумался о своей судьбѣ: — образованіе онъ получилъ прекрасное, знаній у него было много, и это давало ему увѣренность, что на государственной службѣ Австріи или Франціи онъ могъ бы найти себѣ мѣсто, вполнѣ его обезпечивающее; но служба въ торговомъ домѣ, разсчитывать на которую онъ могъ, благодаря основательному знанію языковъ, представлялась ему болѣе выгодной. Но пока онъ еще не пришелъ ни къ какому рѣшенію; сердце и разсудокъ были въ разладѣ, да и спѣшить ему было не зачѣмъ, такъ какъ средства позволяли ему безбѣдно прожить нѣкоторое время; участь сестры безпокоила его гораздо болѣе: ни минуты не сомнѣваясь въ непоколебимомъ рѣшеніи отца выдать ее за Михаила, онъ все придумывалъ какъ бы спасти ее отъ этого?..

Совѣсть упрекала его, почему умолчалъ онъ передъ ней о скорой женитьбѣ Гиги; и, конечно, оправданіемъ была боязнь выдать свои чувства сестрѣ. Обвиняя себя въ томъ, что скрылъ настоящее положеніе Гиги и далъ ничего не знающей Аѳинѣ увлечься офицеромъ, онъ и тутъ оправдывалъ себя: еслибъ она не полюбила Гиги, то вышла бы за Михаила, а это было бы гибелью для нея: эта мысль болѣе всего успокаивала Іесто.

Восемь дней имѣлъ онъ въ своемъ распоряженіи; сообщить что-нибудь сестрѣ было трудно, — оставалось просить княгиню передать ей письмо. Сердце усиленно билось при мысли, что онъ скоро увидитъ Габріэллу, но забота о томъ, какое горе испытаетъ Аѳина при встрѣчѣ съ невѣстой возлюбленнаго, убивала его совершенно? Въ такомъ-то разладѣ съ самимъ собой проводилъ онъ время.

* * *

Словно туча нависла надъ домомъ Аязитоасъ Пресаевича; онъ самъ бродилъ мрачный по дому, не будучи въ состояніи опомниться отъ удара, нанесеннаго сыномъ, котораго онъ такъ сильно любилъ, хотя любилъ по своему. — Горе мнѣ, горе!

Онъ глубоко раскаивался теперь, что, внявъ увѣщаніямъ князя, отпустилъ сына учиться въ Парижъ, гдѣ тотъ заразился такими чуждыми ему взглядами, а съ отцомъ былъ дерзокъ и непослушенъ. Воевода не могъ болѣе оставаться дома; вскинувъ на спину ружье, онъ отправился въ горы.

Аѳина, сидя неподвижно въ углу и дрожа при каждомъ при-

ближеніи отца, благодарила Бога, когда онъ наконецъ ушелъ. Наталья хлопотала по хозяйству на дворѣ и въ погребѣ, боясь войти въ домъ, такъ какъ знала, что въ такія минуты не слѣдуетъ попадаться на глаза воеводѣ. По уходѣ отца Аѳина осталась одна. Продолжая сидѣть все такъ же неподвижно, она безъ мысли слѣдила за лучами солнца, проникавшими въ окно и самыми причудливыми формами игравшими на полу. Нечаянно взглядъ ея упалъ на черепъ, стоявшій на карнизѣ:—дрожь пробѣжала по ней при видѣ обнаженной кости.

Этотъ трофей ихъ дома, на который она сама еще такъ не давно смотрѣла съ гордостью, представлялся теперь ей ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ жестокости, присущей всему ея народу. Теперь ясно поняла Аѳина, какая произошла въ ней страшная перемѣна!

Дверь изъ комнаты Гиги тихо пріотворилась, и показавшаяся голова Цисселака кивками давала понять Аѳинѣ, что его господинъ желаетъ говорить съ ней. Убѣдившись, что дѣвушка поняла его, — они вообще объяснялись съ большимъ трудомъ, — Цисселакъ вышелъ, а Аѳина направилась въ комнату больнаго. Отворивъ дверь, она вскрикнула отъ радости, увидѣвъ Гиги одѣтаго, сидящаго на удобномъ, мягкомъ сидѣньѣ, устроенномъ Цисселакомъ изъ скамьи, придвинутой къ стѣнѣ и прикрытой большою мягкою овчиной. Лице Гиги было такое же полное жизни, какимъ она видѣла его въ первый разъ, а глаза полны огня: только повязка измѣняла его немного. Офицеръ протянулъ ей обѣ руки и весело сказалъ:

— Вы удивлены, Аѳина? Конечно не ожидали видѣть меня такимъ?

— Не рано ли вы встали? Не повредило бы это вамъ? заботливо сказала она.

— Моя добрая Самаритянка такъ за мной ходила, что я чувствую себя достаточно крѣпкимъ и могу позволить себѣ это удовольствіе. Присядьте тутъ Аѳина и скажите откровенно, вы очень огорчены отъѣздомъ Іесто?

Съ трудомъ удерживая слезы, она не могла произнести ни слова.

— Отецъ былъ жестокъ съ нимъ, но почему же воспротивился онъ этому желанному вамъ союзу? Вѣдь Михаилъ любитъ васъ и вы платите ему взаимностью?

Гиги говорилъ мягкимъ, проникающимъ въ душу голосомъ и нѣжно пожимая руку Аѳины.

Дѣвушка сидѣла, опустивъ глаза; длинныя, темныя рѣсницы оттѣняли ея блѣдное личико, а губы нервно подергивались; она ничего не отвѣчала; Гиги чувствовалъ, что она страдаетъ, и ему пріятно было смотрѣть на волненіе дѣвушки, заставлявшее многое подозрѣвать; наконецъ, собравшись съ силами, онъ тихо спросилъ:

— Можетъ-быть ты его не любишь, Аѳина?

Тишина въ комнатѣ была полная, а имъ казалось, что стучатъ два большіе молота, такъ сильно бились ихъ два молодыхъ сердца.

— Можетъ быть ты его не любишь? повторилъ свой вопросъ Гиги.

Взглядъ, сопровождавшій этотъ вопросъ, готовъ былъ пронзить ее, чтобъ узнать истину; а она, беззвучно произнеся „нѣтъ", взглянула на него съ такою мольбой и страхомъ, какъ испуганная серна на охотника, готовящагося ее убить, и съ громкими рыданіями убѣжала изъ комнаты.

— Аѳина, Аѳина! прошепталъ Гиги, закрывъ лицо руками, чувствуя какъ въ сердцѣ его наступаетъ весна...

* * *

Прошло нѣсколько дней, и наконецъ наступилъ канунъ того дня, въ который должно было состояться бракосочетаніе Аѳины.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидала она прежде этой минуты; какъ допрашивала она бывало нераспустившіеся бутоны розъ, когда достигнутъ они полнаго разцвѣта? а теперь печальная стояла она передъ кустомъ розъ въ полномъ цвѣту и, казалось, хотѣла повѣдать цвѣтамъ тяжесть, лежавшую у нея на сердцѣ. Она сорвала цвѣтокъ и уколола руку, причемъ капля крови упала на нѣжные лепестки сорванной розы.

Заслышавъ за собою невѣрные, слабые шаги, Аѳина радостно встрепенулась: она поняла, что это Гиги гуляетъ, опершись на руку Цисселака. Она стояла, какъ пригвожденная къ мѣсту, не смѣя повернуться, какъ будто совершила какое преступленіе. Зачѣмъ призналась она Гиги, что не любитъ болѣе Михаила. Что подумаетъ онъ? а что если онъ догадывается о настоящей причинѣ отвращенія ея къ этому браку? — ужасъ охватилъ ее при этой мысли.

— Почему избѣгаешь, ты меня, Аѳина, и не придешь провести со мною нѣсколько скучныхъ минутъ?

Она отступила, какъ бы въ ужасѣ.

— Я совсѣмъ не избѣгаю васъ, сударь!

— Нѣтъ, вы именно это и дѣлаете.

Она тихо покачала опущенною головой.

— Дай мнѣ эту розу Аѳина, подари мнѣ ее на память.

— На что вамъ простая роза, сударь?

— Дѣло не въ розѣ, а въ томъ, кто ее дастъ!

— Скоро вы уѣдете домой и забудете и меня, и цвѣты, подаренные мною.

— Нѣтъ, Аѳина, неправда, никогда я васъ не забуду, клянусь вамъ кровью, которая течетъ въ моихъ жилахъ; и, не давъ времени Аѳинѣ опомниться, онъ укололъ ножемъ палецъ и капля его крови смѣшалась съ каплей крови дѣвушки.

— Кажется, въ вашей странѣ есть обычай, что если кровь двухъ людей смѣшается, то они считаются на вѣки связанными...

Аѳина скрылась въ домъ, земля жгла ей ноги, и какъ бы преслѣдуемая злымъ рокомъ, она спѣшила въ свою комнатку. Ей было и страшно, и хорошо, такъ невыразимо хорошо!

Крѣпко прижавъ розу, Гиги смотрѣлъ ей въ слѣдъ. Онъ чувствовалъ въ одно время и приливъ счастья и не переставалъ упрекать себя.— Какъ дозволилъ онъ себѣ увлечься до такой степени? чѣмъ все это окончится? Могъ ли онъ, любя Аѳину, сдѣлать ее счастливою? и смѣлъ ли онъ вмѣстѣ съ сердцемъ предложить ей и руку?

Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! все складывается противъ него. Онъ зашелъ слишкомъ далеко и наказанъ сознаніемъ, что навсегда нарушилъ покой и счастье милой ему дѣвушки.

Можетъ-быть, есть еще время помочь горю; надо рѣшиться и дѣйствовать. Хотя онъ и сознавалъ, что слабъ для путешествія, но необходимость могла его заставить проѣхать въ удобной каретѣ до Каттаро. Рѣшивъ отблагодарить воеводу за гостепріимство, онъ назначилъ на утро свой отъѣздъ въ гарнизонъ.

На верху въ своей комнатѣ Аѳина стояла на колѣнахъ предъ образомъ Пречистой Дѣвы и усердно молила ее, не сознавая ясно о чемъ.

Въ комнатку прокралась Наталья, имѣвшая привычку поднимать свои костлявыя руки при видѣ молящихся, что сдѣлала она и сегодня, пристально заглянувъ при этомъ въ лицо Аѳины. Чудесное, мучительно радостное выраженіе лица дѣвушки поразило ее; только одна любовь преображаетъ человѣка до такой сте-

пени. Давно догадывалась она о перемѣнѣ, происшедшей въ Аѳинѣ, и о зарождавшемся чувствѣ въ ея молодомъ сердцѣ. Наталья должна покровительствовать этой склонности, должна такъ настроить Аѳину, чтобъ она крѣпко противостояла всѣмъ проискамъ Старовочевичей, этой ненавистной для Натальи роднѣ! И какой мѣткій, тяжелый ударъ приготовитъ она для нихъ. Конечно, воевода будетъ бить Аѳину; но чего не вынесетъ любящая женщина! Наталья знала это по опыту,—при этомъ невольно дотронулась она до крупныхъ рубцовъ на лбу и щекахъ.

Физическая боль ничто въ сравненіи съ душевною мукой; это твердо знало ея старое сердце и никогда не забудетъ.

Проходя черезъ садъ она видѣла розу въ рукѣ Аѳины, теперь эта роза была у Гиги; все яснѣе понимала Наталья происходившее между молодыми людьми.

— Не смотри на меня такъ, Наталья; ты мѣшаешь мнѣ, сказала наконецъ Аѳина.

Наталья опустила глаза, помолилась, немного перебирая четки, и сѣла въ уголъ. Доставъ изъ кармана старыхъ грязныхъ шароваръ засаленныя карты, она начала вынимать карту за картой, слюнявя каждый разъ пальцы. Аѳина поднялась.

— Что̀ ты дѣлаешь, Наталья? Какъ ты смѣешь заниматься такимъ грѣшнымъ дѣломъ, когда я молюсь.

Сербка, какъ во снѣ, покачивала головой.

— Мнѣ снилось, пришелъ принцъ и сорвалъ Розу Цетиньи; вотъ я и допрашиваю карты, что̀ значитъ этотъ сонъ.

Аѳина покраснѣла до корня волосъ, а старуха все бормотала: „да, да—нѣтъ, нѣтъ—да, нѣтъ!“ Вначалѣ Аѳина только прислушивалась, но затѣмъ наклонилась надъ старухой и, съ бьющимся сердцемъ пытливо слѣдила за каждымъ ея движеніемъ.

— Сонъ—обманъ, Наталья, повѣрь мнѣ, одинъ обманъ, говорила Аѳина, стараясь скрыть и свое любопытство, и свою досаду. Наталья внимательно посмотрѣла на нее и продолжала совсѣмъ спокойно:

— Сердечное спасибо, чуть слышно пробормотала Сербка.

— Кого это благодаришь ты? Аѳинѣ казалось, что старуха бредитъ.

— Ну, разумѣется, карты. Сонъ — дымъ, но если карты подтверждаютъ сонъ, это уже совсѣмъ другое.

— Что̀ говорятъ карты? вѣдь и онѣ не всегда говорятъ правду?

— Если ты не вѣришь, то не слѣдуетъ тебѣ и знать, голубка,—

при этомъ она сдѣлала видъ, что хочетъ смѣшать карты. Аѳина крѣпко схватила ея руку.

— Прошу тебя, скажи мнѣ!

Наталья медлила, но ея питомица начала упрашивать ее.

— Да вѣдь ты не вѣришь картамъ?

— Вѣрю, вѣрю, успокойся!

— И ты сдѣлаешь такъ, какъ они скажутъ, Аѳина? даешь мнѣ слово?

— Даю слово!

— Ну, такъ слушай.

Она притянула Аѳину къ себѣ на скамью и начала объяснять, тыкая указательнымъ пальцемъ въ карту.

— Смотри, вотъ червонный король; это возлюбленный; ха, ха, какъ далеко онъ отъ червонной дамы! Червонная дама—это ты, Аѳина, потому что я гадаю на тебя; но смотри сюда: около червонной дамы лежитъ валетъ, это преданный ей человѣкъ.—Теперь я соберу карты; смѣшай ихъ и три раза вынимай по одной картѣ,—карта эта будетъ валетъ!

Аѳина сдѣлала все по указанію старухи; три раза описала Наталья кругъ руками, и три раза вынимала дѣвушка таинственную карту.

Первый разъ она усмѣхнулась, посмотрѣвъ карту, второй разъ лицо ея сдѣлалось серьезнѣе, а послѣ третьей карты она со страхомъ и слезами прижалась къ Натальѣ.

— Знаешь ли ты, моя радость, что̀ тебя ожидаетъ, и какъ должна ты завтра встрѣтить Михаила?

— Я это знаю, беззвучно пролепетала Аѳина, а Наталья вышла изъ комнаты, чтобы дать возможность дѣвушкѣ собраться съ мыслями.

Снова Аѳина упала на колѣна предъ образомъ, но теперь она сознательно просила Царицу Небесную подкрѣпить ее въ борьбѣ съ отцомъ и защитить отъ гнѣва Михаила и его родни.

* * *

Іесто Пресаевичъ сидѣлъ въ кафе „Marinain“, въ Каттаро; предъ нимъ стоялъ шербетъ, къ которому онъ едва прикасался: глаза его прикованы были къ пристани, въ которую безостановочно приходили и отъ которой отчаливали корабли; но желаннаго флага Іесто ни на одномъ изъ нихъ не видалъ.

— Пріѣдетъ ли Габріэлла, неотвязно стояла мысль въ его головѣ. Онъ вспомнилъ гаданье, къ которому часто прибѣгаютъ дѣвушки и дѣти, зажегъ спичку и задумалъ: если сгоритъ до конца, Габріэлла пріѣдетъ.

Страхъ охватилъ его, когда огонь погасъ ранѣе, чѣмъ догорѣла лучинка; считая это ребячествомъ, онъ все-таки не могъ успокоиться; ему казалось, что даже въ мелочахъ судьба преслѣдовала его.

Рядомъ за столомъ сидѣло нѣсколько чиновниковъ австро-венгерскаго лойда; онъ подошелъ къ нимъ и спросилъ, когда ожидаютъ прибытія парохода изъ Каттаро.

— Пароходъ опоздалъ,—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— По настоящему, въ данную минуту онъ бы долженъ былъ какъ разъ прибыть.

Поблагодаривъ, Іесто не могъ даже оставаться въ саду; онъ отправился на пристань, гдѣ безпокойно сталъ ходить взадъ и впередъ по раскаленнымъ солнцемъ камнямъ.

Прибытіе парохода, несмотря на то, что ихъ много приходитъ и уходитъ, составляетъ для такого мертваго города, какъ Каттаро, цѣлое событіе. Чиновники, носильщики, женщины, дѣти толкутся на пристани, въ надеждѣ заработать что-нибудь, или посмотрѣть на пріѣхавшихъ чужеземцевъ, или же узнать, что̀ новаго тамъ за моремъ. Обыкновенно пустынная гавань пестрѣетъ въ это время костюмами окрестныхъ народностей и разнообразными выразительными лицами сосѣднихъ народовъ; такъ было и въ этотъ день. Іесто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на всю эту пеструю толпу: его вниманіе было обращено на заливъ; а вокругъ толкались и шумѣли:

— Не прикажете ли карету, сударь? Лошадь самую лучшую въ Каттаро? - гульденъ въ часъ! Осѣдланнаго мула, такого покойнаго, какъ колыбель?—за полъ-мили 18 крейцеровъ!"—летѣли перекрестные вопросы.

— Рыба, синьоръ! финики, персики! кораллы, иконы Божіей Матери! каштаны, кукуруза! Крики гондольеровъ, команда на судахъ, звонъ поднимаемыхъ и опускаемыхъ якорныхъ цѣпей, свистки пароходовъ и вдобавокъ раздирающіе звуки разстроенныхъ гусель и гнусавое пѣніе слѣпаго, тщетно старавшагося восхваленіемъ сѣдой старины поднять геройскій духъ своихъ земляковъ.

Черногорецъ ничего не слыхалъ; онъ старался уловить одинъ

звукъ: свистокъ ожидаемаго парохода. Солнце стояло высоко и жгло немилосердно, но и этого онъ не чувствовалъ, такъ пылало его сердце. Иногда пробѣгала по немъ дрожь, при мысли, что Габріэлла была и будетъ для него чужою и недостижимою.

— „Идетъ!“ закричалъ старый капитанъ и указалъ впередъ.

Пресаевичъ такъ углубился въ свои мысли, что испугался крика, но заслышавъ звонъ колокольчика, быстро сбѣжалъ по лѣстницѣ. Солнце отражалось въ свѣтящемся морѣ, по срединѣ котораго показался массивный темный пароходъ. У Іесто потемнѣло въ глазахъ, наконецъ онъ различилъ верхнюю часть судна, затѣмъ увидѣлъ княгиню, опиравшуюся на руку Флагіолетто, но глаза его напрасно искали Габріэллу съ ея золотистыми локонами. Рука точно онѣмѣла, онъ не могъ отвѣтить на поклонъ матери Гиги.

Вдругъ все точно освѣтилось: изъ-за княгини выглянула вся залитая лучами солнца, золотая головка и стройная фигура Габріэллы.

Какъ медленно причаливаетъ пароходъ къ пристани, какъ долго раскачивается онъ! Іесто не выдержалъ; вскочивъ въ лодку, началъ грести и очень скоро первымъ вошелъ на палубу судна.

— Что мой сынъ, какъ его здоровье? бросившись ему навстрѣчу, воскликнула княгиня. Іесто безмолвный стоялъ предъ Габріэллой, чувствуя только какъ ея холодная рука дрожала въ его рукѣ. Она не спросила о князѣ, губы были сжаты, и только глаза ея какъ бы утонули въ горящихъ черныхъ глазахъ Черногорца.

— Что Гиги? Вы молчите, синьоръ Пресаевичъ, вѣроятно Гиги умеръ? мой сынъ умеръ! простонала несчастная мать.

— Умеръ онъ? спросила Габріэлла; голосъ ея звучалъ покойно и твердо; ледянымъ холодомъ вѣяло отъ нея, только горящіе глаза впились въ Черногорца. Іесто овладѣлъ собой. Выпустивъ пальцы Габріэллы, онъ вымолвилъ съ трудомъ:

— Онъ живъ, живъ и близокъ къ полному выздоровленію.

— Онъ живъ! слышишь, Флагіолетто, —онъ живъ! скоро будетъ здоровъ! Габріэлла, слышишь ты?“

— Слышу, беззвучно отвѣтила она, и устремила взглядъ въ море, какъ будто блестящая поверхность приковала ее.

Іесто былъ страшно возбужденъ: онъ то хваталъ чемоданы, то опять бросалъ ихъ: бралъ подъ руку княгиню, чтобъ вести ее

къ выходу, затѣмъ оставлялъ ее на попеченіе Флагіолетто, а самъ бѣжалъ къ графинѣ.

Наконецъ всѣ путешественники были въ гондолѣ; Іесто сѣлъ къ рулю, и лодочникъ отчалилъ. Іесто не разсчитывалъ, что пріѣдутъ многіе, и приготовилъ только одну карету, — но тутъ помогла горю Габріэлла, приказавъ нанять двухъ верховыхъ лошадей.

— Мы съ вами поѣдемъ верхомъ, синьоръ Пресаевичъ; по такой мѣстности должно быть удивительно пріятно проѣхаться на лошади! не правда ли? Іесто задыхался отъ счастья, — но княгиня охладила его, сказавъ: „какъ можно думать объ удовольствіи въ такія минуты?“

Карета тронулась и поѣхала впередъ такъ быстро, какъ только позволяла дорога. Іесто и Габріэлла проѣхали молча цѣлую милю, словно не находя словъ для разговора; наконецъ Іесто, чтобъ прервать молчаніе, началъ разсказывать снова происшествіе съ Гиги. Габріэлла почти не слушала; окинувъ окрестность быстрымъ взглядомъ, она воскликнула:

— Какъ прекрасна ваша родина, синьоръ Пресаевичъ! Я воображаю, какъ должны вы ее любить и какъ тяжело было бы вамъ жить вдали! Согласились ли бы вы навсегда покинуть ее?“

Она подтянула поводъ и заставила лошадь идти шагомъ. Іесто смотрѣлъ упорно впередъ.

— Еслибъ я добровольно покинулъ ее, отвѣтилъ онъ, это зависѣло бы отъ того, что̀ я получилъ бы взамѣнъ. Онъ долго и пристально посмотрѣлъ на Габріэллу, взглядъ которой, устремленный вдаль, затерялся въ окружавшихъ ущельяхъ; наконецъ она обратилась къ Іесто и сказала:

— Крупную награду пожелали бы вы, да? Я въ самомъ дѣлѣ увѣрена, синьоръ Пресаевичъ, что единственное руководящее чувство у всѣхъ Черногорцевъ—это тщеславіе.

Голосъ ея прерывался, а дыханіе было неровно.

— Изъ чего выводите вы подобное заключеніе, графиня? спросилъ Іесто.

— Частью изъ разговора съ вами въ Тріэстѣ, частью же изъ личныхъ наблюденій обычаевъ вашей родины; тотъ двигатель, который заставляетъ иногда самаго обыкновеннаго человѣка выдумать умную вещь, или обратно—умнаго человѣка дѣлать невозможныя глупости, для васъ не существуетъ.

— На какой же это двигатель, намекаете вы, уважаемая графиня?

Съ минуту она колебалась, какъ-будто отвѣтъ стоилъ ей нѣкоторой борьбы; затѣмъ она коротко и рѣзко сказала, выпрямляясь въ сѣдлѣ:

— Любовь.

— Любовь? машинально повторилъ Іесто.

Габріэлла кивнула головой и пустила лошадь въ карьеръ. Іесто не отставалъ, глаза его горѣли.

— Вы думаете, что намъ сынамъ Черной Горы не знакомо благородное чувство любви къ женщинѣ?

Габріэлла презрительно посмотрѣла на него, передернувъ такъ сильно поводъ лошади, что та остановилась.

— Я не только думаю это, я въ этомъ убѣждена. Чѣмъ же иначе объяснить то, что бракъ у васъ устраивается по соглашенію однихъ родителей?

Безконечная насмѣшка звучала въ этихъ словахъ; Іесто покраснѣлъ до корней волосъ.

— Не всѣ такъ дѣлаютъ, Габріэлла! Право же, не всѣ!

Онъ говорилъ весь дрожа, громко и отчетливо. Сердце Габріэллы почти не билось. Она смотрѣла на Іесто, какъ-будто ожидая, что вотъ, вотъ сорвется у него съ языка то желанное слово, которое принесетъ ей счастье; произнеси онъ это слово, на которое она разсчитывала и котораго ждала всѣми фибрами своего существа, и она сегодня же порвала бы цѣпи, тяжелымъ игомъ лежавшія на ней.

Іесто ничего не сказалъ; развалины блокгауза, мимо которыхъ они проѣзжали, заставили его умолкнуть; ясно представился ему истекающій кровью Гиги. Неужели для того только спасъ онъ ему жизнь, чтобъ отнять, или вѣрнѣе, украсть самое дорогое для него въ жизни? Тогда поступокъ его будетъ хуже дѣла Михаила... Лучше ужь было оставить его умереть, чѣмъ заставить влачить жалкое существованіе!

Совершенно успокоившись, онъ обратился къ Габріэллѣ, и рѣчь его потекла спокойно и ровно.

— Здѣсь наши дороги расходятся.

Габріэлла съ удивленіемъ смотрѣла на него; глубокое недоумѣніе, сдержанный гнѣвъ, оскорбленную гордость—все это читалъ Гиги на ея лицѣ.

— Вы не ѣдете съ нами въ Цетинье?

— Нѣтъ, съ горечью сказалъ онъ,—я изгнанникъ!

— Изгнанникъ?

Онъ кивнулъ головой.

— Потому что въ одномъ дѣлѣ, касающемся сердечнаго влеченія, я высказался противно желаніямъ отца! сказалъ онъ.

Глаза Габріэллы освѣтились надеждой. Іесто разсказалъ все случившееся, и по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, выраженіе лица Габріэллы дѣлалось все холоднѣе. Она радовалась, думая услышать что-нибудь касавшееся лично его. Іесто вынулъ изъ кармана письмо и просилъ Габріэллу тайно его передать сестрѣ его, Аѳинѣ.

— Исполню это аккуратно, будьте увѣрены, сказала она холодно и взяла письмо.

Немалаго труда стоило Іесто объяснить княгинѣ, почему не могъ онъ сопровождать ее въ Цетинье. Она страшилась ѣхать одна; ужасы быть убитою и ограбленною—все представлялись ей. Іесто успокоивалъ, какъ умѣлъ, и обѣщалъ встрѣтить ее при возвращеніи въ Каттаро. Поцѣловавъ руку княгини, онъ крѣпко, до боли пожалъ руку Габріэллы, не отвѣтившей ему ничѣмъ.

— Не хочешь ли къ намъ, въ карету? спросила Генріэтта племянницу.

— Лошадь мы можемъ привязать позади, прибавилъ Флагіолетто.

Но Габріелла отказалась, она желала продолжать путь верхомъ.

Разговоръ съ теткой представлялъ мало интереса; все время плаксивымъ тономъ говорилось о болѣзни Гиги, и Флагіолетто, какъ слушатель, долженъ былъ одинъ удовлетворять княгиню. Габріэлла тихо слѣдовала за экипажемъ, вся отдавшись тревожнымъ, несбыточнымъ мечтамъ. Она чувствовала себя глубоко несчастною: Іесто, конечно, ея не любилъ, иначе онъ непремѣнно высказалъ бы это теперь!...

Черногорецъ, тоже сумрачный, ѣхалъ своею дорогой, бросивъ поводья и небрежно покачиваясь въ сѣдлѣ. Лошадь хорошо знала дорогу; осторожно ступала она, чтобы не споткнуться: испугайся она и сдѣлай скачекъ въ сторону, и всадникъ былъ бы въ пропасти.

Его задушевное желаніе исполнилось; онъ видѣлъ Габріэллу, но именно теперь показалась она ему еще недоступнѣе. Онъ испытывалъ мученія Тантала. Вся безцѣльноеть его жизни при-

шла ему на память, и только сознаніе необходимости быть покровителемъ сестры удерживало его, чтобъ не броситься въ пропасть и не покончить съ собой.

* * *

Мирно дремало Цетинье; никакое дуновеніе вѣтра не шелестило листьями оливковыхъ деревьевъ; лишь изрѣдка доносившееся откуда-то тявканье полусонной собаки нарушало полную тишину, царившую здѣсь.

Аѳина, стоя у окна, всматривалась въ ночную тьму; но она не чувствовала тишины. Ей казалось, что сама природа говоритъ во снѣ: каждый трескъ разогрѣтаго солнцемъ лубка ихъ крыши, каждый шорохъ мыши въ соломѣ, и еще болѣе каждый неопредѣленный ночной звукъ, все казалось ей чѣмъ-то опредѣленнымъ, имѣвшимъ значеніе.

Темнота дѣлалась какъ будто прозрачнѣе; призраки вставали и исчезали, и всѣ они походили на любимаго ею человѣка. Наталья подогрѣла чувство, дремавшее въ ней; она знала, что любитъ и понимала, какъ далеко это чувство отъ того, что̀ она питала къ Михаилу.

Не задумываясь, ни во что̀ не всматриваясь, жила она въ кружкѣ, составлявшемъ для нея весь міръ, за нимъ ничего— совсѣмъ ничего! А теперь, когда повязка спала съ ея глазъ и разсѣялся туманъ, все окружавшее ее здѣсь, все, что она прежде любила, показалось ей такимъ маленькимъ, ничтожнымъ! а тамъ, за этимъ міромъ,—тамъ было счастье!

Завтрашній день былъ для ней рѣшительнымъ! Да, она хотѣла быть рѣшительною на зло отцу и всему свѣту! такъ и подобаетъ свободной дочери свободной Черной Горы. Она не сомнѣвалась, что отецъ будетъ ее мучить,—она все перенесетъ! Что̀ значитъ физическая боль въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ она испытаетъ, ставъ женой Михаила, который былъ не хуже и не лучше другихъ? Теперь металъ онъ громы и молніи, но позднѣе, угнетенная, мучимая ежедневно дикою ревностью, она сдѣлалась бы въ домѣ вьючнымъ животнымъ, какъ и прочія женщины Черногоріи. Ревность не представлялась ей болѣе признакомъ любви: да, она спроситъ князя когда-нибудь, мучатъ ли и у нихъ мужья своихъ женъ ревностью, какъ Черногорцы?

Холодная дрожь пробѣжала по ней: кто далъ ей право обращаться къ Гиги съ подобнымъ вопросомъ? неужели въ своихъ

мечтахъ унеслась она такъ далеко, что вообразила быть когда-нибудь женой Гиги и всегда находиться около него? Нѣтъ, это было бы слишкомъ большое счастье. Она горько усмѣхнулась. Любить его и соединиться съ нимъ мысленно она хотѣла, стать женой другаго она не могла, такъ какъ ежеминутно измѣняла бы ему. Она вся отдалась порывамъ первой страстной любви, плавая въ морѣ неясныхъ представленій и забывая совершенно дѣйствительную жизнь. Она любила и удовлетворялась этимъ. Наконецъ, она заснула, а на дворѣ жалобно рыдалъ гульгуль. Соловей Востока, сидя на кустѣ розъ, казалось, выкрикивалъ имя Гиги:—„гиги-тьюфъ, тьюфъ"... О, божественная, благословенная любовь!

Наступило утро, и съ нимъ начались приготовленія къ свадьбѣ. Аѳина была равнодушна: она хорошо знала, что противорѣчить теперь безцѣльно, похищеніе, можетъ быть, и отложили бы, но позднѣе все равно не оставили бы ее въ покоѣ; вотъ если ей сегодня удастся въ удобную минуту устроить такъ, что вмѣсто нея похитятъ кого-нибудь другаго, объ этомъ узнаетъ весь городъ, скажутъ, что онъ не захотѣлъ освободить ее отъ даннаго ранѣе обѣщанія, и Михаилъ будетъ слишкомъ оскорбленъ, чтобы возобновить потомъ сватовство.

Наталья, стоявшая тутъ рядомъ, знала это, такъ какъ онѣ сговорились еще ранѣе и рѣшили дѣйствовать заодно.

Домъ убранъ былъ по-праздничному: зеленыя вѣтви, усѣянныя розами, украшали дверь; богатое оружіе Пресаевича было развѣшано по стѣнамъ; столъ накрытъ, и на немъ стояло вино, медъ, хлѣбъ, мясо, мамалыга, фрукты, сладкіе блинчики. На пламя горящаго очага Наталья посыпала оливковые и миртовые листья, и сильный запахъ наполнялъ комнату; на образъ Божіей Матери надѣтъ былъ свѣжій вѣнокъ изъ розъ. Полъ былъ усыпанъ бѣлымъ пескомъ съ лепестками розъ. Весь дворъ былъ также посыпанъ пескомъ для того, чтобы на немъ видѣнъ былъ слѣдъ скрывающейся невѣсты и жениху легче было бы ее найти. Воевода сіялъ въ своемъ праздничномъ нарядѣ: кафтанъ, шаровары и жилетъ блестѣли золотомъ. Онъ только что заперъ ворота, чтобы жениху было труднѣе добыть свою будущую жену.

Проскользнула и Наталья, разряженная какъ индѣйскій пѣтухъ; лицо ея блестѣло отъ румянъ, наведенныхъ неумѣлою рукой. День этотъ былъ для нея настоящимъ праздникомъ; радостно потирая руки, она увлекла Аѳину за юбку въ уголъ и сказала:

— Выслушай меня послѣдній разъ, звѣзда Черныхъ Горъ. Я проберусь въ твою комнату, закроюсь, дамъ себя похитить Михаилу и его отцу и отвезти къ нимъ въ домъ; ты же, пользуясь темнотой, отправляйся на сѣновалъ, ха, ха, ха! представь себѣ ярость и переполохъ Старовочевичей, когда при гостяхъ поднимутъ покрывало и вмѣсто „Розы Цетиньи“ увидятъ меня, старое чучело!

Злоба исказила лицо Натальи.

— Меня, конечно, побьютъ, но что̀ изъ этого; лишь бы доставить горе этой семьѣ и навлечь на нее позоръ и насмѣшки.

— А я? спросила Аѳина, которую внезапно охватилъ какой-то необъяснимый страхъ.

— Ты бѣжишь, Аѳина; вотъ тебѣ мои сбереженія: этого достаточно, чтобъ обезпечить тебѣ жизнь на первое время. Поѣзжай въ Каттаро: тамъ Іесто, мнѣ сказалъ сегодня почтальонъ. Такая дѣвушка, какъ ты, Аѳина, не пропадетъ.

Аѳина стремительно схватила шерстяной чулокъ, въ который тщательно прятала ея старая няня свои сбереженія; благодаря гаданью и знахарству у нея образовалась кругленькая сумма; дѣвушка спрятала деньги въ складкахъ своей широкой юбки и соображала, какъ проскользнуть въ заднія ворота къ коновязи, чтобы взять свою любимую лошадь въ то время, когда отецъ ея вмѣстѣ съ гостями и похищенною мнимою невѣстой отправится въ домъ Старовочевичей. Разъ она была бы на лошади, опасности бы болѣе не представлялось; подъ покровомъ ночи вихремъ долетѣла бы она до Каттаро; она увѣрена, что за ней будетъ погоня, но благодаря переполоху въ первыя минуты, она выиграетъ время. Къ тому же Присто лучшій скакунъ въ Цетиньѣ, такъ что съ этой стороны опасности не представлялось.

Вдругъ ее точно что кольнуло въ сердце; она вспомнила, что побѣгъ повлечетъ разлуку съ Гиги. Борьба была тяжела! Она успокаивала себя тѣмъ, что позднѣе Гиги вернется въ тотъ же городъ, и она можетъ его изрѣдка видѣть, а на большее она и не разсчитываетъ. Только не быть женой Михаила! только бы не это! его мерзкій поступокъ взывалъ о возмездіи!

Удивительное спокойствіе почувствовала она: приготовила уздечку для Присто, широкій плащъ, чтобы закрыть свой праздничный нарядъ во время бѣгства; собрала въ узелъ бѣлье и будничное платье, и наконецъ все было готово...

Солнце склонялось къ закату; оно походило теперь на гро-

мадный огненный шаръ, освѣщавшій кровавымъ блескомъ облака и землю; вершины горъ горѣли яркимъ пламенемъ. Наступившія сумерки быстро перешли въ темную беззвѣздную ночь.

Аѳина проскользнула къ Гиги. Лучина, зажженная Цисселакомъ, слабо освѣщала блѣдное лицо офицера, грустно посмотрѣвшаго на дѣвушку; она хотѣла спросить его, присуща ли ревность вообще всѣмъ мужчинамъ, но, при взглядѣ на него, слова замерли на устахъ; такимъ убитымъ онъ еще никогда не выглядѣлъ.

— Что̀ все это значитъ, Аѳина? восьмидневный срокъ прошелъ? Михаилъ пріѣдетъ просить твоей руки?

Аѳина усмѣхнулась. Какой-то отпечатокъ особой торжественности видѣлся въ ней.

— Да, онъ пріѣдетъ, тихо сказала она. — Гиги задрожалъ и крѣпко сжалъ ея руку.

— Ну, а ты? Что̀ сдѣлаешь ты?

Аѳина опустила глаза и старалась освободить свою руку.

— Пифъ! пуффъ! пафъ!

— Слышишь выстрѣлы! сказалъ Гиги.

— Это знакъ, что приближаются сваты, съ ненавистью сказала Аѳина.

— Пустите, князь, я бѣгу, прошу васъ!

Гиги все крѣпче сжималъ руку.

— Кнррр — пуффъ!

Раздалось нѣсколько выстрѣловъ! — Опять! Не правда ли, какъ будто стукъ копытъ? Карета остановилась, стучатъ въ дверь... это голосъ твоего отца? Онъ отворяетъ, идутъ, опять выстрѣлы, — все громче и громче, ворота запираютъ... Аѳина, что̀ замышляешь ты? онъ говорилъ все это отрывисто, волнуясь ужасно!

— Пустите меня, сударь, пустите! молила Аѳина и вырвалась силой; она боялась упустить минуту удобную для побѣга.

Дверь распахнулась; поддерживаемая Флагіолетто и Габріэллой въ комнату вошла княгиня.

— Я здѣсь Гиги, я твоя мать, также и Габріэлла твоя невѣста!

— Твоя невѣста!

Губы Аѳины беззвучно повторяли эти роковыя слова: сразу поняла она, что обладаніе этимъ горячо ею любимымъ человѣкомъ составляетъ единственную цѣль ея жизни; вдругъ является кто-то другой и хочетъ похитить у нея это самое дорогое ей на землѣ.

Злоба закипѣла въ ней.

Она бросилась опрометью въ свою дѣвичью комнату, гдѣ сидѣла закрытая платками Наталья, совсѣмъ приготовившаяся къ похищенію. Столкнувъ ее съ сидѣнья, Аѳина сорвала платки и черезъ минуту сидѣла сама безъ движенія и почти безъ сознанія подъ дѣвичьимъ покрываломъ, въ ожиданіи жениха.

— Киррр-кррр! пифъ! пафъ! цш-йшссесе!..

Раздался оглушительный залпъ ружей... ракеты летѣли къ верху и освѣщали комнату. Оглушенная, въ ярости сидѣла на полу Наталья. Съ шиканьемъ и крикомъ осаждали ворота и заборъ; домъ воеводы задрожалъ отъ шума и крика; дверь въ комнату Аѳины была сорвана, и комната освѣтилась горящими факелами; Михаилъ схватилъ Аѳину въ свои мощныя руки, шутя понесъ ее по лѣстницѣ, вскочилъ съ нею на лошадь, чтобы при освѣщеніи и стукѣ примчать ее въ свой домъ.

— Цшсссе, цсссе-пифъ-пафъ-пуфъ.

Гиги походилъ на мертвеца; слыша все происходившее на дворѣ, онъ не былъ въ состояніи произнести ни слова и безпомощно опустилъ голову на плечо матери, которая приписала все это радости свиданія съ нею.

Наталья рвала на себѣ волосы, била себя въ грудь и выла, какъ и волкъ, искавшій свою госпожу. Габріэлла, со сверкающими глазами, стояла безмолвно съ хмурымъ выраженіемъ лица...

(Окончаніе слѣдуетъ.)

РОССІЯ И АНГЛІЯ.

V.

Англія по своимъ коммерческимъ разсчетамъ сдѣлала первые шаги къ сближенію съ Россіей. Въ 1728 году были назначены въ Петербургъ консулъ Уардъ и Рондо, не имѣвшіе никакого оффиціальнаго званія, но на самомъ дѣлѣ исправлявшіе обязанности посланника. Рондо старался возстановить хорошія отношенія съ Россіей, находя, что примиреніе будетъ очень выгодно англійскимъ купцамъ, много пострадавшимъ отъ разлада между дворами Русскимъ и Великобританскимъ; между прочимъ русское правительство для обмундированія арміи стало покупать прусское сукно вмѣсто англійскаго.

Изъ слѣдующаго донесенія консула Уарда видно, почему англійское правительство хлопотало о сближеніи съ Россіей. „Торговля съ Великобританіей, пишетъ Уардъ, несомнѣнно наиболѣе выгодная для Русскихъ: мы покупаемъ у нихъ вдвое болѣе чѣмъ продаемъ имъ, слѣдовательно они пользуются своими товарами возможно выгодно, получая за нихъ только дѣйствительно потребное количество нашего товара, за остальное же наличныя деньги. Торговля со всѣми другими націями, насколько мнѣ извѣстно, поставлена совершенно иначе: Голландцы, Гамбургцы, а послѣднее время и Пруссаки, всѣ продаютъ Русскимъ гораздо болѣе, чѣмъ покупаютъ у нихъ, слѣдовательно вывозятъ деньги отсюда, Англичане же доставляютъ деньги сюда. Несмотря на это торговля съ Россіей представляетъ большія выгоды и для Великобританіи: пріобрѣтая кораблестроительный мате-

ріалъ наполовину за деньги, наполовину въ обмѣнъ на товаръ, мы половину стоимости необходимаго для нашего флота матеріала сохраняемъ за собой, такъ какъ товаръ нашъ есть продуктъ земель короля и труда его подданныхъ, что съ коммерческой точки зрѣнія представляетъ чистую прибыль. Опасаюсь, какъ бы, пріобрѣтая необходимый намъ кораблестроительный матеріалъ въ другомъ мѣстѣ, намъ не пришлось оплачивать его деньгами сполна, и такимъ путемъ плоды нашей земли и плоды трудовъ нашихъ на сумму равную половинѣ стоимости нашего флота оказались бы утраченными для Великобританіи. Для каждой націи выгоды, добываемыя путемъ торговли, состоятъ въ отпускѣ возможно большаго количества своихъ естественныхъ фабричныхъ произведеній и возможно меньшемъ потребленіи чужеземныхъ произведеній, дабы весь избытокъ отпущеннаго товара покрывался деньгами. На первый разъ кажется, будто все сказанное мною о торговлѣ съ Россіей прямо несогласно съ нашими выгодами, такъ какъ мы покупаемъ здѣсь вдвое болѣе, чѣмъ продаемъ, но необходимо принять въ соображеніе, что кораблестроительный матеріалъ не потребляется въ Россіи, а содѣйствуетъ распространенію ея торговли во всѣ страны свѣта и привозу къ намъ издалека извлекаемыхъ барышей, такъ что въ расплатѣ за этотъ матеріалъ принимаютъ участіе всѣ націи, съ которыми мы имѣемъ торговыя сношенія. Если король полагаетъ, что между Россіей и Великобританіей выгодно было бы заключить торговый договоръ, первые шаги по этому поводу, полагаю, придется сдѣлать съ нашей стороны: Русскіе никогда не повѣрятъ, чтобы мы нуждались въ торговлѣ съ ними менѣе, чѣмъ они въ торговлѣ съ нами; они еще помнятъ, хотя довольно смутно, о нѣкоторыхъ непріятностяхъ, которыя когда-то потерпѣли отъ Англіи, потому будутъ ожидать перваго шага съ нашей стороны.“

Вице-канцлеръ графъ Остерманъ высказалъ также желаніе Россіи сблизиться съ Англіей. Въ 1730 году, когда вступила на престолъ Анна Іоанновна, онъ въ бесѣдѣ съ Рондо заговорилъ о холодности, такъ долго существовавшей между дворами Англійскимъ и Русскимъ, увѣрялъ, что ничего не желалъ бы такъ, какъ возстановленія добрыхъ отношеній между ними и забвенія прошлаго. „Я увѣренъ, сказалъ онъ, что императрица никогда не предприметъ ничего, клонящагося во вредъ Англіи.“ Въ другой разъ вице-канцлеръ такъ же дружелюбно бесѣдовалъ съ Рондо.

„Видя такое доброе расположеніе вице-канцлера, доноситъ послѣдній, я позволилъ себѣ увѣрить его, что и король со своей стороны всего болѣе желаетъ прочной дружбы и добрыхъ отношеній съ Россіей, что я надѣюсь даже на возможность склонить нашъ дворъ къ назначенію своего представителя въ Москву (гдѣ жила въ то время Анна Іоанновна), если можно быть увѣреннымъ, что императрица отправитъ своего уполномоченнаго въ Англію. Онъ отвѣчалъ, что такой планъ будетъ очень пріятенъ императрицѣ, и любезность, съ которою онъ примется, несомнѣнно убѣдитъ короля въ искреннихъ намѣреніяхъ Россіи.“

Въ слѣдующемъ году Рондо былъ назначенъ резидентомъ при Русскомъ дворѣ, а извѣстный князь Антіохъ Кантемиръ отправленъ въ Лондонъ, тоже въ званіи резидента. Въ инструкціи Рондо сказано было: „Если ко двору нашему назначенъ будетъ представитель Россіи, вы можете испросить у царицы аудіенцію, на которой вручите ей наши вѣрительныя грамоты, и въ то же время представить ей возможно полное увѣреніе въ высокомъ почтеніи и уваженіи нашемъ къ ея особѣ и ея дружбѣ и въ нашей твердой законности поддерживать и развивать старинную дружбу и добрыя отношенія между нами и царицей, между нашими областями и владѣніями, къ обоюдной выгодѣ нашей торговли и ради прочихъ выгодъ, необходимо долженствующихъ явиться послѣдствіемъ добраго согласія между нами“. Главное же порученіе, возложенное на Рондо, было изложено въ дополнительной инструкціи слѣдующаго содержанія: „Принимая во вниманіе почтительныя заявленія купечества, торгующаго въ русскихъ владѣніяхъ, высказанныя въ поданномъ намъ меморіалѣ, изъ котораго явствуетъ, что торговля Англичанъ въ Россіи превосходитъ торговлю прочихъ націй, такъ какъ сумма оборотовъ нашихъ купцовъ не только равняется суммѣ оборотовъ всѣхъ другихъ націй вмѣстѣ взятыхъ, а, быть-можетъ, даже превышаетъ ее, мы признавали бы справедливымъ взамѣнъ выгодъ, извлекаемыхъ Россіею отъ торговли съ британскими подданными, разсчитывать на нѣкоторыя послабленія въ ихъ пользу. Ежегодно Англичанами вывозится товару по крайней мѣрѣ на 300.000 ф. ст.; три четверти этого товара покупается на серебро, слѣдовательно ежегодный доходъ Россійской имперіи съ этой статьи достигаетъ 225.000 фунтовъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, торговля англійскихъ купцовъ въ Россіи могла быть поставлена на лучшую ногу, чѣмъ она стояла до сихъ поръ, потому они почти-

тельнѣйше и предложили намъ рядъ статей, которыя могли бы служить основаніемъ торговаго договора съ Россіей. Копіи означенныхъ статей и меморіала мы приказали препроводить вамъ при семъ „желая, насколько это въ нашей власти, содѣйствовать процвѣтанію торговли нашихъ подданныхъ, повелѣваемъ вамъ пользоваться всѣми удобными обстоятельствами для заявленія ея царскому величеству, насколько намъ пріятно было бы встрѣтить ее расположенною къ заключенію торговаго договора, равно выгоднаго для обѣихъ націй, и притомъ увѣрить ея величество въ нашей готовности на вѣчную милость ея въ пользу нашихъ подданныхъ при случаѣ со своей стороны отвѣтить какимъ-либо особымъ снисхожденіемъ въ торговыхъ дѣлахъ. Получивъ согласіе царицы начать переговоры съ ея министрами на основаніи упомянутыхъ статей, вы примете всѣ возможныя мѣры къ утвержденію условій, наиболѣе выгодныхъ для подданныхъ нашихъ, торгующихъ въ Россіи.“ „Я увѣренъ, писалъ Рондо лордъ Гаррингтонъ, заправлявшій иностранными дѣлами, что вы возможно лучше воспользуетесь своимъ званіемъ, какъ въ интересахъ короля вообще, такъ и въ частности для охраненія торговыхъ выгодъ британскихъ подданныхъ, интересы которыхъ представляли одно изъ главныхъ побужденій, склонившихъ короля на сближеніе съ Россіей въ такое время, когда всѣ наши союзники въ высшей степени недовѣрчиво смотрятъ на малѣйшій шагъ къ такому сближенію и на этомъ основаніи позволяютъ себѣ всякіе толки.“

Англійскіе купцы, торговавшіе въ Россіи, подали своему резиденту записку, въ которой излагая затрудненія и неудобства, стѣсняющія англійскую торговлю съ Россіей, высказывали между прочимъ слѣдующія пожеланія: „Вполнѣ извѣстно, что выгоды, доставляемыя Россіи торговлей съ Англіей, превышаютъ выгоды, доставляемыя ей торговлей со всею остальною Европой вмѣстѣ взятою. Это не подлежитъ спору и вполнѣ доказано огромными количествами русскихъ продуктовъ, вывозимыхъ въ Англію и въ другія страны черезъ посредство Англичанъ; между тѣмъ англійскіе купцы съ прискорбіемъ видятъ, что при покупкѣ значительныхъ партій солдатскаго сукна ежегодно отдается предпочтеніе передъ ними торговцамъ другой страны, а у Англичанъ на рукахъ товаръ лежитъ мертвымъ капиталомъ. Между тѣмъ изо всѣхъ товаровъ, ввозимыхъ въ Россію изъ Великобританіи, именно солдатское сукно представляется самымъ

выгоднымъ для англійскаго купечества. Потому британскіе купцы ходатайствуютъ, чтобы въ какомъ бы количествѣ солдатскаго сукна ни нуждалась Россія, его покупали у Англичанъ, которые всегда доставятъ сукно и дешевле и лучшаго качества, чѣмъ всякая иная нація. Если же Россія и впредь будетъ закупать сукна изъ другихъ рукъ, это неизбѣжно вынудитъ и Англію со своей стороны искать путей къ снабженію себя кораблестроительнымъ матеріаломъ изъ собственныхъ плантацій или во всякомъ случаѣ избѣгать закупки какихъ-либо русскихъ продуктовъ. У насъ, и въ большинствѣ другихъ торговыхъ странъ, купцы имѣютъ право свободно пріѣзжать и уѣзжать безо всякихъ паспортовъ; здѣсь же когда дѣла требуютъ поѣздки во внутрь Россіи, они обязаны не только брать паспортъ, но еще вносить за себя залогъ. То же требованіе представляется и уѣзжающимъ изъ Россіи. Между тѣмъ представить такой залогъ очень затруднительно, даже въ случаѣ, если за отъѣзжающимъ не числится никакихъ долговъ ни правительству, ни частному лицу. Изъ-за такого залога здѣсь вынуждены оставаться многіе, которые желали бы возвратиться домой, что крайне убыточно и неудобно; залогъ останавливаетъ даже многихъ отъ поѣздки въ Россію; а потому купцы ходатайствуютъ, чтобы впредь въ случаѣ желанія котораго-либо изъ нихъ выѣхать внутрь страны, паспортъ ему выдавался безостановочно: чтобы залога не требовалось ни въ какомъ случаѣ, но чтобы при заявленіи коммерцъ-коллегіи со стороны купца о намѣреніи его выбыть изъ Россіи, означенная коллегія публиковала о сдѣланномъ заявленіи какъ знаетъ, и мѣсяцъ спустя по заявленіи выдавала паспортъ, если не представится никакихъ поводовъ къ задержанію заявителя. Купцовъ очень часто безъ предваренія изгоняютъ изъ домовъ, нанятыхъ ими на опредѣленное число лѣтъ, явно и грубо нарушая контракты, отчего они терпятъ большія неудобства и убытки. Это тоже останавливаетъ иностранныхъ купцовъ отъ поселенія въ Россіи; поэтому наши купцы ходатайствуютъ объ устраненіи такихъ насилій и о дарованіи имъ правъ покупать и строить себѣ жилища, а также о томъ, чтобы купленные, построенные и нанимаемые ими дома, коль скоро они живутъ въ нихъ, освобождались отъ постоя, какъ водится во всѣхъ странахъ, гдѣ процвѣтаетъ торговля.

Въ 1732 году купцы вновь подали Рондо записку о положеніи англійской торговли въ Россіи, въ которой говорили слѣдующее:

„Великобританскіе подданные вывозятъ изъ Россіи двѣ трети всей вывозимой пеньки, болѣе половины всѣхъ вывозимыхъ кожъ, столько же льна, болѣе трехъ четвертей всѣхъ полотенъ и, по крайней мѣрѣ, столько же желѣза, весь поташъ, большую часть ревеня, рыбьяго клея, щетины, воска и проч., и за три четверти этихъ товаровъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ платили и понынѣ платятъ Русскимъ деньгами. Всѣ производимые Россіей предметы обширнаго вывоза, кромѣ кожевеннаго товара, везутся въ Великобританію. При этомъ, хотя въ Англію русскихъ товаровъ и теперь ввозится почти столько же, или даже сполна столько же, какъ и въ предыдущіе годы, вывозъ изъ Англіи въ Россію за послѣднія десять лѣтъ уменьшился по крайней мѣрѣ на половину, что̀ вызвано слѣдующими причинами:

1) Въ прежнее время русское правительство обыкновенно или сдавало англійскимъ купцамъ, или закупало у нихъ, и только у нихъ, ежегодно отъ 1100 до 1200 кусковъ солдатскаго сукна для гвардіи и арміи. Это продолжалось до 1724 года. Въ этомъ же году, и отчасти ранѣе, Пруссія чрезъ состоявшихъ при русскомъ дворѣ представителей своихъ употребляла всевозможныя усилія, дабы перенять хотя бы часть барышей по поставкѣ солдатскаго сукна. Усилія эти были дѣйствительно чрезвычайны: для обезпеченія будущихъ барышей не жалѣли значительныхъ расходовъ, употребляли всякіе подходы и хитрости. Такъ, напримѣръ, заготовлены были двѣ партіи солдатской одежды: одно изъ лучшаго прусскаго несмоченнаго сукна, котораго только удалось добыть, другая изъ возможно худшаго англійскаго сукна, притомъ смоченнаго и худо высушеннаго, дабы оно казалось еще грубѣе и хуже; затѣмъ обѣ подготовленныя партіи представлены были покойной императрицѣ Екатеринѣ, дабы расположить ее въ пользу прусскихъ издѣлій и отвратить отъ издѣлій англійскихъ. Такими и подобными путями, а также вслѣдствіе особенной заботливости короля прусскаго и значительныхъ затратъ, Пруссакамъ удалось достигнуть такого успѣха, что они въ теченіе длиннаго ряда минувшихъ лѣтъ постоянно могли держать здѣсь для продажи обширные склады сукна. Между тѣмъ русское правительство настолько увеличило свою регулярную армію, что въ настоящее время ему нужно до 3000 кусковъ ежегодно. Еслибы все это количество доставлялось Англіей, торговля сукнами представляла бы для нея выгодъ болѣе, чѣмъ всѣ прочіе вывозимые изъ Россіи товары вмѣстѣ взятые. А такъ какъ мы несомнѣнно

можемъ доставлять сукно лучшее и относительно болѣе дешевое, чѣмъ Пруссаки, смѣемъ надѣяться, что правительство наше приметъ мѣры къ возможному устраненію Пруссіи и къ обезпеченію этой отрасли торговли исключительно за Англіей. Еслибъ осуществленіе этой надежды и потребовало временно чрезвычайныхъ расходовъ, оно затѣмъ принесло бы отечеству нашему осязательную пользу, обезпечивая шерстяному производству нашему лишній сбытъ произведеній приблизительно на сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Какое бы, однако, значеніе ни имѣло прекращеніе или уменьшеніе вывоза солдатскаго сукна само по себѣ, зло, причиненное имъ англійской торговлѣ, не ограничится выше изъясненными убытками, если въ рукахъ Пруссіи останется хотя только часть поставки суконъ: продолжая вырабатывать и вывозить солдатскія сукна, они тѣмъ самымъ привлекаются и къ выработкѣ другихъ видовъ шерстяныхъ издѣлій, конкуррирующихъ съ издѣліями нашихъ фабрикъ; они выдѣлываютъ и вывозятъ болѣе тонкія сукна и шерстяныя матеріи. Мы видѣли многіе сорта шерстяныхъ матерій, привезенныхъ изъ Пруссіи, но именно только въ видѣ дополнительнаго товара при солдатскомъ сукнѣ, сбытъ котораго они до сихъ поръ считали вполнѣ обезпеченнымъ, за которое Русскіе платятъ даже деньги впередъ, почему оно составляетъ какъ бы фондъ, снабжающій деньгами, какъ для дальнѣйшаго производства сукна, такъ и для развитія шерстяныхъ производствъ другаго рода. Если дѣло будетъ продолжаться такимъ образомъ, всякій вывозъ шерстяныхъ издѣлій изъ Великобританіи въ Россію или вообще въ порты Балтійскаго моря прекратится.

2) Прежде, приблизительно до 1724 года, ежегодно изъ Великобританіи въ Россію вывозились значительныя количества болѣе тонкихъ суконъ различныхъ сортовъ и наименованій, которыя собственно не потреблялись въ Россіи, а закупались русскими купцами для торговли съ Персіей и Армянами, торговавшими въ Шемахѣ и на Каспійскомъ побережьѣ. Эта отрасль нашей торговли нѣсколько лѣтъ тому назадъ утрачена нами, такъ какъ въ 1724 году, или около этого времени, проживающіе здѣсь армянскіе купцы просили разрѣшенія производить транзитную торговлю черезъ Россію, съ платой умѣренной провозной пошлины въ 3%, какъ съ товаровъ ввозимыхъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Персію, такъ и съ шелка-сырца и прочихъ азіатскихъ продуктовъ, которые они доставляютъ сюда для отправки въ

Голландію. Это было имъ дозволено, не взирая на то, что въ то же время объявленъ тарифъ, которымъ многіе товары, пригодные для такого рода торговли при ввозѣ другими чужеземцами, кромѣ Армянъ, облагались пошлиной отъ 25 до 75%; они же, отправляя весь свой сырецъ и проч. въ Голландію, выписываютъ оттуда въ обмѣнъ шерстяные товары, которые прежде по преимуществу доставлялись Англіей въ весьма значительномъ количествѣ. Эта отрасль нашей торговли можетъ, однако, быть возстановлена, лишь бы намъ разрѣшено было ввозить шелкъ-сырецъ изъ Петербурга въ Англію на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ прочіе англійскіе подданные вывозятъ изъ Турціи. Нетрудно доказать, что при такомъ разрѣшеніи ввозить сырой шелкъ и прочіе азіатскіе товары въ Англію, наша торговля черезъ Петербургскій портъ усилится до того, что она болѣе чѣмъ вознаградитъ уменьшеніе морскихъ сношеній Великобританіи съ Турціей. Но при этомъ стоимость и рискъ перевозки нашихъ шерстяныхъ товаровъ въ Персію черезъ Россію несравненно менѣе стоимости и риска перевозки черезъ Турцію; эта разница позволитъ намъ, не уменьшая собственныхъ барышей, доставлять ихъ на мѣста потребленія дешевле, чѣмъ турецкіе купцы, а слѣдовательно значительно усилитъ вывозъ шерстяныхъ товаровъ изъ Великобританіи". [1]

Какъ только Рондо получилъ оффиціальное назначеніе онъ завелъ переговоры о заключеніи торговаго трактата. Во время первой аудіенціи онъ сказалъ императрицѣ: „Вашему Величеству извѣстно, что Англичане первые открыли архангельскій портъ съ моря, что они же являются главнѣйшими посѣтителями порта Кронштадтскаго и другихъ портовъ Балтійскаго моря. Британская нація льститъ себя надеждой, что во вниманіе къ выгодной торговлѣ, ею водворенной въ Россіи, Ваше Величество всегда склонны будете поощрить ее всякими проявленіями своего высокаго покровительства". Остерманъ отнесся сочувственно къ порученію, возложенному на Рондо и на первое его заявленіе отвѣчалъ, что очень радъ сдѣлать все, способное послужить къ выгодѣ обоихъ государствъ, что признаетъ вполнѣ разумнымъ оказать англійской торговлѣ, болѣе выгодной для Россіи, чѣмъ всякая другая торговля, и большее покровительство.

---

[1] *Сб. Ист. Общ.* т. 66, стр. 24, 104—106, 183, 223, 301—362, 364—365 368, 429—431, 515—520.

Прошло четыре мѣсяца, и 1 апрѣля 1732 года Рондо доносилъ своему правительству: „По докладѣ кабинета обо всемъ, что я имѣлъ честь изъяснить его членамъ касательно затрудненій, съ которыми связана была торговля великобританскихъ купцовъ въ теченіе многихъ лѣтъ, государынѣ угодно было приказать, чтобы министры ея разсмотрѣли статьи переданной мною записки и выполнили мои желанія насколько окажется возможнымъ безъ ущерба интересамъ Россіи. Пока имѣю честь увѣдомить васъ, что на восемь прилагаемыхъ статей изъ представленныхъ мною пятнадцати изъявлено согласіе и коммерцъ-коллегіи отправлено предписаніе императрицы внести эти восемь статей въ число новыхъ торговыхъ постановленій. Меня увѣдомили, что признано возможнымъ удовлетворить купцовъ и по остальнымъ статьямъ, хотя онѣ еще не опубликованы. Могу, кажется, утверждать, что врядъ ли найдется въ Россіи другой примѣръ такого быстраго успѣха подобныхъ переговоровъ. Это убѣждаетъ меня, что здѣсь у насъ много друзей, помогавшихъ исходу дѣла, столь выгоднаго для торгующихъ въ этой странѣ подданныхъ короля“.

Несмотря на это переговоры о торговомъ трактатѣ тянулись около трехъ лѣтъ. Остерманъ, заправлявшій иностранною политикой, считалъ, что Россіи слѣдуетъ держаться союза съ Австріей, заключеннаго въ 1726 году, а, слѣдовательно, и ея союзницы Англіи; но онъ желалъ взамѣнъ нѣкоторыхъ привилегій, которыхъ добивались англійскіе купцы, получить поддержку с.-джемскаго кабинета, очень важную въ тотъ моментъ, когда русское правительство вопреки французскимъ интригамъ хотѣло посадить своего кандидата на польскій престолъ, когда осложненія на Востокѣ грозили войной съ Турціей. Русское правительство желало заключить съ Англіей не только торговый, но и оборонительный трактатъ, или, по крайней мѣрѣ, приступить къ союзному договору, заключенному въ 1731 году между Англіей и Австріей. Но не такъ смотрѣли на это въ Лондонѣ. Въ 1733 году чтобъ оказать наружное почтеніе Россіи и скорѣе добиться цѣли назначенъ былъ въ Петербургъ лордъ Форбесъ съ званіемъ полномочнаго министра, то-есть дипломатъ болѣе важный, чѣмъ резидентъ Рондо, хотя послѣдній не былъ отозванъ. Въ инструкціи Форбесу говорится слѣдующее: „Вскорѣ по заключеніи послѣдняго трактата 1731 года, со стороны австрійскаго императора послѣдовало предложеніе пріобщить къ выгодамъ и

привилегіямъ этого трактата всѣхъ союзниковъ договаривающихся сторонъ, а для сего сообщить отъ насъ союзникамъ императора прежде всего царицѣ проектъ присоединенія, набросанный и предложенный намъ вѣнскимъ дворомъ. Ни одобрить этотъ проектъ, ни сообщить его мы однако не могли, такъ какъ онъ заключалъ въ себѣ обязательства болѣе обширныя, чѣмъ тѣ, которымъ мы полагали и теперь полагаемъ возможнымъ подчиниться. Еслибы петербургскій дворъ началъ разговоръ о немъ съ вами, повторите сдѣланныя нами заявленія, если же никто съ вами по данному вопросу не заговоритъ, сами о немъ и не упоминайте, и не давайте намека, что вами получены какія-либо соотвѣтствующія инструкціи, такъ какъ договоръ 1731 года до сихъ поръ существовалъ исключительно между нами и императоромъ, никакихъ прямыхъ сношеній съ Россіей по оному не было и къ успѣхамъ царскаго двора въ этомъ дѣлѣ мы вполнѣ равнодушны. Какъ вы усмотрите изъ прилагаемыхъ документовъ, причина неодобренія императорскаго проекта съ нашей стороны заключается въ томъ, что принятіе его нами можетъ быть изъяснено въ смыслѣ гарантіи русскихъ владѣній Великобританіей. Между тѣмъ на всѣ сдѣланныя въ разное время попытки склонить насъ на такую гарантію мы всегда отвѣчали, что никогда не согласимся принять на себя подобное бремя; потому и вы каждый разъ, какъ возникаетъ разговоръ съ цѣлью обязать насъ гарантіей, старайтесь, насколько сумѣете, разбить всѣ надежды на ея достиженіе и съ возможною опредѣленностью, хотя въ высшей степени вѣжливо, дайте понять русскимъ министрамъ, что, несмотря на живѣйшее желаніе наше пріобрѣсти довѣріе и дружбу государыни, на готовность нашу во всякое время дать разумное доказательство своего расположенія, намъ принять на себя гарантію столь отдаленныхъ и обширныхъ владѣній совершенно невозможно, немыслимо".

Прежде чѣмъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей лорду Форбесу пришлось имѣть продолжительныя пререканія по вопросу о церемоніалѣ, которому въ прошломъ вѣкѣ придавали большое значеніе. Второй пунктъ его инструкціи гласитъ: „При аудіенціяхъ, которыя вамъ даны будутъ у царицы, и вообще во всемъ касающемся церемоніала, вы имѣете съ особенною заботливостью наблюдать, дабы пріемъ сдѣланный вамъ при русскомъ дворѣ вполнѣ согласовался съ обычаями, принятыми тамъ по

отношенію къ представителямъ австрійскаго императора и другихъ коронованныхъ особъ, облеченныхъ тѣмъ же званіемъ, какимъ мы облекли васъ, а также съ правилами, установившимися между дворами великобританскимъ и русскимъ при прежнихъ сношеніяхъ между ними. Дабы вы удобнѣе могли руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ, мы приказали снабдить васъ нѣкоторыми бумагами, въ которыхъ найдете свѣдѣнія, какъ о прежнихъ обычаяхъ, такъ и о новыхъ постановленіяхъ по этому поводу. Мы желаемъ и требуемъ, дабы вы настаивали на строгомъ выполненіи церемоніала, соотвѣтствующаго вашему положенію. Вы особенно обратите вниманіе на донесеніе Витворта, послѣ королевы Анны при покойномъ Петрѣ I, и усмотрите въ немъ, что обычай цѣлованія руки русскихъ монарховъ, которому въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было подчиняться въ старину, былъ затѣмъ устраненъ, а такъ какъ мы соблюденія подобной церемоніи при аудіенціи русскихъ уполномоченныхъ не требуемъ, и вы имѣете сообразоваться съ соглашеніемъ, установленнымъ между Витвортомъ и русскимъ кабинетомъ, то-есть ни въ какомъ случаѣ не согласитесь на возстановленіе подобнаго обычая.“ [1]

„13 іюня, доносилъ Форбесъ, я былъ у графа Остермана подъ предлогомъ узнать, назначенъ ли день для моей аудіенціи, въ дѣйствительности же съ цѣлью объясниться о церемоніи цѣлованія руки, по поводу которой имѣлъ основанія ожидать возраженія. Мало-по-малу я навелъ графа на разсказъ объ аудіенціи герцога де-Лиріа (испанскаго посланника), но такъ какъ въ этомъ разсказѣ о цѣлованіи руки не говорилось, я упомянулъ, что мнѣ передавали, будто уполномоченные нѣкоторыхъ дворовъ при аудіенціи цѣловали руку ея величества. Онъ отвѣчалъ, что это дѣлали всѣ, не исключая и графа Вратислава (австрійскаго посланника), и что онъ даже не знаетъ никого, кто бы этого не дѣлалъ. Я замѣтилъ, что кажется Витвортъ не цѣловалъ руки Петра I при аудіенціи, и что тогда рѣшено было на будущее время устранить эту странную церемонію. Слова свои я подтвердилъ выпиской изъ бумагъ Витворта, которыя находились при мнѣ. Онъ отвѣчалъ, что Петръ I пренебрегалъ всякими церемоніями, а для Витворта, какъ для посла, тѣмъ болѣе могъ сдѣлать отступленіе отъ церемоніала. Графъ увѣрялъ меня, однако, честнымъ словомъ, что Витвортъ не разъ цѣловалъ руку покой-

[1] *Сб. Ист. Общ.* т. 66, стр. 394—395, 403—404, 441, 585—587, 578—579.

наго императора. Онъ долго говорилъ по этому поводу серьезно и мнѣ показалось со смущеніемъ. Убѣдившись съ достовѣрностью, что графъ Вратиславъ цѣловалъ руку ея величества, что герцогъ де-Лиріа и всѣ прочіе уполномоченные иностранныхъ дворовъ дѣлали то же, предвидя какое сильное волненіе мой отказъ подчиниться установившемуся обычаю долженъ произвести среди всѣхъ этихъ представителей европейскихъ державъ, опасаясь какъ бы это волненіе еще не возрасло вслѣдствіе подозрѣнія, что я пытаюсь занять первенствующее положеніе, я просилъ у вице-канцлера позволенія побесѣдовать съ нимъ откровенно и вполнѣ конфиденціально. Онъ пригласилъ меня говорить прямо. Тогда я прочелъ ему вторую статью своей инструкціи. Чтеніе это явно привело его въ сильное смущеніе: онъ раза два-три утиралъ лицо свое, несмотря на то, что погода была далеко не жаркая. Когда я кончилъ, вице-канцлеръ помолчалъ нѣкоторое время, затѣмъ снова указалъ на графа Вратислава. На все это я отвѣчалъ вопросомъ: посовѣтуетъ ли онъ мнѣ послѣ только что сдѣланнаго ему сообщенія согласиться на поступокъ, такъ прямо противорѣчащій приказаніямъ моего государя? Онъ отвѣчалъ отрицательно, а нѣсколько времени спустя сказалъ, что о бесѣдѣ нашей передастъ императрицѣ. Однако, когда я уже вставалъ, графъ прибавилъ: если вы и не поцѣлуете руку императрицы на первой аудіенціи, въ послѣдствіи при всякомъ пріѣздѣ ко двору цѣловать ее все-таки придется, такъ какъ руку государыни цѣлуютъ безъ исключенія лица всѣхъ положеній и обоего пола. Это, замѣтилъ я, отличительная черта отношеній подданнаго къ монарху: каждый разъ, какъ намъ выпадаетъ честь поцѣловать руку своего государя, мы тѣмъ самымъ какъ бы возобновляемъ свою вѣрноподданническую присягу, подумать о присвоеніи той же почести кому-либо другому я призналъ бы идолопоклонствомъ. Графъ молчалъ; я всталъ и простился съ нимъ.“ Въ другой разъ Остерманъ старался объяснить англійскому послу, что онъ не дѣлаетъ различія между церемоніаломъ и простою формой вѣжливости, установившеюся при русскомъ дворѣ, что цѣлованіе руки императрицы требуется не въ силу права, а какъ простое проявленіе вѣжливости, что онъ можетъ уклониться отъ этого обычая при аудіенціи и вообще при отправленіи своихъ дипломатическихъ обязанностей, но не тогда, когда является ко двору, какъ лордъ Форбесъ, когда государыня, переходя изъ комнаты въ комнату, запросто разговариваетъ съ каждымъ, при-

чемъ каждый цѣлуетъ ея руку; при такихъ пріемахъ его уклоненіе отъ общепринятаго порядка всѣмъ покажется страннымъ, тѣмъ болѣе, что государыня—женщина. Послѣ долгихъ разговоровъ пришли къ такому соглашенію: на первой аудіенціи Форбесъ не поцѣлуетъ руки императрицы и затѣмъ не будетъ показываться ко двору, пока не получитъ дальнѣйшихъ инструкцій отъ своего правительства. Изъ Лондона ему дали предписаніе сообразоваться съ русскими обычаями, разъ что имъ подчиняются всѣ иностранные дипломаты.

Форбесъ долженъ былъ возобновить переговоры начатые Рондо и съ этою цѣлію отправился къ Остерману.—Я надѣюсь, сказалъ Остерманъ, что вы снабжены полномочіями не только для переговоровъ по дѣламъ торговымъ, но также и для переговоровъ о союзномъ трактатѣ съ Россіей, котораго императрица, вполнѣ цѣня существующія дружескія отношенія къ королю, всетаки желала бы. Король, отвѣтилъ Форбесъ, несомнѣнно тронутъ будетъ тѣмъ, что императрица цѣнитъ дружескія съ нимъ отношенія, такъ какъ и самъ проникнутъ такимъ же дружескимъ расположеніемъ къ ней и воспользуется первымъ случаемъ обмѣняться болѣе тѣсными обязательствами съ императрицей, но, что пока такого случая не представляется; кромѣ того отдаленность Россіи и Великобританіи, мнѣ кажется, дѣлаетъ тѣснѣйшій союзъ между ними столь же безполезнымъ, какъ и затруднительнымъ въ настоящее время, да я и не уполномоченъ вести переговоры о чемъ-либо подобномъ. Несмотря на это, Остерманъ распространился на эту тему и въ заключеніе сказалъ, что по его мнѣнію вести переговоры о торговомъ трактатѣ, не касаясь трактата союзнаго, врядъ ли возможно. При слѣдующемъ свиданіи Остерманъ сказалъ слѣдующее англійскому посланнику: государыня не сомнѣвается, что англійскій король стремится къ миру и это склонитъ его ко вступленію въ оборонительный союзъ съ Россіей для огражденія мира въ Европѣ, который, конечно, равно соотвѣтствуетъ, какъ вашимъ, такъ и русскимъ стремленіямъ и интересамъ; такой союзъ на ряду съ другими союзами, въ которые уже Россія вступила, не можетъ не произвести желаемаго воздѣйствія, наконецъ, въ случаѣ согласія Англіи заключить оборонительный договоръ, въ него могъ бы быть включенъ и торговый трактатъ, которымъ государыня готова обезпечить за Великобританіей всѣ торговыя преимущества, какія бы вы разумно ни пожелали.

Но англійское правительство положительно отказывалось заключить съ Россіей оборонительный договоръ. „Король, писалъ Гаррингтонъ Форбесу, несомнѣнно расположенъ къ царицѣ самымъ дружественнымъ образомъ, однако, въ настоящее время не видитъ необходимости вступать съ нею въ тѣснѣйшій союзъ; хорошій торговый договоръ, удачно согласованный съ обоюдными выгодами сторонъ, всего лучше можетъ содѣйствовать дружественной связи между Россіей и Англіей. Торговый трактатъ представляетъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ единственный договоръ, которымъ король считаетъ возможнымъ и полезнымъ связать себя по отношенію къ Россіи. Всякій договоръ о дружественномъ союзѣ или взаимной защитѣ неудобенъ въ виду отдаленности владѣній договаривающихся сторонъ; выполненіе такого договора встрѣтило бы такъ много затрудненій, что вамъ необходимо съ возможною мягкостью отклонять всякія предложенія такого рода, непрестанно въ самыхъ положительныхъ выраженіяхъ твердя русскимъ министрамъ объ особенно дружественномъ расположеніи и уваженіи короля къ государынѣ и о томъ, что надежнѣйшимъ и прочнѣйшимъ звеномъ для связи націй между собою служатъ правильно поставленныя торговыя сношенія.“ [1]

Въ то же самое время Кантемиру приказано было вести въ Лондонѣ переговоры о союзѣ. Кантемиръ предложилъ англійскимъ министрамъ для сохраненія спокойствія въ Европѣ, Англіи и Россіи придти въ тѣснѣйшее согласіе. Ему отвѣчали именемъ королевскимъ, что король отъ всего сердца желаетъ заключить союзъ съ Россіей и не упустилъ бы этого случая для засвидѣтельствованія своего высокаго уваженія къ русской императрицѣ, но, какъ извѣстно, король въ такихъ дѣлахъ нуждается въ согласіи парламента, и народъ по внушенію противной двору партіи, станетъ упрекать короля и министровъ, что Англію вводятъ въ новыя обязательства и въ новыя издержки, заключая союзъ съ такимъ отдаленнымъ государствомъ, какъ Россія; король думаетъ, что для удовлетворенія народа хорошо было бы заключить трактатъ коммерческій. „Изъ этихъ рѣчей, доносилъ Кантемиръ, ваше величество изволитъ усмотрѣть, что намѣреніе здѣшняго двора клонится къ тому, чтобы чрезъ коммерческій трактатъ получить новыя выгоды, а къ союзу мало склонности изъ опасенія новыхъ убытковъ и нареканій отъ противной пар-

---

[1] *Сб. Ист. Общ.* т. 76, стр. 1—3, 8—9, 39—40, 53—54, 63, 76—77.

тіи. Я думалъ, что неприлично было бы долѣе настаивать: не подумали бы министры, что ваше величество изъ-за какого-нибудь своего партикулярнаго интереса или по нуждѣ, такъ горячо добивались ихъ союза. Но, такъ какъ ваше величество повторяете свои прежніе указы, то я не оставлю прилагать всевозможное стараніе для соглашенія здѣшняго двора къ союзу, употребляя такой разговоръ, изъ котораго бы нельзя было усмотрѣть, что ваше величество непремѣнно этого желаетъ.“ [1]

Кромѣ этого общаго вопроса объ оборонительномъ союзѣ русское правительство разсчитывало на помощь Англіи въ Польшѣ. По смерти короля Августа Россія и Австрія поддерживали кандидатуру его сына Августа, Франція же выставила своего кандидата Станислава Лещинскаго, тестя Людовика XV. Такъ какъ кандидатовъ на польскій престолъ пришлось поддерживать вооруженною силой, русское правительство просило сентъ-джемскій кабинетъ походатайствовать, чтобъ Австрія ввела свои войска въ Польшу, но англійское правительство отговаривало свою союзницу Австрію отъ такого шага, боясь, что тогда Франція объявитъ ей войну. Ожидали, что Франція пришлетъ эскадру въ Балтійское море, и для противодѣйствія этому просили Форбеса о присылкѣ англійской эскадры, которую обѣщали содержать на свой счетъ. Но послѣдній отговаривался позднимъ временемъ года и получилъ полное одобреніе своего министерства. „Отвѣтъ вашъ, писалъ Гаррингтонъ Форбесу, по поводу высказаннаго вамъ желанія видѣть англійскую эскадру въ Балтійскомъ морѣ въ эту опасную пору года, король находитъ вполнѣ умѣстнымъ. Король очень благодаритъ за предложеніе снабжать корабли его провизіей и всѣмъ прочимъ потребнымъ для нихъ матеріаломъ, но воспользоваться этимъ предложеніемъ не можетъ. Было бы дѣйствительно крайне легкомысленно подвергать эскадру такимъ опасностямъ, потому вы, какъ человѣкъ свѣдущій въ морскомъ дѣлѣ, потрудитесь найти наиболѣе подходящіе и наиболѣе вѣжливые поводы уклониться отъ предложенной любезности.“ [2]

Кантемиръ поднялъ тотъ же вопросъ въ Лондонѣ и опять предложилъ заключить союзъ съ тѣмъ, что Россія не потребуетъ ничего больше, какъ помощи одною эскадрой, если которая-нибудь изъ сѣверныхъ державъ начнетъ противъ нея войну.

---

[1] Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XX, стр. 52—53.
[2] *Сб. Ист. Общ.* т. 76, стр. 108, 98.

Такой союзъ не можетъ быть въ тягость Англійскому народу, потому что Великобританія для собственнаго интереса, для защиты своей торговли и безо всякаго обязательства принуждена будутъ посылать въ Балтійское море эскадры, если миръ на сѣверѣ будетъ нарушенъ, какъ не разъ случалось. На это Гаррингтонъ отвѣчалъ, что Англійскій народъ привыкъ роптать противъ всѣхъ обязательствъ, въ которыя король вступаетъ съ другими государствами, хотя бы и близкими, жалуясь на падающія отъ него отсюда тягости, и потому надобно ожидать большаго неудовольствія отъ новаго союза съ такою отдаленною державой, какъ Россія. Союзъ можетъ быть полезенъ только одной Россіи, потому что если Англія подвергнется нападенію, то отъ Россіи не можетъ ожидать никакой помощи, ибо въ корабляхъ и деньгахъ нужды не имѣется, а перевезти русскія войска въ такое отдаленное мѣсто неудобно. Дѣйствительно Великобританія посылывала эскадру въ Балтійское море, но теперь никакой нужды въ томъ нѣтъ, потому что она въ добромъ согласіи со всѣми сѣверными державами; а это согласіе могло бы нарушиться, еслибъ они вступили въ союзъ съ Россіей безо всякаго повода со стороны сѣверныхъ державъ. Король никакъ не можетъ отправить эскадру въ Балтійское море, потому что предвидится надобность во флотѣ на Средиземномъ морѣ, въ Индіи, и для охраненія береговъ Великобританіи. [1]

Неудачи сердили Остермана и затягивали переговоры и торговый трактатъ. „Вы бросили насъ въ дѣло однихъ, сказалъ однажды вице-канцлеръ англійскому посланнику, разговаривая съ нимъ о Польшѣ, — надѣюсь, однако, что мы выбьемся изъ него благополучно.“ Несмотря на это, Остерманъ не переставалъ убѣждать Форбеса въ необходимости заключить оборонительный союзъ. Объ одномъ изъ своихъ послѣднихъ совѣщаній англійскій посланникъ доносилъ слѣдующее: „Вице-канцлеръ настаивалъ на необходимости взаимной защиты и помощи, и вообще сталъ повторять все, что̀ постоянно говорилъ намъ по вопросу о союзѣ. Долгая бесѣда, наконецъ, разгорячила и его и меня, въ заключеніе я замѣтилъ, что польскія дѣла ведутся Россіей такъ, а не иначе по собственному ея почину, единственно въ виду ея непосредственныхъ интересовъ, а потому не налагаютъ на короля никакихъ обязательствъ; если же, не взирая на это, король

---

[1] Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. XX, стр. 53—55.

все-таки заботится предотвратить войну, въ которую Европа можетъ быть вовлечена политикой Россіи или старается, если войны предотвратить нельзя, по крайней мѣрѣ склонить счастіе на сторону Россіи.—это любезность съ его стороны, потому онъ можетъ вступить съ Россіей въ союзъ только изъ снисхожденія. Вице-канцлеръ пробовалъ встревожить меня лестными предложеніями Франціи, но я твердо убѣжденъ, что вліятельнѣйшіе голоса русскаго кабинета всегда отвергнутъ всякія предложенія о союзѣ съ Версалемъ. Что̀ касается вашего вопроса. что̀ именно въ теперешнемъ положеніи дѣлъ заставляетъ Россію такъ настойчиво желать союза съ королемъ? Могу отвѣтить только то. что русскій дворъ всегда желаетъ союза съ Великобританіей. повидимому, въ разсчетѣ, что англійскій флотъ лучше всякой иной силы способенъ отразить или предотвратить попытки отнять у Россіи прибалтійскія владѣнія. Этимъ здѣсь очень озабочены и съ нами не разъ затѣвали разговоръ о томъ, что въ случаѣ, если къ союзу Россіи съ Австріей присоединится и англійскій король, никто не въ состояніи будетъ измѣнить существующее положеніе дѣлъ не только на сѣверѣ, но пожалуй и въ Европѣ, а такъ какъ Россія не нуждается въ присоединеніи къ своимъ владѣніямъ ни единаго фута на земномъ шарѣ, ей естественно заботиться объ обезпеченіи настоящаго положенія. Есть также причина, вызвавшая настойчивое исканіе союза именно теперь; разъ охлажденіе долго существовавшее между дворами великобританскимъ и русскимъ устранено обмѣномъ посольствъ, Россія, не теряя времени, спѣшитъ сдѣлать намъ непосредственное предложеніе. которое, по словамъ здѣшнихъ министровъ, она уже дѣлала не разъ иными путями. Пожалуй, поспѣшность эта еще увеличилась опасеніемъ событій, которыя могутъ быть вызваны вмѣшательствомъ въ польскія дѣла, результаты котораго предвидѣть трудно. Россія желаетъ, очевидно, обезпечить себя съ этой стороны или, по крайней мѣрѣ, оградить себя нашимъ обѣщаніемъ противодѣйствовать нападеніямъ на нее изъ Польши, на которое здѣсь кажется преимущественно и разсчитываютъ для охраны русскихъ прибалтійскихъ владѣній, такъ какъ собственный флотъ Россіи— каррикатура на флотъ; существованіе его по имени быть можетъ и вліяетъ сколько-нибудь на прибалтійскихъ сосѣдей ея. но само русское правительство на него не полагается, несмотря на ежегодныя большія затраты для поддержанія этого призрака.“

Въ отвѣтъ на донесенія англійскаго посланника ему писали изъ

Лондона: „Когда будете разговаривать съ русскими министрами, продолжайте держаться прежняго тона, не допуская возможности оборонительнаго союза; приведите всѣ надлежащіе аргументы, дабы убѣдить ихъ, что они ошибутся въ разсчетѣ, въ случаѣ, если не осуществляютъ торговаго договора, въ надеждѣ этимъ путемъ вынудить насъ на предположенный союзъ. Напротивъ, купцы наши, утомленные безплодными стараніями добиться облегченія лежащаго на нихъ бремени, постараются найти другое поле дѣятельности для своихъ торговыхъ оборотовъ: мы же постараемся развить свои плантаціи въ такомъ направленіи, чтобы предметы, ввозимые изъ Россіи къ обоюдной выгодѣ и Англіи и ея колоній, впредь вывозились изъ Америки. Это планъ вполнѣ осуществимый, стоитъ только парламенту, подъ вліяніемъ сообщеній о тяжкомъ положеніи, которое намъ приходится испытывать въ Россіи, отнестись къ нему горячѣе и поощрить колоніи въ желательномъ направленіи. Осуществись такой планъ, Россія лишится торговли съ Великобританіей, которая намъ обходится очень дорого, Россіи же приноситъ громадныя льготы.“ [1]

Видя упрямство англійскаго правительства, въ Петербургѣ рѣшили сдѣлать сначала пріятное Англіи, заключивъ съ ней торговый трактатъ, а затѣмъ уже добиться оборонительнаго союза. Въ апрѣлѣ 1734 года вести переговоры съ Форбесомъ было поручено вмѣсто Остермана Шафирову, президенту коммерцъ-коллегіи, и дѣло было покончено очень скоро, потому, что теперь занялись исключительно обсужденіемъ проекта торговаго договора, присланнаго изъ Лондона. Трактатъ съ Англіей былъ подписанъ въ декабрѣ 1734 года и представлялъ англійскимъ купцамъ почти всѣ льготы, которыхъ они жаждали. Имъ позволено было торговать съ Персіей, провозя свои товары черезъ Россію и платя за это проѣзжія пошлины всего три процента съ оцѣнки товаровъ. Статья 16 гласила: „англійскіе купцы да имѣютъ позволеніе въ С.-Петербургѣ, на Москвѣ въ Нѣмецкой слободѣ и у города Архангельскаго дома строить, покупать и продавать или наймовать съ такимъ опредѣленіемъ, что быть имъ отъ всякихъ постоевъ увольненнымъ“. По статьѣ 17-й англійскимъ купцамъ, желающимъ выѣхать за границу или переѣхать въ другое мѣсто жительство, обязаны были выдать паспортъ чрезъ два мѣсяца по объявленіи, не требуя никакого залога. Англійскіе то-

---

[1] *Сборникъ Историч. Общества*, т. 76, стр. 92, 126—128, 191—192, 202.

вары, которые всего больше ввозились въ Россію, были обложены невысокою пошлиной; съ суконъ брали по двѣ копейки съ аршина, съ фланели по копейкѣ. [1]

Договоръ этотъ былъ заключенъ на пятнадцать лѣтъ. Первоначально Шафировъ хотѣлъ ограничить его десятью годами, англійское же правительство желало, чтобъ онъ заключенъ былъ на вѣчныя времена. Изъ этого видно, что трактатъ былъ очень выгоденъ англійскимъ купцамъ. „Въ виду значительныхъ уступокъ, писалъ Рондо,—сдѣланныхъ въ этомъ договорѣ въ пользу королевскихъ подданныхъ, наши купцы чрезвычайно обрадованы подписаніемъ договора, который несомнѣнно поставитъ ихъ дѣла въ Россіи на такую ногу, на какой они еще никогда не стояли". Въ трактатъ не могло, конечно, быть включено обязательство покупать солдатское сукно исключительно у Англичанъ, но Рондо удалось устроить значительные подряды, а въ 1738 году послѣдовалъ высочайшій указъ военной коллегіи, которымъ покупка прусскаго сукна воспрещалась. [2]

VI.

Франція сдѣлала то, чего не сумѣли достичь русскіе дипломаты. Когда послѣ разрыва съ Франціей, произошло сближеніе между дворами версальскимъ и петербургскимъ, когда наше правительство совершило крупную политическую ошибку и приняло посредничество Франціи въ примиреніи съ Турціей, приведшее къ невыгодному для насъ Бѣлградскому миру, [3] англійское правительство встревожилось. Еслибы Россія перешла окончательно на сторону Франціи, враги Англіи пріобрѣли бы значительную силу; поэтому въ Лондонѣ рѣшили удержать Россію на своей сторонѣ. Рондо, остававшійся послѣ отъѣзда Форбеса (въ 1734 г.) единственнымъ представителемъ Англіи въ Петербургѣ, получилъ въ концѣ 1738 года инструкцію сдѣлать русскому двору намеки о готовности англійскаго короля войти въ ближайшій союзъ съ Россіей. Въ дополненіе къ этому Гаррингтонъ писалъ ему: „При-

---

[1] *Собраніе трактатовъ*, т. IX, стр. 72—90.

[2] *Сборн. Ист. Общ.*, т. 76, стр. 335, т. 70, стр. 295.

[3] Подробности о французскомъ посредничествѣ см. въ моей книгѣ *О сношеніяхъ Россіи съ Франціей*.

нимая въ соображеніе настоящее опасное положеніе дѣлъ въ Европѣ и поведеніе Франціи, среди полнаго мира, безъ явной для себя выгоды, такъ дорого купившей союзъ съ Швеціей и готовой къ подобной же сдѣлкѣ съ Даніей, всѣ державы, которыя дорожатъ свободой Европы, не могутъ не ощущать крайняго смущенія. Принимая во вниманіе въ то же время крайне недоброжелательное отношеніе къ Англіи и Россіи лицъ, захватившихъ власть въ Швеціи, король призналъ необходимымъ расширить права, предоставляемыя вамъ прежними распоряженіями и приглашаетъ васъ немедленно обратиться къ герцогу курляндскому (Бирону) и прочимъ русскимъ министрамъ, которыхъ вы признаете полезнымъ посвятить въ это дѣло, повторить имъ надлежащія увѣренія въ желаніи его величества упрочить дружбу съ царицей, нарисовать имъ вышеизложенную картину настоящаго состоянія Европы и положенія, принятаго Франціей и Швеціей, и затѣмъ заявить, что, по мнѣнію короля, ничто не въ состояніи настолько предупредить опасные замыслы державъ, расположенныхъ поддерживать настоящій порядокъ вещей и угрожать миру главнымъ образомъ на Сѣверѣ, ничто не можетъ оказать такого содѣйствія охранѣ общихъ интересовъ короля и царицы, какъ тѣснѣйшій союзъ между ними къ этой цѣли направленной; потому король со своей стороны готовъ и желаетъ немедленно вступить съ императрицей въ оборонительный союзъ къ общей выгодѣ Россіи и Англіи.“

Рондо, конечно, сообщилъ Бирону и Остерману о новыхъ вѣстяхъ, идущихъ изъ Лондона. Биронъ заявилъ, что, по его мнѣнію, оборонительный союзъ Анны Іоанновны съ Англіей лучшее средство упрочить миръ на сѣверѣ, и совѣтовалъ подробнѣе поговорить объ этомъ съ Остерманомъ. „Вамъ ясно, сказалъ вице-канцлеръ, что при настоящихъ обстоятельствахъ, когда принято французское посредничество, русскому правительству дѣлать первые шаги въ такомъ вопросѣ неудобно, но если вамъ удастся склонить короля на предложенія о союзѣ, императрица, я убѣжденъ, отнесется къ нимъ съ величайшимъ вниманіемъ, такъ какъ желаетъ тѣснаго сближенія съ Великобританіей“. Рондо желалъ чтобы первый шагъ былъ сдѣланъ Россіей и предложилъ Остерману набросать черновую договора, которую можно было бы послать въ Лондонъ, но вице-канцлеръ на это не согласился, выражая надежду, что проектъ договора будетъ присланъ изъ Англіи.

Въ февралѣ 1739 г. Рондо отправилъ проектъ трактата и полномочія подписать его. Сущность договора заключалась въ помощи, какую обязаны были оказывать другъ другу Россія и Англія въ случаѣ нападенія непріятеля. Гаррингтонъ снабдилъ проектъ слѣдующими примѣчаніями: „Вопервыхъ, обращаетъ на себя вниманіе различіе въ характерѣ помощи, оказываемой другъ другу сторонами. У насъ сухопутнаго войска мало, едва достаточно для защиты королевства, намъ всегда легче и удобнѣе оказать помощь военными судами; въ свою очередь суда полезнѣе царицѣ, всегда располагающей могучею сухопутною арміей. Эскадра явится изъ Англіи на защиту царскихъ владѣній, очевидно, скорѣе, чѣмъ корпусъ войскъ, который еще приходилось бы собирать для отправки. Съ другой стороны, король, не нуждаясь въ усиленіи своихъ морскихъ силъ, лучше желалъ бы получить отъ Россіи помощь людьми, чѣмъ кораблями. Царица всегда располагаетъ количествомъ сухопутныхъ войскъ, позволяющимъ ей удѣлить корпусъ на помощь союзнику. Король желаетъ обезпечить себѣ отъ царицы помощь въ 15.000 человѣкъ и притомъ пѣхоты исключительно, такъ какъ ее удобнѣе перевезти въ любой пунктъ королевскаго владѣнія. Взамѣнъ король предлагаетъ эскадру въ 800 пушекъ. Выключеніе Поляковъ, Турокъ, Персіанъ, Татаръ и прочихъ восточныхъ народовъ, король надѣется, затрудненія не представитъ, какъ въ виду подобной статьи въ нашемъ договорѣ съ австрійскимъ императоромъ, такъ и потому, что помощь морскихъ силъ врядъ ли можетъ понадобиться противъ этихъ націй. Того же требуетъ и равномѣрность взаимныхъ услугъ; король не можетъ подвергнуться нападенію со стороны восточныхъ народовъ, между тѣмъ владѣнія царицы открыты нападенію всѣхъ державъ, противъ которыхъ ей въ силу договора придется защищать Англію. Впрочемъ, если Русскіе непремѣнно потребуютъ какого-либо вознагражденія за выключеніе востока, они могутъ быть освобождены отъ обязанности помогать въ случаѣ нападенія на владѣнія короля въ Америкѣ“.

Хотя Рондо старался убѣдить русскихъ министровъ, что имъ нечего бояться нападенія Поляковъ, и Биронъ и Остерманъ находили, что имъ необходима помощь Англіи противъ Польши, особенно въ виду постоянныхъ французскихъ интригъ въ Варшавѣ. „Графъ Остерманъ, доносилъ Рондо, въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ увѣрялъ меня въ сердечномъ желаніи императрицы приступить къ оборонительному союзу съ королемъ, но постоянно

стремясь дать своимъ отношеніямъ прочность и основательность; русскій дворъ, тѣмъ не менѣе, признаетъ необходимымъ выяснить нѣкоторыя сомнѣнія прежде, чѣмъ вести дальнѣйшіе переговоры. Изо всего, что мнѣ удалось слышать отъ Остермана, существенныя затрудненія къ заключенію трактата таковы: вопервыхъ, русскій дворъ желаетъ, чтобы король обязался также помогать Россіи и противъ Поляковъ въ случаѣ, еслибы они напали на русскія владѣнія, а такъ какъ эскадра военныхъ кораблей этой помощи оказать не можетъ, надо полагать, что здѣсь желаютъ помощи или сухопутнымъ войскомъ или деньгами, какъ было предложено Россіи въ проектѣ покойнаго короля, когда дворы сенъ-джемскій и версальскій предлагали ей помощь войсками или судами или соотвѣтствующею суммой денегъ. Вовторыхъ, здѣсь желаютъ знать, куда могутъ быть употреблены русскія войска и желали бы именно означить, что они предназначаются въ Англію, Фландрію или Германію. Признаютъ далѣе нужнымъ упомянуть, какимъ путемъ эти войска должны быть отправлены; при отправленіи сухимъ путемъ признаютъ необходимымъ, чтобы согласіе монарховъ, черезъ владѣнія и территорію которыхъ войскамъ предстоитъ слѣдовать, присылалось одновременно съ требованіемъ войска; при отправленіи же войскъ моремъ должно быть обозначено, кто возьметъ на себя заботы и расходы по обратной высылкѣ войскъ, когда въ нихъ минуетъ надобность или когда въ нихъ окажется нужда на родинѣ для защиты собственной территоріи ихъ государя. Русскій дворъ, повидимому, признаетъ себя не въ силахъ перевести моремъ 15 тысячъ человѣкъ безъ нашей помощи, онъ желалъ бы сверхъ того возложить на насъ заботу о продовольствіи этихъ войскъ. Въ третьихъ, не взирая на всѣ мои увѣщанія, Остерманъ признаетъ разумнымъ не возлагать на Россію обязательства помогать намъ въ случаѣ распри съ Испаніей, Португаліей или въ индѣйскихъ колоніяхъ, такъ какъ мы не желаемъ помогать Россіи противъ Татаръ, Турокъ и Персіанъ. Помощь, въ случаѣ, еслибы война съ Испаніей вызвала нападеніе на насъ со стороны Франціи, должна быть, полагаю, ясно оговорена во избѣжаніе послѣдующихъ недоразумѣній“.

Англійское министерство отвѣтило на это: „Исключеніе Польши кажется королю вполнѣ разумнымъ и притомъ условіемъ совершенно маловажнымъ для Россіи, которая никакъ не можетъ подвергнуться нападенію со стороны Поляковъ. Даже въ случаѣ

такого нападенія обращеніе къ помощи короля только потребовало бы расходовъ отъ короля безъ существенной пользы для Россіи; потому король не можетъ представить себѣ, чтобы русскіе министры стали настаивать на вопросѣ о Польшѣ, особенно въ виду даннаго вамъ разрѣшенія въ случаѣ нужды взамѣнъ исключить Остъ-Индію. Что касается отправленія вспомогательныхъ войскъ моремъ въ случаѣ еслибы они понадобились королю этимъ путемъ и оказалось, что царица затрудняется доставить суда, необходимыя для перевозки, король готовъ въ извѣстной мѣрѣ помочь ей съ своей стороны".

Въ маѣ присланъ былъ новый проектъ союзнаго трактата. Вмѣсто 15 тысячъ пѣхоты со стороны Россіи и эскадры въ 800 пушекъ со стороны Англіи, назначено было 10 тысячъ пѣхоты и 2 тысячи кавалеріи, что по тогдашнему счету трехъ пѣхотныхъ за одного кавалериста было равносильно корпусу въ 16 тысячъ пѣхоты, и эскадрѣ всего въ 640 пушекъ. Объ этомъ уменьшеніи помощи со стороны Англіи Гаррингтонъ писалъ Рондо: „дабы вы въ состояніи были убѣдить царскихъ министровъ въ справедливости этого рѣшенія, дабы вы могли разъяснить имъ, что предлагаемая взаимно помощь, вопреки кажущейся несоразмѣрности, установлена на началахъ полнѣйшаго равенства, я долженъ обратить вниманіе ваше на слѣдующія соображенія. Прежній проектъ предлагалъ и установлялъ соотвѣтствующими статьями, что какъ русскія войска, такъ и королевская эскадра, отправляются и снабжаются всѣмъ имъ нужнымъ на счетъ отправителя; теперь же король беретъ на себя снабженіе русскаго вспомогательнаго корпуса хлѣбомъ, фуражемъ, квартирами при сухопутномъ походѣ, и перевозку его на собственный счетъ въ случаѣ отправки моремъ, беретъ на себя тѣ же заботы и тогда, когда вспомогательныя войска будутъ возвращены или отозваны обратно. Царица же со своей стороны никакихъ подобныхъ заботъ по отношенію къ вспомогательной эскадрѣ на себя не беретъ. Такая разница въ расходахъ, при которой король принимаетъ на себя траты, соотвѣтствующія по крайней мѣрѣ четвертой части помощи, оказываемой Россіей, должна быть уравновѣшена такъ или иначе для соблюденія надлежащей взаимности. Самымъ подходящимъ способомъ уравненія мнѣ представляется уменьшеніе помощи, требуемой отъ короля; потому англійская эскадра по числу орудій приравнивается къ 12,000 пѣхоты, то-есть къ тремъ четвертямъ помощи, требуемой отъ Россіи. Осталь-

ная четверть съ лихвой оплачивается вышеозначенными чрезвычайными расходами, падающими на короля". Польша и въ новомъ проектѣ была выключена изъ casus foederis.

Рондо занялся обсужденіемъ новаго проекта, какъ вдругъ онъ получаетъ инструкцію отъ 24 августа слѣдующаго содержанія: если вы и получите отъ русскихъ министровъ какой-либо отвѣтъ на этомъ проектъ, примите его только ad referendum, но не подписывайте никакого договора, не получивъ предварительно дальнѣйшихъ приказаній короля. Черезъ два мѣсяца послѣ этого Рондо получаетъ новое приказаніе, отмѣняющее прежнее, именно въ случаѣ соглашенія съ русскими министрами немедленно подписать договоръ. Тутъ же находится интересное объясненіе, почему англійское правительство желало отложить подписаніе трактата. „Могу сообщить вамъ конфиденціально, пишетъ Гаррингтонъ Рондо, что посланное вамъ запрещеніе подписать договоръ въ дѣйствительности вызвано было опасеніемъ немедленной распри на сѣверѣ; теперь же нападеніе со стороны Швеціи на царскія владѣнія мало вѣроятно, врядъ ли она при настоящемъ положеніи дѣлъ рѣшится нарушить общественное спокойствіе. Это соображеніе, на ряду съ значительными выгодами, которыя союзъ съ Россіей представляетъ королю при данномъ положеніи Европы, склонило короля къ отмѣнѣ посланнаго вамъ было приказанія не подписывать трактата". Слѣдовательно Англія испугалась, что ей придется прислать эскадру на помощь Россіи.

Переговоры были прерваны за смертью Рондо, умершаго въ октябрѣ 1739 г., и союзный трактатъ съ Англіей былъ заключенъ только въ 1741 г. въ царствованіе Іоанна Антоновича. По этому договору Россія и Англія обязаны были помогать другъ другу въ случаѣ нападенія на нихъ непріятеля. Англія обязалась прислать эскадру, состоящую изъ двѣнадцати военныхъ и линейныхъ кораблей о 700 пушкахъ, Россія выставить 10 тысячъ человѣкъ пѣхоты и двѣ тысячи конницы. Въ случаѣ же невозможности помочь вооруженною силой, договаривающіяся стороны обязаны выдавать другъ другу субсидію по 100 фунтовъ въ годъ. Русское вспомогательное войско англійскій король обязанъ былъ содержать на свой счетъ, именно выдавать на солдата по фунту мяса въ день, хлѣба или ржаной муки по 60 фун-

---

[1] Сб. *Ист. Общ.* т. 80, стр. 405—406, 411—412, 417, 433—434, 444, 448, 452—454, 456—457, 479—481, 525—526, 541—542.

товъ въ мѣсяцъ, крупъ 4 фунта, соли фунтъ. Въ случаѣ нападенія на Россію восточныхъ народовъ, Турокъ, Персіанъ или Татаръ, но не Поляковъ, какъ этого первоначально желало англійское правительство, Англія освобождалась отъ обязанности помогать союзницѣ; за то Россія не должна была помогать Англіи въ случаѣ нападенія на ея внѣевропейскія владѣнія и не должна была посылать войска, еслибы оно понадобилось въ Испаніи, Португаліи или Италіи [1].

VII.

Въ царствованіе Елизаветы Петровны въ 1742 г. былъ подписанъ новый союзный трактатъ съ Англіей, буквально повторявшій трактатъ предшествующаго года. „Союзный трактатъ 1742 г., говоритъ профессоръ Мартенсъ, не прекратилъ неустойчивости во взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Англіи. Эта неустойчивость объясняется съ одной стороны общимъ политическимъ положеніемъ Европы, съ другой—личными вліяніями, господствовавшими при петербургскомъ и лондонскомъ дворахъ. Общее положеніе Европы было весьма запутано, благодаря ненасытному тщеславію прусскаго короля Фридриха Великаго и непримиримой къ нему враждѣ Маріи Терезіи. Около этой вражды и постоянной борьбы Пруссіи и Австріи группировались другія европейскія державы. Франція хлопотала о соединеніи Россіи, Пруссіи и Саксоніи въ одинъ общій союзъ, который предупредилъ бы избраніе супруга Маріи Терезіи, герцога Тосканскаго, въ императоры германскіе. По мнѣнію версальскаго двора, этотъ четверной союзъ обезпечитъ на продолжительное время миръ и спокойствіе Европы. Съ другой стороны Англія и Голландія выбивались изъ силъ, чтобы дать отпоръ Франціи и Пруссіи и обезпечить неприкосновенность австрійскихъ владѣній. Для той и другой политической комбинаціи необходима была Россія. И вотъ почему въ Петербургѣ сходились главнѣйшія нити всей европейской политики: отъ Россіи добивались или вступленія въ одинъ изъ двухъ союзовъ, или же по меньшей мѣрѣ доброжелательнаго нейтралитета. Эти два совершенно противоположныя политическія теченія имѣли при петербургскомъ дворѣ своихъ выдающихся сторонниковъ. За союзъ съ Франціей и Прус-

[1] *Собраніе трактатовъ*, т. 9, стр. 93—112.

сіей стоялъ вице-канцлеръ, графъ Воронцовъ; за союзъ съ Англіей и Австріей самъ канцлеръ, графъ Бестужевъ-Рюминъ". [1]

Возобладало мнѣніе канцлера, и до начала Семилѣтней войны мы находились въ союзѣ съ Англіей. Но въ 1756 г. произошла перемѣна европейской политики: Англія заключила союзъ съ Пруссіей, Австрія съ Франціей. Мы приняли сторону Австріи, потому что Бестужевъ находилъ необходимымъ сдержать не въ мѣру развивавшееся могущество Фридриха Великаго, и такимъ образомъ до смерти Елизаветы Петровны мы стояли на сторонѣ враговъ Англіи.

По вступленіи на престолъ Екатерины II былъ назначенъ въ Петербургъ новый англійскій посланникъ графъ Букингемскій, и въ инструкціи ему данной говорится: „Вы постарайтесь узнать мнѣніе русскаго двора относительно недавно истекшаго договора оборонительнаго союза, съ такими прибавленіями и измѣненіями, которыхъ бы потребовали настоящія обстоятельства, и сообщите намъ, какъ смотрятъ на этотъ предметъ и будутъ ли вамъ сдѣланы по этому поводу предложенія, а если будутъ, то какія именно? Въ 1734 году въ Петербургѣ былъ заключенъ между нашими двумя державами торговый договоръ, обезпечивавшій различныя привилегіи и поощренія для торговли обѣихъ странъ; но такъ какъ договоръ этотъ былъ заключенъ лишь на извѣстное число лѣтъ, то срокъ ему истекъ, хотя торговля до сихъ поръ ведется на основаніи прежнихъ условій; а потому мы желаемъ, чтобы вы употребили всѣ усилія къ возобновленію вышепоименованныхъ торговыхъ обязательствъ".

Такъ какъ Семилѣтняя война не была еще окончена и неизвѣстно было въ какомъ положеніи окажется европейская система по заключеніи мира, императрица, не уклоняясь вполнѣ отъ союза съ Англіей, считала нужнымъ соблюдать осторожность. Она писала объ этомъ канцлеру Воронцову: „При настоящемъ перѣшимомъ состояніи европейскихъ дѣлъ осторожность въ новыхъ аліанціяхъ и доброе внутреннее состояніе должны быть нашимъ политическимъ правиломъ. Нѣтъ политическаго положенія, которое бы воспрещать могло производить возможные для пользы коммерціи распорядки, потому и съ Англіей такой трактатъ яко полезный должно негоцировать безъ потерянія времени. Но при томъ особливо наблюдать, чтобы не отнять у себя способности

[1] Собр. трактатовъ, т. IX, стр. 134—135.

вступать въ подобныя обязательства и съ другими державами, какъ для конкурсу, такъ и для умноженія вывоза нашихъ продуктовъ. Чтобы поступки наши во всемъ были откровенны и тверды, надлежитъ англійскій дворъ увѣрить, что мы признаемъ полезнымъ и конечно охотно возобновимъ съ нимъ аліанціи".

Екатерина готова была заключить оборонительный договоръ съ Англіей, только на томъ условіи, чтобы с.-джемскій кабинетъ помогъ намъ поставить своего кандидата въ Польшѣ, парализовать въ Швеціи французское вліяніе и содѣйствовать намъ въ восточномъ вопросѣ. Эти мысли императрица высказала въ одномъ изъ своихъ разговоровъ съ англійскимъ посланникомъ. „Императрица, доноситъ графъ Букингемскій 15 апрѣля 1763 г., подала мнѣ лестную надежду, что почтитъ мой домъ своимъ присутствіемъ въ прошлый четвергъ, но къ концу вечера братъ графа Орлова сообщилъ мнѣ, что сильная головная боль помѣшала ей пріѣхать. Въ то же время онъ передалъ мнѣ, что ея величество желаетъ, чтобы я на слѣдующій день послѣ двѣнадцати часовъ пришелъ въ квартиру его брата, гдѣ я буду имѣть случай ее видѣть. Скоро по прибытіи моемъ туда, она вошла въ комнату, а графъ Орловъ отошелъ къ другой сторонѣ. Тогда я сообщилъ ей намѣреніе короля содѣйствовать ей въ польскомъ дѣлѣ. Она отвѣчала, что касается до назначенія кого бы то ни было прежде упраздненія престола, то мнѣ должно быть извѣстно, что по смыслу польскихъ законовъ одного подозрѣнія въ подобномъ соглашеніи было бы достаточно, чтобы сдѣлать избраніе его невозможнымъ. На это я возразилъ, что весьма легко сохранить это дѣло въ тайнѣ, и что императрица можетъ рѣшить это дѣло съ королемъ моимъ повелителемъ. Тогда она сказала мнѣ, что все, чего она желаетъ, и что находитъ нужнымъ въ настоящую минуту, это—чтобы король помогъ ей не допустить французскихъ претендентовъ. Затѣмъ я коснулся возобновленія обоихъ договоровъ. Насчетъ торговаго договора она сказала, что совершенно убѣждена въ выгодѣ извлекаемой Россіей изъ торговли съ Англіей, но прежде чѣмъ заключить столь важный договоръ, она желала бы ближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ. Что касается до союза, она выразила, что заключеніе подобнаго союза могло бы внушить опасенія прочимъ державамъ и возбудить ихъ подозрѣнія, насчетъ предмета столь тѣсныхъ сношеній, но въ сущности вслѣдствіе ея собственнаго расположенія къ Англіи и увѣренности ея въ таковыхъ же чувствахъ

короля къ интересамъ Россіи она разсматриваетъ договоръ этотъ какъ бы заключеннымъ".

„Считаю долгомъ сообщить вамъ, писалъ графъ Букингемскій вскорѣ послѣ этого, что императрица, какъ кажется мнѣ, отчасти вслѣдствіе собственной симпатіи, отчасти потому, что видитъ въ томъ истинную выгоду для себя, желаетъ вступить въ самыя тѣсныя отношенія съ Англіей и съ австрійскимъ домомъ".

Англійское правительство торопило заключеніемъ оборонительнаго договора. Изъ Лондона писали графу Букингемскому: „Англійское правительство не желаетъ никакого союза такъ сильно, какъ союза съ Россіей: оно знаетъ послѣдствія его для обоихъ, какъ ближайшія и немедленныя, такъ и то вліяніе, которое союзъ этотъ окажетъ на тѣ обязательства, въ которыя они найдутъ полезнымъ вступить по отношенію къ другимъ державамъ. Такъ какъ очевидно, что таково положеніе дѣлъ, король не можетъ понять, ни одобрить политику Россіи, отсрочивающей немедленно по заключеніи общаго мира рѣшить дѣло оборонительнаго союза предложеннаго королемъ и медлящей возобновленіемъ торговаго договора, въ которомъ Россія заинтересована болѣе существеннымъ образомъ, чѣмъ Великобританія. Съ своей стороны король не можетъ ни въ чемъ упрекать себя, такъ какъ въ доказательство своего высокаго уваженія къ императрицѣ и искренняго намѣренія поддерживать дружбу съ ней, онъ постоянно относился съ величайшимъ вниманіемъ къ желаніямъ ея, какъ по вопросу о польскомъ наслѣдствѣ, такъ и во всякомъ встрѣчавшемся дѣлѣ".

Русское правительство желало сначала заключить союзъ съ Англіей, который далъ бы ей какіе-нибудь выгоды въ политическомъ отношеніи, а потомъ уже подписать торговый договоръ, который, вопреки увѣренію англійскихъ министровъ, долженъ былъ оказаться выгоднѣе для Англіи, чѣмъ для насъ. Англійскому посланнику представили проектъ оборонительнаго договора, къ которому должны были быть присоединены двѣ секретныя статьи, заключавшія по тогдашнему обычаю наиболѣе важную сторону вопроса. Первая статья гласила: такъ какъ взаимныя выгоды обѣихъ договаривающихся сторонъ необходимо требуютъ, чтобъ онѣ заблаговременно и единодушно приняли мѣры на случай польскій престолъ окажется вакантнымъ, то хотя русская императрица черезъ посредство своего министра при британскомъ дворѣ уже объяснялась дружески откровеннымъ обра-

зомъ съ королемъ великобританскимъ, вслѣдствіе чего король повелѣлъ своему резиденту въ Варшавѣ поступать относительно этого дѣла заодно съ министромъ императрицы, тѣмъ не менѣе обѣ договаривающіяся стороны согласились, кромѣ того, въ силу настоящей статьи въ томъ, что въ случаѣ кончины нынѣ царствующаго короля польскаго, онѣ направятъ свои усилія къ тому, чтобы возвести на престолъ кандидата, выборъ котораго былъ бы не опасенъ, а скорѣе благопріятенъ ихъ взаимнымъ интересамъ. Въ этихъ видахъ король англійскій обязывается и обѣщаетъ снабдить своего министра въ Польшѣ инструкціями, чтобъ онъ дѣйствовалъ по соглашенію съ посланникомъ императрицы и употребилъ бы всѣ усилія, чтобы возвести на польскій престолъ то лицо, которое будетъ избрано обоими дворами. А такъ какъ при подобныхъ обстоятельствахъ необходимо потребуются издержки, король обѣщаетъ всегда держать наготовѣ въ Польшѣ значительную сумму денегъ и употребить ее въ случаѣ надобности для достиженія общей цѣли. Если же при избраніи польскаго короля дѣла въ Польшѣ достигнутъ такой крайности, что императрица вслѣдствіе близости своего государства вынуждена будетъ поддержать оружіемъ виды обѣихъ договаривающихся сторонъ, въ такомъ случаѣ король великобританскій обѣщаетъ со своей стороны оказать пособіе деньгами для покрытія военныхъ издержекъ, выславъ императрицѣ, какъ только русскія войска вступятъ въ Польшу, сумму въ пятьсотъ тысячъ рублей. Такъ какъ можетъ случиться, что какая-либо иностранная держава, вслѣдствіе вступленія русскихъ войскъ въ Польшу, возымѣла бы враждебныя намѣренія противъ Русской Имперіи и быть можетъ даже открыла бы враждебныя дѣйствія противъ императрицы, въ такомъ случаѣ король обѣщаетъ и обязывается употребить всѣ зависящія отъ него средства и дружелюбныя обѣщанія, чтобъ остановить таковыя дѣйствія а буде мѣры эти не получатъ желаемаго успѣха, оказать императрицѣ пособіе.

Вторая секретная статья касалась Швеціи. Такъ какъ для взаимной выгоды обѣихъ сторонъ, говорилось въ ней, необходимо заботиться о поддержаніи міра и спокойствія на сѣверѣ для того, чтобы подданные ихъ не были стѣснены въ своей торговлѣ, а между тѣмъ многолѣтній опытъ доказалъ, что нѣкоторыя державы стараются поддерживать въ Швеціи партію, постоянно внушающую этой націи желаніе смущать сѣверъ, упо-

требляя различныя средства для достиженія этой цѣли, то императрица и король въ противодѣйствіе этимъ мѣрамъ, вредящимъ ихъ подданнымъ, но употребляемымъ другими державами, согласились между собою и обязываются въ силу настоящей статьи снабдить своихъ министровъ при шведскомъ дворѣ инструкціями, по смыслу которыхъ они будутъ дѣйствовать за одно какъ для ослабленія вышеупомянутой партіи, поддерживаемой другими державами, такъ и для сохраненія равновѣсія между этою партіей и партіей противоположною.

Кромѣ того прежній договоръ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что Англія обязана была помогать Россіи—въ случаѣ войны съ Турціей.

Составленный русскими министрами проектъ не понравился въ Лондонѣ, и англійскій посланникъ получилъ отъ своего правительства слѣдующую инструкцію: „Король никакъ не ожидалъ, чтобы въ то время, когда русскій дворъ, повидимому, желаетъ вступить въ союзъ чисто-оборонительный, онъ нашелъ возможнымъ, удаляясь отъ буквы и смысла предыдущаго договора, высказать въ отдѣльныхъ и секретныхъ статьяхъ новыя предложенія, не только вполнѣ чуждыя интересамъ Великобританіи, но, по всей вѣроятности, могущія послужить поводомъ къ новымъ несогласіямъ, особенно на сѣверѣ Европы, что особенно имѣлось въ виду предотвратить смысломъ договора. Вы справедливо замѣчаете, что всѣ измѣненія противъ трактата 1742 г. клонятся лишь къ выгодѣ Россіи. Поэтому вы постараетесь возвратить настоящій договоръ какъ можно ближе къ выраженіямъ предыдущаго, за исключеніемъ тѣхъ статей, которыя ниже будутъ поименованы. Нельзя допустить, чтобы мы должны были помогать и противъ Оттоманской Порты, такъ какъ коммерческіе интересы подданныхъ короля слишкомъ тѣсно связаны съ этою державой, и отеческая заботливость короля о своемъ народѣ никогда не подвергнетъ его такой жертвѣ. Что касается до двухъ секретныхъ статей, заключеніе ихъ положительно немыслимо и онѣ ни подъ какимъ видомъ не могутъ войти въ составъ настоящаго договора, цѣль котораго только и единственно состоитъ въ продолженіи и укрѣпленіи стариннаго союза между обѣими державами, Великобританіей и Россіей. Въ то же время вы объясните императрицѣ, какъ неблагоразумно было бы вступаться въ споры о польскомъ престолѣ и черезъ то подвергать наше королевство опасности войны для цѣлей вовсе до нихъ не

относящихся. Теперь перехожу къ послѣднему пункту, а именно къ отдѣльной статьѣ, отстрочивающей переговоры о торговомъ трактатѣ до ратификаціи союзнаго договора. Это до такой степени не согласно съ дружескими чувствами, много разъ высказываемыми русскимъ дворомъ въ проектѣ договора, что король затрудняется чему именно приписать эту отсрочку въ заключеніи мѣры, равно выгодной для обѣихъ націй; поэтому я имѣю положительное приказаніе короля сообщить вамъ, чтобъ договоры торговый и союзный были бы подписаны одновременно".

Графъ Панинъ, руководившій тогда нашею иностранною политикой, всячески старался упрочить, такъ-называемую, „сѣверную систему или сѣверный концертъ", то-есть составить обширный союзъ изъ сѣверныхъ державъ: Россіи, Пруссіи, Даніи, Швеціи, Польши и Англіи. Но понятно, что нашъ министръ не видѣлъ пользы отъ союза съ Англіей, если она не станетъ поддерживать русской политики на Сѣверѣ и на Востокѣ. Въ разговорѣ, происходившемъ между Панинымъ и англійскимъ посланникомъ въ ноябрѣ 1763 года, русскій министръ готовъ былъ на уступку въ вопросѣ объ исключеніи Турціи изъ casus foederis, но настаивалъ на остальныхъ статьяхъ проекта. Англійскій дипломатъ всталъ и сказавъ, что значитъ нѣтъ надежды на заключеніе союзнаго трактата, собирался уходить Панинъ удержалъ его. „Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что въ данномъ случаѣ затрудненія далеко не непреодолимыя, и упомянувъ объ издержкахъ неизбѣжныхъ для Россіи вслѣдствіе польскихъ и шведскихъ дѣлъ, спросилъ посланника, согласится ли англійскій король оказать Россіи пособіе нѣкоторою суммой денегъ". На это посланникъ отвѣтилъ, что король едва ли согласится на подобную комбинацію, англійская казна истощена и король едва ли рѣшится на новыя издержки по дѣлу, вовсе не касающемуся интересовъ его государства.

Панинъ доказывалъ, что стоило позаботиться о томъ, чтобы усилить русское вліяніе въ Стокгольмѣ и не допустить Швецію до неограниченной монархіи, [1] и что до тѣхъ поръ, пока Россія не обезпечена относительно этого государства и Польши, союзъ съ ней не представитъ особаго значенія для остальныхъ державъ Европы.

---

[1] Россія поддерживала въ Швеціи конституцію 1720 года, а Франція старалась усилить королевскую власть. О нашей политикѣ въ Швеціи см. мою книгу: *О сношеніяхъ Россіи съ Франціей*, стр. 287 сл.

Русское правительство желало получать субсидію отъ Англіи, такъ какъ много золота тратилось и въ Стокгольмѣ, и въ Варшавѣ, но въ Лондонѣ отказались отъ такого рода помощи. „Вы будете отвѣчать, писали графу Букингемскому, въ томъ же духѣ на ихъ идею о полученіи денежнаго вспомоществованія отъ Великобританіи, такъ какъ ни настоящее положеніе дѣлъ въ Европѣ, ни состояніе государства, едва лишь окончившаго кровопролитную и разорительную войну, ни, наконецъ, требованія союза не даютъ основанія ожидать или желать подобной мѣры. Король многократно выражалъ свою готовность скрѣпить искренній и дружескій союзъ съ русскимъ дворомъ, и потому отъ Россіи зависитъ облегчить всѣ мѣры, клонящіяся къ успѣшному его заключенію; но достоинство короля не допускаетъ, а положеніе его королевства не требуетъ, чтобы король подкупалъ или заискивалъ для заключенія союза, въ которомъ Россія заинтересована по меньшей мѣрѣ столько же, какъ и Великобританія. [1]

Въ то же самое время переговоры о союзномъ трактатѣ велись въ Лондонѣ нашимъ посланникомъ Гроссомъ. Когда лондонскій кабинетъ узналъ о подписаніи союзнаго трактата между Франціей и Австріей, онъ сильно обезпокоился, боясь остаться совершенно изолированнымъ. Поэтому англійскій министръ графъ Сандуичъ настаивалъ въ разговорѣ съ Гроссомъ на скорѣйшемъ подписаніи союзнаго трактата между Россіей и Англіей съ цѣлью сохранить въ Европѣ политическое равновѣсіе. По справедливому замѣчанію профессора Мартенса, такому желанію лондонскаго кабинета имѣть союзный трактатъ съ Россіей нисколько не соотвѣтствовала его уступчивость въ условіяхъ, служившихъ камнемъ преткновенія для его заключенія. Англійское правительство упорно отказывалось включить войну съ Турціей въ трактатъ, какъ casus foederis. „Возобновленное графомъ Сандуичемъ затрудненіе, писалъ Панинъ Гроссу, касательно Порты Оттоманской въ случаѣ союза, не удивляетъ меня лично. Извѣстна уже давно англійская привычка, чтобы въ негоціаціяхъ, какъ лавочникамъ, торговаться пока есть время и выторговать сколько можно болѣе. Но нѣтъ намъ нужды слѣдовать ихъ примѣру и для того, сказавъ единожды то, въ чемъ мы поставляемъ пользу свою и что единое замѣняетъ обѣщанныя съ нашей стороны ве-

---

[1] *Сб. Ист. Общ.* т. XII, стр. 16—18, 93—94, 97, 102, 117—124, 129—132, 143—145, 148.

ликія выгоды, должно теперь оставаться непремѣнно при требованіи 500.000 рублей для случая войны между нами и Портой.

Въ виду неуступчивости англійскаго правительства Панинъ наконецъ объявилъ англійскому посланнику, что онъ болѣе не услышитъ отъ него ни слова о союзѣ. Успѣшнѣе шли переговоры о торговомъ трактатѣ; послѣ нѣкоторыхъ уступокъ, сдѣланныхъ Россіей, Макартней, замѣстившій графа Букингемскаго, рѣшилъ подписать договоръ въ сентябрѣ 1765 года. Но въ Лондонѣ нашли, что посланникъ превысилъ данныя ему полномочія и сдѣлали ему строгій выговоръ. Вотъ что писалъ Макартнею герцогъ Графтонъ, завѣдывавшій сношеніями съ сѣверными государствами. „Не могу отъ васъ скрыть, что какъ король, такъ и всѣ его министры крайне недовольны тѣмъ, что вы рѣшились подписать торговый договоръ, прежде чѣмъ прислать его сюда и такимъ образомъ узнать волю короля относительно условія его. Просмотрѣвъ инструкціи посланныя вамъ отсюда, они всѣ пришли къ тому убѣжденію, что подобный шагъ съ вашей стороны явно противорѣчитъ приказаніямъ, отданнымъ вамъ графомъ Сандуичъ въ двухъ депешахъ отъ 15 марта. Въ одной изъ нихъ вамъ предписано, какъ только вы доведете трактатъ до формы и содержанія окончательно одобренныхъ русскимъ дворомъ, не теряя времени сообщить о томъ для полученія приказанія короля относительно окончательнаго его заключенія. Въ другой лордъ Сандуичъ высказываетъ надежду насчетъ того, что когда курьеръ отвлечетъ ультиматумъ Россіи по вопросу о торговомъ договорѣ, ему также будетъ порученъ основательный планъ союза. Далѣе я долженъ прибавить, что ни въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ не оказалось предписаній, въ силу которыхъ вы имѣли бы право уклониться отъ столь явственно высказанныхъ инструкцій. Я долженъ замѣтить вамъ, что къ подобнаго рода мѣрамъ министры прибѣгали лишь въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ, гдѣ время потребное для возвращенія курьера съ одобреніемъ государя на предложенный проектъ, могло бы повредить успѣху дѣла или въ вопросахъ, столь очевидно клонящихся къ выгодѣ монарха и страны, которымъ онъ служитъ, что министръ могъ, не задумавшись, взять на себя отвѣтственность предъ ними обоими за послѣдствія своего смѣлаго поступка. Нельзя также сказать, чтобы въ теченіе двухъ мѣсяцевъ (время потребное для возвращенія курьера) намъ было бы отказано въ продолженіи

нашей торговли на тѣхъ самыхъ условіяхъ, которыми она пользовалась непрерывно въ продолженіе многихъ лѣтъ и даже по истеченіи срока послѣдняго договора. Прилагаемыя къ сему бумаги такъ же какъ и мнѣнія короля и его министровъ касательно одной части трактата, о которой буду говорить подробнѣе, ясно доказываютъ какую громадную отвѣтственность вы къ сожалѣнію взяли на себя. Король всегда разсматривалъ торговый договоръ съ Россіей при настоящемъ положеніи британскихъ владѣній мѣрой весьма желательною; а такъ какъ со времени заключенія мира это будетъ первый договоръ такого рода, то король считаетъ существенно необходимымъ не допускать въ немъ неравенства въ пользу Россіи. Мнѣ повелѣно сказать вамъ, что сохраненіе четвертой статьи, начинающейся словами: „но въ такомъ случаѣ предоставляется“ и кончающейся словами: „расширить русское мореплаваніе“, совершенно уклоняясь отъ этого намѣренія, предоставляетъ Россіи право съ своей стороны измѣнять порядокъ торговли, сохраняя при этомъ обязательность трактата для одной Великобританіи. Кромѣ того совершенно неправильно и неосновательно предоставлять Россіи право на измѣненіе торговли въ силу акта, составленнаго въ Англіи сто лѣтъ тому назадъ, а именно акта о мореплаваніи. Для васъ недостаточно было принять въ соображеніе лишь то, насколько вѣроятно, чтобы Россія со временемъ воспользовалась средствами для расширенія своей торговли, но въ то же время вы должны были остерегаться всякой новой идеи, по поводу которой вамъ была неизвѣстна воля короля, при чемъ вамъ не слѣдовало терять изъ вида, что хотя по вашему мнѣнію Россія не имѣетъ возможности воспользоваться и этимъ правомъ, тѣмъ не менѣе, упоминая объ имени этого акта (что до сихъ поръ избѣгалось), вы подавали примѣръ, на который при послѣдующихъ договорахъ могутъ сослаться другія націи, быть-можетъ, могущія употребить его къ величайшей невыгодѣ нашего государства. Я поступилъ бы безчестно, еслибы сказалъ, что мы одобряемъ вашъ образъ дѣйствій въ подписаніи договора. Еслибы даже трактатъ этотъ соотвѣтствовалъ всѣмъ желаніямъ администраціи и торговли, и тогда можно было сказать, что вы поступили весьма неосторожно, нарушивъ безъ необходимости смыслъ данныхъ вамъ инструкцій. Посудите же, каково мнѣ было услышать мнѣніе короля и его слугъ, а также форменное объясненіе россійской компаніи, когда всѣ они объявили, что вслѣдствіе одного этого условія весь

трактатъ оказывается недѣйствительнымъ; затрудненія, которыя вы навлекли на правительство и на министровъ, весьма сложны. Трактатъ, подписанный королевскимъ министромъ при иностранномъ дворѣ въ разрѣзъ съ инструкціями, данными ему прежнею администраціей безъ всякаго разрѣшенія со стороны настоящей администраціи, разсматриваемый въ то же время королемъ, какъ договоръ существенно вредный для торговли, что̀ подтверждается и купцами, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принятъ нами и ратификованъ королемъ. Послѣдствія отказа по этому послѣднему пункту неминуемо должны пасть на васъ, а быть-можетъ повредить всей торговлѣ съ Россіей, и при всемъ томъ король предпочитаетъ рисковать даже этимъ, скорѣе чѣмъ согласиться на трактатъ, который съ самаго начала признанъ, по меньшей мѣрѣ, недѣйствительнымъ".

Четвертая статья трактата, которою такъ возмущались англійскіе министры, предоставляла Россіи право, принимая въ образецъ англійскій навигаціонный актъ 1651 года, обезпечивать собственными мѣрами развитіе русскаго мореплаванія. При этомъ Панинъ въ письмѣ формально обѣщалъ отъ имени императрицы, что въ чемъ бы ни состояли эти мѣры, онѣ будутъ таковы, что британскимъ купцамъ будетъ предоставлено въ нихъ участвовать и извлекать всѣ выгоды, какими будутъ пользоваться русскіе подданные. Но англійскому правительству этого казалось мало, оно требовало, что̀бъ уполномоченными, подписавшими трактатъ, была подписана отдѣльная декларація со словами: „какія бы ни были приняты мѣры на основаніи вышеупомянутаго условія, онѣ во всякомъ случаѣ будутъ такого свойства, что британскіе подданные будутъ имѣть возможность въ нихъ участвовать и извлекать изъ нихъ такія же выгоды, какъ подданные императрицы."

„Немедленно по пріѣздѣ курьера, доносилъ Макартней 5 ноября 1765 года, я отправился къ Панину и сказалъ ему, что мною получены ратификаціи, но вмѣстѣ съ положительнымъ повелѣніемъ короля не обмѣниваться ими до тѣхъ поръ, пока объяснительная декларація не будетъ подписана четырьмя уполномоченными. Къ этому я прибавилъ, что такъ какъ это не болѣе какъ пустая формальность, то я и не сомнѣваюсь въ его согласіи. Онъ, кажется, былъ очень удивленъ этимъ предложеніемъ, нѣсколько минутъ молчалъ, а потомъ разразился негодованіемъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя ясно доказывали насколько были поражены его тщеславіе и высокое мнѣніе о

себѣ. Онъ высказалъ, что недовѣріе къ его письму написанному по повелѣнію императрицы составляетъ такого рода оскорбленіе, котораго онъ не можетъ перенести, и что если мы считаемъ его или его дворъ способными нарушить данное ими слово или отступиться отъ принятыхъ въ какой бы то ни было формѣ обязательствъ, не предстояло вѣроятія къ тому, чтобъ они считали себя связанными декларацiей, хотя бы она была выражена самымъ явственнымъ и торжественнымъ образомъ. Въ заключеніе онъ объявилъ мнѣ, что посовѣтуетъ императрицѣ не дѣлать ничего болѣе, что и безъ того уже вся Россія возставала на него за то, что онъ уже слишкомъ много сдѣлалъ и что въ случаѣ если намъ не нравился трактатъ въ настоящемъ своемъ видѣ съ его объяснительнымъ письмомъ, мы могли поступить по собственному усмотрѣнію. но при этомъ я могу быть увѣренъ, что лишь только будутъ уничтожены подписи, англійская торговля подвергнется точно тѣмъ же условіямъ, какъ и торговля всѣхъ прочихъ державъ. Тутъ я ушелъ отъ него, но возвращался къ нему ежедневно въ теченіе трехъ дней, всячески стараясь смягчить его, я просилъ многихъ его друзей попробовать склонить его къ согласію на наше предложеніе, но всѣ попытки были безуспѣшны.“

Переговоры тянулись нѣсколько мѣсяцевъ. но Екатерина не хотѣла поступиться своимъ достоинствомъ и уступить. „Съ сердечнымъ прискорбіемъ долженъ я сообщить вамъ, писалъ Макартней 11 февраля 1766 года, полную неудачу моихъ переговоровъ. Никакая хитрость не осталась неиспробованною, ни одинъ доводъ не высказаннымъ, ни одно усиліе не употребленнымъ, словомъ все, что внушалъ мнѣ долгъ, чѣмъ снабжали меня свойства дѣла и что подсказывали мнѣ настоящія обстоятельства было мною выполнено съ неусыпнымъ вниманіемъ, неутомимою дѣятельностью и неослабѣвавшимъ усердіемъ. Но дворъ этотъ выслушивалъ меня съ самымъ возмутительнымъ хладнокровіемъ и съ самымъ стоическимъ равнодушіемъ; результатомъ всего этого оказалось полное отреченіе и совершенный отказъ. Дабы дать вамъ возможность судить о моемъ образѣ дѣйствій въ этомъ случаѣ и увѣдомить меня, поступилъ ли я какъ по существу самаго дѣла, такъ и по способу его выраженія согласно со смысломъ данныхъ мнѣ инструкцій, позвольте мнѣ подробно изложить вамъ одну подробность хода переговоровъ. Императрица

выслушала меня съ самымъ милостивымъ вниманіемъ и отвѣчала мнѣ въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ. Она поручила мнѣ передать отъ ея имени королю, что она ничѣмъ не дорожитъ до такой степени какъ его дружбой, что и готова доказать всякимъ средствомъ не унижающимъ достоинство ея престола и не стѣсняющимъ ея монархическихъ правъ; выразивъ желаніе, чтобъ я сообщилъ это въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ и объявилъ бы, что ничто не въ состояніи огорчить ее до такой степени какъ невозможность исполнить какую бы то ни было просьбу короля великобританскаго, она указала мнѣ обратиться за дальнѣйшимъ объясненіемъ ея чувствъ къ ея министерству, которое согласно съ этимъ и выдало мнѣ меморіалъ. Слишкомъ хорошо зная упрямство Панина и опасаясь его послѣдствій, прочитавъ его меморіалъ, я на слѣдующій же день отправился къ нему, чтобъ отговорить его отъ немедленнаго принятія мѣръ, клонящихся ко вреду нашихъ купцовъ. Меня особенно понуждало къ тому извѣстіе сообщенное мнѣ въ то самое утро однимъ Англичаниномъ, который передалъ мнѣ, что, намѣреваясь купить домъ, онъ говорилъ объ этомъ съ своимъ пріятелемъ Бакунинымъ, первымъ чиновникомъ въ канцеляріи Панина и тотъ совѣтовалъ ему ни въ какомъ случаѣ не кончать этого дѣла, если только оставалась возможность отъ него отступиться, такъ какъ на будущее время всякій англійскій домъ будетъ обложенъ постойною повинностію и самъ онъ видѣлъ черновую указа, отмѣняющаго декларацію императрицы Елисаветы въ пользу нашихъ торговцевъ и полагалъ, что указъ этотъ будетъ немедленно обнародованъ. Не найдя Панина дома, я на слѣдующій день послалъ къ нему секретаря, чтобъ узнать, когда я могу имѣть честь говорить съ нимъ, въ отвѣтъ на что онъ назначилъ сегодня послѣ театра въ девять часовъ вечера. Я спросилъ у него, справедливо ли то, что я слышалъ, онъ очень спокойно отвѣчалъ мнѣ, что это совершенная правда, что онъ часто предупреждалъ меня, что таково должно быть окончаніе нашего дѣла и спросилъ меня, неужели я удивленъ тѣмъ, что онъ держитъ данное имъ мнѣ слово; далѣе онъ сказалъ, что намѣреніе его не заключаетъ ничего поспѣшнаго или необдуманнаго, а составляетъ результатъ продолжительнаго размышленія и убѣжденія, что нѣтъ никакой возможности вести переговоры съ Англичанами на равныхъ правахъ, что рѣшился онъ на немедленное исполненіе

этого намѣренія въ тѣхъ видахъ, чтобы дать здѣшнимъ англійскимъ купцамъ время предупредить своихъ друзей въ Англіи, прежде чѣмъ наступитъ сезонъ мореплаванія, черезъ что они имѣли бы возможность принять сообразныя съ этимъ мѣры и не потерпѣли бы убытка, вслѣдстіе надеждъ на трактатъ, который, быть можетъ, они считали уже оконченнымъ; въ заключеніе онъ высказалъ надежду, что въ настоящемъ случаѣ я отдалъ справедливость деликатности его чувствъ, прямотѣ его намѣренія и основательности его поступковъ. Я упрашивалъ его не дѣлать ни шагу болѣе въ этомъ дѣлѣ до тѣхъ поръ, пока я не получу отвѣта отъ своего двора, на счетъ окончательнаго его рѣшенія по вопросу о предполагаемомъ союзѣ съ Россіей и Даніей. Онъ отвѣчалъ, что не видитъ цѣли подобной отсрочки и полагаетъ, что мы такъ же какъ и онъ должны разсматривать торговый договоръ положительно уничтоженнымъ и что было бы жестоко по отношенію къ купцамъ, не предупредить ихъ заблаговременно о томъ, къ чему они должны готовиться въ будущемъ. Уступая моимъ просьбамъ, онъ сказалъ, что въ доказательство своего желанія оказать мнѣ услугу, онъ обѣщается лично мнѣ отложить дѣйствія, которыхъ я опасался до пріѣзда слѣдующаго курьера подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ я сообщилъ здѣшнимъ купцамъ нашимъ настоящее положеніе дѣла. Я сказалъ, что не могу рѣшиться на подобнаго рода шагъ, не имѣя на то приказанія изъ Англіи и потому просилъ его въ этомъ случаѣ меня извинить, но онъ настаивалъ и объявилъ, что со своей стороны уступитъ моему желанію лишь на этомъ условіи. Я сказалъ ему, что сообщу это русской компаніи въ Лондонѣ, что будетъ столь же цѣлесообразно, такъ какъ письмо мое дойдетъ туда гораздо ранѣе чѣмъ корабли будутъ имѣть возможность отправиться въ эту страну: я опасался послѣдствій, которыя сообщеніе подобнаго рода могло вызвать между нашими купцами, такъ какъ оно почти равнялось бы оффиціальному объявленію; поэтому я старался убѣдить его довольствоваться тѣмъ, что я предлагалъ и наконецъ мнѣ это удалось: но прежде чѣмъ проститься со мной, онъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ, что хотя въ этомъ дѣлѣ я могу полагаться на его обѣщаніе, какъ на слово частнаго лица, тѣмъ не менѣе, онъ не считалъ себя связаннымъ имъ къ своемъ оффиціальномъ характерѣ министра, такъ какъ онъ считалъ декларацію императрицы Елизаветы уже отмѣненной, не смотря на то, что дѣло это еще не было обнародовано.".

Какъ раздражены были Англичане отказомъ русскаго правительства подписать декларацію видно изъ слѣдующаго донесенія Макартнея. „Дѣловая система, какъ кажется, принятая здѣшнимъ министромъ состоитъ въ томъ, чтобъ изъ собственныхъ грубыхъ понятій безцеремонно составлять ультиматумъ, который долженъ быть проглоченъ всѣми желающими вести съ ними дѣло, при чемъ объясняется, что если подобное блюдо намъ не по вкусу, то виновато въ немъ наше собственное небо, а никакъ не ихъ способъ приготовленія; понятіе ихъ о собственномъ могуществѣ до того преувеличено и они такъ мало опасаются прочихъ державъ, что дѣйствительно считаютъ подобный способъ вести переговоры (они серьезно считаютъ это переговорами) наиболѣе соотвѣтствующимъ ихъ обстоятельствамъ, положенію дѣлъ и выгодамъ; впрочемъ, если мы примемъ въ соображеніе, сколько за ними ухаживали могущественнѣйшія европейскія державы и вспомнимъ блестящій успѣхъ постоянно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ увѣнчивавшій ихъ оружіе и политику, мы не можемъ удивляться тому, что они набрались дерзкаго высокомѣрія, всегда сопровождающаго незаслуженный успѣхъ. Они самымъ положительнымъ образомъ отказались выдать намъ декларацію, которой я испрашивалъ. Въ случаѣ бы вы продолжали настаивать на декларацiи, остается еще одно средство, употребленіе котораго, быть можетъ, сохранитъ за нашей торговлей настоящее ея положеніе и безъ сомнѣнія окажется болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ краснорѣчіе и ловкость самаго способнаго политика въ Европѣ. Предположимъ, что когда вы предпишите мнѣ уничтожить договоръ, вы въ то же время уполномочите меня объявить, что такъ какъ на будущее время мы принуждены будемъ вести торговлю безъ всякаго трактата, то король намѣревается ежегодно посылать въ Балтійское море для защиты нашей торговли четыре или пять военныхъ кораблей; кромѣ того, что опасеніе подобной мѣры можетъ побудить Россію согласиться съ нашимъ требованіемъ, въ случаѣ ихъ отказа это послужило бы предлогомъ для того, чтобы постоянно имѣть флотъ на Балтійскомъ морѣ. Вашей милости не трудно будетъ припомнить, какъ подѣйствовало на всѣ сѣверныя державы появленіе Норриса, во главѣ эскадры въ 1716 и 1717 годахъ. Морская сила этой имперіи давно уже приходитъ въ упадокъ и теперь значительно слабѣе чѣмъ была при смерти Петра I. Адмиралтейство ихъ находится въ величайшемъ безпорядкѣ. Ихъ

кораблестроители самонадѣянны и невѣжественны; ихъ матросы немногочисленны и не знаютъ дисциплины; ихъ офицеры лѣнивы, небрежны и равнодушны къ службѣ."

Въ апрѣлѣ Панинъ еще разъ рѣшительно объявилъ Макартнею, чтобъ онъ не питалъ ни малѣйшей надежды на уничтоженіе четвертой статьи, что Россія не видитъ никакой причины связать себѣ руки на всякое улучшеніе своей торговли и мореплаванія и хотя, быть-можетъ, всѣ попытки ея въ этомъ направленіи окажутся безплодными, тѣмъ не менѣе она не можетъ настолько отступить отъ своего государственнаго достоинства, чести и осторожности, чтобы подчиниться зависимости иностранной державы безъ всякой къ тому необходимости, что подобной необходимости она не усматриваетъ, будучи убѣждена, что Великобританія принуждена будетъ вести съ ней торговлю на прежнихъ основаніяхъ съ трактатомъ или безъ онаго, по крайней мѣрѣ, въ теченіе двадцати лѣтъ, что хотя торговля Англичанъ съ Россіей обширна, не подлежитъ сомнѣнію, что ведутъ они ее не для ея прекрасныхъ глазъ, но для собственной выгоды и потребности.

Англійскій посланникъ совѣтовалъ своему правительству уступить или по крайней мѣрѣ пойти на какой-нибудь компромиссъ. „При настоящемъ положеніи дѣлъ, писалъ онъ, я съ истиннымъ сожалѣніемъ усматриваю, что намъ остается выбирать между двумя исходами, а именно: невозвратно потерять торговый трактатъ со всѣми его выгодами или немедленно согласиться на него на тѣхъ условіяхъ, которыхъ, быть-можетъ, еще возможно достигнуть" [1].

Наконецъ, Макартней предложилъ измѣнить спорную четвертую статью, такимъ образомъ, чтобы въ ней было выражено только взаимное право договаривающихся государствъ издавать всякіе законы и принимать мѣры для поощренія своего собственнаго мореплаванія, вмѣсто того, чтобы провозглашать это право исключительно въ пользу одной Россіи. Предложеніе это было принято и трактатъ подписанъ 20 іюня 1766 г. По этому трактату англійскимъ купцамъ разрѣшено строить, покупать и

---

[1] *Сб. Ист. Общ.* т. XII, стр. 220—224, 226—227, 228—230. 244—248, 252—254, 258—259, 262.

нанимать дома во всѣхъ россійскихъ областяхъ и городахъ, причемъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Архангельскѣ дома ихъ были освобождены отъ постойной повинности. Оставлены прежнія льготныя пошлины на главнѣйшіе англійскіе товары, двѣ копейки съ аршина солдатскаго сукна, копейка съ широкихъ фланелей и $^{3}/_{4}$ коп. съ узкихъ.

П. Безобразовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

НАДЕЖДА.

Легка какъ крылья херувима,
Быстра какъ взоръ его очей,
Какъ отблескъ солнечныхъ лучей
Всегда свѣтла, неуловима,
Я всѣмъ владѣю: міръ земной—
Рабъ неизмѣнный, вѣрный мой...

Мной облегчается страданье,
Мой врагъ—разсудокъ, другъ—мечта,
Пріютъ—мой жизни красота,
Людскихъ умовъ очарованье;
Мое начало—жизнь сама,
Конецъ—могилъ глухая тьма...

В. Булгаковъ.

О КОМЕДІИ.[1]

I.

Недостаточность Аристотелевой теоріи комедіи.—Въ чемъ комедія сходствуетъ съ трагедіей и чѣмъ отъ нея отличается.—Мнѣніе Аристотеля о происхожденіи комедіи.—Ямбикъ и комикъ.—Характеръ комическаго поэта.—Мнѣніе Гёте.—Аристотелево опредѣленіе комедіи.—Смѣхъ, какъ непремѣнное условіе комедіи.—Развязка, приличная комедіи.

Всѣ изслѣдователи и толкователи Аристотелевой *Піитики* выражаютъ сожалѣніе о томъ, что теорія комедіи изложена имъ не съ такой обстоятельностью и полнотой, какъ теорія трагедіи. Въ этихъ сѣтованіяхъ есть значительная доля правды; тѣмъ не менѣе Аристотель и тутъ указалъ путь, слѣдуя которому можно достигнуть полнаго разрѣшенія вопроса.

Сперва разсмотримъ все сказанное философомъ о комедіи; это дастъ намъ твердую почву для дальнѣйшаго изслѣдованія.

Комедія, подобно трагедіи и эпосу, есть подражаніе дѣйствію и дѣйствующимъ; комедія сходствуетъ съ комическимъ эпосомъ въ томъ, что и тотъ, и другая изображаютъ пошлыя дѣйствія пошлыхъ людей; съ трагедіей же въ томъ, что обѣ изображаютъ дѣйствіе въ постепенномъ становленіи, какъ бы происходящимъ предъ глазами зрителя (наличнаго, или воображаемаго, все рав-

[1] Настоящая статья представляетъ, между прочимъ, опытъ теоріи комедіи, основанной на изученіи отличительныхъ признаковъ этого рода произведеній. Она составляетъ часть имѣющагося вскорѣ выйти въ свѣтъ критическаго изслѣдованія автора, *О драмѣ*, въ основу коего положены статьи, напечатанныя въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1877—1878. Статья *О комедіи* написана вновь и появляется впервые въ печати. Авторъ льститъ себя надеждой, что встрѣчающіяся по мѣстамъ ссылки на другіе отдѣлы его книги нисколько не мѣшаютъ ясности изложенія главнаго предмета и не могутъ затруднить читателя. *Д. А.*

но) Отличается же комедія отъ трагедіи тѣмъ, что вторая изображаетъ (или точнѣе: стремится изображать) высокія и высокихъ людей дѣйствія, а комедія—пошлыя и пошлыхъ людей дѣйствія. Въ послѣднемъ отношеніи, комедія и трагедія являются какъ бы двумя крайностями, изображая наиболѣе противоположныя явленія жизни человѣческой и образно представляя два крайнія воззрѣнія на людей и ихъ дѣйствія. Говоря о происхожденіи поэзіи, въ силу врожденнаго человѣку дара къ подражанію и сопутствующей ей способности любоваться подражаніемъ, Аристотель говоритъ, что распалась поэзія на два рода по характеру поэтовъ; люди серьезные, важные стали подражать дѣйствіямъ высокимъ и высокихъ людей; люди же съ болѣе легкимъ душевнымъ складомъ—дѣйствіямъ людей низкихъ; одни слагали хвалебныя пѣсни, другіе же—пѣсни ругательныя, или насмѣшливыя. Впослѣдствіи изъ первыхъ произошла трагедія, а изъ вторыхъ—комедія. Пѣсни постепенно совершенствовались и развивались въ теченіе долгаго времени, благодаря болѣе талантливымъ запѣваламъ.

Врядъ ли, однако, можно согласиться съ греческимъ философомъ, что существуетъ именно указанная имъ разница въ характерахъ трагическихъ и комическихъ поэтовъ, развѣ съ оговоркой, что подобное было въ самомъ зачаточномъ періодѣ поэзіи. Самъ Аристотель противорѣчитъ такому положенію, называя первымъ творцомъ, какъ комическаго, такъ и героическаго эпоса одного и того же Гомера. Не могъ же одинъ и тотъ же поэтъ обладать одновременно двумя различными характерами! Подобное же соединеніе обоихъ талантовъ мы видимъ въ Шекспирѣ. Итакъ, вѣрнѣе сказать, что трагическое и комическое только двѣ стороны одного и того же творческаго духа, два художественныя міросозерцанія, равно важныя и высокія, столь же врожденныя людямъ, какъ слезы и смѣхъ. Гёте неоспоримо правъ, говоря, что комическому поэту необходимо возвышаться надъ изображаемыми имъ нравами; [1] иначе онъ не будетъ такъ

[1] „Мольеръ господствовалъ надъ нравами своего вѣка, между тѣмъ какъ наши Ифландъ и Котцебу дозволяютъ нравамъ своего вѣка господствовать надъ собой; они ими ограничены, они у нихъ въ плѣну“. *Разговоры Гёте*, собранныя Эккерманомъ, въ моемъ переводѣ. С. Пб. 1891 г. Ч. I, 224. Гёте называетъ Мольера душевно-чистымъ человѣкомъ (тамъ же). „Меня восторгаетъ въ Мольерѣ не только опытность удивительнаго художника, но особенно достойныя любви природныя свойства и высокообразованная душа поэта“. (L. c. I, 312).

ясно видѣть, по выраженію Пушкина, „пошлость пошлаго человѣка“, и не въ силахъ будетъ заставить другихъ смѣяться надъ нею.

Переходъ отъ ямбиковъ, то-есть поэтовъ, нападавшихъ въ своихъ пѣсняхъ на личности, къ комикамъ, Аристотель видитъ въ томъ, что послѣдніе стали составлять правдоподобныя дѣйствія (миѳы) и выводить, какъ бы мы сказали, общіе типы и характеры, то-есть смѣяться надъ недостатками и безобразіями, свойственными людямъ вообще, а не извѣстнымъ даннымъ лицамъ. [1]

Говоря о приписываемой Гомеру комической поэмѣ *Маргаритъ*, Аристотель замѣчаетъ, что въ ней поэтъ изображалъ смѣшное вообще, а не позорящее данное лицо; драматическое изображеніе смѣшного и составляетъ задачу и комическаго эпоса, и комической драмы.

Комедія, по опредѣленію Аристотеля, есть подражаніе дѣйствіямъ пошлыхъ, или порочныхъ людей; но она изображаетъ не всякую пошлость, не всякую порочность, а такую, гдѣ есть еще мѣсто смѣху. Вѣдь пошлость и порокъ могутъ-быть и просто отвратительны, какъ бываютъ просто отвратительны нѣкоторыя страшныя, или точнѣе внушающія ужасъ дѣянія. Какъ отвратительно-ужасное не входитъ въ область трагедіи (оно вѣдь не въ силахъ возбудить нашего состраданія, и еще менѣе очистить его); такъ отвратительно-низкое не входитъ въ область комедіи (оно не возбуждаетъ смѣха). Итакъ, область комедіи— смѣхъ; она стремится возбудить въ насъ смѣхъ. Существеннымъ отличіемъ смѣшнаго Аристотель полагаетъ его *безболѣзненность*. Данный недостатокъ или безобразіе, чтобы быть смѣшными, не должны сопровождаться страданіемъ, не должны угрожать своему носителю вредомъ или смертью. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ начинается страданіе, тамъ возбуждается наше если не состраданіе, то все же жалость по человѣчеству. Смѣшная маска, говоритъ философъ, есть изображеніе лица безобразнаго и искаженнаго, но безъ боли.

Далѣе, говоря о такъ-называемой двойной развязкѣ трагедіи, то-есть о такой, гдѣ дѣйствіе ведетъ къ благополучію, а не къ

---

[1] Этому не противорѣчитъ Аристофанъ. Хотя его дѣйствующія лица порой и носятъ имена его современниковъ, но изображены-то они какъ комическіе характеры, понятные и намъ. Впрочемъ, въ комедіяхъ Аристофана сохранились мимоходныя выходки противъ отдѣльныхъ лицъ.

конечной гибели героя, Аристотель полагаетъ ее болѣе приличной для комедіи, чѣмъ для трагедіи; при этомъ онъ прибавляетъ, что въ комедіи хотя бы были выведены такіе враги, какъ Орестъ и убійца его отца Эгистъ, все же въ концѣ они примирятся и станутъ друзьями, и ни одинъ изъ нихъ не погибнетъ отъ руки другаго.

Вотъ и все, что сказано Аристотелемъ о комедіи.

II.

Характеры въ комедіи.—Не въ нихъ ли источникъ смѣха.—Какіе люди бываютъ героями комедіи.—Три вида смѣха и три вида комедіи.—Честный смѣхъ.—Смѣхъ веселый.—Смѣхъ сочувственный.—Необходимость указанія непремѣннаго обстоятельства комедіи.

Нѣтъ ли еще общихъ чертъ между трагедіей и комедіей? Напримѣръ, въ изображеніи характеровъ? Мы указали, согласно съ Аристотелемъ, на четыре условія, которымъ подчинены изображенія характеровъ въ трагедіи; три изъ нихъ равно приложимы какъ къ эпосу, такъ и къ комедіи, и только одно составляетъ непремѣнную принадлежность характера трагическаго героя. Всякій согласится, что характеръ и въ комедіи долженъ быть *сообразенъ* съ дѣйствительностью; нельзя же напримѣръ, какъ то̀ въ обычаѣ въ новѣйшихъ французскихъ комедіяхъ, выставлять, что негодяй вдругъ въ концѣ пьесы сразу исправляется и становится честнымъ и достойнымъ человѣкомъ: этого въ жизни не бываетъ, это несообразно. Вовторыхъ, слѣдуетъ, чтобы характеръ былъ *похожъ* на встрѣчающіеся въ дѣйствительности; въ третьихъ, чтобъ онъ былъ *выдержанъ*. Но, разумѣется, нѣтъ никакой необходимости, чтобы характеръ комическаго героя былъ честенъ; нѣтъ даже надобности, чтобъ въ комедіи былъ хотя одинъ безусловно честный человѣкъ. Гоголь былъ, конечно, правъ, когда на подобные упреки отвѣчалъ, что честный человѣкъ его комедіи—смѣхъ.

Но долженъ ли комическій герой быть непремѣнно безчестенъ? И въ этомъ, какъ сейчасъ увидимъ, нѣтъ надобности; онъ *можетъ* быть безчестнымъ, плутомъ, но такое условіе не непре-

мѣнно; вѣрнѣе сказать, что плутъ, когда онъ является героемъ комедіи, обязанъ быть смѣшнымъ, а не отвратительнымъ. [1]

Быть можетъ, именно въ томъ и кроется условіе комическаго характера, а съ тѣмъ и самой комедіи, чтобъ ея герой былъ смѣшонъ самъ по себѣ, по своимъ личнымъ качествамъ, по своему характеру? Разсмотримъ такъ ли это.

Трагедія изображаетъ, или вѣрнѣе стремится изображать высокія дѣянія душевно высокихъ людей, и при томъ дѣянія, возбуждающія наше состраданіе. Комедія же изображаетъ, или вѣрнѣе стремится изображать пошлыя дѣянія душевно-пошлыхъ людей, и притомъ дѣянія, возбуждающія смѣхъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи мы видѣли, что возможна и такая трагедія, гдѣ героемъ будетъ, напримѣръ, человѣкъ, какъ выражается Аристотель, „умный, но не безъ подлости", въ родѣ Сизифа, и такой-то человѣкъ попадаетъ въ разставленныя имъ самимъ сѣти. Мы знаемъ, что подобная трагедія возбуждаетъ въ насъ хотя не состраданіе, но чувство ему подобное, названное Аристотелемъ филантропіей, жалостью по человѣчеству.

Нѣтъ ли чего подобнаго и въ комедіи?

Что комедія изображаетъ пошлыя дѣянія душевно-пошлыхъ людей и что эти дѣянія возбуждаютъ въ насъ смѣхъ, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія; доказательствомъ тому служатъ произведенія Аристофана, большинство комедій Мольера, комедіи Гоголя. Смѣясь надъ героями комедій, мы въ тоже время, какъ совершенно вѣрно говоритъ Гоголевскій городничій, „смѣемся надъ собою". Что же выражаетъ нашъ смѣхъ? если не страхъ стать такими же пошлыми людьми, то во всякомъ случаѣ нежеланіе быть похожими на нихъ; смѣхъ, говоря отвлеченно, вызывается нѣкоторымъ противоположеніемъ присущаго намъ идеала

---

[1] Этому не противорѣчитъ характеръ Тартюфа, болѣе отвратительный, чѣмъ смѣшной, потому что герой комедіи, не взирая на заглавіе, не онъ, а Оргонтъ; въ комедіи изображается судьба именно Оргонта, а Тартюфъ только причина этой судьбы. Вообще, замѣчу кстати, утверждать, что герой драмы то лицо, по чьему имени названа она (какъ тò дѣлаютъ нѣкоторые) несправедливо; можетъ-быть такъ, но можетъ-быть и иначе. Подобно, герой *Антигоны* Софокла отнюдь не она, а Креонтъ; герой *Венеціанскаго купца* не Антоніо, а Шейлокъ, и т. д. Чья судьба изображается въ дѣйствіи, тотъ и герой. Нелѣпо также привязываться къ автору изъ-за заглавія, почему де драма названа по тому, а не другому имени. На это могутъ быть чисто внѣшнія причины, напримѣръ, существованіе другой драмы подъ тѣмъ же заглавіемъ, и т. д.

человѣка и человѣкомъ, какимъ мы его видимъ въ комедіи. Очевидно, однако, что мы если и не считаемъ себя присущими данной пошлости, то все же допускаемъ, что она, въ минуты душевнаго паденія, въ извѣстной степени возможна и для насъ, или для близкихъ намъ. Считай мы ее вовсе для себя не возможною, хотя бы въ слабой и весьма отдаленной степени, мы и не смѣялись бы надъ ней; мы просто не понимали бы ее. Въ самомъ дѣлѣ, люди душевно-надменные, воображающіе себя нравственнымъ совершенствомъ, вполнѣ непогрѣшимыми; люди, не допускающіе и мысли, что они могутъ впасть въ какую бы то ни было пошлость,—не любятъ комедіи; они въ ней не смѣются, они на нее сердятся; немудрено: они сами лица комическія. Равно не любятъ комедіи и вполнѣ пошлые люди: они требуютъ увеселенія болѣе легкаго и грубаго.

Смѣясь въ комедіи, гдѣ героями являются пошлые или порочные люди, мы, какъ сказано, выражаемъ свое нежеланіе походить на нихъ, и тутъ-то именно нашъ смѣхъ бываетъ честнымъ человѣкомъ, какимъ необходимо долженъ быть и смѣхъ автора,—ибо пошлый смѣхъ драматурга и въ насъ возбудитъ такой же.

Но комедія не ограничивается изображеніемъ прямо пошлыхъ людей.

Другой видъ комедіи представляютъ комедіи Шекспира; въ нихъ, въ большинствѣ случаевъ, изображаются люди не ниже насъ, но равные намъ; [1] тѣмъ не менѣе, ихъ дѣянія, а равно ихъ рѣчи и притомъ не однимъ своимъ остроуміемъ несомнѣнно возбуждаютъ въ насъ смѣхъ. При этомъ, мы равно не можемъ прямо утверждать, будто причина смѣха заключается въ рѣшительномъ нашемъ нежеланіи походить на выведенныхъ въ комедіи лицъ, въ рѣшительной *ихъ* пошлости, хотя, быть-можетъ, иныя ихъ *дѣйствія* и не лишены извѣстнаго оттѣнка пошловатости. Поэтому и нельзя сказать, что въ насъ тутъ смѣется честный человѣкъ; всѣ, конечно, согласятся, что подобныя комедіи возбуждаютъ скорѣе нашу сердечную веселость, что нашъ смѣхъ въ данномъ случаѣ — сердечный веселый человѣкъ. Понятно, отъ веселости не умаляется честность смѣха, но она и не выступаетъ ясно, какъ обусловливающая его причина; здѣсь

[1] Мы говоримъ собственно о комедіяхъ Шекспира, не принимая во вниманіе отдѣльныхъ комическихъ личностей, какъ Фальстафъ. Ср. ниже главу III.

высказывается или возбуждается въ насъ смѣхомъ нѣчто иное, именно откровенная сердечная чистота,—нѣчто весьма подобное честности, но не равное ей. Люди, хотя и съ незапятнаннымъ сердцемъ, но не откровенные, сдержанные и сухіе, или притворяющіеся такими, страдаютъ скудостью смѣха. Равно не до смѣха людямъ съ нечистымъ сердцемъ; они развѣ злобно хихикаютъ.

Наконецъ, есть еще видъ комедіи, гдѣ герои не только равны намъ по душевнымъ качествамъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже выше насъ; они могутъ превосходить насъ умомъ, или откровеннымъ прямодушіемъ, правдивостью; но въ тоже время, благодаря своей несдержанности или горячности, а равно и нѣкоторому самомнѣнію на счетъ своего превосходства надъ другими, они ставятъ себя въ неловкое и смѣшное положеніе и тѣмъ возбуждаютъ нашъ смѣхъ или улыбку; вдобавокъ, эти лица своими остроумными сближеніями, своими рѣзкими сужденіями, словомъ, извѣстнымъ складомъ своего пониманія также возбуждаютъ нашъ смѣхъ, являясь предъ нами во образѣ сатириковъ, или комиковъ, которые вмѣсто того, чтобы писать, выражаютъ свои думы живымъ словомъ, хотя, быть-можетъ, по обстоятельствамъ комедіи, не всегда благовременно и умѣстно. Таковы Альсестъ и Чацкій. Они заставляютъ насъ смѣяться сочувственнымъ смѣхомъ; если мы порой и смѣемся надъ ихъ поступками, то также сочувственно; такъ, какъ и въ жизни смѣемся надъ выходками, или поступками дорогихъ и любезныхъ намъ людей, или даже надъ собственною неумѣстною горячностью; нашъ умъ порой и осуждаетъ ихъ, но наше сердце всегда на ихъ сторонѣ. Ихъ конечная судьба, насколько она рисуется въ комедіи, возбуждаетъ въ насъ теплое участіе къ нимъ. [1]

Изъ предыдущаго разбора ясно, что въ комедіи смѣшны (или далеко не всегда смѣшны) не характеры людей; въ ней являются порой не только люди равные намъ по душевнымъ свойствамъ, но и люди въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше насъ.

Притомъ, нельзя сказать, что пошлость сама по себѣ непремѣнно смѣшна; она скорѣе отвратительна, но въ изображеніи ея комическимъ авторомъ, въ изображеніи ея при извѣстныхъ обстоятельствахъ заключается нѣчто, заставляющее насъ невольно смѣяться. Приведенное нами отвлеченное опредѣленіе при-

---

[1] Ср. ниже, гл. IV.

чины смѣха, какъ противоставленія идеала и дѣйствительности, также не уясняетъ дѣла; мы въ правѣ спросить, почему же въ данную минуту такое противоположеніе становится для насъ вдругъ, и при томъ безъ размышленія съ нашей стороны, столь ясно, что мы неудержимо хохочемъ? Словомъ, слѣдуетъ указать на конкретную причину смѣха, и надо думать, что она въ сущности одна и та же во всѣхъ комедіяхъ, хотя и отличается, какъ мы видѣли, разными оттѣнками, вызывая то честный, то веселый, то сочувственный смѣхъ.

Обычно говорятъ, что смѣхъ происходитъ отъ того, что авторъ ставитъ данное лицо въ комическое положеніе; но такое объясненіе ничего не объясняетъ, не говоря уже о томъ, что смѣшное положеніе можетъ быть чисто внѣшнимъ, напримѣръ кто-нибудь споткнулся и чуть не растянулся, или неумѣстно чихнулъ; вѣдь требуется именно объяснить, какое же положеніе будетъ комическимъ, что̀ разумѣть подъ этимъ именемъ; другими словами: отыскать въ чемъ заключается непремѣнное обстоятельство дѣйствія, именуемаго комическимъ.

III.

Область комедіи — смѣхъ. — Обстоятельства дѣйствія въ комедіи.—Лжестраданіе, какъ главное и непремѣнное обстоятельство комическаго дѣйствія.—Доказательства. — Примѣры. — Значеніе лжестраданія въ комедіяхъ, возбуждающихъ сочувственный смѣхъ.

Изслѣдуя трагедію, мы, надѣемся, съ достаточною ясностью и доказательностью уяснили, что страданіе есть непремѣнное обстоятельство трагическаго дѣйствія, безъ котораго она не мыслима. Именно такое значеніе приписывалъ изображенію страданія Аристотель и его толкователь Лессингъ. Аристотель нѣсколько разъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, напоминаетъ о непреложности изображенія страданія; но нигдѣ, ни однимъ словомъ онъ не проговаривается о подобномъ обстоятельствѣ дѣйствія въ комедіи. Онъ только говоритъ, что смѣшное исключаетъ мысль о болѣзненности безобразія или недостатка. Тутъ, конечно, комедія скорѣе противополагается трагедіи, чѣмъ прямо опредѣляется; дается только отрицательный признакъ смѣшного, указывается только на то, чего слѣдуетъ избѣгать въ комедіи, то есть перехода безболѣзненнаго безобразія въ причиняющее боль;

устанавливается нѣкоторая граница между смѣшнымъ и трогательнымъ. Далѣе, Аристотель указываетъ на отличіе смѣшного отъ отвратительнаго, но и тутъ въ сущности устанавливаетъ только признакъ отрицательный: не всякая пошлость подлежитъ изображенію въ комедіи, а только способная возбудить смѣхъ; такое безобразіе, гдѣ есть еще мѣсто смѣху. Въ другомъ мѣстѣ указывается приличная для комедіи развязка; но и это указаніе отрицательное: указанная развязка подходитъ къ комедіи именно потому, что въ ней нѣтъ элемента страданія. Всѣми этими отрицательными указаніями вполнѣ вѣрно, впрочемъ, устанавливается область комедіи, именно смѣхъ. И мы можемъ точнѣе опредѣлить комедію, сказавъ, что она есть подражаніе такому пошлому дѣйствію, которое возбуждаетъ смѣхъ. Но что же, какое именно обстоятельство дѣйствія возбуждаетъ въ насъ смѣхъ?

Какъ извѣстно Аристотель принималъ три главныхъ обстоятельства дѣйствія въ трагедіи: переломъ, узнаніе и страданіе. Послѣднее составляетъ исключительную принадлежность трагедіи, но переломъ и узнаніе, конечно, присущи и комедіи. Такъ, напримѣръ, въ *Ревизорѣ*, при появленіи Бобчинскаго и Добчинскаго въ первомъ актѣ, наступаетъ переломъ дѣйствія; равно подобный же переломъ обнаруживается въ судьбѣ Хлестакова съ появленіемъ городничаго въ номерѣ; или въ пятомъ дѣйствіи, явленіе почтмейстера также обусловливаетъ переломъ въ судьбѣ городничаго, и т. д. Такихъ переломовъ, или перепетій можно указать еще нѣсколько въ томъ-же *Ревизорѣ*.

Узнаніе, столь рѣдкое въ новой трагедіи, въ комедіи, напротивъ, имѣетъ полное право гражданства. У Мольера оно чуть не на каждомъ шагу; въ *Ревизорѣ* оно играетъ также весьма значительную роль [1].

Присутствіе перелома и узнанія въ состояніи усилить комическое впечатлѣніе; но не въ силахъ его произвести, ибо тѣ же обстоятельства встрѣчаются и въ трагедіи, гдѣ также могутъ только усиливать впечатлѣніе и разнообразить дѣйствіе.

У Шекспира, какъ въ трагедіи, такъ и въ комедіи, весьма часто встрѣчается обстоятельство борьбы; оно особенно ясно въ *Укро-*

[1] Нѣкоторые остроумцы полагаютъ, что узнаніе въ новой трагедіи рѣдки въ силу измѣнившихся внѣшнихъ условій жизни, улучшенія путей сообщенія и полиціи; отчасти это и такъ, но отчего же тѣ же причины не подѣйствовали на узнаніе въ комедіи? Видно дѣло не въ однѣхъ полицейскихъ мѣрахъ!

щеніи строптивой и въ *Много шуму изъ ничего*. Въ первой Петручіо и Катарина ведутъ между собою настоящую борьбу, оканчивающуюся побѣдой настойчивости надъ упрямствомъ, и затѣмъ уже совмѣстно ведутъ борьбу противъ другихъ лицъ комедіи; тоже можно сказать, хотя и въ меньшей степени, и о Беатриче съ Бенедиктомъ. Но напрасно бы мы стали искать такого обстоятельства у Мольера, Гоголя или Грибоѣдова. У Мольера, какъ обстоятельство дѣйствія, не рѣдко является *споръ* между дѣйствующими; двое вступаютъ между собою въ споръ, который и разрѣшается въ дѣйствіи, какъ въ *Мизантропѣ, Школѣ мужей* и *Школѣ женъ*. Такое обстоятельство составляетъ одну изъ особенностей Мольеровскихъ комедій, но и только.

Кажется, мы не ошибемся указавъ на слѣдующее обстоятельство, какъ на непремѣнное въ комедіи, то есть на такое, безъ котораго не обходится ни одна комедія, и которое въ ней служитъ если не единственнымъ, то главнѣйшимъ средствомъ для возбужденія смѣха. Оно состоитъ въ мнимомъ страданіи, преимущественно героя, но также и другихъ комическихъ лицъ; въ притязаніи его на имя страдальца, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на наше состраданіе. Такое страданіе, конечно, безболѣзненно; оно, повторяемъ, мнимое, то есть составляетъ страданіе только по себялюбивому мнѣнію самого дѣйствующаго, но вовсе не на глаза зрителей. Быть можетъ, самая огромность себялюбиваго притязанія на возбужденіе въ насъ одного изъ самыхъ благородныхъ, самыхъ человѣчныхъ чувствъ, а именно состраданія, по своей чудовищности, и заставляетъ насъ неудержимо и безсознательно смѣяться всякій разъ, какъ мы его видимъ; для краткости мы станемъ называть его *лжестраданіемъ*. Вѣрно ли данное нами объясненіе причины смѣха въ данномъ случаѣ, или нѣтъ, все же именно лжестраданіе составляетъ главное и непремѣнное обстоятельство комическаго дѣйствія.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое *Облака*, какъ не изображеніе лжестраданій Стрепсіадеса? *Всадники*, какъ не лжестраданія Клеона? *Осы*, какъ не лжестраданія Филоклеона? *Лягушки*, какъ не лжестраданія Вакха? Что̀ изображено въ *Укрощеніи строптивой*, какъ не лжестраданія Петручіо и Катарины, въ *Много шуму изъ пустяковъ*, какъ не таковыя Беатриче и Бенедикта, въ *Merry wives of Windsor* какъ не комическія злоключенія Фальстафа и Форда? Какое главное обстоятельство дѣйствія въ *Тартюфѣ*, *Школѣ мужей*, *Школѣ женъ*, въ *Coci imaginaire*, въ *Продѣл-*

кахъ Скапена, въ *Жоржѣ Данденѣ*, если не лжестраданія Оргонта, Арнульфа, Сганарелей, Арганта, Жеронта, Дандена? Что составляетъ предметъ изображенія въ *I rustighi* Гольдони, какъ не лжестраданія почтенныхъ венеціанскихъ самодуровъ? Что такое *Недоросль*, какъ не лжестраданія г-жи Простаковой? что такое *Женитьба*, какъ не лжестраданія Подколесина, Кочкарева, и другихъ; *Ревизоръ*, какъ не лжестраданія Хлестакова, городничаго и другихъ? *Свадьба Бальзаминова* и *Тяжелые дни* развѣ не рисуютъ намъ смѣшныхъ злоключеній Бальзаминова и Кита Китыча? и такъ далѣе, и такъ далѣе. Если мы возьмемъ хорошій водевиль, напримѣръ *Celimar le bienaimé*[1] Лабиша, почитаемый его шедевромъ, то и тамъ на первомъ планѣ увидимъ лжестраданія Селимара, одолѣваемаго мужьями нѣкогда любимыхъ имъ дамъ. Впрочемъ, врядъ ли требуются еще новые примѣры.

Если теперь обратимся къ отдѣльнымъ сценамъ комедій и станемъ вспоминать наиболѣе комическія, наиболѣе возбуждающія смѣхъ, то и тутъ увидимъ, что главная причина смѣха въ непремѣнномъ условіи комическаго дѣйствія, въ лжестраданіи. Когда смѣшонъ Оргонтъ? развѣ не тогда, когда, напримѣръ, сокрушается о здоровьи Тартюфа? или самъ Тартюфъ не въ ту минуту, когда приходитъ въ негодованіе при видѣ обнаженныхъ плечъ Дорины или страдаетъ отъ похотливыхъ вожделѣній? Конечно, Фамусовъ особенно возбуждаетъ смѣхъ, когда бѣсится отъ словъ Чацкаго, а вѣнцемъ его лжестраданій служитъ ужасъ передъ тѣмъ, „что̀ станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна.“ Хлестаковъ особенно комиченъ, когда страшится городничаго, или когда страдаетъ отъ одновременной любви къ Аннѣ Андреевнѣ и Марьѣ Антоновнѣ. Жеронтъ особенно смѣшонъ въ сценѣ, когда, мучимый скупостью, упрекаетъ сына за неосторожность вѣчнымъ повтореніемъ фразы: „И за копмъ чортомъ его понесло на эту галеру!“ Это словцо, какъ говорятъ, взятое Мольеромъ изъ чужой комедіи, потому-то и стало чисто мольеровскимъ словцомъ, и такъ удачно, и запомнилось, и сдѣлалось пословицей, что послужило для выраженія лжестраданія.

Если мы обратимъ вниманіе при помощи какого обстоятельства дѣйствія Шекспиръ рисуетъ самую грандіозную изъ личностей, когда-либо созданныхъ комическимъ искусствомъ, то уви-

[1] Онъ извѣстенъ у насъ въ передѣлкѣ, подъ заглавіемъ *Мужья одольли*.

димъ, что и тутъ лжестраданіе играетъ самую важную роль. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдному Джаку ни минуты не даютъ покоя: онъ вѣчно долженъ отбиваться отъ остротъ принца, отъ обвиненій въ трусости, въ обжорствѣ и всякихъ иныхъ порокахъ; онъ никогда не хвастаетъ прямо, но потому, что принужденъ защищаться отъ мнимыхъ обидъ, оскорбленій, клеветъ, или предъявленія на него денежныхъ и иныхъ претензій, которыя онъ отнюдь не намѣренъ признавать справедливыми. Онъ то гнѣвается, что для него чистое наказанье, что онъ связался съ такими бездѣльниками, какъ принцъ и его свита; то его приводитъ въ негодованіе хвастовство мирового судьи. Словомъ, его, такого достойнаго въ своихъ глазахъ человѣка, всѣ тормошатъ, терзаютъ, обижаютъ, мучаютъ! Такимъ образомъ, хотя сцены съ Фальстафомъ болѣе или менѣе эпизодичны въ хроникѣ, все-таки почти нѣтъ сцены, гдѣ его личность рисовалась бы иначе, какъ при помощи указаннаго непремѣннаго обстоятельства комическаго дѣйствія. Фальстафъ уменъ и остроуменъ, но и изворотливость его ума, и его остроуміе особенно блестящи именно въ тѣ минуты, когда онъ вынужденъ ихъ высказывать принужденно, подъ тягостью обвиненій, подъ постороннимъ давленіемъ. Развѣ ему легко отбояриваться ото всѣхъ? А мы смѣемся.

Одна изъ самыхъ комическихъ сценъ не только у Островскаго, но и въ исторіи комедіи вообще, сцена, кипящая дѣйствіемъ и удивительная по своей законченности, сцена любовнаго объясненія Липочки и Подхалюзина, точно также основана цѣликомъ на лжестраданіи. Липочка страдаетъ отъ того, что принуждена выйти за необразованнаго мужика, и что̀ тятенька ни съ того ни съ сего сдѣлался банкротомъ, а Подхалюзинъ изъ любви къ капиталу, прикрытому любовью къ Липочкѣ, а, можетъ-быть, и сопровождаемому нѣкоторымъ плотскимъ вожделѣніемъ. А мы смѣемся!

Надо ли говорить, что въ *Ревизорѣ* вся комическая судьба городничаго (вѣдь онъ герой комедіи, а Хлестаковъ только невольная причина его злоключеній) съ начала до конца рисуется именно при помощи лжестраданія? что лжестраданіе способствуетъ и выясненію его характера? [1]

---

[1] Выраженіе «комическій паѳосъ,» столь часто употребляемое для выраженія особаго одушевленія, особой взволнованности комическаго актера, имѣетъ въ виду даннаго объясненія, прямое значеніе, то есть не просто сильнаго одушевленія актера, но достодолжнаго изображенія комическаго страданія.

То же и для Шекспировской веселой комедіи. Беатриче и Бенедиктъ воображаютъ, что пылаютъ ненавистью другъ къ другу (въ такой формѣ въ началѣ является ихъ любовь); они страдаютъ отъ нея, они не могутъ встрѣтиться, чтобы не сцѣпиться, не побраниться, чѣмъ и возбуждаютъ непрестанно нашу веселость.

Но приложимо ли, спросятъ, то же къ такимъ комедіямъ, какъ *Мизантропъ* и *Горе отъ ума?* Несомнѣнно, хотя, въ силу двойственнаго отношенія самихъ поэтовъ къ ихъ героямъ, обстоятельство лжестраданія сопровождаетъ дѣйствія Альсеста и Чацкаго далеко не въ теченіи всей комедіи, и является не всегда съ достаточною ясностью, присутствуя, такъ сказать, въ скрытомъ видѣ. Въ началѣ *Мизантропа* Мольеръ несомнѣнно изображаетъ своего героя съ прямо комической стороны: Альсестъ попадаетъ въ мелочную исторію съ притязательнымъ свѣтскимъ стихотворцемъ, и тутъ элементъ лжестраданія явно выступаетъ наружу. Далѣе, источникъ проповѣдей Альсеста заключается не въ одной его правдивости, но и въ притязаніи на безусловное свое превосходство, по крайности въ этомъ отношеніи, надо всѣмъ міромъ, а такое излишнее самомнѣніе нельзя не причислить къ числу лжестраданій. Не будь у него чрезмѣрной самоувѣренности, онъ, конечно, велъ бы себя съ большею скромностью, и не растрачивалъ бы по пустякамъ своего пыла и энергіи. Именно это-то мы и имѣли въ виду, говоря, что лжестраданіе порой присутствуетъ въ комедіи даннаго типа въ скрытомъ видѣ.

Подобное же можно повторить и относительно Чацкаго, хотя Грибоѣдовъ и не подходитъ къ своему герою съ явно-комической стороны. Чацкій также страдаетъ излишнимъ самомнѣніемъ, заставляющимъ его тщеславиться своимъ умомъ, своимъ пониманіемъ вещей и людей, навязывать его всякому встрѣчному и поперечному, и вдобавокъ не обинуясь, съ презрительною насмѣшкой высказывать въ лицо кому придется горькія истины. Онъ на балу у Фамусова, какъ говорится, насолилъ всѣмъ порядочно, и не мудрено, что мелкіе людишки обрадовались случаю ославить его сумасшедшимъ.

Но, повторяемъ, рѣчи какъ Альсеста, такъ и Чацкаго, хотя и обусловленныя наличностью скрытаго лжестраданія, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ достоинствамъ порой бываютъ столь высоки и правдивы, что внушаютъ намъ невольное къ себѣ сочувствіе; оттого-то оба лица, хотя и ставятъ себя въ

смѣшное положеніе, но не лишаются симпатіи зрителей. Такая особенность и понудила насъ признать третій видъ смѣха въ комедіи, смѣхъ сочувственный.

Далѣе, въ обѣихъ комедіяхъ, чѣмъ дальше подвигается дѣйствіе, тѣмъ элементъ лжестраданія все глубже и глубже отступаетъ на задній планъ,—такъ что въ концѣ отъ него неостается и слѣда; но о значеніи развязки обѣихъ комедій мы скажемъ ниже, въ слѣдующей главѣ.

IV.

Развязка комедіи—Трагическій элементъ въ *Много шуму изъ ничего* и *Тартюфѣ*.—Развязка *Недоросля* и *Ревизора*.—Развязка *Мизантропа* и *Горя отъ ума*—Комедіи-ли *Свои люди сочтемся* и *Венеціанскій купецъ*.

Аристотель, какъ сказано, считалъ благополучную развязку болѣе приличною для комедіи, чѣмъ для трагедіи. Въ большинствѣ комедій она и бываетъ такою: дѣйствительно, въ области смѣха печальная развязка также не къ лицу, какъ въ области состраданія конечный переходъ отъ злосчастія къ благополучію. Но подобно тому, какъ въ новую трагедію входятъ весьма нерѣдко комическія сцены, тамъ и въ область комедіи порой вторгается элементъ трагическій.

У Шекспира, какъ извѣстно, комическій элементъ, въ большей или меньшей степени, встрѣчается почти во всѣхъ трагедіяхъ; даже въ сжатомъ и мрачномъ *Макбетѣ* не обошлось безъ комическихъ сценъ. Подобно, въ *Много шуму изъ ничего* входитъ элементъ трагическій, состоящій въ оклеветаніи Геро и вытекающихъ изъ того грустныхъ послѣдствій; Шекспиръ, однако, не даетъ ему развиться: страданіе проносится быстро, какъ мимолетная тучка; сдѣланное зло исправляется, и все кончается благополучно. Исторія Геро имѣетъ, въ экономіи пьесы, значеніе не столько сама по себѣ, сколько потому, что обусловливаетъ полное сближеніе Беатриче съ Бенедиктомъ, и ведетъ къ разрѣшенію ихъ мнимой вражды. Словомъ, Шекспиръ только слегка затрогиваетъ трагическія струны,—въ чемъ, конечно, обнаруживается его великій художественный тактъ.

Менѣе благоразумно поступилъ Мольеръ въ пятомъ дѣйствіи *Тартюфа*. Увлеченіе Оргонта Тартюфомъ, столь комическое въ теченіи четырехъ актовъ, заходитъ слишкомъ далеко. У изгнан-

наго Тартюфа въ рукахъ имѣется средство для самаго жестокаго мщенія: на долю Оргонта выпадаетъ уже настоящее злосчастіе. Кажется, Мольеръ имѣлъ при этомъ въ виду главнѣйшимъ образомъ дорисовать Тартюфа; показать, что онъ не только лицемѣръ, но и жестокій злой человѣкъ[1]. Тяжкое горе вовсе не къ лицу бѣдному Оргонту: онъ черезъ-чуръ комиченъ для него. И въ концѣ Мольеру не оставалось почти ничего иного, какъ развязать благополучно комедію при помощи своего рода deus ex machina, или королевской власти. Трудно признать такую развязку удачной, вытекающей изъ дѣйствія, какъ нельзя назвать умѣстнымъ указанное вторженіе трагическаго элемента.[2]

Развязокъ *Недоросля* и *Ревизора* также нельзя назвать благополучными; въ обѣихъ комедіяхъ порокъ, сверхъ высшаго нравственнаго наказанія смѣхомъ, еще несетъ такъ-сказать уголовную кару. Въ *Недоросль*, вдобавокъ, какъ ни пошла г-жа Простакова, все же видя, что ея родной сынъ, котораго она любила хотя неразумно, но страстно, отрекается отъ нея, мы не можемъ не пожалѣть ея. Такимъ образомъ, комедія кончается полутрагическимъ мотивомъ. Дѣйствіе *Ревизора* собственно заканчивается тѣмъ, что городничій и прочіе хитроумные чиновники, обманутые простакомъ, набрасываются на Бобчинскаго съ Добчинскимъ, какъ на виновниковъ своего комическаго злополучія; здѣсь его истинная, чисто комическая развязка. Явленіе жандарма и послѣдующая затѣмъ живая картина, гдѣ Гоголь явно вышелъ изъ предѣловъ словеснаго искусства, врядъ-ли производятъ то впечатлѣніе, на которое разсчитывалъ авторъ. Для зрителя все-таки остается обширное поле для предположенія, что Сквозникъ-Дмухановскій такъ же счастливо отдѣлается отъ петербургскаго чиновника, какъ отбояривался отъ губернаторовъ. Живая картина, гдѣ впрочемъ всѣ лица разставлены Гоголемъ въ комическихъ позахъ, говоритъ только, что чиновники ошеломлены внезапнымъ пріѣздомъ настоящаго ревизора, упавшаго на нихъ, какъ снѣгъ на голову; но никакъ не объ ихъ уголовной карѣ, излишней въ комедіи.

---

[1] Къ этому его побудило сатирическое отношеніе къ извѣстнымъ нравамъ его эпохи.

[2] Замѣтимъ кстати, что во многихъ комедіяхъ Мольера развязки бываютъ слабы и искусственны; въ концѣ начинается *узнаніе*, самое маловѣроятное и запутанное, при помощи котораго и достигается благополучная развязка. Мольеръ болѣе великъ въ изображеніи характеровъ, чѣмъ въ планахъ своихъ комедій.

Весьма удачно справился Островскій съ навязаннымъ ему цензурными условіями концомъ *Свои люди сочтемся*. Восклицаніе Подхалюзина: „А въ Сибирь, такъ въ Сибирь! Нешто въ Сибири не люди живутъ?“ прибавляетъ новую и яркую черту къ его характеру. [1]

Разсмотримъ теперь развязки *Мизантропа* и *Горе отъ ума*, въ которыхъ нѣкоторые также усматриваютъ трагическій элементъ. Судьба Альсеста, дѣйствительно, внушаетъ большое сочувствіе; этотъ умный и правдивый человѣкъ, разоренный благодаря своему прямодушію (это обстоятельство, впрочемъ, только затрагивается комедіей), имѣетъ несчастіе быть влюбленнымъ въ лукавѣйшую женщину: его любовь до того глубока и сильна, что, зная даже, что Селимена не стоитъ любви, Альсестъ готовъ ей все простить и назвать ее своею женой. И эта женщина ему отказываетъ! Отказываетъ ему и другая, на которой онъ хочетъ жениться par dépit, и поступаетъ, конечно, благоразумно. Мы, вполнѣ вѣря страданіямъ Альсеста, и не отказывая ему въ тепломъ сочувствіи, не можемъ ихъ однако назвать трагическими; положеніе Альсеста было бы трагичнѣе, женись онъ на Селименѣ; тогда ему пришлось бы мучаться всю жизнь. Такимъ образомъ несчастье Альсеста уравновѣшивается въ значительной степени избавленіемъ его отъ дальнѣйшихъ мученій, неизбѣжныхъ въ случаѣ женитьбы на Селименѣ. Это одно изъ тѣхъ несчастій, о которыхъ впослѣдствіи говорятъ: не было бы счастья, да несчастье помогло. Оттого развязка оставляетъ впечатлѣніе довольно смутное и неопредѣленное. Заслуга Мольера не въ ней, а въ геніальномъ изображеніи характера Альсеста.

Судьбу Чацкаго по подобнымъ же причинамъ нельзя признать трагическою. [2] Никто не станетъ отвергать симпатическихъ чертъ у Чацкаго, ни его остроумія, порой высоко-сатирическаго, порой дерзкаго, но всегда мѣткаго. Никто не станетъ отвергать и того, что онъ порой мучается. Онъ правъ въ своемъ негодованіи на Софью, за предпочтеніе ему *именно* Молчалина, тѣмъ болѣе, что

---

[1] Этотъ, хотя и вынужденный, конецъ оказался на столько удачнымъ, благодаря сказанной чертѣ, что по моему предпочтительнѣе первоначальной редакціи (нынѣ также дозволенной къ представленію); въ ней Подхалюзинъ является ужь черезъ-чуръ отвратительнымъ.

[2] Мнѣніе о томъ, что Чацкій лицо трагическое принадлежитъ Б. Н. Алмазову; оно было высказано Аполлономъ Григорьевымъ и впослѣдствіи повторено Гончаровымъ.

Софья же ославляетъ его сумасшедшимъ. Позволительно однако сомнѣваться въ силѣ его любви къ Софьѣ; скорѣе онъ страдаетъ о гибели одной изъ своихъ юношескихъ иллюзій, живо воскресшей при возвращеніи изъ-за границы. Но такое несчастье Чацкаго влечетъ за собою также счастливое послѣдствіе: что̀ было бы, еслибъ онъ женился на Софьѣ? Еслибы Грибоѣдовъ остановился на уходѣ Чацкаго, то впечатлѣніе было бы также смутно, но развязка *Горя отъ ума* красится тѣмъ, что дѣйствіе переносится на Фамусова, принимающаго столь значительное, и притомъ прямо комическое, участіе въ четвертомъ актѣ комедіи. Четыре заключительные стиха представляютъ собою по истинѣ геніальную развязку комическаго дѣйствія: вѣдь ему приличнѣе всего оканчиваться именно конечнымъ проявленіемъ своего непремѣннаго обстоятельства, лжестраданія.

Не всегда драма, названная авторомъ по тѣмъ или инымъ причинамъ комедіей, бываетъ комедіей и по своимъ существеннымъ качествамъ. Такъ, *Свои люди — сочтемся* и *Венеціанскій купецъ*, хотя въ нихъ и обиленъ комическій элементъ, и быть-можетъ первенствуетъ даже въ количественномъ отношеніи, тѣмъ не менѣе, по конечной судьбѣ своихъ героевъ, Большова и Шейлока, должны быть причислены къ трагедіямъ. Обѣ трагедіи принадлежатъ къ тому виду этого рода произведеній, который способенъ возбуждать жалость по человѣчеству, или филантропическое чувство, обѣ, вдобавокъ, какъ бы нарочно написаны по типу, указанному Аристотелемъ. И Большовъ, и Шейлокъ, подобно Сизифу, люди умные, но не безъ подлости, и оба попадаютъ въ разставленныя ими самими сѣти. Большовъ, задумавъ банкротство, имѣетъ въ виду свое спокойствіе и будущее благополучіе своей дочери и зятя; для этого онъ готовъ подвергнуть себя лишеніямъ, даже извѣстнымъ страданіямъ, посидѣть въ московской ямѣ; задуманный планъ не удается, и Большовъ видитъ, что именно тѣ, о комъ онъ заботился, остаются холодны не только къ его, претерпѣваемымъ ради нихъ же, лишеніямъ, но даже къ грозящей ему гибели. Такая судьба невольно возбуждаетъ жалость.

Шейлокъ ненавидитъ Антоніо и готовъ ему отомстить; случай отдаетъ ему врага въ руки. Какъ истый сынъ Израиля, столь искусившагося издревле въ обходѣ всяческихъ законовъ, какъ Божескихъ, такъ и человѣческихъ, Шейлокъ устраиваетъ дѣло мести на видимо законномъ основаніи. Придуманная имъ комби-

нація такова, что судъ, не взирая на все еланіе, не смѣетъ емуж отказать въ искѣ, и присуждаетъ фунтъ мяса. И въ ту минуту, когда дѣло кажется вполнѣ выиграно и хитрый разсчетъ безнаказанной мести вполнѣ торжествуетъ, тутъ-то на голову Шейлока и обрушивается одинъ за другимъ рядъ все сильнѣйшихъ ударовъ, грозящихъ ему полною и безславною гибелью. И онъ, хотя и въ меньшей степени чѣмъ Большовъ, возбуждаетъ жалость.

Обѣ трагедіи, къ сожалѣнію, страдаютъ малою сосредоточенностью дѣйствія, отчего судьба ихъ героевъ производитъ меньшее, чѣмъ могла бы, впечатлѣніе.

V.

Чѣмъ обусловливается форма комедіи.—Нравственное значеніе комедіи.—Что она очищаетъ въ насъ.

Форма трагедіи, какъ мы видѣли, обусловливается главнымъ обстоятельствомъ ея дѣйствія, именно страданіемъ: подобное же надо повторить и относительно комедіи. Что наличность лжестраданія столь же необходима для произведенія сильнѣйшаго впечатлѣнія, какъ и наличность страданія, въ томъ всѣ убѣждены, или вѣрнѣе, то всѣми полусознательно чувствуется. Какъ часто, почти ежедневно, при разсказѣ о какомъ-нибудь смѣшномъ случаѣ, мы слышимъ такое восклицаніе: „нѣтъ, еслибы вы видѣли, какую онъ скорчилъ рожу! или нѣтъ, еслибы вы слышали какимъ тономъ это было сказано!“ Что же выражается этими, и тому подобными возгласами, какъ не сознаніе въ неполнотѣ разсказа, въ его безсиліи произвести полное впечатлѣніе: съ тѣмъ вмѣстѣ высказывается и убѣжденіе, что для полноты впечатлѣнія необходима наличность смѣшного, а оно, какъ мы показали, заключается главнѣйшимъ образомъ въ лжестраданіи.

Отсюда ясно, почему комедія изображаетъ смѣшную судьбу своихъ героевъ въ видѣ постепенно становящагося дѣйствія, совершающагося предъ глазами зрителя (предполагаемаго, или насущнаго, все равно). Отсюда же и возможность ея дополненія сценическимъ представленіемъ.

Въ чемъ же нравственное значеніе комедіи? Обычно полагается, что комедія при помощи людскаго смѣха исправляетъ людскіе нравы: позволительно однако сомнѣваться въ справедливости та-

кого утвержденія, не взирая на его распространенность. Трудно ожидать, чтобы человѣкъ извѣстныхъ порочныхъ или пошлыхъ наклонностей излѣчился отъ нихъ при помощи комедіи, хотя конечно мы не станемъ отрицать возможности подобныхъ единичныхъ случаевъ, какъ и возможности того, что люди сознавались въ содѣянныхъ преступленіяхъ, видя въ театрѣ изображеніе, какъ совершаются подобныя преступленія. Глядя на комедію съ этой точки зрѣнія, вѣрнѣе сказать, что осмѣяніе въ ней извѣстнаго рода порочныхъ наклонностей знаменуетъ собою общее сознаніе ихъ безнравственности или пошлости. Это замѣчаніе, впрочемъ, относится преимущественно до изображенія сильно распространенныхъ въ данномъ обществѣ и въ данное время такъ-называемыхъ общественныхъ пороковъ, напримѣръ, взяточничества, роскоши, сутяжничества и т. п. Да и то можно сказать, что подобные пороки, въ томъ или иномъ видѣ, присущи человѣчеству вообще. Указывая на подобное достоинство комедіи, или иного произведенія, не слѣдуетъ забывать, что каковы бы ни были ея временныя и мѣстныя достоинства, ея сила не въ нихъ, а въ художественности, имѣющей значеніе всечеловѣческое. Много было, есть и и будетъ произведеній, которыя по мѣстнымъ и временнымъ обстоятельствамъ волновали читателей и зрителей, и обращали на себя общее вниманіе, но волненіе не вдолгѣ улегалось и вниманіе смѣнялось полнымъ забвеніемъ. Въ подобныхъ случаяхъ не дурно вспоминать слова, сказанныя Аристотелемъ по поводу благополучной развязки трагедіи, именно, что она кажется лучшею по слабости зрителей, и что поэты въ подобномъ случаѣ слѣдуютъ вкусамъ публики и угождаютъ ей. Художественная же заслуга незабвенна; оттого-то множество комедій, изображавшихъ, напримѣръ, взяточничество, если порой и вспоминается, то исключительно съ исторической точки зрѣнія. *Ревизоръ* же остался произведеніемъ живымъ доселѣ; хотя нравы сильно измѣнились, и, конечно, будетъ жить, пока будетъ жива русская рѣчь.

Нравственнаго (но отнюдь не нравоучительнаго) значенія комедіи слѣдуетъ искать тамъ же, гдѣ мы нашли таковое трагедіи, именно въ очищеніи возбуждаемаго ею аффекта, то-есть смѣха. Какъ мы можемъ страдать избыткомъ, или скудостью состраданія, такъ точно можемъ отличаться избыткомъ или скудостью смѣха. Выше, говоря о видахъ смѣха (гл. II), мы привели нѣсколько примѣровъ такого недостатка. Мичманъ Дирка, смѣяв-

шійся, когда ему показывали палецъ, конечно, обладалъ чрезмѣрною крайностью смѣшливости, но отъ него до человѣка, не допускающаго никогда на свое лицо улыбки и представляющаго крайній предѣлъ скудости смѣха, цѣлая бездна переходовъ. Хотя поэтъ и сказалъ, что

Смѣяться, право, не грѣшно
Надъ тѣмъ, что *кажется* смѣшно,—

но разумѣется смѣяться слѣдуетъ только надъ тѣмъ, что достойно смѣха. Какъ оказывается, болѣе всего достойно смѣха притязаніе на страданія тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, притязаніе пошлости на наше сострадание къ ея пошлымъ злоключеніямъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія комедіи. Возбуждая честный смѣхъ надъ пошлыми злоключеніями пошлыхъ людей, или же нашу веселость надъ мнимыми страданіями людей намъ равныхъ, или даже сочувственный смѣхъ, комедія съ тѣмъ вмѣстѣ указываетъ на достойное смѣха. Смѣясь именно надъ тѣмъ, надъ чѣмъ слѣдуетъ, она и очищаетъ нашъ смѣхъ, то-есть дѣлаетъ его разборчивѣе и закономѣрнѣе, уравновѣшиваетъ нашу смѣшливость. Въ этомъ и заключается доставляемое ею удовольствіе, ибо когда мы долго смѣемся неразборчивымъ, непотребнымъ или глупымъ смѣхомъ, то вслѣдъ затѣмъ чувствуемъ нѣкоторое неудовольствіе, родъ стыда, и упрекаемъ себя, что такъ глупо и пошло провели время. Подобное же мы чувствуемъ, когда чрезмѣрно расчувствуемся надъ какой-нибудь пошлостью, или окажемся черезчуръ холодны, даже суровы къ истинному бѣдствію. Наша совѣсть, или сознаніе нравственнаго разума, если позволительно такъ выразиться, упрекаетъ насъ въ томъ. Удовольствіе отъ трагедіи или комедіи въ томъ и состоитъ, что мы въ нихъ сострадаемъ или смѣемся согласно съ непреложными требованіями нравственнаго разума.

Вообще, не слѣдуетъ искать нравственнаго значенія искусства гдѣ-то на сторонѣ, помимо тѣхъ возбужденій и впечатлѣній, которыя оно вызываетъ и производитъ. Въ драматическомъ искусствѣ это особенно ясно; въ этомъ и сила, и основательность ученія объ очищеніи художественными произведеніями тѣхъ именно страстей, чувствъ или аффектовъ, которыя каждому изъ нихъ, по своей природѣ, свойственно возбуждать.

VI.

Сценическое представленіе драмы.—Связь его съ главнымъ обстоятельствомъ дѣйствія.—Мнѣніе Аристотеля. — Чтеніе и представленіе. — Необходима ли сцена для драмы.- Понятіе о сценичности. — Случаи когда сцена приноситъ вредъ драматическому искусству.—Заключеніе.

Намъ остается сказать о нѣкоторыхъ второстепенныхъ частяхъ обоихъ родовъ драмы, какъ-то о сценическомъ представленіи, стихѣ или слогѣ, пѣсенной или музыкальной части, а равно о томъ, чѣмъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ новой драмѣ замѣняется или возмѣщается античный хоръ. Тутъ нѣтъ никакой существенной разницы между комедіей и трагедіей, а потому мы предпочитаемъ говорить о нихъ въ этомъ отношеніи совмѣстно.

Припомнимъ, что Аристотель, говоря о томъ, что сильнѣйшее состраданіе возбуждаютъ въ насъ бѣдствія не отдаленныя по времени и мѣсту, а близкія, указываетъ и на значеніе сценическаго искусства. Именно онъ говоритъ, что „естественно, что тѣ, которые передаютъ ихъ (эти бѣдствія или страданія) съ сообразными жестами, сообразнымъ голосомъ, въ сообразной одеждѣ,—вообще посредствомъ сценическаго искусства, — особенно возбуждаютъ состраданіе; ибо они приближаютъ къ намъ бѣду, показываютъ ее вблизи, передъ нашими глазами.“ Сказанное объясняетъ существенную связь между драмой и ея сценическимъ осуществленіемъ; мы сейчасъ лишь (V) указали, что подобное обстоятельство существуетъ и для комедіи. Возможность же сценическаго представленія обусловливается самой драматической формой, гдѣ дѣйствіе изображается не какъ прошлое, а какъ постепенно развивающееся предъ нашими глазами настоящее. Повѣсти или поэмы, гдѣ повѣствуется о прошломъ, не представишь въ лицахъ; правда, ее можно болѣе или менѣе искусно прочесть и при этомъ дополнить голосомъ и отчасти выраженіемъ лица впечатлѣніе, производимое разсказомъ автора, а равно дать почувствовать другимъ многія художественныя красоты произведенія, для нихъ скрытыя или являющіяся въ туманномъ и неотчетливомъ видѣ. Въ самомъ дѣлѣ, хорошій чтецъ невольно передаетъ и свое пониманіе читаемаго, именно потому, что придаетъ соотвѣтствующее выраженіе словамъ автора или рѣчамъ

выведенныхъ имъ лицъ. Въ словахъ автора, напримѣръ, есть тонкая иронія, ускользающая отъ невнимательнаго читателя; или въ нихъ, какъ говорится, слышится особое одушевленіе, особая значительность и важность тона, ѣдкое негодованіе, чистый восторгъ, сердечная боль, свѣтлая радость,—всѣ такія и подобныя чувства, которыя, повторяемъ, *какъ будто слышатся* въ тонѣ разсказа, хорошій чтецъ передаетъ голосомъ, чрезъ что̀ дѣлаетъ ихъ болѣе понятными и ясными для слушателя; равно, онъ тѣмъ же средствомъ дорисовываетъ до извѣстной степени изображенныхъ авторомъ лицъ. Онъ научаетъ своихъ слушателей читать художественныя произведенія, вникать въ ихъ смыслъ, понимать ихъ красоты. Вотъ почему для учителя словесности такъ важно быть хорошимъ чтецомъ, и всякій, у кого былъ хорошій учитель, всякій, часто слышавшій хорошее чтеніе, знаетъ по собственному опыту, что благодаря этому, онъ или впервые полюбилъ поэзію, или же полюбилъ ее больше, чѣмъ прежде; что онъ сталъ чувствовать ея красоты въ началѣ безсознательно или полусознательно, а потомъ научился и самъ понимать и цѣнить ихъ.

Дѣло сценическаго представленія, однако, не ограничивается развитіемъ нашего пониманія драматическихъ произведеній, хотя хорошее исполненіе піесъ научаетъ насъ и этому; оно прямо усиливаетъ въ насъ то именно впечатлѣніе, которое свойственно производить драматическимъ произведеніямъ, которое служитъ ихъ отличительнымъ признакомъ. Въ трагедіи оно усиливаетъ страхъ и состраданіе; въ комедіи—смѣхъ.

Не взирая на такое значеніе сценическаго искусства, оно не существенно для искусства драматическаго; то-есть, другими словами, строго говоря, драма можетъ обойтись и безъ сцены. „Сила трагедіи,—говоритъ Аристотель,—должна высказываться и безъ состязанія (то-есть представленія) и актеровъ.“ [1] Притомъ, по его мнѣнію, страхъ и состраданіе могутъ возбуждаться и внѣшними средствами, простымъ зрѣлищемъ; простымъ, чисто театральнымъ эффектомъ; но тѣ же чувства могутъ порождаться искуснымъ распорядкомъ дѣйствія въ трагедіи, и послѣднее, конечно, обнаруживаетъ болѣе совершеннаго поэта [2]. Подобное же надо повторить и относительно комедіи.

---

[1] *Піитика*, VI 18. По переводу Ордынскаго, стр. 77.

[2] *Піитика*, XIV, 1.

Хорошая піеса *должна* производить сильнѣйшее впечатлѣніе со сцены, но всякій по опыту знаетъ, что это не всегда бываетъ; что превосходныя піесы со сцены не рѣдко кажутся непонятными, скучными, вялыми, по неискусству ли актеровъ, или по тому, что онѣ дурно поставлены, что актеры, даже и даровитые, какъ говорится, взялись за нихъ не такъ какъ слѣдуетъ. Въ такихъ случаяхъ критики, не умѣющіе расчленивать піесу отъ ея исполненія и вообще люди, мало понимающіе въ искусствѣ, нерѣдко утверждаютъ, будто піеса *не сценична*.

Слово „сценичность" нынче въ довольно большомъ ходу; оно, конечно, не ново; Лессингъ, случалось, говорилъ о сценичности или пригодности для театра той или иной піесы, того или иного дѣйствія, но при этомъ онъ всегда имѣлъ въ виду не какія-нибудь особыя, прямо театральныя условія, а достоинства піесы, какъ драматическаго произведенія; въ этомъ отношеніи онъ не противополагалъ сценическаго драматическому. Нынѣ же подъ словомъ „сценичность" разумѣютъ особую приспособленность піесы къ сценѣ, отчего будто бы ее и легко играть, и она легко смотрится.

Если вникнуть въ сказанныя условія сценичности, то станетъ очевидно, что они требуютъ отъ драматурга: вопервыхъ, подчиненія условному вкусу публики въ данное время, напримѣръ, любви къ грубому смѣху, или сентиментальности, къ обилію тирадъ на модныя темы, или къ чисто-внѣшнимъ театральнымъ эффектамъ; вовторыхъ, подчиненія автора требованіямъ актеровъ. Словомъ, предъявляются требованія анти-художественныя, быть можетъ способствующія успѣху піесы въ данное время, но умаляющія ея достоинства; требованія, способныя превратить театръ изъ учрежденія художественнаго въ чисто-промышленное, а автора въ простаго поставщика ходкаго на театральномъ рынкѣ товара. Эти требованія равно унизительны какъ для драматурга, такъ и для публики, и для актеровъ. Драматургъ, поддѣлываясь подъ чужой вкусъ и мнѣнія ради успѣха, обнаруживаетъ значительную долю нравственнаго, если не рабства, то все же нравственнаго лакейства. Какія же чувства онъ, въ такомъ случаѣ, можетъ возбуждать въ зрителяхъ, кромѣ того же лакейства и угодливости! Публика, страдающая, конечно, всегда извѣстными недостатками, полагается настолько низменной, что не въ силахъ возвыситься до пониманія чего-либо получше того, къ чему привыкла, то-есть въ сущности пошлаго

смѣха или глупой сентиментальности. Наконецъ, актеры при этомъ уже не считаются художниками, способными олицетворить изображенные драматическими художниками характеры, или выразить возвышенныя чувства, движенія души, страсти, а жалкими комедіантами, ремесленниками, умѣющими играть только по привычному трафарету.

И такъ, „сценичными" признаются не тѣ пьесы, которыя заслуживаютъ это имя по своимъ драматическимъ достоинствамъ, а пьесы, удобныя для исполненія, то есть не требующія отъ актеровъ особыхъ талантовъ и артистическаго труда. Предразсудокъ на счетъ мнимой сценичности, правда, поддерживается болѣе самолюбивыми, чѣмъ талантливыми артистами, утверждающими, будто бы плохія пьесы играть труднѣе, ибо-де въ нихъ актеру приходится многое добавлять отъ себя. Легко, однако, понять, какъ неосновательно такое мнѣніе: стоитъ только сдѣлать небольшое уподобленіе и спросить: что̀ труднѣе исполнить на фортепіано, легонькую ли и пошленькую польку, или же Бетховенскую сонату? Въ самомъ дѣлѣ, какой трудъ ждетъ артиста въ пьесѣ, гдѣ внѣшнія обстоятельства преобладаютъ надъ художественнымъ содержаніемъ, гдѣ трескучія разглагольствованія на модныя темы замѣщаютъ изображенія характеровъ, страстей, души человѣческой? Очевидно, въ такія пьесы актеръ ничего не можетъ внести, кромѣ своей личности, во всей ея простотѣ и естественности, своей комической или серьезной гримасы, своей манеры, своихъ рутинно-потѣшныхъ или приводящихъ слабонервныхъ зрительницъ въ истерическое состояніе переливовъ голоса и ужимокъ,—потому что въ нихъ нѣтъ мѣста для художественнаго сотворчества. Утверждать подобныя вещи все равно, что проповѣдывать будто четыре ариѳметическія дѣйствія требуютъ болѣе сообразительности, высшихъ математическихъ способностей, чѣмъ интегральное счисленіе.

Пресловутая „сценичность", подчиненіе особымъ театральнымъ требованіямъ, истинное имя которыхъ рутина, наносили и доселѣ наносятъ не мало вреда драматическому искусству. Въ угоду имъ передѣлывались Шекспировскія пьесы; мы указывали на одну изъ нихъ, учиненную Дюма-отцемъ. И что же? въ этой-то нелѣпой передѣлкѣ пьеса исполняется на „Французскомъ театрѣ", считающимся первымъ во всей Европѣ! Въ угоду ей, пьесы Шекспира примѣняли ко вкусу публики въ періодъ англійской реставраціи; на томъ же основаніи актеръ, составившій себѣ

одно изъ самыхъ громкихъ артистическихъ именъ, Гаррикъ, передѣлывалъ не къ лучшему того же Шекспира, и нѣкоторыя изъ его искаженій пользуются и доселѣ правомъ гражданства на многихъ западно-европейскихъ сценахъ.

Въ нашемъ театрѣ, въ послѣднее время, мы часто бываемъ свидѣтелями такого печальнаго недоразумѣнія: актеры, изображая лжестраданія, принимаютъ ихъ въ серьезъ и добавляютъ ихъ, вопреки яснымъ намѣреніямъ автора, признаками болѣзненности; такъ, городничій въ *Ревизорѣ*, узнавъ о продѣлкѣ Хлестакова, падаетъ чуть не въ ударѣ; скоро, кажется, мы увидимъ, что при словахъ „чему смѣетесь?“ онъ будетъ заливаться самыми горькими слезами. У даровитыхъ актеровъ такія ошибки происходятъ отъ малой художественной образованности, отъ чрезмѣрнаго участія въ дурныхъ піесахъ, гдѣ авторы не умѣютъ отличить *fas* отъ *nefas*, слезъ отъ смѣха, и порой даже правой руки отъ лѣвой; въ піесахъ болѣзненнаго сложенія, умышленно или нѣтъ разсчитанныхъ на истеричность зрителей, а равно отъ необдуманнаго желанія сдѣлать что нибудь новенькое; вѣдь много есть глупыхъ зрителей и критиковъ, падкихъ на новенькое! Но въ искусствѣ нѣтъ новаго и древняго, молодого и стараго, а есть только хорошее, достодолжное и дурное, неумѣстное. Къ сожалѣнію, современные актеры часто думаютъ, что иныхъ недостатковъ, кромѣ указанныхъ Шекспиромъ въ *Гамлетѣ*, присущихъ актерамъ его времени, болѣе уже никакихъ у актеровъ вообще не бываетъ, да и быть не можетъ; увы! всякое время богато своими недостатками и нелѣпостями.

Такимъ образомъ, мы наткнулись на одно изъ противорѣчій между драматическимъ и сценическимъ искусствами. Подобныя противорѣчія извѣстны издревле; такъ Аристотель свидѣтельствуетъ, что даже хорошіе авторы въ его время портили свои піесы различными вставками въ угоду актерамъ! Сервантесъ пересталъ писать для сцены потому именно, что и въ его время драматурги были въ порабощеніи у актеровъ и въ своихъ піесахъ должны были угождать ихъ требованіямъ, писать удобныя *для нихъ* піесы.

Подобныя же обстоятельства помѣшали вполнѣ развиться несомнѣнному драматическому таланту Альфреда де-Мюссе. Смѣемъ думать, что и Гоголь не ограничился бы *Ревизоромъ* и *Женитьбой*, если бы имѣлъ дѣло съ правильно устроеннымъ театромъ.

И въ музыкѣ, въ искусствѣ, подобно драматическому, требую-

щемъ для своего полнаго осуществленія содѣйствія художниковъ-исполнителей, встрѣчаются столь же печальныя явленія. Рутина, тупость, ремесленное отношеніе къ дѣлу и тамъ приводили не разъ къ отверженію геніальныхъ произведеній: солисты-скрипачи объявляли, что такихъ-то піесъ или партій играть нельзя, пѣвцы, что ихъ нельзя пѣть, капельмейстеры, что такая-то симфонія невозможна для оркестроваго исполненія; затѣмъ являлись артисты болѣе талантливые, болѣе понимающіе, и вещи, отвергнутыя по неудобству для исполненія (своего рода несценичности), оказывались перлами музыкальнаго искусства. Въ Петербургѣ *Женитьба* Гоголя была освистана; но стоило явиться Щепкину и поставить піесу какъ слѣдуетъ, и публика поняла ее.

Второе противорѣчіе между театромъ и драмой заключается въ томъ, что театръ часто стремится стать простымъ зрѣлищемъ, беретъ на себя задачу удивлять зрителей совершенствомъ машинъ и декорацій, историческою вѣрностью, богатствомъ или роскошью костюмовъ; словомъ, превратить посѣтителя театра изъ совмѣстнаго зрителя и слушателя въ простаго зрителя, глазѣющаго на аксесуары. И это явленіе существуетъ издревле, много разъ повторялось, и всегда, какъ и нынѣ, усиленная заботливость объ обстановкѣ свидѣтельствовала о паденіи литературнаго вкуса. У Аристотеля находимъ не одно указаніе, что и древне-греческій театръ, кажущійся намъ такимъ совершенствомъ при чтеніи древнихъ драматурговъ, былъ не изъятъ отъ подобныхъ уклоненій съ прямого пути; онъ говоритъ, что въ его время нерѣдко ужасное и трогательное впечатлѣніе производилось при помощи спектакля, обстановки. Философъ замѣчаетъ, что для этого требуется не столько поэтическій талантъ, сколько большія издержки. Были и такія пьесы, гдѣ авторы заботились единственно о томъ, чтобы поразить различными эффектами, различными чудодѣйствами обстановки и театральныхъ машинъ, ни мало не заботясь о существенныхъ требованіяхъ искусства. Аристотель презрительно говоритъ о нихъ, какъ о людяхъ ничего не смыслящихъ въ искусствѣ. И только развѣ про подобныя піесы и можно говорить, что драма предназначается *непремѣнно* для сцены!

Вся бѣда въ нарушеніи правильной соподчиненности; забывается, что не піесы пишутся для театра, а, напротивъ, театръ существуетъ для достодолжнаго исполненія піесъ; что не драматурги обязаны подчиняться какимъ-то театральнымъ условіямъ,

а театръ заботиться о томъ, чтобы доставлять успѣхъ истинно-драматическимъ произведеніямъ. Въ правильно поставленномъ театрѣ, при выборѣ піесъ будутъ руководствоваться ихъ драматическими достоинствами, а не ихъ пресловутою сценичностью; распорядители сцены будутъ прилагать вящую заботу не о вѣрности, богатствѣ или роскоши костюмовъ и декорацій, а о томъ, чтобы драма производила достодолжное, ей свойственное впечатлѣніе на зрителя, чтобы исполненіе уясняло ея художественныя красоты. Артисты будутъ заботиться объ изученіи ролей, о томъ, чтобы вѣрно олицетворить характеры, правдиво выразить чувства, волненія, страсти, страданія лицъ, они станутъ обращать вниманіе на главное и существенное въ своихъ роляхъ и на то, чтобы доставить успѣхъ не себѣ лично, но всей піесѣ. Только такой театръ способенъ быть пособникомъ драматическаго поэта.

Высказанныя нами вкратцѣ мысли о правильномъ отношеніи между драматическимъ и сценическимъ искусствами могутъ послужить предметомъ особаго изслѣдованія, но дальнѣйшее ихъ развитіе неумѣстно въ разсужденіи, посвященномъ собственно драмѣ. Мы коснулись этихъ отношеній по скольку то было необходимо для уясненія второстепенной составной части драмы, которую Аристотель обозначалъ терминомъ „наглядностей“, то-есть ея сценическаго осуществленія.

VII.

Средства подражанія въ драмѣ.—Стихъ врожденная способность человѣка.—Стихъ и поэтъ.—Какъ образовался трагическій стихъ. — Какими качествами долженъ обладать драматическій стихъ.

Переходимъ къ разсужденію о средствахъ подражанія въ драмѣ. Въ древности ихъ было два: слово и музыка; въ новой драмѣ, по отсутствію въ ней хора, музыка не можетъ уже считаться прямымъ средствомъ подражанія; хотя, конечно, нельзя утверждать, чтобъ она вполнѣ отсутствовала нынѣ въ драматическомъ театрѣ.

Слово въ художественныхъ произведеніяхъ, что извѣстно было даже monsieur Журдену, является въ видѣ мѣрной рѣчи, или стиха, и рѣчи, лишенной ритма, или прозы.

Стихъ врожденъ человѣку, также какъ и музыка. Нѣтъ на-

рода, у котораго не было бы пѣсни, хотя, конечно, не всѣ народы одинаково одарены способностью къ поэзіи и музыкѣ; народы, какъ и отдѣльныя лица, бываютъ въ этомъ, какъ и другихъ отношеніяхъ, даровиты или бездарны.

Въ народной пѣснѣ слово и музыка сливаются въ одно цѣлое; для нашей цѣли было бы безполезно изслѣдовать, являлись ли они первоначально въ полномъ гармоническомъ сочетаніи, или же одна изъ стихій преобладала надъ другою; весьма возможно, что у разныхъ народовъ, и даже у отдѣльныхъ творцовъ народныхъ пѣсенъ, сочетаніе обоихъ средствъ подражанія обнаруживалось въ безконечно-разнообразныхъ степеняхъ. Равно, у отдѣльныхъ народовъ главенственное значеніе въ пѣснѣ могло придаваться то той, то другой изъ ея стихій; нашъ народъ, повидимому, склоняется на сторону слова, утверждая, что изъ пѣсни *слова* не выкинешь.

Какъ бы то ни было, съ теченіемъ времени, по общему закону органическаго развитія, одно цѣлое расчленилось, и каждый элементъ обособился въ отдѣльное искусство. Размѣренная, ритмическая рѣчь образовала стихъ, ставшій средствомъ поэтическаго подражанія.

Врожденность ритмической рѣчи у человѣка вообще (никто вѣдь не рѣшится утверждать, что стихъ былъ нарочно придуманъ) указываетъ, что стихомъ долженъ пользоваться только тотъ, у кого онъ является какъ прирожденное дарованіе; у кого думы, чувства, мысли, которыя онъ хочетъ выразить, уже при самомъ замыслѣ, если и не являются прямо въ ритмической рѣчи, то, такъ сказать, зарождаются въ ея предчувствіи; вѣдь и отвлеченныя мысли формулируются не сразу, но ученые, конечно, при ихъ зарожденіи, предчувствуютъ будущую формулу мысли, будь то̀ математическая, философская или иная научная мысль.

Стихотворная рѣчь до того свойственна поэтамъ, что съ древности представленіе объ одномъ связывалось неразрывно съ представленіемъ о другомъ; отсюда, судя по однимъ внѣшнимъ признакамъ, ошибочно почитали за поэтовъ всѣхъ, кто пишетъ стихами,—что̀, впрочемъ, въ извѣстной мѣрѣ продолжается и доселѣ. Вотъ почему мы у Аристотеля встрѣчаемъ замѣчаніе о неправильности такого смѣшенія: стихи могутъ писать и не поэты. Приводится примѣръ Емпедокла, писавшаго въ стихахъ о врачебномъ искусствѣ. По мнѣнію Аристотеля нельзя, вообще, считать человѣка поэтомъ только потому, что онъ пишетъ сти-

хами, хотя бы онъ, какъ Херемонъ въ своемъ *Кентавръ*, и употреблялъ стихи разной мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, способность къ ритму встрѣчается порою независимо отъ творческаго таланта, въ видѣ, такъ-сказать, чисто слуховой способности; человѣкъ съ большею или меньшею легкостью владѣетъ размѣрами, ему безо всякаго труда даются риѳмы, онъ пишетъ звучные стихи, но стихи его небогаты содержаніемъ; они по большей части только перепѣвы другихъ поэтовъ. Про такихъ людей часто говорятъ, что они владѣютъ стихомъ, хотя вѣрнѣе бы говорить, что ими владѣетъ стихъ. Сюда же принадлежитъ большинство такъ-называемыхъ импровизаторовъ, людей, говорящихъ звучные стихи на заданную тему; чаще такіе люди вовсе не обладаютъ поэтическимъ талантомъ, или обладаютъ имъ въ самой слабой степени: ихъ звучные стихи ничего въ себѣ не заключаютъ, кромѣ такъ-называемыхъ общихъ мѣстъ. [1]

Ритмъ, пригодный для трагедіи, былъ, по словамъ Аристотеля, найденъ не сразу. Трагедія постепенно образовалась изъ такъ-называемой сатирической драмы, въ которой употреблялся трохеическій тетраметръ, какъ размѣръ, ближе подходящій къ плясовому, ибо въ ней пѣсней сопровождалась пляска сатировъ. Но когда въ драму были введены рѣчи дѣйствующихъ, то, какъ выражается греческій философъ, „сама природа навела (поэтовъ) на соотвѣтствующій размѣръ“, именно ямбъ, [2] потому что ямбъ изо всѣхъ метровъ болѣе всего соотвѣтствуетъ живой рѣчи. Доказательство этому Аристотель видитъ въ томъ, что въ разговорѣ чаще всего встрѣчаются именно ямбы, а не иной размѣръ. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что ямбъ полонъ движенія, подвиженъ, а потому такъ и удобенъ для драмы. [3]

Такимъ образомъ выборъ метра былъ обусловленъ самымъ предметомъ и способомъ трагическаго подражанія. Дѣйствующія лица въ драмѣ, однако, ведутъ не простые разговоры; ихъ рѣчами выражаются душевныя движенія, волненія, страсти, характеры; они говорятъ съ различною степенью напряженія, въ разныхъ темпахъ. Стихъ долженъ быть способенъ уловить всѣ эти оттѣнки драматической рѣчи, а для того онъ долженъ обладать значительною подвижностью, разнообразными паденіями,

---

[1] Ср. *Разговоры Гете*, собранные Эккерманномъ, въ моемъ переводѣ. Спб. 1891. Ч. I, 221—223.

[2] *Поэтика*, IV, § 13, 14; ср. также XXII, 16.

[3] L. c. XXIV, 8.

или каденціями. и цезурами (остановками). Именно потому, что стихъ дѣйствительно обладаетъ свойствомъ рельефнѣе передавать. чѣмъ проза, разнообразные оттѣнки рѣчи, онъ и предпочтительнѣе прозы для трагедіи, хотя, конечно, мы не станемъ утверждать. что арптмическая рѣчь вовсе не годится для драмы: вѣдь не только рѣчь, но и музыка бываетъ арптмическою. [1]

VIII.

Стихъ Шекспира.—Его постепенное развитіе и особенности.—Понятіе о драматическомъ стихѣ.—Формальные законы стиха.—Языкъ Шекспира.

Весьма поучительно прослѣдить за развитіемъ Шекспировскаго стиха именно, какъ средства драматическаго подражанія. Шекспиръ уже засталъ тотъ стихъ, которымъ самъ пользовался въ драмахъ. То такъ-называемый (по употребленію въ героическихъ поэмахъ) *героическій* стихъ въ десять, одиннадцать слоговъ,

---

[1] Замѣчательно. что у актеровъ способность произносить стихи въ драмѣ всегда бываетъ врожденною; кто отъ природы не обладаетъ, такъ-сказать, чувствомъ стиха. тотъ никогда не научится *говорить* стихи. Предъ А. Н. Островскимъ. въ краткое время его управленія московскимъ театромъ. два актера конкуррировали на репетиціи въ одной и той же роли. Піеса была въ стихахъ. „Вы прекрасно *читаете* стихи, сказалъ онъ одному,—но онъ (указывая на конкуррента) *говоритъ* ихъ. а это-то и требуется въ драмѣ". У кого нѣтъ врожденнаго чувства стиха, для того онъ остается всегда чуждою стихіей; такой актеръ можетъ научиться болѣе или менѣе искусно читать стихи, но не говорить ихъ: для него стихъ не станетъ родною рѣчью, онъ не въ силахъ забыть, что произноситъ стихи и невольно отчеканиваетъ. подчеркиваетъ размѣръ и отбиваетъ. хотя бы едва замѣтно, концы стиховъ. У актера же съ врожденнымъ чувствомъ стиха. стихи льются. какъ живая рѣчь; онъ знаетъ, что ритмъ скажется самъ собою, что нѣтъ надобности усиленно выдавать его. Такіе актеры всегда обладаютъ болѣе значительными творческими способностями, являются не просто полезными исполнителями, но и талантливыми художниками. Щепкинъ. Шумскій и Самаринъ. особенно первые два, всегда *говорили* стихи. Когда актеръ только читаетъ стихъ. то рѣчь его бываетъ напряженною и эта напряженность мѣшаетъ правдивости выраженія; прибавлю еще, что Мочаловъ говорилъ стихи, а Каратыгинъ ихъ декламировалъ. Чтеніе у Каратыгина было доведено до большой степени совершенства: онъ хвалился, что одинъ и тотъ же монологъ онъ можетъ прочесть съ одинаковою ясностью и въ пять, и въ двѣ минуты, но у него не было разнообразія въ темпахъ отдѣльныхъ фразъ, то-есть онъ произносилъ ихъ всѣ съ равною скоростью, или медленностью: у Мочалова, напротивъ, было огромное разнообразіе въ темпахъ. отчего рѣчь была совсѣмъ живая.

весьма близкій къ нашему пятистопному ямбу, съ нѣкоторыми особенностями, свойственными англійскому стихосложенію, напримѣръ замѣной ямба въ первой стопѣ хореемъ, или трехсложною стопой. Въ началѣ своей дѣятельности Шекспиръ писалъ болѣе *правильными*, какъ ихъ называютъ, стихами, то-есть стихами съ равнымъ количествомъ стопъ въ каждомъ и притомъ стараясь умѣстить мысль въ одномъ, или двухъ стихахъ; равнымъ образомъ чаще прибѣгалъ онъ къ риѳмѣ. Но въ дальнѣйшей своей дѣятельности, онъ нарушилъ именно эту правильность ради большей подвижности, выразительности и драматичности рѣчи. Онъ сталъ допускать болѣе частые переносы рѣчи изъ одного стиха въ другой, причемъ много стиховъ подъ-рядъ построены указаннымъ образомъ и составляютъ какъ бы одинъ непрерывный стихъ. Это особенно замѣтно въ разсказахъ. [1] Въ быстрыхъ переговорахъ, когда лица, какъ говорится, перебрасываются словами, Шекспиръ, какъ и его предшественники, употреблялъ полустишія (трехстопные стихи). Затѣмъ, оставаясь вѣренъ основному пятистопному стиху, Шекспиръ, когда того требовала драматичность выраженія извѣстной напряженности рѣчи, варьировалъ его вставками стиховъ разной мѣры отъ одно до шестистопнаго. Въ самомъ дѣлѣ, отрывистое восклицаніе, когда оно должно быть сказано съ особымъ удареніемъ, съ особою силой, прекрасно выразится одностопнымъ, или двухстопнымъ стихомъ. [2] Равно, съ драматической точки зрѣнія, не все равно, слѣдуютъ ли другъ за другомъ два пятистопные стиха, или четырехстопный и шестистопный, хотя общее число слоговъ въ нихъ и будетъ одинаково, а потому, повидимому, для ихъ произношенія, потребуется равное количество времени; большая, однако, разница въ впечатлѣніи, производимомъ стихами равной или неравной мѣры; въ томъ, что одна половина мысли будетъ выражена быстрѣе, а вторая съ большею медли-

---

[1] См., напримѣръ, разсказъ джентельмена Кенту о впечатлѣніи, произведенномъ на Корделію извѣстіемъ о несчастіи съ Лиромъ (Актъ IV, сц. III); или въ *Бурѣ* разсказъ Проспиро Мирандѣ объ его изгнаніи (Актъ I, сц. II). Байронъ въ своихъ драмахъ слѣдовалъ подобному же строенію стиха; эти постоянные переносы рѣчи изъ стиха въ стихъ, это непрерывное его теченіе придаютъ стиху особую текучесть и упругость стальной пружины; современные Байрону педанты именно за это упрекали его стихъ въ прозаичности.

[2] Примѣры этого—хотя бы въ заключительномъ монологѣ II акта въ *Гамлетѣ*.

тельностью, и даже нѣкоторою тяжеловѣстностью, именно въ силу того, что на ея изложеніе употреблено шесть стопъ, и т. д.

Совокупность такихъ отступленій отъ однообразнаго героическаго размѣра и составляетъ то, что̀ начинаютъ звать *драматическимъ стихомъ*. [1] Понятно, что подобныя отступленія тогда правильны и имѣютъ значеніе, когда вызваны, какъ у Шекспира, драматическими условіями.

Шекспировскій стихъ подвергался долгому гоненію за его мнимую неправильность; свободное обращеніе со стихомъ, доказывающее полное владѣніе имъ, ставилось въ упрекъ Шекспиру, относилось на счетъ его невѣжества или малой образованности. Дѣло доходило до того, что нѣкоторые издатели брались за исправленіе стиха, за приведеніе его въ правильный размѣръ. Въ этомъ отношеніи немало потрудился Стивенсъ; особенно ему не давало покоя, когда четырехстопный стихъ стоитъ рядомъ съ шестистопнымъ: ему казалось столь удобно при помощи легкой перестановки словъ добиться вожделѣнной для него правильности!

Какъ извѣстно, сверхъ стиха Шекспиръ употреблялъ и прозу; ею написано большинство комическихъ сценъ, а равно почти всѣ проходныя сцены, то-есть такія, гдѣ излагается дальнѣйшій, чисто историческій ходъ дѣйствія. Иногда, впрочемъ, онъ прибѣгалъ къ прозѣ и въ важные моменты дѣйствія; такъ, напримѣръ, въ *Юліи Цезарѣ*, послѣ убійства Цезаря, Брутъ обращается къ народу съ прозаическою рѣчью. Брутъ старается говорить по возможности холодно и немногословно, дабы не дать повода думать будто онъ хочетъ подольститься къ народу, его задобрить и переманить на свою сторону. Его сжатая рѣчь носитъ на себѣ дѣловой характеръ, и эти-то ея особенности, при отсутствіи перемѣнъ въ душевномъ состояніи и его напряженіи,

---

[1] Наши переводчики Шекспира почти вовсе не передаютъ строя его стиха, они упускаютъ изъ виду именно его драматичность, зато тщательно сохраняютъ такъ-называемые куплеты, то-есть риѳмованныя двустишія въ концѣ сценъ, имѣвшія въ англійскомъ театрѣ чисто техническое значеніе, въ родѣ нашего режиссерскаго звонка, или повѣстки, дающей знать рабочимъ о скорой перемѣнѣ декорацій. Сверхъ того они необычайно заботятся о правильности стиха, о неприкосновенной его пятистопности; ради ея сохраненія нерѣдко вставляются эпитеты и слова вовсе не существующія у Шекспира. Правильность стиха ставится ими выше вѣрности перевода. Такъ-то понимаютъ они драматическую рѣчь! Къ сожалѣнію, и нѣкоторые изъ нашихъ драматурговъ переняли у Шекспира относительно стиха только куплеты.

конечно, рельефнѣе передаются въ прозѣ. Другими словами, рѣчь Брута, по самой своей сущности, аритмическая.

Языкъ писателя самое могучее изъ его средствъ, а потому скажемъ нѣсколько словъ и о языкѣ Шекспира. Когда заходитъ о немъ рѣчь, то обычно на первый планъ выдвигается то обстоятельство, что Шекспиръ нерѣдко прибѣгалъ къ эвфуизмамъ и кончетти, то-есть къ искусственнымъ выраженіямъ, претендующимъ на особую точность и правильность рѣчи, и къ черезчуръ тонкимъ остроумнымъ сближеніямъ; вслѣдствіе этого у многихъ составляется весьма ложное представленіе о языкѣ Шекспира. Лексиконъ Шекспира одинъ изъ самыхъ обширныхъ: въ немъ насчитывается до 15.000 словъ. Отсюда уже можно заключить, что каждое изъ выводимыхъ имъ лицъ говоритъ свойственнымъ ему языкомъ; говори всѣ они болѣе или менѣе одинаковымъ языкомъ, очевидно, автору потребовалось бы гораздо меньшее количество словъ. Какъ бѣденъ въ лексическомъ отношеніи условный придворный языкъ Корнеля и Расина! Затѣмъ, весьма трудно указать на какую-нибудь особенность въ языкѣ или слогѣ Шекспира, какъ на главенствующую, или преимущественную: этихъ особенностей многое множество; онѣ въ зависимости отъ дѣйствующихъ лицъ, отъ склада ихъ ума, отъ великаго разнообразія ихъ характеровъ, отъ испытываемыхъ ими волненій, одержаній и страстей въ разной степени напряженія. Про языкъ Шекспира можно сказать, что онъ бываетъ напыщенъ, простъ, торжественъ, разговоренъ, важенъ, пошлъ, холоденъ, страстенъ, цвѣтистъ, отвлеченъ, глубокомысленъ, пустъ, тривіаленъ, грубъ, суровъ, нѣженъ и тонокъ; но сколько бы еще оттѣнковъ рѣчи мы ни подбирали, и какія бы изъ нихъ въ данную минуту ни звучали въ устахъ того, или иного лица,— всегда вы слышите живую рѣчь живаго человѣка! [1] Конечно, это не простой разговорный языкъ, но вѣдь и драма не разговоръ; разговорный языкъ приличествуетъ развѣ „діалогамъ". Считаемъ нелишнимъ указать на то обстоятельство, что у

---

[1] Въ этомъ отношеніи большинство русскихъ переводовъ Шекспира заставляютъ желать многаго. Языкъ въ нихъ однообразенъ и черезчуръ книженъ, тонъ приподнятъ и вздутъ. Какъ извѣстно, одинъ изъ нашихъ критиковъ, не знающій Шекспира въ подлинникѣ, на основаніи переводовъ пришелъ къ комическому заключенію, будто всѣ Шекспировскія лица говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ. Какое нежданное и правдивое осужденіе языка большинства нашихъ переводовъ!

Шекспира языкъ героя трагедіи обычно богаче и словами, и оборотами, чѣмъ остальныхъ дѣйствующихъ; оно и понятно: въ нихъ рисуются личности, остальныя же лица только характеры или типы. Такъ въ языкѣ Гамлета вы встрѣтите весьма мало изысканныхъ, условныхъ выраженій лицъ извѣстнаго круга, кромѣ случаевъ, когда онъ является въ чисто придворномъ кругу; въ языкѣ Лаэрта, наоборотъ, много вычурности и изысканности, онъ не можетъ даже въ трагическіе моменты обойтись безъ эмфазы, чѣмъ и выводитъ Гамлета изъ себя; Полоній, конечно, смолоду былъ лошадникомъ и собачникомъ; это видно изъ его уподобленій: у Гамлета, по его словамъ, *поводъ* длиннѣе, чѣмъ у Офеліи; свой умъ онъ сравниваетъ съ пищейкой и т. п.

IX.

Русскій драматическій стихъ.—Александрійскій размѣръ.—Пушкинъ.—Ямбъ.—Свойственны ли русскому языку чистые ямбы?—Ямбо-пеонъ.—Драматическія качества этого стиха.—О стихѣ и о языкѣ комедій.

Обратимся къ русскому драматическому стиху. Русская трагедія въ своемъ началѣ, какъ извѣстно, была рабскимъ слѣпкомъ съ псевдоклассической. Все было заимствовано: мысли, взгляды, правила, расположеніе сценъ, размѣръ стиха. Писали александрійскимъ стихомъ единственно потому, что его употребляли французы. Конечно, и александрійскій стихъ имѣетъ свои достоинства, не даромъ же Пушкинъ сказалъ про него:

Извилистый, проворный, длинный, скользкій
И съ жаломъ даже—точная змѣя.

Онъ весьма удобенъ, между прочимъ, для выраженія лирическихъ изліяній, а потому къ лицу трагедіямъ Корнеля и Расина, столь богатымъ именно лиризмомъ.[1] Но наши первые трагики не были богаты лиризмомъ, развѣ за исключеніемъ Озерова. Ихъ стихъ искусственъ и вялъ; языкъ напыщенный, отнюдь не живой, боязнь простыхъ, обиходныхъ, народныхъ, или по старинному „подлыхъ“, словъ лишала ихъ языхъ всякой выразительности. Къ этому присоединялась условность и безвкусность риѳмъ (напр. *смерти* и *стерти*, частыхъ даже у Озерова). Словомъ, тутъ все

[1] Оттого онъ и обязателенъ въ переводахъ этихъ поэтовъ.

было дѣланное, все на чужой манеръ; самое низменное подражаніе, безъ слѣда размышленія.

Драматическій стихъ явился съ первою истинною трагедіей, съ *Борисомъ Годуновымъ*. Пушкинъ взялъ пятистопный ямбъ, уже раньше употреблявшійся въ англійской и нѣмецкой драматургіи. Въ *Борисѣ* онъ оставилъ цезуру на второй стопѣ; въ одномъ изъ писемъ по поводу трагедіи, онъ называетъ ее французскою, и сожалѣетъ, что не отбросилъ ее. Въ самомъ дѣлѣ, хотя русская цезура по свойству нашего языка бываетъ двоякая, явная и прикрытая, то,-есть съ ямбическимъ и дактилическимъ окончаніями [1], тѣмъ не менѣе постоянное присутствіе ея на данномъ мѣстѣ дѣлаетъ стихъ, какъ увидимъ ниже, болѣе однообразнымъ, менѣе подвижнымъ, менѣе богатымъ каденціями. Какъ извѣстно, въ послѣдующихъ своихъ драматическихъ произведеніяхъ Пушкинъ отбросилъ цезуру, и такимъ образомъ установилъ вполнѣ драматическій стихъ.

Мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности относительно строенія нашего пятистопнаго ямба ради указанія его драматическихъ качествъ, а равно потому, что распространенныя мнѣнія о русскомъ стихосложеніи не отличаются точностью и имѣютъ въ виду болѣе нѣмецкія руководства объ этомъ предметѣ, чѣмъ самостоятельное изученіе русской ритмической рѣчи.

Во время вящаго гоненія на поэзію вообще, а на русскую въ особенности, въ шестидесятыхъ годахъ, въ одномъ изъ тогдашнихъ передовыхъ журналовъ, была помѣщена статья, гдѣ доказывалось, что русскіе поэты не сумѣли даже выбрать соотвѣтствующаго языку размѣра. Авторъ бралъ прозаическіе отрывки, и по нимъ указывалъ, что удареніе приходится чаще на одномъ изъ трехъ и даже четырехъ слоговъ, между тѣмъ какъ въ сочиненіяхъ нашихъ поэтовъ чаще встрѣчаются ямбы или хореи, то есть такіе стихи, гдѣ удареніе приходится на одномъ изъ *двухъ* слоговъ; именно въ ямбѣ (υι) на второмъ, а въ хореѣ (ιυ) на первомъ. Авторъ статьи былъ бы неоспоримо правъ, а поэты

[1] Въ примѣръ возьмемъ начальные стихи монолога Пимена:

Еще одно | послѣднее сказанье
И лѣтопись | окончена моя;
Исполненъ трудъ, | завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному | и т. д.

Въ 1-мъ и 3-мъ стихѣ цезура явная, съ ямбическимъ окончаніемъ; во 2-мъ и 4-мъ прикрытая, съ дактилическимъ окончаніемъ.

кругомъ виноваты, еслибъ русскій ямбъ или хорей соотвѣтствовалъ тому, что̀ говорится объ этихъ размѣрахъ въ заимствованныхъ у Нѣмцевъ учебникахъ. На бѣду автора статьи, чистые ямбы и хореи въ русскихъ стихахъ великая рѣдкость; въ этомъ всякій ясно можетъ убѣдиться, сосчитавъ число удареній въ различныхъ длины стихахъ. Въ четырехстопныхъ ямбахъ и хореяхъ—четыре ударенія великая рѣдкость, чаще ихъ бываетъ три или два; въ пятистопныхъ — чаще три или четыре; въ шестистопныхъ четыре. Такимъ образомъ на восемь, девять слоговъ приходится три или два ударенія; на десять, одиннадцать—четыре, три; на двѣнадцать, тринадцать—четыре, пять, то есть именно такое число, какое авторъ злосчастной статьи вывелъ изъ своего изученія русской прозы.

Дѣло въ томъ, что въ русскомъ, какъ литературномъ, такъ и народномъ творчествѣ, тѣ стихи, которые принято считать прямо ямбическими или хореическими, весьма рѣдко представляютъ данный размѣръ въ чистомъ видѣ, но всегда въ соединеніи съ пеонами, или пеанами.

Пеономъ называется стопа, состоящая изъ четырехъ слоговъ, изъ которыхъ три безъ ударенія, а одинъ съ удареніемъ; смотря по тому, на какомъ слогѣ по порядку приходится удареніе, пеонъ называется первымъ, вторымъ, третьимъ или четвертымъ. Вотъ примѣры, взятые изъ пѣсенъ, или же изъ ямбическихъ и хореическихъ стиховъ разныхъ поэтовъ. Первый пеонъ—извѣстная народная пѣсня:

Во́ полѣ́ бе | ре́занка сто | я́ла,
Во́ полѣ́ ку | дря́вая сто | я́ла, и т. д.

Примѣромъ втораго пеона можетъ служить первый стихъ пѣсенки въ *Русалкѣ* Пушкина:

По ка́мешкамъ | по жёлтому | песо̀чку.

Третій пеонъ находимъ въ слѣдующихъ полагаемыхъ хореическими стихами А. Н. Майкова:

Какъ богиня | съ пьедеста́ла
Недосту́пной | высоты́.

Въ примѣръ четвертаго беремъ нѣсколько стиховъ изъ *Мѣднаго всадника*:

Надъ омраче́ | нным Петрогра́ | домъ

или:

Предъ гордели́ | вымъ истука́ | номъ,

или:

И перево́з | чикъ беззабо́ | тный и т. д.

Въ такъ-называемомъ пятистопномъ ямбѣ, благодаря соединенію ямбовъ со вторымъ и четвертымъ пеономъ (первый и третій пеоны входятъ въ составъ стиховъ хореическаго склада [1]) и относительнаго ихъ положенія въ составѣ стиха, возможны до двадцати различныхъ комбинацій, то-есть стихъ, именуемый пятистопнымъ ямбомъ допускаетъ до двадцати различныхъ построеній. Было бы утомительно перечислять ихъ всѣ; читатель, въ случаѣ желанія, легко самъ составитъ подробную схему. [2]

Для большей наглядности разсмотримъ, однако, строеніе нѣсколькихъ стиховъ Пушкина, обозначивъ какія именно комбинаціи ямбо-пеона входятъ въ нихъ; возьмемъ сперва нѣсколько цезурныхъ стиховъ изъ *Бориса Годунова*:

Ещé | однó || послѣднее | сказá | нье,
И лѣтопись || окóнчена | моя́,
Испó | лненъ долгъ || завѣщанный | отъ Бó | га
Мнѣ грѣшному. || Недá | ромъ мнó | гихъ лѣтъ |
Свидѣтелемъ || Госпóдь | меня | постáвилъ
И книж | ному || искýсству вра | зумúлъ.

Первый стихъ состоитъ: изъ двухъ ямбовъ 2-го пеона и ямба; второй: изъ двухъ вторыхъ пеоновъ и ямба; третій: изъ двухъ ямбовъ, 2-го пеона и ямба; четвертый: изъ 2-го пеона, трехъ ямбовъ; пятый: изъ 2-го пеона и трехъ ямбовъ; шестой: изъ двухъ 2-хъ пеоновъ и ямба. Итакъ, въ шести стихахъ встрѣчаемъ три разныя комбинаціи, при чемъ стихи 1-й и 3, 2-й и 6, 4-й и 5 построены одинаковымъ образомъ.

Теперь взглянемъ на строеніе хотя бы слѣдующихъ пяти стиховъ *Каменнаго гостя*, изъ которыхъ два съ цезурой на второй стопѣ (1 и 5), одинъ съ прикрытою цезурой на третьей (4) и два безцезурныхъ.

Какúмъ | онъ здѣсь || предстáвленъ не | полѝ | номъ!
Какія плé | ни! что̀ || за Геркулéсъ! |
А сáмъ | покóй | никъ мáлъ | былъ и щеду́ | шенъ,
Здѣсь, ставъ на цы́ | почки, || не мóгъ | бы ру́ку |
До своего̀ | онъ нóсу до | тяну́ть.

---

[1] Стихъ нашихъ былинъ по большей части соединеніе хорея съ пеономъ (съ 1-мъ и 3-мъ); встрѣчаются весьма нерѣдко стихи, даже цѣлыя былины чисто пеонического склада, именно третьяго пеона, съ удареніемъ на 3-мъ, 7-мъ и 11-мъ слогѣ. Сверхъ того есть былины съ анапестическимъ размѣромъ (υὺ).

[2] Вотъ въ видѣ примѣра нѣсколько комбинацій: пять ямбовъ; затѣмъ, второй пеонъ съ тремя ямбами даетъ три комбинаціи, смотря по тому, будетъ ли онъ стоять на первомъ, второмъ или третьемъ мѣстѣ; пятая и шестая комбинаціи получатся изъ двухъ вторыхъ пеоновъ и ямба, и т. д. Слѣдуютъ комбинаціи: 4-го пеона съ ямбами, обоихъ пеоновъ съ ямбомъ и т. д.

Здѣсь по порядку встрѣчаемъ слѣдующія сочетанія—первый: два ямба, 2-й пеонъ, ямбъ; второй: 4-ый пеонъ, ямбъ, четвертый пеонъ; третій: три ямба и четвертый пеонъ; четвертый: два четвертыхъ пеона, ямбъ; пятый: четвертый пеонъ, второй пеонъ, ямбъ. Всѣ пять стиховъ разнаго строенія; сравнивая съ выписанными изъ *Бориса* стихами, находимъ четыре новыя комбинаціи.

Къ сказанному о строеніи русскаго драматическаго стиха слѣдуетъ добавить, что при постоянной цезурѣ на второй стопѣ, онъ не допускаетъ нѣкоторыхъ комбинацій, напр. ямба, второго пеона, четвертаго пеона, или ямба, четвертаго пеона и двухъ ямбовъ и т. п., а потому становится менѣе подвиженъ, менѣе богатъ каденціями, менѣе драматиченъ. Теперь понятно почему Пушкинъ въ дальнѣйшей своей драматической дѣятельности отбросилъ цезуру на второй стопѣ. Переносная цезура, напротивъ, увеличиваетъ разнообразіе въ строеніи пятистопнаго стиха.

Словомъ, трудно придумать стихъ болѣе богатый комбинаціями и каденціями. болѣе подвижный, болѣе удобный для драматической рѣчи. Остается допустить и въ трагедіи употребленіе стиховъ разной мѣры, какъ то̀ со времени *Горя отъ ума* вошло въ комедію. Послѣднее, конечно, какъ мы уже говорили, разбирая англійскій драматическій стихъ, подъ условіемъ драматичности.

Въ частности о комедіи слѣдуетъ прибавить слѣдующее: Греки и Англичане употребляли въ комедіи тотъ же стихъ, что и въ трагедіи; при чемъ Шекспиръ чаще употреблялъ прозу въ комедіи, чѣмъ въ трагедіи. То же надо сказать и о Французахъ. Мольеръ примѣнилъ съ великимъ мастерствомъ александрійскій стихъ къ комедіи; онъ блещетъ столь мѣткими выраженіями, что, читая его, невольно удивляешься, почему этотъ стихъ попалъ въ пословицу, а другой нѣтъ. Только одна его комедія, именно *Амфитріонъ*, написана стихами разной мѣры. Къ этому надо прибавить, что языкъ Мольера, подобно языку Шекспира, богатъ и словами, и идіотизмами, народными реченіями и областными словами.

У насъ комическій стихъ обязанъ своимъ совершенствомъ Грибоѣдову. То̀ риѳмованный ямбъ разной мѣры. отъ одно до шестистопнаго. Риѳма весьма краситъ комическій стихъ; она выдаетъ остроту, придаетъ ей особый блескъ и часто дѣлаетъ

ее какъ бы неожиданной. Замѣчательно, что наша народная комическая былина и комическая пѣсня также весьма склонны къ риѳмѣ. У Пушкина въ *Борисѣ* болѣе комическія сцены (Рузи и Марины, рѣчь Вишневецкаго) также написаны риѳмованными стихами.[1] Не мѣшаетъ замѣтить, что въ переводахъ Хмѣльницкаго александрійскій стихъ въ комедіи доведенъ также до значительной степени совершенства, и не понятно, почему новѣйшіе переводчики Мольера отказываются отъ него, увѣряя, будто онъ не свойственъ русскому языку, и именно потому, что риѳмуютъ два стоящіе рядомъ стиха. Но народная русская комическая пѣсня не знаетъ иной риѳмы! Объ этомъ нельзя не пожалѣть, ибо Мольеровскій складъ рѣчи не передается Грибоѣдовскимъ стихомъ. Всякой рѣчи свой ритмъ.

Мольеръ часто писалъ и въ прозѣ, которая у него отличается тѣми же высокими достоинствами; изслѣдователи замѣчаютъ, что у Мольера была такая врожденная способность къ ритму, что онъ встрѣчается часто и въ его прозѣ: недостаетъ только риѳмы, чтобы рѣчь стала вполнѣ стихомъ. Гоголь писалъ въ прозѣ, и его языкъ, особенно въ *Ревизорѣ*, отличается тѣми же достоинствами, что̀ и языкъ Мольера. Велика заслуга и Островскаго въ этомъ отношеніи; языкъ его комедій богатъ, образенъ и чрезвычайно типиченъ; въ немъ нѣтъ и слѣда той утрировки, того изысканнаго подбора странныхъ реченій и диковинныхъ словъ, которыми щеголяютъ его подражатели.

X.

Музыкальная часть въ драмѣ. — Драма и опера. — Что̀ замѣняютъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, хоръ въ новой драмѣ. — Комическія и народныя сцены. — Разъясненія и примѣры.

Музыка входила, какъ непремѣнная составная часть, въ древнюю трагедію и комедію, именно благодаря тому, что въ ней являлся хоръ; мы не знаемъ были ли драматурги въ то же время и композиторами; пѣлись ли хоры, или говорились речитативомъ, въ унисонъ, хотя послѣднее вѣроятнѣе въ виду того, что слова

[1] Впрочемъ, изъ предыдущаго не слѣдуетъ, что риѳма имѣетъ только, или даже преимущественно, комическое значеніе. У Пушкина и Шиллера въ трагедіи, когда дѣйствующія лица особенно взволнованы, находятся въ восторженномъ состояніи, ихъ рѣчи нерѣдко передаются риѳмованными стихами.

хора въ лучшихъ произведеніяхъ имѣютъ важное драматическое значеніе, при пѣніи же ихъ не было бы явственно слышно. Во всякомъ случаѣ сравненіе древней трагедіи съ современною оперой врядъ ли допустимо, потому что опера, даже въ литературной своей части, строится соотвѣтственно музыкальному плану, древняя же трагедія по существу есть произведеніе словеснаго искусства. Въ новѣйшее время нѣкоторые, правда, мечтали объ оперѣ, какъ о гармоническомъ сочетаніи двухъ, даже трехъ искусствъ, какъ объ искусствѣ будущаго, и требовали, чтобы либретто и музыка писались однимъ и тѣмъ же лицомъ. Послѣднее требованіе сводится однако къ тому, чтобъ обѣ составныя части оперы слѣдовали одному и тому же плану, при чемъ, даже у самаго горячаго выразителя этого мнѣнія, Рихарда Вагнера, либретто построены не самостоятельно, а въ подчиненіи плану музыкальному. Да иначе врядъ ли и можетъ быть! Его либретто, какъ и другія, могутъ обладать тѣми или иными литературными достоинствами, но только не драматическими.

По отсутствію хора, музыка въ новой драмѣ имѣетъ болѣе второстепенное значеніе и служитъ только пріятнымъ дополненіемъ при сценическомъ представленіи, наравнѣ съ декоративною живописью; тѣмъ не менѣе, не будучи непремѣнною составною частью, она входитъ во множество, чуть ли не въ большинство драмъ. Стоитъ только вспомнить пѣсни Офеліи, музыку при пробужденіи Лира въ шатрѣ Корделіи, разные марши и пляски въ піесахъ Шекспира и другихъ драматурговъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, конечно, слѣдуетъ желать, чтобы музыка соотвѣтствовала словамъ и положеніямъ дѣйствующихъ лицъ; но исполненіе такого желанія внѣ воли драматурга, внѣ его прямой дѣятельности.

Остается сказать о томъ, въ чемъ новѣйшіе критики желали видѣть въ новой драмѣ если не замѣну хора, то, такъ-сказать, его возмѣщеніе. Англійскіе критики указывали на присутствіе комическаго элемента въ новой трагедіи, какъ на обстоятельство, способное вознаградить зрителя за отсутствіе хора. По этому поводу поэтъ Шелли въ своей *Защитѣ Поэзіи* [1] высказалъ слѣдующія мысли: „Новѣйшій обычай смѣшенія комедіи съ трагедіей, хотя на практикѣ и способенъ повести къ большимъ злоупотребленіямъ, несомнѣнно представляетъ расширеніе драматическаго

[1] Defence of Poetry.

цикла; но комедія должна быть такой, какъ въ *Король Лиръ*, всечеловѣческою, идеальною и возвышенной. Быть-можетъ, именно привхожденіе этого элемента склоняетъ вѣсы въ пользу *Короля Лира* противъ *Эдипа Царя* или *Агамемнона*, или, если угодно, тѣхъ трилогій, съ которыми они связаны; хотя могучая сила поэзіи хора, особенно въ послѣдней трагедіи, способна возстановить равновѣсіе. *Король Лиръ*, если онъ въ состояніи выдержать такое сравненіе, можетъ считаться самымъ совершеннымъ образцомъ драматическаго искусства, какой только существуетъ на свѣтѣ."

У насъ Аполлонъ Григорьевъ съ большимъ правомъ указывалъ на народныя сцены въ русскихъ драмахъ, какъ на замѣну древняго хора. Но между ними та существенная разница, что древній хоръ принималъ непрерывное участіе въ теченіи всей трагедіи, за исключеніемъ только экспозиціи дѣйствія, то-есть выясненія обстоятельствъ, при которыхъ оно будетъ совершаться; въ нашихъ же драмахъ народъ привходитъ, какъ дѣйствующее лицо, только по временамъ. Въ подобныхъ случаяхъ народъ является простымъ собирательнымъ лицомъ, дѣйствующимъ только въ извѣстный, удобный для того моментъ. Тѣмъ не менѣе обиліе народныхъ сценъ въ русской драмѣ составляетъ одну изъ ея характерныхъ особенностей. Въ этомъ отношеніи особеннаго изученія заслуживаетъ третій актъ *Псковитянки* Л. А. Мея, гдѣ народъ является настоящимъ самостоятельнымъ дѣйствующимъ лицомъ; благодаря этому, сцены псковской сходки, переходящей въ вѣчѣ, нельзя не признать однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ драматическихъ произведеній, трагедіей, гдѣ герой не единичное, а собирательное лицо, народъ; хотя драма Мея, какъ цѣлое, страдаетъ многими несовершенствами, зависящими преимущественно отъ чрезмѣрной разбросанности и эпизодичности въ ходѣ дѣйствія.

Относительно народныхъ сценъ можно повторить тѣ же правила, какія Аристотель установилъ для хора.[1] Именно, что хоръ (народъ) долженъ являться такимъ же дѣйствующимъ лицомъ, какъ и другія лица; на этомъ основаніи греческій философъ отдаетъ преимущество хорамъ Софокла предъ Еврипидовыми. Философъ осуждаетъ тѣхъ поэтовъ, у которыхъ хоръ распѣваетъ вставочныя пѣсни, ни мало не относящіяся къ дѣйствію: онъ

[1] *Политика*, XVIII, 11. 12.

замѣчаетъ, что это все равно, какъ еслибы кто вздумалъ перемѣщать рѣчи изъ одной трагедіи въ другую. Конечно, нельзя одобрить и тѣхъ русскихъ драмъ, гдѣ народъ, не принимая участія въ дѣйствіи, является на сцену только ради того, чтобы пошумѣть и дать возможность режиссеру похвалиться умѣньемъ ставить народныя сцены.

Переходимъ къ хору въ комедіи. Въ греческой комедіи въ извѣстномъ мѣстѣ хоръ обращался къ зрителямъ (отчего получилъ названіе парабаса); въ парабасѣ авторъ велъ со зрителями бесѣду, не имѣющую прямаго отношенія къ дѣйствію комедіи; порой бесѣдовалъ объ общественныхъ нравахъ, о разныхъ текущихъ дѣлахъ и вопросахъ республики; порой пускался въ личныя объясненія, упрекая зрителей за то, что они не поняли его произведенія. Словомъ, тутъ авторъ являлся сатирикомъ нравовъ, мнѣній и вкуса зрителей. Отчасти ту же роль въ новой комедіи играютъ тирады личностей въ родѣ Чацкаго и Альсеста, и, конечно, онѣ достойны стоять на ряду съ лучшими парабасами. Вообще же полагается, что хоръ замѣняетъ такъ-называемой *резонеръ* комедіи.

Мы видѣли, что Аполлонъ Григорьевъ усматривалъ замѣну хора въ трагедіи въ народной толпѣ. Нѣчто подобное представляютъ такъ-называемыя обстановочныя лица комедіи; но, конечно, далеко не всегда удачно. Образцомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить *Горе отъ ума*, гдѣ цѣлая толпа гостей съ необыкновеннымъ искусствомъ вплетена въ дѣйствіе, и является въ немъ необходимымъ собирательнымъ лицомъ, а не служитъ только дополненіемъ къ изображаемымъ въ комедіи нравамъ. Черезъ нихъ Софья распространяетъ слухъ о сумасшествіи Чацкаго, и вдобавокъ многіе изъ нихъ, считая себя обиженными его замѣчаніями и остротами, принимаютъ дѣятельное участіе, какъ въ распространеніи слуха, такъ и окончательномъ его установленіи. И вотъ Чацкій ославленъ безумцемъ дѣйствительно *всѣмъ хоромъ*.

Въ заключеніе скажемъ, что, какъ комическія, такъ и народныя сцены въ трагедіи должны подчиняться основному закону драматическаго искусства, именно составлять органическую часть даннаго дѣйствія, а не служить ему простымъ украшеніемъ, введеннымъ ради разнообразія или увеселенія зрителей. То же можно повторить и о музыкѣ, по скольку она входитъ въ составъ новой драмы, а равно и о декораціонной живописи. И тѣмъ и

другимъ нерѣдко злоупотребляютъ, вставляя совсѣмъ неидущіе къ дѣлу хоры и пѣсни, или придумывая безъ нужды эффектныя декораціи.

XI.

Междумочныя драматическія произведенія. — Искусственая классификація драмы. — Виды трагедіи по Аристотелю. — Естественная система драматическихъ произведеній.

Комедія и трагедія суть два правильные, законные рода драматическихъ произведеній. Между ними ютится множество произведеній въ драматической формѣ, которымъ усиливаются порой придать извѣстную самостоятельность, даже важность; или же настаиваютъ на томъ, что это драма въ *новомъ* родѣ, выставляя на видъ тѣ или иныя ея второстепенныя особенности. Такъ, подъ драмой въ тѣсномъ смыслѣ слова разумѣютъ нѣчто среднее между комедіей и трагедіей, не указывая однако при этомъ ни на одинъ ея существенный непремѣнный признакъ. Оказывается, что предъ вами либо недовершенная комедія, либо такая же трагедія, либо трагедія съ благополучною развязкой; нерѣдко также авторъ возвѣщеннаго имъ, или критикой, новаго рода просто обладаетъ недостаточнымъ талантомъ, или не умѣетъ разобраться въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, не знаетъ надъ чѣмъ смѣяться или надъ чѣмъ плакать, изображаетъ голое страданіе, или такое же смѣшное, чисто внѣшнее столкновеніе, возбуждаетъ пошлую сентиментальность, или такой же смѣхъ. Не надо забывать также, что порой авторы называютъ свои произведенія „драмами“, потому что въ обществѣ, въ театрѣ или въ литературной средѣ господствуетъ въ данную минуту предубѣжденіе противъ имени трагедіи.

Другіе отличаютъ мѣщанскую трагедію изъ предразсудка будто трагедія есть такая драма, гдѣ дѣйствуютъ цари, герои и полубоги, не обращая вниманія на признаки существенныя, забывая что главенственная цѣль искусства—образное изображеніе человѣка, его *человѣческихъ* свойствъ. Подобнымъ же образомъ толкуютъ о бытовыхъ комедіяхъ, о комедіяхъ политическихъ, соціальныхъ, историческихъ, при чемъ забываютъ, что комедія прежде всего должна быть комедіей, то-есть носить на себѣ существенные признаки такого рода произведеній, и что всѣ

вышеписанные эпитеты указываютъ только на признаки внѣшніе, случайные, въ самомъ лучшемъ случаѣ могущіе послужить для различенія нѣкоторыхъ мелочныхъ разновидностей комедіи. Вѣдь изо всѣхъ этихъ эпитетовъ мы только и узнаемъ, да и то смутно, о чемъ, между прочимъ, идетъ рѣчь въ комедіи. Да и самое произведеніе можетъ оказаться вовсе не художественнымъ и драматическая форма навязанною ему ради проповѣданія мнѣній, которыя удобнѣе прочесть дома, въ своемъ углу, или выслушать на лекціи. Отличаютъ также комедію интриги, комедію плаща и шпаги и комедію характеровъ. Но интрига, какъ сплетеніе случайныхъ и чрезвычайныхъ обстоятельствъ, прямо противоположна понятію дѣйствія, гдѣ одно событіе слѣдуетъ за другимъ по необходимости или вѣроятію, гдѣ все происходитъ не просто *послѣ* другого, но и *чрезъ* другое. Чистое сплетеніе смѣшныхъ обстоятельствъ, конечно, можетъ производить смѣхъ, но то будетъ смѣхъ весьма неразборчивый, смѣхъ низкаго качества. Подъ комедіей характеровъ разумѣютъ такую, гдѣ первое мѣсто занимаетъ изображеніе характеровъ; конечно такая комедія, если даже дѣйствіе въ ней распоряжено слабо, не лишена нѣкоторыхъ недостатковъ, но можетъ быть еще прекраснымъ произведеніемъ,—только настоитъ ли хотя малая необходимость выдѣлять ее въ особый видъ художественныхъ произведеній?

Аристотель въ XVIII гл. *Піитики* съ бо̀льшею основательностью предлагаетъ слѣдующую классификацію трагедіи, на основаніи ея составныхъ частей, которыхъ полагаетъ четыре, именно: 1) переломъ и узнаніе 2) страданіе 3) характеры и 4) то, что̀ онъ называетъ наглядностью и что̀ въ настоящемъ случаѣ можно перевести сценичностью. Четыре вида трагедіи имъ установленные слѣдующіе:

1) сложная, то-есть заключающая въ себѣ, кромѣ страданія, переломы и узнанія;

2) простая, или заключающая въ себѣ одно обстоятельство страданія;

3) трагедія характеровъ, или такая, гдѣ преимущественно изображены характеры;

4) трагедія, гдѣ обращено преимущественное вниманіе на сценическіе эффекты и музыкальную часть; сценическое представленіе, какъ бы сказали мы.

Подобную классификацію можно, конечно, приложить и къ

комедіи, гдѣ первый видъ составитъ комедія, богатая и переломами и узнаніями; второй—комедія, основанная по преимуществу на изображенія лжестраданія; третій—комедія характеровъ; наконецъ четвертый—такъ называемыя феерія. Но въ этомъ не настоитъ никакой необходимости; классификація, предложенная Аристотелемъ, очевидно, искусственная; она основана на неравномѣрномъ развитіи въ различныхъ трагедіяхъ ея составныхъ частей, какъ главныхъ, такъ и второстепенныхъ; притомъ, частей разнородныхъ; то берутся за основу классификаціи обстоятельства дѣйствія, то характеръ дѣйствующихъ, то наконецъ тѣ составныя части, которыя самъ Аристотель полагаетъ второстепенными. Итакъ, классификація не исходитъ изъ одного принципа; далѣе, въ составъ первыхъ двухъ видовъ трагедіи необходимо входитъ, хотя бы и слабое, изображеніе характера; въ составъ же третьяго рода входитъ, хотя бы слабое, изображеніе дѣйствія (ибо безъ него, по словамъ Аристотеля, не можетъ быть трагедіи); не говоримъ уже о томъ, что въ первыхъ двухъ видахъ трагедіи характеръ можетъ быть изображенъ не только не хуже, но даже лучше чѣмъ въ третьемъ; наконецъ, четвертый видъ принадлежитъ къ числу трагедій, строго осуждаемыхъ самимъ Аристотелемъ, къ числу такихъ произведеній, которыя требуютъ, по его же словамъ, не столько таланта, сколько большихъ издержекъ.

Вотъ почему, и эта классификація, какъ и другія искусственныя системы драмы, не можетъ быть принята.

Вообще, раздѣленіе драматическихъ и другихъ художественныхъ произведеній на виды, на основаніи внѣшнихъ или второстепенныхъ признаковъ, указываетъ либо на искусственность системы устанавливающаго его критика, либо же, въ худшихъ случаяхъ, на дилетантское отношеніе къ искусству, не заключающее въ себѣ уже ничего научнаго.[1] Давно пора сдать въ архивъ эту манію къ увеличенію *родовъ* на основаніи внѣшнихъ

---

[1] Графъ Л. Н. Толстой въ *Аннѣ Карениной* превосходно изобразилъ дилетанта-художника въ лицѣ Вронскаго: его не заботитъ что и какъ онъ будетъ писать, а именно въ *какомъ родѣ*. Попробовалъ въ одномъ, хочется въ другомъ. У графа Вронскаго были способности къ живописи, но не было художественнаго таланта. Подобное же встрѣчается и между бесилетристами, чаще чѣмъ думаютъ. Разумѣется, ни критики, ни вообще ученые не изъяты отъ подобныхъ же недостатковъ. Какъ часто мы видимъ бездну учености, и ни капли научнаго пониманія!

признаковъ; она ведетъ только къ путаницѣ понятій. Если при этомъ и устанавливается какая-либо система, что̀ рѣдко, — то чисто искуственная, и притомъ порой напоминающая тѣ блаженныя времена, когда орла и муху причисляли къ одному классу *летающихъ*.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ предложить естественную, то-есть основанную на внутреннихъ признакахъ, систему драматическихъ произведеній; она составляетъ одно изъ послѣдствій нашего изслѣдованія драмы и можетъ быть изложена только теперь, когда непремѣнныя обстоятельства, какъ трагическаго и комическаго дѣйствія, всесторонне изучены и вѣрность ихъ подтверждена всею исторіей драмы. Драма распадается вполнѣ естественно на два рода: на трагедію и комедію. Подобная двойственность поэзіи вообще проявляется съ самаго ея начала. Трагедія произошла, какъ думали древніе, изъ хвалебныхъ пѣсенъ (одъ); предшественниками комедіи были ямбы (личная сатира) съ одной стороны и фаллическія пѣсни съ другой. Въ эпосѣ обнаружилась та же двойственность; какъ на примѣры, указывается на *Иліаду* и *Маргаритъ*, поэмы, обѣ приписываемыя Гомеру. Но ни въ одномъ изъ отдѣловъ словесныхъ искусствъ эта двойственность не выступаетъ съ такою ясностью и отчетливостью, какъ въ драмѣ.

Первый родъ драмы, *трагедія* или драма трагическая, стремится къ изображенію высокихъ дѣйствій душевно высокихъ людей; непремѣнное условіе ея дѣйствія—*страданіе*. Трагедія распадается на два вида:

1) Трагедія, возбуждающая состраданіе; требуетъ чтобъ ея герой имѣлъ *честный* характеръ, но отнюдь не былъ полнымъ праведникомъ; такой человѣкъ, вслѣдствіе ошибки, грѣха, или заблужденія, впадаетъ въ злосчастье, превышающее его вину, чѣмъ возбуждаетъ въ насъ и страхъ, и состраданіе.

2) Трагедія, возбуждающая жалость по человѣчеству. Въ ней честность характера героя не составляетъ непремѣннаго условія; но герой отнюдь не долженъ быть полнымъ злодѣемъ: отсутствіе честности возмѣщается большимъ умомъ, храбростью или иными душевными достоинствами.

Оба вида трагедіи очищаютъ возбуждаемые ими страхъ, состраданіе и филантропическое чувство.

Второй родъ драмы есть *комедія* или драма комическая. Она

стремится къ изображенію пошлыхъ дѣйствій душевно-пошлыхъ людей. Главное условіе ея дѣйствія—*лжестраданіе*, то есть мнимое себялюбивое страданіе, претендующее на наше состраданіе, но встрѣчаемое смѣхомъ; оно должно быть *безболѣзненно*.

Комедія распадается на три вида.

1) Комедія, возбуждающая смѣхъ, который мы, по примѣру Гоголя, называемъ *честнымъ*. Ея герои люди пошлые или порочные, люди ниже средняго нравственнаго уровня, но ихъ пошлость или порочность не должна быть безусловною, не должна внушать только отвращеніе; смѣхъ возможенъ только тогда, когда изображенная пошлость или порочность кажется недостаткомъ всечеловѣческимъ, отъ котораго и мы не можемъ считать себя вполнѣ изъятыми.

2) Комедія, возбуждающая *веселый* смѣхъ. Герои ея — люди намъ равные, но не безъ нѣкоторой, всѣмъ людямъ свойственной, пошлости, благодаря которой они и впадаютъ въ мнимыя страданія.

3) Комедія, возбуждающая *сочувственный* смѣхъ. Герои ея могутъ быть выше насъ по своему уму, или душевнымъ качествамъ. Но чрезъ свою непомѣрную горячность, сопровождаемую притязаніемъ на безусловное совершенство въ извѣстномъ отношеніи, они сами себя ставятъ въ смѣшное положеніе; здѣсь, какъ показано, источникъ сочувственнаго смѣха. Тотъ же смѣхъ возбуждаютъ комическія или сатирическія рѣчи героевъ.—что̀ даетъ возможность сравнить ихъ съ хоромъ, носившимъ въ древней комедіи имя парабаса.

Понятно, что возможны многочисленныя, чтобъ не сказать безчисленныя, разновидности въ обоихъ родахъ драмы. Трагедія втораго вида можетъ болѣе или менѣе приближаться къ первому, смотря по душевнымъ качествамъ героя; возбуждаемое ею филантропическое чувство можетъ возрастать почти до состраданія, и въ такихъ случаяхъ между ними весьма трудно установить границу. Подобное же слѣдуетъ повторить и относительно всѣхъ трехъ видовъ комедіи. Возможна комедія, гдѣ встрѣчаются въ томъ или иномъ сочетаніи всѣ три вида смѣха; или же, какъ мы указывали на примѣрѣ, въ комедіи третьяго вида авторъ либо рельефнѣе обозначитъ лжестраданія своего героя, либо, придавъ его рѣчамъ обликъ, болѣе соотвѣтствующій античному парабасу, перенесетъ комическій элементъ, изображеніе лжестраданія, на другое лицо, которое и станетъ вторымъ героемъ его

произведенія, героемъ прямо комическаго дѣйствія (Чацкій и Фамусовъ).

Извѣстно, что растительные и животные виды, несомнѣнно встрѣчающіеся въ природѣ и устанавливаемые натуралистами, также допускаютъ безчисленныя разновидности и переходы отъ одного къ другому. Наше изслѣдованіе закончено, и намъ, по примѣру авторовъ старинныхъ комедій, остается просить читателя о снисхожденіи къ его многочисленнымъ несовершенствамъ.

Д. Аверкіевъ.

КАКЪ ИСПОЛНЯЮТСЯ МЕЖДУНАРОДНЫЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА НА ДУНАѢ.

(По поводу стрѣльбы Румынъ по руссому пароходу «Ольга» 16 октября 1892 г.)

Впервые появилось на Дунаѣ русское срочное товаро-пассажирское пароходство въ 1846 году. Наше правительство назначило тогда для этой цѣли казенный пароходъ *Петръ Великій*. Майоръ Орлай, старшій адъютантъ дежурства новороссійскаго генералъ-губернатора, былъ командированъ для устройства линіи Одесса-Измаилъ-Рени-Галацъ и обратно. *Петръ Великій*, выйдя въ первый разъ изъ Одессы 25 іюня 46 года, дѣлалъ срочные двухнедѣльные рейсы вплоть до Крымской войны. Въ Галацъ онъ приходилъ одновременно съ австрійскимъ пароходомъ изъ Вѣны.

По окончаніи Крымской войны и съ учрежденіемъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, послѣднее снова открыло между Одессой, Галацемъ, Рени и Измаиломъ срочное товарно-пассажирское сообщеніе, но оно якобы *по невыгодности* было вскорѣ прекращено, и вмѣсто русскихъ пароходовъ водворились на Дунаѣ австрійскіе, которые и понынѣ продолжаютъ отходить изъ Одессы одинъ разъ въ недѣлю и находятъ эту линію для себя выгодною.

Съ 1883 года снова явился на Дунаѣ русскій торговый флагъ: пароходы *Измаилъ*, *Юрій* и *Ольга*, принадлежавшіе срочному

Черноморско-Дунайскому пароходству, стали дѣлать срочные рейсы между Одессой и Систовымъ. Но въ навигацію 1884 года пароходъ *Юрій* погибъ въ Сулинскомъ рукавѣ, а пароходъ *Ольга* послѣ этого, по неизвѣстнымъ причинамъ, въ верхнихъ портахъ не показывался, а *Измаилъ* поддерживалъ линію Одесса-Измаилъ.

Въ 1886 году былъ утвержденъ уставъ Общества Черноморско-Дунайскаго пароходства, которое, открывъ срочные рейсы въ апрѣлѣ того же года, продолжаетъ совершать ихъ и понынѣ между Одессой и портами румынскими, болгарскими и сербскими, лежащими ниже Желѣзныхъ Воротъ, а именно они заходятъ: въ Добруджѣ: Сулинъ, Черноводы и Тульчу; въ Румыніи: въ Галацъ, Браиловъ, Журжево, Зимницу, Турнъ-Магурели, Корабію, Турнъ-Северинъ; въ Болгаріи: въ Силистрію, Рущукъ, Систово, Никополь, Ломъ-Паланку, Видинъ и въ Сербіи: въ Кладово.

Согласно 19 параграфу упомянутаго устава, Черноморско-Дунайское Общество *подчиняется*, относительно плаванія по Дунаю и Пруту, *дѣйствующимъ на сей предметъ постановленіямъ*. Въ силу сего параграфа правленіе Общества предписало въ 1886 году командирамъ пароходовъ и агентамъ, находящимся на водахъ Дуная, руководствоваться въ своихъ сношеніяхъ съ румынскими и болгарскими властями Высочайше утвержденнымъ регламентомъ для плаванія по Дунаю (*Сборникъ правительственныхъ распоряженій и узаконеній* 1884 года 8 іюня, № 60) и русско-румынскими торговыми договорами, заключенными 3 (15) декабря 1886 года и 4 (16) марта 1876 года. Но уже въ первую, 1886 года, навигацію выяснилось, что румынскія власти, считая постановленія лондонскаго трактата 1883 года для себя необязательными, рѣшительно отказались сноситься съ русскими моряками и агентами на основаніяхъ вышесказаннаго регламента.

Послѣдствіемъ такого порядка вещей явился рядъ пререканій между командирами русскихъ пароходовъ, съ одной стороны, и румынскою рѣчною полиціей съ другой. Послѣдняя, являясь съ точки зрѣнія русскихъ моряковъ (и международнаго регламента) незаконною, то-есть утвержденною ненадлежащею властью, не имѣетъ на самомъ дѣлѣ права на дальнѣйшее существованіе, но несмотря на это продолжаетъ функціонировать и по сю пору. Въ первую же навигацію 1886 года явилась настоятельная нужда въ разрѣшеніи слѣдующихъ вопросовъ, возникшихъ изъ практики пароходовъ, заходившихъ въ румынскіе порты:

1) Должны ли русскіе пароходы, находясь въ водахъ Дуная,

подчиняться требованіямъ румынской рѣчной полиціи въ виду статей регламента 105 [4] и 13 [1]?

2) Должны ли наши пароходы уплачивать румынскимъ властямъ корабельные и иные сборы въ виду статей регламента 1 [5], 2 [2], 3 [3] и 13 [1]?

3) Должны ли русскіе срочные пароходы, имѣющіе право, согласно правиламъ европейской дунайской коммиссіи, на извѣстныя преимущества, брать такъ-называемые *позволительные билеты* (billets de départ) на отходъ изъ порта и платить за оные сборы, въ виду статей 1 [5], 2 [2] и 3 [3]?

4) Имѣютъ ли право пароходы уплачивать штрафы, налагаемые румынскими властями, въ виду статей регламента 64 [6], 93 [7], 94 [8], 95 [9], 72 [10] и 92 [11]?

5) Имѣютъ ли право чины румынской рѣчной полиціи распоряжаться пристанями, составляющими частную собственность Черноморско-Дунайскаго Общества пароходства, отвартовывая къ нимъ иностранныя суда, въ виду статьи регламента 13 [1]?

Статья международнаго регламента 1883 года.

[1] *Статья 13.* Шкипера и ихъ экипажи, къ какой бы они національности ни принадлежали, обязаны исполнять приказанія, даваемыя имъ, въ силу настоящаго регламента, инспекторомъ, субъ-инспекторами, капитанами надъ портомъ или подчиненными имъ агентами (то-есть властямъ международнымъ).

Въ случаѣ требованія они не могутъ отказываться отъ поднятія флага, отъ объявленія своихъ именъ и названій своихъ судовъ, отъ указанія назначенія и происхожденія таковыхъ.

[2] *Статья 2.* Не будетъ взимаемо на Дунаѣ никакого сбора, основаннаго единственно на фактѣ судоходства по рѣкѣ, и никакой пошлины съ товаровъ, пока они будутъ оставаться на судахъ, транспортахъ или плотахъ.

[3] *Статья 3.* Прибрежныя государства имѣютъ право взимать въ принадлежащихъ имъ портахъ сборы за набережныя, подъемные краны, вѣсы, склады, выгрузку, въ пользу учрежденій, существующихъ или же имѣющихъ осуществиться.

При всемъ томъ, эти сборы должны быть взимаемы безразлично, на основаніи опредѣленныхъ и общеизвѣстныхъ тарифовъ, не взирая на то, откуда слѣдуетъ судно и каково происхожденіе его груза, и при томъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой судно, подлежащее этимъ сборамъ, воспользовалось упомянутыми учрежденіями.

Само собою разумѣется, что тарифы эти не могутъ служить источниками фискальнаго дохода, но что они должны доставлять лишь средства, необходимыя для уплаты процентовъ и погашенія капитала, употребленнаго на первоначальное устройство и на содержаніе учрежденія. Съ окончательнымъ погашеніемъ капитала, тарифы будутъ низведены до размѣра, необходимаго на содержаніе учрежденій.

6) Слѣдуетъ ли допускать румынскія власти къ досмотру пристаней, трюмовъ, камбузъ, каютъ и т. п. принадлежностей пароходовъ, находящихся на Дунаѣ подъ русскимъ флагомъ, въ виду статей 6 [12], 100 [13] и 101 [14]?

7) Имѣетъ ли право агентъ Русскаго Общества ослушаться приказанія румынской рѣчной власти убрать флагъ вмѣстѣ съ флагштокомъ съ русской пристани?

8) Къ кому слѣдуетъ обращаться капитанамъ и агентамъ съ жалобами въ случаѣ столкновенія пароходовъ въ виду статей 62 [15], 92 [11] и 95 [9]?

9) Кому заявлять жалобы въ случаѣ обиды, нанесенной румынскими властями, въ виду статей 62 [15], 72 [10], 95 [9]?

10) Кому заявлять о крушеніяхъ или иныхъ несчастіяхъ, подобныхъ случаю съ пароходомъ *Ольга* подъ Никополемъ, остававшагося безо всякой помощи, въ виду статей 42 [16] и 62 [15]?

---

[4] *Статья 105.* Порты или пристани, лежащіе на протяженіи каждаго рѣчнаго отдѣла, для которыхъ прибрежныя государства назначатъ капитановъ надъ портомъ, согласно постановленію настоящаго регламента, не будутъ включены въ вѣдомство субъ-инспектора отдѣла. Порты или пристани будутъ поставлены подъ надзоръ капитановъ надъ портомъ, которые будутъ зависѣть непосредственно отъ инспектора и должны будутъ слѣдовать его указаніямъ во всемъ томъ, что относится до ихъ дѣятельности на рѣчномъ пути.

Подъ наименованіемъ порта въ смыслѣ настоящаго регламента разумѣется вся часть рѣки, заключающаяся между двумя прямыми линіями, идущими перпендикулярно берегамъ отъ границъ сказанныхъ портовъ или пристаней выше и ниже теченія до талвега рѣки.

Если противоположный берегъ принадлежитъ тому же государству, портъ заключаетъ въ себѣ также и часть рѣки по ту сторону талвега, между помянутыми двумя линіями, продолженными до сказаннаго берега, за исключеніемъ, впрочемъ, того случая, когда на другомъ берегу, въ тѣхъ же водахъ, существуетъ портъ или пристань, гдѣ есть капитанъ надъ портомъ.

Суда, находящіяся въ плаваніи и проходящія, не останавливаясь, воды порта, не подчиняются юрисдикціи капитановъ надъ портомъ; лишь инспекторъ и субъ-инспекторы имѣютъ право надзора за этими судами.

[5] *Статья 1.* Судоходство будетъ попрежнему совершенно свободнымъ на всей части Дуная, заключающейся между Брановымъ и Желѣзными Воротами. Торговыя суда всѣхъ націй будутъ продолжать свободно заниматься перевозкой пассажировъ и товаровъ, или буксированіемъ, подъ условіемъ совершеннаго равенства, установленнаго XVI статьею Парижскаго трактата.

[6] *Статья 64.* Предъ оставленіемъ порта шкипера должны явиться въ контору капитана надъ портомъ для полученія своихъ бумагъ и для уплаты или внесенія суммы штрафовъ, кои могутъ быть наложены въ силу настоящаго регламента.

11) Обязанъ ли капитанъ русскаго парохода являться въ канцелярію рѣчной румынской полиціи для предъявленія имъ корабельныхъ бумагъ въ виду статей 57 [17] и 64 [18]?

Со всѣми перечисленными вопросами агенты Общества своевременно обращались и къ консуламъ, и въ миссію въ Букурештѣ, но послѣдняя, соглашаясь почему-то съ румынскимъ правительствомъ, что постановленія лондонской конференціи для Румыніи не обязательны, на томъ якобы основаніи, что оно въ свое время протестовало противъ него предъ Европой, предлагала обыкновенно агентамъ сообразоваться съ регламентомъ румынскимъ. Вслѣдствіе чего командиры и агенты были поставлены въ самое ложное и неопредѣленное положеніе, и поэтому-то Обществу приходилось и понынѣ приходится быть готовымъ къ самымъ неожиданнымъ случайностямъ, производить излишніе расходы и

---

[7] *Статья 93.* Субъ-инспекторамъ судоходства и капитанамъ надъ портомъ подсудны нарушенія, совершенныя въ предѣлахъ ихъ вѣдомства противъ постановленій настоящаго регламента, и они рѣшаютъ, въ первой инстанціи взысканіе штрафовъ, наложенныхъ за таковыя нарушенія.

Ихъ рѣшенія сообщаются чрезъ посредство капитана надъ портомъ, гдѣ судно находится, а внѣ портовъ непосредственно субъ-инспекторами.

Сообщеніе можетъ быть также сдѣлано чрезъ посредство консульской власти флага.

[8] *Статья 94.* Вся сумма штрафовъ вносится въ кассу международной власти.

[9] *Статья 95.* Апелляція на рѣшенія чиновъ полиціи, коими присуждается взысканіе въ первой инстанціи, вносятся въ трехмѣсячный по объявленіи срокъ въ *смѣшанную коммиссію* (состоящую изъ представителей прибрежныхъ государствъ.

Въ случаѣ апелляціи, вся сумма штрафа вносится временно на храненіе въ кассу смѣшанной коммиссіи, въ которой остается въ депозитѣ до тѣхъ поръ, пока дѣло не будетъ окончено.

Апелляціи не принимаются по истеченіи трехмѣсячнаго срока со дня объявленія рѣшенія, и сумма штрафа остается окончательно въ вѣдѣніи смѣшанной коммиссіи.

[10] *Статья 72.* Всякое нарушеніе статьи восемнадцатой (18) наказывается штрафомъ отъ пяти до пятидесяти франковъ.

[11] *Статья 92.* Во всякомъ случаѣ судно буксирное или лихтеръ, на коемъ было совершено нарушеніе, несетъ главнымъ образомъ обязанность уплаты наложеннаго штрафа, для покрытія коего оно можетъ быть секвестровано чинами рѣчной полиціи.

[12] *Статья 6.* Таможенныя границы должны слѣдовать повсюду по берегамъ рѣки, нигдѣ ее не пересѣкая. Изъ этого слѣдуетъ, что суда, транспорты, плоты и проч., пока они находятся въ движеніи по рѣкѣ или стоятъ на якорѣ въ руслѣ рѣки и не производятъ никакой торговой операціи съ берегомъ, остаются внѣ сферы дѣйствія таможенъ.

терпѣть молчаливо убытки, лишь бы только не раздражать румынскихъ властей.

Таково положеніе русскихъ судохозяевъ на водахъ Дуная, но и на сушѣ, то-есть на берегу его, оно не представляется въ лучшемъ видѣ. Нижеслѣдующіе примѣры могутъ достаточно обрисовать характеръ отношеній румынскихъ территоріальныхъ властей къ русскимъ шкиперамъ.

Еще въ 1887 году правленіе Черноморско-Дунайскаго Общества пароходства, имѣя крайнюю нужду въ устройствѣ при своихъ пристаняхъ на Дунаѣ пакгаузовъ и, основываясь на 3 и 12 статьяхъ русско-румынскаго договора 1886 года и на 1, 2, 4 и 10 статьяхъ русско-румынской конвенціи 1876 года, начало хлопотать о полученіи разрѣшенія на постройку ихъ, но до послѣдняго времени успѣха не имѣло. Румынскія власти, основываясь на статьѣ 3-й договора 1886 года, хотя и разрѣшали постройку пакгаузовъ, но съ тѣмъ лишь условіемъ, если правленіе Общества дастъ подписку, что въ случаѣ нужды, по первому требованію надлежащихъ властей, выстроенные пакгаузы будутъ снесены немедленно. Кто же могъ бы при такихъ условіяхъ согласиться на затрату капитала? А между тѣмъ, за неимѣніемъ амбаровъ, Общество вынуждено отказываться отъ грузовъ, такъ какъ сохраненіе ихъ безъ пакгаузовъ почти невозможно.

Вслѣдствіе сего, прибрежныя державы не могутъ взимать таможенныхъ сборовъ иначе, какъ съ товаровъ, выгруженныхъ на берегъ. Это запрещеніе относится даже до судовъ, транспортовъ или плотовъ, проходящихъ по тѣмъ частямъ рѣки, гдѣ оба берега принадлежатъ одному государству.

[13] *Статья 100.* Нижеозначенные агенты будутъ отправлять свои обязанности, каждый въ предѣлахъ своего вѣдомства, подъ вѣдѣніемъ смѣшанной коммиссіи, а именно: 1) инспекторъ; 2) субъ-инспекторы; 3) капитаны надъ портомъ, насколько ихъ дѣятельность будетъ проявляться на водномъ пути; 4) секретарь и второстепенные агенты.

[14] *Статья 101.* Чины, означенные въ предыдущей статьѣ, выбираются между компетентными лицами; они назначаются и получаютъ содержаніе какъ ниже слѣдуетъ:

Инспекторъ получаетъ содержаніе отъ смѣшанной коммиссіи, равно какъ секретарь и второстепенные агенты.

Субъ-инспекторы и капитаны надъ портомъ назначаются и получаютъ содержаніе отъ подлежащихъ прибрежныхъ государствъ, которыя будутъ сообщать смѣшанной коммиссіи, какъ о назначеніяхъ, такъ и замѣщеніяхъ этихъ агентовъ.

Вышепоименованные агенты, исключая субъ-инспекторовъ и капитановъ надъ портомъ, могутъ быть увольняемы смѣшанною коммиссіей.

Въ галацкомъ агентствѣ Русскаго Общества берегъ Дуная такъ обвалился, что выгружать на него товары не всегда безопасно; но, несмотря на это, всѣ попытки мѣстнаго агента получить разрѣшеніе на укрѣпленіе его остались напрасными, хотя австрійская компанія, находясь въ подобномъ же положеніи, давнымъ-давно сдѣлала противъ своего агентства всѣ необходимыя укрѣпленія.

Въ томъ же агентствѣ Русскаго Общества въ началѣ навигаціи 1888 года таможенные чины почему-то арестовали рыбу и икру, привезенныя изъ Одессы для г. Агѣя Иванова, объявивъ ихъ подлежащими конфискаціи. По снятіи незаконнаго ареста, товаръ оказался, вслѣдствіе стоявшей жары, испорченнымъ и общество должно было уплатить Иванову убытки въ размѣрѣ 3.250 франковъ. Попытки мѣстнаго агента, сдѣланныя чрезъ россійскую миссію, предъ румынскимъ министерствомъ о возмѣщеніи понесенныхъ имъ убытковъ, благодаря незаконному дѣйствію управляющаго галацкою таможней, до послѣдняго времени оставались безъ успѣха; да врядъ ли и теперь удовлетворена законная претензія русскаго общества.

Въ томъ же агентствѣ сахаръ одесскаго купца А. Гринберга, привезенный въ 1887 году, былъ таксированъ таможней выше нормы; вслѣдствіе чего Гринбергъ потерпѣлъ убытка 4.700 франковъ. Хотя румынское министерство впослѣдствіи признало, что таксировка была произведена неправильно, но, тѣмъ не менѣе, однакоже до прошлаго лѣта излишне взятыя 4.700 франковъ возвращены не были.

Въ концѣ навигаціи 1888 года было нѣсколько случаевъ, что румынскія власти не пропускали пассажировъ, прибывавшихъ на

---

[15] *Статья 62.* Каждое судно, стоящее въ портѣ, должно имѣть свое названіе написаннымъ на видномъ мѣстѣ.

Шкипера судовъ, стоящихъ въ портѣ, обязаны заявлять безъ замедленія капитанамъ надъ портомъ о каждомъ случаѣ столкновеній или аваріи, происшедшемъ съ ихъ судами, равно какъ и о каждомъ случаѣ смерти на ихъ суднѣ.

[16] *Статья 42.* Тотчасъ послѣ крушенія, шкиперъ или лоцманъ, если таковой есть на суднѣ, извѣщаетъ о томъ, въ возможной скорости, агентовъ, назначенныхъ для наблюденія за рѣкой.

[17] *Статья 57.* Шкипера должны, въ теченіе сутокъ по прибытіи, явиться въ контору капитана надъ портомъ, для предъявленія своихъ корабельныхъ документовъ.

русскихъ пароходахъ, входить въ городъ, хотя на это не имѣлось никакихъ законныхъ поводовъ.

Съ русскихъ агентовъ румынскія власти непрестанно требуютъ уплаты различныхъ сборовъ, какъ бы съ владѣльцевъ торговыхъ помѣщеній, каковыми на самомъ дѣлѣ они по мѣстнымъ обычаямъ считаться не могутъ.

Русскіе вагоны-цистерны для нефти объявлены вредными, въ смыслѣ общественной безопасности, и посему въ предѣлы Румыніи не впускаются.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наглость румынскихъ властей доходила до крайнихъ степеней; такъ, напримѣръ, онѣ закрасили на собственномъ дворѣ русскаго галацкаго агентства вывѣску на русскомъ языкѣ, и когда агентъ возстановилъ ее, то приказано было закрасить масляною краской.

По введеніи въ дѣйствіе договора 1886 года, образа, картины духовнаго содержанія, ободья, деревянныя издѣлія, веревки и веревочныя издѣлія русскаго производства обложены были такою пошлиной, что ввозъ сихъ предметовъ сталъ уменьшаться, а нѣкоторыхъ прекратился совершенно.

Въ довершеніе разнаго рода притѣсненій, зимой 1888—89 года румынское правительство потребовало, на основаніи 245 ст. своего торговаго устава, отъ Русскаго Общества пароходства залогъ въ видѣ румынскихъ процентныхъ бумагъ, размѣръ коего, на основаніи сказаннаго устава, не можетъ быть менѣе 300.000 франковъ.

Можно бы привести длинный рядъ всевозможныхъ возникавшихъ недоразумѣній и столкновеній между нашими моряками [1]: и враждебно относящимися къ нимъ румынскими властями, но такъ какъ они имѣютъ характеръ вышеприведенныхъ, то это безполезно; стоитъ лишь припомнить огульное изгнаніе шестидесяти трехъ русскихъ коробейниковъ въ 1888 году, которымъ до сихъ поръ не уплачены убытки, чтобъ охарактеризовать всю неприглядность нашего положенія на Дунаѣ.

Какъ выше упомянуто, наша миссія, соглашаясь съ румынскимъ правительствомъ относительно необязательности для но-

---

[1] Русскимъ морякамъ С. П. Туркулу, В. Д. Палеологу, П. М. Вострикову и П. П. Саечникову принадлежитъ по истинѣ честь воздруженія и укрѣпленія русскаго торговаго дѣла на Дунаѣ и имъ первымъ пришлось вынести на себѣ первый отпоръ румынско-болгарскихъ властей утвержденію нашего торговаго флота на Дунаѣ.

слѣдняго лондонскаго договора, рекомендовала агентамъ Черноморско-Дунайскаго Общества пароходства сообразовать свои дѣйствія съ румынскимъ регламентомъ о плаваніи по Дунаю и съ ихъ таможеннымъ уставомъ. Но какъ сообразоваться съ ними, когда они противорѣчатъ Высочайше утвержденному регламенту международному? Защищаться противъ румынскихъ своеволій договоромъ 1886 года также не представляется никакой возможности, ибо онъ составленъ такъ, что всѣ преимущества являются на сторонѣ Румыніи,— и это благодаря прибавкамъ въ статьяхъ первой, второй и третьей, по коимъ румынское правительство считаетъ обязательными для насъ всякія распоряженія даже властей третьестепенныхъ, хотя бы они были незаконными.

Слѣдующіе три случая, бывшіе съ пароходомъ *Ольга*, могутъ освѣтить положеніе русскаго судна на Дунаѣ:

25 апрѣля 1886 года *Ольга*, сдѣлавъ благополучно первый рейсъ отъ Одессы до Систова, кинула якорь противъ послѣдняго; согласно дѣйствующимъ правиламъ, она освѣтилась условными фонарями; въ двѣнадцатомъ часу ночи экипажъ ея былъ разбуженъ сильнѣйшемъ ударомъ по правому борту. Выяснилось, что австрійскій пароходъ *Orient*, идя сверху и дѣлая у Систова поворотъ къ своей пристани, налетѣлъ по непростительной оплошности своего капитана на *Ольгу*. Послѣдняя оказалась потерпѣвшею: было согнуто на ней нѣсколько шпангоутовъ и нѣсколько листовъ было вогнуто, пароходная посуда была почти вся перебита. Второй и третій случаи были въ слѣдующую 1887 года навигацію. *Ольга* шла изъ Систова кверху; подходя къ Никополю, она кинула якорь невдалекѣ отъ берега; благодаря рыхлому грунту, якорь ползъ и сильное теченіе нанесло ее на мелководье. Капитану справиться своими собственными силами не удалось, помощи же отвнѣ ему никто не подалъ, хотя онъ и просилъ ея. Слѣдствіемъ этого было то, что *Ольга* простояла на мѣстѣ слишкомъ два мѣсяца и снятіе ея съ мели обошлось, кажется, тысячъ въ пять франковъ, не считая, конечно, убытковъ, понесенныхъ ею отъ того, что она не работала. Третій случай самый ужасный — это стрѣльба по ней румынской пограничной стражи, случившаяся 27 ноября 1887 года подъ Турнъ-Магурели. Объ этомъ случаѣ писано было въ свое время не мало, и потому подробностей можно не касаться. Эта та самая *Ольга*, которая снова была аттакована Румынами 16 числа минувшаго октября, но на этотъ разъ уже не пулями, а ядрами.

Собственно говоря, ничего нѣтъ удивительнаго, что пароходъ или судно, во время плаванія, подвергается той или другой опасности, или терпитъ большее или меньшее крушеніе; такъ точно и съ *Ольгой* возмутительными являются въ данномъ случаѣ не столько самыя происшествія, сколько послѣдствія ихъ и та беззащитность, въ которой находятся наши пароходы на Дунаѣ.

Во всѣхъ трехъ изложенныхъ случаяхъ, а равно и въ послѣднихъ капитанъ *Ольги* не могъ найти власти, которой бы могъ принести жалобу на виновниковъ. Согласно международному регламенту, онъ долженъ бы былъ жаловаться *смѣшанной* Дунайской Коммиссіи въ Журжевѣ, но она существуетъ, къ сожалѣнію, только на бумагѣ. Консуловъ нашихъ не имѣется выше Галаца, кромѣ развѣ Браилова, гдѣ наши интересы защищаетъ румынскій Грекъ, не понимающій ни слова по-русски. Жаловаться посланнику нашему въ Букурештѣ—это единственный исходъ. Командовавшій пароходомъ *Ольга* П. И. Саечниковъ, послѣ сказанной стрѣльбы 1887 года дѣйствительно жаловался послѣднему, но и до сихъ поръ, то-есть въ теченіе почти пяти лѣтъ, дѣло остается не разслѣдованнымъ достодолжно. Не лучшіе результаты были и въ двухъ первыхъ случаяхъ: убытки не были *Ольгѣ* заплачены, а виновники остались ненаказанными.

Послѣ заключенія Парижскаго мирнаго договора прошло уже слишкомъ тридцать шесть лѣтъ, но желаніе Европы видѣть Дунай въ лучшемъ видѣ не исполнилось. За тридцать лѣтъ Европейская Коммиссія успѣла сдѣлать въ гидро-техническомъ смыслѣ только одно: *улучшить въ судоходномъ отношеніи Сулинскій рукавъ, въ ущербъ нашему рукаву Килійскому*, и только. Что же касается до части Дуная, лежащей выше Галаца, то тамъ воцарились порядки худшіе во много кратъ, чѣмъ то было въ турецкое время; тогда, по крайней мѣрѣ, были по всему Дунаю однообразныя правила, а теперь, что ни портъ, то свои правила, свои нравы и обычаи, и въ случаѣ какой-либо бѣды нѣтъ законной защиты потерпѣвшему. Ни Румыны, ни Болгары не только не позаботились расчистить, какъ бы то слѣдовало по регламенту, русло, уничтожить перекаты, во множествѣ являющіеся на Дунаѣ и дѣлающіе плаваніе къ концу навигаціи небезопаснымъ, но даже не позаботились установить буй или какіе-либо иные знаки для указанія опасныхъ мѣстъ. О проводникахъ судовъ по такимъ мѣстамъ нѣтъ даже и рѣчи, и иностранному судну при-

ходится платить непомѣрно большія деньги частнымъ лоцманамъ (пилотамъ) изъ Грековъ.

Спрашивается, куда же Румыны дѣваютъ суммы, образующіяся изъ корабельныхъ и иныхъ сборовъ съ судовъ? — которыя, собственно говоря, они не имѣютъ даже права взимать, такъ какъ вѣнскій актъ [1] предоставляетъ сборъ денегъ властямъ международнымъ.

Несомнѣнно, что Румыны собранныя деньги расходуютъ, но какъ и на что? Они отвѣчаютъ, что они строятъ въ портахъ набережныя (кеи), дѣлаютъ каналъ въ Журжевѣ (Георгіевскій), дѣлаютъ доки въ Галацѣ и Браиловѣ и проч. Но кто же контролируетъ ихъ приходо-расходы въ этой области работъ и какая международная власть санкціонировала расходовать международныя суммы на означенныя работы?

Теперь является у Румынъ новая затѣя — мостъ черезъ Дунай; можетъ-быть и его строятъ на тѣ же суммы, что и кеи?

Отъ такого порядка, или лучше сказать безпорядка, русскимъ пароходамъ приходится на Дунаѣ не жить, а влачить жалкое существованіе, и давно бы пора, кому слѣдовало, подумать и позаботиться о выясненіи нашихъ правъ на Дунаѣ, вытекающихъ изъ ряда договоровъ, начиная Кучукъ-Кайнарджійскимъ 1774 г. и кончая послѣднимъ Лондонскимъ 1883 г.

Правда, что трудно разобраться въ этомъ хламѣ, трудно доискаться, что въ этихъ полузабытыхъ договорахъ отмѣнено и что сохраняетъ силу, трудно тѣмъ болѣе, что авторы договоровъ не руководились во всѣхъ случаяхъ въ отношеніи Дуная какою-нибудь одною опредѣленною мыслью. Первыя пятьдесятъ лѣтъ, то-есть съ 1774 по 1840 годъ, Дунай былъ предметомъ договоровъ только съ Турціей, то-есть Россія считала его такою же рѣкой, какъ Прутъ и Днѣстръ, верховья коихъ лежатъ въ предѣлахъ иныхъ государствъ. Въ 1840 году, несмотря на существующіе договоры съ Турціей, заключенъ былъ *зачѣмъ-то и почему-то* договоръ о плаваніи по Дунаю съ Австріей, хотя послѣдняя на Нижнемъ Дунаѣ не имѣла ни одной пяди земли. Въ этомъ послѣднемъ договорѣ нашли почему-то нужнымъ сдѣлать ссылку на вѣнскій актъ 1815 года. Зачѣмъ это понадобилось и какой смыслъ имѣло, когда принципы вѣнскаго акта не допускаютъ никакихъ сепаратныхъ договоровъ о плаваніи, а требуютъ, чтобы власть

[1] Актъ послужившій основаніемъ правилъ для плаванія по международнымъ рѣкамъ.

надъ международною рѣкой принадлежала совокупности всѣхъ прибрежныхъ государствъ.

Въ 1846 году, несмотря на существовавшій австро-русскій договоръ, съ Турціей былъ заключенъ новый договоръ, въ которомъ опять говорится о Дунаѣ, какъ рѣкѣ русско-турецкой. Послѣ этого остается удивляться, почему мы не вошли въ какое-либо соглашеніе съ Австріей о Днѣстрѣ, начало коего лежитъ также внѣ нашихъ предѣловъ—въ Венгріи?!

Въ 1856 году у насъ отняли южную часть Бессарабіи и вмѣстѣ съ этимъ Россія, переставъ быть прибрежнымъ дунайскимъ государствомъ, потеряла право на участіе въ дѣлахъ Дуная, но несмотря на это, однакожь, нашъ представитель является почему-то членомъ незаконнорожденной Европейско-Дунайской Коммиссіи.

Въ 1878 году, по Берлинскому договору, отторгнутый отъ насъ въ 1856 году берегъ Дуная былъ намъ возвращенъ и Россія снова стала прибрежнымъ государствомъ со всѣми правами и обязанностями, вытекающими изъ вѣнскаго акта. Получивъ такимъ образомъ законный голосъ въ дунайскихъ дѣлахъ, мы продолжаемъ безмолвно смотрѣть на всяческія нарушенія вѣнскаго акта и подписываемъ сами себѣ приговоры и осужденія на наказанія: a) мы безпрекословно отдали весь Верхній Дунай въ безусловное распоряженіе Австро-Венгріи; b) допустили образованіе двухъ незаконныхъ коммиссій: *европейско-дунайской* и *смѣшанной*; c) допустивъ въ принципѣ послѣднюю, мы уступили добровольно свое мѣсто въ ней Австро-Венгріи и притомъ съ правомъ безсмѣннаго предсѣдательства.

На кого же теперь пенять за то, что положеніе наше на Дунаѣ безвыходное?

Становясь на точку зрѣнія вѣнскаго акта, основы котораго до сихъ поръ не оспаривалъ ни одинъ дипломатъ, а напротивъ того, считалъ ихъ священными, надо бы:

1) упразднить Европейско-Дунайскую Коммиссію, незаконно существующую, и

2) вмѣсто неосуществившейся коммиссіи смѣшанной образовать новую изъ делегатовъ Австро-Венгріи, Германіи Сербіи, Румыніи, Турціи (какъ сюзерена Болгаріи) и Россіи—съ юрисдикціей, простирающеюся на все теченіе Дуная отъ истоковъ его до моря, то-есть отъ Шварцвальда до Сулина.

Разъ узаконивъ незаконное, наша политика въ отношеніи Ду-

ная стала на ложный путь, съ котораго выбраться нелегко, но и оставаться на немъ не къ лицу великой прибрежной дунайской державѣ.

Если теперь путаницы не мало, то ея будетъ еще больше послѣ очистки пороговъ Желѣзныхъ Воротъ, когда австрійскіе пароходы будутъ безъ перегрузки ходить отъ Вѣны до Одессы.

Если теперь Румынія и Болгарія, несмотря на Берлинскій договоръ, укрѣпляютъ мѣстами берега Дуная и проводятъ въ Дунай подъ различными предлогами военные пароходы, то что̀ же будетъ тогда, когда на Дунаѣ появится австрійская флотилія?

Предлагая агентамъ Русскаго Общества сообразоваться съ румынскимъ регламентомъ для плаванія, Русская Миссія ссылалась обыкновенно на то обстоятельство, что распоряженія румынскихъ властей относятся, въ большей части случаевъ, ко всѣмъ вообще пароходнымъ компаніямъ всѣхъ флаговъ, а не къ одной русской. Эта ссылка совершенно справедлива, но она теряетъ всякое значеніе, если принять во вниманіе, что ниже Браилова на Дунаѣ распоряжается не Румынія, а Европейская Дунайская Коммиссія, а выше Браилова нѣтъ иныхъ компаній, занимающихся срочно-товаро-пассажирскимъ сообщеніемъ, кромѣ русской и австрійской. Но Австрійцы настолько сильно укрѣпились на Дунаѣ и настолько освоились съ мѣстными правительствами и властями, что для нихъ распоряженія румынскаго правительства или не имѣютъ никакого значенія, въ силу различныхъ тайныхъ конвенцій, или же игнорируются по праву сильнаго, а иногда исполняются только для виду. Остается, слѣдовательно, одно Русское Общество, которое является въ исключительныхъ обстоятельствахъ.

Черноморско-Дунайское Общество слѣдующимъ образомъ изобразило въ одномъ изъ своихъ ходатайствъ безысходность русскаго торговаго флота на Дунаѣ:

„Согласно послѣдовавшему 25 мая 1888 года Высочайшему утвержденію мнѣнія Государственнаго Совѣта, Общество Черноморско-Дунайскаго пароходства приступаетъ нынѣ къ расширенію и увеличенію своей дѣятельности на Дунаѣ. Посему для Общества представляется весьма важнымъ разрѣшеніе или, по крайней мѣрѣ, разъясненіе нѣкоторыхъ принципіальныхъ вопросовъ, имѣющихъ для него безусловно существенное значеніе. Практика прошедшихъ двухъ съ половиной лѣтъ, со времени учрежденія Общества, связана съ громадною массой исключительныхъ

притѣсненій и препятствій, причиняемыхъ намъ румынскими властями во всѣхъ почти портахъ и явно противорѣчащихъ существующимъ международнымъ положеніямъ". Не отыскивая причины такого положенія дѣлъ, но считая необходимымъ констатировать фактъ, извѣстный Россійской Миссіи, Общество просило послѣднюю, какъ естественнаго защитника русскихъ интересовъ въ Румыніи, разъяснить ему тѣ права и обязанности, которыми оно должно руководствоваться въ отношеніи Румыніи.

„Всѣ вопросы, до сихъ поръ возникавшіе и остающіеся безъ разрѣшенія, проистекаютъ изъ того, по словамъ сказаннаго ходатайства, что румынское правительство само, или чрезъ свои органы, не исполняетъ обязательствъ, лежащихъ на немъ согласно русско-румынскому договору 1886 года и регламенту для плаванія по Дунаю, принятому Лондонскою конференціей 1883 года".

Прошло со времени подачи приведеннаго ходатайства пять лѣтъ, но дѣла на Дунаѣ съ тѣхъ поръ не улучшились, а ухудшились, а для поправленія ихъ ничего не дѣлается. Между тѣмъ, однакожь, при такомъ порядкѣ вещей, и благія начинанія бывшаго министра финансовъ остались лишь добрымъ сѣменемъ, упавшимъ на каменистую почву.

К—въ

15 ноября 1892 года.

ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

Памяти К. Н. Леонтьева. — Дѣятельность нашего духовенства во время эпидеміи.

12 ноября годовщина смерти К. Н. Леонтьева.

Покойный К. Н. былъ мало извѣстенъ при жизни; причиной тому конечно, прежде всего православныя убѣжденія К. Н., которыя онъ считалъ долгомъ исповѣдывать среди равнодушной къ религіознымъ вопросамъ интеллигенціи. Что подобная „интеллигенція", до послѣдняго времени имѣвшая въ своихъ рукахъ свѣтскую печать, старалась замалчивать К. Н. Леонтьева, это понятно. Но прискорбнѣе всего то, что и духовная печать въ этомъ отношеніи слѣдовала за свѣтскою, по другимъ только причинамъ; здѣсь уже не имѣла мѣста враждебность къ религіознымъ вѣрованіямъ автора, а просто *невнимательность* къ явленіямъ общественной жизни и мысли. Это одинъ изъ безчисленныхъ результатовъ плачевнаго раздѣленія нашей печати на духовную и свѣтскую.

К. Н. Леонтьевъ былъ чуть ли не единственнымъ у насъ (послѣ И. В. Кирѣевскаго) свѣтскимъ писателемъ, положившимъ въ основу своей публицистики *полное подчиненіе Церкви и церковному ученію*. Въ этомъ добровольномъ подчиненіи, въ возвращеніи нашемъ къ древней цѣльности духа и жизни, въ обращеніи къ святоотеческой литературѣ, какъ источнику нашего знанія—онъ видѣлъ единственный залогъ будущаго развитія Россіи.

О Церкви и о православіи говорили и говорятъ у насъ многіе писатели; говорили славянофилы, говорилъ Достоевскій и многіе другіе, которыхъ неизвѣстно даже, къ какому вѣроисповѣданію причислить. Но есть большая разница между всѣми ими и К. Н.

Леонтьевымъ. Эту разницу чрезвычайно мѣтко опредѣлила извѣстная *О. К.* (въ *Nouvelle Revue*, 1882 г. 15 августа). „*Есть Русскіе, которые православны лишь потому, что они славянофилы. Леонтьевъ же славянофилъ лишь потому, что онъ православенъ.*“ Этими словами ясно указывается центръ тяжести въ воззрѣніяхъ К. Н. Леонтьева. И въ самомъ дѣлѣ, славянофилы очень много говорили о православіи; но у многихъ изъ нихъ (особенно у послѣднихъ представителей этой школы) православіе выдвигается, какъ начало служебное, какъ идея культурная (національная) или политическая, какъ истина, только постигаемая умомъ, а не проникающая собою все существо человѣка. При такомъ внѣшнемъ отношеніи къ православію, можно его горячо проповѣдывать, и въ то же время лѣтъ по десяти не говѣть. Такъ и случалось, конечно. У К. Н. Леонтьева же православіе есть прежде всего *путь къ спасенію*, а потомъ ужь особое культурное начало въ славянофильскомъ смыслѣ; поэтому онъ, прежде чѣмъ разсуждать съ кѣмъ-либо о вопросахъ религіозныхъ и церковныхъ, отсылалъ обыкновенно своего противника къ духовнику, чтобъ исполнить самыя первыя обязанности православнаго христіанина. При такомъ различномъ отношеніи къ православію, и результаты проповѣди получались, конечно, различные. Много говорилось до К. Н. Леонтьева о православіи и говорилось иногда много прекраснаго, но только въ смыслѣ теоретическомъ. Разверните любую страницу славянофиловъ: какъ все тамъ возвышенно, благородно, идеально, но... и неопредѣленно. Практической постановки вопроса никакой.

Иное дѣло проповѣдь К. Н. Леонтьева. Она имѣла и имѣетъ большіе практическіе результаты. Самъ переживъ тяжелый періодъ внутреннихъ страданій, сомнѣній и полной ломки своей натуры, прежде чѣмъ стать искреннимъ православнымъ христіаниномъ, К. Н. Леонтьевъ понималъ, на что̀ обратить главное вниманіе, чтобы дойти ближе къ цѣли. Самъ пройдя нелегкій путь тяжелаго духовнаго опыта, онъ зналъ кратчайшее разстояніе между двумя точками и на это направленіе всегда указывалъ.

Въ дѣлѣ воспріятія христіанскихъ истинъ въ духѣ Православной церкви—самый трудный шагъ—первый, это *подчиненіе* своего *ума* церковному ученію. И этотъ первый шагъ имѣетъ рѣшающее значеніе. *Гордость ума*—есть главное препятствіе для того, чтобы сдѣлаться истинно православнымъ христіаниномъ. Эта гордость мѣшаетъ принять ученіе Церкви, какъ оно есть,

во всецѣлости, безъ оговорокъ; эта гордость заставляетъ *выбирать* и воспринимать только то, что намъ нравится, или что разсудокъ нашъ одобряетъ, а путь выбора—есть путь ереси и раскола. Стало-быть борьба съ умственною гордостью и подчиненіе бунтующагося разсудка высшему началу—вселенскому разуму Церкви—опредѣляетъ собою направленіе пути, по которому идетъ православный христіанинъ. Признаніе собственной немощи *умственной* есть начало для Богопознанія; признаніе немощи *нравственной* есть начало всѣхъ добродѣтелей. Это и выражается однимъ словомъ *смиреніе.*

Къ сожалѣнію, наша „интеллигенція" страдаетъ болѣе всего грѣхами ума. Духовная гордость мѣшаетъ ей стать на вѣрную дорогу и все время водитъ ее по распутіямъ современной мысли. Проповѣдникамъ православія слѣдуетъ обращать вниманіе на этотъ *корень* зла и съ нимъ бороться; тогда только будутъ практическіе результаты. Когда корень будетъ здоровъ, тогда все растеніе будетъ цѣло. К. Н. Леонтьевъ такъ именно и смотрѣлъ на дѣло и все время своей публицистической дѣятельности постоянно указывалъ на страхъ Божій и смиреніе, какъ основы христіанской жизни. И въ этомъ его великая заслуга.

Въ непосредственной связи съ христіанскимъ смиреніемъ находится чувство уваженія къ тѣмъ лицамъ, которымъ ввѣрено пасти стадо Христово. Это нераздѣльно одно съ другимъ. Истинный христіанинъ съ глубокимъ почтеніемъ и уваженіемъ относится къ духовному лицу, какъ бы ни было оно *лично* порочно. *То или другое отношеніе къ духовенству есть лучшій признакъ въ человѣкѣ степени его христіанскаго воспитанія.* И въ этомъ отношеніи наша „интеллигенція" сильно отстала отъ простаго народа и многому у него должна поучиться. К. Н. Леонтьевъ постоянно говорилъ объ этомъ и постоянно заботился о томъ, чтобы поддержать авторитетъ духовенства, справедливо сознавая, что, съ паденіемъ авторитета іерархіи, неизбѣжно падаетъ самая вѣра народа. Покорное подчиненіе церковной іерархіи не было у К. Н. Леонтьева звукомъ пустымъ; самъ онъ почти всю жизнь былъ подъ духовнымъ руководствомъ опытныхъ „старцевъ"—сперва на Аѳонѣ, а потомъ въ Оптиной.

Мы уже упоминали, что К. Н. Леонтьевъ всегда былъ малоизвѣстенъ для читающей публики; только теперь его печатные труды стали раскупаться. Но практическіе результаты его дѣятельности все-таки велики и имъ можетъ позавидовать любой

популярный писатель. Его вліяніе было очень сильно на всякаго, кто входилъ съ нимъ въ духовное общеніе, хотя бы только письменно. Его практически-реальная постановка вопросовъ религіозныхъ дѣйствовала воспитывающимъ образомъ на многіе умы. Около него былъ всегда кружокъ молодежи, искренно любившей его и сердечно привязанной къ нему; многіе изъ этого кружка обязаны К. Н. Леонтьеву своимъ духовнымъ возрожденіемъ и началомъ своего христіанскаго воспитанія. Мы говоримъ началомъ, потому что дѣло К. Н. Леонтьева было только возбудить въ человѣкѣ желаніе увѣровать, узнать ученіе Церкви, полюбить Церковь; за дальнѣйшимъ онъ ужь отсылалъ своего ученика къ Оптинскимъ старцамъ, или если нельзя было, то просто къ хорошему священнику или монаху.

Мы увѣрены, что ученики К. Н. Леонтьева, такъ многимъ ему обязанные, будутъ продолжать эту сторону его дѣятельности и тѣмъ пріумножатъ то добро, какое сдѣлалъ К. Н. Леонтьевъ для нашей церковно-общественной жизни.

* * *

Рѣдко когда приходится встрѣчать въ нашей печати доброе слово, или хотя бы только безпристрастное, о дѣятельности нашего духовенства. Чаще наталкиваешься на самую грубую клевету, издѣвательства и неосновательные упреки. Эпидемія нынѣшняго года дала поводъ нѣкоторымъ органамъ печати поглумиться надъ духовенствомъ. Поводъ самый неподходящій, такъ какъ, если справедливо замѣчаніе М. Погодина, что русскій человѣкъ умирать умѣетъ, а жить не умѣетъ, то оно примѣнимо и къ духовенству. Въ годины тяжкихъ испытаній и народныхъ бѣдствій это сословіе являетъ такой высокій героическій подъемъ духа, котораго нельзя представить себѣ, присматриваясь къ обыденной жизни духовенства. И въ дни бѣдствій нынѣшняго лѣта оно стояло совершенно на высотѣ своего призванія.

Труды, понесенные священниками въ холерныхъ мѣстностяхъ, не могутъ быть сравниваемы ни съ какимъ другимъ трудомъ. Къ ежедневнымъ обыкновеннымъ обязанностямъ прибавились и чрезвычайныя. Приходилось постоянно совершать крестные ходы; располагать поученіями прихожанъ къ исполненію христіанскаго долга исповѣди и причащенія; ежедневно совершать богослуженіе; исповѣдывать и причащать за литургіей по нѣсколько сотъ человѣкъ здоровыхъ прихожанъ; затѣмъ и днемъ, и ночью не

зная устали, являться по первому зову въ дома прихожанъ для напутствованія больныхъ; для послѣдней цѣли приходилось ѣздить съ утра до ночи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ приходы разбросаны на десятки верстъ. Иногда священники самоотверженною дѣятельностью своей любви достигали замѣчательныхъ результатовъ. Объ одномъ такомъ случаѣ мы находимъ разсказъ въ *Церк. Вѣстникѣ*. „Въ Воронежской губерніи есть хуторъ Штаньковъ. По точнымъ свѣдѣніямъ здѣсь было семьдесятъ случаевъ заболѣванія холерой, при народонаселеніи въ 500 человѣкъ. И что же? Изъ семидесяти заболѣваній не было ни одного со смертельнымъ исходомъ. Всѣхъ отходилъ лично самъ, при Божіей помощи, мѣстный священникъ отецъ Іоаннъ Пеленкинъ; ни одному больному, какой бы степени развитія не достигла у него холера, онъ не далъ умереть. Изъ словъ его видно, что онъ лѣчилъ не столько медикаментами, сколько самоотверженнымъ уходомъ за больными, по два и по три часа къ ряду оставался онъ у постели больнаго, при самой бѣдной и тяжелой обстановкѣ, самъ давалъ лѣкарства, самъ растиралъ больныхъ, согрѣвалъ ихъ теплымъ чаемъ съ лимонною кислотой, не уходилъ отъ больнаго до тѣхъ поръ, пока не успокаивался за исходъ болѣзни. Можно сказать, что, не переставая быть врачемъ духовнымъ, онъ сдѣлался въ холерное время самоотверженнымъ врачемъ тѣлеснымъ, при чемъ о платѣ за лѣченіе и мысли не допускалось. Любовь къ страждущимъ отецъ Іоаннъ простеръ и за предѣлы своего прихода. Узнавъ объ „умѣніи“ лѣчить холерныхъ Штаньковскаго батюшки, жители деревни Абросимовой, несмотря на 25-верстное разстояніе, прислали къ отцу Іоанну нарочнаго съ подводою, прося его убѣдительно не отказаться поѣхать къ нимъ и подать помощь заболѣвшимъ холерой односельчанамъ. Улучивъ свободное время, съѣздилъ отецъ Іоаннъ и въ Абросимовку, сдѣлалъ здѣсь, что могъ, и поспѣшилъ возвратиться въ свой приходъ, дабы словомъ и дѣломъ утѣшить своихъ духовныхъ чадъ“.

Иной родъ дѣятельности священника описывается въ *Моск. Вѣд.* Въ Ростовѣ-на-Дону въ началѣ холерной эпидеміи было серьезное основаніе опасаться за сохраненіе спокойствія. Паника въ городѣ была велика; среди народа шли слухи самые невѣроятные. Большую услугу оказалъ въ это трудное время мѣстный священникъ Успенской церкви. Благодаря тому, что народъ ежедневно стекался въ церковь массами, пастырь-проповѣдникъ три дня подъ-рядъ и утромъ и вечеромъ говорилъ о

постигшемъ городъ бѣдствіи, доказывалъ нелѣпость тѣхъ слуховъ о баракахъ и докторахъ, какіе ходили въ народѣ; призывалъ къ спокойствію, къ порядку, къ покаянію и молитвѣ. Самъ по два раза въ день во все время эпидеміи являлся въ бараки для совершенія требъ, напутствовалъ больныхъ, утѣшалъ скорбящихъ. На первыхъ порахъ народъ настроенъ былъ такъ враждебно, что во время самой проповѣди являлись возражатели проповѣднику. Не вступая въ объясненіе съ такими возражателями, проповѣдникъ покойно оканчивалъ свое дѣло, а потомъ этихъ самыхъ возражателей водилъ въ бараки для удостовѣренія на мѣстѣ нелѣпости ихъ возраженій. Наконецъ, проповѣдникъ обратился съ призывомъ къ обществу самоотверженно послужить страждущимъ братьямъ. Слово его упало на добрую почву. Въ теченіе недѣли организовалась община добровольцевъ — 27 женщинъ и дѣвицъ и двое мужчинъ, — для помощи больнымъ. Ревностный пастырь убѣждалъ добровольныхъ тружениковъ работать ради Господа; самъ доставлялъ имъ все необходимое. Его примѣру послѣдовали многіе добрые люди и по его указанію ежедневно со всѣхъ сторонъ приносились пожертвованія. Дѣло пастыря принесло богатый плодъ; смолкли въ народѣ нелѣпые толки о томъ, какъ въ баракахъ изводятъ больныхъ отравой; въ бараки начали привозить больныхъ охотно, и не только бездомныхъ, но и домовладѣльцевъ.

Трудность положенія духовенства во время эпидеміи обусловливалась еще и тѣмъ, что приходилось считаться съ невѣжествомъ народной толпы, подстрекаемой нелѣпыми слухами къ буйству. Такъ въ селѣ Средне-Ахтубинскомъ и въ селѣ Болхунахъ, Астраханской губерніи, мѣстные священники за неоднократное разъясненіе народу полезности принятыхъ правительствомъ мѣръ противъ холеры, подверглись нападеніямъ толпы и едва успѣли спастись отъ смерти.

Нечего и говорить, что множество священниковъ, при исполненіи своихъ обязанностей, сами сдѣлались жертвой эпидеміи. Объ одномъ такомъ пастырѣ, „животъ свой положившемъ за други своя“, писали изъ Тюмени въ газету *Новости:* „удручающее впечатлѣніе произвела у насъ смерть досточтимаго пастыря отца Іоанна Тихомірова, священника зарѣченской Георгіевской церкви, у котораго приступы холерныхъ припадковъ обнаружились во время богослуженія. По всему вѣроятію, отецъ Іоаннъ заразился при напутствіи холерныхъ больныхъ, которыхъ онъ, во-

обще, охотно посѣщалъ. „Вы бы поберегли себя, батюшка“,— иногда говорили ему. Беречься? А развѣ, напутствуя умирающихъ, я не берегу душу, отвѣчалъ онъ. Отецъ Іоаннъ Тихоміровъ въ рѣчахъ своихъ всегда совѣтовалъ прихожанамъ, что надо въ началѣ болѣзни, а не въ послѣдній уже часъ, прибѣгать къ религіи, чтобы приготовить духъ къ борьбѣ со смертію. „Человѣкъ съ твердымъ духомъ, говорилъ онъ, всегда выше своихъ несчастій“.

Въ тяжкой борьбѣ съ эпидеміей нашему духовенству приходилось считаться не только съ народнымъ невѣжествомъ или съ опасностью зараженія, но въ одномъ городѣ даже съ противодѣйствіемъ себѣ со стороны городскаго самоуправленія! Вотъ какой невѣроятный фактъ разсказываетъ *Церковный Вѣстникъ* (№ 37): „въ самый разгаръ холерной эпидеміи городской голова г. Майкопа обратился къ мѣстному протоіерею отцу Соколову съ просьбою, чтобъ онъ, какъ благочинный, запретилъ подвѣдомому духовенству напутствовать больныхъ и хоронить умершихъ отъ холеры, мотивируя это свое ходатайство тѣмъ обстоятельствомъ, что этимъ своимъ дѣйствіемъ духовенство будто бы само развиваетъ и распространяетъ холеру въ городѣ. Понятно, что отецъ протоіерей отказался исполнить просьбу. Тогда голова телеграфировалъ въ Ставрополь къ епископу Евгенію, прося его немедленно воспретить майкопскому духовенству совершать вышеназванныя требы. Владыка отвѣтилъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, а онъ, голова, не въ правѣ требовать этого. Голова обидѣлся такимъ отвѣтомъ и прислалъ въ консисторію оффиціальную бумагу съ представленіемъ при ней протокола засѣданія городской думы, на каковомъ засѣданіи у нихъ было постановлено, чтобы воспретить духовенству напутствованіе больныхъ и погребеніе умершихъ“... Мы совершенно отказываемся понять этотъ фактъ, до того онъ страненъ и дикъ. Гораздо понятнѣе та дикая расправа, которую собирается учинить невѣжественная толпа надъ священникомъ за то, что онъ ее усовѣщеваетъ; но запрещеніе духовенству напутствовать умирающихъ... это слишкомъ невѣроятно! [1]

За то какое отрадное чувство возбудитъ въ сердцахъ „добрыхъ

---

[1] Во время печатанія этихъ строкъ, въ *Церковномъ Вѣстникѣ* появилось разъясненіе этого сообщенія городскимъ головой г. Майкопа; по его словамъ, городская управа распорядилась только въ томъ, чтобы въ церквахъ не причащали больныхъ и не отпѣвали умершихъ отъ холеры.

дѣлателей“ признаніе съ высоты Престола заслугъ одного изъ этихъ многихъ дѣлателей! Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу синодальнаго оберъ-прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ двадцать четвертый день минувшаго октября, на сопричисленіе священника гор. Саратова Андрея Шанскаго, за оказанный имъ, во время бывшихъ въ семъ городѣ холерныхъ безпорядковъ, выдающійся подвигъ самоотверженія и мужества, къ ордену святаго Владиміра четвертой степени.

—ь.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Посѣщеніе Вѣны Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. — Тронная рѣчь Германскаго императора. — Новый взрывъ динамита въ Парижѣ. — Русская картинка. — Пятидесятилѣтіе учено-литературной дѣятельности И. Е. Забѣлина.

На обратномъ пути изъ Аѳинъ, возвращаясь въ началѣ ноября съ семейнаго празднества Греческой королевской четы, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, согласно особенному желанію и настоятельному приглашенію Австрійскаго императора Франца-Іосифа, посѣтилъ Вѣну и остановился въ этомъ городѣ на однѣ сутки.

Это посѣщеніе Вѣны Царскимъ Сыномъ, Наслѣдникомъ Русскаго Престола, и необыкновенно радушный пріемъ, оказанный Ему какъ правительствомъ, такъ и населеніемъ австрійской столицы, является несомнѣнно политическимъ событіемъ не послѣдней важности.

Оно весьма ярко и наглядно подтверждаетъ слова графа Кальноки, недавно утверждавшаго предъ делегаціями, что вѣрнѣйшимъ залогомъ европейскаго мира онъ считаетъ превосходныя отношенія, установившіяся между Петербургскимъ и Вѣнскимъ Дворами. Оно свидѣтельствуетъ также о силѣ и глубинѣ симпатій, питаемыхъ народами Австро-Венгріи (въ большинствѣ своемъ славянскими) къ великой Россіи, несмотря на всяческія политическія недоразумѣнія послѣднихъ лѣтъ.

Это посѣщеніе Вѣны Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, вмѣстѣ съ предшествующими ему и сопровождавшими его обстоятельствами, краснорѣчиво говоритъ о всевозрастающемъ на Западѣ обаяніи

имени великой Восточной Монархіи и ея Державнаго Вождя, о несомнѣнныхъ успѣхахъ его мудрой, дальновидной, миролюбивой и благодушной, но сдержанной, твердой и самобытной политики, основанной на спокойной увѣренности въ собственныхъ силахъ, и о все падающемъ престижѣ нѣкогда столь славнаго, хитроумно, но совершенно искусственно созданнаго и поддерживаемаго тройственнаго союза.

Нѣкоторый диссонансъ, внесенный въ радостный, свѣтлый, мирный аккордъ этого политическаго событія извѣстною частью австрійской печати, такъ-называемыми „независимыми", „вольномыслящими", а въ сущности еврейскими органами, всегда злобно настроенными противъ Россіи, мало вредитъ общему впечатлѣнію, несомнѣнно свидѣтельствующему о значительномъ поворотѣ во внѣшней политикѣ Австро-Венгріи, видимо нѣсколько разочарованной во всемогуществѣ тройственнаго союза и замѣтно ищущей болѣе дружественныхъ отношеній съ своею великою восточною сосѣдкой, ладить съ которой было всегда для нея столь выгодно и пріятно.

* * *

Доказательствомъ того же самаго, то-есть все болѣе и болѣе начинающаго сказываться разочарованія во всемогуществѣ знаменитой лиги и вслѣдствіе того отсутствія у ея членовъ единодушія, можетъ служить до извѣстной степени и тронная рѣчь императора Вильгельма II, которою онъ открылъ осеннюю сессію германскаго рейхстага.

Въ этой рѣчи, впадая въ явное противорѣчіе съ самимъ собой, императоръ Вильгельмъ указываетъ съ самаго начала на неблагопріятность экономическихъ условій, на то, что „въ области экономической жизни многія законныя ожиданія не оправдались", что „сбытъ произведеній отечественной промышленности по своему объему и своимъ доходамъ вообще не находился на такой степени, которая соотвѣтствуетъ экономическимъ интересамъ Германіи", что „кромѣ того заразительная болѣзнь, появившаяся въ отдѣльныхъ частяхъ имперіи поставила замѣтныя границы внутреннимъ сношеніямъ и нанесла прискорбныя раны благосостоянію перваго торговаго города имперіи" отмѣчаетъ „дружественныя отношенія ко всѣмъ державамъ" и выражаетъ твердую увѣренность „и впредь пользоваться достойною благодарности и дѣйствительною поддержкой соединенныхъ съ Германіей союзомъ

державъ", а кончаетъ тѣмъ, что обращаетъ вниманіе рейхстага на „настоятельную обязанность обратить вниманіе на развитіе оборонительныхъ силъ государства, прибѣгая къ самымъ кореннымъ средствамъ", то-есть указываетъ на необходимость провести новый военный законопроектъ, долженствующій увеличить германскую армію до небывалыхъ размѣровъ и требующій огромныхъ затратъ... И это „при неблагопріятныхъ-то экономическихъ условіяхъ" и несмотря на „дружественныя отношенія ко всѣмъ державамъ" и твердую увѣренность въ „дѣйствительной поддержкѣ соединенныхъ съ Германіей союзомъ державъ!"

Противорѣчіе это явно свидѣтельствуетъ, что тутъ что-то не такъ, что Германія едва ли ужь такъ твердо увѣрена въ прочности созданнаго и взлелѣяннаго ею союза, и что правительство ея, видимо, во что̀ бы то ни стало, не останавливаясь ни предъ какими жертвами, ищетъ способа сформировать у себя такую армію, чтобы Германія и одна, безъ надежныхъ союзниковъ, могла оказаться до извѣстной степени готовою къ „войнѣ на два фронта", столь упорно и неотступно преслѣдующей воображеніе Нѣмцевъ...

* * *

Но если Германія считаетъ необходимымъ принимать мѣры противъ двухъ державъ, то она,—по справедливому замѣчанію органа князя Бисмарка „Hamburg. Nachrichten",—кстати ужь, должна имѣть въ виду и третью враждебную державу, которая расположилась у ея ногъ, а именно „соціальную демократію".

Но эта третья враждебная Германіи держава, все выше и выше поднимающая свою голову, грозитъ не только ей одной: она подтачиваетъ государственные организмы почти всей Западной Европы; а свободолюбивая, республиканская Франція доходитъ въ этомъ отношеніи положительно до геркулесовыхъ столбовъ. И если Германія имѣетъ дѣло пока еще только съ теоретиками, то во Франціи, болѣе экспансивной и увлекающейся, гдѣ мысль и слово скорѣе переходятъ въ дѣло, эти „соціально-демократическіе элементы", перейдя въ свою дальнѣйшую стадію—„элементы анархическіе", проявляютъ себя уже въ столь рѣшительной, дикой и жестокой формѣ, что вчужѣ волосъ становится дыбомъ.

Мы разумѣемъ новый (уже чуть ли не шестой въ теченіе какихъ-нибудь девяти мѣсяцевъ) взрывъ динамита въ Парижѣ,

происшедшій 8 ноября новаго стиля и вызванный тою же стачкой рабочихъ въ Кармо, о которой мы говорили прошлый разъ, что̀ служитъ явнымъ доказательствомъ несомнѣнной связи съ анархизмомъ ученій соціалистовъ и домогательствъ радикаловъ, какъ бы тѣ и другіе ни открещивались отъ вліянія на развитіе анархизма.

Эти чудовищные взрывы производятъ во Франціи общую панику и вызываютъ громкіе крики негодованія; но развѣ они не естественное явленіе въ странѣ, гдѣ открыто домогаются полнаго отдѣленія государства отъ церкви и тщательно вытравляется изъ души народа то, что̀ зовется „страхомъ Божіимъ“ и что̀ способно удержать самую дикую натуру и самую злую волю отъ дѣяній, подобныхъ тѣмъ, какія практикуются французскими анархистами.

Но и въ самой Франціи находятся уже люди, подобные графу де-Мену, который въ палатѣ депутатовъ, вновь занявшейся подъ впечатлѣніемъ новаго, ужаснаго взрыва обсужденіемъ закона о печати, безпрепятственно растлѣвающей душу народа, доказываетъ въ блестящей, полной благороднаго негодованія, рѣчи, что „взрывы являются прямымъ послѣдствіемъ радикальной политики, введшей во Франціи культъ оффиціальнаго атеизма: послѣдствіемъ того, что Бога изгнали изъ школъ, изъ больницъ, отвсюду; въ народномъ сознаніи образовалась невосполнимая пустота. Но и этимъ дѣло не ограничилось. Правительство систематически преслѣдовало религію и всѣми мѣрами пропагандировало атеизмъ. Церкви закрывались, а въ Пантеонъ ставились и ставятся останки анархистовъ, въ качествѣ знаменитыхъ людей. Чего же можетъ ждать правительство, вытравляющее у народа религіозно-нравственныя чувства? Консерватизмы готовы содѣйствовать всему, что̀ клонится къ общему благу страны, но при одномъ неизбѣжномъ условіи—поддержаніи религіознаго чувства“.

* * *

Но, слава Богу, есть еще народъ, у котораго и живы, и сильны чувства подобнаго рода, въ которомъ много еще „сквозитъ и тайно свѣтитъ“ совсѣмъ иного, чѣмъ у западно-европейскихъ блузниковъ съ опустошенною душой...

Въ доказательство позволимъ себѣ привести здѣсь одну картинку, видимо выхваченную прямо изъ жизни и разсказанную г. Т—овымъ въ *Южномъ Краѣ* (№ 4051).

Г. Т--овъ конвоировалъ арестантскую партію по Курско-Харьковской дорогѣ въ знаменательный день 17 октября 1888 года и разсказываетъ слѣдующее о впечатлѣніяхъ, какія онъ вынесъ въ той средѣ при вѣсти о чудесномъ спасеніи Царской Семьи:

„Объявить ли о случившемся *имъ*“, думалъ я, подходя къ арестантскимъ вагонамъ. И хотѣлось пойти объявить о страшномъ несчастіи и благодати Божіей, и думалось: „ну что̀ имъ?. а можетъ лучше будетъ, если они пока объ этомъ знать не будутъ“...

Такое мое размышленіе вдругъ было прервано старческимъ голосомъ, исходящимъ изъ немного опущеннаго окна арестантскаго вагона: „Ваше благородіе, а что̀ правда, что Богъ спасъ нашего Царя-Батюшку, Царицу-Матушку и все Ихъ Царское Семейство?“

Ошеломленный такимъ неожиданнымъ возгласомъ, я остановился и взглянулъ на окно; въ немъ виднѣлась сѣдая борода и полное ожиданія старческое лицо, а за нимъ виднѣлись другія лица.

„Знаютъ уже и они, такъ надо же скорѣе и имъ сказать радостную вѣсть“ — и съ этимъ я быстро вошелъ въ вагонъ къ *нимъ*.

Едва я ступилъ за дверь и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ былъ мгновенно окруженъ арестантами.

— Что̀ Батюшка Царь? какъ, живъ ли, спасъ ли Его Богъ, помиловалъ ли Царицу-Матушку и Семейство Его Царское... всѣхъ ли Господь помиловалъ?.. такъ и посыпалось ко мнѣ со всѣхъ сторонъ. Стоящій ближе всѣхъ старикъ, спросившій первымъ изъ окна, со слезами на глазахъ также шепталъ: „ну, не томи, родимый, ваше благородіе, скорѣй говори, что живъ ли Царь-Батюшка, не тронуло-ль его, я вѣдь солдатъ“.

Кольцомъ, тѣсно сомкнувшись, стояли всѣ „отверженные“ въ ожиданіи отвѣта.

— Живъ Царь и вся Его Семья невредима. Богъ спасъ Ихъ! крикнулъ я, не помня себя... И вдругъ эти „отверженные“ крестятся, и облегченное ихъ „ну, слава Тебѣ Господи!“ слилось въ одно общее восклицаніе... А старецъ тутъ же опустился на колѣни, на него глядя опустились и другіе, и тихая молитва полилась ко Всевышнему изъ грудей узниковъ за спасеніе Царя и Его семьи... Да, этой молитвы я не забуду никогда...

Видя старика плачущимъ, я подавилъ выступившія у меня изъ глазъ слезы и скорѣе вышелъ изъ вагона. Быть дольше я тамъ

не могъ: два чувства, тяжелое и радостное, давили грудь мою; и не въ силахъ дольше я былъ сдержать себя... Вошелъ я во второй вагонъ, но здѣсь — тихо, тихо... Я услышалъ пѣніе въ противоположномъ углу: „Боже, Царя храни". То былъ гимнъ— пѣніе двухъ конвоировъ и, сидѣвшихъ около, порученныхъ ихъ надзору узниковъ... Всѣ встали, и—тѣ же вопросы. И въ третьемъ вагонѣ тѣ же вопросы, та же молитва и благодареніе Богу за спасеніе Царя...

Да, я видѣлъ тогда и слезы, и радость, слышалъ и молитву, и гимнъ, и все это у *„отверженныхъ"*, *„искалѣченныхъ"*, и за спасеніе Царя и Его дорогой всѣмъ Семьи, и понялъ я тогда впервые эти *„злыя"* души, эти *„черствыя"* сердца"...

Этотъ разсказъ, эта картинка говоритъ сама за себя и не нуждается въ поясненіяхъ...

* * *

Изученіе всего наиболѣе самобытнаго и оригинальнаго не только въ историческихъ судьбахъ, но и въ *домашней*, интимной жизни, въ такъ-называемомъ *бытѣ* этого великаго народа, сумѣвшаго воспитать и сохранить въ себѣ такую мощную, живучую и глубокую полноту и свѣжесть душевныхъ силъ, является, несомнѣнно, дѣломъ чрезвычайно важнымъ, необыкновенно интереснымъ и поучительнымъ,—и люди, всецѣло посвятившіе себя этому дѣлу, отдавшіе ему всѣ свои силы и всю свою жизнь, заслуживаютъ глубокой признательности и уваженія.

Къ людямъ такого именно рода принадлежитъ удивительный знатокъ родной старины и талантливый ея изобразитель, извѣстный авторъ *Домашняго быта Русскихъ царей и цариць* и другихъ столь же цѣнныхъ произведеній, Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ, пятидесятилѣтіе неутомимой и плодотворной учено-литературной дѣятельности котораго достойно чествовалось перваго ноября, въ торжественномъ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Отъ души присоединяемъ и свой скромный голосъ къ достойному чествованію этого одного изъ первыхъ пролагателей бороздъ, на необыкновенно плодотворной, но все еще мало разработанной у насъ нивѣ серьезнаго и добросовѣстнаго самоизученія, долженствующаго послужить великому дѣлу народнаго самосознанія...

ЛѢТОПИСЬ ПЕЧАТИ.

Славянофилы и западники въ современныхъ отголоскахъ.

(Окончаніе.)

I.

Какъ мы видѣли въ предыдущей статьѣ, кн. Трубецкой, считая славянофильство умершимъ, признаетъ однако его отголоски во Вл. С. Соловьевѣ и К. Н. Леонтьевѣ. Нельзя не удивляться, что кн. Трубецкой, по спеціальности своей — самъ философъ, при этомъ даже повидимому не подозрѣваетъ, что прекрасно, безъ сомнѣнія, извѣстный ему П. Е. Астафьевъ — есть ничто иное, какъ прямой продолжатель дѣла И. Кирѣевскаго.

Г. Астафьевъ давно уже заслужилъ признанную репутацію не только ученаго, но также человѣка, который въ философіи не ограничивается обычною у насъ ролью компилятора и комментатора, а дѣлаетъ какую-то творческую работу. Но видно компиляторовъ легче читать и оцѣнивать. Г. Астафьевъ что-то дѣлаетъ, а что именно, этого, какъ видимъ, не спрашиваетъ себя даже собратъ его по наукѣ и даже въ такую минуту, когда говоритъ о славянофилахъ. Между тѣмъ, не говоря уже о прежнихъ работахъ г. Астафьева [1], въ послѣднихъ книжкахъ „Вопросовъ Философіи и Психологіи“ (№№ 13 и 14)—помѣщена его „Воля въ

[1] Изъ которыхъ само бросается въ глаза разсужденіе о «Чувствѣ, какъ нравственномъ началѣ» 1886 г.

знаніи и воля въ вѣрѣ", работа, помимо своихъ научныхъ достоинствъ, вполнѣ освѣщающая общее направленіе автора.

Это воскресеніе И. Кирѣевскаго въ молодомъ еще современномъ философѣ не было бы такъ поучительно, еслибы г. Астафьева можно было назвать *ученикомъ* знаменитаго славянофила. Но ихъ раздѣляетъ 30-лѣтній промежутокъ времени. Сверхъ того, — въ прямомъ смыслѣ ученикомъ И. Кирѣевскаго даже нельзя быть. И. Кирѣевскій былъ умъ большой силы и самостоятельности. Но, не найдя себѣ удовлетворенія въ современной ему европейской философіи, онъ очутился въ положеніи Колумба посреди безбрежнаго океана, гдѣ, куда ни посмотри, ничего не видно. Десять лѣтъ И. Кирѣевскій провелъ въ безмолвномъ размышленіи, въ тиши Оптиной пустыни, куда его привелъ скорѣе русскій инстинктъ, нежели сознательное ожиданіе *философскаго* наученія. Неожиданно для самого себя, ища только религіознаго наученія, онъ нашелъ въ отцахъ церкви основы философскаго міросозерцанія. Создалъ ли что-либо И. Кирѣевскій *для себя* на этихъ основахъ? Объ этомъ можно гадать, какъ угодно. Извѣстно только, что, послѣ своего продолжительнаго молчанія, онъ успѣлъ написать всего двѣ статьи,[1] которыя составляютъ не болѣе какъ заявленіе и призывъ. Это заявленіе своего личнаго убѣжденія въ возможности и необходимости *новой философіи*. Это призывъ къ работѣ на новыхъ началахъ, но и только. Собственно въ положительномъ смыслѣ И. Кирѣевскій успѣлъ высказать лишь немного ничѣмъ не доказанныхъ положеній. Его „западническій" критикъ такъ и подвелъ итоги жизни И. Кирѣевскаго: что обѣщалъ, дескать, возвѣстить міру „новое слово", почерпнутое въ изученіи „византійскихъ аскетовъ", да умеръ, и новое слово осталось міру неизвѣстнымъ.

Дѣйствительно, онъ умеръ отъ неожиданной холеры, больше ничего не успѣвъ сдѣлать, не оставилъ ничего такого, по чему можно *учиться*. Его намеки, предчувствія, мечтанія способны натолкнуть на работу только того, кто *самъ по себѣ* затронутъ тѣмъ же духомъ, какой выдвинулъ Кирѣевскаго. Нужно, чтобы этотъ духъ развивался въ странѣ въ большей степени, нежели прежде, наполнялъ ея умственную атмосферу; нужно, чтобы подходить къ дѣлу Кирѣевскаго стало возможно безъ такой продолжитель-

---

[1] *О характерѣ просвѣщенія Европы* (1852 г.) и «*О необходимости и возможности новыхъ началъ въ Философіи*» (1856 г.).

ной, истощающей ломки, какъ въ тѣ времена: безъ этихъ условій немыслимо появленіе гг. Астафьевыхъ, и ихъ работъ, которыя уже не вертятся въ сферѣ общихъ догадокъ, а создаютъ нѣчто положительно научное, разрабатываютъ самыя детали міросозерцанія. Я не говорю, чтобы положеніе людей, какъ г. Астафьевъ, стало нынче легко. Ихъ сравнительное одиночество ясно доказывается уже такими фактами, что напримѣръ кн. Трубецкой даже не отдаетъ себѣ отчета въ смыслѣ работъ г. Астафьева. Но эти работы *возможны*: это уже очень много, очень большое различіе со временами Кирѣевскаго.

II.

И. Кирѣевскій ничего не создалъ въ философіи, но очень обстоятельно выяснилъ причины, по которымъ разочаровался въ философіи ему современной. Онъ называетъ ее отвлеченною, безжизненною, не способною создавать живыя убѣжденія, но за то способною являться въ видѣ „предразсудка". Онъ отрицалъ въ ней способность дальнѣйшаго развитія, и очень ясно указалъ *причину* всѣхъ этихъ слабыхъ сторонъ ея. Причина, по его опредѣленію, состоитъ въ томъ, что это философія чисто *разсудочная*. И. Кирѣевскій возводитъ корень зла къ неполному воспріятію христіанства въ западной Европѣ. Тамъ, говоритъ онъ, личность не была переработана сообразно идеалу христіанства. Духовныя способности человѣка не старались соединить въ одно гармоническое цѣлое, различныя способности души предоставили разрозненному развитію и дѣйствію. Отсюда—философія попала въ распоряженіе одного разсудка, отъ чего всѣ ея недостатки. Мысль Кирѣевскаго не такъ ясна, какъ она была бы у него теперь. Но изъ противоположенія западной философіи—философіи „восточной", способа мышленія западныхъ философовъ и отцовъ церкви,—совершенно видно, какъ бы выразилъ свою мысль Кирѣевскій, еслибы говорилъ теперь. „Западному", разорванному, не собранному, способу познаванія истины — онъ противуполагаетъ *цѣлостность*, собранность духовныхъ способностей, при помощи которой отыскивали истину отцы церкви. Они, говоритъ онъ, заботились не только о логикѣ, но старались, разсуждая, не отрываться и отъ другихъ способностей своихъ, старались, чтобы разсужденіе контролировалось ихъ цѣлою лич-

ностью, духомъ. При такомъ условіи разсужденіе выходитъ *живымъ*, въ немъ сказывается и находитъ выраженіе *весь* человѣкъ, а не одинъ разсудокъ его. Мысль Кирѣевскаго тѣмъ менѣе подлежитъ сомнѣнію, что онъ восхищался *психологическою* тонкостью анализа отцовъ церкви, и упрекалъ „западъ" въ невниманіи къ этой сторонѣ ихъ. Переворотъ, который И. Кирѣевскій считалъ необходимымъ въ философіи, сводится къ тому, чтобы поставить ее на почву всей совокупности *познавательныхъ способностей* человѣка, чтобы въ философіи работалъ весь, цѣлый человѣкъ, а не одинъ разсудокъ его. Съ такимъ основаніемъ философія, по Кирѣевскому, пріобрѣла бы живое значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ неистощимые источники новаго развитія. Напомнимъ также, что указывая на отцовъ церкви, Кирѣевскій очень сильно и настойчиво оговаривается, что рекомендуетъ не простое *возобновленіе*, новое изданіе, ихъ философическихъ взглядовъ, а лишь работу по тому же *типу*, по тому же *способу*. Простое *возобновленіе* святоотеческой философіи „не обрадовало бы" Кирѣевскаго, по его словамъ, ибо именно бы обличало отсутствіе въ ученикахъ живого духа учителей. Философія—посредствующее звено между знаніемъ и вѣрой, не можетъ не сообразоваться съ даннымъ состояніемъ *науки*. И потому-то Кирѣевскій вполнѣ сознавалъ, что призывалъ современниковъ къ задачѣ очень трудной, не къ простому компилированію, а къ живому созданію.

III.

Странно сказать, но именно вчитываясь въ работы г. Астафьева, приходишь къ убѣжденію, что дѣло И. Кирѣевскаго, мало понятное для его современниковъ, двинуто впередъ, между прочимъ, матеріалистами-„естественниками". Это показываетъ, какъ реальны требованія Кирѣевскаго, какъ много онъ имѣлъ права обвинять философію въ отвлеченности, а себя считать стоящимъ на почвѣ дѣйствительныхъ фактовъ. Дѣйствительно, въ сущности, первое требованіе Кирѣевскаго (если оставить въ сторонѣ *источники*, приведшіе его къ этому), сводится къ тому, чтобы философія была поставлена въ тѣснѣйшую связь съ точною *психологіей*.

Къ этому требованію, хотя съ другаго конца, непремѣнно должно было привести и стремленіе „естественниковъ" уяснить

себѣ человѣка при помощи опытной психологіи. Пусть основныя убѣжденія, общія точки зрѣнія дѣятелей этого направленія, діаметрально расходились съ точками зрѣнія И. Кирѣевскаго, такъ же, какъ предполагаемые обѣими сторонами результаты начатаго дѣла. Но обѣ стороны сходились на текущей работѣ, въ которой одинаково хотѣли уяснить себѣ *цѣлаго* человѣка, каковъ онъ есть, а не разорваннаго на клочки. Послѣдствія получаются для многихъ неожиданныя. Г. Астафьевъ, какъ человѣкъ своего времени, долженъ былъ почувствовать необходимость считаться въ философіи съ психологіей, нѣсколько уже приближенной къ состоянію точной науки. Его религіозныя убѣжденія,—какъ это усиленно доказывалъ И. Кирѣевскій—не могли ни на волосъ этому препятствовать, именно по своей *православности*.

Но чѣмъ тѣснѣе связывается философія съ психологіей, тѣмъ сильнѣе сказывается неизбѣжность осуществленія программы И. Кирѣевскаго, упраздняющей господство философіи „раціоналистической".

„Современная научная психологія, говоря словами г. Астафьева, исходитъ изъ того несомнѣннаго факта, [1] что никогда и нигдѣ душевная жизнь не представляетъ намъ ни чистаго представленія, безъ примѣси волевыхъ и эмоціональныхъ элементовъ, ни чистой воли и т. д. Но—что всякое душевное событіе и состояніе представляетъ *совмѣстное взаимодѣйствіе* всѣхъ трехъ душевныхъ формъ жизни, только съ преобладаніемъ одной изъ нихъ". [2]

Этотъ психологическій фактъ, расширяя область познавательныхъ способностей, естественно ведетъ къ осуществленію втораго требованія Кирѣевскаго отъ философіи,—какъ выраженія *совокупности* душевныхъ силъ, а не одного разсудка. Это не значитъ, чтобы психологія не искала возможно точнаго анализа душевнаго цѣлаго нашего, и не старалась возможно точно опредѣлить сферу компетенціи каждой способности. Но чѣмъ точнѣе будетъ анализъ, тѣмъ плодотворнѣе окажется *синтезъ*—на немъ основанный, и имѣющій послужить основой философіи. Эти мысли окружаютъ и сопровождаютъ всѣ работы г. Астафьева, заставляя его сойти съ торныхъ избитыхъ путей для изслѣдованія тѣхъ сторонъ душевной дѣятельности, которыя наименѣе изучены, наименѣе анализированы. Онъ постоянно жалуется, что „изъ

[1] Позволяю себѣ нѣсколько сократить періоды г. Астафьева.

[2] Чувство, какъ основа морали.

трехъ нераздѣльно-связанныхъ формъ душевной жизни (интеллектъ, воля, чувство) интересъ психологовъ и философовъ до послѣдняго времени если не исключительно, то въ крайне преобладающей степени сосредоточивается на одной теоретико-познавательной сторонѣ духовной дѣятельности" тогда какъ для психологіи однимъ изъ *основныхъ ученій* является ученіе такъ-называемаго *психическаго спектра*, то-есть ученіе о необходимой связи всѣхъ трехъ психическихъ формъ въ каждомъ душевномъ состояніи. Это какъ бы разныя *проявленія* одного и того же существа. Только на этой почвѣ становится плодотворенъ анализъ каждаго отдѣльнаго состоянія души Но тутъ человѣку, чующему потребность „новой философіи" Кирѣевскаго, приходится браться за черную работу психологіи чуть не съ азовъ — въ областяхъ, остававшихся до сихъ поръ въ загонѣ. И мы видимъ въ г. Астафьевѣ настойчиваго изслѣдователя значенія *воли* и *чувства*. Дѣло спеціалистовъ оцѣнить его изысканія. Но они во всякомъ случаѣ иногда поражаютъ своею новизной и оригинальностью. При этомъ, идя своими необычными путями, г. Астафьевъ видимо проникнутъ завѣтнымъ желаніемъ Кирѣевскаго — найти *живую* философію, способную задѣвать самое сердце, создавать „живыя убѣжденія", а не холодныя разсужденія. Вооружаясь противъ односторонности психологовъ и философовъ, г. Астафьевъ напоминаетъ, что „интеллектуально-познавательная" способность души—ихъ по преимуществу интересующая, есть именно такое состояніе, въ которомъ „духовное начало является *не творчески-дѣятельнымъ*, а только усвояющимъ, такъ-сказать, *пассивнымъ*".

„Особенно замѣтна эта тенденція въ философіи новой и новѣйшей, философіи критической, которая въ основу всего философскаго построенія полагаетъ вопросъ *не о бытіи, а о знаніи*". Но жизнь есть бытіе, а не отвлеченное знаніе, живой интересъ—есть интересъ цѣлаго бытія. Это замѣчаніе выражаетъ мысль Кирѣевскаго сильнѣе и точнѣе, чѣмъ когда-нибудь умѣлъ выразить ее самъ Кирѣевскій. Жизнь—бытіе, а не разсужденіе. Орудіемъ познанія является цѣлостное бытіе, и если различныя стороны „бытія" не однородно участвуютъ въ процессѣ познанія, то во всякомъ случаѣ участіе въ немъ не одного пассивнаго интеллекта, а дѣятельнаго волеваго начала, съ каждымъ днемъ становится болѣе очевиднымъ.

IV.

Постановка философіи на почву психологіи, и признаніе въ психологіи единаго основнаго начала,—сразу расширяетъ передъ г. Астафьевымъ сферу *познанія* до тѣхъ предѣловъ, о которыхъ мечталъ Кирѣевскій, доводитъ философію до самыхъ границъ богословія и притомъ не съ отрицаніемъ, а въ гармоническомъ согласіи.

Анализъ г. Астафьева приводитъ къ признанію *воли*, *основнымъ* явленіемъ. Это приводитъ его къ полному отрицанію теорій, основанныхъ на одностороннемъ наблюденіи пассивнаго разсудка. Духовный міръ для него является началомъ активнымъ самостоятельнымъ. Онъ создается не внѣшними впечатлѣніями, а получаетъ ихъ потому, что къ нимъ *стремится*. Полемика г. Астафьева противъ тѣхъ, кто считаетъ духовный міръ нашъ—созданнымъ впечатлѣніями внѣшняго міра, полна глубокаго интереса. Этимъ путемъ онъ естественно приходитъ и къ отрицанію *утилитаризма*, какъ теоріи нравственности. Ставя *чувство* основой морали, г. Астафьевъ долженъ анализировать его болѣе подробно, и при этомъ получаетъ выводъ, что собственно основой морали является *чувство*, осложненное элементомъ воли, или — точнѣе выражая его мысль — наоборотъ, воля, желаніе, стремленіе, проявляющіяся съ характеромъ чувства, другими словами это *любовь*. Анализъ этого чувства особенно интересенъ въ виду недавнихъ толковъ объ альтруизмѣ, который г. Астафьевъ не только отрицаетъ, какъ основу морали, но даже вообще считаетъ чувствомъ выдуманнымъ, не существующимъ. Любовь къ человѣчеству г. Астафьевъ допускаетъ лишь какъ „невозможность, становящуюся возможною черезъ христіанство.“ Другими словами—это чувство, не имѣющее самостоятельнаго значенія.

Такъ расширенное основаніе философскаго сужденія приводитъ г. Астафьевъ къ самымъ живымъ темамъ. Сужденія съ одной стороны, устанавливаются на экспериментальной психологіи, но опираясь на всякихъ „мускульныхъ ощущеніяхъ“ и „психическихъ спектрахъ“, эта философія въ верхнихъ областяхъ — легко входитъ въ рамки строго религіознаго, сходится съ необсуждаемымъ *догматомъ*. Это очень своеобразная черта автора, напоминающая еще разъ И. Кирѣевскаго, проповѣды-

вавшаго: „Свободное развитіе естественныхъ законовъ разума не можетъ быть вредно для вѣры *православно-мыслящаго*“ (то-есть не допускающаго въ себѣ „раздробленности“ духовной). „Вѣра для него не слѣпое понятіе, которое потому только въ состояніи *вѣры*, что не развито естественнымъ разумомъ и которое разумъ долженъ возвысить на степень *знанія*.“ Наоборотъ, вѣра есть (по общему смыслу словъ Кирѣевскаго) тоже своего рода знаніе, и высшее, но какое-то особенное. Какое именно? Этого онъ не опредѣляетъ иначе, какъ въ терминахъ богословія. Послѣдній трудъ г. Астафьева („Воля въ знаніи и воля въ вѣрѣ“) представляетъ смѣлую и остроумную попытку внести точное пониманіе въ различіе между вѣрой и знаніемъ. Онъ полагаетъ его найти именно въ различномъ состояніи *воли* нашей, проявляющейся въ области знанія и области вѣры. Собственно и вѣра и то, что̀ называется знаніемъ, — суть одинаково акты *познанія*. Но мы можемъ познавать субстанціально и феноменально. Знаніе субстанціальное черпается исключительно изъ внутренняго міра, непосредственно. Никакихъ внѣшнихъ условій для этого непосредственнаго знанія не требуется. Простымъ, неученымъ людямъ это внутреннее знаніе, *мудрость*, столь же доступна, какъ людямъ съ высшимъ научнымъ образованіемъ. Анализируя это состояніе. г. Астафьевъ усматриваетъ въ немъ *дѣятельное* состояніе нашей воли въ отношеніи предмета знанія. Напротивъ, въ знаніи внѣшнемъ, феноменальномъ, мы познаемъ не самый предметъ, но отношенія между предметами. Дѣятельное отношеніе нашей воли къ предмету познанія — здѣсь является подавленнымъ, преднамѣренно или не преднамѣренно.

Въ вѣрѣ—нужно „охотное согласіе“, говоритъ г. Астафьевъ, пользуясь терминомъ отца церкви. Тутъ духъ познаетъ себя не изъ внѣшнихъ отношеній, а такимъ каковъ онъ есть въ дѣйствительности. Потому-то это познаніе *свободное*. Гдѣ духъ, тамъ свобода. Тутъ „охотное согласіе“ признавать то, что̀ познается непосредственно, несомнѣнно и очевидно. Въ области же *отношеній* между предметами—мы знанія непосредственнаго не можемъ имѣть, и попадаемъ въ область *вынужденнаго согласія*, въ область логики. Оба вида познанія, будучи существенно различны, не противурѣчатъ однако одно другому, но лишь взаимно дополняютъ въ цѣломъ развитомъ духѣ.

Моя задача не позволяетъ слишкомъ уклоняться къ частно-

стямъ. Но нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что г. Астафьевъ, своею постановкой различія между знаніемъ и вѣрой, приходитъ къ еще одному важнѣйшему пункту (опять въ согласіи съ богословскою истиной). Въ то время какъ наше научное познаваніе отношеній, безвольное, гдѣ мы отрѣшаемся отъ своей личности, — не влечетъ за собою никакихъ нравственныхъ послѣдствій, и не требуетъ никакого нравственнаго настроенія, въ познаваніи вѣры — мы напротивъ нравственно отвѣтственны. Здѣсь успѣхъ нашего познанія вполнѣ зависитъ отъ того, что̀ такое наша личность, въ чемъ — ея желанія, ея хотѣніе. Потому-то мы, въ своихъ религіозныхъ заблужденіяхъ, — всегда болѣе или менѣе *сами* виноваты. Фактъ той или иной вѣры— характеризуетъ нравственную личность, ея настроеніе, ея желаніе. Легко понять, къ какимъ новымъ выводамъ это направленіе мысли г. Астафьева можетъ приводить въ изслѣдованіе историческихъ явленій, въ исторіи общественныхъ движеній и проч. Между прочимъ — любопытна также полемика г. Астафьева противъ попытокъ *научныхъ религій*, которыя всѣ основаны именно на предположеніи не качественнаго, а количественнаго различія между вѣрой и знаніемъ, предположеніе, которое, какъ мы видѣли опровергаетъ и И. Кирѣевскій.

IV.

Ограничиваясь даже этимъ бѣглымъ очеркомъ, я имѣю право повторить свой упрекъ. Еслибы наши современные критики славянофильства обладали нѣкоторою проницательностью, они не опустили бы изъ своего вниманія работъ г. Астафьева. Но люди ихъ направленія никогда не были достаточно проницательны для такого своеобразнаго теченія, какое *по существу* составляло славянофильство. Очень глубокіе перевороты, ставящіе требованіе радикальнаго измѣненія міросозерцанія, всегда испытываютъ эту участь. Ихъ сначала просто не замѣчаютъ. Легко понять различіе небольшое, коренное различіе схватывается труднѣе. Это тѣмъ болѣе, что сами носители переворота обыкновенно не сознаютъ *всей* силы своей идеи, не считаютъ ее столь коренною какъ она есть, наконецъ, не могутъ освободиться отъ подавляющихъ вліяній общества, изъ котораго вышли. Нужно время и борьба, чтобы новая идея сама себя сознала въ дѣйствительной

чистотѣ, въ разныхъ проявленіяхъ. Такъ было и со славянофильствомъ. Въ немъ особенно замѣчали наименѣе существенное, внѣшнее, неудачное. Къ нему даже не относились серьезно его противники. Славянофилы казались скорѣе какими-то чудаками. И понынѣ—самое существенное въ нихъ остается наименѣе понимаемымъ, отъ чего и возможны эти странные разговоры о будто бы *смерти* всего направленія.

Въ дѣйствительности, развитіе основной идеи славянофильства,—все время идетъ поступательно. Нельзя, конечно, утверждать, чтобъ она непремѣнно въ концѣ-концовъ побѣдила въ Россіи идею „западническую". Но вообще движеніе, поднятое славянофилами, растетъ и развивается въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ. „Національное" у насъ уже завоевало себѣ общее признаніе, но пища этого „національнаго" мы, даже не желая и не сознавая того, невольно черпаемъ „православное", переполняющее все содержаніе народнаго и историческаго духа Россіи. Постепенно преобразуя такимъ образомъ свое „общее міросозерцаніе", мы „въ умахъ своихъ" начинаемъ сознавать себя не тѣмъ, чѣмъ сознавали 50 лѣтъ назадъ. А то, что находится въ умахъ,—непремѣнно проявится и въ творчествѣ бытовомъ, соціальномъ и политическомъ. Въ настоящее время — немногимъ тутъ можно похвалиться. Но этому нельзя и удивляться. Идея православно-русская, пробивая себѣ дорогу въ умы „образованнаго" общества, мертвитъ его прежнія понятія, но ихъ еще не успѣла замѣнить, она ихъ только вынуждаетъ на уступки, на безцвѣтность, но не положила еще на нихъ своего цвѣта, своей жизненности. Это состояніе *переходное*. Движеніе въ направленіи дальнѣйшей европеизаціи становится труднымъ, притяженіе русскаго элемента затормазило полетъ „образованной" мысли въ одномъ направленіи, но еще не развило энергическаго движенія въ другую сторону. Этого періода нерѣшительности, не активности никакъ не минуешь. Постепенно наростающая сила „своихъ" вліяній въ концѣ-концовъ создастъ движеніе столь же активное, какъ прежде, но болѣе сильное, въ цѣляхъ болѣе широкихъ, истинныхъ, благодѣтельныхъ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, *можетъ быть*, если не измѣнится направленіе того „охотнаго согласія", того нравственнаго напряженія, которое, сколь ни слабо оно еще сверху, повидимому крѣпко живетъ въ сердцѣ Русскаго народа.

Л. Тихомировъ.

ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

Въ № 300 *Моск. Вѣд.*, въ фельетонѣ помѣщена вторая статья г. Ю. Николаева „Новый критикъ Славянофильства“ по поводу статьи князя Трубецкаго о К. Н. Леонтьевѣ („Разочарованный Славянофилъ“ *Вѣстн. Европы*, октябрь).

Г. Ю. Николаевъ доказываетъ, что князь Трубецкой считаетъ К. Н. Леонтьева „разочарованнымъ славянофиломъ“ только по непониманію своему какъ славянофиловъ, такъ и К. Н. Леонтьева.

Славянофилы, говоритъ г. Ю. Николаевъ,—лишь осмыслили тотъ процессъ, который совершался во всѣхъ нашихъ выдающихся людяхъ, указавъ на *православіе*, какъ на *культурное начало*, отъ котораго можетъ и должна развиться наша особая, самобытная культура. Но они въ свое время не успѣли еще понять, что съ той точки зрѣнія должно было отвергнуть: 1) европейское понятіе *гуманности*, которое въ Европѣ подмѣнило наше понятіе о христіанской любви, 2) понятіе *прогресса*, которое подмѣнило понятіе о *раскрытіи* божественной истины въ исторіи, 3) универсалистическую тенденцію, которая вела ко всеобщему механическому уравненію или, наоборотъ, къ католической теократіи.

Первые славянофилы, принимая православіе, не умѣли, однако, еще отдѣлаться отъ этихъ европейскихъ понятій. Отъ этихъ противорѣчій очистили славянофильство Н. Я. Данилевскій и К. Н. Леонтьевъ. К. Н. Леонтьевъ отчетливо указалъ, что православная идея заключается въ идеѣ *Церкви*. Въ чемъ же онъ *разочаровался?* Въ европейской идеѣ эгалитарнаго прогресса и тому подобныхъ антиславянофильскихъ идеяхъ. Но онъ ничуть не разочаровался ни въ православіи, ни въ Церкви,

то-есть ни въ чемъ, дѣйствительно основномъ и „оригинальномъ“ въ славянофильствѣ“.

Точно также ошибочно мнѣніе князя Трубецкаго о будто бы „противорѣчіяхъ“ Леонтьева въ отношеніи „націонализма“, который К. Н. Леонтьевъ то совсѣмъ отвергаетъ, то выставляетъ основой развитія. Дѣло въ томъ, говоритъ г. Ю. Николаевъ, что князь Трубецкой не понимаетъ очень простаго различія: Леонтьевъ отстаивалъ національность какъ *культурный принципъ*, какъ реальный матеріалъ для воплощенія идеи (что̀ совершенно разумно) и былъ противъ *политическаго принципа національности*, справедливо видя въ немъ лишь орудіе демократическаго прогресса. Идея національности культурной *не противна* идеѣ Церкви (православной), но политическій принципъ національности противенъ этой идеѣ, почему его и отрицалъ К. Н. Леонтьевъ.

Желающихъ ознакомиться съ подробною мотивировкой этихъ вѣскихъ возраженій, отсылаю къ № 300 *Моск. Вѣд.* По всей вѣроятности, однако, полемика не кончится этимъ обмѣномъ мыслей. И нельзя не пожелать, чтобъ оба міросозерцанія какъ можно подробнѣе сошлись на „очной ставкѣ“, къ которой ихъ такъ быстро привелъ К. Н. Леонтьевъ. Уклоняться отъ этого послѣ всего уже высказаннаго, было бы для нашихъ европействующихъ „универсалитовъ“ равносильно въ сознаніи безсилія противопоставить „мертвому реакціонеру“ дѣльныя возраженія.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Г-жа Блаватская, основательница Теософическаго Общества, имѣла безъ сравненія больше вліянія и извѣстности за границей, нежели у насъ. Тѣмъ не менѣе, при имѣющихся у насъ элементахъ сектантскаго мистицизма, она, хотя по смерти, могла бы перенести свое вліяніе и къ намъ. Поэтому нельзя безъ живаго любопытства читать статей Всев. С. Соловьева „Современная жрица Изида“, въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Г. Соловьевъ объявляетъ Блаватскую явною и несомнѣнною обманщицей. Въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ *Русскаго Вѣстника* онъ разсказываетъ, какъ уличилъ ее въ поддѣльныхъ „феноменахъ“ и, наконецъ, добился даже собственнаго ея признанія въ систематическомъ дурачеьи всей Европы. Г. Соловьевъ нарочно выражалъ ей недовѣріе, чтобы побудить ее попытаться завоевать

его „феноменами“. Это доводило ее до отчаянія. „Я уже давно чувствовалъ, что вотъ-вотъ произойдетъ какой-нибудь феноменъ“. И дѣйствительно. Однажды, прійдя къ г-жѣ Блаватской, г. Соловьевъ замѣтилъ ея мальчика, Баваджи, вывезеннаго изъ Индіи, въ какомъ-то странномъ состояніи. Предъ нимъ лежала бумага, чего обыкновенно не было. Г. Соловьевъ рѣшился наблюдать. Разговоръ шелъ о разныхъ предметахъ. Г-жа Блаватская упрекала собесѣдника въ „невѣріи“, какъ вдругъ Баваджи началъ что-то писать, какъ-то подергиваясь всѣмъ тѣломъ.

— Посмотрите, что̀ такое съ нимъ дѣлается! крикнула Блаватская.

Г. Соловьевъ посмотрѣлъ. Чудо! Маленькій Индусъ, не знавшій ни слова по-русски, вырисовывалъ на бумагѣ русскія буквы. Но фокусъ не удался. Баваджи долженъ былъ написать на неизвѣстномъ ему русскомъ языкѣ:

„Блаженны вѣрующіе, какъ сказалъ великій Адептъ“. Онъ хорошо выучилъ свой урокъ, запомнилъ правильно форму всѣхъ буквъ, но пропустилъ въ словѣ „вѣрующіе“ „ѣ“ и „ю“.

„Блаженны врущіе“, громко прочелъ я, разсказываетъ г. Соловьевъ, не удерживаясь отъ разбиравшаго меня хохота. Лучше этого ничего быть не можетъ. О, Баваджи! Надо было лучше подготовиться къ экзамену!

Крохотный Индусъ закрылъ лицо руками, бросился изъ комнаты, и я разслышалъ его истерическія рыданія.

Блаватская сидѣла съ искаженнымъ лицомъ“.

Такихъ неудачъ было нѣсколько. Разъ г-жа Блаватская подложила въ карманъ г. Соловьева флаконъ, но онъ замѣтилъ, какъ она его доставала и клала. Притомъ вышла ошибочка. Требовалось, чтобы явилась розовая эссенція, а г-жа Блаватская подложила померанцевое масло.

„Это не розовая эссенція, Елена Петровна, а померанцевое масло. Вашъ „хозяинъ“ (таинственное существо, будто бы дѣлавшее чудеса Блаватской)—ошибся...

— Ахъ, чортъ возьми, не удержавшись воскликнула она.

Другой разъ г. Соловьевъ нашелъ у нея въ шкатулкѣ кучу китайскихъ конвертиковъ, въ которыхъ обыкновенно „чудеснымъ образомъ“, „астральнымъ путемъ“ у Блаватской получались таинственныя письма „махатмы“ Моріи и Кутъ-Хуми. Эта находка рѣшила дѣло. „Вы, Елена Петровна, стали ужасно разсѣянны и неосторожны“, сказалъ г. Соловьевъ. „Пора кончить

эту комедію... Я все ждалъ, что сами, наконецъ, прекратите смѣшную игру и станете серьезны".

Г. Соловьевъ, судя по его разсказу, обнаружилъ большую ловкость „слѣдователя". Желая выпытать правду, онъ притворился, будто бы, видя обманы Блаватской, не прочь быть ея другомъ... и какъ знать? Можетъ-быть сообщникомъ... Тактика удалась, и Блаватская открыла свои карты, тѣмъ болѣе, что ея дѣла были плохи. Лондонское психологическое общество только-что разоблачило ея обманы. Ей нужно было coute qui coute добывать вѣрныхъ союзниковъ. „Прійдете ко мнѣ на помощь, кричала она, и мы съ вами удивимъ весь міръ, все будетъ у насъ въ рукахъ". „Что-жь дѣлать, продолжала она, когда для того, чтобы владѣть людьми, нужно ихъ обманывать, чтобы ихъ увлечь и заставить гнаться за чѣмъ-нибудь, нужно имъ обѣщать и показывать игрушечки. Вѣдь будь мои книги и „теософія" въ тысячу разъ интереснѣе и серьезнѣе, развѣ я бы имѣла гдѣ бы то ни было успѣхъ, еслибы за всѣмъ этимъ не стояли „феномены"... Раздавили бы меня и даже никто бы не сталъ задумываться, что вѣдь я тоже живое существо, тоже *вѣдь ѣсть, пить хочу*... Знаете ли, продолжала она въ экстазѣ, что почти всегда чѣмъ проще и глупѣе „феноменъ", тѣмъ онъ вѣрнѣе... Громадное большинство людей, считающихъ себя и считающихся умными, глупы непроходимо". Г-жа Блаватская разсказывала даже, кто ей помогалъ въ „феноменахъ"...

— Покажите мнѣ, пожалуста, волшебный колокольчикъ.

Она и его предъявила. „Въ воздухѣ раздались такъ изумля в шіе всѣхъ звуки эоловой арфы".

„Да-съ, волшебный колокольчикъ, въ самозабвеніи хвастала она, остроумная вещица! Это мой оккультный телеграфъ. Посредствомъ его я сообщаюсь съ „хозяиномъ..."

На прямое предложеніе сообщничества, г. Соловьевъ, однако, „схватилъ шляпу и, ни слова не говоря, почти выбѣжалъ".

На другой день г-жа Блаватская пыталась загладить сдѣланную ошибку откровенности и пыталась увѣрить г. Соловьева, будто бы какой-то „дьяволъ", „черный колдунъ", „врагъ хозяина" и самой г-жи Блаватской все подстроилъ вчера. „Онъ привелъ меня въ безчувствіе и овладѣлъ моимъ тѣломъ... онъ, значитъ, говорилъ моимъ языкомъ, а я ничего не знаю." Само собою, это безпримѣрное нахальство уже не произвело дѣйствія.

Г. Соловьевъ разсказываетъ подробно, какъ затѣмъ г-жа Бла-

ватская старалась запутать его разнымъ образомъ, чтобы „держать въ рукахъ“ и даже запугать чтобы не допустить его до разоблаченій. Онъ приводитъ ея письма, въ числѣ которыхъ особенно характеристично одно, озаглавленное „Моя исповѣдь“. Вообще, говоритъ г. Соловьевъ, въ этой исповѣди „цѣликомъ отразилась та глубоко интересная и ужасная женщина, которую изслѣдователи Лондонскаго Психологическаго Общества объявили „одной изъ наиболѣе совершенныхъ, остроумныхъ и интересныхъ обманщицъ нашей эпохи.“ Эта оцѣнка, говоритъ г. Соловьевъ, слишкомъ слаба. „Е. П. Блаватская—единственна, она превзошла знаменитаго шарлатана прошлаго вѣка, Бальзамо Каліостро... А между тѣмъ, послѣ смерти Елены Петровны и сожженія ея многострадальнаго, грѣшнаго тѣла, остается 60.000 членовъ теософическаго общества, остается цѣлое религіозное движеніе, съ которомъ, быть-можетъ, и очень придется считаться.“

КНИЖКИ НЕДѢЛИ.

Въ октябрьской *Книжкѣ Недѣли* обращаетъ на себя вниманіе статья г. Меншикова „О чтеніи“. Этотъ очевидно еще совсѣмъ молодой авторъ уже успѣлъ пріобрѣсти своего рода популярность въ низшихъ слояхъ „интеллигенціи“. Дѣйствительно, у него есть „перо“, есть слогъ, и сверхъ того есть мысль. Но къ сожалѣнію—вѣроятно, ничего не выработается изъ него. Мысли приходятъ въ голову г. Меншикова, но онъ черезчуръ много и скоро пишетъ, вмѣсто того, чтобы думать и учиться. Въ довершеніе, онъ, въ своемъ кругѣ, черезчуръ скоро произведенъ въ таланты, и уже очевидно преисполненъ увѣренности, что у него все сойдетъ съ рукъ. Подыскать два-три аргумента, пустить слогъ побойчѣе, и „геніальность“ готова. Г. Меншиковъ проектируетъ ни болѣе, ни менѣе какъ пересоздать всю систему образованія выработанную человѣчествомъ, еще не знавшимъ г. Меншикова Въ чемъ же дѣло? Самое начальное образованіе должна давать не школа, а *семья:* грамотность, ариѳметика, немножко географіи, исторіи—это дѣло семьи. Въ школѣ же ученикъ приступаетъ къ *чтенію классиковъ*, сначала своихъ, русскихъ, а тамъ и прочихъ. Грамматика изъ средней школы совсѣмъ изгоняется и переносится въ высшую. Въ средней школѣ языкъ, изучаемый по классикамъ, долженъ быть не наукой, а *искусствомъ*. Безпрерывное чтеніе, заучиваніе образцовъ наизусть, сочиненія самихъ воспи-

танниковъ, ораторскія упражненія—вотъ занятія учениковъ. Это чтеніе классиковъ дало бы также знаніе души человѣческой. Та же литература ввела бы ученика въ разгаръ современной исторіи. Итакъ—основа школы—*чтеніе;* школа—пропаганда литературы, литературы, а не *науки.* Наука сохраняется только для высшей школы.

Такова сущность этой статьи, которою по выраженію *Астраханскаго Листка* „украшена“ *Книжка Недѣли.* Вѣроятно въ средѣ „интеллигентной черни“ статья способна производить впечатлѣніе. Но сами по себѣ мысли г. Меншикова совсѣмъ дѣтскія. Все тутъ ошибочно. Ужь, конечно, семья въ $^{99}/_{100}$ случаевъ русской дѣйствительности не способна дать ни элементарныхъ свѣдѣній по исторіи и географіи, ни сносно обучить даже грамотѣ, тѣмъ болѣе ариѳметикѣ, ни даже дать начальнаго знанія русскаго языка. Г. Меншиковъ, очевидно, не имѣетъ понятія о положеніи родителей, занятыхъ добываніемъ средствъ къ жизни для семьи, и сверхъ того—свои немногія свободныя минуты болѣе производительно употребляющихъ на *воспитаніе* тѣхъ же дѣтей. Онъ не понимаетъ, что—въ школѣ—*развивающее* занятіе составляетъ то, на чемъ можетъ быть упражненіе, предметы достаточно трудные, но въ основѣ понятные уму даннаго возраста. Г. Меншиковъ воображаетъ дѣтей 10—15лѣтняго возраста развивать на психологіи Пушкина, Достоевскаго, Толстаго. Дѣтей, прибывшихъ въ школу даже безъ знанія разговорныхъ словъ литературнаго русскаго языка, хочетъ развивать на тончайшихъ образцахъ поэзіи, воспѣвающей борьбу, любовь, разочарованіе, разнообразную душевную трагедію... Этихъ дѣтей онъ посредствомъ романовъ и повѣстей хочетъ вводить въ „разгаръ текущей исторіи“. Нѣтъ, все это вовсе не „стихотвореніе въ прозѣ“, какъ говоритъ г. Меншиковъ, а просто — «зрящая» болтовня человѣка, къ сожалѣнію, пишущаго, вмѣсто того, чтобы думать и учиться, человѣка, никѣмъ не наученнаго серьезному отношенію къ мысли и слову.

А жаль, очень жаль. Г. Меншиковъ, среди пишущей молодежи очень выдается способностями. Въ школѣ хорошей редакціи, которая бы его заставила учиться, онъ могъ бы выработаться въ серьезную силу.

Л. Тихомировъ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

9 ноября.

На театрѣ г. Корша поставлена комедія Мольера *Жоржъ Данденъ*, для бенефиса г. Свѣтлова, взявшаго на себя исполненіе заглавной роли. Историко-литературныя воспоминанія встаютъ и тѣснятся въ головѣ, когда внезапно видишь эту піесу, которой уже минуло нынѣшнимъ лѣтомъ 224 года, на сценѣ частнаго русскаго театра, посвятившаго свои силы, главнымъ образомъ, исполненію піесъ современныхъ. Нельзя сказать, чтобы комедія Мольера вносила съ собою въ этотъ театръ диссонансъ. Но въ умѣ возникаетъ рядъ вопросовъ, неотвязчиво просящихъ отвѣта. Зачѣмъ поставлена именно *эта* комедія Мольера? Изъ-за бенефисной роли, или изъ сознательнаго признанія особыхъ, такъ-называемыхъ, „безсмертныхъ" достоинствъ самой піесы? Что̀ хотѣлъ доказать бенефиціантъ избраніемъ этой комедіи для своего бенефиса: свой просвѣщенный вкусъ и уваженіе къ Мольеру, или же глубокое пониманіе роли Жоржа Дандена? Вопросы эти невозможно рѣшить. Обратимся къ историко-литературнымъ воспоминаніямъ и матеріаламъ. Они лучше всего помогутъ намъ установить значеніе комедіи *Жоржъ Данденъ*.

Было лѣто 1668 года. Людовикъ XIV, молодой, красивый, блестящій, закончилъ 2 мая войну за голландское наслѣдство Аахенскимъ миромъ и возвратился въ Парижъ, пріобрѣтя для Франціи цѣлый рядъ голландскихъ городовъ, быстро превращенныхъ знаменитымъ Вобаномъ въ такое же число первоклассныхъ крѣпостей: Шарлеруа, Дуэ, Турнэ, Куртруа, Лилль и Уденардъ. На 19 іюля въ Версалѣ, по случаю заключенія мира, назначенъ

былъ блестящій праздникъ въ Версальскихъ садахъ. Въ составъ этого праздника входило и театральное представленіе. Мольеру поручено было написать для него новую піесу. Онъ написалъ *Жоржа Дандена* и самъ исполнялъ заглавную роль. Но очень ошибся бы тотъ, кто подумалъ бы, что комедія Мольера давалась на этомъ праздникѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы видимъ ее теперь. Напротивъ. Это было нѣчто совершенно особое. Піесѣ предшествовала пасторальная интермедія, составленная изъ пѣнія и танцевъ, музыку къ которымъ сочинилъ знаменитый Люлли. За каждымъ изъ трехъ актовъ *Жоржа Дандена* слѣдовало продолженіе этой интермедіи, стихи для которой также были написаны Мольеромъ, и гдѣ постоянно являлся Жоржъ Данденъ. Сначала пастухи принуждали его танцовать вмѣстѣ съ ними, но онъ, наполненный мрачными мыслями по поводу своего брака, скоро покидалъ ихъ. Послѣ перваго акта пастушка разсказывала Дандену, что двое влюбленныхъ, Тирсисъ и Филена, вслѣдствіе отчаянія бросились въ воду. Но Дандену было не до нихъ, и онъ съ гнѣвомъ уходилъ отъ пастушки. Послѣ втораго акта та же пастушка разсказывала ему, что влюбленныхъ спасли отъ смерти. Взволнованный Жоржъ Данденъ не обращалъ никакого вниманія на этотъ разсказъ и снова уходилъ. Послѣ третьяго акта пріятель Дандена, такой же крестьянинъ, какъ и онъ, совѣтывалъ ему потопить свое семейное горе въ винѣ и уводилъ его къ своей компаніи. На сцену являлась процессія Бахуса съ вакханками и сатирами. Пастухи и пастушки вступали въ споръ между собою о томъ, что̀ лучше: любовь или вино? Въ концѣ-концовъ спорящіе приходили къ выводу, что на свѣтѣ не существуетъ ничего лучшаго, какъ любовь и вино:

Et faisons répéter aux échos d' alentour
Qu' il n' est rien de plus doux que Bacchus et l' Amour.

Интермедіи эти очень любопытны. Онѣ заключаютъ косвенное оправданіе Клитандра, которому Анжелика, жена Жоржа Дандена, не можетъ противостоять въ силу любви. Не позабудемъ, что первенствующую роль занимала въ то время маркиза де-Монтеспанъ, преемница дѣвицы ла-Валльеръ въ сердцѣ короля. Мужъ маркизы, провинціальный дворянинъ, оказался по своимъ „стариннымъ“ понятіямъ совершенно неудобнымъ въ Парижѣ при этихъ обстоятельствахъ. Его отправили на постоянное житье въ своихъ помѣстьяхъ. Изощренное чутье придворныхъ немедленно почувствовало въ блестящемъ молодомъ Клитандрѣ

намекъ на Людовика XIV, точно такъ же, какъ уже ранѣе, въ январѣ того же 1668 года, усмотрѣнъ былъ такой намекъ въ комедіи Мольера *Амфитріонъ*. Вмѣстѣ съ этимъ на первый планъ въ интересѣ придворнаго круга выдвинулась въ комедіи Мольера чета провинціальныхъ дворянъ, родителей Анжелики, де-Сотанвиля и его жены. При дворѣ вошло въ моду насмѣхаться надъ провинціальнымъ дворянствомъ, его претензіями на аристократизмъ и поддержаніе дворянскаго „гонора". Времена фронды, столь еще недавнія, минули безвозвратно. Французское дворянство вращалось теперь исключительно вокругъ особы короля—свѣтлаго солнышка, *le roi soleil*. Счастливымъ и уважаемымъ былъ лишь тотъ, на котораго падали лучи этого солнца. Стоило только лучамъ измѣнить свое направленіе, и вчерашній любимецъ впадалъ завтра въ полное забвеніе. Провинціальное дворянство находилось въ полной тѣни. И вотъ почему вошло въ моду насмѣхаться надъ нимъ, особенно послѣ немилости, постигшей маркиза де-Монтеспанъ.

Трудно отдѣлаться отъ искушенія воспроизвести передъ читателями картину Версальскаго праздника, 19 іюля 1668 года, гдѣ въ числѣ прочихъ увеселеній въ первый разъ была представлена комедія *Жоржъ Данденъ*, на особо устроенномъ для этого случая роскошномъ лѣтнемъ театрѣ:

En ce beau rendez-vous de jeux,
Un théatre auguste et pompeux,
D'une manière singulière
S'y voyait dressé par Molière.

Но картина эта, съ мельчайшими подробностями развивающаяся передъ нами въ современномъ описаніи, слишкомъ отвлекла бы меня отъ главнаго предмета. Ограничусь нѣсколькими словами о временномъ лѣтнемъ театрѣ. Онъ былъ устроенъ на мѣстѣ, гдѣ три громадныя аллеи, встрѣчаясь между собою, образуютъ широкую площадку, причемъ на эту площадку выдавалась лишь часть театра, между тѣмъ какъ вся остальная постройка помѣщалась въ аллеѣ. Вслѣдствіе этого зрители, когда поднятъ былъ занавѣсъ, увидѣли передъ собою дѣйствительныя, живыя деревья, мраморныя балюстрады, окружавшія бассейнъ воды, громадные фонтаны, бившіе на различныхъ планахъ, и безконечную перспективу дѣйствительнаго, роскошнаго сада. Для короля было приготовлено особое мѣсто подъ балдахиномъ, въ серединѣ партера. Вокругъ, на скамьяхъ и стульяхъ расположилось болѣе

1.000 человѣкъ зрителей. Зрительная зала, снаружи вся закрытая зеленью, была внутри роскошно убрана тканями, взятыми изъ дворца. При поднятіи занавѣса на сценѣ стояли пирамиды фруктовъ. Ихъ начали немедленно разносить, какъ угощеніе; въ то же время всѣмъ присутствующимъ раздавали печатныя брошюры, гдѣ излагалось содержаніе піесы и интермедій. Только затѣмъ началось представленіе *Жоржа Дандена*. Вотъ отзывъ, который даетъ объ этой комедіи описатель Версальскаго праздника, очевидецъ перваго представленія:

„Хотя піеса, которую представляли, должна быть разсматриваема какъ экспромптъ *(improtpti)*, одно изъ тѣхъ сочиненій, гдѣ необходимость немедленно удовлетворить желанію короля не всегда оставляетъ достаточно времени, чтобы заняться окончательною отдѣлкою, тѣмъ не менѣе неоспоримо, что піеса эта составлена изъ столь разнообразныхъ и пріятныхъ частей, что на театрѣ, можно сказать, не появлялось еще произведенія болѣе способнаго удовлетворить одновременно слухъ и зрѣніе зрителей. Прозаическая часть написана языкомъ весьма соотвѣтствующимъ изображаемому дѣйствію, а стихи, которые поютъ между актами комедіи, такъ приличествуютъ сюжету и столь нѣжно выражаютъ страсти, коими должны быть взволнованы дѣйствующія лица, что никогда не было ничего болѣе трогательнаго. Хотя и кажется, что одновременно играютъ двѣ комедіи, изъ которыхъ одна въ прозѣ, а другая въ стихахъ, но онѣ такъ хорошо соединены съ однимъ и тѣмъ же сюжетомъ, что составляютъ одну піесу и изображаютъ одно дѣйствіе.“

Это свидѣтельство очевидца *полнаго* представленія *Жоржа Дандена* очень любопытно. Оно устанавливаетъ поспѣшность, съ какою піеса эта писалась для удовлетворенія внезапнаго желанія короля дать праздникъ со спектаклемъ. Піеса прямо называется *экспромптомъ*, а это опредѣленіе, служа выраженіемъ общаго сужденія о ней современниковъ, заключаетъ въ себѣ признаніе, что къ ней слѣдуетъ относиться съ извѣстною снисходительностью, вынуждаемою особыми условіями и обстоятельствами, при какихъ она написана. Главная похвала относится къ тому, что одинаково восхищало слухъ и зрѣніе, то-есть къ интермедіямъ, заключавшимъ въ себѣ пѣніе, музыку Люлли и танцы. Интермедіи эти, представлявшія какъ бы особую комедію въ стихахъ, тѣмъ не менѣе, такъ тѣсно связаны съ комедіей въ прозѣ, то-есть съ тою, какую теперь даютъ на нашемъ театрѣ, что

вмѣстѣ составляютъ неразрывное цѣлое. Проза комедіи только весьма приличествуетъ изображаемому дѣйствію: *la prose, dont on s'est servi, est un langage très-propre pour l'action qu'on represente.* Вся сила впечатлѣнія лежитъ въ стихахъ, нѣжнѣе и трогательнѣе которыхъ нельзя себѣ ничего представить: *il n'ya jamais rien eu de plus touchant.* Положимъ, что стихи эти пѣлись подъ музыку и къ впечатлѣнію слова присоединялось очарованіе двухъ другихъ искусствъ, очарованіе, о степени котораго мы не можемъ судить теперь. Для насъ важно то обстоятельство, что это очарованіе входило въ общій планъ піесы, что интермедія въ стихахъ тѣснѣйшимъ образомъ соединялась съ комедіей въ прозѣ и составляла вмѣстѣ съ нею одно цѣлое.

Какое заключеніе нужно вывести изъ всего этого?

Я уже давно твержу по поводу каждой постановки піесъ Мольера на нашихъ сценахъ, что піесы эти, три четверти которыхъ сохранили для внѣ-французской публики лишь интересъ историко-бытовой и историко-литературный, должны даваться цѣликомъ, такъ, какъ онѣ написаны и задуманы авторомъ. Мы, въ сущности, не оказываемъ Мольеру ни малѣйшей услуги, когда выпускаемъ изъ его піесъ написанныя имъ же интермедіи съ пѣніемъ, музыкою и танцами. Это простое нарушеніе органическаго единства замысла автора, совершенно произвольное опущеніе изъ его піесъ цѣлаго ряда сценическихъ эффектовъ и впечатлѣній, на которые онъ, какъ великій знатокъ сцены, несомнѣнно разсчитывалъ. Въ концѣ концовъ мы искажаемъ Мольера изъ желанія его возвысить. Не предстоитъ ни малѣйшей надобности принимать искусственныя мѣры къ приданію произведеніямъ комическаго писателя искусственной серьезности посредствомъ отсѣченія вводныхъ буффонадъ, каковы, напримѣръ, процессіи въ *Мнимомъ больномъ*, въ *Пурсоньякѣ*, въ *Мѣщанинѣ во дворянствѣ*. Все эти органическіе элементы комическаго впечатлѣнія и воздѣйствія, на которые разсчитывалъ Мольеръ, которые входили въ его намѣренія и планы. Всѣ корни его лежатъ еще въ итальянскомъ театрѣ-буффо, и мы окажемъ ему лишь простую справедливость, когда станемъ играть его піесы какъ онѣ написаны, безъ произвольныхъ сокращеній.

Такъ и съ комедіей *Жоржъ Данденъ*. Для нашего современнаго театра совсѣмъ не указъ то обстоятельство, что піеса эта, при постановкѣ ея въ ноябрѣ того же 1668 года на Парижскомъ театрѣ Пале-Рояль, давалась здѣсь безъ принадлежащихъ

къ ней интермедій. Происходило это, по всей вѣроятности, отъ недостаточности средствъ и персонала, но за то и піеса имѣла лишь средній успѣхъ и выдержала не болѣе десяти представленій. Но совершенно иное дѣло перенесеніе Мольеровскаго экспромпта изъ Версальскихъ садовъ на Парижскую сцену 1668 года, и постановка этой піесы теперь, когда между первымъ представленіемъ и нашимъ временемъ легло болѣе двухъ вѣковъ. Теперь нельзя возобновлять піесы Мольера по шаблону, особенно піесы второстепенной важности и второстепеннаго художеннаго значенія. Если Мольеръ говорилъ: *je prend mon bien ou je le trouve*, то нашему театру остается слѣдовать этому принципу и брать Мольера *цѣликомъ*, со всѣмъ, что у него находится. Особенно предуказана эта задача для бенефиціантовъ. Положимъ, балетъ, хоръ и костюмы потребовали бы на частныхъ театрахъ особыхъ издержекъ. Но издержки эти съ лихвой окупились бы массовымъ посѣщеніемъ публики, одна часть которой заинтересовалась бы просто спектаклемъ, а другая — желаніемъ видѣть піесу Мольера такъ, какъ она написана.

Я съ намѣреніемъ остановился подробнѣе на исторіи *Жоржа Дандена*, ибо только при этомъ условіи получается возможность яснаго, спокойнаго и безпристрастнаго сужденія объ этой комедіи Мольера. Живые бытовые типы давно минувшей эпохи представляютъ здѣсь де-Сотанвиль и его жена, эта чета обѣднѣвшихъ провинціальныхъ дворянъ. Самъ Жоржъ Данденъ совсѣмъ не бытовый типъ. За нимъ не стоитъ множества подобныхъ ему богатыхъ мужиковъ, также женившихся на дворянкахъ и претерпѣвающихъ такую же участь, какъ онъ. Уже самое прозвище *Dandin*, отъ котораго Англичане заимствовали свое слово *dandy*, заключаетъ въ себѣ понятіе о франтѣ и фатѣ, съ оттѣнкомъ хвастовства и кичливости. Жоржъ Данденъ смѣшонъ и жалокъ. Но онъ совсѣмъ не возбуждаетъ сочувствія и состраданія. Онъ сознательно, обдуманно и добровольно приготовилъ себѣ то смѣшное положеніе, въ какомъ мы его видимъ. Измѣна жены, въ сущности, здѣсь ни при чемъ. Это простая комическая канва итальянской буффонады, причемъ весь третій актъ почти цѣликомъ взятъ изъ новеллы Боккаччіо.[1] Различіе лишь

[1] *Decamerone*. VII, 4: Tofano chiude una notte fuor di casa la moglie, la quale, non porteno per prieghi rientrare, fa vista di gettarsi in un pozzo, e gittavi una gran pietra. Tofano usci di casa e corre la, ed ella in casa se n'entra e serra lui di fuori, e sgridandolo il vitupera.

въ томъ, что у Боккаччіо родственники жены, услыхавъ ночью шумъ, являются на мѣсто происшествія и, при одобреніи всѣхъ сосѣдей, до полусмерти бьютъ мужа, а жену уводятъ съ собою. Мужъ, черезъ нѣкоторое время, при помощи посредниковъ, мирится съ женой и обѣщаетъ болѣе не ревновать ее, послѣ чего она возвращается къ нему въ домъ. *E viva amore*, такъ заканчивается новелла Боккаччіо. Также заканчивается, какъ мы видѣли, и комедія Мольера въ ея полномъ, настоящемъ видѣ. Исторія съ женой могла бы произойти у Дандена даже еслибы онъ былъ женатъ на равной себѣ, а униженія, какія онъ переноситъ, вступая въ неравный бракъ, шли бы своимъ чередомъ даже при вѣрности ему Анжелики, ибо баронъ де-Сотанвиль и его жена точно также „муштровали“ бы Дандена, даже еслибъ онъ не ссорился съ женой, и заставляли бы его, по поводу всякой неловкости, просить извиненія у дворянъ. Жоржъ Данденъ наказывается по заслугамъ. Онъ получаетъ должное за свою *dandinnerie*, за свое чванство предъ равными себѣ. Комедія Мольера получила бы этическое значеніе лишь когда бы характеръ Дандена былъ болѣе развитъ, еслибъ онъ, напримѣръ, покидалъ любимую дѣвушку въ погонѣ за честолюбивымъ желаніемъ породниться съ настоящими дворянами и изъ простаго Дандена сдѣлаться Жоржемъ де-ла-Дандиньеръ. Теперь это только комическая фигура ревниваго мужа и наказаннаго честолюбца. Простое осуществленіе въ лицахъ мудраго житейскаго правила: *не въ свои сани не садись*. Жоржъ Данденъ не живое лицо. Это — комическое положеніе. И вотъ почему дѣлаютъ у насъ большую ошибку, искусственно выводя Дандена изъ чисто комической области въ область серьезнаго, трагическаго страданія. Данденъ совсѣмъ не серьезенъ, какъ не серьезна и вся піеса Мольера, простая буффонада, написанная „экспромтомъ“, по заказу, для праздника, не „отдѣланная“, по недостатку времени, и заключающая въ себѣ нѣсколько ловкихъ намековъ на современныя обстоятельства (Клитандръ и комическое изображеніе четы провинціальныхъ дворянъ), намековъ, являющихся совершенно непонятными въ настоящее время. Чѣмъ менѣе будетъ трагичествовать Жоржъ Данденъ, тѣмъ лучше. Ни малѣйшаго неуваженія къ Мольеру не будетъ обнаружено черезъ то, что его піесу будутъ играть, какъ буффонаду. Напротивъ, ибо она задумана таковою. Что касается до внѣшности Дандена, то, думается мнѣ, г. Свѣтловъ дѣлаетъ ошибку, изображая его

человѣкомъ почти пожилымъ. Онъ молодой деревенскій *dandy*, этотъ Жоржъ Данденъ, во всякомъ случаѣ болѣе молодой и болѣе франтоватый, нежели какимъ является онъ на театрѣ г. Корша. Нужно ли Анжеликѣ, женѣ Дандена, быть одѣтою въ богатое шелковое платье? Мнѣ кажется, что это преувеличеніе, точно такъ же, какъ „преувеличенъ“ костюмъ де-Сотанвиля, слишкомъ богатый для разорившагося провинціальнаго дворянина. Мнѣ могутъ возразить, что таковы преданія *Comedie Française*, этого „дома Мольера“. Очень можетъ быть. Я не имѣю въ этомъ случаѣ сужденія, ибо не видалъ тамъ этой комедіи Мольера. Но здравый смыслъ подсказываетъ мнѣ, что „преданіе“ пошло въ данномъ случаѣ отъ параднаго спектакля въ присутствіи Людовика XIV и его двора, гдѣ бытовое правдоподобіе приносилось въ жертву пышности всего окружающаго. Едва ли „преданія“ обязательны при этихъ условіяхъ для нашего театра. Зато я совершенно въ пользу необыкновенно смѣшныхъ на наши глаза, но совершенно „бытовыхъ“ поклоновъ, какими года два тому назадъ обмѣнивались Клитандръ и Сотанвиль на спектаклѣ Общества Искусства и Литературы. Это былъ цѣлый рядъ эволюцій шляпами, производившійся съ невозмутимою серьезностію и безъ сомнѣнія потребовавшій долговременнаго упражненія. На театрѣ г. Корша де-Сотанвиль и Клитандръ даже не снимаютъ шляпъ одинъ предъ другимъ. Это ошибка.

На Маломъ театрѣ поставлена новая четырехактная комедія г. Невѣжина подъ названіемъ *Въ родномъ углу*. Опредѣленіемъ „родной уголъ“ обозначается здѣсь родовое помѣстье, въ которомъ и происходятъ три дѣйствія піесы, между тѣмъ какъ первый актъ содержитъ лишь изложеніе мотивовъ, по которымъ героиня піесы, молодая вдова Тальникова, переселяется изъ столицы на безвыѣздное житье въ деревнѣ.

Мотивовъ этихъ—два. Вопервыхъ, Тальникова проиграла процессъ, который вела противъ наслѣдниковъ ея покойнаго мужа. Вслѣдствіе этого бо́льшая часть наслѣдства переходитъ къ нимъ и Тальникова уже не въ состояніи жить такъ, какъ она жила прежде. Это мотивъ, такъ сказать, экономическій, финансовый, бюджетный. Вовторыхъ, Тальниковой наскучилъ прежній образъ ея жизни:

— Совѣстно вспомнить, говоритъ она, какъ я провела мои

лучшіе годы. Я кого-то кормила, для кого-то готовила завтраки, обѣды, устраивала вечера, выѣзжала, имѣла большое знакомство, проводила время въ безконечныхъ разговорахъ, слушала пересуды, и не замѣчала, какъ идутъ дни. А жизнь настоящая, съ ея запросами, тревогами, та жизнь, гдѣ работаетъ мысль, была отъ меня далеко, далеко... Между нами была непроницаемая стѣна. Но вотъ теперь, когда безконечный пиръ кончился и толпа, обивавшая у насъ пороги, бросила меня, — на меня напало раздумье: что такое я? и для чего создалъ меня Господь Богъ? Неужели для того, чтобы влачить жалкіе дни, не зная ни обязанности, ни труда? Во мнѣ что-то пробудилось, и я почувствовала неудержимый порывъ что-нибудь дѣлать, составлять часть человѣчества.

Это второй мотивъ, нравственный. Тальникова развиваетъ его въ бесѣдѣ съ сосѣдомъ помѣщикомъ:

— Какъ въ деревнѣ ни трудно, ни скучно, но я также какъ и теперь буду пользоваться уваженіемъ, останусь членомъ общества и найду утѣшеніе хотя въ томъ, что принесу пользу темному люду.

Нельзя не сознаться, что насколько ясенъ для Тальниковой экономическій мотивъ переѣзда на житье въ свое помѣстье (за квартиру не платить, дрова, провизія и овощи свои, соблазна никакого, костюмъ простой), на столько же смутно для нея представленіе о принесеніи пользы темному люду. Она отдѣлывается въ этомъ отношеніи простыми фразами. Въ сущности ей *необходимо* уѣхать въ деревню, ибо она не можетъ болѣе жить въ столицѣ, какъ жила прежде. Къ тому же она устала. Ей хочется отдохнуть. Все это совершенно понятно и до такой степени субъективно, что „принесеніе пользы темному люду“ прямо звучитъ чѣмъ-то дѣланнымъ, искусственнымъ, не искреннимъ. Тальниковой теперь лишь до самой себя. Ей прежде всего нужно успокоиться и привести въ порядокъ свои собственныя дѣла. Она не имѣетъ понятія о „темномъ людѣ“, его свойствахъ и потребностяхъ. Но фраза, повидимому, носится въ наше время въ воздухѣ и Тальникова невольно подпадаетъ ея вліянію. А между тѣмъ потребность отдохнуть и успокоиться такъ сильна и настойчива, что молодая вдова рѣшительно отказываетъ въ своей рукѣ человѣку, къ которому она чувствуетъ расположеніе, и это только потому, что онъ не соглашается безвыѣздно жить въ деревнѣ. Человѣкъ этотъ нѣкто Усвоевъ, образованный, свѣтскій

и очень богатый. Стоило бы Тальникой выдти замужъ за Усвоева, и она могла бы опять жить попрежнему. Но это значило бы въ то же время опять выѣзжать, наряжаться, сидѣть по ночамъ, веселиться безъ удовольствія, разговаривать безъ интереса. Все это утомило Тальникову до степени чисто-физіологическаго раздраженія. Отдохнуть во что̀ бы то ни стало, вотъ ея неудержимая потребность. Я вполнѣ понимаю ее и вполнѣ ей сочувствую. Только зачѣмъ она говоритъ о принесеніи пользы темному люду? Какъ бы то ни было, но отказавъ Усвоеву, Тальникова забираетъ съ собой отца и племянницу, находящихся на ея попеченіи, и уѣзжаетъ въ „родной уголъ".

Здѣсь необходимо сдѣлать оговорку. Авторъ, очевидно, за возвращеніе помѣщиковъ въ свои помѣстья. Онъ подмѣтилъ въ нашемъ обществѣ начало „обратнаго" движенія изъ столицъ въ деревню и хочетъ своею піесой явиться на помощь этому движенію. Мысль его очень симпатична. Никто не станетъ спорить противъ того, что помѣщикамъ нашимъ давнымъ-давно пора снова заняться своими имѣніями и что успѣшные результаты могутъ быть достигнуты въ этомъ отношеніи лишь подъ условіемъ личнаго занятія дѣломъ. Только всякое дѣло нужно дѣлать умѣючи, а чтобы достигнуть такого умѣнія, нужно предварительно учиться всякому дѣлу, въ особенности такому сложному, каково современное сельское хозяйство. А между тѣмъ Тальникова ровно ничего не понимаетъ и не смыслитъ въ дѣлѣ, за которое принялась. Она „героиня" піесы. Но все ея „геройство" заключается въ томъ, что она исполняетъ предначертанія Суркова, ученаго агронома, къ тому же влюбленнаго въ нее. Сурковъ отлично знаетъ дѣло, знаетъ мужиковъ и помѣщиковъ, обладаетъ личными свойствами, качествами и талантами, дѣлающими его образцовымъ хозяиномъ. Хорошо что Тальникова имѣетъ руководителя въ Сурковѣ. А еслибы она его не имѣла? Что̀ стала бы она дѣлать тогда? Она совершенно „прогорѣла" бы въ своемъ заложенномъ имѣніи, которое продано было бы за долги. Доказываетъ ли Тальникова что-нибудь при этихъ условіяхъ? Нѣтъ. Она ровно ничего не доказываетъ, а вмѣстѣ съ нею ничего не доказываетъ и піеса г. Невѣжина. Въ ней можно цѣнить хорошія намѣренія. Ни въ ней нѣтъ силлогизма, необходимаго въ каждой „идейной" піесѣ. Она не приводитъ насъ ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ, кромѣ, развѣ, того, что разорившимся помѣщикамъ „выгоднѣе" жить у себя

въ помѣстьѣ, нежели въ столицѣ. Куры свои, молоко свое, живность своя, за квартиру не нужно платить, отопленіе также даровое. Но это давно всѣмъ извѣстно и изъ за этого не стоило писать цѣлую піесу. Г. Невѣжинъ и писалъ свою комедію совсѣмъ не для этого. Онъ хотѣлъ доказать... Но вотъ въ томъ-то и бѣда, что изъ его піесы не видно, что̀ именно хотѣлъ *доказать* авторъ. Отсюда совершенная неопредѣленность впечатлѣнія, производимаго его новѣйшею комедіей. Очень можетъ быть что такого рода соціальные и политико-экономическіе вопросы, каковъ вопросъ объ обратномъ дваженіи помѣщиковъ изъ столицъ въ свои имѣнья, очень можетъ быть что вопросы эти вообще не поддаются обработкѣ въ драматической формѣ. Но зрителю отъ этого не легче, ибо онъ видитъ передъ собою именно такую форму постановки и разрѣшенія этихъ вопросовъ.

Я могу быть очень кратокъ въ изложеніи дальнѣйшаго хода піесы.

Сурковъ открываетъ въ имѣніи Тальниковой залежи фосфорита и обращаетъ ея вниманіе на цѣнность этого удобрительнаго вещества. Тальникова, не имѣя денегъ, предлагаетъ своимъ сосѣдямъ, помѣщицѣ Рыткиной и двоюродному брату ея, Дымникову, отставному гусару, учредить компанію на паяхъ. Тѣ построятъ мельницу для размолки фосфорита, а она будетъ оплачивать свои паи самымъ фосфоритомъ. Дымниковъ влюбляется въ Тальникову. Рыткина хочетъ, посредствомъ устройства брака между ними, пріобрѣсти фосфоритъ даромъ, а для того чтобы побудить Тальникову выдти замужъ за Дымникова, или же продать за безцѣнокъ свое имѣніе, начинаетъ сманивать крестьянъ съ работъ у Тальниковой, пользуясь тѣмъ, что Тальникова не заключила съ ними контрактовъ. Сурковъ, объяснившись, съ своей стороны, въ любви Тальниковой и получивъ отвѣтъ, что она не можетъ и не хочетъ никого любить, жестоко запиваетъ. Въ продолженіе этого запоя мужики бросаютъ у Тальниковой работу, поджигаютъ скирды съ сѣномъ и толпой хотятъ ворваться къ ней въ домъ для объясненій. Дымниковъ, получивъ отказъ въ рукѣ Тальниковой, отказывается, въ свою очередь, дать необходимыя деньги на разработку фосфорита. Сурковъ, переставъ пить, собирается уѣхать навсегда. Тогда Тальникова объявляетъ Суркову, что онъ „побѣдилъ ее“:

— Я много думала о своемъ положеніи и вижу, что женщинѣ безъ опоры трудно жить въ деревнѣ. Кругомъ грубость, неува-

женіе всякій наровитъ сорвать съ меня что-нибудь, даже добро, которое я дѣлаю, и оно мало цѣнится. А если выходить замужъ, то я могу найти счастье только съ такимъ человѣкомъ, какъ вы. Я останусь такой же свободной, какъ теперь, и мы дружески пойдемъ рука объ руку.

Не каждый мужчина согласился бы на бракъ съ женщиною послѣ подобнаго признанія съ ея стороны. Но Сурковъ любитъ Тальникову еще со студенческой скамьи, а старая любовь не ржавѣетъ. Онъ безконечно счастливъ согласіемъ Тальниковой и вмѣстѣ съ ней читаетъ въ концѣ піесы нравоученіе Усвоеву, столичному жителю, слишкомъ поздно одумавшемуся и пріѣхавшему просить руки Тальниковой съ полнымъ подчиненіемъ всѣмъ условіямъ, какія она поставитъ ему. Начинаетъ Тальникова:

— Когда я пріѣхала, крестьяне *враждебно* смотрѣли на меня, а теперь они называютъ меня *нашей барыней* и считаютъ своимъ человѣкомъ. И что̀ же я сдѣлала для этого? Нѣсколько совѣтовъ, грошевыя одолженія, ребятишкамъ десятка два, три трехкопѣечныхъ книженокъ, горсть пряниковъ. Народъ грубъ, голова его темна, *полна извращенныхъ понятій*, но въ груди у него доброе сердце. Я ѣхала сюда просто жить и хозяйничать, а теперь я полюбила сѣрую деревню и меня вдохновляетъ мысль быть *душой* роднаго уголка, а это такое чувство, которое не убоится ничьей ироніи. Называйте меня наивною, но не вамъ глумиться надъ такими, какъ я. На нашу могилу упадетъ не одна горячая слеза, мы оставимъ послѣ себя слѣдъ. Чѣмъ васъ помянутъ?

Нельзя сказать, чтобы отповѣдь эта отличалась особенной скромностью. Тальникова заранѣе увѣрена, что на могилу ея будутъ пролиты крестьянами *горячія* слезы за... за горсть пряниковъ и два, три десятка трехкопѣечныхъ *книженокъ*. И вотъ къ чему свелось ея намѣреніе „приносить пользу темному люду“!

Сурковъ дополняетъ и заканчиваетъ нравоученіе. Прежде всего онъ ставитъ тезисъ: „мы всѣ устали и утомились душой“. Затѣмъ слѣдуетъ выводъ:

— А можно ли отыскать лучшее лѣкарство, какъ природа и простая жизнь? И вамъ, наконецъ, надоѣстъ просиживать цѣлые вечера за безикомъ и винтомъ. Вы скажете: Господи, неужели я созданъ быть автоматомъ? Вы устыдитесь. И какъ до сихъ поръ всѣ бѣжали отъ деревни, такъ теперь начнется обратное движеніе.

Усвоевъ, разумѣется, могъ бы возразить, что въ столицѣ занимаются не одною игрой въ карты, что тамъ существуетъ множество интересовъ, по крайней мѣрѣ равноправныхъ съ интересомъ къ сельскому хозяйству, интересовъ научныхъ, художественныхъ, литературныхъ, общественныхъ. Но авторъ признаетъ его побѣжденнымъ и заставляетъ молчать. Зато возвышаетъ голосъ старая нянька Марковна:

— Горько! горько!

Тальникова и Сурковъ цѣлуются. На этомъ опускается занавѣсъ надъ піесой г. Невѣжина.

Въ новомъ помѣщеніи Охотничьяго клуба, перебравшагося теперь въ домъ графа Шереметева, гдѣ прежде находилась Московская Городская Дума, устроена въ большой залѣ прежнихъ думскихъ засѣданій прекрасная новая сцена. Она открылась спектаклемъ Московскаго Общества Искусства и Литературы, для котораго избрана было комедія А. Н. Островскаго *Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ*. Игра любителей разъ навсегда не подлежитъ обсужденію, развѣ только критикѣ придется найти среди этихъ любителей талантъ, прямо требующій призыва на дѣйствительную сцену. Критическому обсужденію подлежитъ лишь художественное направленіе и эстетическій вкусъ любителей, выражающійся въ выборѣ піесъ. Съ этой точки зрѣнія можно отдать полную справедливость удачному выбору піесы для перваго, въ настоящемъ году, спектакля Общества Искусства и Литературы, которымъ открылась новая сцена. Что касается въ частности до этой сцены, то, думается мнѣ, она будетъ, вслѣдствіе незначительной своей глубины, особенно пригодна для такъ называемыхъ „салонныхъ“ піесъ съ небольшимъ количествомъ участвующихъ.

С. Васильевъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

О папской непогрѣшимости. Изъ переписки католическаго ученаго съ русскимъ генераломъ. А. А. Кирѣева. Переводъ Е. Л.

Книга эта была издана г. Кирѣевымъ сначала по-нѣмецки и затѣмъ появляется въ русскомъ переводѣ.

Появленіе этого труда г. Кирѣева для нашего времени когда старокатолическое движеніе заставляетъ о себѣ такъ много говорить, имѣетъ особое значеніе. Его книга посвящена всестороннему изслѣдованію новѣйшаго римскаго догмата о папской непогрѣшимости. Какъ извѣстно, именно этотъ догматъ, представляющій собою увѣнчаніе римскаго зданія, логическое завершеніе идеи о видимой главѣ Церкви, пребывающемъ въ Римѣ, и послужилъ для Запада поворотнымъ пунктомъ. Съ провозглашенія этого догмата въ Ватиканѣ въ 1870 году и началось старокатолическое движеніе, коего суть—возвращеніе къ древней (до раздѣленія) соборной церкви, то-есть къ восточному православному вѣроученію.

Существуетъ огромная богословская литература, посвященная утвержденію или опроверженію римскихъ церковныхъ новшествъ. Съ обѣихъ сторонъ выступали иногда великіе таланты, или мужи великой учености; самые споры были одушевлены великою ревностью о истинѣ, согласно пониманію каждаго, обѣ стороны истощались въ доказательствахъ pro и contra, и хотя значительная часть этихъ полемическихъ сочиненій и была написана съ большою добросовѣстностью и всесторонне освѣщала вопросъ, но для простецовъ, для публики, все же оказывалась одностороннею. Мало

было такихъ читателей (внѣ узко-богословской среды), которые имѣли бы желаніе и возможность самостоятельно прослѣдить за этою полемикой, провѣрить безпристрастно логику и доводы обѣихъ сторонъ.

Книга г. Кирѣева тѣмъ и драгоцѣнна, что читатель присутствуетъ при живомъ спорѣ двухъ одинаково талантливыхъ и ученыхъ представителей папизма и православія. Оба, и генералъ Кирѣевъ, называющій себя скромнымъ „самоучкой" - богословомъ, и патеръ X. обмѣниваются письмами, черезъ посредство третьяго лица, Англичанина. Письма одного оппонента комментируются письмами другаго, мало того: полемика идетъ даже въ примѣчаніяхъ и контръ-примѣчаніяхъ. Здѣсь именно развертывается передъ читателемъ живой споръ, и споръ вполнѣ добросовѣстный, несмотря на нѣкоторыя полемическія шпильки, коими мимоходомъ язвятъ другъ друга противники. Споръ ведется совершенно свободный, и хотя письма г. Кирѣева напечатаны цѣликомъ, а письма патера X. въ извлеченіяхъ, тѣмъ не менѣе, послѣднему предоставлена полная свобода рѣчи въ предѣлахъ простаго цензурнаго приличія, столь тяжелаго для страстнаго паписта, когда ему приходится говорить о схизматикахъ.

И надо отдать полную справедливость патеру X. Въ лицѣ его генералъ Кирѣевъ нашелъ едва ли не лучшаго изъ защитниковъ папской непогрѣшимости. Это, разумѣется, фанатикъ своихъ вѣрованій, но поставленный лицомъ къ лицу съ несокрушимой логикой и не имѣющій возможности затемнять разсужденія, патеръ X, истощивъ всю аргументацію, скрывается за такое объясненіе: разсуждать съ г. Кирѣевымъ безполезно, потому, что онъ де рѣшительно не въ состояніи понять римской идеи. А между тѣмъ эта идея не только понята, но слишкомъ хорошо понята нашимъ богословомъ. Необычайно ярко освѣщенъ ея главный существенный пунктъ, именно, что папа замѣнилъ собою соборы, и таинственное внушеніе Святаго Духа перенесено папистами съ *тѣла* Церкви на *личность* первосвященника. Патеръ X усиливается разъяснить, что никакого перенесенія здѣсь нѣтъ, а есть лишь необходимое дополненіе, логическое завершеніе ученія Церкви въ догматѣ о непогрѣшимости папы. Папа, говорящій ex cathedra непогрѣшимъ не потому, что его личность непогрѣшима, но потому, что его санъ вмѣщаетъ въ себѣ всю полноту церковнаго учительства. Церковь непогрѣшима, учитъ восточное исповѣданіе. Но папа по своему сану пред-

ставляетъ главу церкви, исполняетъ всѣ ея функціи, и потому непогрѣшимость Церкви сообщается и ему, какъ папѣ, а не какъ человѣку, который можетъ быть и грѣшникомъ и заблуждающимся.

Г. Кирѣевъ возражаетъ ссылкой на самый текстъ постановленія Ватиканскаго собора, текстъ, неохотно сообщаемый полностью даже молодымъ людямъ учащимся католическому богословію. Догматъ непогрѣшимости до такой степени соблазнителенъ, что его стараются прикрыть, затушевать, а никакъ не выдвигать съ полною ясностью. Вотъ его конецъ: „Romanum Pontificem ...de fide vel moribus ab universa Ecclesia tenendum Sefinit ipsi in beato Petro promissum ea imfallibilitate pollere qua divinus Redemptor Ecclesiam suam in definienda doctrina de fide vel moribus instructam esse voluit ideoque, ejusmodi Romani Pontificis definitiones, *ex sese non autem ex consensu Ecclesiae irreformabiles esse*“, то-есть: „Римскій первосвященникъ, ...когда опредѣляетъ ученіе вѣры или нравственности, которое должно быть содержимо вселенскою Церковію по божественному содѣйствію, обѣщанному ему въ лицѣ блаженнаго Петра—является владѣющимъ тою (или такою же) непогрѣшимостью, которою божественный Искупитель соблаговолилъ надѣлить Церковь Свою въ дѣлѣ опредѣленія вѣроученій и нравственности. Посему таковыя опредѣленія римскаго первосвященника суть неизмѣнны *сами по себѣ, а не по согласію Церкви*“.

Никакія дальнѣйшія разъясненія, никакая уклончивость не въ силахъ перетолковать необычайной ясности и точности послѣднихъ словъ: „а не по согласію Церкви“. Папа не отождествляется даже, а прямо противополагается Церкви. Эта ясность была нужна дѣятелямъ Ватиканскаго собора, чтобы закончить разомъ всѣ споры, но эта же ясность и дѣлаетъ совершенно непріемлемымъ ватиканскій догматъ для всякаго мыслящаго человѣка. Ложь здѣсь логически доведена до абсурда. Дальше идти некуда, хотя есть еще одинъ строго логическій шагъ за непогрѣшимостью признать святость папы. Тогда дѣло Ватикана будетъ совсѣмъ завершено.

Кончается споръ открытымъ исповѣданіемъ каждой изъ сторонъ невозможности соглашенія и примиренія. И генералъ Кирѣевъ и патеръ X не уступаютъ другъ другу ничего, но самый споръ для постороннихъ, не предубѣжденныхъ или недостаточно знакомыхъ съ римскимъ ученіемъ. чрезвычайно поучителенъ. Ватиканскій догматъ раскрытъ и разоблаченъ во всѣхъ подроб-

ностяхъ. Не остается ничего таинственнаго, ничего сокровеннаго. Отвѣчать приходится: „да, принимаю“, или: „нѣтъ, отвергаю“ и собственно свести къ этому вопросъ и было цѣлью почтеннаго А. А. Кирѣева. Уже самая постановка вопроса съ подобною ясностью есть великая побѣда.

Для насъ, православныхъ Рускихъ, книга г. Кирѣева имѣетъ еще и то значеніе, что поможетъ съ документами въ рукахъ обстоятельно разобраться въ проповѣди г. Вл. Соловьева, который въ своей книгѣ *La Russie et l'Eglise Universelle* столь недвусмысленно выставляетъ папу въ роли пророка, явно склоняясь такимъ образомъ къ ватиканскому догмату непогрѣшимости.

Ал. В—нъ.

La peinture antique par *Paul Girard*, Paris 1892 (Librairies-imprimeries réunies).

Это сочиненіе представляетъ одинъ изъ томиковъ изданія Bibliothèque de l'enseignement des beaux arts, предпринятаго лѣтъ десять тому назадъ фирмой A. Quantin (нынѣ Librairies-imprimeries réunies, May et Morteroz) подъ редакціей Жюля Конта (J. Comte), бывшаго въ то время главнымъ инспекторомъ французскихъ школъ изящныхъ искусствъ, нынѣшняго директора гражданскихъ зданій и національныхъ дворцовъ. Изданіе это поставило своею задачей пополненіе существеннаго пробѣла въ общемъ образованіи, которое оставляло воспитанниковъ французскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и значительную часть образованнаго общества въ полномъ невѣдѣніи одной изъ обширнѣйшихъ и важнѣйшихъ областей человѣческаго творчества, области искусства. Обширныя сочиненія по этой области знанія по своей дороговизнѣ, а подчасъ и слишкомъ спеціальному характеру, естественно, не имѣютъ доступа въ болѣе широкіе круги читающей публики и представляютъ достояніе или богатыхъ любителей или ученыхъ—спеціалистовъ. Вращающіяся же въ публикѣ дешевыя изданія или даютъ слишкомъ сухія, отрывочныя свѣдѣнія, оставляющія по себѣ въ памяти лишь рядъ болѣе или менѣе громкихъ именъ и очень смутное представленіе о самомъ предметѣ, или, являясь плодомъ неумѣлой компиляціи, даютъ еще менѣе утѣшительные результаты. То же можно сказать и о попыткахъ дать въ одной книгѣ из-

ложеніе всей исторіи искусствъ, начиная Египтомъ и кончая искусствомъ нашихъ дней. Между ними есть много книгъ, написанныхъ знатоками своего дѣла (мы говоримъ о нѣмецкой литературѣ, потому что французская, насколько намъ извѣстно, совершенно не знаетъ такихъ изданій), но для начинающаго читателя онѣ все-таки по необходимости слишкомъ сжаты, для занимающагося предметомъ спеціально годны только развѣ въ качествѣ справочнаго пособія.

Вышеназванное изданіе устраняетъ всѣ указанныя неудобства, Каждый томикъ въ 400—500 страницъ, иллюстрированый большимъ количествомъ (отъ 100 до 150, иногда и больше) спеціально изготовляемыхъ для того гравюръ по оригиналамъ, стóитъ въ изящномъ тисненомъ переплетѣ всего $4^1/_2$ франка, безъ переплета только $3^1/_2$ франка, дешевизна у насъ почти неслыханная и невозможная. Задумано и выполняется это предпріятіе очень широко. Отдѣльные томики посвящены или общимъ вопросамъ каждой отдѣльной отрасли искусства (какъ-то: живопись, скульптура, гравюра, музыка и т. д.), или болѣе подробному изложенію исторіи каждой изъ этихъ отраслей въ разные періоды и въ разныхъ странахъ, или, наконецъ, искусству въ приложеніи къ различнымъ видамъ промышленности и пр. Каждый томикъ, что особенно важно, составляется спеціалистомъ. Уже съ самаго начала выказался серіозный характеръ этого изданія; оно имѣло блестящій успѣхъ, и изданія нѣкоторыхъ томиковъ пришлось повторять. Французское правительство поставило эту коллекцію подъ покровительство администраціи изящныхъ искусствъ, французская академія увѣнчала ее монтіоновской преміей, академія изящныхъ искусствъ преміей Bordin.

Многія изъ сочиненій, вошедшихъ въ составъ этой коллекціи (число вышедшихъ томиковъ достигаетъ уже сорока), при всей популярности изложенія представляютъ плодъ настолько солидной работы, что ссылки на нихъ нерѣдко можно встрѣтить въ спеціальныхъ сочиненіяхъ по археологіи и тому или другому отдѣлу искусства не только во французской, но даже и въ нѣмецкой литературѣ. Книга по египетской археологіи, написанная знаменитымъ египтологомъ, профессоромъ Масперò, переведена на нѣмецкій языкъ,—честь, выпадающая на долю очень немногихъ французскихъ писателей. Почтенный редакторъ журнала *Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ*, къ сожалѣнію прекратившаго свое полезное существованіе, возъимѣлъ было благую мысль вы-

давать въ видѣ преміи къ журналу отдѣльныя книжки этого изданія въ русскомъ переводѣ и уже выпустилъ такимъ образомъ двѣ книги: „Византійское искусство“ Байэ. (Спб. 1888) и „Древняя скульптура“ Пьера Пари (Спб. 1889). Съ прекращеніемъ журнала это прекрасное дѣло оборвалось теперь на самомъ началѣ. Впрочемъ, насколько намъ извѣстно, и эти два руководства остались почти неизвѣстными русской читающей публикѣ.

Появившаяся въ первой половинѣ настоящаго года книга Поля Жирара, заглавіе которой мы выписали въ началѣ этой замѣтки, представляетъ обычныя достоинства большинства томиковъ коллекціи, о которой мы только-что говорили.

Въ легкомъ, талантливомъ изложеніи авторъ на 326 страницахъ знакомитъ читателя съ живописью Египта, восточныхъ народовъ, Грековъ, Этрусковъ и Римлянъ. Въ предѣлахъ настоящей замѣтки мы не можемъ исчерпать всего богатаго содержанія этой интересной книги и, потому, ограничимся лишь самымъ краткимъ его образомъ. I глава (стр. 7—55) посвящена египетской живописи и даетъ краткій, но превосходно составленный очеркъ этого чисто декоративнаго искусства; [1] авторъ отмѣчаетъ тѣсную связь этой живописи съ рисункомъ на одной плоскости, что стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ ея декоративнымъ значеніемъ; останавливается на своеобразной условности этой живописи; указываетъ на то, какъ, при всемъ этомъ, египетскіе живописцы умѣли выражать жизнь, подмѣтить характерныя движенія и черты, и заканчиваетъ изложеніемъ ихъ техническихъ пріемовъ. Почти столько же мѣста отведено живописи восточныхъ народовъ, Халдеевъ, Ассиріянъ, Финикіянъ, малоазіятскихъ племенъ и Персовъ (глава II, стр. 56—90), о которой мы можемъ судить лишь по скуднымъ остаткамъ въ видѣ полуразрушенныхъ фресокъ, эмальированной облицовки стѣнъ и т. п.

Далѣе идетъ греческая живопись, которая занимаетъ двѣ трети всего сочиненія (стр. 91—286) и, по признанію самаго автора, представляетъ главный предметъ его книги. Столь значительное мѣсто, отведенное живописи Эллиновъ, соотвѣтствуетъ вполнѣ ея значенію: у Грековъ впервые она явилась самостоятельнымъ

[1] Египетская живопись не была живописью въ нашемъ смыслѣ этого слова, не существовала сама по себѣ, а лишь служила для разцвѣченія зданій и статуй, то-есть служила вспомогательнымъ средствомъ для архитектуры и скульптуры.

родомъ искусства. Греки, воспитанные на произведеніяхъ своей несравненной скульптуры, любили и свою живопись, занимались ею ради нея самой и умѣли, съ помощью рисунка и красокъ, выражать жизнь и человѣческія страсти.

Правда, мы не имѣемъ даже фрагментарныхъ остатковъ этой живописи; всѣ ея лучшія созданія утрачены для насъ навсегда, и мы не можемъ даже надѣяться найти ихъ когда-нибудь; но у насъ есть другія средства, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, возстановить это искусство въ нашемъ представленіи. Драгоцѣнный свѣтъ на его исторію проливаютъ сохранившіяся у древнихъ писателей описанія картинъ и отзывы о произведеніяхъ того или другаго художника. Второе важное вспомогательное средство—живопись на древнегреческихъ глиняныхъ сосудахъ: будучи, какъ и самая посуда, дѣломъ большею частію простыхъ ремесленниковъ, она, тѣмъ не менѣе, достигаетъ подчасъ высокаго совершенства и въ своихъ сюжетахъ и техническихъ пріемахъ является вѣрнымъ отраженіемъ монументальной живописи, которая вдохновляла и направляла эту промышленную отрасль искусства. Любопытныя повторенія картинъ знаменитыхъ мастеровъ находимъ также въ посредственныхъ произведеніяхъ помпейскихъ декораторовъ I вѣка по Р. Х. Наконецъ, значительную помощь оказываютъ надгробные стелы съ раскрашенными изображеніями умершихъ, барельефы, часто вдохновляемые монументальной живописью или усвоивающіе ея пріемы, фигурки изъ обожженной глины и раскрашенныя произведенія скульптуры. Пользуясь всѣми этими средствами, авторъ шагъ за шагомъ возстановляетъ исторію развитія греческой живописи, начиная съ грубыхъ попытокъ древнѣйшаго искусства въ Микенахъ и Тиринѳѣ и кончая великими мастерами IV вѣка и любопытными портретами уже римской эпохи, найденными въ Египтѣ. Въ заключеніе сообщаются интересныя свѣдѣнія о техническихъ пріемахъ греческой живописи и въ частности о такъ-называемой энкаустикѣ или живописи съ помощью красокъ, приготовленныхъ на воскѣ.

Глава о греческой живописи оканчивается чрезвычайно интереснымъ очеркомъ полихроміи зданій и статуй, которую можно теперь считать уже окончательно установленнымъ фактомъ. Авторъ, сводя всѣ новѣйшія данныя по этому вопросу, очень важному для выясненія правильнаго взгляда на характеръ греческаго искусства, устанавливаетъ предѣлы этой полихроміи въ

архитектурѣ и архитектонической скульптурѣ Грековъ и считаетъ необходимостью признать полную раскраску изолированныхъ статуй, о которой свидѣтельствуютъ не только письменные и эпиграфическіе памятники, но и матеріальные остатки. Наконецъ, глава IV (стр. 287—297) и V (стр. 298—330) посвящены этрусской и римской живописи.

При всей необходимой краткости такого популяризующаго сочиненія, авторъ съумѣлъ дать довольно полную и цѣльную картину историческаго развитія древней живописи, не теряясь въ мелочахъ и не впадая въ то же время въ сухость и излишнюю сжатость изложенія; тѣмъ не менѣе намъ приходится указать и на нѣкоторыя слабыя стороны его труда.

Обращаясь къ этимъ слабымъ сторонамъ, мы должны прежде всего указать на то, что увлеченіе автора его основнымъ пріемомъ, освѣщать исторію живописи при помощи другихъ памятниковъ, заводитъ его иногда слишкомъ далеко. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, параграфъ о доисторической живописи на почвѣ Греціи (§ Ier: les premières peintures, стр. 94—120), безъ особой пользы для дѣла, обратился въ главу объ искусствѣ микенской эпохи, занимающую больше мѣста, чѣмъ глава объ этрусской живописи или живописи Римлянъ. Описавъ скудные остатки этой древнѣйшей живописи въ Микенахъ и Тиринѳѣ, авторъ ставитъ вопросъ объ ея происхожденіи и оригинальности и для рѣшенія этого вопроса даетъ общій обзоръ микенской культуры, болѣе умѣстный въ какой-нибудь общей исторіи греческаго искусства, чѣмъ въ сочиненіи имѣющемъ цѣлью популярное изложеніе исторіи живописи. Всего чувствительнѣе это увлеченіе сказывается въ рисункахъ: привлеченіе нѣкоторыхъ изъ нихъ является совершенной натяжкой (напримѣръ, рис. 113, 141), другіе или не имѣютъ никакой аналогіи въ текстѣ (напримѣръ, рис. 147), или совершенно излишни и только напрасно отнимаютъ мѣсто у рисунковъ, помѣщеніе которыхъ было бы болѣе желательно (рис. 61, 85, 116, 119) [1]. Въ общемъ, однако, эту мысль освѣщать исчезнувшія произведенія греческой живописи рисунками съ другихъ памятниковъ, дающими опорные пункты

[1] На стр. 223 — 5 авторъ, кажется, поступилъ бы основательнѣе, еслибы вмѣсто четырехъ образчиковъ, заимствованныхъ изъ помпейской живописи, далъ хотя бы одинъ или два рисунка аттическихъ сосудовъ IV вѣка, особенно изъ разряда тѣхъ миніатюрныхъ кувшинчиковъ (ойнохой), которые и по назначенію своему должны были служить игрушкой дѣтямъ.

для ихъ возстановленія, мы отнюдь не можемъ назвать неудачной; этотъ пріемъ гарантируетъ, по крайней мѣрѣ, бо́льшую осторожность и бо́льшую близость къ истинному характеру этой живописи, чѣмъ остроумныя сопоставленія съ исторіей новой, христіанской живописи. Можно также сдѣлать автору упрекъ за преувеличеніе значенія этой живописи, которое привело его къ страннымъ заключеніямъ о вліяніи ея даже на скульптуру Фидія (стр. 178 и 187), на метопы Парѳенона (стр. 189) и къ отнесенію сохранившихся бюстовъ Александра Великаго на счетъ Апеллеса (стр. 240).

Оставляя въ сторонѣ нѣкоторые спорные вопросы (какъ, напримѣръ, вопросъ о хронологіи Евмара и Кимона, о пріуроченіи къ этому послѣднему начала краснофигурной живописи на сосудахъ и т. п.), мы не можемъ, въ заключеніе, не указать на крупный недостатокъ построенія всего параграфа, посвященнаго послѣднимъ временемъ греческой живописи (§ VII, стр. 243—257.—Эллинистическая живопись: Антифилъ. Файюмскіе портреты). Мы не знаемъ, прежде всего, почему авторъ представителемъ эллинистической живописи выбралъ именно Антифила, котораго и по времени мы не имѣемъ основанія придвигать ближе конца IV вѣка, и ничего не упомянулъ о дѣйствительныхъ представителяхъ эпохи діадоховъ, Тимомахѣ, Деметріѣ и др. Опустивъ, такимъ образомъ, и всю александрійскую эпоху, которую можно было бы превосходно иллюстрировать нѣкоторыми фресками Помпей, авторъ дѣлаетъ довольно неожиданный скачекъ къ файюмскимъ портретамъ, которые могутъ быть связываемы съ исторіей греческой живописи не больше, чѣмъ, напримѣръ, портретъ булочника и его жены, отнесенный въ главу о римской живописи. Если привлеченіе файюмскихъ портретовъ расширяетъ эту исторію до II—IV вѣка нашей эры, то нельзя уже говорить, что пейзажъ въ греческой живописи былъ только рамкой: достаточно вспомнить Деметрія, александрійскаго живописца, переселившагося въ Римъ около 180 г. до Р. Х., и многочисленные пейзажи Геркулана и Помпей.

За исключеніемъ этихъ погрѣшностей, книга въ общемъ, какъ мы сказали, составлена прекрасно. Рисунки, исполненные Faucher-Gudin'омъ почти всѣ очень хороши, даже и не для такого популярнаго, дешеваго изданія. Фактическіе промахи рѣдки: отнесеніе рельефовъ Гьелбаши къ концу III вѣка (стр. 186) вмѣсто V, послѣ капитальной работы Отто Беннндорфа (Das Heroon

von Gjölbaschi-Trysa, Wien 1889), представляется настолько страннымъ, что мы склонны считать это за опечатку. Любопытное освѣщеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, матеріалъ, которымъ воспользовался авторъ, наконецъ, указанія на нѣкоторые новые, еще неизданные матеріалы, дѣлаютъ книгу интересной и для спеціалистовъ-археологовъ.

К. Чичаговъ.

Ruge. *S. Chistoph Columbus.* Dresden. 1892.

Въ виду исполнившагося въ нынѣшнемъ году 400-лѣтія со времени открытія Америки Христофоромъ Колумбомъ, иностранная литература текущаго года обогатилась цѣлымъ рядомъ сочиненій, посвященныхъ памяти этого великаго человѣка, начиная съ самыхъ популярныхъ и кончая строго-научными. Всякому, занимавшемуся эпохой открытій и изобрѣтеній, извѣстно, сколько легендарнаго, неяснаго и противорѣчиваго сохранилось о жизни Христофора Колумба. Разобраться въ этомъ лабиринтѣ—дѣло не легкое. Указанная монографія Руге представляетъ одну изъ удачныхъ въ этомъ отношеніи попытокъ. Книга представляетъ сводъ всего, что̀ сдѣлано наукой доселѣ по этому вопросу. Наибольшею запутанностью отличается, какъ извѣстно, исторія юношеской жизни Колумба. Она, по справедливымъ словамъ Руге, не принадлежитъ вполнѣ страницамъ исторіи. Какой бы пунктъ ни взяли мы изъ этого времени—мѣсто ли рожденія Колумба, или годъ, или воспитаніе,—на всякомъ шагу встрѣтимся съ массой противорѣчивыхъ свѣдѣній. Главными источниками для этого періода жизни Колумба служатъ для Руге: „*Жизнеописаніе адмирала*“ (1571 г., изд. 1876 г.), приписываемое, хотя и совершенно неосновательно, сыну Колумба, Фердинанду, „*Исторія Индіи*“ Ласъ-Казаса (1561 г., изд. 1875 г.) и новѣйшіе труды Гарриса и маркиза Стальено. Благодаря трудамъ особенно послѣдняго („Verschiedene Aufsätze über die Familie des Columbus in dem Giornale Ligostico“, 1885—1887 г.г.) можно считать вполнѣ выяснившеюся исторію фамиліи Колумбовъ. Мѣстомъ рожденія и первыхъ годовъ жизни Христофора Колумба Руге считаетъ Геную и—въ частности—домъ, пріобрѣтенный въ 1887 году Генуезскою думой, въ которомъ сохранилась опредѣленная надпись въ этомъ смыслѣ. Весьма распространенное (Harrisse: „Christoph Colomb, les Corses et le gouvernemênt Français.

Paris". 1890) мнѣніе о корсиканскомъ происхожденіи Колумба считается Руге за чистѣйшій вымыселъ.

Не мало противорѣчій встрѣчается и въ опредѣленіи года рожденія Колумба. Обыкновенно указываются двѣ даты: 1436 годъ (Бернальдецъ въ „Исторіи Фердинанда и Изабеллы", изд. Rossel'емъ въ 1878 году) и 1456 годъ (Пешель въ „Исторіи эпохи открытій и изобрѣтеній"). Руге ставитъ новую—1446 годъ, и не безъ серьезныхъ основаній. Въ 1501 году Колумбъ упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что онъ уже сорокъ лѣтъ плаваетъ по морю. Если сравнить это извѣстіе съ не менѣе извѣстнымъ фактомъ, что онъ четырнадцатилѣтнимъ юношей въ первый разъ пустился въ море, то годъ рожденія падетъ на 1446 годъ. Другія основанія для этой даты можно заимствовать изъ нотаріальныхъ актовъ. 7 августа 1473 года Христофоръ Колумбъ съ братомъ Джіовани явился въ качествѣ свидѣтеля на судъ. По генуезскому обычаю, такое право Итальянецъ получаетъ только въ 25 лѣтъ, слѣдовательно, Джіовани, какъ младшій, родился около 1448 года, а Христофоръ, какъ старшій, на годъ или два—ранѣе. Между тѣмъ 25 мая 1471 года мы не видимъ Христофора Колумба въ числѣ свидѣтелей; очевидно, ему еще не было въ это время 25 лѣтъ и родиться ранѣе 25 мая 1446 года онъ не могъ. 20 марта 1472 года онъ уже присутствуетъ въ качествѣ свидѣтеля при утвержденіи духовнаго завѣщанія; слѣдовательно, онъ уже совершеннолѣтній. А въ такомъ случаѣ и позднѣе 20 марта 1447 года онъ не могъ явиться на свѣтъ. Такимъ образомъ, время его рожденія падаетъ между 25 мая 1446 г. и 20 марта 1447 года. Опредѣлить точнѣе дату Руге считаетъ невозможнымъ.

Изъ времени юношеской жизни Колумба Руге исправляетъ вкравшееся даже въ учебники мнѣніе объ обученіи Христофора Колумба въ Павіанскомъ университетѣ.

Постепенное зарожденіе великой идеи въ головѣ Христофора Колумба и приведеніе ея въ исполненіе развиваются у Руге обстоятельно и картинно.

Въ этотъ періодъ жизни Христофора Колумба уже не встрѣчается тѣхъ камней преткновенія, о которыхъ мы говорили. Здѣсь въ рукахъ историка незамѣнимый источникъ въ видѣ корабельной книги или дневника, веденнаго самимъ Христофоромъ Колумбомъ и сохранившагося въ отрывкахъ до нашего времени.

Впрочемъ, и здѣсь есть пунктъ, вызывающій не мало недо-

умѣній и рѣшаемый на разные лады. Это опредѣленіе положенія острова „Новаго Свѣта“, къ которому 12 октября 1492 года прибыла эскадра Колумба,—острова, названнаго имъ Санъ-Сальвадоромъ. Дѣло въ томъ, что ни Колумбъ, ни его современники не обозначили его на картѣ, и существующій нынѣ о. Санъ-Сальвадоръ въ первый разъ встрѣчается на картахъ не ранѣе XVII вѣка. Поэтому тожество нынѣшняго о. Санъ-Сальвадора съ островомъ, названнымъ такъ Колумбомъ, — довольно сомнительнаго свойства. Туземное же названіе — Гванагани — быстро исчезло.

Выводъ, къ которому приходитъ Руге при опредѣленіи этого острова, тотъ, что съ несомнѣнностью можно говорить только о принадлежности этого острова къ третьей группѣ Багамскихъ островов, состоящихъ изъ 12 большихъ, 600 малыхъ и 1000 рифовъ. Частнѣйшее же опредѣленіе острова – дѣло большей или меньшей вѣроятности. Изъ пяти указываемыхъ обычно острововъ Руге больше склоняется на сторону Ватлинга.

Недавнее мнѣніе о нахожденіи гробницы и праха Христофора Колумба въ Санъ-Доминго признается Руге за грубый обманъ.

Въ общемъ указанная монографія Руге можетъ считаться одною изъ самыхъ лучшихъ, особенно въ дѣлѣ оріентированія въ наиболѣе темныхъ пунктахъ исторіи Христофора Колумба.

В. С.

О значеніи Джона Говарда въ исторіи тюремной реформы. Э. А. Казалета. Москва, 1892 г.

Въ 1890 году исполнилось сто лѣтъ со времени смерти извѣстнаго филантропа Джона Говарда. Въ этомъ же году состоялся въ Петербургѣ международный тюремный конгрессъ. Въ виду этого совпаденія, коммиссія по устройству конгресса, чрезъ своего предсѣдателя, начальника главнаго тюремнаго управленія М. Н. Галкина-Врасскаго возбудила ходатайство объ установленіи международнаго конкурса на тему: „о значеніи Джона Говарда въ исторіи тюремной реформы“. Ходатайство это удостоилось Высочайшаго одобренія и ко времени конгресса поступило до двадцати сочиненій на различныхъ языкахъ; изъ нихъ удостоены наградъ пять и въ томъ числѣ означенный трудъ Э. Казалета.

Джонъ Говардъ всю свою жизнь посвятилъ дѣлу облегченія

участи заключенныхъ въ тюрьмахъ и исправленія ихъ. Для этого онъ изъѣздилъ болѣе 60.000 верстъ и издержалъ до 300.000 рублей. Значеніе его въ тюремной реформѣ—громадное. До него никто не задавался цѣлью исправить преступника, перевоспитать его; послѣ него—эта идея легла въ основу тюремнаго дѣла во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Изъ этого видно, какъ должна быть интересна біографія такого великаго реформатора-гуманиста. Къ сожалѣнію, названная брошюра Э. Казалета не можетъ удовлетворить читателя. Слишкомъ блѣдно и туманно очерченъ въ ней Джонъ Говардъ и, самое главное, недостаточно ясно обрисована связь между дѣятельностью Джона Говарда и правительственными мѣрами въ различныхъ странахъ по улучшенію тюремъ. Какъ произошла перемѣна въ системахъ заключенія арестантовъ, почему такъ радикально измѣнились взгляды на это дѣло правительствъ—это вопросы первой важности, но отвѣта на нихъ не найдемъ въ брошюрѣ. Впечатлѣніе получается неопредѣленное: съ одной стороны подробные маршруты путешествій Джона Говарда, съ другой—улучшеніе участи заключенныхъ, какъ результатъ этихъ путешествій; связь между ними чисто внѣшняя, какъ будто достаточно *только* путешествовать съ благотворительною цѣлью, чтобъ и двери всѣхъ тюремъ для васъ открывались и правители съ благодарностью принимали ваши совѣты и указанія. Въ разбираемой брошюрѣ опущено самое важное—*исторія нравственнаго вліянія Дж. Говарда* на современное ему общество. Безъ этой поучительной исторіи непонятно и его значеніе въ тюремной реформѣ. Этотъ недостатокъ труда г. Казалета зависитъ отчасти отъ самой системы описанія жизни Дж. Говарда, нестрого хронологической; такъ, напримѣръ, о литературной дѣятельности его говорится отдѣльно въ послѣдней главѣ, хотя эта дѣятельность стоитъ въ самой непосредственной связи съ путешествіями Дж. Говарда.

Въ брошюрѣ приводится много отрывковъ изъ дневника Джона Говарда. Нѣкоторыя мѣста очень интересны, хотя, въ общемъ, дневникъ очень сухъ и кратокъ. Трудъ Э. Казалета изданъ Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ и, какъ всѣ изданія этого Общества, отличается безукоризненною внѣшностью.

І. Ф.

Русская классная библіотека, издаваемая подъ редакціей А. Н. Чудинова. *Пособіе при изученіи русской литературы.* С.-Петербургъ, 1891—92 гг., 11 выпусковъ. Изданіе И. Глазунова.

Въ предисловіи къ изданію, предпринятому И. Глазуновымъ и А. Н. Чудиновымъ въ качествѣ пособія къ изученію русской литературы, перечислено, по предварительно намѣченному плану, пятьдесятъ выпусковъ. Вѣроятно, упустивъ изъ вида смыслъ втораго заглавія („Пособіе при изученіи *русской* литературы"), редакторъ изданія ставитъ себѣ задачей познакомить юныхъ читателей (*классная* библіотека) съ Нибелунгами, Калевалой, поэмами Оссіана, пѣснью о Роландѣ, „Гамлетомъ" Шекспира, „Вильгельмомъ Мейстеромъ" Гёте, Мильтономъ, Сервантесомъ и другими столь же русскими произведеніями и писателями. Въ предварительно намѣченномъ планѣ обращаетъ на себя вниманіе и отсутствіе такихъ именъ, какъ С. Аксаковъ, Ѳ. Тютчевъ, Гоголь, графъ А. Толстой, графъ Л. Толстой, изъ которыхъ нѣкоторыя внесены уже въ программу школьнаго изученія литературы, а другимъ давно уже пора быть въ нее внесенными.

Тѣмъ не менѣе изданіе „*Русской школьной библіотеки*", дошедшее уже до одиннадцатаго выпуска включительно, представляетъ немалоцѣнный матеріалъ для школьныхъ занятій литературой. Первый выпускъ посвященъ „Слову о полку Игоревѣ" и заключаетъ въ себѣ оригинальный текстъ памятника, исправленный Ѳ. Буслаевымъ и сопровожденный въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ объясненіями лексическими, историческими, литературными и грамматическими, заимствованными изъ сочиненій Буслаева, Тихонравова, Барсова, Потебни, Смирнова и др. Рядомъ съ оригинальнымъ текстомъ приведенъ подстрочный переводъ его на современный русскій языкъ, сдѣланный проф. Максимовичемъ. Вслѣдъ за этимъ идутъ художественные переводы „Слова", сдѣланные Гербелемъ, Майковымъ, Меемъ, Козловымъ. Изложеніе „Слова" Карамзинымъ приложено въ качествѣ конспекта для содѣйствія изучающему этотъ памятникъ словесности въ стройномъ обобщеніи его содержанія, и въ довершеніе всего для всесторонней критической оцѣнки „Слова" приложены четыре статьи: *Исторія текста*, *Общая характеристика Слова* (Е. Барсова), *Личность пѣвца* (В. Стоюнина) и *Стилистическія и грамматическія особенности Слова*. Въ концѣ приложена даже краткая лексикологія „Слова" для справокъ.

Привожу содержаніе этого выпуска съ такою обстоятельностью, вопервыхъ, потому, что по немъ особенно ясно видны цѣли, преслѣдуемыя изданіемъ, а, вовторыхъ, потому, что съ этой точки зрѣнія первый выпускъ есть и одинъ изъ самыхъ выдержанныхъ. Въ немъ заключено все то, что̀ можетъ понадобиться преподавателю для ознакомленія учениковъ съ важнѣйшимъ изъ памятниковъ древней русской письменности, а это при цѣнѣ выпуска въ 30 к. представляетъ громадную заслугу издателей. Предоставивъ слово глубокимъ изслѣдователямъ памятника, г. Чудиновъ знакомитъ учащееся юношество съ тѣмъ вмѣстѣ и съ именами и съ трудами этихъ изслѣдователей, что̀ на пространствѣ 80 страницъ книжки представляло немало техническихъ трудностей.

Въ томъ же родѣ составленъ и выпускъ, посвященный „Домострою", хотя здѣсь издатель нѣсколько уклонился въ сторону, давъ мѣсто собственной критикѣ. Находя неумѣстнымъ оцѣнивать этотъ памятникъ съ точки зрѣнія современныхъ этическихъ понятій русскаго человѣка, еще менѣе соглашаясь съ попыткой распространить ученіе Домостроя на жизнь современнаго человѣка, издатель приходитъ къ заключенію, что всего умѣстнѣе ограничиться въ классѣ непосредственнымъ изученіемъ самого памятника; г. Чудиновъ усматриваетъ эту непосредственность въ сравнительномъ изученіи его по образцамъ древне-классическаго и западно-европейскихъ Домостроевъ, то есть наводя на него критическое зеркало со стороны.

Еще менѣе отвѣчаетъ поставленнымъ изданію задачамъ выпускъ третій „Басни русскихъ писателей въ сравнительномъ изученіи". Не давъ себѣ труда порыться въ трудахъ крупныхъ писателей, составители взглянули на басню съ точки зрѣнія темъ для гимназическихъ сочиненій, и настолько вошли въ роль гимназистовъ, что и самый слогъ ихъ критическихъ статей стоитъ въ разсматриваемомъ выпускѣ не выше слога пятиклассниковъ. Это не значитъ, чтобъ составители „*Классной библіотеки*" дѣйствительно не умѣли иначе писать, но заговоривъ по адресу учащихся, они впали въ недостатокъ, свойственный популярному нынѣ фребелевскому методу воспитанія, когда не дѣтей стараются поднять до уровня развитія воспитателей, а воспитатели опускаются до уровня развитія дѣтей, когда наглядный способъ обученія и стремленіе облегчить дѣтямъ первые шаги въ область науки стали грозить отнятіемъ, полнымъ отнятіемъ самостоятельности у дѣтскаго мышленія.

Дальнѣйшіе выпуски, однако, снова освободились отъ этого недостатка и книжка, посвященная комедіи „*Горе отъ ума*“, снабжена біографическимъ очеркомъ о Грибоѣдовѣ Стоюнина, критическимъ отзывомъ Пушкина и Гоголя о Грибоѣдовѣ, характеристикой комедіи Грибоѣдова Бѣлинскимъ и критическимъ этюдомъ Гончарова.

Пока изданы книжки о Котошихинѣ, Державинѣ, Ломоносовѣ, Карамзинѣ, Фонъ-Визинѣ и Жуковскомъ. Книжки не достигаютъ цѣны выше 65 к.

Плутархъ, сравнительныя жизнеописанія, пер. съ греческаго Б. Алексѣева. С.-Петербургъ. *Дешевая библіотека*, изд. А. С. Суворина.

Г. Суворинъ издаетъ сравнительныя жизнеописанія Плутарха въ книжкахъ цѣной въ 15 к. Каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ по два жизнеописанія, которыя и снабжены примѣчаніями. Изданіе предназначено, очевидно, для лицъ, не имѣющихъ возможности читать древнихъ классиковъ въ оригиналѣ, при томъ, судя по обстоятельности примѣчаній, и мало знакомыхъ съ исторіей. Дешевизна изданія несомнѣнно должна помочь достиженію этой цѣли. **А. Г.**

Лангстротъ. *Пчела и улей.* Переводъ съ англійскаго Шарля Дадана. Въ русскомъ переводѣ подъ редакціей Г. П. Кандратьева.

Лангстротъ считается отцомъ американскаго пчеловодства, разродшагося въ послѣднее время до огромныхъ размѣровъ. Вся его жизнь была посвящена этому прекрасному дѣлу. Книга его является въ области пчеловодства особенно цѣнной, ибо соединяетъ въ себѣ кромѣ всего того, что̀ добыто наукой, еще сводъ личныхъ, очень долгихъ и внимательныхъ наблюденій надъ жизнью и работой пчелъ. Лангстротъ прежде всего практикъ-пасѣчникъ, затѣмъ пропагандистъ, и притомъ талантливый, увлекательный, согрѣтый великою любовью къ дѣлу, чувствующій и передающій всю его поэзію. Пчелы у Лангстрота это его дѣти, предметъ постоянной любви и удивленія. Отъ этого и книга читается прекрасно. Живой интересъ не ослабѣваетъ ни на минуту во все продолженіе объемистаго тома.

Лангстротъ проходитъ послѣдовательно анатомію и физіологію пчелы, устройство ульевъ, работу меда, воска, сборъ перги, выводъ червы, матки, трутней, рабочихъ пчелъ, разсказываетъ о пчелиныхъ болѣзняхъ, о воровствѣ, о врагахъ пчелъ и т. д., давая полный курсъ пчеловодства и предполагая читателя вовсе незнакомаго съ дѣломъ.

Что всего дороже въ книгѣ—это выясненіе очень тщательное всѣхъ условій раціональнаго пчеловодства. Прочтя эту книгу приходишь къ самому твердому убѣжденію, что водить пчелъ по старому, то-есть въ темную, и невыгодно, и безсмысленно. Безсмысленно, напримѣръ, помѣщать пчелъ въ такомъ ульѣ, гдѣ имъ нельзя ни помочь, ни разсмотрѣть ихъ работу, ни распорядиться ими. Безсмысленно сидѣть и ждать роевъ, стеречь и ловить улетающихъ пчелъ и имѣть рои не вовремя и слабой силы, когда искусственное роеніе дѣлается такъ просто и легко. Безсмысленно заставлять пчелъ расходовать по 16 фунтовъ меда на постройку 1 фунта сотовъ, когда достаточно подставить пластинку отпрессованной на рублевомъ станкѣ искусственной вощины, чтобы удвоить или утроить производительность пчелинаго труда.

Основными условіями научно-поставленнаго пчеловодства Лангстротъ считаетъ: хорошій разборный рамочный улей (имъ построенъ самимъ лучшій типъ американскаго улья), искусственное роеніе и искусственную вощину. При соблюденіи этихъ условій, пчеловодство можетъ давать огромный доходъ, и вся дѣятельность пчелъ, вся ихъ жизнь регулируется хозяиномъ пасѣки до мелочей. Пчелы работаютъ или размножаются по желанію. Хотите быстро увеличить число семей на пасѣкѣ—откажитесь отъ меда въ извѣстный годъ, и каждый улей дастъ по два молодыхъ роя. Не нужно размноженіе — его можно остановить совсѣмъ и всю трудовую силу пчелы пустить на образованіе медовыхъ запасовъ.

Книга Лангстрота была переведена на французскій языкъ и обработана, то-есть провѣрена и пополнена, извѣстнымъ пчеловодомъ Шарлемъ Даданомъ. Съ этого перевода сдѣланъ уже русскій переводъ, редакторъ котораго, нашъ выдающійся пчеловодъ, режиссеръ Императорской оперы въ Петербургѣ Г. П. Кандратьевъ, прибавилъ отъ себя множество очень цѣнныхъ наблюденій и замѣчаній. Въ общемъ этотъ коллективный трудъ представляетъ большую практическую цѣнность. Нѣтъ, кажется, ни одного вопроса пчеловодной практики, который бы не былъ обстоятельно разсмотрѣнъ и освѣщенъ.

Книга снабжена множествомъ отчетливо исполненныхъ рисунковъ и хорошимъ конструкторскимъ чертежомъ улья Лангстрота. Изданіе сдѣлано прекрасно. Вообще, книгѣ нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Германская печать о Россіи.—Россія какъ поставщица хлѣба на западную Европу и ея конкурренты Сѣверная Америка, Индія и Австралія.—Увеличеніе таможенной пошлины на хлопокъ. — Хлопковое производство въ Средней Азіи и возможность его расширенія.

Брюссельская монетная конференція. — Новый французскій законъ о трудѣ дѣтей, несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и женщинъ.

Намъ неоднократно приходилось отмѣчать умышленное распространеніе печатью западной Европы разныхъ лживыхъ нелѣпыхъ слуховъ касательно Россіи, лишь бы повредить ей въ чемъ бы то ни было и какъ бы то ни было. То пророчитъ она предстоящее банкротство Россіи, то голодъ, то повѣдаетъ о разныхъ ужасахъ и бѣдахъ. Въ прошломъ октябрѣ возвѣщался ею новый русскій внѣшній заемъ, теперь возвѣщается, что у насъ снова неурожай и что съ минуты на минуту надо ожидать новаго запрещенія вывоза хлѣба. Какъ въ минувшемъ мѣсяцѣ, такъ и теперь успокоителемъ европейскихъ потребителей нашего хлѣба явился *Journal de S.-Petersbourg*: въ № отъ 12 ноября онъ публиковалъ сообщеніе слѣдующаго содержанія: „Германская печать распространяетъ слухъ, будто бы русское правительство предполагаетъ прибѣгнуть къ ограничительнымъ мѣрамъ въ отношеніи вывоза зерноваго хлѣба. Слухъ этотъ, подобно многимъ другимъ слухамъ изъ того же источника, лишенъ всякаго основанія. Мы имѣемъ возможность заявить, что Россія не намѣревается ни ограничить вывоза хлѣбовъ, ни подвергать ихъ какимъ бы то ни было вывознымъ пошлинамъ, такъ какъ состояніе урожая текущаго года подобныхъ мѣръ не требуетъ.“

Возрастающій интересъ въ русскомъ обществѣ къ *хлѣбному вопросу* побуждаетъ насъ останавливаться на этомъ жизненномъ вопросѣ чаще и чаще, но да будетъ прощено намъ, что касаясь его, слишкомъ часто приходится украшать страницы цифрами.

Голыя цифры обыкновенно не пользуются благосклонностью читателей; большинство предпочитаетъ или вовсе не разрѣзать тѣхъ противныхъ страницъ, кои испещрены цифирными выкладками, или, разрѣзавъ ихъ, не удѣлять имъ никакого вниманія. И поэтому, чтобы не вводить читателя въ негодованіе и дурное настроеніе, составители разныхъ обозрѣній неспеціальныхъ журналовъ, всячески стараются избѣгать несчастной цифры и замѣнять ее съ грѣхомъ пополамъ описательнымъ изложеніемъ, но никогда не достигаютъ цѣли вполнѣ, такъ какъ замѣнить цифру такимъ образомъ нельзя: она и придумана, и держится въ обращеніи цѣлыя тысячелѣтія потому именно, что имѣетъ неисчислимыя предъ человѣчествомъ заслуги; и это въ особенности въ вопросахъ экономическаго свойства. И поэтому-то именно къ ней приходится намъ прибѣгать какъ къ незамѣнимому знаку.

Сколько бы пришлось исписать страницъ, чтобы дать ясное представленіе читателю о томъ, какое значеніе имѣетъ Россія какъ поставщица хлѣба на западную Европу, еслибы не прибѣгать къ цифрамъ, дающимъ возможность сдѣлать это на полстраницѣ съ небольшимъ, какъ это видно изъ слѣдующаго.

		Въ среднемъ за 1883—1887 гг.		1888		1889		1890	
		Общій приносъ	Въ томъ числѣ изъ Россіи.	Общій приносъ.	Въ томъ числѣ изъ Россіи.	Общій приносъ.	Въ томъ числѣ изъ Россіи.	Общій приносъ.	Въ томъ числѣ изъ Россіи.
		Милліоны пудовъ.							
Пшеница	Германія.....	34,1	29,6	20,2	9,1	31,5	18,3	41,0	22,6
«	Англія.....	171,3	24,8	177,4	66,3	181,7	66,1	187,5	60,1
«	Голландія.....	41,6	14,7	32,3	14,1	41,2	15.9	43,5	18,0
«	Франція.....	52,7	17,7	69,3	24.7	69,6	23.1	64.4	18.1
«	Италія.....	42,2	22,2	40,8	31.1	53.2	38,6	39,3	28,3
«	Бельгія	43,1	6,3	50.0	10,0	46,8	6,6	54,7	5,8
Рожь [1]	Германія.....	45.3	32,0	39.6	28.5	64.6	55,6	53,4	45.5
«	Голландія.....	25,9	14.4	36,4	27.2	37,4	23.4	27,4	21.5
«	Бельгія.....	6.8	3,1	8.7	4.6	6.6	1,7	5,6	2.1
Ячмень	Англія.....	45.1	18.6	65,9	35,7	54.0	24,4	51.7	25.6
«	Голландія....	11.2	5,5	12,9	8,4	15.2	4,4	16.2	8,7
«	Германія	25.2	54,	26,1	7,2	39,7	18,3	44,8	22.3
«	Бельгія.....	11,7	4,9	24,5	6.3	12.5	5.6	13,4	4.4
«	Франція.....	7,0	2,5	9,7	4.3	11,3	3.6	10.4	1,6
Овесъ	Англія.....	42,8	25.8	58.1	50.2	49,6	43,3	39,5	27.7
«	Германія.....	13.3	10.8	11,1	8.3	15,7	14,5	11.4	10.6
«	Франція.....	13,9	7,7	23.9	13.0	12,5	5,8	9.1	2.7
«	Бельгія.....	12.9	6,3	16.1	11.6	20,1	7.6	24.3	6.3
«	Голландія.....	6,5	4,7	12,0	8,5	7,7	7,0	10,2	8,2

[1] Кромѣ перечисленныхъ странъ, крупный вывозъ ржи имѣетъ мѣсто въ Швецію и Норвегію, въ которую въ среднемъ за 1883—1887 гг. вывозилось изъ Россіи 14,7 милл. п., въ Австро-Венгрію—3,1 и въ Данію—2.9 милл. пуд.

Изъ данныхъ этой таблицы усматривается, что за послѣдніе годы произошла нѣкоторая перемѣна въ распредѣленіи нашего хлѣба между его потребителями. Въ періодъ 83—87 годовъ Германія была на первомъ мѣстѣ, затѣмъ шла Англія, а въ 90 году эта послѣдняя купивъ у насъ 113,4 милл. пудовъ, становится на первое мѣсто, тогда какъ Германія—купила только 101 милл. пудовъ. Начинаетъ также выдвигаться Голландія, въ качествѣ посредника между Россіей и Италіей. Относительно собственно пшеницы наши потребители распредѣлились въ такомъ порядкѣ: Англія, Италія, Германія, Франція и Голландія. Относительно овса: Англія, Германія, Голландія и Бельгія. Относительно ячменя—опять на первомъ мѣстѣ Англія. Для ржи однако же сохранила свое мѣсто Германія, покупающая половину всей нами отпускаемой ржи.

Минувшій годъ далъ поводъ нашимъ покупателямъ обратить взоры свои къ другимъ производителямъ. Германія успѣла за это время установить на наши хлѣба дифференціальныя пошлины. Явился даже вопросъ, не поколебалось бы наше положеніе, какъ житницы Европы. *Вѣстникъ Финансовъ*, отвѣчая на него, говоритъ, между прочимъ, что весьма важнымъ и вѣскимъ соображеніемъ въ пользу вѣроятности сохраненія прежняго значенія за нашимъ хлѣбомъ является высокое его качество сравнительно съ американскимъ, почему уже въ нынѣшнемъ году за него платятъ дороже, чѣмъ за американскій.

Что качество нашего хлѣба выше американскаго, это совершенно вѣрно, но не надо забывать, что кромѣ Америки у насъ имѣются еще конкурренты: Австралія и Индія.

Припомнимъ здѣсь изслѣдованіе Допельмейера о качествахъ хлѣбовъ, ввозимыхъ въ Англію (*Моск. Вѣд.* 1884, № 14). Въ немъ между прочимъ говорится, „что на главнѣйшемъ европейскомъ рынкѣ, Лондонскомъ, индійская пшеница должна имѣть наибольшій спросъ, благодаря *преимущественно двумъ своимъ достоинствамъ—тонкой оболочкѣ зерна и его сухости, вслѣдствіе чего получается наибольшій выходъ муки, что выгодно для мельниковъ, и самый значительный припекъ, что выгодно для хлѣбниковъ.*

„До появленія на Лондонскомъ рынкѣ индійской пшеницы, только австралійская и новозеландская могли соперничать съ пшеницей, привозимою изъ Россіи, въ особенности изъ черноморскихъ пор-

товъ. Но вывозъ пшеницы изъ Австраліи и Новой-Зеландіи возрасталъ не особенно быстро и колебался между 8.318,530 буш. (начиная съ 1875 г.) и 11.631.267 бушелей, и только въ 1881 году достигъ количества 15.577.960 бушелей; привозъ въ Англію этой пшеницы составляетъ только четвертую часть привоза изъ Россіи, слѣдовательно, не представлялъ особенной опасности для русской пшеницы. Но индійская пшеница, какъ показываютъ приведенныя выше цифры, вторгается на рынки очень энергично. Кромѣ того, во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ остальные сорта, ввозимые въ Англію. *Русская пшеница, имѣя значительныя преимущества предъ американскою, все-таки ниже по достоинствамъ индійской.*

„Тѣ преимущества которыми славилось наше зерно на англійскомъ рынкѣ въ теченіи столь продолжительнаго времени, индійская пшеница представляетъ въ значительно большей степени и поэтому она въ состояніи съ успѣхомъ конкуррировать *съ нашею не столько по цѣнѣ, какъ своими качествами, имѣющими большое значеніе на англійскомъ рынкѣ.*

„Опасность отсюда для насъ больше, чѣмъ со стороны Америки. Намъ предстоитъ не только стремиться къ удешевленію производства пшеницы и ея провоза, но и къ такой культурѣ зерна, чтобы оно по своему качеству если не превосходило, то, по крайней мѣрѣ, ближе подходило къ качествамъ индійской пшеницы. Для болѣе успѣшной конкурренціи, намъ, кажется, было бы выгоднѣе продавать пшеницу въ Лондонѣ въ видѣ муки, которая у насъ вырабатывается весьма высокаго качества, тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи Индія не будетъ въ состояніи конкуррировать съ Россіей, такъ какъ провозъ пшеницы изъ Индіи въ видѣ муки, въ теченіе слишкомъ продолжительнаго времени, при тропической жарѣ, на пароходахъ пока не мыслимъ."

Нижеслѣдующая таблица прекрасно выясняетъ наши отношенія къ конкуррентамъ на англійскомъ рынкѣ въ періодъ 1867—1883 годовъ.

Вотъ итоги ввоза въ Англію пшеницы изъ Соединенныхъ Штатовъ, Россіи, Индіи и Австраліи съ указаніемъ % соотношенія ввоза этихъ странъ. (Въ пудахъ. Центнеръ принятъ равнымъ 3.1 пуда).

ГОДЫ.	Сѣверо-Американ соединен. Штаты.	Россія.	Индія.	Австралія.	% отношеніе къ общему ввозу пшеницы въ Англію ввоза.			
					Сѣверо-Америк. соедин. Штатовъ.	Россіи.	Индіи.	Австраліи.
1867	12.981.956	43.478.231	16.144	2.226.602	12,1	40,5	0,01	2
1868	17.315.261	31.166.212	500.823	600.014	15	30,8	0,5	0,6
1869	40.862.671	28.390.816	3.093	555.185	35	24,3	—	0,5
1870	38.352.958	31.834.513	26.660	264.188	40	33,2	0,02	0,2
1871	41.496.978	48.527.400	682.071	983.747	34	39,8	0,31	0,9
1872	27.031.814	55.352.549	485.661	1.551.825	20,7	42,4	0,37	1,1
1873	61.368.883	29.746.573	2.296.895	5.584.225	45,2	21,9	1,6	4,1
1874	71.579.282	17.749.549	3.329.214	2.813.383	55,6	13,8	2,5	2,1
1875	72.922.261	31.016.650	4.136.534	3.586.213	45,4	19,3	2,5	2,0
1876	59.901.417	27.219.946	10.190.311	8.077.205	43,5	19,7	7,4	5,9
1877	66.299.338	33.567.531	18.925.453	1.319.660	39,5	19,9	11,2	0,9
1878	90.088.507	27.967.204	5.644.731	4.506.823	58,2	18	3·7	2,9
1879	112.729.874	24.814.232	2.749.718	6.967.575	60,8	13,4	1,6	3,5
1880	112.191.523	8.928.899	10.010.055	13.163.765	65,5	5,2	5,8	7,6
1881	111.858.812	12.544.611	22.728.009	9.203.063	63,3	7	12,8	5,1
1882	108.684.079	29.670.165	26.280.184	7.692.893	54,8	14,9	13,1	3,8
1883	80.804.079	41.209.409	34.854.840	8.344.033	40,5	20,7	17,6	4,3
За 11 м. 1884 г.	65.714.342	15.775.996	22.655.314	19.593.658	40,4%	11,5%	16,5	10,4%
За 11 м. 1883 г.	76.433.600	39.997.450	32.228.970	20.781.197	48 %	21 %	17 %	4,2%

Примѣчаніе. Дано по годамъ съ 67 по 82 годъ—The Mark-Lane Expresse за 11 декабря 82 года; за 83 г.—The Economist отъ 12 января 84 г. за 11 мѣс. 84 г.—The Economist 13 декабря 1884 года.

Всѣ эти обстоятельства никоимъ образомъ не позволяютъ успокаиваться на лаврахъ, а напротивъ побуждаютъ принимать самыя дѣятельныя мѣры къ тому, чтобъ устранить все, что способно тормозить нашу хлѣбную торговлю, такъ какъ она есть источникъ благосостоянія нашего отечества. Странно, что неустроеніе въ этой области заставляетъ до сихъ поръ многихъ и многихъ думать, что *кабакъ*—этотъ своего рода запасный магазинъ концентрированнаго хлѣба — есть источникъ дохода государства (*Русское Обозрѣніе* октябрь, „Экономическое Обозрѣніе"), а не самый хлѣбъ въ своемъ первообразѣ.

Къ числу мѣръ, клонящихся къ увеличенію государственнаго дохода между другими, по послѣднимъ извѣстіямъ, является повышеніе таможенной пошлины на хлопокъ по морской границѣ до 1 р. 40 к. съ пуда, по сухопутной до 1 руб. 55 к. золотомъ вмѣсто установленныхъ закономъ 11 іюня 1891 года 1 р. 20 к. для хлопка, идущаго по морской границѣ и 1 р. 35 к.—по сухопутной границѣ.

Это мѣропріятіе, имѣющее безъ сомнѣнія благую цѣль поощренія развитія культуры хлопка въ Туркестанѣ, при существующей неустойчивости въ цѣнахъ на хлопокъ, конечно не останется безъ нѣкотораго вліянія на бумаго-прядильное производство. Есть слухи, что московскіе фабриканты имѣли даже намѣреніе обратиться въ финансовое вѣдомство съ ходатайствомъ объ отсрочкѣ этого мѣропріятія до болѣе удобнаго времени.

О колебаніи цѣнъ на хлопокъ можно судить по слѣдующему: годъ тому назадъ пудъ хлопка въ Англіи стоилъ на золото 5 р. 96 к., затѣмъ цѣна его упала въ послѣднее время до 3 р. 65 к.; и теперь опять поднялась до 5 р. 50 к. и продолжаетъ рости съ каждымъ днемъ. Главнѣйшая причина такихъ колебаній заключается въ плохомъ урожаѣ его въ Америкѣ.

Въ виду интереса, возбуждаемаго теперь въ торгово-промышленномъ мірѣ *хлопковымъ дѣломъ*, мы полагаемъ, что не будетъ несвоевременнымъ привести нѣкоторыя данныя о производствѣ хлопка въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, вь Хивѣ и Бухарѣ.

Мы воспользуемся для этого обстоятельнымъ отчетомъ г. Корейши, изучавшаго хлопководство на мѣстѣ въ прошломъ году, по порученію правленія Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ настоящее время посѣвы хлопка въ Средней Азіи производятся въ ханствахъ Хивинскомъ и Бухарскомъ и въ Туркестанскомъ краѣ, состоящемъ изъ областей Самаркандской, Ферганской и Сыръ-Дарьинской съ Аму-Дарьинскимъ отдѣломъ. Въ ханствахъ сѣется хлопокъ почти исключительно туземный, а въ Туркестанскомъ краѣ по премуществу сѣменами американскими. О количествѣ хлопка, собираемаго въ ханствахъ имѣть точныхъ цифръ нельзя, такъ какъ тамъ не имѣется никакихъ статистическихъ свѣдѣній, и можно знать только, сколько идетъ его въ наши предѣлы, и то не отъ мѣстныхъ правительствъ, а отъ управленій желѣзныхъ дорогъ Закаспійской и Оренбургской.

Что касается края Туркестанскаго, то производство тамъ хлопка опредѣляется слѣдующими данными оффиціальнаго источника:

	Площадь посѣва въ десятинахъ.	Урожай сырца въ пудахъ туземнаго—американскаго.		Всего.	Вышло очищеннаго волокна въ пуд.
1887	61.092	478.962	2.441.411	2.920.373	973.458
1888	71.289	—	—	3.597.098	1.999.034
1889	67.048	1.803.193	1.632.377	3.435.570	1.145.190
1890	89.549	2.752.622	1.008.031	3.760.653	1.253.551

Эти данныя несомнѣнно свидѣтельствуютъ о быстромъ развитіи хлопководства въ Туркестанскомъ краѣ, но точными ихъ все-таки назвать нельзя, и это въ особенности за 1890 годъ. Такъ какъ въ этомъ году предполагалось возвысить налогъ на хлопковыя плантаціи, то владѣльцы послѣднихъ всячески уклонялись отъ сообщенія свѣдѣній о количествѣ земли подъ ихъ плантаціями.

Американскія сѣмена годъ отъ году все больше и больше вытѣсняютъ сѣмена туземныя: ихъ было высѣяно и они дали урожаи слѣдующіе:

	Число десятинъ.	Собрано чистаго волокна въ пудахъ.
1884	300	2.300
1885	1.000	10.000
1886	12.000	60.000
1887	14.338	212.000
1888	37.137	561.614
1889	45.000	800.080
1890	—	до 2.000.000

Количество хлопка, поступающаго къ намъ изъ ханствъ опредѣляется приблизительно, какъ выше сказано, данными желѣзныхъ дорогъ Закаспійской и Оренбургской. Онѣ перевезли.

	Закаспійская ж. д. въ пудахъ.	*Оренбургская ж. д.* въ пудахъ.
1886	—	831.232
1887	—	544.545
1888	1.167.875	418.831
1889	1.997.499	340.903
1890	2.769.683	412.313

Въ этомъ количествѣ значится также хлопокъ персидскаго происхожденія, забираемый на Асхабадской станціи, и хлопокъ Мервскаго оазиса.

Слѣдующія цифры болѣе или менѣе точно опредѣляютъ все количество хлопка, поступившаго къ намъ изъ Средней Азіи (въ пудахъ).

	1888 г.	1889 г.	1890 г.
Изъ Туркестана...	145.193	796.629	1.182.543
„ Бухары.....	879.654	965.402	1.381.569
„ Хивы	509.080	447.874	503.089
„ Закаспія.....	3.162	2.050	5.073
„ Персіи	23.690	78.386	99.539
Всего.....	1.560.779	2.290.341	3.171.813

Сколько же изъ этого общаго количества хлопка поступило на мануфактуры московскаго, лодзинскаго и варшавскаго промышленныхъ районовъ—въ каждый въ отдѣльности?

Г. Корейша распредѣляетъ его такъ:

	1888.	1889.	1890.
„Всего вывезено хлопка изъ Средней Азіи, Кавказа и Персіи (безъ хивинскаго черезъ Оренбургъ)	1.213.084	1.857.078	2.990.805
Хлопокъ шелъ:			
Въ районъ Москвы:			
По Волгѣ до Нижняго [1] и Ярославля	373.573	354.365	1.093.326
По Волгѣ до Царицына	355.456	595.712	631.707
Черезъ Баку, Батумъ и Севастополь	457.654	636.625	590.519
Въ районъ Лодзи и Варшавы по Волгѣ до Царицына	32.368	270.376	349.213
Въ районъ Москвы, Лодзи и Варшавы, черезъ Баку, Батумъ и Одессу	94.033	—	326.040

Хлопокъ отправляется въ раіонъ Москвы четырьмя путями, по Каспійскому морю и Волгѣ до Нижняго и Ярославля; по Каспійскому морю, Волгѣ до Царицына и затѣмъ по желѣзнымъ дорогамъ; по Каспійскому морю и затѣмъ черезъ Баку, Батумъ или Поти и Севастополь и по Каспійскому морю и затѣмъ черезъ Баку, Батумъ или Поти и Одессу. Въ раіонъ же Лодзи и Варшавы хлопокъ направляется двумя путями: по Каспійскому морю и Волгѣ до Царицына и затѣмъ по желѣзнымъ дорогамъ и по Каспійскому морю и затѣмъ черезъ Баку, Батумъ или Поти и Одессу."

Хлопководствомъ и вообще хлѣбопашествомъ и травосѣяніемъ въ Средней Азіи занимаются по мѣстамъ искусственно орошаемымъ; исключеніе представляетъ отчасти Ферганская область, гдѣ иногда посѣвы дѣлаются подъ дождь. Этихъ удобныхъ оро-

---

[1] Количество хлопка, перевезеннаго по Волгѣ до Нижняго и Ярославля, получено путемъ вычета количества хлопка, поступившаго на дороги Закавказскую и Грязе-Царицынскую въ Баку и Царицынѣ, изъ количества хлопка, прибывшаго въ Узунъ-Ада; количество же хлопка, попавшаго въ Одессу, получено путемъ вычета хлопка, перевезеннаго по Лозово-Севастопольской дорогѣ, изъ количества хлопка, вывезеннаго изъ Батума и Поти.

шаемыхъ мѣстъ въ Туркестанской области насчитывается до 2.000.000 десятинъ. Выгодность посѣва хлопка отвлекаетъ туземцевъ отъ хлѣбопашества, и это въ особенности около Ташкента, гдѣ цѣны на хлѣбъ поднялись отъ этого противъ прежнихъ лѣтъ на 50%.

Знатоки хлопковаго дѣла утверждаютъ, что количество добываемаго въ Туркестанѣ хлопка не можетъ увеличиться при теперешнихъ условіяхъ болѣе чѣмъ на 30% противъ количества, полученнаго въ 1890 году, то-есть достигнуть приблизительно 1.629.616 пудовъ хлопка очищеннаго. Если считать, что средній урожай чистаго хлопка съ десятины равняется 14 пудамъ, то указанное предѣльное количество можно собрать приблизительно 116.401 десятины орошаемой земли; и слѣдовательно подъ хлопокъ можетъ быть отведено приблизительно только 5,82% всей орошаемой земли (т. е. изъ 2.000.000 дес., только—116.401 дес.).

Но есть ли возможность увеличить пространство орошаемыхъ земель? Полагаютъ, что Сыръ-Дарья можетъ послужить богатымъ для этой цѣли источникомъ, ибо по ея берегамъ есть много плодородныхъ земель, кои орошать возможно безъ особенныхъ усилій; такихъ земель насчитывается до 800,000 десятинъ въ Голодной степи между Ташкентомъ и Самаркандомъ, и до 250.000 десятинъ въ Ферганской области. И изъ всего этого количества плодородной земли насчитываютъ годныхъ подъ хлопокъ до 150.000 десятинъ, могущихъ дать до 2.100.000 пудовъ чистаго волокна. Такъ что при такихъ условіяхъ одинъ Туркестанскій край можетъ дать до 4.000.000 пудовъ.

Въ Бухарѣ и Хивѣ хлопковыя плантаціи орошаются изъ рѣки Заравшана, но воды его, не доходя Аму-Дарьи, теряются въ пескахъ и, вообще говоря, расходуются, такъ-сказать, сполна, такъ что увеличивать площадь посѣвовъ едва ли возможно.

Количество же водъ Аму-Дарьи такъ обильно, что ея хватитъ на милліоны десятинъ земли. Словомъ, при цѣлесообразной системѣ оросительныхъ каналовъ, проведенныхъ по хлопкороднымъ участкамъ, можно разсчитывать, что Средняя Азія способна дать въ будущемъ до 9.000.000 пудовъ хлопка, то-есть количество, потребляемое нынѣ московскимъ и лодзинскимъ раіонами.

Относительно размѣра хлопковыхъ плантацій, то, вообще говоря, большихъ тамъ нѣтъ. Плантаціи во 100 десятинъ очень рѣдки и принадлежатъ онѣ не Туземцамъ, а русскимъ товариществамъ: „Ярославской мануфактурѣ“, „братьямъ Каменскимъ“ и еще нѣ-

которымъ владѣльцамъ близъ Ташкента и въ Ферганѣ. Наичаще встрѣчаются плантаціи размѣромъ въ одну десятину и полдесятины, и обработываются онѣ исключительно Сартами и Киргизами. И отъ этихъ-то мелкихъ хозяевъ скупаютъ хлопокъ торговцы обыкновенно за наличный разсчетъ; а иной разъ выдаются и ссуды подъ будущій урожай, или хлопокъ, сданный транспортной конторѣ. Скупленный съ плантацій хлопокъ поступаетъ на заводы для очистки его отъ сѣмянъ и чашечекъ, и для прессовки; и затѣмъ уже идетъ на мѣста отправки его въ срединную Россію. Отправителями являются общества: *Кавказъ и Меркурій*, *Россійское* и *Надежда*. Главными хлопковыми рынками считаются Ташкентъ для Сыръ-Дарьинской, Кокандъ для области Ферганской; Самаркандъ – для области Самаркандской; городъ Бухара—для ханства Бухарскаго; Русскій Чарджуй—для Хивы и частью для Бухары. Какъ на будущіе центры указываютъ на Андижанъ и Наманганъ, но покуда они транспортныхъ конторъ не имѣютъ, а отправляютъ свой хлопокъ чрезъ Кокандъ.

Самыми крупными фирмами, скупающими хлопокъ на мѣстѣ считаются для московскаго района—товарищество Ярославской мануфактуры братьевъ Корзинкиныхъ; и для Лодзи—Познанскій, Шейблеръ, Гейеръ и акціонерное общество въ г. Заверце, имѣющее свой очистительный и прессовальный заводъ въ Наманганѣ. Лодзинскія фирмы скупали хлопокъ до послѣдняго времени въ Бухарѣ по преимуществу, а теперь обратились въ Наманганъ и Андижанъ.

Таково въ общихъ чертахъ положеніе производства хлопка въ Средней Азіи. Нѣтъ сомнѣнія, что оно должно развиваться и развиться до того, чтобы намъ не покупать хлопка въ Америкѣ и Египтѣ, а удовлетворять свои потребности своимъ собственнымъ. И судя по тому что въ 1884 году чистаго хлопка было собрано 2.300 пуд., а въ 1890 году ужь до 900.000 пуд., можно надѣяться, что это время не очень далеко и, быть-можетъ, послѣднее увеличеніе таможенной пошлины дастъ новый толчекъ къ дальѣйшему развитію нашего хлопководства.

* * *

Сѣверо-Американскіе Штаты съ нѣкоторыхъ поръ находятся въ весьма затруднительномъ положеніи относительно своей монетной системы, построенной на *серебрянномъ*, какъ говорится, основаніи. Затрудненіе это проистекаетъ отъ обилія серебра и

паденія вслѣдствіе этого его цѣны до такой степени, что оно сдѣлалось простымъ товаромъ, цѣна на который то и дѣло измѣняется въ зависимости отъ спроса и предложенія. Это обстоятельство, само собою разумѣется, вызываетъ серьезныя осложненія въ денежномъ обращеніи не только въ самой Америкѣ, но и въ странахъ европейскихъ, и особенно въ странахъ латинскаго союза Франціи, Бельгіи, Италіи, Швейцаріи, Греціи, Румыніи, Сербіи и Болгаріи, а равно въ Великобританіи, такъ какъ въ Индіи серебро накопилось также въ значительномъ количествѣ. Въ странахъ латинскаго союза серебра имѣется на 4 милліарда франковъ—стоющихъ по теперешнимъ цѣнамъ приблизительно 3 милліарда франковъ. При чемъ во Франціи его имѣется до 3 милліардовъ франковъ, на которыхъ она теряетъ до 750 милліоновъ франковъ. Для обсужденія общихъ мѣръ, могущихъ послужить къ упорядоченію этого вопроса стодь громадной важности, правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ предложило созвать международную монетную конференцію въ Европѣ и мѣстомъ для нея былъ выбранъ Брюссель. $^{10}/_{22}$ ноября она открылась. Гг.Бернерцъ и Монтефіоре-Леви произнесли вступительныя рѣчи, при чемъ первый заявилъ, что бельгійское правительство является только радушнымъ хозяиномъ конференціи. Американскіе же делегаты, правительству коихъ принадлежалъ починъ въ созваніи конференціи, заявили на сдѣланный имъ запросъ, что они не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ программъ. Подобные отзывы съ ихъ стороны, по меньшей мѣрѣ странны, и посему врядъ ли можно ожидать какихъ-либо плодотворныхъ результатовъ отъ конференціи, въ неотложной необходимости которой настаивало особенно правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

* * *

Во Франціи опубликованъ недавно законъ о трудѣ дѣтей, несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и женщинъ, работающихъ не только на фабрикахъ, заводахъ, промыслахъ, но и въ предпріятіяхъ, имѣющихъ характеръ промышленнаго образованія или благотворительный. Законъ этотъ не касается лишь кустарей, гдѣ работаютъ члены семьи совмѣстно, но это только въ томъ случаѣ, если они не прибѣгаютъ къ паровому двигателю и родъ занятій ихъ не представляетъ, по существу своему, какихъ-либо вредныхъ сторонъ въ гигіеническомъ отношеніи. Дѣти допуска-

ются къ работамъ не моложе 13 лѣтъ, по представленію родителями ихъ свидѣтельствъ врачебнаго и—объ успѣшномъ окончаніи курса первоначальной школы. Въ пріютахъ, профессіональныхъ школахъ, гдѣ имѣются дѣти моложе 13 лѣтъ, работа не должна превышать трехъ часовъ въ сутки. Подростки моложе 16 лѣтъ обоего пола не могутъ находиться на работѣ болѣе 10 часовъ въ сутки—и въ возрастѣ отъ 16 до 18 лѣтъ—болѣе 11 часовъ въ сутки, и вообще болѣе 60 часовъ въ недѣлю. Въ теченіе дня предписаны перерывы, кои въ общей сложности должны быть не менѣе часа. Ночными работами почитаются работы между 9 ч. вечера и 5 часами утра; дѣти, дѣвушки и женщины на эти работы не допускаются, но при существованіи на фабрикѣ двухъ смѣнъ, работающихъ не болѣе 9 часовъ, они могутъ начинать работу съ 4 часовъ утра и работать до 10 часовъ вечера. Отступленія отъ этихъ правилъ установлены особымъ регламентомъ и находятся въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ условій.

Одинъ день въ недѣлю полагается для отдыха, и кромѣ того въ дни праздниковъ, установленныхъ закономъ, фабрики, заводы ремесленныя заведенія должны быть закрыты: не допускается въ эти дни даже очистка мастерскихъ.

Дѣти моложе 13 лѣтъ не допускаются на подмостки театровъ въ кафе-шантаны и тому подобныя заведенія и учрежденія. Впрочемъ, регламентъ допускаетъ нѣкоторыя весьма рѣдкія исключенія въ отношеніи театра.

Дѣти, дѣвушки и женщины не допускаются въ работы подземныя. Участіе въ нихъ дѣтей и подростковъ мужескаго пола допускается только при извѣстныхъ исключительныхъ условіяхъ.

Мэръ (староста или городской голова) выдаетъ по требованію отца, матери или опекуна книжку, въ коей обозначается имя подростка, его фамилія, мѣсторожденіе. мѣстожительство. Хозяинъ въ этихъ книжкахъ дѣлаетъ отмѣтку о поступленіи подростка на работу и объ увольненіи его отъ оной. На нѣкоторыя работы дѣти, дѣвушки и женщины не допускаются вовсе или потому, что эти работы обременительны, или же могутъ имѣть дурное вліяніе въ нравственномъ отношеніи.

Кромѣ заботы о чистотѣ внѣшней на владѣльцевъ и управляющихъ возлагается обязанность пещись о добронравіи и соблюденіи приличія между рабочими.

Ближайшими блюстителями исполненія закона назначаются ми-

нистромъ торговли и промышленности *инспекторы и инспектрисы*, кои дѣлятся на окружныхъ и департаментскихъ.

Какъ тѣ, такъ и другіе приносятъ присягу въ соблюденіи промысловой тайны, которая, по необходимости, можетъ быть имъ открыта при исполненіи ими служебныхъ обязанностей.

При министерствѣ промышленности и торговли образуется высшая коммиссія изъ девяти членовъ, неполучающихъ содержанія. Въ составъ ея входятъ два сенатора, два члена парламента, по выбору послѣдняго, и пять членовъ, назначаемыхъ на четыре года президентомъ республики. Эта коммиссія: 1) блюдетъ надъ исполненіемъ закона; 2) даетъ мнѣнія относительно регламентовъ, имѣющихъ быть изданными и вообще — о всѣхъ вопросахъ, такъ или иначе относящихся до блага рабочихъ; 3) опредѣляетъ условія допущенія кандидатовъ на должности инспекторовъ и инспектрисъ — окружныхъ и департаментскихъ и составляетъ для нихъ программы конкурса; 4) представляетъ ежегодно отчетъ о дѣятельности фабричной инспекціи, публикуемый во всеобщее свѣдѣніе.

Для большей охраны дѣтей при каждомъ департаментѣ открываются *охранительные комитеты* (comités de patronnage), состоящіе изъ семи членовъ, изъ коихъ четверо назначаются департаментскимъ совѣтомъ и трое префектомъ — тѣ и другіе на срокъ трехъ лѣтъ.

Неисполненіе закона владѣльцами фабрикъ, заводовъ и иныхъ промышленныхъ предпріятій влечетъ за собою на первый разъ штрафъ отъ 100 до 500 франковъ, а при повторныхъ случаяхъ онъ удвоивается.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на еженедѣльный иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни

НИВА 1893 Г.

со многими безплатными приложеніями и преміями.

Г. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе **1893** года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „Нива“, въ каждомъ № отъ 6—10 рисунковъ и въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста.

12 КНИГЪ ежемѣсячнаго безплатнаго литературнаго приложенія, подъ заглавіемъ „СБОРНИКЪ НИВЫ“, содержащихъ въ себѣ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя статьи и проч. лучшихъ современныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей, изъ коихъ три книги (за **АПРѢЛЬ, АВГУСТЪ** и **ДЕКАБРЬ**) будутъ заключать въ себѣ собранія сочиненій

М. В. ЛОМОНОСОВА.
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II и
Д. И. ФОНЪ-ВИЗИНА.

Каждое собраніе сочиненій будетъ издано въ отдѣльномъ томѣ, подъ редакціею **А. И. Введенскаго**, съ портретами авторовъ, гравированными на стали.

ГЛАВНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРЕМІЯ:

10 КАРТИНЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ „Нивы“, заключающій въ себѣ исполненныхъ fac-simile по оригиналамъ извѣстнѣйшихъ художниковъ, а именно: 1) **„РУССКАЯ МОЛОДИЦА“**, академика **С. Ѳ. Александровскаго**; 2) **„ВЕЧЕРЪ НА НЕВѢ“**, **А. К. Беггрова**; 3) **„ЗАПОРОЖЕЦЪ“**, **С. И. Васильковскаго**; 4) **„НАХОДКА“**, **Н. Н. Каразина**; 5) **„ЦАРЕВНА СОФІЯ ПОЛУЧАЕТЪ У ТРОИЦЫ ПИСЬМО ВАСИЛІЯ ГОЛИЦЫНА“**, **К. В. Лебедева**; 6) **„ЮДИѲЬ“**, профессора **Ганса Макарта**; 7) **„У ОКОЛИЦЫ“**, профессора **К. Е. Маковскаго**; 8) **„ГЕТМАНЪ“**, **И. Е. Рѣпина**; 9) **„ОХОТА НА ВОЛКА“**, профессора **Н. Е. Сверчкова**; 10) **„НА БАШТАНѢ“**, академика **К. А. Трутовскаго**. Размѣръ картинъ 10 вершк. вышины и 8 вершк. ширины. Картины разошлются въ изящной папкѣ, украшенной акварелью художника **Н. Н. Каразина**.

12 №№ безплатнаго ежемѣсячнаго приложенія **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“**, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ безплатнаго ежемѣсячнаго приложенія рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 600) и до 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на **1893** г. печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе **„НИВЫ“** со всѣми вышепоименованными приложеніями и преміями:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.	5 р. — к.	Безъ доставки въ Москвѣ (въ конт. Н. Н. Печковской) .	6 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	6 р. 50 к.	Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи . . .	7 р.
		ЗА ГРАНИЦУ.	10 р.

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСУ), Невскій пр., № 6.

КНИЖНО-МУЗЫКАЛЬНЫМИ МАГАЗИНАМИ

В. Д. КАШКИНА

въ Орлѣ и Курскѣ.

изданы и во всѣхъ музыкальныхъ магазинахъ Россіи продаются слѣдующія

НОТЫ:

пьесы первоклассныхъ композиторовъ, аранжированныя для фортепьяно въ степеняхъ **средней и малой трудности**, съ объясненіями и апликатурой:

1) **ЛИСТЪ**. Венгерская рапсодія № 14. (Фантазія на венгерскія народныя пѣсни и танцы). Ц. ср. тр. 75 к., мал. тр. 60 к.

2) **ШОПЕНЪ**. Ноктюрнъ. Соч. 27, № 2. Ц. средн. труд. 35 к., малой труд. 30 к.

3) **ЛИСТЪ**. Мефистофель-вальсъ (Mephisto-Walzer). Эпизодъ изъ „Фауста", Лена у. (Танецъ въ деревенскомъ шинкѣ). Цѣна средн. труд. 90 к., малой труд. 75 к.

4) **ШОПЕНЪ**. Ноктюрнъ. Соч. 15, № 2. Ц. средн. труд. 30 к., мал. труд. 30 к.

5) **ЛИСТЪ**. Прогулка въ гондолѣ. Баркаролла. (La gita in gondola). Цѣна ср. тр. 30 к., мал. тр. 30 к.

6) **ШОПЕНЪ**. Мазурка. Соч. 33, № 2. Ц. малой труд. 35 к.

7) **ШУМАНЪ**. Интермедія. Соч. 26. (Intermezzo). Цѣна сред. труд. 30 к.

8) **ШОПЕНЪ**. Похоронный маршъ. (Marche funèbre). Соч. 35. Цѣна ср. тр. 30 к., мал. тр. 30 к.

9) **ЛИСТЪ**. Венгерская рапсодія № 2. Ц. ср. тр. 60 к., мал. тр. 50 к.

10) **ШОПЕНЪ**. Польскій. (Polonaise). С. 53. As-dur. Ц. ср. тр. 60 к., м. тр. 50 коп

11) **Л ИТОЛЬФЪ**. Знаменитое Скерцо изъ симфоническаго концерта. Ор. 102. Ц. сред. тр. 60 к., мал. тр. 60 к.

12) **БЕТХОВЕНЪ**. Похоронный маршъ. (На смерть героя). Ц. ср. тр. 30 к. м. тр. 30 к.

13) **ШУМАНЪ**. Вечеромъ. (Des Abends). Ор 12, № 2. Ц. мал. тр. 30 к.

14) **ШОПЕНЪ**. Молитва во время грозы. (Prelude). Соч. 28, № 24. Ц. ср. тр. 30 к., мал. тр. 30 к.

15) **ШОПЕНЪ**. Этюдъ. Соч. 25, № 1. Ц. ср. тр. 30 к., мал. тр. 30 к.

ВЫПИСЫВАЮЩИМЪ ИЗЪ МАГАЗИНА В. Д. КАШКИНА ВЪ ОРЛѢ всѣ 13 пьесъ средней трудности, цѣною 5 р. 90 к., высылаются за 5 р. и всѣ 14 пьесъ малой трудности, цѣною 5 р. 70 к., высылаются за 5 р. съ пересылкой. Требующимъ же всѣ 27 пьесъ средней и малой трудности, цѣною 11 руб. 60 коп., онѣ высылаются за 9 руб. съ пересылкой.

Магазинами В. Д. КАШКИНА изданы также слѣдующія ноты:

Для фортепіано:

Векшинъ. Характеристики. Вальсъ. 2-е изд. просмотрѣнное авторомъ 60 к.
— Полька. 30 к.
— Le Tourbillon. (Вихрь). Grand galop. 40 к.

Розановъ. Souvenir d'un bal. Mazurka. 30 к.
— Тоже упрощенное изданіе. 30 к.

Квашнинъ. Для тебя одной. Вальсъ. 3 изд. 40 коп.

Финкельштейнъ. Орловскій городской садъ. Вальсъ 4-е изд. 30 к.
— Золотыя грезы. Вальсъ. 40 к.
— Орловск. зимн. вечера. Вальсъ. 50 к.
— Орловск. велосипедисты. Полька. 40 к.

Бизе-Никшакъ. Тореадоръ-маршъ изъ оперы „Карменъ". 3-е изд. 30 к.
— Русская рапсодія. Фантазія на русскія темы. 2-е изд. 60 к.
Мендельсонъ. Знаменитый скрипичный концертъ, ор. 64, аранжир. для одного фортепіано 1 р.
— Баркаролла („Умолкла пьяцетта"). 20 к.
Кашкинъ, В. По озеру. Идиллія. 40 к.
— Сонъ и сновидѣнія. Вальсъ. 60 к.
— Переходы изъ одного тона въ другой. 196 модуляцій въ хроматическомъ порядкѣ 1 р. 20 к.
Свѣтозаровъ. Маршъ Орловскаго Вольнаго Пожарнаго Общества. 40 к.

Для пѣнія:

Мошковскій. Серенада. 30 к.
Шопенъ. „На зарѣ". (Ноктюрнъ, ор. 15, № 2). 40 к.
Квашнинъ. „Для тебя одной". Вальсъ 30 к.
Векшинъ. „Было время". 2-е изд. 40 к.
— „Слышу-ли пѣсенки звуки". 2-е изд. 30 к.
— „Ни слова, о другъ мой". 2-е изд. 30 к.
— Кудри. „Съ радости веселья„ 40 к.
Кашкинъ, В. „О, пой, ненаглядная". 40 к.
— „Цвѣли цвѣтики". Народная. 20 к.

Выписывающіе отъ издателя (магазины В. Д. Кашкина въ Орлѣ) ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ. Торговцахъ обычная уступка.

Магазинъ имѣетъ НОТЫ ВСѢХЪ ИЗДАТЕЛЕЙ, столичнымъ и провинціальныхъ. Цѣна по ихъ каталогамъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

26-й годъ „ДОНЪ" XXVI г.

(ВЪ ВОРОНЕЖѢ)

на 1893 годъ

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Съ 1893 года газета „Донъ" начинаетъ второе 25-лѣтіе своего изданія. Просуществовавъ 25-ть лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служила четверть столѣтія, поэтому, открывая подписку на 1893 г., редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ обѣщаній: что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты—то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На ½ г.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкой въ Воронежѣ. . . .	6 р.	3 р. 50 к.	2 р. — „	— „ 75 к.
Съ пересылкой въ другіе города. .	7 р.	4 р. — „	2 р. 50 к.	1 р. — „

Открыта подписка на журналъ

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“

(годъ 4-й, съ 1 ноября 1892 года).

Въ послѣднихъ книгахъ журнала принимали участіе слѣдующія лица

Б. Н. Чичеринъ, гр. Л. Н. Толстой, Н. Н. Страховъ, Вл. С. Соловьевъ, кн. Е. и С. Трубецкіе, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. А. А. Козловъ, проф. Н. Я. Гротъ, проф. А. И. Введенскій, Архимандритъ Антоній, П. Е. Астафьевъ, Я. Н. Колубовскій, Н. А. Иванцовъ, Н. Н. Ланге, Э. Л. Радловъ, В. В. Розановъ, Е. И. Челпановъ, проф. П. Г. Виноградовъ, проф. М. А. Мензбиръ, В. А. Вагнеръ, К. Н. Вентцель, В. И. Штейнъ и др.

Изданіе будетъ продолжаться на тѣхъ же условіяхъ, какъ и прежде

Подписка принимается:

въ конторѣ журнала (Москва, Покровка, Мал. Успенскій пер., д Абрикосовой, № 8) **и у всѣхъ книгопродавцевъ.**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ и два мѣсяца (съ 1-го ноября 1892 года по 1-е января 1894 года): безъ доставки—7 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой—8 р., за границу—9 р. 50 к.

На годъ (съ 1-го января 1893 года по 1-е января 1894 года): безъ доставки—6 р., съ доставкой и пересылкой—6 р. 50 к., за границу—7 р. 50 к.

Члены Психологическаго Общества, учащіеся, сельскіе учителя и священники пользуются скидкой въ 2 руб.

Подписка по 1-е ноября 1893 года НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

Редакторъ проф. **Н. Я. Гротъ.**

Издатель **А. А. Абрикосовъ.**

2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1893 г. (четвертый годъ изданія).

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ,

научно - популярный журналъ, предназначаемый для родителей и воспитателей,

имѣющій цѣлію—распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ, по слѣдующей программѣ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи.—2) Критика и библіографія.—3) Мелкія сообщенія—(рефераты).—4) Хроника.—5) Приложенія—(литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. д.—6) Объявленія.

Въ „Приложеніяхъ“ имѣется въ виду между прочимъ напечатать сочиненіе французскаго автора, Блёха: **„Матери великихъ людей“.**

Къ журналу будутъ прилагаться рисунки.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для

фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года, а въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходить не будетъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ подписной цѣны уменьшается на 1 р.; кромѣ того допускается разсрочка уплаты въ два срока.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, Софійская Дѣтская больница, кварт. Главн. Д-ра) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію журнала.

Редакторъ-издатель д-ръ **Е. А. Покровскій.**

2—1

ВЪ „РУССКОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ“

Н. Н. МОРЕВА.

(С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 106) и во всѣхъ другихъ главныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ находится въ продажѣ

ПОМОЧЬ,

Вологодскій литературный сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Содержаніе книги: I) Беллетристика: „Набросокъ“ М. Н. Альбова, „Живое золото“ К. С. Баранцевича. „Позолотинъ“ П. И. Добротворскаго, „Какъ родные братья“ Н. Н. Златовратскаго, „Прерванный разсказъ“ Д. Л. Мордовцева, „Молодца!..“ Н. А. Соловьева-Несмѣлова, „Камень“ Н. М. Ядринцева и друг. II) Стихотворенія: Натана Гаскель Доля (американскаго поэта, въ переводѣ съ рукописи—Д. Л. Михаловскаго, К. М. Фофанова и А. А. Коринфскаго), С. Д. Дрожжина, А. В. Круглова, Аполлона Коринфскаго, Вл. П. Лебедева, Л. М. Медвѣдева, Д. С. Мережковскаго, А. К. Михайлова-Шеллера, Дм. Никол. Садовникова (†), Владиміра С. Соловьева, К. М. Фофанова, А. М. Ѳедорова и друг. III) Статьи: „Великій человѣкъ нашего времени“—Я. В. Абрамова, „Теорія прогресса“—В. Балмашева, „Общественное движеніе“—Эдуарда Беллами (автора книги „Черезъ сто лѣтъ“; переводъ съ рукописи, присланной для сборника), „Равныя права и общія права“—Генри Джорджа (переводъ Льва Никол. Толстого, по рукописи, присланной для сборника), „Арена быстрой наживы“ (Письмо изъ Америки)—М. Н. Мак-Гаханъ, „Пророкъ мертваго дома“—М. К. Николаевой (псевдон.). „Естественно-разумное питаніе“—д-ра В. О. Португалова, „Процессъ творчества“—К. К. Сарахапова, „Взаимное отношеніе между принципами гармоніи и нравственной свободы“ К. Вентцеля, „Страница изъ исторіи земли“,—А. А. Сняткова, „Черты современнаго быта“—А. А. Тарутина и другихъ.

Цѣна 1 рубль 50 копѣекъ.

---

*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ НА ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(съ толкованіями на Ветхій Завѣтъ).

С.-Петербургская духовная академія, въ твердой рѣшимости и впредь служить по мѣрѣ силъ тому дѣлу, которому она служила до сихъ поръ посредствомъ своихъ журналовъ, будетъ издавать въ 1893 году „Церковный Вѣстникъ“ и „Христіанское Чтеніе“ по слѣдующей программѣ.

Въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ будутъ печататься: 1) *передовыя статьи*, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ вопросовъ; 2) *мнѣнія печати* свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 3) статьи и сообщенія, посвященныя *изученію и частнѣйшей разработкѣ* церковныхъ вопросовъ; 4) обозрѣніе *духовныхъ журналовъ*; 5) обозрѣніе *свѣтскихъ журналовъ* со стороны статей, представляющихъ церковный интересъ; 6) *библіографическія замѣтки*, или обозрѣніе и оцѣнка вновь выходящихъ богословскихъ сочиненій; 7) *корреспонденціи* изъ епархій и изъ-за границы о выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни; 8) *въ области церковно-приходской практики* — отдѣлъ, въ которомъ редакція даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ пастырской практики; 9) *постановленія и распоряженія правительства;* 10) *лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи*, представляющая обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ событій и движеній въ нашемъ отечествѣ; 11) *лѣтопись церковной и общественной жизни за границей*, сообщающая свѣдѣнія о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ и движеніяхъ за предѣлами нашего отечества; 12) *разныя извѣстія и замѣтки*, содержащія разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныхъ отдѣлахъ.

Въ „Христіанское Чтеніе“ войдутъ оригинальныя и переводныя статьи преимущественно историческаго, апологетическаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединена будетъ и общедоступность изложенія. Въ частности въ „Христіанскомъ Чтеніи“ будутъ по прежнему печататься толкованія на разныя книги Ветхаго Завѣта, а также неизданные памятники минувшей жизни отечественной церкви и матеріалы для біографіи ея замѣчательнѣйшихъ представителей и дѣятелей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.—Годовая цѣна въ Россіи: *за оба журнала* **7 р.** съ пересылкою; *отдѣльно* за „Церковный Вѣстникъ“ **5 р.**, за „Христіанское Чтеніе“ съ „Толкованіями“ **5 р.** За границей, для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала **9 р.**, за каждый отдѣльно **7 р.** съ перес. *Иногородные подписчики* надписываютъ свои требованія такъ: „Въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“, въ С.-Петербургѣ“. *Подписывающіеся въ Петербургѣ* обращаются въ контору редакціи (Пески, уголъ 7-й ул. и Дегтярной, д. № 28—30, кв. № 8), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при „Церк. Вѣстникѣ“.

Годъ изд. 58-й. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1893.

на большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ВЫДАЕТЪ ПОДПИСЧИКАМЪ:

ПЯТЬДЕСЯТЪ ДВА НУМЕРА, выходящихъ еженедѣльно, въ **3—4** листа большаго формата, на тоновой бумагѣ, съ **7—10** рисунками альбомнаго размѣра.

Еженедѣльные нумера журнала и ежемѣсячныя книжки въ 1893 г. будутъ реформированы и увеличены въ объемѣ листовъ.

Кромѣ того при нумерахъ журнала будетъ выдано:

12 КНИГЪ „Романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія“, выходящихъ въ первое воскресенье каждаго мѣсяца.—24 НУМЕРА „Парижскихъ модъ“ съ рисунками (выходятъ ДВА раза въ мѣсяцъ.)—12 НУМЕРОВЪ „Образцовъ для дамскихъ изящныхъ рукодѣлій“.—12 ВЫКРОЕКЪ въ натуральную величину. — ЧЕТЫРЕ КАРТИНЫ извѣстныхъ художниковъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько красокъ.—4 НУМЕРА „Образцовъ для выпиливанія“ по новѣйшимъ рисункамъ. — 12 „НОВѢЙШИХЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПІЕСЪ“ русскихъ и иностранныхъ композиторовъ для пѣнія и фортепіано (романсы, танцы и салонныя піесы). — СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ (съ картою Россіи).—„ЖИЗНЬ и ХОЗЯЙСТВО“ и „ЗАБАВЫ для ЮНОШЕСТВА“ (съ иллюстраціями).

Въ числѣ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній въ 1893 г. будетъ, между прочимъ, выдано полное иллюстрированное собраніе сочиненій

В. ШЕКСПИРА.

Въ прозѣ и стихахъ, въ новомъ переводѣ **П. А. Каншина**, съ послѣднихъ, дополненныхъ англійскихъ изданій.

Изданіе это будетъ сопровождаться статьею и историческими примѣчаніями извѣстныхъ знатоковъ англійской литературы—проф. Московскаго университета **Н. И. Стороженко** и **П. И. Вейнберга**, портретомъ автора, fac-simile съ его рукописи, видами мѣстностей и зданій, относящихся къ біографіи, виньетками и гравюрами, съ картинъ извѣстныхъ художниковъ: проф. **К. Е Маковскаго**, **Грюцлера**, **Пилотти**, **Тумана**, **Каульбаха** и др.

ПРЕМІЯ БЕЗПЛАТНО.

Всѣ годовые подписчики журнала, уплатившіе сполна подписную сумму, получатъ прозрачную картину, замѣняющую живопись на стеклѣ и изображающую ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ

«СЕ ЧЕЛОВѢКЪ!» («ECCE HOMO!»)

Воспроизведенную въ 18 красокъ съ знаменитой картины **Гвидо Рени** (размѣръ 11×13 дюймовъ).

Годовые подписчики, желающіе получить, кромѣ безплатной преміи, на выборъ, ОДНО изъ ЧЕТЫРЕХЪ новыхъ художественныхъ изданій, уплачиваютъ за первое, безъ доставки **75** к., съ доставкою **1** руб., а за остальныя, пріобрѣтаемыя одновременно, безъ доставки **1** р. **50** к., съ доставкою—**2** руб. за каждое.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ (ПЕРВЫЙ РАЗЪ ВЪ РОССІИ).

1) двѣ картины (Genre Watteau) на роскошномъ атласѣ—а) **„СВИДАНІЕ“** (отдѣльно не выдаются) б) **„ПРИЗНАНІЕ“**. Картины эти воспроизведены въ 20 красокъ и замѣняютъ дорогую ручную акварель на атласѣ.

2) **Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесар. Николай Александровичъ.** Е. И. В. изображенъ на сѣромъ, скачущ. конѣ, въ парадной лейбъ-гусарской формѣ. Картина писана подъ наблюденіемъ профес. **Б. Виллевальде** и отпечатана въ 23 краски. (Размѣръ: выш. 30 дюйм., шир. 23 дюйм.).

3) **Княжна Таракановa (во время наводненія).** Проф. **К. Д. Флавицкаго.** Отпечатана въ 20 красокъ (выш. 28 дюйм., шир. $17^1/_2$ д.).

4) **Новый альбомъ—пятнадцать акварельныхъ картинъ къ сочиненіямъ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.** Рисовалъ извѣстный художникъ **Н. Каразинъ.** Картины отпечатаны въ 17 красокъ, наклеены на цвѣтной картонъ и вложены въ изящную обертку.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ПРЕЖНЯЯ:

На годъ: безъ доставки въ Спб. **6** р. **60** к., съ доставкой и пересылкой по Имперіи **8** руб.

Спб., Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается по требованію безплатно.

3--1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1893** ГОДЪ

на издающуюся въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ общественно-литературную газету

IX г. изд. **„СѢВЕРНЫЙ КАВКАЗЪ“** **IX г. изд.**

выходящую ДВА раза въ недѣлю и посвященную выясненію нуждъ края, названіе котораго носитъ газета.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ доставки и пересылки:		Съ доставкой и пересылкой:	
На годъ	4 р. 50 к.	На годъ	5 р. 50 к.
„ полгода	2 „ 50 „	„ полгода	3 „ — „
„ 3 мѣсяца	1 „ 50 „	„ 3 мѣсяца	1 „ 75 „

(Суммы менѣе рубля можно высылать почтовыми марками)

Допускается разсрочка платежа — по соглашенію съ редакціей.

Адресъ: Ставрополь-Кавказскій, редакціи „Сѣвернаго Кавказа“.

3—1.

Годъ изд. 81-й. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1893.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, УЧЕНАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
(безъ предварительной цензуры).

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНІЯХЪ:

ПЕРВОЕ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

съ ежемѣсячными, еженедѣльными приложеніями и книжками «Романы и повѣсти»:

въ ежедневныхъ нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, военной и духовной сферахъ, а также важныя новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммамъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета—*Сынъ Отечества* въ первомъ изданіи вполнѣ замѣняетъ собою **дорогую по подписной цѣнѣ газету и еженедѣльный журналъ.**

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ, подписчики ПЕРВАГО изданія получатъ БЕЗПЛАТНО:

1) **ВОСКРЕСНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ** въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала. 2) Книжки „Романы и повѣсти". Каждая книжка содержитъ 160—200 страницъ. 3) „Моды и рукодѣлія"—12 нумеровъ, замѣняющихъ для семьи *Модный журналъ*. 4) „Стѣнной календарь" въ три краски и проч.

Подписная цѣна на ПЕРВОЕ изданіе (съ пересылкою по Имперіи):

На годъ **8** руб., на полгода **4** руб. **50** коп., на три мѣсяца **2** руб. **50** коп. на одинъ мѣсяцъ **1** руб.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ БЕЗЪ ПРИЛОЖЕНІЙ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ газеты *Сынъ Отечества* выходитъ ежедневно листами и въ дни, слѣдующіе за праздниками (всего въ годъ 360 нумеровъ). Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, биржевыя извѣстія и телеграммы одновременно со всѣми другими дорогими изданіями.

Кромѣ того на страницахъ втораго изданія помѣщаются художественно выполненные портреты Высочайшихъ особъ, современныхъ русскихъ и иностранныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе общества.

Подписная цѣна на ВТОРОЕ изданіе (съ достав. и пересылкою по Россіи):

На годъ **4** руб., на полгода **2** руб., на три мѣсяца **1** руб. За границу (на годъ) **6** руб.

Гг. ГОДОВЫЕ подписчики ПЕРВАГО или ВТОРАГО изданія газеты *Сынъ Отечества*, уплатившіе сполна подписную сумму, могутъ получить (на выборъ) ОДНО изъ ЧЕТЫРЕХЪ новыхъ художественныхъ изданій, съ уплатою за первое, выбранное: безъ доставки 75 коп., съ доставкою ОДИНЪ рубль. За остальныя, пріобрѣтаемыя одновременно, уплачивается: безъ доставки 1 руб. 50 коп., съ доставкою 2 руб. за каждое.

1) **«СЕ ЧЕЛОВѢКЪ!» («ECCE HOMO!»).** Прозрачная картина, замѣняющая живопись на стеклѣ и изображающая ликъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ.— Воспроизведена въ 18 красокъ съ картины **Гвидо Рени** (разм. 11×13 д.).

2) **ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВ. НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.** Его Император. Высоч. изображенъ на сѣромъ, скачущемъ конѣ, въ лейбъ-гусарской парадной формѣ. Оригиналъ картины писанъ подъ наблюденіемъ профессора батальной живописи Императ. академіи **Б. П. Виллевальде.** Картина отпечатана въ 23 краски (размѣръ: вышина 30 дюйм., ширина 23 дюйма).

3) **КНЯЖНА ТАРАКАНОВА (ВО ВРЕМЯ НАВОДНЕНІЯ).** Копія съ картины извѣстнаго профессора исторической живописи **К. Д. Флавицкаго.** отпечатанная въ 20 красокъ (размѣръ картины: вышина 28 дюйм., ширина 17½ дюймовъ).

4) **Альбомъ—пятнадцать акварельныхъ картинъ къ сочиненіямъ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.** Рисовалъ извѣстный иллюстраторъ-художникъ **Н. Н. Каразинъ.** Каждая картина сопровождается описаніемъ ея содержанія. Картины отпечатаны въ 17 красокъ, наклеены на цвѣтной картонъ и переплетены въ изящную папку, украшенную портретомъ **Ѳ. М. Достоевскаго.**

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Желающіе ознакомиться съ газетою, могутъ получить нумеръ таковой или подробное иллюстрированное объявленіе БЕЗПЛАТНО.

—3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

(7-й годъ изданія).

„ДОНСКАЯ РѢЧЬ“

ГАЗЕТА ДОНСКАГО КРАЯ.

Выходитъ три раза въ недѣлю и четыре въ исключительныхъ случаяхъ.

Программа: правительственныя распоряженія, статьи по вопросамъ мѣстной жизни, телеграммы, корреспонденціи, новости Донскаго края и сосѣднихъ губерній, фельетонъ, очерки, разсказы, стихотворенія, смѣсь, юмористическій отдѣлъ, справочныя свѣдѣнія и проч.

Въ теченіе шести лѣтъ изданія редакція постоянно стремилась къ всестороннему улучшенію газеты, чему будетъ слѣдовать и теперь. Какъ и въ минувшіе годы, въ газетѣ „Донская Рѣчь“ читатели найдутъ свѣдѣнія о всѣхъ болѣе или менѣе интересныхъ фактахъ и явленіяхъ жизни Донской области. Редакція въ настоящее время имѣетъ постоянныхъ корреспондентовъ въ каждомъ болѣе населенномъ пунктѣ области. Свѣдѣнія изъ С.-Петербурга сообщаются спеціальнымъ корреспондентомъ. Держась вышеприведенной программы, редакція въ настоящемъ году помѣститъ, между прочимъ, рядъ статей, касающихся военнаго быта казаковъ, экономическаго положенія края, рядъ очерковъ, разсказовъ и набросковъ изъ современной и прошлой жизни области и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ 5 р., на полгода 3 р., на три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяцъ 1 р.

Адресъ: Новочеркасскъ, въ редакцію „Донской Рѣчи.“

Редакторъ-издатель **Ив. Поповъ.**

3—1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

НА

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“,

газету политическую, экономическую и литературную,

самую большую и распространенную на югѣ Россіи между РУССКИМЪ населеніемъ

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ)

„НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“, по примѣру большихъ столичныхъ газетъ, ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ (не менѣе **330 №№** въ годъ, во всякомъ случаѣ, въ томъ же количествѣ, какое выпустятъ другія одесскія газеты.)

Восемнадцать лѣтъ *Новороссійскій Телеграфъ* редактируется, въ дѣйствительности, однимъ лицомъ — собственникомъ газеты. Это дало возможность сдѣлать газету, строго держащуюся одного *русскаго* направленія, настоящимъ органомъ *русской* національной и государственной идеей. Такому своему направленію газета обязана тѣмъ, что она болѣе другихъ распространена между *русскимъ* населеніемъ края. Мы избѣгаемъ рекламъ и не нуждаемся въ нихъ, но всегда заявляемъ, что газета наша не служила и не будетъ никогда служить никакимъ партіямъ. Партійные интересы намъ чужды и мы не знаемъ въ Россіи другихъ интересовъ, имѣющихъ право гражданства, кромѣ *русскихъ*. Всякій сепаратизмъ, всякое стремленіе къ обособленію, отдѣльныхъ ли національностей, или отдѣльныхъ учрежденій, отъ общаго хода *русской* жизни— мы считаемъ противнымъ *русскимъ* интересамъ и противъ сепаратизма мы боремся и не устанемъ бороться. Мы разумѣемъ силу Россіи въ тѣсномъ отеческомъ союзѣ Самодержавнаго Монарха съ русскимъ народомъ,—союзѣ, освященномъ вѣчными истинами православной вѣры. Въ этомъ нашъ несложный девизъ. Все, способствующее укрѣпленію этой идеи, намъ дорого, все малое или большое, противорѣчащее ей, намъ враждебно.

Главныя литературныя силы газеты нашей остаются въ томъ же составѣ, что и въ прежнее время. Изъ *столичныхъ* литературныхъ дѣятелей приметъ участіе извѣстный петербургскій фельетонистъ **Буква** (г. Василевскій), украшающій страницы *Новороссійскаго Телеграфа* пятнадцать лѣтъ. Изъ *мѣстныхъ* литературныхъ силъ будутъ принимать участіе: профессоръ **В. И. Шерцль, М. В. Неручевъ, Зео** (по беллетристическому отдѣлу) и др. Обзоръ иностранной литературы будетъ вестись доцентомъ всеобщей литературы **Л. Ю. Шепелевичемъ**.

Въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ у насъ имѣются постоянные корреспонденты.

Въ будущемъ году редакція будетъ по прежнему *помѣщать рисунки, касающіеся современныхъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей*, и пользоваться услугами своихъ столичныхъ корреспондентовъ, доставляющихъ ей важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ (законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ, финансовымъ и пр.). Сообщенія столичныхъ корреспондентовъ получаются нами и печатаются въ *Новороссійскомъ Телеграфѣ* 2—3 днями раньше обыкновеннаго появленія ихъ въ другихъ одесскихъ газетахъ.

Кромѣ телеграммъ „Сѣв. Тел. Агентства“, мы даемъ постоянно, въ теченіе цѣлаго года, *телеграммы отъ нашихъ столичныхъ корреспондентовъ*, которые, какъ по вопросамъ внутренней жизни, такъ и внѣшней политики государства, всегда присылаютъ свои сообщенія раньше „Сѣв. Тел. Агентства“ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ болѣе обстоятельной формѣ.

Новороссійскій Телеграфъ имѣетъ въ своей программѣ отдѣлъ „ЮРИДИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ“, предоставляющій редакціи право *разбора и обсужденія судебныхъ рѣшеній*; кромѣ того, редакція пользуется правомъ помѣщать рефераты судебныхъ засѣданій *военно-окружнаго суда*. Эти права имѣютъ не всѣ мѣстныя газеты.

Подписка принимается: въ Одессѣ, въ конторѣ редаціи, на Преображенской улицѣ, домъ Либмана, и въ отдѣленіяхъ газеты: при типографіи, Новая улица, домъ г. Озмидова, и на Молдованкѣ, Петропавловская улица, домъ г. Озмидова.

Кромѣ того, подписка принимается: въ **Кишиневѣ**: въ библіотекѣ А. Т. Гришенко. (Губернская улица, домъ Шилькреда) въ книжномъ магазинѣ М. О. Шаха. Въ **Николаевѣ**: въ конторѣ редакціи „Южанинъ“, въ книжномъ магазинѣ г. Шаха. Въ **Херсонѣ**: въ магазинѣ Н. Н. Михайловой и въ **Елисаветградѣ** у М. Н. Фонберга.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересылки.	Съ доставкою и пересылкой.		Безъ доставки и пересылки.	Съ доставкою и пересылкой.
На 1 мѣсяцъ	1 р. 20 к.	1 р. 20 к.	На 7 мѣсяц.	7 р. 50 к.	9 р. — к.
„ 2 „	2 „ 50 „	2 „ 75 „	„ 8 „	8 „ 50 „	10 „ — „
„ 3 „	3 „ 50 „	4 „ — „	„ 9 „	9 „ 50 „	11 „ — „
„ 4 „	4 „ 50 „	5 „ 50 „	„ 10 „	10 „ 50 „	12 „ — „
„ 5 „	5 „ 50 „	6 „ 50 „	„ 11 „	11 „ — „	13 „ — „
„ 6 „	6 „ 50 „	7 „ 50 „	„ 12 „	12 „ — „	14 „ — „

Для **годовыхъ** подписчиковъ **допускается разсрочка** въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или **полугодовые** (по 7 рублей къ 1 января и къ 1 іюня), или по **четвертямъ** года (по 3 руб. 50 коп. къ 1 января, 1 марта, 1 іюня и 1 сентября), то-есть, всегда за **мѣсяцъ впередъ** до наступленія срока разсрочки.

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 руб.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, **допускается подписка въ кредитъ**, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1893 года.

Для свѣдѣнія подавателей объявленій. Объявленія, печатаемыя въ *Новороссійскомъ Телеграфѣ*, расклеиваются на слѣдующихъ главныхъ станціяхъ юго-западной желѣзной дороги: ОДЕССА, КІЕВЪ, КИШИНЕВЪ, ЕЛИСАВЕТГРАДЪ, БАЛТА, ГОЛТА, ТИРАСПОЛЬ, БЕНДЕРЫ, ВОЛОЧИСКЪ, КАЗАТИНЪ, БѢЛОСТОКЪ, ГРАЕВО, ЖМЕРИНКА, ФАСТОВЪ, БЕРДИЧЕВЪ, ВИННИЦА, БИРЗУЛА, УНГЕНЫ, РАЗДѢЛЬНАЯ и др., всего на 40 станціяхъ юго-западныхъ линій, имѣющихъ протяженіе до 3.000 верстъ и обнимающихъ районъ семи южныхъ и юго-западныхъ губерній.

СПИСОКЪ ПОЛУЧАТЕЛЕЙ ГРУЗОВЪ, привозимыхъ въ Одессу по желѣзной дорогѣ, и свѣдѣнія о наложенныхъ платежахъ печатаются также въ *Новороссійскомъ Телеграфѣ*.

Редакторъ-издатель **М. Озмидовъ.**

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА НА 1893 ГОДЪ.

Въ **Ученыхъ Запискахъ** помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ **критики и библіографіи:** профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія, библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

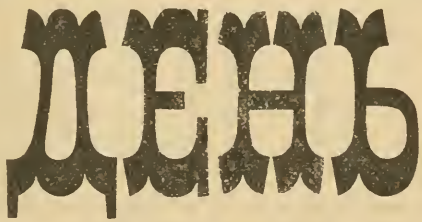
Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ НА

ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

на годъ.... 5 р.
на 8 мѣс... 4 р.
на 6 мѣс... 3 р.

За границу
на годъ 10 р.



на 4 мѣс... 2 р.
на 2 мѣс... 1 р.
на 1 мѣс.. 50 к.

Объявленія по 10 коп. за строку.

Адресъ: С.Петербургъ, Невскій просп., д. 20.

Выходитъ ежедневно. 12 кн. романовъ, разсказовъ и очерковъ.

Редакторъ *И. В. Скворцовъ.* Издатель *А. А. Греве.*

При подпискѣ на годъ допускается разсрочка — 1-й взносъ 2 или 1 р.—послѣдующіе по 1 р. 3—1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 Г.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Сѣвернаго телеграфнаго агентства“. V. Послѣднія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“. VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты. XVIII. Сторонніе сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки. . . .	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою. . . .	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 40 „
Съ перес. иногородн.	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ — въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ домѣ Питры.

Редакторъ-Издатель **А. А. Іозефовичъ.**

Въ 1893 году

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ,

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ

ежедневно

въ такомъ же большомъ форматѣ, какъ и въ предыдущіе годы.

Открывая подписку на *Одесскій Листокъ*, на будущій годъ, мы считаемъ излишнимъ давать какія-либо заманчивыя и—въ большинствѣ случаевъ—неисполнимыя обѣщанія. Дѣло наше, полагаемъ, само за себя говоритъ. Постоянные читатели *Одесскаго Листка*, на глазахъ которыхъ происходилъ его постепенный ростъ, согласятся, что мы не щадили до сихъ поръ никакихъ средствъ и трудовъ, „чтобы сдѣлать нашу газету отзывчивой, интересной, живой и разнообразной по содержанію“. Мы, какъ и раньше, въ теченіе девятнадцати-лѣтняго существованія *Одесскаго Листка* подъ нашей редакціей, будемъ неуклонно идти по пути улучшеній изданія, держась строго прежняго направленія, которое хорошо знакомо читающей публикѣ.

ВНИМАНІЕ. Желая предоставить нашимъ подписчикамъ возможность БЕЗПЛАТНО знакомиться съ русскою и иностранною прессой, мы, не останавливаясь предъ громадными затратами, открыли при редакціи КАБИНЕТЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ, въ которомъ въ 1893 году будетъ получаться **до 500 названій** русскихъ, славянскихъ, польскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, англійскихъ, испанскихъ, греческихъ, и другихъ газетъ и журналовъ, спеціальныя научныя изданія, а равно новые романы, повѣсти, разсказы, какъ русскіе, такъ и иностранные.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ съ правомъ безплатнаго чтенія всѣхъ русскихъ и иностранныхъ газетъ, получаемыхъ въ кабинетѣ для чтенія, въ городѣ съ доставкою на домъ: 10 р. въ годъ, 6 р. полгода, 3 р. 50 к. три мѣсяца, 1 р. 20 к. въ мѣсяцъ. На города съ ежедневною высылкой по почтѣ: 12 р. въ годъ, 7 руб. полгода, 3 руб. 80 к. три мѣсяца, 1 руб. 30 к. въ мѣсяцъ.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ: въ Одессѣ, по Ланжероновской улицѣ, въ домѣ редактора-издателя В. В. Навроцкаго, рядомъ съ Городскимъ театромъ.

Редакторъ-издатель **В. В. НАВРОЦКІЙ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

на литературно-политическую и экономическую газету

„ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ“

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1. Правительственныя распоряженія.
2. Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“, политическія и внутреннія извѣстія.
3. Общая и мѣстная хроника.
4. Статьи по всѣмъ отрослямъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, торговли и промышленности.
5. Обозрѣніе литературы по сельскому хозяйству и промышленности.
6. Корреспонденціи изъ городовъ и поселеній края и торговыя извѣстія изъ важнѣйшихъ по торговлѣ хлѣбомъ городовъ и портовъ.
7. Промышленно-экономическая исторія Оренбургскаго края.
8. Замѣтки по мѣстному городскому хозяйству и благоустройству.
9. Фельетонъ: вопросы мѣстной жизни, статьи по исторіи и этнографіи, повѣсти, бытовые очерки, разсказы, стихотворенія, рецензіи книгъ и журналовъ, театръ, музыка и проч.
10. Смѣсь.
11. Справочный отдѣлъ.
12. Извѣщенія и частныя объявленія.

Срокъ выхода три раза въ недѣлю, въ остальные дни городскимъ подписчикамъ разсылаются телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агенства“.

Подписная цѣна безъ доставки и съ доставкою городскимъ подписчикамъ 5 руб. за годъ, за полгода 2 руб. 50 коп., за три мѣсяца 1 руб. 50 коп.; съ пересылкою иногороднимъ за годъ 6 руб., за полгода 3 руб., за три мѣсяца 2 руб.

Первый номеръ газеты „ОРЕНБУРГСКІЙ КРАЙ будетъ изданъ въ свѣтъ въ первой половинѣ октября сего года. Затѣмъ въ декабрѣ сего года будетъ издано нѣсколько номеровъ, съ января же мѣсяца изданіе будетъ выходить правильно ТРИ РАЗА въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ. Лицамъ, подписавшимся на газету на 1893 годъ, будутъ БЕЗПЛАТНО разосланы номера изданія, имѣющіе выйти въ настоящемъ году.

Подписка на газету и объявленія принимается въ Оренбургѣ, въ типо-литографіи Б. А. Бреслина, по Николаевской улицѣ, въ домѣ Шошиной.

Редакторъ-издатель **Н. А. Баратынскій.**

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1893 ГОДУ ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціею В. М. Володимірова, при ближайшемъ участіи въ редакціи отдѣла гражданскаго права К. П. Змирлова.

Цѣна за годовое изданіе:

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 р., съ доставкой въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города 9 р., за границей 12 р., отдѣльно книга журнала 2 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, рѣшенія Кассаціонныхъ Департамента Сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 р.

Листы рѣшеній Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената разсылаются немедленно по выходѣ изъ Сенатской типографіи, за время съ 1 января по 31 декабря подписнаго года.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 4 рубля съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 рублей съ кассаціонными рѣшеніями 8 рублей и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны, сумма. Гг. дѣйствительные члены С.-Петербургскаго Юридическаго Общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну, то-есть 4 р. 50 к., а съ касс. рѣш. 8 р. 50 к. То же право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію *Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права*, С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, домъ 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ конторахъ журнала — при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Анисимова, рядомъ съ Публичною Библіотекой, Мартынова, Б. Морская, 28; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ и въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи—а равно въ конторѣ редакціи. Контора редакціи открыта разъ въ недѣлю, по субботамъ, отъ 2 до 4 часовъ.

—

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: за 1879, 1881, 1883, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 годовъ по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою нипо 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкой.

— 3. — Редакторъ **В. М. Володиміровъ.**

ПОДПИСКА.
На годъ 5 р. — »
За границу 8 » — »
Отдѣльн. № 6 » коп.

ПОДПИСКА.
На полгода 3 р. 50 »
На 3 мѣс. 2 » — »
На 1 мѣс. 1 » — »

На 1893 годъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА IV ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ОКРАИНА“

Единственный частный органъ въ Туркестанскомъ краѣ и Закаспійской области.

Газета политическая, общественная и литературная

выходитъ три раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ.

Редакція и контора г. Самаркандъ.

Вступая въ четвертый годъ изданія, мы имѣли пламенное желаніе расширить программу, развить отдѣлы и увеличить размѣръ газеты, но... по независящимъ отъ насъ причинамъ, должны смириться и довольствоваться тѣмъ, что уже имѣемъ.

Цѣль наша по прежнему—желаніе добра и свѣта.

Задача—по мѣрѣ силъ, быть проводникомъ назрѣвающихъ вопросовъ, работать и стремиться къ выясненію нуждъ края, служить къ освѣщенію насущныхъ вопросовъ мѣстной жизни, не упуская при этомъ случая по возможности отмѣчать и выдающіяся явленія изъ жизни всего цивилизованнаго міра, что можетъ интересовать читателя.

Мы были далеки отъ всякихъ рекламъ, много обѣщающихъ, мало дающихъ, въ чемъ, кажется, насъ и не могутъ ни обвинить, ни упрекнуть, а потому съ твердою вѣрой въ будущее, въ преуспѣяніе нашей далекой окраины, также твердо и упорно будемъ продолжать изданіе нашей газеты *Окраины* съ помощью тѣхъ же просвѣщенныхъ сотрудниковъ, желающихъ вмѣстѣ съ нами положить свою душу и голову на пользу нашего обѣтованнаго уголка дорогаго отечества, на который взоры устремлены въ настоящее время, чуть не со всего міра.

Фонды, торговая хроника, тиражи, базарныя цѣны Самарканда и другихъ городовъ Туркестанскаго края, мѣстныя извѣстія, корреспонденціи изъ городовъ Туркестана, Закаспія, Семирѣчья, Сибири, Россіи, некрологи, театральныя замѣтки, музыкальныя рецензіи, среди газетъ, анекдоты, стихи, замѣтки, письма въ редакцію, дневникъ происшествій, приказы по Туркестанскому округу, Самаркандской области и проч. Телеграммы Сѣверн. Телегр. Агентства и спеціальныя, росписанія почтъ, поѣздовъ и пароходовъ и т. п.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ редакціи въ городѣ *Самаркандѣ. Въ Москвѣ:* въ конторахъ объявленій бывш. Метцль, Мясницкая ул., домъ Спиридонова и у Л. Шабертъ, бывш. Мейеръ, Покровка, д. Бр. Салаевыхъ. *Въ Петербургѣ:* въ центральномъ агентствѣ объявленій Матисена, Конюшенная, № 29. *Въ Вѣрномъ:* у П. М. Зенкова.

Редакторъ-издатель **Н. В. Полторановъ.**

AP
50
R86
g.3
Nov.

Russkoe obozrîenie

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY